ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

святителя

ИГНАТИЯ

БРЯНЧАНИНОВА

Том

VII

Паломник
МОСКВА
2007 ПОРК

По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ

Составление
О. И. Шафранова

Общая редакция
А. Н. Стрижев

Седьмой и восьмой тома Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова, завершающие Настоящее издание, содержат несколько сот писем великого подвижника Божия к известным деятелям Русской православной церкви, а также к историческим деятелям нашего Отечества, к родным и близким. Многие письма Святителя печатаются впервые по автографам, хранящимся в архивах страны. Вновь публикуемые письма будут способствовать значительному пополнению имеющихся сведений о жизни и деятельности святителя Игнатия и позволят существенно обогатить его жизнеописания. Наши публикации серьезно прокомментированы авторитетными историками, филологами и архивистами. Каждому корпусу писем предпослано обширное вступление, в котором дается справка об адресатах и раскрывается характер их духовного общения со святителем. Письма святителя Игнатия Брянчанинова принадлежат к нетленным сокровищам православной мысли, и ценность их век от века только повышается. Потому что написаны они великим мыслителем, духоносцем и любящим Россию гражданином.

ISBN 5-88060-109-9

© «Паломник», 2006
© Оформление, Е. Б. Калинина, 2006

От составителя

Седьмой и восьмой тома Настоящего издания посвящены переписке святителя Игнатия Брянчанинова. В них включены: 1) письма, помещавшиеся ранее в 4-м и 7-м томах собраний творений Святителя[1]; 2) не входившие в эти тома письма из монографии Л. А. Соколова «Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения» (Киев, 1915); 3) не входившие также в те же тома письма из магистерской диссертации игумена Марка (Лозинского) «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия Брянчанинова» — машинопись в 8-ми томах (Троице-Сергиева Лавра, 1968)[2]; 4) весьма значительное число писем, только теперь обнаруженных в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды и Ярославля (ранее не публиковались); 5) письма корреспондентов святителя Игнатия, не входившие в собрания его творений, из различных периодических изданий и вновь обнаруженные в архивах.

Всего в седьмом и восьмом томах напечатано около 810 писем святителя Игнатия и 170 писем его корреспондентов. Если же добавить сюда письма, напечатанные в предыдущих томах, то общее их число в настоящем издании Полного собрания творений Святителя составит, соответственно, около 1100[3] и 200.

Письма святителя Игнатия в седьмом и восьмом томах (так же, как и в предыдущих) сгруппированы по адресатам и снабже-

---

[1] Печатались по репринтному изданию Собрания творений святителя Игнатия. М., 1993.

[2] Письма были сверены и выправлены по оригиналам, хранящимся в архивах.

[3] Следует отметить, что до сего времени наиболее полным собранием писем святителя Игнатия являлся сборник «Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского» (М.–СПб., 1995), изданный по материалам отца Марка (Лозинского). Он содержит 619 писем, причем многие из них напечатаны в сокращенном виде. Значительное увеличение числа писем в Настоящем издании не исключает, однако, что в будущем в разных архивных собраниях могут быть обнаружены и новые, неизвестные пока письма Святителя.

ны комментариями, что наполняет их в ряде случаев новым смыслом, делает более понятными и позволяет точнее судить о тех, кому они написаны. Из всей переписки, включенной в Настоящее издание, наибольший интерес, по нашему мнению, представляют: 1) письма к игумену Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскину (Кононову) — 3-й том (опубликованы впервые); 2) переписка с игуменом Иоанно-Богословского Черменецкого монастыря Антонием (Бочковым) — в 4-м томе; 3) письма к Высокопреосвященному Нилу (Исаковичу), архиепископу Ярославскому — 7-й том (публикуются впервые); 4) письма к выдающемуся государственному и военному деятелю Н. Н. Муравьеву-Карскому — 5-й том; 5) письмо святителя Игнатия к герою Севастопольской обороны П. С. Нахимову и ответ Нахимова на него — 8-й том; 6) переписка с делопроизводителем Сергиевой пустыни П. П. Яковлевым — 7-й том. Особую значимость имеют также разделы (помещенные в 6-м и 7-м томах), представляющие переписку святителя Игнатия с духовными деятелями, ныне прославленными Русской Православной Церковью в лике святых и преподобных: переписка с Митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) и Митрополитом Киевским Филаретом (Амфитеатровым), а также переписка с Оптинскими старцами и фрагменты переписки с Угрешским архимандритом Пименом (Мясниковым) (многие из этих писем публикуются впервые).

Большой массив впервые публикуемых писем потребовал расширить издание дополнительным, восьмым томом. Так что в 7-й том нами включена переписка святителя Игнатия с архиереями Русской Православной Церкви, с настоятелями монастырей и другими монашествующими, а также его переписка с учениками и сотрудниками по служению в Троицко-Сергиевой пустыни и Николо-Бабаевском монастыре. Содержание 8-го тома составляет переписка с мирянами — родными, близкими, друзьями, тут же помещены ответы на письма, посланные разными людьми по случаю.

Достоин внимания тот факт, что в эпоху, когда, по словам самого святителя Игнатия, «так называемый прогресс идет вперед, разрушая все», порождая «общее стремление всех исключительно к одному вещественному», многочисленные корреспонденты Святителя были людьми глубоко верующими, искренно преданными Церкви. В письмах к ним святитель Игнатий касается многих сторон духовной жизни, дает наставления и советы по возникающим недоумениям. Многие его письма весьма подробны, в них он отдельно останавливается на тех вопросах, которые считает

нужным разъяснить или по которым — преподать поучение: о необходимости предаться воле Божией, об отсечении своеволия, о должном отношении к искушениям, о борьбе со страстями, о скорбях, наконец, о правильном молитвенном устроении. При этом Святитель опирается на собственный опыт, но все же настоятельно рекомендует руководствоваться Священным Писанием и творениями святых Отцов. Тон этих писем покоряет чутким вниманием и благожелательностью: нет в них ничего менторского. «Безмерно милостивый и любвеобильный» — так писал о Великом подвижнике один из его учеников. Таким он и выглядит в своих письмах: участливым в скорбях, утешителем в искушениях, добрым, удивительно терпеливым наставником.

Чрезвычайно актуальны эти письма святителя Игнатия и в наше время. Большую пользу получат от их чтения все, кто желает совершенствовать себя в духовной жизни, а также и те, кто возвращается ныне в лоно родной Православной Церкви.

И еще на одну сторону писем святителя Игнатия следует читателям обратить внимание. В письмах к родным и самым близким людям он иногда подробно рассказывал о своих обстоятельствах, о своей деятельности, о заботах и переживаниях. Так раскрываются многие важные факты его биографии, остававшиеся до сих пор по существу неизвестными. В некоторых случаях новые сведения вносят коррективы в изложения тех или иных событий. Таким образом, значительно обогащая жизнеописание Святителя, эти письма позволят лучше понять и личность автора, и его характер, полнее ощутить его мудрость и проницательность.

Литературная одаренность святителя Игнатия, ясность и простота изложения выдвигают его письма в ряд блестящих образцов эпистолярного наследия. Чтение его писем полезно для духовного развития человека, оно поможет ему освободиться от тех искажений, которым подвергается ныне самое дорогое наше наследие — русский язык.

Публикуя письма святителя Игнатия, редакция бережно сохраняла особенности авторского написания слов и принятой им пунктуации. При этом соблюдались существовавшие в то время правила письменного этикета. Формулировки дат даны по тексту источника, недописанные слова раскрыты и дополнены — помечены угловыми скобками. Цитаты из Священного Писания при необходимости сопровождаются русским переводом по Синодальному изданию (выделены курсивом).

Архимандрит Иннокентий

Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с архиереями Церкви[1]

I

Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский

Продолжите о мне молитвы Ваши, чтобы Бог дал мне не наружный только покров белый иметь, но и сердце, и дела, очищенные по благодати Его.

Филарет, Митрополит Московский

Святитель Игнатий Брянчанинов, по занимаемому им служебному положению, входил в сношения со многими иерархами его времени. Среди них, по значимости взаимоотношений, по их продолжительности, первое место принадлежало выдающемуся церковному деятелю Митрополиту Московскому Филарету.

Очень немногое сохранилось из их переписки. Но и это немногое значительно дополняет то, что было написано об их взаимоотношениях.

Выдающийся церковный деятель и духовный писатель Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) родился 26 декабря 1782 г. в городе Коломна, где отец его служил диаконом в Кафедральном соборе. В 1803 г. он окончил Троицкую семинарию и был оставлен там учителем греческого и еврейского языков, а затем еще и поэзии. 16 ноября 1808 г. — пострижен в монахи и вызван

[1] Сопроводительные статьи, примечания, подборка и подготовка писем О. И. Шафрановой.

в Санкт-Петербург для преподавания в семинарии, в 1810 г. — переведен в Академию бакалавром и с 11 марта 1811 г. он ректор Петербургской Духовной академии и архимандрит (в 29 лет). В 1821 г., по предложению князя А. Н. Голицына, он был назначен на Московскую кафедру, а 22 августа 1826 г., в день коронации Николая I, возведен в сан Митрополита.

Знакомство Митрополита Филарета с отцом Игнатием Брянчаниновым произошло в 1833 г. В этом году, направляясь на родину в Псковскую губернию, в Санкт-Петербург прибыл Михаил Васильевич Чихачев. Приютила его там на несколько дней боголюбивая графиня А. А. Орлова-Чесменская. Чихачев рассказал ей, как трудно ему и игумену Игнатию в Лопотовом монастыре, как вредно сказывается на их здоровье тамошний климат. Анна Алексеевна посоветовала ему представиться Митрополиту Московскому Филарету, как раз находящемуся в Петербурге. Митрополит «весьма милостиво принял молодого послушника, отечески ласково выслушал его откровенный рассказ о бедственном положении игумена Игнатия, предлагал ему вопросы, из которых тот заключил, что Владыке не неизвестна прежняя их жизнь, а также и достоинства игумена Игнатия, которому он и предложил через Чихачева настоятельство в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре Московской епархии, и то на первое лишь время, обещаясь потом доставить ему еще лучшее место». И на другой уже день был послан указ в Вологду к Преосвященному Стефану о перемещении игумена Игнатия в Московскую епархию. Но, как известно, судьбой игумена Игнатия занялся сам Государь Император Николай I, и Митрополит Филарет личным письмом вызвал его уже не в Москву, а в Санкт-Петербург, причем пригласил его остановиться у него на подворье. Там и состоялось их знакомство. Об этом игумен Игнатий писал своим родителям. «Между тем продолжаю я жить на Троицком подворье, — пишет он в письме от 1 января 1834 г., — пользуясь особенными милостями Митрополита Филарета, который есть редкость в нынешнее время. С решительною приверженностию к православной Церкви соединяет он Христианскую деятельность и естественный проницательный аналитический ум. Каждый день, если куда не отозван, обедаю у него, и он бывает столько снисходителен, что весьма подолгу со мною беседует о духовных предметах».

Трудно сказать, как сложилась бы судьба святителя Игнатия, если бы он остался в монастыре, подведомственном Митрополиту Филарету. Может быть, Московский владыка благосклон-

но руководил его к высшим должностям, как это было с Преосвященным Леонидом (Краснопевковым)[1], и ему не пришлось бы переживать те скорби, которые выпали на его долю из-за близости столицы. А может быть, при его независимом самостоятельном характере ему еще труднее было бы из-за постоянной непосредственной опеки, которую Владыка Митрополит осуществлял над монастырями своей епархии[2].

Между тем установившиеся при первом знакомстве отношения продолжались. Митрополит Филарет очень благосклонно принял предложение архимандрита Игнатия назначить настоятелем Николо-Угрешского монастыря его знакомого иеромонаха Илария, содействовал назначению, по его же предложению, настоятелем Валаамского монастыря отца Дамаскина; в 1837 г. предлагал ему стать одним из цензоров и с пониманием принял его отказ; положительно отнесся к его мысли «переложить книгу Аввы Дорофея на язык более общеупотребительный»; в письмах своих неоднократно повторял, что «очень утешительно мне общение Ваше с моим смирением». Из писем видно также, что во время пребываний Митрополита Филарета в Петербурге архимандрит Игнатий не упускал случая увидеться с ним. К сожалению, последнее из сохранившихся писем относится к 1842 г., хотя из других источников известно, что переписка продолжалась, по крайней мере, до 1856 г.

В 1847 г. архимандрит Игнатий, получив отпуск для лечения, отправился в Николо-Бабаевский монастырь. По пути он заезжал на несколько дней в Москву. «Митрополит Московский очень добр, — писал он оттуда своему наместнику в Сергиеву пустынь, — постарел». Архимандрит Пимен (Угрешский) в своих «Воспоминаниях» описал их встречу более подробно. «Митрополит Филарет обошелся с ним [архимандиртом Игнатием] отменно приветливо, сделал ему самый почетный и радушный прием, неоднократно принимал его у себя и посещал в доме И. А. Мальцева, где он останавливался, и, пригласив его к себе на обед, собрал высшее московское духовенство, чтоб его с ним познакомить». А когда архимандрит Игнатий собрался ехать в Троице-Сергиеву Лавру, Митрополит Филарет написал туда наместнику архимандриту Антонию: «Будет у вас Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий. Примите его братолюбиво.

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 693–724. ‖ [2] Например, с сентября 1847 г. по март 1853 г. владыка Филарет посещал обители своей епархии более 150 раз.

Заговорите с ним о афонском иеромонахе Иосифе, которого он видит не так, как вы мне показывали прежде»[1].

Конечно, и после возвращения из отпуска архимандрит Игнатий не раз навещал и представлялся Митрополиту Филарету во время его пребываний в Петербурге. А о том, что между ними продолжалась переписка и иногда по важным церковным проблемам, свидетельствует еще одно письмо к отцу Антонию от 28 апреля 1852 г.: «Вот еще письмо, которое, по милости Святославского, дошло до меня через год, и, конечно, оставило писавшего в неудовольствии на мое молчание.

Видите, что о. архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий написал книгу против книги Фомы Кемпийского и желает, чтобы я ее видел и побудил его к изданию ее в свет. Не надеюсь, чтобы, если прочитаю книгу, мог я написать о ней то, что понравилось бы ему. Мне странною кажется мысль писать назидательную книгу именно против Фомы Кемпийского[2]. Мне кажется, всего удобнее продолжить молчание, в котором я до сих пор оставался невольно. Но сим дается ему причина к неудовольствию. Не читав книгу, если скажу, что не надеюсь быть с нею согласен, это будет жестко, а может, еще менее могу сказать мягко, когда прочитаю книгу».

В мае 1856 г. архимандрит Игнатий, по пути в Оптину Пустынь, заезжал в Москву на короткое время. Об этом имеется запись в дневнике о. архимандрита Леонида (Краснопевкова): «Перед тем как ехать, подкатила карета к крыльцу. Кто же? Отец архимандрит Сергиевской пустыни. Слышал я, что накануне он обедал у Владыки, и думал, как бы увидеть его, а он — как тут». Из письма Святителя к архимандриту Леониду от 17 декабря 1856 г. можно увидеть, что Митрополит Филарет был согласен с Митрополитом Григорием Петербургским, когда тот предлагал возвести его в сан епископа: «Искренно благодарю Вас за письмо Ваше от 11 декабря. Очень приятно было мне видеть из него расположение ко мне Святителя Московского. Полагаю, что вследствие отношений его с Преосвященным Григорием Петербургским последовало о мне представление от сего последнего в Св. Синод. Но един Бог ведает полезное человеку и обществу человеческому и потому устрояет судьбу человеков по своему премудрому промыслу».

А почти через год, в ноябре 1857 г., по пути в Ставрополь, в Москву заезжал теперь уже епископ Игнатий. Архимандрит Лео-

[1] Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Антонию. Ч. IV. М., 1884. С. 66. || [2] См. примечание: Настоящее издание, т. 5, с. 493.

нид 28 ноября 1857 г. записал в дневнике: «Преосвященный Игнатий был у Владыки 2 раза, вчера обедал у него и вечером навестил меня, как больного». Митрополит Филарет о первом посещении писал отцу Антонию 27 ноября 1857 г.: «Сегодня был у меня новый Преосвященный Кавказский. Благодушествует и с решимостью принимается за дело. Уже избрал себе нового ректора семинарии и инспектора и секретаря для консистории. Радуется о благоволении к нему владыки Новгородского. Но есть и скорбные вести, которые он подтверждает. О оптинских монахах, взятых в Иерусалимскую миссию, он думает, что их лучше бы удержать под опытным руководством старца Макария, чтобы употребить их для поддержания и распространения доброго монашества в России. Может быть, это и правда. Для Иерусалима могли бы найтись другие». П. П. Яковлев добавляет еще, что в Москве у Преосвященного Игнатия случился приступ его болезни, во время которой Митрополит прислал к нему своего доктора и сам навестил его.

В последующие годы Преосвященный Игнатий в письмах своих к о. Леониду (Краснопевкову) постоянно интересовался здоровьем Митрополита Филарета: «Уведомьте меня о здоровье Высокопреосвященнейшего Митрополита и о Вашем». И благодарил за сообщения: «Искренне благодарю Вас за уведомление о здравии Высокопреосвященнейшего Митрополита. Немудрено, что прозорливый старец ведет самую уединенную жизнь: из тишины своей келлии он видит те тучи, которые скопляются на горизонте»; «Весьма благодарю Вас за известие о Высокопреосвященнейшем Митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многоразличные бури».

Первое время по прибытии в Ставрополь Преосвященный Игнатий выражал удовлетворение своим перемещением: «Хотя здесь место новое и почти все надо заводить; хотя я страдаю от необычно суровой зимы, от особенного неудобства в помещении, но я спокоен и потому доволен». Но очень скоро он начал замечать противодействие своим распоряжениям по благоустройству Епархии со стороны ректора семинарии и некоторых членов Консистории.

Главным преткновением между ним и ректором семинарии архимандритом Германом был вопрос о преподавании осетинского и татарского языков, «общеупотребительных между горскими народами». В 1859 г., во время поездки епископа Игнатия по епархии, ректор Герман сделал самовольное распоряжение об отмене

при начале нового курса преподавания этих языков, заменив их изучением французского и латинского. Осенью 1859 г. ректора Германа перевели на ту же должность в Самару.

В «Полном жизнеописании святителя Игнатия Кавказского» написано: «В бытность епископа Игнатия на Кавказе митрополит [Филарет] принял под свое покровительство партию лиц, совокупившихся для противодействия епископу [Игнатию], под главным руководством протоиерея Крастилевского и ректора семинарии Епифания Избитского»[1].

Епифаний Избитский, из дворян Киевской губернии, римско-католического вероисповедания, недавно принявший православие и монашество, после отъезда архимандрита Германа в Самару занял его место в Ставрополе. Вначале «он показывал большую деятельность по должности своей» и епископ Игнатий ввел его «в лучшие отношения с местными властями гражданского ведомства». Но почувствовав уверенность в своем положении, он, якобы пользуясь покровительством Митрополита Филарета, начал интриговать против Епископа и вообще вести себя недостойно. А вот что пишет по поводу Епифания сам епископ Игнатий Преосвященному Леониду: «Письмо Ваше я храню как сокровище. Оно и есть сокровище. В нем показаны самые верные отношения Епископа к Ректору и Ректора к Епископу. Как эти отношения установил у себя и этих отношений постоянно держится мудрый и опытный Святитель Московский, то я счел обязанностию своею держаться их и держаться постоянно в сношениях моих с Архимандритом Епифанием. На днях я счел долгом моим показать благодетельное письмо Архимандриту, чтоб он увидел из письма тот образ мыслей, который имеют в Москве о обязанностях Ректора пред его Епархиальным Архиереем». В следующем письме: «О. Ректор Епифаний написал просительное письмо к г-ну Синодальному Обер-Прокурору о перемещении своем отсюда по неспособности выносить здешний климат. Я советовал написать ему и к Первосвятителю Московскому, что он, как говорит, и исполнил. И я писал к Его Высокопреосвященству, прося Его не оставить о. Епифания. Вместе с тем о. Ректор подал в Семинарское правление записку о своей болезненности; несмотря на эту болезненность, я просил его посещать меня от времени до времени, полагая, что моя беседа, не имеющая другого достоинства, кроме благонамеренности, может успокаивать дух его, в чем он очень нуждается. Усмотрев,

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 208.

что он приходит в совершенное исступление и самозабвение в то время, как подвергается вспыльчивости, что в это состояние он приводится другими и не замечает того, — я заключил, что он неспособен к должности Ректора. Недавно он сам высказал эту мысль: слава Богу, если он говорит искренно. Понять свою неспособность — великое благо! Очень понимаю, как Вы пишете, что один Первосвятитель старался и старается ввести в Высшую Иерархию новый элемент. Такое мнение разделял и наш покойный Митрополит Григорий. Но, кажется, одной Особе Вашего Преосвященства суждено оправдать избрание и мысль Московского Первосвятителя».

По поводу действий члена Консистории протоиерея Крастилевского епископу Игнатию пришлось не один раз обращаться в Святейший Синод. Смысл сводился к тому, что Крастилевский, имея от природы своевольный и дерзкий характер, при предшественнике епископа Игнатия «навык властвовать неограниченно над Епископом, Консисториею и епархиею». Епископ Игнатий входил в Святейший Синод с представлением об увольнении Крастилевского от звания члена Консистории, и представление это было удовлетворено. Но Крастилевский, «как человек весьма коварный и довольно знающий дело, избрал путь интриги, увлекая действовать в свою пользу людей посторонних». Исходя из таких обстоятельств, Преосвященный Игнатий направил в Святейший Синод отношение, в котором представил необходимость перемещения Крастилевского в другую епархию. В «Полном жизнеописании святителя Игнатия» утверждается, что «Преосвященный митрополит Филарет вскоре затем явно взял сторону врагов епископа»[1], и что «жена Крастилевского нашла доступ и покровительство своему супругу у Митрополита Филарета Московского»[2]. Успешное влияние их интриг выразилось в том, что отношение епископа Игнатия «осталось без последствий». Из этого утверждения создается впечатление, что 77-летнему «прозорливому старцу» Митрополиту Филарету, при всей его громадной занятости, при его ответственном отношении к своему сану, при частых недомоганиях, только и дела было, что покровительствовать какому-то протоиерею в его интригах против епископа Игнатия.

Л. А. Соколов, однако, в своей монографии полностью воспроизводит документы, которые свидетельствуют, что отношение, посланное Преосвященным Игнатием в Св. Синод, не осталось

[1] Там же. С. 312. | [2] Там же. С. 434.

без внимания и что Митрополит Филарет отнюдь не принял сторону его врагов:

«17 ноября 1860 года, граф А. П. Толстой писал С. П. Урусову, находившемуся в то время в Москве: «препровождая к Вашему Сиятельству заготовленный о протоиерее Константине Крастилевском проект Синодального протокола, покорнейше прошу Вас представить его на усмотрение Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета и просить его мнения: следует ли вообще отказывать в ходатайствах епархиальных Преосвященных об удалении из вверенных им епархий духовных лиц потому только, что к обвинению сих лиц нет юридических доказательств»[1].

Митрополит Филарет еще в молодые годы отличался рассудительностью в судебно-административных делах. «Он очень разумно подходил к решению важных вопросов, связанных с вынесением приговора провинившимся»[2]. Тем более осторожно и рассудительно он подошел к делу, касавшемуся такого близкого ему лица, как Преосвященный Игнатий. Он очень внимательно изучил документы и 24 ноября 1860 г. отправил к графу А. П. Толстому следующее заключение:

«Возвращая Вашему Сиятельству протокол по делу протоиерея Крастилевского, прилагаю записку.

Она писана вчера вечером, при самом чтении дела, и потому некоторые подробности, может быть, потребуют поверки, тем паче, что в протоколе некоторых частей дела показаны только заглавия, а не содержание.

В тридцатых годах еще я полагал, что до Архимандрита Игнатия может дойти жребий епископства и предлагал владыке Серафиму ввести его в Консисторию для ознакомления с делами. Но сего не сделано, и вот теперь Игнатий — епископ без предварительных приготовительных познаний.

Какое бы Святейший Синод не принял решение по сему делу, только, по моему мнению, такая неполная резолюция, какая в протоколе, неудовлетворительна. После ее протоиерей может говорить, что на то или другое Св. Синод не обратил внимания. Нужно ясным изложением недостатков и неправильностей убедить виновного протоиерея в виновности, а Преосвященному

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 1. Киев, 1915. С. 225. | [2] *Митрополит Иоанн (Снычев).* Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского. Самара, 1997. С. 226.

указать лучший порядок дел, чтобы не повторялись погрешности, которые особенно вредны, когда, не доходя до Св. Синода, не получают исправления.

Правило же, чтобы удалять священнослужителя по желанию Архиерея, без ясных доказательств вины, было бы в тягость подчиненным и в искушение Архиереям. Если беспокойный, может быть, раздраженный неспокойным действованием Архиерея, пойдет беспокоить другого Архиерея, за что сей будет отягощен бременем, которое бросает с своих плеч другой.

Первою причиною для удаления протоиерея Крастилевского в другую епархию представляется то, что он захватил власть в епархии во время Преосвященного Иоанникия. Но если сие и справедливо, то это кончилось с удалением попускавшего сие Преосвященного, и не нужно посему новое распоряжение, и потому, что протоиерей удален уже от Консистории, и потому, что нынешний Преосвященный своею законною твердостию, конечно, не допустит незаконного влияния.

Вторая причина: протоиерею приписывается путь интриги и составление партии. Но на сие явных доказательств в донесении Преосвященного не представлено.

Третья причина: протоиерей поместил в число деятелей свою супругу. Но ее действия видны в деле, как оно представлено от Преосвященного, только те, что она просила от епархиального начальства паспорта, и, не получив, взяла вместо того свидетельство от полиции. Последнее действие не совсем в порядке, но оно вынуждено отказом Консистории в паспорте и не составляет важного беспорядка в епархии.

Четвертая причина: протоиерей прикосновен к делу о убийстве смотрителя Устинского. Это дело важное, но как сие показание основано только на записке секретаря Васильева, который сам осужден Св. Синодом, то из сего нельзя вывести никакого заключения. Если же Преосвященный почитает сие обвинение неосновательным, то должно подвергнуть оное исследованию.

Пятая причина: словесный отзыв Архимандрита Герасима. Это не имеет законной силы в официальном деле.

Шестая причина: протоиерей имеет сердце самое жестокое. Но сердце ведает Сердцеведец Бог: человек должен судить по действиям доказанным.

Седьмая причина: рапорт секретаря Григоревского. Рапорт без дознания не есть законное доказательство, и в рапорте не видно никакого преступления протоиерея.

Осьмая причина: протоиерейша кричала в присутствии. Это не может быть причиною изгнания протоиерея из епархии. При том о сем нет журнала Консистории. Итак, если сие было, то секретарь виноват, что не предложил членам составить о сем журнал, а также и в том, что неприлично назвал протоиерейшу бабою. При том секретарь обнаружил непонимание закона, когда написал, что по закону паспорты выдаются только вдовам и девицам: закон ни мало не запрещает выдать паспорт протоиерейше для богомолья, с согласия мужа.

Девятая причина: письмо протоиерея. В сем письме несправедливо суждение протоиерея, будто Консистория, по его просьбе о паспорте для него, обязана была выдать паспорт жене его. Но это также не такая незаконность, за которую следовало бы изгнать протоиерея из епархии. Что протоиерей частью скромно, частью с нетерпеливостью намекает на могущую встретиться необходимость искать утешения инуде, и это великодушие Преосвященного, конечно, не признает требующим преследования.

Десятая причина: протоиерей не пошел на два преемственно назначенные ему места. Это неповиновение начальству, если нет особенных обстоятельств. Посему надлежало протоиерея подвергнуть ответу за неповиновение, законно определить, в какой степени он виноват, но сего не сделано.

Одиннадцатая причина: протоиерей и при нынешнем Преосвященном приводит епархию в колебание. Это страшное обвинение. Но в доказательствах виден один случай, неподписание ректором и инспектором протокола, и принятие ими рапорта от протоиерея Крастилевского. Случай сей не так важен, чтобы подтвердить вышеозначенное обвинение. Впрочем, ректора и инспектора надобно спросить, почему они не подписали протокола и почему решились принять рапорт от протоиерея, не имея на то права.

Но тогда как представления Преосвященного не имеют законной ясности и силы к обвинению протоиерея Крастилевского, сей протоиерей сам поставляет себя под обвинение прошением своей жены. В сем прошении есть один только предмет, о котором протоиерейша имела право говорить, это ее осуждение за выезд без паспорта. Но она примешивает к сему разные дела, в которые входить не имеет ни права, ни нужды. Она пишет о делах своего мужа, которые он может и должен защищать сам. Она прописывает резолюцию Преосвященного и Указы Св. Синода, которых никто ей не объявлял и которые она могла узнать

только незаконным путем. Она пишет безыменно и бездоказательно, что Преосвященный Игнатий дурных людей, не изучив их характера, взыскал незаслуженными милостями. Она позволяет себе пересуживать действия начальства, как например, что Попов произведен в протоиерея из учеников второго разряда, что в Указе Св. Синода не объяснено причины увольнения мужа ея от Консистории. Что сие прошение есть произведение не протоиерейши, а самого протоиерея, сие несомнительно потому, что прошение наполнено такими обстоятельствами, которых она не могла знать и которые известны ее мужу, как например, что он 10 месяцев заведовал судным столом, что Преосвященный сказал ему, что ему не в чем оправдываться, и проч.

Если справедливо, что протоиерей, которому Преосвященный сохранил резолюциею старшинство места в собраниях, действительно стал в церкви ниже священника, то это поступок неблагонамеренный, имеющий не иную цель, как возбудить ропот на Преосвященного, якобы не уважающего звание протоиерея и заслуженных отличий.

И то достойно осуждения, что протоиерей подал рапорт ректору и инспектору. По своей опытности, он не мог не знать, что они не имеют законного права принять оный, но пошел сею непрямою дорогою и ввел в искушение неопытных.

Изложенные обстоятельства дела ведут к следующим заключениям:

1) Преосвященному изъяснить, что в представлениях его недостает требуемой законом ясности и доказательности, и рекомендовать ему с большею точностью держаться законного порядка, и обвинения основывать на делах доказанных, а не на неопределенных замечаниях о характерах и свойствах лиц. 2) Протоиерея, на деле обнаружившего расположение непрямыми и неправыми путями причинять затруднения начальству, вывести в другую епархию была бы предосторожность не излишняя. Если же сие не угодно будет Св. Синоду, то, по крайней мере, надобно укротить его строгим выговором в присутствии Консистории за вышепоказанные поступки, с подтверждением, чтобы действовал прямодушно и не выступал из пределов закона. 3) Секретарю сделать выговор или замечание за неправильности вышесказанные. 4) Предоставить Преосвященному взять от ректора и инспектора объяснения, почему они не подписали определения и почему приняли от протоиерея рапорт, и представить Св. Синоду, с мнением. 5) По соображении с 284 ста-

тьею Устава Консисторий, не преждевременно ли Преосвященный удалил от присутствования ректора и инспектора. Определить сие зависеть будет от воззрения Св. Синода на дело. За голос, в суде несогласный с другими, закон не подвергает ответственности. 24 ноября. 1860 года»[1].

Л. А. Соколов пишет по поводу этого заключения: «Конечно, стоя на формально-деловой точке зрения в оценке дела протоиерея Крастилевского, мы не можем не признать, что замечания Владыки — Митрополита Филарета — правильны, а действия Владыки — Игнатия стремительны и настойчивы без послаблений, вызываемых человеческою слабостию и заслугами прошлого лиц небезупречных. Действительно, с точки зрения формальной в деле протоиерея Крастилевского мы находим много суждений об этом лице, основанных на общих «замечаниях о характерах и свойствах лиц» и мало фактической обоснованности, кроме разве случая жалобы на действия Крастилевского со стороны депутации горцев в Моздоке. В делопроизводстве формальная законность, конечно, соблюдена не вполне, хотя лично мы и не сомневаемся в прямоте и правоте действий владыки Игнатия. И неполнота и некоторая неопределенность делопроизводства о Крастилевском объясняется, на наш взгляд, не тем, что, как думает мудрый Владыка Филарет, Владыка Игнатий не был членом Консистории, ибо канцелярское делопроизводство им изучено достаточно за время всякого рода следствий по монастырям С.-Петербургской епархии и др., а скорее тем, что Владыка Игнатий при властности, решительности и настойчивости своего характера, в случае глубокой убежденности в правоте своего взгляда, как это было в деле Крастилевского, и принципиальности вопроса, затрагивающего дело веры и христианской жизни ближних, не хотел считаться с условиями юридическими, решая вопрос на почве моральной, а не номистической».

К этому следует добавить, что Высокопреосвященный Митрополит Филарет, найдя, что в отношении в Св. Синод Преосвященным Игнатием не соблюдена формальная законность, **сам определил те действия Крастилевского**, в которых тот обнаруживает «расположение непрямыми и неправыми путями причинять затруднения начальству» и за которые его «вывести в другую епархию была бы предосторожность не излишняя» или

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 1. С. 225–228.

«по крайней мере, укротить его строгим выговором в присутствии консистории, за вышепоказанные поступки».

Святитель Игнатий, скорее всего, не знал, какой ход получило его отношение о Крастилевском, не знал он и о заключении Митрополита Филарета, а судил об его действиях по всевозможным слухам, распространявшимся неблагонамеренными людьми, скорее всего, самим Крастилевским и его подручными. Впрочем, он никогда и не был так категоричен, как авторы его «Жизнеописания». Брату своему, П. А. Брянчанинову, он писал: «Я мирен к действиям Московского Митрополита и других; ибо они совершаются не без попущения Божия, а Бог приводит человека к духовным целям такими путями, которые по наружности имеют характер неприятностей и несчастий. Слава премудрости Всеблагого Бога нашего». И уже скоро все эти дела перестали его волновать: 5 августа 1861 г. состоялось, согласно его прошению, его увольнение на покой.

5 октября 1861 г. он писал Петру Александровичу: «По милости Божией я прибыл благополучно 30 сентября вечером в Москву, остановился у Преосвященного Викария [то есть у о. Леонида Краснопевкова], коим, равно как и Митрополитом, принят был очень ласково». При свидании с Митрополитом Филаретом он высказал ему волновавшие его мысли о воспитании юношества, приготовляющегося к служению Церкви — в том же духе, как он говорил и писал об этом Преосвященному Леониду[1]. Владыка Митрополит признавал слова Преосвященного Игнатия справедливыми, а свое невмешательство в дело духовно-воспитательное оправдывал старостию своею и отдалением от центра духовно-административного.

На другой день после свидания с Митрополитом у Преосвященного Игнатия случился приступ его болезни, он вынужден был обратиться к врачу и задержаться в Москве на две недели.

Преосвященный Леонид записал в дневнике: «Преосвященный в Лавру не заглядывал. О. наместник сказал здесь Митрополиту, что проехала свита Преосвященного Игнатия. «Какая?» — спрашивает он. «Черный пес да иеромонах». Вероятно, Митрополит не удержался, чтобы не высказать этого Игнатию, и потому он мимошел Лавру».

Уход епископа Игнатия на покой породил много разных толков. Но прозорливый старец, Митрополит Филарет правильно

[1] См. Настоящее издание, т. 6, с. 712, 731.

понял те мотивы, которыми он руководствовался. После свидания с ним он писал архиепископу Тверскому Алексию: «Преосвященный Игнатий неожиданно исторгнул себя из службы. Иные говорят, что это на время, до открытия высшей кафедры. А мне кажется, щастлив, кто мог законно устраниться от трудностей времени, дабы внимать Богу и своей душе. Преосвященный говорит, что он уступил своей всегдашней любви к созерцательной жизни и что состояние здоровья помогло решиться. Вид его показывает менее здоровья, нежели прежде. И он в Москве должен был употребить некоторое краткое лечение»[1].

Это было последнее свидание двух святителей в земной жизни. Но Преосвященный Игнатий всегда сохранял благоговейную память о старце Митрополите. «В бытность твою в Москве, — писал он брату 14 июня 1862 г., — тебе не мешает побывать у Митрополита и у Викария и принять благословение их, как у Святителей». А Преосвященному Леониду — 3 января 1863 г.: «С особенным утешением прочитал и описание отношений Государя Императора и Государыни Императрицы к Высокопреосвященнейшему Митрополиту. Это добро есть добро общественное. Бог соединил Царей и Иереев для блага человечества, странствующего на земле, поручив первым устроять временное благоденствие общества человеческого, а вторым приготовлять это общество к переселению в вечность и к блаженству в вечности. Представители обоих служений должны находиться в единодушии, как призванные к этому единодушию Самим Богом, и из благочестивого единодушия своего действовать»[2].

Наступил 1867 год. В августе намечалось празднование пятидесятилетия святительского служения Митрополита Филарета. По совещании с Преосвященным Леонидом, который руководил Комиссией по подготовке празднования, архимандрит Пимен (Угрешский) отправил письмо святителю Игнатию, в котором спрашивал, не пожелает ли он принять участие в работе Комиссии. 24 апреля 1867 г. Преосвященный Игнатий отвечал: «Равным образом очень благодарен тебе за уведомление, что 5-го августа сего года совершится пятьдесят лет служения его Высокопреосвященства, Митрополита Филарета, в сане епископа. Весьма желательно, чтоб адрес его Высокопреосвященству от общежительных монастырей был выполнен удовлетворитель-

[1] Письма Московского Митрополита Филарета Архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 238. ‖ [2] Настоящее издание. Т. 6. С. 742.

но. Самое дело показывает, что составление адреса должно быть поручено лицу: 1) знающему монашескую жизнь; 2) знающему действия Митрополита в пользу вообще монашества по Синоду; 3) знающему действия Митрополита по Московской Епархии; 4) знающему его частные действия. Адрес может быть силен единственно по числу и достоинству фактов».

Через шесть дней после этого письма, 30 апреля 1867 г. святитель Игнатий отошел в вечность. А через шесть с половиной месяцев, 19 ноября в вечность перешел Митрополит Московский Филарет.

Святитель Филарет Московский

Переложение увещательной песни св. Григория Богослова

Близок последний труд жизни,
плаванье злое кончаю
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня,
глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю,
и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня,
Жребий мой понесу на себе,
переселяясь отсюда, —
Жертвой себя предая скорбям снедающим дух.
Вам же, грядущие, вот заветное слово:
нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах[1].

[1] По книге: *Митрополит Иоанн (Снычев).* Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского. С. 577.

Письмо святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского, к Преосвященному Стефану (Романовскому), епископу Вологодскому и Устюжскому[1]

Преосвященнейший Владыко,
Достопочтенный о Господе Брат!

Из Указа Святейшего Синода, на сих днях последовавшего, известно Вашему Преосвященству, что Лопотовский Игумен Игнатий переведен Московской Епархии в Угрешский монастырь, ныне открылась надобность вызвать его в Петербург, по делам службы.

Из недавнего отправления Указа Святейшего Синода заключая, что он должен быть еще в Вологде, покорнейше прошу Ваше Преосвященство о следующем распоряжении:

1) Поспешите принятием Лопотова монастыря от Угрешского Игумена Игнатия.

2) По исполнении сего отправить его по надлежащему не в Москву, а прямо в Петербург с тем, чтобы он по прибытии явился ко мне на Троицкое Подворье.

3) Назначенные ему прогонные деньги обратить на сие путешествие, а есть ли бы случилось умедление в выдаче оных из Казенный Палаты, в таком случае выдать прогонные деньги по чину и по расчету до Петербурга, заимообразно, из сумм имеющихся в ведении Вашего Преосвященства, и о количестве выданных денег уведомить меня для возвращения оных.

О последующем по сему я буду ожидать от Вашего Преосвященства уведомления, пребывая с истинным и совершенным почтением Вашего Преосвященства покорнейший слуга

Филарет, Митрополит Московский.

№ 301
15 ноября 1833 г.
Его Преосвященству Стефану Епископу
Вологодскому и Устюжскому и Кавалеру.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 2.

Письма святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского, к святителю Игнатию[1*]

№ 1

Преподобный Отец Игумен. Судьба Божия, поставив меня с Вами в сношение по службе, в то же время открывает случай, чтобы мы друг друга узнали в лице. Я сему рад: только забочусь, не было бы сие путешествие трудно для вас в сие время года, по вашему здоровью, как я о нем слышал: но надобно, чтобы вы были в Петербурге; и я не могу переменить сего. Приехать можете прямо ко мне. Бог да благословит Вас, и наставит на путь мира.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Нояб. 1, 1833
СПб.

№ 2

Чтобы Вы, Преподобнейший Отец Архимандрит, успокоили помысл об о. Иларии[1], извещаю Вас, что к Преосвященному Вологодскому писал я после того, как говорил о сем с Вами, в следующее утро; а потом и прошение его получил, а в Москву на случай приезда его приказание дал. Мир Господень с Вами.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Февраль 15, 1834

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 659.

№ 3

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Иеродиакон Ираклий сделал то доброе дело, что доставил мне случай иметь от Вас письмо. Только желаю лучше слышать о вашем здоровье, нежели о болезни, хотя, впрочем, и болезнь в путях провидения не есть зло, по реченному: по множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою.

Со взаимною откровенностью скажу Вам о Ираклии, что во время службы его при мне я не замечал в нем зла и беспорядка:

[1*] Богословский Вестник. 1912. Сентябрь–декабрь. С. 628–638.

но при случаях производства в иеромонашество ближайшие над ним смотрители дважды представляли не его, а других, находя тех более достойными, хотя не были старше его. Я принимал в соображение сие свидетельство, не имея причин подозревать оное в пристрастии. Теперь вопрос: по оскорбленному желанию высшей степени или по желанию доброго наставления желает к Вам Ираклий? Может быть, и по сему последнему; или, может быть, чрез первое Бог ведет его к последнему. Я во всяком случае уволить его согласен. Решите сие дело, как вам угодно.

Мир и благословение Божие призываю Вам и сущим с вами.

Филарет, М<итрополит> Московский.
М<осква>.
Июль 30, 1834

№ 4

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Обещав вам чрез о. Михаила, что исправлюсь от моего невежливого молчания, пишу сие малое слово, чтобы сдержать слово. Воспоминания Ваши обо мне всегда принимаю с благодарностью, так как и Вас воспоминаю с любовию. Если бы можно посылать мысли без употребления труда и времени писать оные, Вы часто имели бы мои. Поищите мне сего способа; а до тех пор помедлите гневаться на мое неписание или, по крайней мере, до того времени, когда можете в лицо сказать мне Ваше обличение, что, может быть, не в долге сделается возможным.

С истинным почтением есть

Вашего Высокопреподобия усердный слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Апр. 26, 1835

№ 5

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Сейчас встретился я с Вами в письме Вашем, и утешен Вашим о мне воспоминанием. Благовременно сие для меня между прочим и потому, что, по долгу послушания священной воле Благочестивейшего Государя, зрю на путь к новой столице; и утешение воспоминания обнадеживает утешением беседования лицем к лицу.

Благодарю, что воспоминание о мне соединяете с молитвою. Немощь моя имеет нужду в сей помощи.

Что смирение Ваше говорит о преткновениях на пути духовной жизни, — сие внимание добро, и полезно, и само по себе уже охранительно. Благодать же Божия, при данном Вам разуме пути Господня, да управит шествие Ваше ко спасению и руководство вверенных Вам, стопами твердыми и непоколебимыми, по заповедям Божиим, со свидетельством слова Божия и Духа Божия, сосвидетельствующего духу верующему и чисте молящемуся. О сем моляся, благословение Божие призываю Вам с искреннею к Вам любовию и почтением.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Дек. 3, 1837

№ 6

С уважением читаю размышления в письме Вашем, Преподобнейший Отец Архимандрит. Но должно ли согласиться и с Вашим заключением, сие требует еще размышления. Впрочем, мысль дать Вам новый труд не мне одному принадлежит, и не мною одним уничтожена быть может. Дело сие не торопится. Будет время размыслить и, может быть, еще раз беседовать о сем с Вами.

Вы вчера по глазам моим угадали болезненность, которая к вечеру сделалась было тяжкою, и не прошла еще ныне.

Здравие Вам и мир Господень.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Дек. 22, 1837

№ 7

Благодарю Вашему Высокопреподобию, что помогаете общим заботам. Вести о о. Палладии утешительны. Да возрастит Господь благое, и да обессилит искушения.

Для Валаамской обители желателен начальник, не наружный токмо делатель; но и духовный подвижник, могущий преподавать братии разум спасения. — Мысли и соображения Ваши будут мне полезны для моих размышлений; но не почитаю правильным войти в дело столько, чтобы я предложил в настоятели

кого другого, не только в Св. Синоде, но и в беседе со Владыкою. О чем он спросит, о том и я с ним рассуждать не отрекусь.

Мир Господень Вам и Вашему во Христе братству с любовию призываю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Окт. 31, 1838

№ 8

Константинопольский, бывший при Нектарии, после Карфагенского: потому что такой порядок во втором правиле Трульского собора.

Церковь есть не только повсеместная, христиан православных всех мест объемлющая, но также и всевременная. Посему греческое наименование Кафолической, в котором нет понятия о месте, и которое потому заключает под собою всеобщность места и времени, — лучше выражает наименование повсемественной Церкви.

Слова Лютера так ужасны и гнусны, что не знаю, хорошо ли осквернять ими православную страницу, и не лучше ли сказать читателю: посмотри такую-то книгу, а я не хочу писать диаволо вдохновенных слов.

Примечание к правилу о Ангеловцах посылал я к Вам вчера: но как Вас не застали, то отдал Архимандриту Платону, который хотел ныне рано послать в типографию. Потребуйте листа с примечанием.

Вот и конец Карфагенского собора.

Ноябр<ь> 5, 1838

№ 9

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Уважаю избравшего Вас посредником, так как и все семейство его; и желаю исполнить его желание. Но боюсь решительно обнадежить в исполнении, потому что мы не имеем власти перемещать по произволу, как имеют светские начальства. Ежели бы мне сказали причину, то, вероятно, дали бы мне более силы исполнить дело, которым [утешить] добрых и уважаемых людей искренне желаю.

Призываю Вам благословение Божие, молитвам Вашим себя поручаю.

Филарет, М<итрополит> Московский.
Москва.
Сент. 22, 1841

№ 10

Преподобнейший Отец Архимандрит!

До того занимала меня мысль, что долго не отвечаю на два занимательные письма Ваши, что на сих днях, во сне, кто-то мне сказал о Вашем приезде, и на вопрос, где Вам остановиться? — я ответствовал: у меня. Пока нет сего наяву, я доволен моим ответом во сне, который не без правды и в том отношении, что за сим получил я Ваше третье письмо.

Жаль, если и доброе направление нынешнего Валаамского Игумена не довольно врачебно для принесенных в обитель болезней. Ваши посещения и сношения должны помогать сему, при доверенности и полномочии от высшей власти.

От подначальных немало зла монастырям. Кажется, надобно подумать, чтобы некоторые обители особенно образовать в качестве исправительных, с приличными правилами и способами.

Мысль переложить книгу Аввы Дорофея на язык более общеупотребительный, да поможет Вам Бог в действии, со вниманием, чтобы язык был и прост и точен.

Мудрование и деяния монаха Порфирия стоили ль труда, который Вы употребили на изложение их? Как уже довольно давно было видно, что он не подчиняет своего мудрования Вашему руководству, то, по моему мнению, давно пора освободить Вашу обитель от его самочиния и Петербург от его поучений.

На себя, по-прежнему, жалуюсь Вам, как на болезненного и потому мало деятельного. Вот, мой и Ваш праздник приближается, и я еще не знаю, в силах ли буду предпринять путь в Лавру.

Мир и благословение Божие с любовию Вам призываю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Филарет, М<итрополит> Московский.
Москва.
Сент. 22, 1841

О. Казначею мое доброе воспоминание и поклон.

Откровенная и стремлением к добру одушевляемая беседа М. М. А. оставила во мне доброе воспоминание. Господь да утешит Его утешением временным и вечным.

№ 11

Хотя Вы запрещаете мне, Преподобнейший Отец Архимандрит, писать, однако я не могу на приятные черты братолюбием водимой руки не отвечать подобным образом. Очень утешительно мне общение Ваше с моим смирением, и для меня не только приятно, но, надеюсь, и назидательно было бы разделить с Вами молитву и беседу и видеть устроение братии Вашей. Но невольник я и моих занятий и моих немощей, и потому не в силах Вам обещать того, от чего отказываться отнюдь не желаю. Желание и благодарность мою примите, а исполнение да строит Господь. Благословение Божие и мир Вам и братии Вашей с любовию призываю.

Филарет, М<итрополит> Московский.

СПб.

Мар<т> 10, 1842

Письма святителя Игнатия к святителю Филарету, Митрополиту Московскому[1]

№ 1

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердия участвовать в Цензуре духовных книг, — то внезапность вопроса не дозволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу деятельность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург, для общих совещаний с прочими членами цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений к членам Святейшего Синода, в случае

[1] Письма № 1 и № 2 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 2. Письмо № 3 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 11 — публикуется впервые.

их нездоровья или отлучки должен повторить приезд. Для человека, живущего в Столице и пользующегося здоровьем, сие удобно и легко; но мне при сильном расстройстве нерв, загородному жителю, до безмерия отяготительно. За каждую поездку в город плачу дорого; должен лежать целые сутки, так ослабну, так заломит все кости! По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на коем скрыт бесценный бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов — уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, — не могу без очевидного бедствия душевного вдаться в море забот внешних, суждений, прений, выездов, — в жизнь путешественника. Самым пребыванием в Сергиевой Пустыне до зела отягощаюсь, — и единственно потому не утруждаю просьбою о увольнении из оной Государя Императора, чтобы не быть перед Ним до конца неблагодарным — молчу до времени, ожидая, что перст Божий укажет мне приличное к уединению время. О сем прилежно молю Господа. — Изволили также спрашивать: чем я занимаюсь? Позвольте, нет у меня лишнего времени. Не говорю уже о том, сколько оного похищает у меня слабость тела, монастырские заботы, — а паче всего выезды.

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушилн Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедят Вас оставить грешного Игнатия плакатися о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на страшном Суде Христовом собственных грехов и Настоятельского ига, недостойно носимого. — Прошу святых молитв и прощения за многословие.

Архимандрит Игнатий.
21-го декабря 1837

Его В<ысокопреосвященст>ву,
Филарету, Митроп<олиту> Московскому

№ 2

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивый Архипастырь и Отец!

Позвольте мне и в единонадесятый уже час поздравить Вас с пресветлым праздником Воскресения Христова и приветствовать радостнейшим приветствием: Христос Воскресе.

С того времени, как узнал я, что Вы должны провести нынешнее лето в Петербурге, не могу не беспокоиться насчет Вашего здоровья, коим запасаетесь Вы в продолжении лета на целый год. Кажется, Сергиева пустынь относительно воздуха могла бы заменить Москву, более других окрестностей Петербургских, если б Вы благоволили провести в оной нынешнее лето. Комнаты сухие, при Вашей неприхотливости весьма достаточны, кухня особенная, стойла для шести лошадей, навес для кареты, для Секретаря особенная, отдельная и поместительная комната, для келейника так же, земляники в саду предовольно.

Прошу Вас и молю, Высокопреосвященнейший Владыко, не отриньте сего усерднейшего приглашения!

Не нужно говорить, сколько братия и я были бы утешены Вашим присутствием. Нашу радость разделили бы все те, кои к Вам привержены и кои готовы Вас встретить, заботиться о Вашем летнем пребывании, как бы о верном залоге вашего здоровья.

Высокопреосвященнейший Владыко! Прошу Вашего Архипастырского Благословения и молитв. С истинным высокопочитанием и преданностью честь имею быть Вашего Высокопреосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
30-го апреля

№ 3

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Здесь нашел я молодого Иеромонаха Даниила с весьма хорошими способностями, но с пьянственною слабостию, за которую он исключен из Киевской Академии, на Коневце он ведет себя довольно воздержанно. Я предложил ему заняться переводами святых Отцов, и с утешением увидел его готовность

к таковому труду. Наше монашество крайне нуждается в книге св. Аввы Дорофея, которая, по мнению Нямецкого Паисия, есть первая книга, долженствующая быть в руках новоначального. Эту мысль разделяло все опытное монашество, и даже сам Феофан Новоезерский[1], хотя дух Новоезерского братства был и есть совершенно противный духу этой книги, основывающей все здание добродетелей монашеских на откровеиии помыслов. В Сергиевой Пустыне я распространял сколько мог сию книгу, покупая для нее и издаваемую с оною книгу Ефрема Сириина; несмотря на то, что имеем до двадцати экземпляров, и еще нуждаемся; в особениости новоначальные отягощаются наречием Словенским. Как сочинение Аввы Дорофея находится у меня в Голландовой библиотеке на Греческом и Словенском языках, так думал бы я занять Даниила переводом оных на Российский язык, разумеется, в пользу казны, если труд сей найдет покровительство Вашего Высокопреосвященства, о чем прошу милостивейшего уведомления хотя чрез моего Казначея: ибо зная множество занятий Ваших, я не желал бы, чтоб Вы утруждали для меня многотрудящуюся руку Вашу. Теперь занимаюсь пересмотром книги св. Исаии Отшельника, и очень утешаюсь обильною духовною пользою от оной точащеюся. О когда бы наши монашествующие вместо газет и жизни Наполеона занимались Дорофеем, Исаиею, Макарием и прочими деятельными Отцами.

За тем поручаю себя и братство Отеческой любви, Архипастырскому благословению и молитвам Вашего Высокопреосвященства, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший послушник

А<рхимандрит> Игнатий.

Август 1841 г.

Имею честь представить Вам новоизбранного Казначея Сергиевой Пустыни Иеромонаха Игнатия.

[1] *Феофан Новоезерский...* — См. с. 168–175.

II
Святитель Филарет (Амфитеатров), Митрополит Киевский

И белое покрывало главы
требует чистоты сердца —
а украшенное цветами напоминает
об украшении души всеми
христианскими добродетелями.
Филарет, Митрополит Киевский

Н. С. Лесков в своей повести «Мелочи архиерейской жизни» приводит слова, сказанные Государем Императором Николаем I: «О церковном управлении много беспокоиться нечего: пока живы Филарет мудрый [Дроздов] да Филарет благочестивый [Амфитеатров], все будет хорошо»[1].

Святитель Филарет (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров; 17 апреля 1779 – 21 декабря 1857) родился в селе Высоком Орловской губернии в семье священника. В 1798 г. окончил Орловскую семинарию и в том же году был пострижен. В 1802 г. он ректор Орловской семинарии, в 1804 — Оренбургской, в 1810 г. — Тобольской семинарии; в 1814 г. инспектор Петербургской Духовной академии и в этом же году — доктор богословия, в 1816 г. — ректор Московской Духовной академии. В 1817 г. он архимандрит Ново-Иерусалимского монастыря; в 1819 г. — епископ Калужский, в 1825 — Рязанский, в 1826 г. — архиепископ. В 1828 г. переведен на Казанскую кафедру, в 1836 г. — на Ярославскую. С 1837 г. он Митрополит Киевский.

За время преподавания в Московской академии он из своих академических лекций составил полную систему Догматического Богословия. С этого времени между ним и ректором Петербургской Духовной академии Филаретом (Дроздовым, будущим Московским первосвятителем) «утвердилась та внутренняя искренняя духовная связь, которая во всю жизнь их продолжалась неизменно».

В период пребывания Преосвященного Филарета (Амфитеатрова) на Калужской кафедре, Оптина Пустынь нашла в нем «на веки незабвенного благодетеля». Задумав создать там Скит, он поручил настоятелю игумену Даниилу выбрать на пасеке удобное для него место (на котором постоянный благодетель Пустыни купец Брюзгин построил келлии) и пригласил туда монахов, известных своей подвижнической жизнию.

---

[1] *Н. С. Лесков.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1957. С. 457.

На Ярославской кафедре Преосвященный Филарет пробыл всего семь месяцев: с 17 сентября 1836 г. по 18 апреля 1837 г. Все это время он должен был находиться в Петербурге, как член Синода. Епархией он управлял заочно, тем не менее занимался ее делами достаточно усердно, как это видно на примере Югской Дорофеевой пустыни. Именно в это время началась его активная переписка с архимандритом Игнатием Брянчаниновым по поводу перехода в Югскую пустынь иеромонаха Варфоломея, рекомендованного последним для занятия там настоятельской должности[1]. В последующие годы переписка между Митрополитом Киевским Филаретом и архимандритом Игнатием носила чисто дружеский характер: к опубликованным ранее 13 письмам Митрополита Филарета в настоящем издании добавлено еще одно из «Полного жизнеописания святителя Игнатия».

Святитель Игнатий писал: «Преосвященный Филарет, Митрополит Киевский, пастырь, имеющий помазание благодатное, сказал мне следующие благодатные слова: «Те наставники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу». Еще он писал: «Сей Архипастырь есть лучший из всех Российских Архиереев». Помимо других положительных качеств, Преосвященный Филарет отличался необыкновенной, «истинной», добротой и неподдельным «смиренством». Н. С. Лесков в указанной выше повести приводит ряд примеров этой его доброты. Святитель Игнатий тоже писал о нем: «Добрый старец». В жизнеописании святителя Игнатия имеется рассказ об одном случае, характеризующем Филарета Киевского: «Однажды архимандрит приехал навестить Митрополита. Последний, встретив его и пригласив сесть, с нерешительностью говорит ему: «Не знаю, сознаться ли?» — «В чем?» — спросил, улыбаясь, архимандрит. «Да вот, опасаясь возношения по причине почестей от человеков, ради смирения себя, сшил себе мухояровый[2] подрясник и сего дня обновил его». Архимандрит взял полу этого подрясника, плюнул на нее, растер и сказал Высокопреосвященному: «В золоте ходите, но думайте о Церкви! В этом послушание Ваше и смирение Ваше». И по его совету Митрополит снял мухояровую одежду»[3].

За семнадцать лет до кончины, в 1840 г., Митрополит Филарет (Амфитеатров) принял схиму с именем Феодосия. Но схимником он был только в частной жизни, скрытой от посторонних

[1] См. с. 114–116. ‖ [2] Мухояр — дешевая бумажная ткань с примесью шерсти или шелка. ‖ [3] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 205.

глаз. В общественной жизни он до конца оставался Митрополитом Киевским.

Письма святителя Филарета (Амфитеатрова), Митрополита Киевского, к святителю Игнатию[1]

№ 1

Преподобнейший Отец Архимандрит,
Возлюбленный о Господе брат!

Очень жалею, что болезнь Ваша так долго продолжается, и так долго лишает меня удовольствия видеть Вас. Молю Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, да возвратит вам здравие Ваше, на подвиги Святого Великого поста, с наступлением коего, яко вожделеннейшего для душ наших времени, усердно поздравляю Вас.

Настоятель Югской Дорофеевой пустыни по прошению его на сих днях уволен от должности Строителя. На время поручил я управление оною Петровскому игумену Киприану, доколе прибудет к нам из Белобережской пустыни отец иеромонах Варфоломей. Сделай милость, брате, напиши к нему братолюбное увещание, чтобы он, возложивши упование свое на Господа Бога, не отрицался от звания свыше на попечение о братстве Святыя обители Югския. Прошу известить меня, не пишет ли он к Вам о своем согласии. Ежели бы он пригласил с собою сколько ему угодно братии по сердцу своему, я бы принял всех с совершенною любовию. Весьма желательно насадити виноград истинно монашествующих во вверенной мне пастве, отрасли его простругся и на другие страны Севера. Помогите мне в сем деле Господа ради. На второй неделе поста я хочу просить Святейший Синод прямо определить о. Варфоломея настоятелем Югской пустыни, но боюсь, не отказался бы. Дайте мне Ваш совет — ибо Вы хорошо знаете сего старца. Призывая на Вас и на всю святую братию Вашу — благословение Божие с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею честь навсегда пребыть

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, Архиепископ Ярославский.

1 марта 1837 г.

[1] Богословский вестник. 1913. Март. С. 405–417.

№ 2

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Возлюбленный о Господе брат!

Извольте и письмо мое приложить к о. Варфоломею для удостоверения его — известить его, что на путевые издержки к нему имеет быть прислано надлежащее количество денег с избытком. Призываю на Вас благословение Божие.

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, А<рхиепископ> Ярославский.

3 марта 1837 г.

№ 3

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Любезный о Господе брат!

Из прилагаемого при сем письма изволите увидеть, что о. Варфоломей пожелал принять на себя послушание настоятельства в Югской пустыни. Почему я и определил его в сие звание согласно указу Святейшего Синода. Прошу Вас ободрять его надеждою на всесильную помощь Божию. А я с своей стороны поручу его в особенное покровительство нового Ярославского Архипастыря — исполненного ревности по благочестии.

Призывая на Вас благословение Божие с пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

28 июня 1837 г.

№ 4

Преподобнейший Отец Архимандрит!

Любезный о Господе брат!

И белое покрывало главы требует чистоты сердца — а украшенное цветами напоминает об украшении души всеми христианскими добродетелями. Помолитесь, отче, со всею любезною о Христе братиею, да служение мое Церкви святой непостыдно явится пред лицем Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Об о. Варфоломее и теперь напишу к Преосвященному Ярославскому — и всегда буду его помнить за его послушание истинно иноческое.

Призывая на Вас благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею навсегда пребыть
Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга

Филарет, Митроп<олит> Киевский.

№ 5

Преподобнейший Отец Архимандрит!
Возлюбленный о Господе брат и сослужитель!
По ходатайству Вашему исполню все, что от меня будет зависеть. Служителей олтаря Господня надлежит ободрять как в награду трудов, так и в поощрении другим. Всем сердцем разделяю с Вами крест Ваш. Господь Бог и Спаситель наш Иисус Христос, единая радость и надежда наша, Собою освятивший нам грешным крестный путь и жизнь вечную, да ниспослет в доброе и благочестивое сердце Ваше утешение Святаго Духа. Любящим Бога вся поспешествует во благое.
Призывая на Вас и на вверенную Вам обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду дондеже есмь
Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.

О Ските Нила Сорского не нахожу пути ходатайствовать по известным вам причинам. Надлежит отложить до благоприятнейших обстоятельств.

7 июня 1837 г.

№ 6

Преподобнейший Отец Архмандрит Игнатий!
Любезный о Господе брат и сослужитель!
Искреннейшую приношу Вашему Преподобию благодарность за память о моем недостоинстве при наступлении нового лета благодати Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Благочестивое писание Ваше я получил с душевным удовольствием — большей радости не имам, возлюбленне, как видеть братий во Христе Иисусе, преуспевающих в подвигах иноческой жизни вечной и созревающих к наследию жизни вечной. Благодарю Господа Иисуса Христа, надежду нашу, подавшего Вам силы к благодушному перенесению скорби Вашей. Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное. Взираю-

ще на Начальника и Совершителя веры нашея Иисуса, иже вместо предлежащей Ему радости претерпе крест. За Ним последовали целый облак преподобных, празднуемых ныне Церковию, для указания и нам грешным пути, ведущего в Царствие Небесное. А у моего недостоинства всегда пред глазами святые пещери, благоухающие Духом Святым — в них же почивают толикое множество преподобных Российския Церкви угодников Божиих нетленные честные мощи. Взирая на них, окаеваю наше суетное житие, так далеко отстоящее от их подвижнической святой жизни — как земля от неба. Помолись, брате боголюбезный, да сподобит Господь по немалейшей части коснуться богоугодного их жития — доколе не воззвани будем в вечность. Приветствую Вас с наступлением вожделеннейшего для иноков времяни святыя и освящающия Четыредесятницы. Дай, Господи, совершить Вам подвиг святого поста в молитвенном духе и в радости святых сретить светлый праздник Воскресения Христова.

Призывая на Вас и на вверенную Вам обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

8 февраля 1841 года

№ 7

Преподобнейший Отец Архимандрит Игнатий!

Возлюбленный о Господе брат и сослужитель!

Приношу Вашему Преподобию искреннейшую благодарность за память о моем недостоинстве. Доставленное братом обители Вашей Отцом Игнатием письмо получил и прочитал с духовною радостью — видя Ваше преуспеяние в иноческой жизни в терпении и благочестивых подвигах. Подвизайся, брате, на сем крестном пути, взирая на образ жизни Преподобных и Богоносных отец наших, проложивших наш путь ко спасению.

Призывая на Вас и на вверенную попечению Вашему обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию имею пребыти навсегда

Вашего Преподобия усерднейший слуга

Филарет, М<итрополит> Киевский.

21 июля 1841 года — Киев

№ 8

Преподобнейший Отец Архимандрит Игнатий!

Возлюбленный о Господе брат!

Писание Ваше ко мне получил я от смиренной рабы Божией Авдотьи Терентьевой. За любовь Вашу к моему недостоинству приношу Вам искреннейшую благодарность. Первая, всегдашняя, теплая, хотя и недостойная молитва моя к Господу Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице Заступнице нашей усердной — о матери нашей Православной Церкви, породившей нас Духом Святым и воспитавшей нас в уповании в наследие жизни вечной. Утверждение на Тя надеющихся, утверди Господи Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию. Он Всеблагий всевидящими и милосердными очами своими призирает на Церковь Свою воинствующую на земли, волны мира сего часто восстают на святый корабль сей — обуревают, но не потопляют. Кормчий его иногда представляется покоящимся — но всегда бодрствует, — и под Его всемогущим мановением после бурей всегда настает тишина велия. Вот моя вера. Недоведомыми судьбами Божиими приведенный на святыя горы Киева — едино прошу от Господа еже жити ми в небеси подобном доме Пресвятыя Богородицы, зрети ми красоту Святыя обители Ее, посещати храм Святый Ее вся дни живота моего. Аще кто ино что любит, да любит себе якоже хощет — нам же прилеплятися Господеви благо есть — мне же зело честни друзи Твои Боже — их же святые и нетленные мощи почивают во святых пещерах благодатныя горы Киевския.

Призывая на Вас и на вверенную попечению Вашему обитель благословение Божие, с искреннейшим почитанием и пастырскою любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший слуга и богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.

14 июля 1842 г.

Киево-Печерская Лавра

№ 9

Преподобне и прелюбезне Отче и братие!

За память твою о моем недостоинстве усерднейшую приношу благодарность. Сорок четыре раза отпраздновал я день иноческого Ангела моего, но по бедности души моей едва ли когда я начну истинно иноческое житие по Бозе, хотя и вельми сего желаю. Святыя пещеры, в которых покоятся священные останки

толикого множества истинных Ангелоподобного жития подвижников всегда пред глазами моими — но как далеко суетное и преисполненное грехов житие наше от их преподобного и святого жительства! Яко же небо отстоит от земли, тако их подвиги от нашей окаянной лености. Да покрыет их молитвенное о нас ходатайство пред Богом крайнее наше недостоинство.

Душевно радуюсь о тебе, брате, что и в неуединенном месте, по возможности сохраняешь уединение — которое для монашеской жизни столько же необходимо, сколько душа для тела. Преложение на русский язык монашеских правил Нила Сорского прошу прислать ко мне. Может быть, с помощию Божиею можно будет сделать из них полезное наставление для монашествующих, в котором настоит большая нужда.

Очень жаль, что в таких юных еще летах расстроилось зрение твое, может быть такому расстройству и то между прочим причиною, что в короткое лето окружены Вы морем — а в долгую зиму необозримым пространством снега — наподобие савана, покрывающего мертвую природу. Для сохранения зрения Премудрый и Преблагий Творец покрыл землю зеленью.

У нас до первого числа декабря трава зеленелась, да и теперь снегу почти нет. А как солнце проглянет — тотчас и открывается зелень, а в начале марта ожидаем открытия благотворной весны, девять месяцев наслаждается зеленью зрение наше. А у Вас — дай Бог не уметь считать. Впрочем, советую Вам в бесконечные Ваши осенние и зимние ночи читать Евангелие самой крупной печати, читать непрерывно, не думать, что уже оно тебе известно, нет, брате; опытом узнаешь, что чем более будешь читать в молитвенном духе — тем более будет возбуждаться жажда к чтению, даже иногда и сном не прерывается чтение — недаром сказано в Писании: Расшири уста твоя, и наполню я. — Уста моя отверзох, и привлекох дух. Разумей яже глаголю, да даст тебе Господь разум о всем.

Приветствую тебя со всею во Христе братиею с наступающим великим праздником Рождества Христа Спасителя нашего, и с новым летом благодати его. Поручаю себя молитвам вашего братства, и призываю на всех вас благословение Божие.

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
15 декабря 1842 года
Киев

Прошу доставить по адресу известной вам богобоящейся рабе Господней письмо.

№ 10

Воистину Христос Воскресе!

Прими и от моего сердца, брате возлюбленне, любящего тебя любовию Христовою, взаимное приветствие с продолжающимся еще праздником Воскресения сладчайшего Иисуса Христа, надежды нашей, жизни нашей, света нашего, радости и славы нашей. От всего сердца молю Воскресшего из гроба Бога и Спасителя нашего, да сотворит Он доброе и благочестивое сердце твое во всегдашнюю обитель с нею мира превосходящего всяк ум, своея жизни, и света и радости — среди сени смертныя, и тмы и скорбей века сего разрушающегося. Зело радуюсь, видя из писания твоего преуспеяние души твоей в жизни по Бозе. Не ослабевай, брате, в подвигах благочестия и добродетели шествуя путем живым, обновленным для нас Самим Господом нашим Иисусом Христом, и углаженным толиким множеством святых подвижников, свидетелей истины. Хорошо очень, что сердце твое напоилось писаниями святых отец, самым опытом постигнувших и нам, грешным, указавших путь жизни духовной и спасения. Все они советуют идти сим путем шаг за шагом, с нижней ступени начиная, не переступая восходить по лестнице, ведущей на небо. Храни, брате, сие их наставление — и Господь Бог поможет совершить тебе безмятежно подвижническое течение в Царствие Небесное.

Очень благодарен твоему преподобию, что так благонамеренно утешаешь мое недостоинство в истинно крестных скорбях моих. Помолитесь о мне — не о том, чтоб избавиться от них — ибо я зело желаю, чтоб крестные скорби продолжились до кончины моей во всеконечное очищение бедной души моей от скверн греховных, но о том, чтоб крестоношение мое было благоприятно Господу Богу и Спасителю моему Сладчайшему Иисусу Христу.

Со времени моего свидетельства истины я нахожу для себя великое приобретение, что Промысл Божий поставил меня в необходимость всевозможного уединения и беспрестанной молитвы. Желал бы всеохотно сложить с себя бремя паствы — но на сие ожидаю изволения Пастыреначальника вечного Господа нашего Иисуса Христа, которое, кажется, не замедлит последовать. Впрочем, во всем буди воля Его святая!

Предпосылаю твоему преподобию и вверенной твоему попечению обители благословение от святыя горы Печерския — и от всех Преподобных Печерских, — желая всем во Христе Иисусе Господе нашем братиям, блаженнейшей части наследия жизни

Преподобных и Богоносных Отец наших Антония и Феодосия, первоначальников монашествующих в России.

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.

3 мая 1843 года,
День памяти преподобного Феодосия Печерского.

№ 11

Преподобный Отец и возлюбленный в Господе брат!

Усерднейшую приношу твоему преподобию благодарность за память о моем недостоинстве в день Ангела моего. Несумненно надеюсь, что по любви твоей во Христе Иисусе Господе нашем, надежде нашей, в день святого Филарета не забыл в молитвах твоих Филарета многогрешного. Вот уже четыредесят пять крат отпраздновал я день иноческого своего Ангела — а иноческой по Бозе жизни еще не начинал. А время кончины временной и начало вечной жизни очень-очень близко. Пребывание моего недостоинства на святых горах Киевских и почти беспрестанное взирание на преподобных подвижников, Богоносных отцев Печерских, почитаю неизглаголенною для меня грешного милостию Божиею — но воспоминая их святые безмятежные подвиги, окаеваю наше суетное и бесплодное житие. Ах, как бы желательно хотя опоследние дни странствования на земли посвятить истинному безмолвию в молитве и богомыслии. Хотя по благости Божией в месте святе здесь довольно имею времени для молитвы, оградив себя от всего, что не принадлежит к необходимым делам службы — но все еще весьма трудно собранным быть для молитв святых. Преподобный Антоний, первоначальник наш Печерский, и тогда удалился в безмолвную пещеру, когда собралось только около двадесяти братий — так преподобные дорожили безмолвием, зная опытом цену его неоцененную, что сотворим мы грешные среди мира многомятежного?

Очень душеспасительно беспрерывное чтение молитвенное Псалтири и Святого Евангелия. Самая беспредельная любовь Отца Небесного не могла даровать нашим душам лучшего дара, как сей великий дар Его милосердия.

Не преставай, брате возлюбленне, от сего сладостного подвига до конца жизни. Когда словеса Духа Святого вселятся в твое сердце, тогда молитва твоя соделается беспрестанной — не помешает ни пища, ни сон, ни дела службы. Много читал я святых

книг, а теперь при старости Псалтирь и Евангелие, как сущность Ветхого и Нового Завета, составляют для души моей такое приятное и питательное чтение, что более и читать ничего не нахожу особенной надобности, а читаю только на досуге.

В нынешнее скудное в истинных монахах время затворник ваш действительно есть редкое приобретение. Не помню, когда он у меня был. Ежели молитва Иисуса Христа вселилась в его простое и доброе сердце, то ничего более ему и не нужно для душевной пищи. Очень жаль, что в нынешнее время сей образ молитвенного подвига почти везде оставлен. Возвратится ли когда-либо с неба на землю дух истинного монашества, сей венец истинного христианства! — соль земли.

По неиспытанным и всегда милосердым судьбам Своим Бог посетил тяжкою болезнию благочестивую рабу свою Параскеву Михайловну[1]. Всем сердцем молю Господа да поможет сей доброй христианке на одре болезни ее.

Призывая на себя и на вверенную попечению твоему святую обитель с братиею благословение Божие, с братскою во Христе Иисусе любовию есмь и пребуду

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
18 декабря 1843 года
Киев

Приветствую твое преподобие с праздником Рождества Христа и с новым годом.

[1] *Параскева Михайловна Толстая.* — О ней см. Настоящее издание, т. 8, с. 95, письмо № 3. (Далее — т. 8.)

№ 12

Преподобне и прелюбезне Отче и брате мой!

Христос Воскресе!

Приветствую тебя, возлюбленне, сим пресладким гласом истинно верующих в Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Приветствую от сердца, и всей душей желаю имать Совоскресшего нас мертвых прегрешениями, да радость Его будет исполнена и преисполнена в добром и благочестивом сердце твоем. Так преисполнена, чтобы сердце твое не имело нужды ни в какой земной радости. Чтоб и скорби неразлучные на пути в Царствие Небесное обращались для сердца твоего в источники радости во Христе Иисусе в скорбях Его и страданиях Его ради спасе-

ния нашего. Так возлюбленне, брате, сосуд наполненный чистым, сладким животворным питием — не впусти в себе посторонней какой бы то ни было жидкости. Буди же сердце твое все, все, все наполнено сладчайшим Иисусом Христом, жизнью нашею, миром нашим, радостью нашей животворным питием и всеосвящающей пищей душ наших. Да уразумееши воистину общение страстей Его и силу Воскресения Его в душах наших. Тогда истинно вся уметы вмениши, да Христа приобрящеши. Ибо для того мы и оставили мир, да Христови сраспнемся и Ему Богу нашему воспоем. Смерти празднуем умерщвление, и адова разрушение, иного жития вечного начала. А житием сим те только соликоствуют, в сердцах коих живет и действует Святой Дух Христов.

Христос Воскресе! Брат наш боголюбезный о. Аполлос[1] благовременно прибыл в святую Лавру к великому покаянному канону. На пятой седмице Четыредесятницы Страстную Великую седмицу ежедневно литургисал с нами. Теперь переселился на ближние пещеры к самим преподобным Печерским, по своему избранию. Пусть и молится о врачевании недугов своих и напитывается святым воздухом от благоухающих духом святым обителей угодников Божиих. У нас теперь и весна уже начинает благоухать первыми цветами. И аз многогрешный после долговременного отсутствия во время зимы привитал в любимой моей уединенной пустынке. Ах, как сколько жаждет душа моя совершенного удаления в сию пустынку на молитвенное безмолвие! Тут она обретает мир и питается Богомыслием, неразвлекаемым суетами мира. Но видно еще не приде время, а время мое близ суть. Призываю на вас, и на вверенную попечению вашему святую обитель благословение Божие с искренним почтением и братской во Христе Иисусе, надежде нашей, любовью есмь и буду

Вашего Преподобия усерднейший богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.

2 апреля 1844.

[1] *...боголюбезный о. Аполлос...*— О нем см. с. 290–292.

№ 13

Возлюбленный о Господе Иисусе Христе брат,

Отец Архимандрит!

Приношу Вашему преподобию искреннейшую благодарность за память о моем недостоинстве в день Ангела моего. Примите и от моего сердца, любящего Вас, искреннейшее приветствие с

Днем ангела Вашего, а паче с наступающим великим праздником Рождества Христа — Спасителя нашего и с новым летом благодати Его. Желаю и молю Господа Бога Сладчайшего Иисуса, чтобы пламенная к Нему любовь святого Игнатия Богоносца вселилась в доброе и благочестивое сердце твое, брате возлюбленне! С сею любовию и на севере не будет холодно твоей святыне. А как скоро почувствуешь холодность, возгревай немедленно сердце твое животворными словами Евангелия Господа Иисуса Христа. А имя Его сладчайшее и всеспасительное всегда носи в сердце твоем, да будет оно в сердце твоем начертано неизламою тростию Духа Святаго.

Многие милости аз, недостойный, получил от Господа Бога, но более всего благодарю Его благость за две милости: что избавил меня от юности от уз мира сего иночеством и что, неведомыми судьбами Промысла Своего, сподобил иметь жительство в святой обители Пресвятыя Богородицы, Милосердой Матери иноков, при благоухающих Духом Святым пещерах преподобных отец наших Печерских.

Одно остается желание сердца моего, чтоб не лишиться части с ними в вечных обителях Отца Небесного. Желаю скорее разрешитися и быти со Христом. Четыредесят седьмый раз отпраздновал я духовно в уединенной пустыне моей день иноческого Ангела моего — пора к Отцу Небесному. Боюсь такой старости, в которой можно растерять и малый запас для вечности, а приумножить поздно. Воля Господня да будет во всех, но Господь едва ли что дарует нам без молитвы.

Не успел я написать к Вам с о. Аполлосом, ибо отправлялся в то время для обозрения епархии. Брат сей у нас вел себя весьма хорошо, может быть, что-нибудь получил и для души. Да благословит его Господь Бог на новом месте. Призывая на Вас и на вверенную Вашему попечению обитель благословение Божие, с искреннейшим почтением и пастырскою любовию есмь и буду Вашего преподобия усерднейший богомолец

Филарет, Митрополит Киевский.
16 декабря 1844 года
Киев

№ 14

Преподобне и Боголюбезне брате авва Игнатие!

Письмо твое получил на одре болезненном, на котором уже седьмой день. Не знаю, воздвигнет ли меня Господь Бог, или

воззовет к себе. Одно и все мое желание быти со Христом, Ему же верой и правдой прослужих четвередесят седмь лет. Вчера Господь Бог сподобил меня получить разрешение от духовного отца моего во всех прегрешениях моих и приобщиться Святым Животворящим Тайнам Своим. Им же образом желает елень на источницы воднии, сице желает душа моя к тебе, Боже. Когда приду и явлюсь лицу Божию!.. Впрочем, это мое желание, а жизнь в руце Божией. Болезнь моя, кажется, не к смерти, может быть, от излишнего напряжения к исполнению дел службы и правил монашества. У меня нет викария уже четвертый месяц. А утомленные члены требуют покоя — вот приближается монашеский врач Святой Пост, — да уврачует Господь Бог душевные и телесные недуги наши.

Поручаю себя святым молитвам Вашим,
Ваш всегда усердный богомолец

Филарет, М<итрополит> Киевский.
19 февраля 1845 года

О письмах Ваших изволите быть совершенно спокойны — у меня обычай уничтожать их тотчас после ответа. Ни одно не существует. Не знаю, смогу ли я завтра принять графиню Гудович, ибо очень слаб и сильная боль головная. Ежели не смогу, то извините меня пред ней. А в терпении не пренемогайте. Господь близ — приидет и неукоснит и по терпению благих дел сторицею и седмидесят крат сторицею воздаст щедротами своими возлюбивших Его и благоугождающих Ему.

III

Высокопреосвященные архиепископы Платон Костромской и Нил Ярославский

Подобной любви я не встречал
ни в одном лице из духовенства.
Святитель Игнатий

13 октября 1861 г. святитель Игнатий прибыл в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, предоставленный ему в управление после ухода на покой. «Положением своим я очень доволен. Монастырь уединен, стоит на сухом месте, весьма здоровом, при отличных источниках, близ самой Волги. Здесь можно сделаться чуждым миру», — писал он Н. Н. Муравьеву-Карскому 16 ноября 1861 г.[1] По словам его брата, Петра Александровича Брянчанинова, чувство довольства не покидало святителя Игнатия во все время его пребывания в Николо-Бабаевском монастыре. Этому чувству довольства, несомненно, благоприятствовали и внешние обстоятельства, а именно то, что обе кафедры — Костромскую и Ярославскую, с которыми Бабаевский монастырь должен был входить в различные отношения (с первой — по подчинению, со второй — по местоположению), занимали иерархи, которые и сами были людьми выдающимися, чуждыми мелких дрязг и интриг, от которых святитель Игнатий устал до изнеможения.

Костромской епархией в то время управлял архиепископ Платон (в миру Павел Симонович Фивейский; 1809–1877) — воспитанник Московской Духовной академии, бывший ректор Московской семинарии, духовный писатель, монография которого «Православное нравственное богословие» выдержало пять изданий, а также написавший еще ряд сочинений: «Взгляд на историю Российской Церкви» (1834), «Историческое описание Троицкого Козловского монастыря» (1849), «Основание Переяславского Троицкого Данилова монастыря»(1853) и другие.

Судьба свела однажды архимандрита Игнатия и епископа Платона: в 1856 г. только что призванный на Новгородскую и Санкт-Петербургскую митрополию Митрополит Казанский Григорий намеревался хиротонисать архимандрита Игнатия во епископа в Новгороде, не зная, что это место уже было предназначено епископу Платону. Но это невольное столкновение интересов в дальнейшем никак не повлияло на их взаимоотношения. Хорошо знавший архиепископа Платона профессор Московской Духовной

[1] Настоящее издание. Т. 5. С. 472.

академии П. С. Казанский писал ему 28 сентября 1861 г.: «О. Наместник как-то поручал мне передать Вам его совет — сохранять добрые отношения к Игнатию. Я не писал этого, потому что и без совета Вы будете так поступать»[1].

Документов, характеризующих их отношения более подробно, не сохранилось, так как архив Николо-Бабаевского монастыря погиб в двух пожарах: в 1870 году сгорела монастырская библиотека и хранящиеся в ней документы, а через сто лет пожар, случившийся в Государственном архиве Костромской области, уничтожил остатки архива монастыря.

Однако все действия архиепископа Платона в поддержку Николо-Бабаевского монастыря при жизни святителя Игнатия и после его кончины свидетельствуют о самых благожелательных отношениях с обеих сторон. Дополняют такое впечатление письма архиепископа Платона. Так, в письме святителю Игнатию от 12 мая 1865 г. он писал: «Редко я по множеству дел моих могу снабдевать мою душу Святоотеческими писаниями. Вчера, улучив несколько минут свободных, взял в руки Добротолюбие и среди чтения Преп. Дамаскина Петра подали мне Ваши аскетические писания. Тотчас беру в руки их и слышу в них звуки Святоотеческой гармонии, наслаждаюсь духом древних Отцов. Некоторые из Ваших писаний мне были известны прежде. Раскрыл прежде всего: «Плач мой». Так и чувствуется св. Ефрем. Примите, Владыко Святый, живейшую благодарность за доставление мне трудов Ваших. Да послужат они во благо Церкви, как труды Святителя Тихона, и да сподобит Вас Господь части Святителя Тихона и Преподобных и Богоносных Отцов. В Церкви Вы оставили памятник своего делания. Ныне же я рекомендую всей епархии писания Ваши. Да возродится во всём духовенстве жажда к приобретению и усердие к чтению Ваших подвижнических писаний»[2]. А в письме к Петру Александровичу Брянчанинову от 17 апреля 1870 г., поздравляя с праздником Святой Пасхи и называя его верующим и творящим сыном Церкви, архиепископ Платон писал: «Как скоро дела и люди дают мне случай и возможность, то я беру в руки святоотеческие писания, в числе их и Преосвященного Игнатия. Читая их, я мысленно переносился к вам и свои мысли теперь хочу передать вам. Немного среди нас осталось таких архиереев, как Преосвященный Игнатий. Надобно память о его жизни сохранить для веков

[1] Там же. Т. 6. С. 717. | [2] *Л. А. Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915. Ч. 2. С. 22–23.

или имен последующих. На вас, достопочтеннейший Петр Александрович, лежит обязанность собрать все, какие только возможно, сведения о жизни и деятельности Преосвященного Игнатия. Вы знаете и места и лица, откуда можно получить сведения. Собирайте всякое сказание, всякое сведение. Обязанность эта возлагается на вас не связью только родственною с почившим, но и Церковию. Вас никто не может в этом случае заменить. Ни на час не откладывайте сего дела, возлагаемого на вас Церковию. Люди преходят, и ныне бывает сделать невозможно то, что вчера не стоило ничего сделать. Запишите, что сами слышали от покойного. Соберите и сохраните все письма его. Господь да поможет вам исполнить это послушание не только любви, но долга». Также и в письме от 22 ноября 1870 г.: «Вы знаете, как я дорожу писаниями богомудрого Святителя Игнатия, — и поймете, с каким нетерпением буду ждать от вас его «Отечника».

Между нами теперь уже немного таких старцев; уже другой дух веет, и поставляют нам в вину иноческое направление; а иночество есть сила и краса Православия и, могу сказать, жизнь. Не забудьте, достопочтеннейший Петр Александрович, мою просьбу о собрании всех доступных вам сведений о Преосвященном Игнатии. Если время и обстоятельства теперь не позволят всему явиться на свет, то все пригодится к другому времени. Вы обязаны принять на себя это послушание: не как брат только, но как православный христианин, желающий блага Церкви»[1].

Тем более благожелательными и дружескими можно назвать отношения святителя Игнатия с Ярославским Владыкою, архиепископом Нилом, что на этот раз подтверждается письмами самого Святителя.

Высокопреосвященный Нил, архиепископ Ярославский и Ростовский (в миру Николай Федорович Исакович; 1799–1874) по окончании в 1825 г. Петербургской Духовной академии был определен инспектором Черниговской семинарии и профессором богословских наук, а в 1828 г. перемещен на ту же должность в Киевскую Духовную академию. В 1830 г. назначен настоятелем Ярославского Авраамиева монастыря в сане архимандрита и ректором Ярославской семинарии. В 1835 г. хиротонисан во епископа Вятского и Слободского и впервые проявил свою апостольскую деятельность к просвещению иноверцев и возвращению в лоно Церкви отпавших от православия. В 1838 г. переведен на

[1] *Л. А. Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 1. С. 384.

Иркутскую кафедру, в подначалии которой была в то время самая обширная в мире территория от границ Китая до Северного и Великого океанов, включая северо-восточный угол и острова Америки. 13 апреля 1840 г. он был возведен в сан архиепископа.

«И на новом поприще Владыко проявил себя достойным преемником святителя Иннокентия». Деятельность его в этом краю характеризуется огромной энергией, огромной увлеченностью и заинтересованностью в достижении поставленной цели — поднятия духовного, нравственного, а также и жизненного уровня населения, как православного русского, так и иноверцев. За период с 1838 по 1853 г. было построено множество церквей, в Иркутске построен новый семинарский дом, училище для девиц духовного звания, в 260 верстах от Иркутска основана Нилова пустынь, на содержание которой он пожертвовал значительную сумму и до самой кончины присылал пособие, также пожертвовал значительные средства на новый кафедральный собор в Иркутске. Для приведения богослужений в надлежащий вид им были выписаны пастыри из великорусских губерний, учреждены миссионерские станы и образованы миссионеры, из числа которых впоследствии прославился целый ряд протоиереев и в том числе выдающийся деятель Русской Церкви, архиепископ Камчатский, а затем преемник Митрополита Филарета, Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Благодаря этой активной деятельности Преосвященного Нила, «раскол должен был приутихнуть и за Байкалом образовались многолюднейшие приходы, основанные на правах единоверия».

Еще более трудился он над обращением язычников, которых жило здесь более 400 тысяч: тунгусов, чукчей, камчадалов, якутов, бурятов и других. Для новообращенных им построено до 70 церквей. Особенной его заботой было дать им Священное Писание на родном языке. Для этого он изучил монгольский и бурятский языки и перевел некоторые богослужебные книги и тексты (которые переложил на ноты выдающий музыкант А. Ф. Львов). «Этими трудами оставил по себе незабвенную память в Сибири».

24 декабря 1854 г. Высокопреосвященный Нил был переведен на Ярославскую кафедру. В Ярославской епархии он также энергично занимался строительством и обновлением церквей, особенно много сделал в этом направлении для Ростовского Кремля и митрополичьего дома, в Ярославле произвел капитальную перестройку архиерейского дома; число школ при монастырях и церквах при нем увеличилось до 311 при 6584 учащих-

ся, библиотек при церквах — до 876 (больше, чем в любой из епархий России).

В 1856 г. Преосвященный Нил был вызван в Петербург на два года для присутствия в Святейшем Синоде. За это время он удостоился принять участие в короновании Их Императорских Величеств Государя Александра Николаевича и Государыни Марии Александровны в Московском Успенском соборе, участвовал в освящении Исаакиевского собора. В 1867 г. он вместе с одиннадцатью архипастырями Русской Церкви приносил поздравление Митрополиту Московскому Филарету с пятидесятилетним его архипастырским служением, а 19 ноября того же года вместе с Киевским Митрополитом Арсением и шестью архипастырями участвовал в отпевании и погребении великого иерарха Московского, которого глубоко любил и уважал.

И в сане архиепископа Ярославского Преосвященный Нил продолжал заниматься переводами богословских книг на бурятский и монгольский языки. Также он занимался окончательной редакцией своей книги «Буддизм», которая была напечатана в 1854 г. и не потеряла своего значения поныне, как первое исследование на эту тему; а затем — оформлением своих дневниковых записей, сделанных во время поездки по Сибири, из которых составилась книга «Путевые записки архиепископа Нила», вышедшая в свет в Ярославле в 1874 г. «Божий промысл, призвавший меня на чреду пастырского служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного Отечества нашего. От берегов Волги до Ангары, и от Лены до Нерчи, Шилки, Онона и Аргуни, был я странником и тружеником», — предварял он книгу. Написанная ярким языком, она легко читается и живыми картинами об обитателях, их нравах, их способах выживания, их отношениях к проповедуемой христианской вере, также и чиновничьем произволе в этих отдаленных от центра местах характеризует целую эпоху в истории Сибири. Книга свидетельствует о широкой образованности автора: иные картины он комментирует цитатами из латинских писателей, в некоторых случаях приводит строфы из Горация, которые тут же и переводит, сохраняя их стихотворную форму; а в других случаях приводит свою беседу с местными жителями на их родном языке, записанную русским алфавитом. «Достигли Иркутска, — заключает он книгу, — проведши в странствии девяносто пять дней».

Святитель Игнатий познакомился с архиепископом Нилом ещё будучи архимандритом Сергиевой пустыни. Так, упоминания о нем встречаются в его письмах к игумену Югской Дорофеевой пустыни Варфоломею. Например, в письме от 3 августа 1857 г. он сообщает: «С второго на третье число сего августа месяца Преосвященный Нил ночевал в Сергиевой Пустыне». Во время своего пребывания в Петербурге для присутствия в Священном Синоде Преосвященный Нил принимал участие в хиротонии архимандрита Игнатия Брянчанинова во Епископа Кавказского и Черноморского.

Переписка между ними возникла сразу же по приезде святителя Игнатия на Бабайки. Первое из сохранившихся 39 его писем, отправленное 15 января 1862 г., свидетельствует об уже установившихся отношениях, а в письме от 12 июня того же года епископ Игнатий благодарит «Милостивейшего Архипастыря... за ту любовь, за ту искренность, в объятиях коих я находился во время пребывания моего в Ярославле». Письмо это, кстати, уточняет дату, приведенную в Жизнеописании, поездки святителя Игнатия в Кострому и Ярославль. Другие письма свидетельствуют о благожелательном отношении Преосвященного Нила ко всей деятельности святителя Игнатия в монастыре, в частности, о его содействии в сборе средств на начавшееся строительство нового храма. В этом отношении примечательны письма от 14 и 23 февраля 1866 г., в которых святитель Игнатий советуется с Преосвященным Нилом по поводу найденного близ монастыря камня. Дело в том, что, будучи в Екатеринбурге, Преосвященный Нил посетил там «Фабрику шлифовальную, или гранильную, как ее здесь называют. <...> Из камней, наиболее употребительных на фабрике суть: разноцветные яшмы, агаты, порфиры, топазы, или точнее горные хрустали, и раухтопазы. <...> В качестве первостатейных показывают здесь ставки цирконовые, гранатовые, аметистовые». Увлекшись здесь камнями, Преосвященный Нил собрал «замечательный по собранию и высокой ценности минералогический кабинет», завещанный им Санкт-Петербургскому университету. Конечно, Преосвященный Нил показывал свой минералогический кабинет епископу Игнатию, который мог оценить его по достоинству...

Последнее письмо святителя Игнатия к Преосвященному Нилу было написано 18 апреля 1867 г. — за 12 дней до кончины.

Письма святителя Игнатия к Высокопреосвященному Нилу (Исаковичу)[1]

№ 1

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Ризничий мой передал мне, что Ваше Высокопреосвященство изволили сообщить ему о расположении Вашем дозволить поступление в Бабаевский монастырь тем из воспитанников Ярославской семинарии, которые захотят вступить в оный. А я именно об этом хотел просить Вас при личном свидании. Спешу объяснить пред Вами предположения по сему предмету.

При настоящем развитии просвещения в России необходимо, чтоб и монашество, подвизающееся в монастырях, имело образованность, соответствующую своему назначению. Опыт доказал, что этого можно достигнуть, привлекши образованных юношей в братство. Пройдя послушания и вкусив плоды смирения, они соделываются полезными членами Христианского общества, фактически объясняющими пред ним пользу истинного монашества. В Оптину Пустыню Калужской епархии поступали любые кончившие курс семинарского учения и несколько кончивших курс в светских учебных заведениях. Приложив к образованию школьному практическое монашеское образование, они доставили Оптиной Пустыне, одному из беднейших монастырей, достоинство первого в России Монастыря в религиозно-нравственном отношении и подарили отечественно-духовной литературе многие переводы аскетических писателей. Многие благочестивые люди ведут переписку с иноками Оптиной Пустыни и руководствуются их назиданиями.

Если Бог благословит, — мне желалось бы учредить и в Бабаевском монастыре пристанище для образованных людей, пристанище, соответствующее их потребностям. Они найдут вежливое обращение, простую, но тщательно приготовленную пищу, простое, но достаточное одеяние. Они найдут духовника (прибывшего со мною), который сообщит им первоначальные монашеские правила, научит откровению помыслов, отвержению соб-

[1] Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, ф. ЯМЗ–1542; письма были переданы Музеем Издательству им. Святителя Игнатия Ставропольского при Храме Сошествия Святого Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище и этим Издательством переданы для публикации в Настоящем издании. — *Примеч. О. Шафрановой.*

ственных разумений и влечений. Для тех, которые окажутся достойными, вполне доступна беседа со мною. На сих основаниях я с любовию желаю принять тех кончивших курс в Ярославской семинарии, которые захотят посвятить себя иноческой жизни и соответствуют ей своим благоповедением. Также я готов принять и тех, которые, не кончив курса, но будучи достойны по поведению и способностям, пожелают подклонить себя под благое иго иночества. Я убежден, что Вашему Высокопреосвященству приятно будет содействовать моему убогому труду, имеющему целию общественную пользу.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

15 января 1862-го года

№ 2

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающею Всесвятою Пасхою и всерадостное приветствие: Христос Воскресе! Искренне желаю Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ.

Зиму провел я весьма трудно, подвергаясь различным припадкам, из которых многие, конечно, последствие лечения минеральными водами. Когда наступит совершенно теплая погода, надеюсь предпринять путешествие в Ярославль для вожделенного мне свидания с Вашим Высокопреосвященством. Надеюсь воспользоваться и ответными советами Вашими по управлению монастырем, именно по устроению сношений со Св. Синодом, о чем и здесь предварительно прошу Вас.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

31 марта 1862-го года

№ 3

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

В надежде на Ваше милостивейшее расположение ко мне грешному, позволяю себе беспокоить Вас моею покорнейшею просьбою.

9 мая, в день Святителя Николая бывает в Бабаевской обители значительное стечение народа, а клиросных еще не имеется в достаточном числе. Посему, Ваше Высокопреосвященство, окажете истинное одолжение, если дозволите нескольким Вашим певчим прибыть в Бабаевский монастырь на этот день для вспоможения благолепному празднованию.

Очень благодарен Вам за письмо Ваше от 20 апреля! Вы справедливо относитесь о настоящем моем положении: оно нормально для меня по тому направлению, которое я принял еще в светском быту и в котором провел первые годы в уединенных общежительных монастырях. Пребывание в Сергиевой пустыне было для меня крайне отяготительным, а в последние годы сделалось, по причине усиливавшейся болезненности, невыносимым.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца
всепокорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
29 апреля 1862 года

№ 4

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Так как настало благоприятное время для исполнения моего священного долга быть у Вашего Высокопреосвященства, то всепокорнейше прошу Вас, как многозанятого, уведомить меня, как занятого лишь болезненностию моею, когда могу посетить Вас, наименее отвлекая Вас от дел Ваших? Мне желалось бы исполнить долг мой в течение первой недели наступающего поста, потому что со второй предполагаю начать употребление вод железно-серных.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
3 июня 1862-го года

№ 5

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Высокопреосвященству мою всесовершенную признательность за ту любовь, за ту искренность, в объятии коих я находился во время пребывания моего в Ярославле. Они излили в мое сердце, преисполнили его утешения. Милосердый Господь да воздаст Вам по любви Вашей!

Поручая себя Вашим святительским молитвам, с чувствами всесовершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
всепокорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
12-го июня 1862-го года

№ 6

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающими праздниками и Новым Годом, и мое усерднейшее желание Вашему Высокопреосвященству всех истинных и совершенных благ. По возвращении моем из Ярославля, вероятно, от влияния наступившей сырой погоды, я почувствовал себя весьма нехорошо и несколько раз признавал себя близким к смерти. При таковом положении здоровья настоящее мое уединение бесценно! Оно доставляет мне необходимое спокойствие по душе и по телу.

Живу вполне отдельно от мира, и это доставляет мне приятнейшую возможность желать от искренности сердца всем Отцам и Братиям, труждающимся посреди мира, всех истинных

благ. Все мы кратковременные странники на земле, и все, приобретаемое нами на земле, приобретается на кратчайший срок.

Поручаю себя и вверенную мне обитель Святительским молитвам и Благословению Вашего Высокопреосвященства. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
17 декабря 1862 года

№ 7

Милостивейший Архипастырь и Отец!

С каких прекрасных слов начинается письмо Вашего Высокопреосвященства от 19-го июня ко мне недостойному. «Вина моя, говорите Вы, пред Вашим Преосвященством неизвинима». Как эта вина заключается в том, что Вы единожды навсегда насадили в Ваше сердце любовь ко мне грешному, которою я и утешаюсь и наслаждаюсь, то я от всего сердца желаю, чтоб вина эта пребывала во всей силе своей. По благости Божией Государю Цесаревичу посещение им Бабаевского монастыря было приятно[1]. В то время, как и всегда, я был очень слаб и сомневался, чтоб прием удался. Он удался по милости Божией. Справедливость требует, чтоб я засвидетельствовал должное о Бабаевском Игумене[2], который меня во всех отношениях успокоивает и которого опытность в подобных случаях, как прием Цесаревича, много послужила к устройству этого приема. Другие братия, особливо приехавшие со мною, способствовали устроению порядка. — Весьма утешительно сообщаемое Вашим Высокопреосвященством известие о том внимании, которое явил Государь Цесаревич духовенству и Церкви. Храм Святого Иоанна Предтечи особенно привлек его внимание. Особенно полезно предназначенному русскому Царю видеть близко положение всех сословий. Духовенство наиболее нуждается в этом, потому что прежде оно наиболее было устранено от Царских взоров.

В обитель нашу заезжал на днях Елагин, известный писатель, ревнитель православия, обличитель Герцена. Он сообщил сведение, что Преосвященный Кирилл переводится из Иерусалима в Казань по каким-то неприятностям с греческим духовен-

ством, что в Иерусалиме русского епископа не будет, а будет архимандрит, и что назначается туда иеромонах Леонид Кавелин[3] из Оптиной Пустыни. Пишут сюда, что Муравьев[4], бывший Кавказский Наместник, вызван в Петербург, где квартира для него назначена в Зимнем дворце. Кронштадт укрепят превосходно. Войско русское доведено до величайшего усовершенствования, особенно стрелки. — Всё в руце Божией! Но и браням и слышанию о бранях подобает быти, по предречению Слова Божия. Человечество находится в падении, и потому не только частные люди восстают друг на друга, но и народы восстают один на другой. На Россию намереваются восстать многие народы, но ничего вредного не сделают, только разовьются силы и возвеличат ее, подобно тому, как сделал для нее Наполеон I. Если бы он не служил грозою для Европы и не отвлекал всего внимания ее к себе, то Европа не допустила бы Россию завладеть Финляндией, Бессарабией и Польшей.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, прося о продолжении Вашей ко мне о Господе любви с постоянными чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

7 августа 1863-го года

[1] О посещении Цесаревича см. Настоящее издание, т. 3, с. 584.
[2] Будущий архимандрит Иустин (Татаринов И. Г.).
[3] *...иеромонах Леонид Кавелин...* — О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 532.
[4] *Муравьев...* — О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 425–435.

№ 8

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Николаевский Бабаевский монастырь имеет необходимую нужду в построении новой соборной Церкви. А как к совершению такового дела собственные средства монастыря недостаточны, то оказалось необходимым прибегнуть к сбору. Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, сборщику монастыря иеромонаху Паисию, сему письмоподателю, дозволить сбор в Ярославской епархии, чем окажете монастырю истинное одолжение.

Поручая себя и вверенную мне обитель Вашим Святительским молитвам, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
№ 217
29-го августа 1863 года

Его Высокопреосвященству Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому,
Кавалеру.

№ 9

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

На отношение Вашего Высокопреосвященства от 1 ноября сего года имею честь известить Вас, Милостивейший Архипастырь, что я, сердечно сожалея о постигшей Вас болезни, готов послужить Вам помощию в рукоположении ставленников, насколько дозволит мое слабейшее здоровье.

При сем имею честь известить Вас, что препровожденный ко мне ставленник Николай Соколов рукоположен мною 5 ноября во диакона, а 8 — во священника.

Желая Вашему Высокопреосвященству скорейшего и полного выздоровления, и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугой

Епископ Игнатий.
№ 236-й
8-го ноября 1863-го года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому
и Ростовскому и Кавалеру.

P. S. Прилагаю Вашему Высокопреосвященству следующую записку относительно лечения простуды, по моей искренней любви к особе Вашей и по желанию Вам скорого и полного выздоровления. Моя болезненность началась с простуды ног в 1823 году. С того времени постоянно чувствовал я себя хуже и хуже. В 1846 году в начале октября, при поездке по благочинию, я снова простудил ноги, причем они отнялись у меня. Шесть месяцев я не выходил из комнаты. Лечили меня различными натираниями, сассаспарельным декоктом, сосновыми и серными ваннами. Лечением доставлено мне лишь некоторое облегчение; вместе доставлено и значительное истощение сил. В 1858 и 1859 годах пользовался я Кавказскими водами и купанием в море. Это лечение погнало из меня болезнь, произвело особеннейшее расслабление, но исцеления не доставило. По причине ужаснейшего изнеможения я оставил службу. На пути с Кавказа в Бабаевский монастырь я опять застудил ноги, что привело меня, можно сказать, в отчаянное положение.

Когда я уже не надеялся, чтоб какое-либо лекарство принесло мне пользу, тогда посетил меня некоторый житель Костромы и, узнав, что я страдаю от простуды, предложил мне лекарство, которым он излечился от подобной жестокой простуды по наставлению Костромского доктора Дидрикса. Об этом средстве сообщал мне еще в Петербурге доктор Стрелинского Дворца, но не мог дать мне основательного наставления в лечении, не имев опытов сего лечения, а знал о нем поверхностно, понаслышке. Здесь доставлено мне удовлетворительное наставление, и, к величайшему удивлению моему, средство оказалось наиболее действительным, наиболее удобным и легким, нежели все, доселе употребляемые мною средства. Действие его схоже с действием Кавказских вод, но несравненно сильнее, — производит не расслабление, а укрепление.

Средство заключается в следующем: взять самого крепкого хлебного спирта, настоять в тепле на обыкновенной поваренной соли, полагая по полной столовой ложке на стакан. Этим настоем вытирать простуженные места и все тело дважды в день, а когда болезнь облегчится, однажды на ночь.

Действие средства. Сперва в простуженных местах появляются боли, иногда появляется легкая сыпь и опухоли. Потом начинает идти обильный пот. Также является действие на желудок. После последних двух действий начинает ощущаться облегчение. Если безмерно усилится пот, то обтирание прекращают на несколько дней.

Обтирать должно не только больные места, но и все тело. Обтирание всего тела действует благотворно на всю организацию, уничтожая худосочие, от которого тело стяжает наклонность к принятию простуды. У Вашего Высокопреосвященства эта наклонность существует. Больные места можно обтирать чаще, примерно дважды в день, а все тело обтирать однажды.

№ 10

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Препровожденные ко мне ставленники Михаил и Александр Ширяевы рукоположены мною, первый во священника, а второй во диакона.

Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
7 декабря 1863 года

№ 320
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому
и Ростовскому и Кавалеру.

№ 11

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Препровожденные ко мне ставленники, диакон Матфей Богословский и Анимподист Смирнов, рукоположены мною, первый во священника, а вторый во диакона.

Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
16-го декабря 1863-го года

№ 331
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 12

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступлением праздника Рождества Христова и Новым Годом, и усерднейшее желание Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия, многих лет и всех благ, временных и вечных. С радостию услышал я, что Вы уже служите. От всей души желаю, чтоб случившаяся с Вами болезнь послужила средством к освобождению Вашего телосложения от дурных соков, и тем доставила Вам здравие лучше прежнего.

Поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
20-е декабря 1863-го года

№ 13

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Высокопреосвященству мою искреннейшую признательность за выраженное Вами расположение дозволить Попечительству Вашему промен билетов Бабаевского монастыря на наличные деньги, которые при настоящем положении сего монастыря, возникающего из развалин, нужны на сем основании во второй половине наступающего января 1864-го года. Я намерен поручить Настоятелю Бабаевского монастыря явиться к Вашему Высокопреосвященству, при особом отношении от меня для действования по дальнейшему распоряжению Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
24-го декабря 1863-го года

№ 336.
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 14

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!
Препровожденный ко мне ставленник Николай Мухин рукоположен мною во диакона.
Извещая о сем Ваше Высокопреосвященство и поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
25 декабря 1863-го года

№ 337
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 15

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!
Приношу Вашему Высокопреосвященству усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и Торже-

ством всех Торжеств, приветствуя Вас всерадостным приветствием «Христос Воскресе», и желая Вам всех истинных и совершенных благ от всесильной десницы Всеблагого Господа.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
11 апреля 1864-го года

№ 16

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Прилагаемая при сем шелковая материя в количестве 19 аршин, отправлена была из Ставрополя Кавказского к настоятелю Толгского монастыря при жизни Преосвященного Иринея[1]. По ошибке посылка эта была доставлена ко мне. Посему я препровождаю вышеозначенную шелковую материю к Вашему Высокопреосвященству на Архипастырское распоряжение Ваше.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
Июня 10 дня 1864-го года

№ 97-й
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

[1] *Преосвященного Иринея...* — О нем см. с. 95–96.

№ 17

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Ярославская Духовная Консистория препроводила в Николаевский Бабаевский монастырь увольнительное свидетельство Петра Родионова, мещанина Московской губернии, города Подольска, с прописанием к ней Московской Казенной Палаты. Приятнейшим долгом моим считаю принести Вашему Высокопреосвященству мою совершенную признательность за таковое распоряжение Ваше.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
8-е декабря 1864 года

№ 333
Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Нилу,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
и Кавалеру.

№ 18

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим великим праздником Рождества Христова и Новым Годом при усерднейшем желании Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ. Прошедший 1864-й год был весьма труден для меня. Со второй недели Великого Поста я почувствовал особенные болезненные припадки, которые продолжались все лето и держали почти безвыходно в келлии. Теперь принимаю декокт по совету одного из московских врачей, посетившего меня осенью. От декокта до сих пор чувствую особенное расслабление и какую-то сонливость, причем в значительном количестве отделяются золотушные и ревматические мокроты. Далее, что Бог даст, не знаю.

Вот! уже четвертый год провожу на Бабайках. Между тем на Кавказе совершились великие перемены, которыми могущество России возвеличено в значительной степени. Мне пишут оттуда, что на западной половине Кавказа, к Черному морю, где жили самые воинственные горцы, поселено более 100000 казаков, а ничтожные остатки горцев добровольно сопричисляются к этим казакам и принимают Христианскую веру. Греки выходят значительными партиями из азиатской Турции и селятся на Кавказе. Рука Промысла Божия ведет Россию к ее важному политическому назначению, которое предвидят государственные люди Европы, которого трепещут, которому тщетно стараются поставить преграды. Ничего не возмогут они сделать. Исполин идет своим путем, а преграды попирает, как хворост.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
20-го декабря 1864-го года

№ 19

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников светлым Воскресением Христовым! Примите мое всерадостное приветствие «Христос Воскресе» и сердечное желание Вашему Высокопреосвященству всех истинных и совершенных благ.

Зиму провел я очень трудно, наиболее в постели. Что принесет грядущее лето!

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
26-го марта 1865-го года

№ 20

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Судьба сделала Вас одним из первых ктиторов по построению Соборного Храма в Бабаевском монастыре. Также судьба даровала для построения этого Храма проект[1] самый удачный — проект, который, будучи новостию в Российской церковной архитектуре, вместе с этим заимствован, по характеру своему, с древнейших храмов Палестины. Наконец строится храм непостижимою Судьбою. Как он строится? Не могу дать ответа. Монастырь найден мною в состоянии разрушения, разорения и в долгу, строение Храма начато при ничтожнейших средствах, но в настоящее время половина здания выведена вчерне, а к концу лета надеемся вывести под кирпич. Тут действует перст Божий и усердие благочестивых человеков. Не откажитесь, Ваше Высокопреосвященство, продлить Ваше покровительство мне и вверенной мне обители, которая уже много одолжена Вашим благосклонным вниманием.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
30-го июля 1865-го года

[1] Проектировал храм И. И. Горностаев (1821–1874) — академик архитектуры; см. также примеч. на с. 313.

№ 21

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не знаю, как и благодарить Ваше Высокопреосвященство за ту необычную в наше время любовь, которую Вы оказываете мне и вверенной мне Обители. Вы удивляете меня и вместе усугубляете во мне чувства благоговения и преданности, которые всегда питал я к Особе Вашей. С восторгом описывает мне Каллист Ваше Архипастырское внимание и действование.

Архимандрит Герман, бывший мой ректор на Кавказе, а ныне наместник Невской Лавры, просил меня о неоставлении его род-

ственников ходатайством пред Вашим Высокопреосвященством. Надеясь на Вашу неизреченную милость, позволил себе беспокоить Вас просьбою, если она исполнима, о даровании диакону Владимиру Чистякову, женатому на родной племяннице Германа, священнического места в селе Рождествене, что в озерах, Даниловского уезда, на ваканцию, открывшуюся со смертию священника Николай Фарфоровского.

Прошу Ваших Святительских Молитв о мне грешном. По отбытии иконы Святителя Николая в Ярославль у меня особенно разболелась правая нога, всегда болевшая: едва брожу по комнате. С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

29-го сентября 1865-го года

№ 22

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При вступлении моем в управление Николаевским Бабаевским монастырем я нашел обычай, по которому Чудотворная икона Святителя Николая подымалась издавна в некоторые села и деревни Ярославской епархии, лежащие за Волгою, против монастыря. О сем я имею честь относиться к Вашему Высокопреосвященству и получить Архипастырское разрешение Ваше на последование сему благочестивому обычаю. Ныне жители некоторых селений, в которых прежде не бывала икона, выражают желание принять ее. Представляя сие на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства, имею честь испрашивать Ваше Архипастырское разрешение на удовлетворение прошения овец паствы Вашей. Ответ Ваш — если благоприятно Вашему Высокопреосвященству дать его лишь словесно — покорнейше прошу сообщить подателю сего письма, Петру Александровичу, желающему лично как засвидетельствовать особе Вашей свое собственное высокопочтение, так и выразить пред Вами мою глубочайшую признательность за беспримерное внимание Ваше ко мне и ко вверенной мне Обители.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

10 октября 1865-го года

№ 23

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Не нахожу слов к выражению пред Вашим Высокопреосвященством моей искреннейшей благодарности за беспримерное расположение и внимание Ваши, оказываемые Вами мне грешному. Христианская и пастырская любовь Ваша приносит и утешение и питание моему сердцу. Душевно радуюсь, что родственник отца Германа оказался достойным милости Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

17-го октября 1865-го года

№ 24

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

По собрании должных сведений по делу о посещении города Ярославля Бабаевскою Чудотворною Иконою Святителя Христова Николая, имею честь представить о сем форменное отношение к особе Вашего Высокопреосвященства, поручая все вполне благоусмотрению и распоряжению Вашему. О том, что Икону приглашают в некоторые селения и уездные города Ярославской епархии, я не упомянул и предоставляю сказать или умолчать о сем в представлении в Святейший Синод Вашему Высокопреосвященству. Сделайте милость: не отяготитесь уведомить меня об отправ-

лении представления Вашего в Св. Синод, чтоб я мог своевременно написать туда партикулярные письма и попросить о внимании к делу.

Поручая себя и вверенную мне обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

8-го ноября 1865-го года

№ 25

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

К немалому удивлению моему, в С.-Петербургском журнале «Домашняя Беседа», в выпуске 46-м от 13-го ноября, явилась статья «Праздник в Ярославле». Я очень пожалел об этом, признавая статью не своевременною и вредною для дела. Компрометирует она и меня! Кто же поверит, что статья напечатана не только без согласия моего, но и без ведома, вполне противно моему духу? В статье ярко выставлено мое желание известности. Г-жа Самарина, родственница моя и писательница статьи, не в первый раз своим непозволительным вмешательством в дела Бабаевского монастыря угощает меня булыжником по лбу. Статью пусть понимает кто как хочет: я не виноват, если моею личностию распоряжаются самовольно другие и соблазняют людей, расположенных к соблазну; милосердие Божие да покроет меня и могущих соблазняться в этом обстоятельстве, да покроет самое дело! Но пред Вашим Высокопреосвященством я счел нужным объясниться.

Бесспорно, писательница имела в виду сделать услугу! Однако нельзя отвергнуть справедливости слов Крылова — баснописца: услужливый дурак опаснее врага. Очень верно! Многими опытами доказано мне это. Из известной статьи «Дня» Вы изволите видеть, как дух времени смотрит враждебно на церковную иерархию и усиливается закидать ее грязью. В наше время благоразумие и осмотрительность особенно нужны. Бесспорно, и уклонения и злоупотребления встречаются в церковном управлении, как они и везде были. Из этого не следует, чтобы

ниспровержение иерархий было единственным средством исправления, как и чтоб для исправления нужны пасквили редактора и сотрудников «Дня» в духе протестантском. Для этого нужно средство, установленное и узаконенное Апостолами: Собор иерархов. Быв у Вашего Высокопреосвященства в 1862-м году, в начале лета, я сообщал Вам сведение, дошедшее до меня еще на Кавказе, что журналисты намерены сделать нападение на церковную иерархию. По мнению моему, статья «Дня» есть только звонный колокольчик, большой звон впереди. Искренне желаю, чтоб это мнение мое было ошибочным.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

26 ноября 1865-го года

№ 26

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Рождества Христова и в самый день Праздника. Приятнейшим, сердечным ощущением переношусь к Вам и как бы лично приношу Вам это поздравление. В такое отношение Вы поставили меня любовию Вашею ко мне. Подобной любви я не встречал ни в одном лице из духовенства. Милосердый Господь да сохранит жизнь Вашу на многие лета в вожделенном здравии и да преисполнит ее всеми благами.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

25-го декабря 1865-го года

№ 27

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При сем присылаю пресс-папье, сделанный из камня, найденного близ монастыря. Вы, как знаток, определите значение этого камня, необыкновенно плотного, но вместе мягкого и весьма удобного к отделке. Мы хотели сделать из него четыре столба под главный купол, но денег не хватило; много повалили его в бут. Также близ самого монастыря нашли гряду гранита, вроде сердобльского, голубого отлива, особенно приятного для глаз: из этого сделали цоколь под всею церковью в 13 вершков вышины. Надо Вам посмотреть эту церковь! Вы из первых ктиторов ее. К сему избраны Вы Божиею Материю, во имя Которой строится храм, и который Сама, не мы, Сдательница этого единственного здания в здешнем краю. Извините за плохое письмо: вечером плохо вижу.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

14 февраля [1866 года]

№ 28

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

При почтеннейшем письме Вашем от 18-го сего февраля получена мною копия с представления Вашего в Святейший Синод. Не нахожу слов для достаточного выражения моей благодарности Вашему Высокопреосвященству за беспримерную отеческую любовь, которую Вы оказываете мне. Един Бог может вознаградить за такую любовь, да вознаградит Он Вас обильным излиянием щедрот Своих на особу Вашу.

Совершенно согласен с Вашим Высокопреосвященством, что найденный камень всего ближе подходит к яшме. В натуральном виде он имеет синий цвет. Когда его отполировали в первый раз — он сохранил этот цвет, но при дальнейшей полировке синий цвет исчез — и явился зеленоватый. Огромные камни этой породы лежали близ того места, где строится церковь; необхо-

димость заставила повалить их в бут, который обошелся бы вчетверо дороже, если б возить для него камень из отдаленных мест. Драгоценность эту прежде продавали на щебенку! Теперь, по крайней мере, доставлено достоинство особенной прочности для бута по величине положенных в него камней. Имеющиеся в остатке камни хранятся закопанными в земле. Полагал бы я, если позволят средства и если Бог продлит жизнь, сделать в нижней церкви из этого камня ковчег и под него тумбу или полуколонну, — словом сказать, пьедестал, какой придумается. Разумеется, вся эта утварь должна выйти очень тяжелою; но в нижней церкви можно подвести под нее бут, на который и поставить пьедестал. Для формы самому ковчегу преподает мне идею часовня, выстроенная в С.-Петербурге архитектором Горностаевым[1] по заказу Государыни Императрицы. Эта часовня признается отличным архитектурным произведением; она выстроена по отъезде моем из Северной столицы. Вероятно Вы имеете памятную книжку на 1866-й год: в книжке часовня изображена на третьей гравюре. Впрочем, такая мысль по необходимости должна быть за горами: сперва следует заняться тщательным окончанием здания, а потом уже приступить к украшениям. Замышляемый мною ковчег должен обойтись далеко за 500 рублей. Если же состоится предположение, то ковчег этот будет истинною редкостию.

Ваше Высокопреосвященство приобрели обширные познания в геологии. Хотя я обучался ей систематически, но должен быть лишь Вашим учеником, и мог бы многому, многому научиться от Вас. Великое дело — основанное на теоретическом познании познание опытное.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
23-го февраля 1866-го года

[1] *...архитектором Горностаевым...* — А. М. Горностаев, дядя И. И. Горностаева; об А. М. Горностаеве см. с. 578–579.

№ 29

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Уповая на особеннейшее благорасположение Ваше, позволяю себе беспокоить Вас покорнейшею моею просьбою. В ближайшее служение мое подобает мне произвести своего игумена[1] во архимандрита, а архимандричий крест еще не прислан, почему сделайте одолжение, повелите из подведомственных Вам мест выдать таковый крест сему письмоподателю, моему келейнику, монаху Никандру, и позвольте подержать до присылки из Петербурга. Петр Александрович пишет мне от 27-го февраля, что граф Толстой, прощаясь с ним, сказал между прочим о положительном назначении им награды по представлению Вашего Высокопреосвященства. Сие сведение да будет секретным между нами.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
2 марта 1866-го года

[1] *О. Иустин (Татаринов И. Г.)* — духовный сын святителя Игнатия; о нем см. с. 308–321.

№ 30

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств — Светлым Воскресением Христовым. От души желая Вам вожделенного здравия и всех истинных благ, приветствую Вас всерадостным приветствием: Христос Воскресе.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
18-го марта 1866-го года

№ 31

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

С совершенною благодарностию возвращаю крест, который не был употреблен, так как 19-го получен из Петербурга свой. Расписку моего келейника монаха Никандра покорнейше прошу повелеть выдать сему письмоподателю, казначею, иеромонаху Арсентию.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
20-го марта 1866-го года

№ 32

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

По особенной милости Божией, ко дню посещения Николо-Бабаевской Обители Их Императорскими Высочествами[1] я почувствовал некоторое облегчение от болезни и мог встретить Августейших Гостей, хотя не так, как встречают здоровые. Потухающие взоры мои оживились зрением на прекрасные лица Сынов Царя, на лица, подобные восходящему солнцу или расцветающей розе. И овцы паствы Вашего Высокопреосвященства, сопутствуя Их Высочествам, зашли в мои келлии, где я счел долгом моим доложить Государю Наследнику о их усердии: принято оно было весьма благосклонно.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
16-го августа 1866-го года

[1] 14 августа 1866 г. Николо-Бабаевский монастырь посетили Государь Цесаревич Александр Александрович (будущий Император Александр III) и Великий Князь Владимир Александрович.

№ 33

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мою искреннейшую, сердечную благодарность за все Ваши милости к Обители Святителя Николая Бабаевской и ко мне грешному, за милости, которым несть числа. При благодетельном содействии Вашем надеемся наружную кирпичную кладку окончить в грядущее лето 1867 года.

Благословите, Милостивейший Архипастырь, иеромонаху Каллисту посетить те села Ярославской епархии, которые были посещены им в прошедшем году, так как некоторые из этих сел уже и выразили желание принять Икону Святителя Николая.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
17-го октября 1866-го года

№ 34

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Петр Александрович отправляется в Петербург, где пробудет почти до Нового Года, а может быть, и начало его. Ранее, при свидании с Графом, я просил его о награждении Аполлинария Платоновича, о котором представление не имело успеха единственно потому, что Граф к тому самому времени сделан Министром народного просвещения и дела второстепенной важности оставил уже без внимания. Вероятно, Вы повторите представление Ваше. Я просил Петра Александровича наблюсти за этим делом. Если Ваше Высокопреосвященство имеете что присовокупить к сему, то не откажитесь сказать Петру Александровичу.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
22-го октября 1866-го года

№ 35

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных благ.

Приношу Вам, Святый Владыко, искреннейшую благодарность за благосклонный прием, сделанный Вами моему воспитаннику, Настоятелю Бабаевского монастыря. Любовь Вашего Высокопреосвященства служит для меня и утешением и назиданием. Такая любовь в наш век эгоизма — истинное чудо. Зиждущийся соборный храм в Бабаевском монастыре устроился так более при содействии Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря и Отца
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
6-го декабря 1866-го года

№ 36

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом, при усерднейшем желании Вашему Высокопреосвященству многих лет, вожделенного здравия и всех истинных и совершенных благ.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
25-го декабря 1866-го года

№ 37

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Надеясь на Ваше милостивое внимание и неограниченное снисхождение ко мне, позволяю себе снова беспокоить Вас о вспомоществии по построению Соборного храма в Бабаевском монастыре, о чем имею честь препроводить при сем форменное отношение.

В Петербурге заказан крест на большую главу, имеющую более пяти сажен в поперечнике и более четырех в вышину. Крест бронзовый, в византийском характере; рисунок и в Питере считается новостию, хотя в сущности он — подражание древним образцам, подражание не слепое, усовершенствованное соответственно современному состоянию искусства. Копию [рисунка] с креста препровождаю к Вашему Высокопреосвященству. Взгляните с любовию, оком Ктитора, утешьтесь тем, что милосердый Господь благоспешает делу, и возвратите рисунок подателю письма сего. Стропила для главы — железные; они уже сделаны в Петербурге. Удивляюсь, как зиждется этот храм при ничтожных средствах наших. Зиждет его невидимая Рука. Она посылает и благотворителей; между ними первое лицо — Ваше Высокопреосвященство.

Поручая себя Вашим Святительским Молитвам, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
15-го февраля 1867-го года

№ 38

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за содействие, ныне оказанное Вами и постоянно оказываемое, созиданию Храма во имя Иверской Божией Матери в Обители Святителя Николая Бабаевской[1]. Движимый чувством искреннейшей благодарности, я и лично передавал и писал Г-ну Синодальному Обер-Прокурору о том, сколько я обязан Вашему Высокопреосвященству. Я позволил себе более того: я просил Графа принять и мое ходатайство в содействие представлению Вашему о том лице, которое было употреблено Вами для действий в пользу Бабаевского Монастыря. По сему последнему обстоятельству до сих пор не имею утешительного известия.

Нашлись, к сожалению, противодействователи. Ныне, при встретившемся благоприятном случае, повторяю в четвертый раз мое ходатайство, и о последствиях его сочту долгом известить Ваше Высокопреосвященство.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
4-го марта 1867-го года

[1] Храм во имя Иверской Божией Матери в Николо-Бабаевском монастыре был освящен 8 сентября 1877 г.

№ 39

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Примите мое всеусерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств: Светлым Воскресением Христовым. Приветствую Вас всерадостным приветствием «Христос воскресе», и усерднейше желаю Вашему Высокопреосвященству вожделенного здравия и всех истинных благ.

Поручая себя и вверенную мне Обитель Святительским Молитвам Вашим, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
18-го апреля 1867-го года

Приложение к статье «Высокопреосвященные Платон Костромской и Нил Ярославский»

Праздник в Ярославле[1]

17 октября Ярославль единодушно праздновал провождение святой, чудотворной иконы святителя Николая, привезенной

[1] Домашняя беседа. СПб., 1865. № 46. С. 1344–1345; см. письмо Святителя № 25 к Преосвященному Нилу.

туда из Бабаевского монастыря 12 сентября. В этот день ранее 6 часов утра начали собираться богомольцы в собор, и все улицы представляли непрерывную цепь идущих и едущих по этому направлению. <...>

Икону сопровождали пять человек из обители Бабаевской; их благоговейное служение, стройное пение и внимание ко всем без изъятия очаровали ярославцев и много способствовали усердию их. <...>

После поздней обедни в соборе, которую совершал Высокопреосвященнейший Нил с двумя архимандритами и другими сослужащими, несметное множество народа сопровождало икону к пристани. <...>

На берегу [Бабаевского монастыря] стояло духовенство в полном облачении, ожидавшее святую икону; слышалось громкое, торжественное пение: *величаем тя, святителю отче Николае*. Минуты этой нельзя описать. <...>

Болезненный, но величественный старец, Преосвященный Игнатий, в полном архиерейском облачении, стоял с кадилом среди лика поющих. Четыре диакона поднесли святую икону к владыке. Если бы сам угодник Божий, Николай, сходил тогда с парохода вместо святой своей иконы, то, кажется, вид Преосвященного Игнатия не мог бы быть больше проникнут сознанием святости и величия этой минуты: он был весь — молитва! <...> Против ворот обители совершена была лития, и икона внесена в храм и поставлена на своем обычном месте. Тогда Преосвященный стал на свое святительское место, и начался молебен. По пропетии торжественного гимна: *Тебе Бога хвалим*, владыка обратился к присутствующим с следующею речью:

Боголюбивые граждане богоспасаемого града Ярославля!

Господь наш Иисус Христос обетовал, что чаша студеной воды, поданная во имя ученика Его, не останется без мздовоздаяния.

Вы, братия, приняв чудотворную икону святителя Николая, этого истинного ученика Христова, приняли несомненно самого великого Угодника Божия; честь, оказываемая иконе, относится к лицу, изображенному на иконе. Научают нас этому великие учители православной Церкви.

Вы, братия, предложили ученику Христову не чашу студеной воды, — предложили сердца, исполненные пламенной веры и любви. Любовь и веру выразили вы и осуществили действиями.

Пребывание святой иконы во граде вашем было непрерывающимся празднеством, которое изображалось непрерывающимся богослужением.

Обетовал Господь награду за чашу студеной воды, поданную во имя ученика Его; обетовал Господь воздать коемуждо по делам его. В деснице Господа весы и мера самые верные, самые точные. Если не погубит мзды своея чаша студеной воды, для представления которой нужен лишь труд почерпнуть ее; тем более вознаградится усердие, выраженное в обилии и силе. Невозможно не совершиться этому: обетование произнесено всемогущим и всесвятым Господом.

Братия! да благословятся семейства и домы ваши! да благословятся житейские занятия ваши! Паче же да благословится и благопоспешится ваш подвиг о спасении душ ваших! Все земные приобретения и преимущества оставляет человек на земле, когда уходит с земли в вечность: в вечность вступаем лишь с добродетелями или грехами нашими. Братия! вращаясь в земных заботах, не забывайте о небе, не забывайте о часе исхода из земной жизни. В этот час опытно поймет каждый из нас всю справедливость слов Спасителя: *кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит!*[1] В этот грозный час что даст человек в выкуп за душу свою?

Выкупом запасаемся благовременно на земле: он составляется и постепенно накопляется жизнию по заповедям Евангелия, аминь.

Все стояли с необыкновенным благоговением, внимая словам святителя, который, произнося с силою молитвенною свои благословения, осенял предстоящих. Надо было видеть в эту пору лицо его, говорившее сильнее и красноречивее всяких слов...

Мы приняли благословение нашего владыки, как благословение самого великого угодника Божия и чудотворца Николая.

[1] *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26.)

IV
Письма святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Антонию (Рафальскому)[1]

№ 1

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Хотя и известен мне внушаемый Вам христианскими чувствованиями Вашими смиренный образ мыслей о дне Вашего Ангела, хотя радость его Вы растворяете воспоминаниями печальными, однако чада Ваши, овцы паствы Вашей, дарованные и врученные Вам Пастыреначальником и Божиим Агнцем, должны встречать и провождать сей день в духовном веселии, воссылая теплые молитвы к Господу да продлит лета жизни Вашей в вожделенном здравии и благополучии для благоденствия Российской Церкви.

Так и мы, недостойные иноки обители Преподобного Сергия, молим о сем всемогущего и милосердого Господа; умоляем угодника его, чтобы он сильными молитвами своими о Пастыре нашем восполнил недостаток молитв наших. Воссылая таковые желания к Небу, не можем не обратиться и к Вам, Высокопреосвященнейший Владыко, с усерднейшим поздравлением, которое приносим с живейшими чувствами любви, благодарности, уважения! Примите с обычною Вам снисходительностию и благосклонностию сие приветствие от Настоятеля и братства Сергиевой Пустыни. Священным долгом моим было бы лично принести поздравление Вашему Высокопреосвященству, но болезнь не позволяет мне выходить из комнат.

Поручая себя и обитель Архипастырскому благословению и молитвам Вашим, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
17 января 1845 года.
Сер<гиева> Пус<тынь>

Его Высокопреосвященству Антонию,
Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 2.

№ 2

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Антонию
Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому

Благочинного монастырей Санкт-Петербургской Епархии,
Настоятеля первоклассной Троицкой Сергиевой Пустыни
Архимандрита Игнатия

Покорнейшее прошение

Всегдашнее болезненное состояние мое возросло в течение последних двух годов до такой степени, что я усматриваю себя совершенно неспособным далее нести занимаемые мною должности Благочинного семи мужских и одного женского монастырей СПб Епархии и Настоятеля первоклассной Троицко-Сергиевой Пустыни; а потому и нахожу нужным искать приюта в числе больничных такого монастыря, который бы по здоровому местоположению и благорастворенному климату способствовал к некоторому поддержанию и, может быть, исправлению моего расстроенного здоровья. На таковый предмет избирая для помещения своего Николаевский Бабаевский монастырь, состоящий в Костромской Епархии, осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбою:

Благоволите, Высокопреосвященнейший Владыко, снисходя к крайне расстроенному моему состоянию, исходатайствовать откуда следует разрешение об увольнении меня от занимаемых мною должностей Благочинного и Настоятеля и о дозволении поместиться как больничному в Николаевский Бабаевский монастырь Костромской епархии.

Во удостоверение же действительности моего болезненного состояния и что точно прописываемая мною мера есть для меня необходима, прилагаю при сем на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства подлинное Свидетельство пользовавшего меня Стрелинского Дворцового ведомства медико-хирурга коллежского асессора Бутузова, утвержденное Лейб-медиком действительным статским советником Арендом, данное мне сего года марта 17 дня.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
Апреля 1 дня 1847 года

Антоний (Г. А. Рафальский; 1789–1848) – с 1843 г. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Митрополит Антоний уже с первого дня своего заступления в должность был настроен недоброжелательно по отношению к архимандриту Игнатию Брянчанинову. Недруги постарались довести до его сведения последствия «Барантова дела»[1] в превратном виде и уверить, что запрещение выездов Архимандрита из Сергиевой пустыни действует поныне. Сложившиеся обстоятельства тогда разрешились только после доклада о них Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора А. А. Кавелина Государю Императору. Однако «зависть работала» над тем, чтобы обострить неприязнь Митрополита, которому и так не нравилось стремление Настоятеля Сергиевой пустыни к более самостоятельной деятельности по собственным убеждениям. По инициативе Митрополита Антония Святейшим Синодом было составлено предложение о переводе архимандрита Игнатия настоятелем же в Соловецкий монастырь, чтобы под видом повышения удалить его подальше от столицы и от благодетельного участия в нем Государя.

Не все, однако, поддержали это предложение. В защиту Архимандрита подали голос Преосвященные Курский, Харьковский, Полтавский и другие, находившиеся тогда на чреде. Архиепископ Полтавский Гедеон[2] высказался следующим образом: «Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то земным изветам и, подобно Синедриону, приговорить праведного к казни за то, что он по отношению к нам действует несогласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застанет дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятиями о его обязанностях относительно нас».

При таких отношениях к нему со стороны начальства архимандрит Игнатий не мог оставаться в Сергиевой пустыни: отказывали нервы, подорвано было и без того слабое здоровье. 1 апреля 1847 г. он написал Митрополиту Антонию «Покорнейшее прошение» об отставке. Как известно, прошение это не поддержал Государь Император. Вместо желаемого увольнения архимандриту Игнатию был предоставлен для лечения одиннадцатимесячный отпуск в Николо-Бабаевский монастырь.

А через пять месяцев после его возвращения в Сергиеву пустынь Митрополит Антоний перешел в мир иной.

---

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 148–151. ‖ [2] *Архиепископ Гедеон* (в миру Георгий Иванович Вишневский; 1797–1849) — с 1834 г. — епископ Полтавский и Переяславский, с 1844 — архиепископ.

V

Письмо святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) и ответ на него[1]

№ 1

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Благосклонному и благочестивому вниманию Вашего Высокопреосвященства имею честь представить труд мой — книгу под названием «Аскетические Опыты». В книге изложены те понятия о духовном подвиге, которые почерпнуты мною в течение долговременного созерцания монашества как в живых представителях его, так и в писаниях святых Отцов.

По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновалось. Миновалось оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного ответа в монашеской жизни ни себе, ни братиям своим, живущим посреди мира. Притом занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное.

Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность. Он, один он, может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединенную с разумным духовным подчинением. Образуя в братстве

[1] *Л. А. Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь и морально-аскетические воззрения. Ч. 2. Приложения. Киев, 1915. С. 257–259.

духовную силу и связь, он, один он, может облечь монаха во всеоружие для отражения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Искупителе. Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенной благотворностью, которой он чужд, когда действует один.

Расположение и покровительство, оказываемые Вашим Высокопреосвященством монашеству, Ваше усердие и ревность к поддержанию его и к возведению в преуспеяние, предначертанное церковным преданием, внушили мне дерзновение представить взорам Вашим составленную мною книгу. Экземпляр ее, равно как и записку о местах продажи по цене ее — цена назначена книгопродавцом, отпечатавшим книгу на свое иждивение, — предоставит Вашему Высокопреосвященству мой родной брат, Петр Александрович Брянчанинов. Может быть, благоугодно будет Вашему Высокопреосвященству, по рассмотрении книги, оказать Архипастырское содействие к распространению ее в монастырях епархий Ваших.

Испрашивая себе Ваше Архипастырское благословение и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейший послушник

Епископ Игнатий.
[март 1864 г.]

№ 2

...Получив сегодня 3 и 4 томы сочинений Вашего Преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о глубоком изучении Вами душеспасительного учения Богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни. Не могу не выразить при сем сам душевного сожаления, что слабеющие силы Ваши отказываются служить крепкому духу Вашему в продолжении подвигов на том духовно-ученом поприще, на котором мы давно не видали столь усердных тружеников. Благодать Божия, в немощех человеческих совершающая силу

свою да приложит Вам дни на дни и лета на лета на пользу Святой Церкви. Радуйтесь о Господе и помяните в молитвах Ваших уважающего Вас и искренне преданного слугу

Исидора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.
7 апреля 1867 года

Преосвященный Исидор (в миру Я. С. Никольский; 1799–1892) — с 1844 по 1858 г. экзарх Грузии, 1858–1860 гг. — Митрополит Киевский; с 1 июля 1860 г. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Летом 1858 г. епископ Игнатий предпринял объезд восточной половины своей епархии. В первых числах августа он из Кисловодска прибыл в Георгиевск, чтобы встретить там Митрополита Исидора, перемещенного из Тбилиси в Киев. В жизнеописании Святителя приведена его собственная дневниковая запись под 5, 6, 7 и 8 августа: «До двух часов ночи беседовал Митрополит со мною и гражданским губернатором генерал-лейтенантом Волоцким[1]. Говорил почти один Митрополит и единственно о предметах светских, говорил с большою охотою. 8-го он встал утром, в шесть часов, занялся со мною около десяти минут наедине разговором о предметах, касающихся Кавказской епархии и вообще Церкви. В это кратчайшее время он коснулся многих предметов, выказал по многим из них познания самые рядовые и даже самые недостаточные, направление ума с поверхностным взглядом и кавказскую самоуверенность. Ему лет шестьдесят — много с годом или двумя. Росту он менее, нежели среднего, но и не самого малого. Голова его сидит в плечах, шея очень коротка. В обращении мужиковат, но весьма сметлив — глаза так и бегают. Сметливостью своею он отличался постоянно на поприще своего служения. Силами еще очень свеж, хотя молва и провозгласила его повсюду весьма болезненным. Митрополит выразил свое неудовольствие на дворянство русское за медленность в увольнении крестьян»[2].

Епископ Игнатий рассказал митрополиту Исидору, между прочим, что он, в целях поощрения преподавателей семинарии и наиболее достойных учащихся, приглашал их по вечерам в праздники для духовно-назидательных бесед. При этом им предлагался чай, фрукты или что-либо сладкое. Митрополит посчитал такое обращение с подчиненными слишком фамильярным и не постеснялся выговорить Епископу раздраженным тоном свои укоризны. Его тон был настолько неприличным, что присутствовавший при разговоре генерал-лейтенант Волоцкой вынужден был его успокаивать.

---

[1] *Алексей Александрович Волоцкой* (1806–1875) — сенатор, генерал-лейтенант, губернатор Ставропольского края, вологодский уроженец, хороший знакомый святителя Игнатия еще с детства. ‖ [2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 219.

Свое раздражение против епископа Игнатия Исидор сохранил и тогда, когда занял место Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, что, конечно, усугубило желание Святителя уйти на покой. Однако литературные труды святителя Игнатия Митрополит Исидор, судя по его письму, принял очень благосклонно. Но узнал об этом Святитель за шесть дней до кончины.

VI

Письмо святителя Игнатия к епископу Венедикту (Григоровичу)[1]

Его Преосвященству!
Преосвященнейшему Венедикту, Епископу Ревельскому
Викарию С.-Петербургскому и разных орденов кавалеру
Первоклассной Троицко-Сергиевой Пустыни
Архимандрита Игнатия

Объяснение

Будучи спрошен Вашим Преосвященством относительно литографированного экземпляра переведенных на Российский язык с Еврейского Пророческих книг Ветхого Завета, о коем экземпляре указано, что оный находится у меня, имею честь отвечать следующее. Прошлого 1841 года, в каникулярное время Академии, приглашен был мною студент Духовной Академии Мичурин для переписания переведенной мною с Латинского книги Преподобного Исаии Отшельника. Когда он переписал книгу, то начал я прочитывать с ним оную для проверки, при сем чтении неприметным образом завязывался разговор, в коем он сказал мне, что у них в Академии переводятся разные места из Священного Писания на Российский язык и что оные лекции литографированы. Я пожелал иметь экземпляр у себя, каковый и доставлен был мне студентом Мичуриным в конце каникулярного времени, а как я имел другие занятия, то и начал чтение сего экземпляра не ранее как при наступлении осени, начал понемногу со Словенским. Нашедши же, что перевод сей различествует с Словенскою Библиею и потому может произвести вредное впечатление на начальных братий, имеющих свободный вход ко мне в кабинет для чтения отеческих книг, мне принадлежащих и помещенных в открытом шкафе и таковом же налое, я

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 4.

признал за лучшее уничтожить литографированный экземпляр и предал оный сожжению, подобно как поступаю и с прочими книгами, от чтения коих ожидаю вредного влияния на братию. Для себя же в оной не видел я нужды, имея Священное Писание, кроме Словенского, на Греческом, Латинском и Французском языках. Из братии никто не успел узнать о сей книге, кроме монаха Иллариона, коему я поверяю надзор за [*нрзб.*] новоначальными и чтением их, и в присутствии коего я предал сию книгу сожжению. Других же таковых литографированных экземпляров, кроме упомянутого одного, у меня не было, и в настоящее время нет; также письменных переводов Священного Писания на Российский язык не имеется, о чем и имею честь донести Вашему Преосвященству.

Вашего Преосвященства покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

Преосвященный Венедикт (Григорович) — викарный епископ, до конца 1833 г. замещал должность настоятеля Сергиевой пустыни. 1 января 1834 г., по указу Святейшего Синода, сдал Пустынь архимандриту Игнатию Брянчанинову. Взамен ему было назначено содержание в 4000 рублей ассигнациями.

VII

Письмо святителя Игнатия к архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору (Чистякову)[1]

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую, сердечную признательность за милостивое, христианское участие в моих обстоятельствах! Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками; по самому участию Вашему, примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым господь одарил Вас.

В указе Консистории прописана мне следующая резолюция Преосвященного Викария С.-Петербургского с требованием от меня отзыва: «Консистория имеет спросить настоятеля Сергие-

[1] Письма Епископа Игнатия к разным лицам. Вып. 1. Сергиев Посад, 1913. С. 51–56.

вой пустыни Архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае Архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на Архимандрите обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении».

Каждое дело, по мнению моему, имеет свой естественный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего; «Судьбы Твоя помогут мне», воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции Преосвященного Викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением о увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что представляется мне указать на лицо, благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все, могущее встретиться. При назначении такого лица, мне невозможно обидеть моего Наместника устранением его от поручения; невозможно устранить его, потому что он один мог бы, при благоприятных обстоятельствах, поддержать Сергиеву Пустыню в том виде, в каком она теперь; невозможно и указать на него по известным к нему отношениям Преосвященного Викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжения, расстроить монастырь; а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на Наместника. По подобным распоряжениям его Преосвященства и мне нельзя долее оставаться настоятелем Сергиевой Пустыни, если б даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению. Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, долженствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей Кротчайшего Господа Иисуса Христа. — Резолюция Преосвященного Викария сохраняет по

самому естественному ходу дела, обнаруживающему, впрочем, залог сердечный, общий характер его поведения относительно меня. Это — фигура, это — слова, из которых образуется какая-то маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе — увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагорасположение, неблагонамеренность. Опять оставляю распространяться. «Да не возглаголют уста моя дел человеческих», да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, «да помянет она чудеса Божии и судьбы уст Его, яко той Бог наш, по всей земли судьбы Его».

Скажу Вашему Высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой Пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют к удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетельствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение — «да узрю грех мой и попекуся о нем». В глазах моих люди в стороне. Действует Промысл Божий, в деснице которого люди — орудия. Орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца — свидетель святой Истины!

Когда в день преподобного Сергия Вы, святый Владыка, находились в Сергиевой Пустыни для священнодействия, тогда в духовной искренней беседе я сказал Вашему Высокопреосвященству, что имею непременное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С этою целию оставил я мир. С этою постоянною целию совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его. Признавая себя не созревшим к нему, боялся самочинно вступить в него. Но когда указуется оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой Пустыни, могу с откровенностью сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней — и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце; ничто в ней мне не нравится. Только к некоторым братиям питаю истинную любовь! Кажется, едва выеду из Сергиевой Пустыни — забуду ее. Я занимался устроением ее, как обязанностью; принуждал себя любить Сергиеву Пустыню, как в Инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор. Стоящая на юру,

окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо Богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь — Сергиева Пустыня! И я ей был не по мысли: поражая меня непрестанными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем, поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и благодарностью: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления, — за все благодарен. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! — Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилов, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: оне истощились: повторение такого же труда для них невозможно! Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия; душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою; пред нею открывается вечность, она приготовляется в путь отцев своих, находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению; сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда — и взоры, и мысли, и сердце!

Некоторые стращают меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и Архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих скорбей; но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многие годы послушником. Точно, пришлось видеть некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но на самой вещи, на беспокойствии в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию, отца Феофана, Архимандрита Новоезерского[1]: я имел счастие его видеть, имел счастие с ним беседовать. По моему мнению, заимствованному из учения преподобных Наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в Законе Божием, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия

в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном. Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! «Блаженни, говорит он, препоясавшиеся по чреслех своих к морю скорбей простотою и неиспытным образом любве ради, яже к Богу, и не давшии плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениях добре потрудившихся, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея... Размышляющие же много помышления, и хотящии зело быти премудрии, и предающии себе обращениим помыслов и боязни, и предуготовляющиися, и презрети хотящии вредительныя вины, множайшии из сих при дверех домов своих выну седящи обретаются. Яко рекшии: Сыны исполинов видехом тамо, и бехом пред ними яко прузи. Сии суть во время скончания своего обретающиися на пути, присно хотящии быти премудри, положити же начала отнюдь не хотяще. Невежда же плавает с первою теплотою и преплывает, попечания о теле отнюдь не творя... Внемли себе, да не будет многость премудрости твоея поползновение души твоей и сеть пред лицем твоим: но на Бога уповая, с мужеством положи начало пути исполненного крове, да не обрящещися присно скуден и наг разума Божия. Бояйся бо и ждый ветров, не иметь сеяти... сего ради не упремудряйся излишнее отнюдь, но даждь место вере в мысли твоей, и поминай дни они многия, и будущия и неисповедимыя веки, сущия по смерти и суде, и не внидет некогда слабость в тебе... С мужеством начни всяко дело благо, и да не с двоедушием приступиши к нему, и да не усумнишися в сердце твоем о надежде Божией... Но веруй в сердце твоем, яко милостив есть Господь, и взыскающим Его дает благодать яко мздовоздаятель, не по деланию нашему, но по усердию душ наших и Вере. Глаголет бо: яко же веровал еси, буди тебе» (Св. Исаак Сирский. Слово 58).

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем; но редкие — при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждения мира? Учение Отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира, оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что, побыв в уединении,

сделаюсь окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. уединение действует, как отрава: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим Высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а потому и самое достижение их. Этим сделаете мне благодеяние не земное, благодеяние столь достойное Святителя Христова, благодеяние, которому награда — на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и Архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашим покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
мая 1847 года

[1] *Отца Феофана, Архимандрита Новоезерского...* — См. с. 168–175.

Архиепископ Курский Илиодор (в миру Иван Борисович Чистяков; 179?–2 февраля 1861) родился в селе Воскресенск Калужской губернии, в семье священника. В 1816 г. окончил Калужскую семинарию, в 1820 г. — Московскую Духовную академию и в этом же году пострижен. В 1821 г. — иеродиакон, затем иеромонах, в 1825 г. — архимандрит; в 1827 г. — ректор Новгородской семинарии и настоятель Антониевского монастыря; в 1832 г. — епископ Курский и Белгородский, 24 марта 1844 г. — архиепископ. В 1860 г. уволен на покой.

В начале 1847 г. архиепископ Илиодор, находясь на чреде в Святейшем Синоде, посетил Сергиеву пустынь и беседовал с архимандритом Игнатием. Он был одним из немногих, кто выражал сочувствие к архимандриту Игнатию, находящемуся в это время в тяжелых обстоятельствах (о которых он рассказывает в письме). 14 августа 1847 г., уже из Николо-Бабаевского монастыря, архимандрит Игнатий писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «При свидании потрудись сказать мой усерднейший поклон Высокопреосвященнейшему Илиодору и благодарность за его расположение ко мне». В 1857 г. епископ Игнатий Брянчанинов по пути в Ставрополь посетил по приглашению Преосвященного Илиодора Курск и 15 декабря служил там соборне Литургию.

VIII

Письмо Преосвященного Николая (Соколова), епископа Калужского, к святителю Игнатию Брянчанинову и ответ на него[1]

№ 1

Высокопреподобный Отец Архимандрит Игнатий!

Милостивый Государь!

По желанию Вашему послушник Алексей Герасимов, ныне уже иеродиакон Аполлинарий, с миром отпущен мною в Вашу святую обитель. Молодые, способные люди нужны бы и в здешних монастырях. Мое намерение было Аполлинария перевесть в свой дом. Но когда провидение воззвало его на поприще лучшее, то, не пререкая, умоляю Господа, да будет он, Аполлинарий, всегда угоден Вам и в пользу пустыни, вверенной управлению Вашему.

С искренним почтением имею честь быть
Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Николай, Епископ Калужский.
1835 года
сентября 18 дня
Калуга

№ 2

Ваше Преосвященство! Милостивейший Архипастырь!

Великодушная снисходительность Вашего Преосвященства, которую оказали, и уволив Аполлинария в Сергиеву Пустыню, и наградив меня почтеннейшими строками, непременно требуют от меня и сугубой благодарности. Приношу оную всеискреннe! Принося, паки прошу Вашего Архипастырского благословения и святых молитв, коими благоволите осенить, имеющего честь быть с истинной преданностью и высокопочитанием Вашего Преосвященства всепокорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
1835 года ноября 25 дня
С.-Петербург. Сергиева Пустынь

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 6.

Преосвященному Николаю
Епископу Калужскому

Преосвященный Николай (Соколов; † 1851) — из ректоров Тамбовской семинарии, 8 июня 1831 г. возведен в сан епископа Дмитровского; 2 октября 1834 г. — Калужского.

IX
Архиепископ Ириней (Нестерович)

Архиепископ Ириней (Нестерович; ок. 1785 – 18 мая 1864) — выпускник Киевской Духовной академии, в 1813 г. пострижен и возведен в иеромонахи; в 1817 г. — архимандрит; в 1820 г. — ректор Кишиневской семинарии; в 1826 г. — епископ Пензенский; с 26 июля 1830 г. — архиепископ Иркутский.

Он запомнился современникам и вошел в историю из-за своего необычного поведения. Вскоре по прибытии в Сибирь, у него произошли столкновения с иркутским полицмейстером Александром Николаевичем Муравьевым[1] и с генерал-губернатором Лавинским. 13 января 1831 г. А. Н. Муравьев писал своему доброму знакомому, Стефану Дмитриевичу Нечаеву, который в то время занимал должность Обер-прокурора Святейшего Синода: «Упомяну нечто о здешнем архиепископе Иринее, который, с одной стороны, всеми силами старается исправить Иркутскую епархию. Употребляет на то средства, [которые] кажутся мне, неприличными архиерею, как-то: брань и шум во время служения, остановление обедни для разных мелочных замечаний и наставлений... даже выходя из границ благопристойности, сжимая кулаки и телодвижениями, походящими на драки и побои.

...Великий почитатель Фотия[2], архимандрита где-то в Новгороде, он бранит все, что не Фотий и не от Фотия»[3].

28 июня 1831 г. состоялось Высочайшее повеление об удалении Иринея от управления епархией. Заподозрив подлинность синодского указа по сему случаю, Преосвященный Ириней отказался выехать из Иркутска и даже начал сеять смуту среди населения. Пришлось прибегнуть к силе. «Государь желал, чтобы это поручение было выполнено быстро, решительно и без огласки, и поинтересовался у Бенкендорфа, нет ли у него спо-

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 426. ‖ [2] О нем см. с. 181–184. ‖ [3] Русский архив. М., 1893. Кн. 2. С. 135.

собного для этого людей. Бенкендорф указал ему на Никиту Петровича Брянчанинова[1], и, когда тот явился пред Государем, тот остался удовлетворенным, заметив: «Этот вывезет»[2].

Действительно, Никита Петрович прекрасно справился с поручением: благополучно доставил архиепископа Иринея в Спасо-Прилуцкий монастырь Вологодской епархии, который был назначен для его местонахождения с 1200 рублей содержания в год, — да еще остался в дружеских отношениях с опальным архиереем.

Из приведенного ниже письма архиепископа Иринея к архимандриту Игнатию Брянчанинову видно, что ему не хотелось оставаться в Спасо-Прилуцком монастыре, где он находился как бы в заключении. Но лишь через несколько лет начальство, на основании объяснений Иринея, пришло к выводу, что его поступки в Иркутске были вызваны временным помрачением умственных способностей. Ему было разрешено священнодействовать и дан в управление Толгский монастырь, в котором в мае 1862 г. его навестил Преосвященный Игнатий и где он скончался.

Письмо Преосвященного Иринея (Нестеровича) к святителю Игнатию[3]

Ваше Высокопреподобие, почтеннейший Благодетель!

Пишу к Вам в самый важный день для Вас, в день Вашего Ангела Игнатия Богоносца. Да сияют дни Ваши славою Небес для славы Церкви Святой на земли, ходатайством у Господа Угодника Его Ангела Вашего. И блага Рождества Христа Бога нашего и милости Его в Новолетии да преизбыточествуют для Вас многие лета в такой мере, какою Богоносец Ваш обиловал во дни подвигов своих на земли.

Но, может быть, я утруждаю Вас. Еще выслушайте, Вы мой Благодетель, следовательно, не захотите не взять участия в важном обстоятельстве жизни моей. Мне бы хотелось преселиться на юг, а именно в Бессарабию, в Кишинев, к тамошнему Владыке, моему старому Благодетелю Димитрию[1*]. Святитель Божий согласен принять меня в Архиерейский Дом свой для жительства. Он уже в преклонных летах, и я мог бы выполнять Его Богоугодные повеления: священнодействовать и вспомоществовать

[1] *Никита Петрович Брянчанинов* — пятиюродный брат святителя Игнатия. ‖ [2] Труды Киевской Императорской Духовной академии за 1914 г. № 9–12. Киев, 1914. С. 81. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 46. Публикуется впервые.

Ему в переводах на тамошний язык. Архипастырь писал от 23 ноября сего 1838 года к Высокопреосвященнейшим Митрополитам Серафиму и Филарету, писал и я от 20 декабря сего. Оба мы просили Их милосердия. Для памяти Угодника Божия — Вашего ангела окажите мне благодеяние: исходатайствуйте по величию доброты души Вашей у сих великих Архипастырей — и далее у кого следует, — дабы я в Кишинев к Владыке Димитрию, ими же Христос Бог и Они возжелают судьбами мог быть перемещенным. Умоляю Вас, не оставьте моей всепокорнейшей просьбы и не откажите написать ко мне два-три слова.

Повторяя и душевные желания Вам всех благ от Господа, молитвами Угодника Божия Игнатия, и свою всенижайшую просьбу, с истинным высокопочитанием и глубочайшею преданностию имею честь быть Вашим всепокорнейшим слугою

Ириней, архиепископ.
20 декабря 1838
Вологда, Спасо-Прилуцкий монастырь

[1*] *Димитрий Сулима* — в 1797 г. священник, в 1800 г. — протоиерей, в 1811 г. — епископ Бендерский; с 18 июня 1821 г. — архиепископ Кишиневский. Скончался в 1844 г.

X

Два письма архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила (Розанова) к святителю Игнатию и ответ Святителя (на первое из них)[1]

№ 1

Высокопреподобнейший Отец,
Любезнейший о Господе Сослужитель!

Поклон Ваш, приписанный мне в письме Вашем к Михайле Леонтьевичу[1*], принял я с восхищением. Не витийствую, но говорю сие правдодушно.

Коль он чудодействен! Отодвинулась завеса, я узрел; и мгновенно перенесся от моря Черного к пределам моря Белого. Вхо-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 17 и № 35. (Впервые были опубликованы в книге «Странствование ко вратам вечности». М., 2001.)

жу в скромный и благочинный приют незабвенного друга моего Александра Семеновича, просвещаюсь его беседою, услаждаюсь угощением; и доволен собою, как нельзя лучше. Но что это за юные нежные отрасли окрест нас? Что за птенцы голубиные? Что за прелестные Херувимы? Это милые детки друга моего; в том числе и Вы, достопочтеннейший Отец! вот к каким предметам, к какому времени возводит мысль мою Ваш мне поклон!

И так, благодаря за оный, я ничего более не желаю, как дабы и впредь подобную радость Вы мне присылали. Свет Твой светится пред человеки, дела блистают и церковь славится чрез Тебя. Будучи вдалеке, я то тем яснее вижу и свидетельствую. Вторая причина для меня восхищаться Вашим меня воспоминанием.

К усугублению радости, ежели рассудите почтить меня и письмецом, то уведомьте о состоянии Вашего Батюшки. Родительница Ваша кончила свой век. Это мне известно. Но который Вы в ряду братцев ваших, как пчелки летавших около меня в саду, в оранжерее, по полям и по лугам? Где ненаглядный Сенюша? Один из братцев Ваших, служивший при Муравьеве адъютантом, посещал меня в Екатеринославле. Но время было кратко! Почему и не успел я извлечь из него нужнейшие и приятнейшие для меня сведения. Надеясь тем усладиться чрез сношение с Вами, о котором и прошу Вас, имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия любезного о Христе брата Препокорный Слуга и почитатель

Гавриил, Архиепископ Херсонский и Таврический.

25 Генваря 1839

Одесса

Заутра, аще Господь сохранит, стукнет мне 58 лет, сколько Вам и Батюшке Вашему? Последний, думаю, мне ровесник. То самое и Павел Алексеевич Шипилов. Но за письмом и другое родится письмо; если все знакомое и милое исчислять. Отложу до Вашего ответа.

[1*] *М. Л. Магницкий* (1778–1844) — деятель народного просвещения, поэт, публицист; со святителем Игнатием был знаком еще со времени учебы его в Инженерном училище.

№ 2

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь!

Доселе не могу опомниться от письма Вашего: я утешен, упоен утешением! Читаю письмо Ваше, перечитываю, радуюсь, и

паки к чтению письма влекусь желанием ненасытно. Как! Ни дальность времени, ни перемена многих разнообразных обстоятельств, ни новые союзы дружбы не могли ослабить в Вас того милостивого, искреннего расположения, которое Вы получили к моему родителю и всему нашему семейству! Кажется, время, истребляющее, по крайней мере весьма ослабляющее впечатления, в Вас только дало им более жизни и силы. Это чудо, восхитительное чудо, Вы пролили в сердце мое радость небесную! Да вознаградит Вас Бог за чувство сладости райской, которое Вы излили в сердце мое письмом, дышущим любовью! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше застало Родителя моего в те минуты, как он хотел ехать обратно в Вологду из Сергиевой Пустыни, куда приезжал на две недели для свидания со мною после пятилетней разлуки. Он прочитал письмо, он рыдал от бесчисленных, разнородных чувствований, скопившихся в сердце, он просит Вашего Архипастырского благословения и молитв. Из детей я старший, Димитрий, который и прежде пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говаривали Александру Семеновичу: уступите его в монашество! Ненаглядный Сенюша с другим братом служат в Семеновском полку. Четвертый брат, по старшинству вторый, есть тот, который имел счастие быть у Вас в Екатеринославле. Три сестры, две замужем, одна вдовствует. При вступлением моем в разряд Послушников, спешил я в Орловскую епархию, монашеством обильную, надеясь найти в ее Пастыре[1] и Покровителя и Наставника. — Достигаю Орловских пределов и искомого не обретаю. Промыслу угодно было малыми скорбями доставить мне малую опытность, столько нужную в жизни, особенно монашеской. Мне от роду 32 года, родителю моему 54; столько же или немногим более Павлу Алексеевичу Шипилову, которого на днях ожидают сюда. Как родитель мой, так и Павел Алексеевич Шипилов уже старцы, покрытые сединами. Шипилова Елизавета Николаевна, лишившись двух старших детей, сына, онаго доброго и даровитого Алексея, убитого на сражении, и дочери, скончавшейся скоропостижно, крайне повредилась в здоровье. Одно ее утешение — единственный сын Леонид, коего едва ли Вы знаете. Вот малейшая часть моего отчета, которую Вам представляю, впредь надеюсь дополнить.

Сто крат повторяю мою благодарность за столь нежную память Вашу. Поручая себя Вашим молитвам и благословению, имею честь

быть, Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
1839 года 15 февраля

Его Высокопреосвященству Гавриилу,
Архиепископу Херсонскому и Таврическому

[1] Т. е. в епископе Гаврииле — см. ниже.

№ 3

Высокопреподобнейший Отец,
Любезнейший о Господе сослужитель и Сомолитвенник!

Податель сих черт есть пламенный почитатель Вашего Высокопреподобия. Поелику же и мое к Вам усердие огню подобно: то, при случае отъезд оного в С.П. я не мог не писать к Вам, достопочтеннейший. Предмет сие: Поздравляю Вас с настоящим Новым Годом. Сколько предлежит нам малитися, столко Вам расти и возвыщаться, да дарует Господь.

Очевидный свидетель может Вам рассказать, что если спросить обо мне соизволите. А Ваше благополучие (в другом виде я не хочу представлять Вас) кто мне опишет, кроме Вас самих? И так о том прошу я Вас искреннейше, с тем, дабы Вы уведомили меня о состоянии Вашего батюшки, братцев и, если можно, всего того, чрез что и до сих пор мила мне Вологда.

Кичлив бы я был, если бы сказал, что по Петербургу мне ни посредник, ни благодетель не нужен. Позвольте мне впредь прибегать к Вам с моими просьбами и с надеждою благосклонного Вашего на них взора. Впрочем, имею честь быть, Высокопреподобнейший Отец, Вашего Высокопреподобия Покорнейший слуга и почитатель

Гавриил, Архиепископ Херсонский.
22 Генваря 1840
Одесса

Преосвященный Гавриил (в миру Василий Федорович Розанов; 1781–1858) — в 1811 г. пострижен в монашество, в 1814 г. — ректор Вологодской семинарии, в 1820 г. — настоятель Толгского монастыря; в 1821 г. — епископ Орловский, в 1828 г. — архиепископ Екатеринославский, в 1837 г. — Херсонский и в 1848 г. — Тверской. 15 февраля 1857 г. уволен на покой. Во время службы в Вологде и близ нее (1814–1820) дружил с семейством А. С. Брянчанинова.

XI

Письма Преосвященного Феодотия (Озерова), епископа Старорусского, к святителю Игнатию[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие,
Любезнейший во Христе Брат!

Сердечно благодарствую Вам за любовь Вашу, и за нарядное выражение оной, и за писание, которые имел я честь вчера получить.

Прекрасно Ваше сравнение камышовой трости с состоянием нашего духа. С своей стороны присовокуплю к сему, что выпрямление большею частию зависит при непрестанно действующей на нас благодати Божией от нас самих. Что говорить о примерах?

Доселе с душевным услаждением воспоминаю я те часа с два — с три, которые провел я с Вами в Хутыни, расширяя душу откровенною Вашею беседою. После того я, кажется, доселе не говорил. Размыслите о таком состоянии человека — существа не бессловесного. Ну!

Еще приношу Вам благодарность мою за любовь Вашу, и с отличным уважением и братскою во Христе любовию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
Возлюбленнейшего брата
покорнейшим слугою

Феодотий, Епископ Старорусский.
19 августа 1840 года
Хутынь

P. S. Сбирался я писать к Вам ныне после Светлой недели и благодарить Вас за ласковое Ваше обращение с моим Казначеем. Но не знал, куда писать к Вам. О. Аполлос говорит, что в Стрельну. Сему теперь и следую.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 7.

№ 2

Ваше Высокопреподобие,
Любезнейший брат!

Некогда хвалили Вы мне Новоезерского монастыря Казначея. В прошлый Великий пост я его видел, и нашел соответствующим Вашему о нем доброму отзыву. Теперь рекомендую я его в Игумены Отенского монастыря. Посодействуйте сему; а о записке этой помолчите.

Ваш брат и верный слуга

Феодотий, Е<пископ> Старорусский.
26 сентября[1840]

P. S. Прошу передать мой добрый поклон о. Михаилу.

№ 3

Ну, дело важное сделано: Новоезерский Казначей утвержден Строителем Савоишерского монастыря. Не думаете ли, что цель сего письма есть благодарность Вам за содействие? Совсем нет. Иначе не был бы я Новгородец.

Уж и Питерцы — то народец! Вот проходит пятый день после торжества, а что там у Вас было, никто о том ко мне ни строчки. Такие! — Если мы не пишем, то совсем другое дело. Иногда написал бы, да хорошей бумаги нет. А на худой как писать к хорошим людям? — У Вас другое дело. Бумага — загляденье! Даже попросил бы, чтобы прислал кто такой бумажки, кабы не было стыдно. Посмотрим, не пришлют ли без спроса, — так, сами не догадались ли.

Что-то я опечален. От того так и пишется.

Ну, что делать? Видно, написать уж спасибо, что пособили сделать строителя. Спасибо! —

Ваш брат и верный слуга

Феодотий, Е<пископ> Старорусский.
10 декабря 1840

P. S. Покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие передать мое душевное уважение доброму о. Михаилу.

Высокопреосвященный Феодотий (Озеров, † 1858) — в 1823 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию; в 1837 г. — ректор Рязанской семинарии; с 11 июля 1837 г. — епископ Старорусский; с 7 августа 1842 г. — епископ Симбирский.

XII
Архиепископ Туркестанский и Ташкентский Софония (Сокольский)

Единственное сохранившееся в архиве П. П. Яковлева официальное письмо святителя Игнатия Брянчанинова к архимандриту Софонии, будущему архиепископу Туркестанскому и Ташкентскому, отнюдь не характеризует всех их взаимоотношений, описанных, в частности, их современником протоиереем Михаилом Путинцевым[1].

Архиепископ Софония (Сокольский, † 26 ноября 1877) по окончании Санкт-Петербургской Духовной академии в 1827 г. был пострижен в монашество и назначен инспектором Вологодской семинарии; с 1831 по 1835 г. — он инспектор семинарий, а с 1835 г. — архимандрит и до 1847 г. — ректор семинарий в разных епархиях; с 11 февраля 1848 г. — он настоятель посольской церкви в Константинополе, с 2 октября 1855 и до 1860 г. — в Риме. 10 февраля 1863 г. он был произведен во епископа Новомиргородского и 12 ноября этого же года — Туркестанского и Ташкентского.

В 1828 г., будучи в Вологде, о. Софония познакомился и сдружился с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. Особым поводом к их сближению послужила любовь к чтению святоотеческих творений. «Мечтою их было удаление в какой-либо глухой монастырь», где они желали трудиться в неизвестности, в самых тяжелых послушаниях. 28 июня 1831 г. иеромонах Софония подводил Дмитрия Александровича к пострижению.

Впоследствии Преосвященный Софония часто говорил: «Знакомство с Брянчаниновым было одно из памятных и дорогих для меня знакомств, по той искренности и задушевности, какою оно отличалось».

Мечтам о пустыне не суждено было осуществиться: обоих их ожидала святительская кафедра. «Преосвященный Софония до конца своей жизни простоял на страже Церкви Христовой среди многомятежного мира и умер в такой стране, где нет ни одной иноческой обители и где он был единственный монах».

В 1845 г., будучи членом Консистории, о. Софония навестил архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни. «Видя богатую обстановку его келлии, он спросил: «Что же, о. Игнатий? Где наши

[1] Душеполезное чтение. Апрель. М., 1878. С. 490.

мечты о пустыне, о строгих подвигах и лишениях?» Архимандрит Игнатий молча повел его в одну из отдаленных комнат своего настоятельского дома, и что же увидел там вопросивший? — Голые стены, одну небогатую икону с неугасимою лампадою пред нею, убогую рогожку на полу, и только! Архимандрит Софония понял этот безмолвный ответ своего друга: вся роскошь, все великолепие жизненной обстановки о. Игнатия были только наружные, в действительности же он был аскет в подлинном значении этого слова».

Письмо святителя Игнатия к архимандриту Софонии (Сокольскому)[1]

Ваше Высокопреподобие!

Досточтимый Отец архимандрит Софония!

Примите раскаяние грешника, смиренно преклоняющего главу свою пред Вами и пред прочими отцами членами Консистории той экспедиции, в которой Вы заседаете. Дело состоит в следующем: уволенный из казаков города Полтавы Иван Васильев сын Токаренко подал 30 января 1845 года прошение на имя Его Высокопреосвященства о определении его, Токаренко, в число братства Сергиевой пустыни. Обольстившись его отличным голосом — тенором, которого одного только нам недоставало, я нарушил свое правило, по коему раньше года не соглашаюсь изъявлять моего согласия на определение разночинцев в число братства вверенной мне обители. Я написал на прошении Токаренка свое согласие. А теперь, к крайнему моему оскорблению, этот... (не хочу употребить слова осудительного!) он начинает ломаться и просить выдать ему обратно его увольнительный вид! — Прошу у Вас извинения в моей опрометчивости; примите также на себя труд извинить меня пред прочими Отцами членами.

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
Сергиева Пустынь
1845 года февраля 12-го дня

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 8.

XIII

Письмо Преосвященного Смарагда (Крыжановского), архиепископа Орловского, к святителю Игнатию[1]

Преосвященнейший Возлюбленнейший о Христе брат!

Усерднейше приветствую Вас с возведением в сан Епископа Российской Церкви и вступлением на боговверенную Епархию. От всей моей души желаю преуспеяния во всем благом как новопоставленному достойному Архипастырю, так и всей пастве Кавказской. Духовный луч Ваш долговременно напаяем был живою водой Евангельского учения и примером святых подвижников, и я совершенно уверен в том, что он при благодати Божией будет ныне произрастать самые благоуханные цветы для Церкви Христовой.

Премного благодарю за писание Ваше от 20-го прошедшего января и прошу снисходительного извинения в том, что не знал времени вашего проезда чрез Орел, отлучился я из дома только денька на три в Епархию. И нужно же было в эти именно три дня потерять мне драгоценнейшее с Вами свидание! Воля Божия да будет! Епархия Ваша несколько мне известна, особенно потому, что она подлежала некогда Астрахани, где я был пастырем и имел случай получить некоторые о Кавказе и Черномории сведения, притом и семинаристы Ваши учились еще при мне в Астрахани. Черномория, говорят, есть лучший угол в Вашей Епархии. Но вообще при небольшом количестве церквей — жатва многа, а делателей мало, Господь да умудрит и наставит Ваше Преосвященство, как устроять там Дом Божий, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины. Я с моей стороны знаю, сколь трудно пастырю в новооткрытых епархиях, ибо и сам открывал в Белоруссии Полоцкую епархию и квартировал в жидовском доме, претерпевал и все прочие происходившие от недостатка средств и людей злоключения. Уповаю, что Господь Милосердый оценит некогда мозолевые труди ваши, при насаждении в том краю православной Церкви.

О себе доложу Вам, что здоровье мое сокрушается уже и от старости, ибо имею шестьдесят два года от рождения, — близок предел земного странствования.

---

[1] РНБ РО. Ф. 1000. 1924. 171.

Помолитесь, Владыко святый, о нашем недостоинстве. А я, стоя у Престола Божия, не премину забвением святого имени и лица Вашего.

Прося продолжения Вашего к себе благорасположения, навсегда пребыть имею Вашего Преосвященства нижайшим благоприятным слугою.

Подлинно подписал

Смарагд Архиепископ.
г. Орел
1858 года, февраля 11 числа

Преосвященный Смарагд (в миру А. П. Крыжановский, 1796–1863) — в 1819 г. магистр Санкт-Петербургской Духовной академии. В этом же году пострижен; в 1821 г. — инспектор Киевской Духовной академии; в 1824 г. — архимандрит; в 1826 г. — ректор Киевской семинарии, в 1828 г. — Вифанской, затем Киевской академии; в 1830 г. — ректор Санкт-Петербургской Духовной академии; с 20 сентября 1831 г. — епископ Ревельский, с 14 мая 1833 г. — Полоцкий, с 15 июня 1836 г. — архиепископ, с 1837 г. — Могилевский, в 1840 г. — Орловский, в 1858 г. — Рязанский.

По свидетельству жизнеописаний святителя Игнатия, Преосвященный Смарагд «был искренне благосклонно расположен» к нему, о чем свидетельствует и приведенное выше письмо.

Н. С. Лесков включил Преосвященного Смарагда в число героев своих «Мелочей архиерейской жизни». Впрочем, он сам писал: «В доме у нас не любили черного духовенства вообще, а архиереев в особенности».

XIV

Письмо святителя Игнатия к Преосвященному Алексию (Ржаницыну), епископу Тульскому[1]

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь, Отец и Брат!

Не знаю, как и благодарить Вас за любовь, оказываемую Вами мне недостойному: ею я утешен и тронут до глубины души. Тульские странники еще не прибыли сюда, а когда прибудут, то постараюсь устроить их так, чтоб они не сожалели о

[1] РГИА. Ф. 832. Оп. 1. № 15.

своем перемещении. В Кавказской Консистории имеется вакантное место помощника секретаря: не пожелает ли кто из кончивших курс в Тульской Семинарии, лице со способностями и нравственностью, занять это место. Если Ваше Преосвященство примите на себя труд и отрекомендуете это место лицу благонадежному и нуждающемуся, то я приму его от руки Вашей с полною доверенностью и любовию. Простите моему дерзновению пред Вами: примите его, как знак моей искренной преданности.

Преосвященный Митрополит Киевский[1*], в проезд свой чрез Кавказскую Епархию, окритиковал все мои действия, даже коснулся поведения моего. Сначала это огорчило меня, но после я, по милости Божией, успокоился, вспомнив, что я уже оканчиваю мое земное течение и что все такие огорчения облегчают мне ответ, уже для меня близкий, пред Страшным и Нелицеприятным Судиею. Человеку, чтоб не ошибаться в действиях своих, надо вполне отказаться от всякой деятельности. В противном случае человек, по естественной ограниченности и греховности своей, необходимо должен подвергнуться ошибкам, и подвергались все без исключения величайшие святые и величайшие гении. Признание себя непогрешающим есть самообольщение, требование непогрешаемости от ближних есть требование, чуждое смысла. Прошу всех моих ближних потерпеть многим моим немощам и недостаткам.

По великой милости Божией настоящим моим положением я очень доволен, хотя и встречаются неизбежные в земной жизни неприятности. Впрочем, эти неприятности вполне ничтожны пред неприятностями петербургскими. Меня огорчают, и я огорчаю! как быть: без этого обойтись нельзя. Духовенство, вообще, хорошо, и, кажется, ко мне довольно расположилось. В половине октября я перешел в домик мой, небольшой, но весьма удобный: он — в характере гефсиманских келлий московского Митрополита. И этому Старцу досталось от Исидора! но присутствовавшие не соблазнились на Филарета: им показались странными жесткие нарекания облагодетельствованного на благодетеля. В этом отношении точно также действовал Исидор в Петербурге, когда посетил он столицу при перемещении своем из Московских викариев на Кафедру Полоцкую.

Испрашивая Ваше Архипастырское благословение себе и вверенной мне пастве и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с

чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
12 ноября 1858 года

[1*] *Митрополит Киевский Исидор* — о нем см. с. 86.

Преосвященный Алексий (в миру Руфин Иванович Ржаницын; 1813–1877) — родился в Вологодской губернии, там же окончил семинарию, затем окончил Московскую Духовную академию; в 1837 г. — пострижен в монахи; в 1843 г. — ректор Московской семинарии и настоятель Заиконо-Спасского монастыря; в 1847–1853 гг. — ректор Московской Духовной академии; в 1853 г. — епископ Дмитровский, с 20 июля 1857 г. — Тульский, с 1867 по 1876 г. — архиепископ Рязанский; в 1877 г. — Тверской и Кашинский.

5 декабря 1857 г. епископ Игнатий, по пути в Ставрополь, приехал в Тулу, был весьма благосклонно принят епископом Алексием, литургисал и 7-го отправился дальше (см. также Настоящее издание, т. 6, с. 698 и 706).

XV
Переписка святителя Феофана Затворника со святителем Игнатием

№ 1[1]

Письмо святителя Феофана Затворника

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Искреннюю приношу благодарность Вашему Преосвященству за дорогой подарок Ваш. — Он и без подарения подарок православным. Авось оживит заснувших. И сия благодать пробуждения да сопутствует всякой книжке и всякую душу да проникает при чтении ее.

При всем том добре, которое так веет от книг, содействовать распространению их поудержусь, пока не удостоверюсь в спра-

[1] РНБ РО. Ф. 1000. 1924. 171. Жизнеописание епископа Игнатия. Прилож. № 1.

ведливости мнения о вещественности души. — Мысль сию считаю неправославной и опасной. — Приводимые Вами доказательства никак не убедительны. — Но вы убедились же ими. — И вот присматриваюсь к ним попристальнее, — не откроется ли в них какая-либо сторона, способная осветить во мне сей темный предмет. Часто не видишь дела от необычности его. А для меня это новость первой руки. — Душа — эфирна. — Кто же это думает у нас, Богу молится, чает горняго и ради того отказывается от всего земнаго и вещественнаго? — С веществом, как его не утончайте, духовные явления совсем не вяжутся, и нигде мне не случалось слышать такого учения, — у мыслящих два приема: одни думают, что душа чисто духовна, — и светлая; а другие полагают, что она — сама по себе духовная — имеет световую оболочку, с коею не разлучается — ни в теле, ни вне тела. Подобная же оболочка и у Ангелов. Эти оболочки и суть то, что видится в Ангелах и душах отходящих. Разумные же духовные отправления и действия принадлежат чистому духу — душе. — Этой последней мысли я всегда придерживался. Заставляло придерживаться легкость объяснения явлений и видений. Но теперь поколеблен в ней и склоняюсь на первую ибо нет нужды в сей оболочке. Ее может привлекать к себе сила духа — физическая, как преобладающая над всем вещественным, всякий раз, когда нужно — сие. — И дух — есть, — и сею бытовой стороной физической же, хотя чисто духовной стоит в ряду всех бытствующих — и на них действует, по мере дарованной ему силы в творении. — Всяко этого можно и не держаться; не в угоду однако ж вещественности души.

Се вам исповедь моя! Благословите и помолитесь о мне многогрешном. Совсем осуетился. — И очень часто порываюсь на вашу дорогу. — Когда бы то устроилось сие! — Не вижу ворот по моей близорукости. Иногда бываешь готов — за перо взяться и писать прошение о том; да что-то в груди поперечит. — И остаюсь при одном желании. — Будем сидеть у моря и ждать погоды. — А грехи так и тяготят, — а страсти так и бьют по бокам. Господи помилуй нас.

Всех вам благ от Господа желаю. С глубоким почитанием и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Феофан, Е<пископ> Владимирский.
28 мая 1865

№ 2

Ответ святителя Игнатия

Ваше Преосвященство,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 28 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностию.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и потом в монастырь хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1827 году, а начал заниматься Писанием и Отцами гораздо раньше, — можно сказать, с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему. В противность понятиям, заимствованным у западных мечтателей, опыт доказывает верность учения Отцов со всею решительностию. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. — Что ж касается до слова **эфир**, то химия называет этим словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле — невещественен Один необъемлемый пространством — Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу — жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени — решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости зависит от пространства.

Паства Ваша пользуется обильно назидательным словом и примером Вашим. Если Промысл Божий поставил Вас на свещнике, — зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в свое время, откроется это призвание! Может быть, все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру Вашу; тогда уйдете мирно в келлию — преддверие вечности. Пребывая в келлии не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих. Простите за слово любви!

Поручаю себя Вашим святительским молитвам. Силы мои и здоровье оскудели до крайности, до невероятия; но милосердый Господь отлагает призыв на суд Свой, ведая мою неготовность, и даруя время на покаяние. С чувствами и прочь.

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.
4 июня 1865 года

Святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров; 10 января 1815 — 6 января 1894) — сын священника, родился в Орловской губернии, по окончании Орловской семинарии поступил в Киевскую Духовную академию; пострижен в 1841 г.; в 1842 г. — магистр, в 1844 г. — бакалавр Петербургской Духовной академии. В 1847 г. был назначен членом миссии в Иерусалиме, в 1853 г., по возвращении, снова преподавал в Петербургской академии; в 1855 г. — архимандрит. В 1856 г. он настоятель посольской церкви в Константинополе, в 1857 г. — ректор Петербургской Духовной академии; в 1859 г. — епископ Тамбовский, в 1863 г. — Владимирский.

17 июня 1866 г. святитель Феофан, согласно поданному им прошению, был уволен на покой. Его уход поразил многих: ученейший богослов, талантливый иерарх Церкви, он отказался от успешной карьеры и явился как «истинный отшельник первых веков христианства», затворившись в тесной келлии в Вышенской обители, которую выбрал еще будучи епископом Тамбовским. Многие задавались вопросом, что вынудило его уйти в затвор в расцвете сил, в 52 года. Он сам объяснял, что поводом к этому послужило, прежде всего, желание беспрепятственно заняться духовно-литературным трудом на пользу Церкви и ближним, а для себя — желание быть наедине с Богом. В затворе прожил он 28 лет, первые шесть принимая посетителей, остальные — прекратив всякое сношение с миром, кроме письменного. Результатом его многолетних трудов стало собрание творений, составившее целую библиотеку.

Наиболее популярным и наиболее значительным его сочинением, по научной оценке православных богословов, было «Путь ко спасению»

(краткий очерк аскетики). Этот труд, являющийся девизом всей его подвижнически-литературной деятельности, по его собственному признанию, создавался им при участии и под руководством святителя Игнатия Брянчанинова.

«Пусть ко спасению», а также и «Письма о христианской жизни» явились результатом научных занятий о. Феофана на кафедре Нравственного богословия в Санкт-Петербургской Духовной академии, о чем неоднократно свидетельствовал сам Преосвященный автор. В письме к одному из своих корреспондентов от 16 июня 1888 г. епископ Феофан писал: «Прочитали путь ко спасению. Добре... И еще прочитайте когда-нибудь. Тут все, что мною писалось, пишется и будет писаться. Это мои уроки студентам С.-Петербургской Академии. Конспект пересмотрен с о. Архимандритом Игнатием, — после бывшим Архиереем Брянчаниновым, и им одобрен. Это было в 46–47 годах». Из этих слов епископа Феофана можно видеть, насколько значителен был для этого ученого православного богослова авторитет не прошедшего богословской школы Епископа Игнатия, если он заявляет об этом спустя более 40 лет после преподанных ему советов. В другом месте, высказывая свой взгляд по вопросу о молитве и условиях приобретения молитвенного настроения, епископ Феофан, в обоснование своего взгляда, опять ссылается на авторитет Преосвященного Игнатия. А по общей оценке всей личности святителя Игнатия, Преосвященный Феофан высказывает мнение о Богоугодности жизни епископа Игнатия.

Приведенное выше письмо Феофана Затворника к Преосвященному Игнатию написано почти 20 лет спустя после их петербургских встреч и является ответом на присланные ему вышедшие из печати первый и второй томы «Аскетических опытов», а также «Слова о смерти». Из письма видно, что его автор сразу же не принял положение святителя Игнатия о том, что дух и Ангел, как явления тварные, суть эфирные тела.

Л. А. Соколов, подробно разбиравшийся в своей монографии в возникших разногласиях двух святителей, писал:

«Современник Преосвященного Игнатия по времени жизни, святитель Феофан Затворник имеет с ним немалое сходство в характере личности, в строе жизни и содержании и предметах духовно-аскетических писаний. Оба названные Святителя со дней юности и до смертного часа сохранили одинаковую склонность к духовно-созерцательной жизни; чуждаясь мира в его греховных сторонах, оба были готовы служить благу и душевному спасению человеческому; тот и другой подвижник сходны между собою со стороны любви к природе, ласки в отношении к людям, простоты жизненной обстановки, значения родственных связей, нестяжательности, аскетического образа жизни и постоянной склонности к отшельничеству. В жизни того и другого подвижника главным содержанием было совершение душевного спасения, уяснение христианской жизни и способов настроиться на нее; к этой

главнейшей их жизненной цели направлено было их доброделание внешнее и делание душевное; оба поддерживали и воспитывали свое христианское душенастроение непрестанным чтением молитвы Иисусовой, памятованием о смерти, вечных мук грешника, сознанием вездеприсутствия Божия, испытанием своей совести. То же ближайшее сродство замечается и в духовно-аскетическом характере и содержании литературных творений епископов Игнатия и Феофана, и, за исключением вопроса о природе духов, кажется — нет других вопросов и предметов православно-христианского ведения, в которых Святители-подвижники не были бы согласны между собой. <...>

Выступая в конце 1867 и 1868 гг. против мысли епископа Игнатия Брянчанинова о газообразности естества души и Ангелов и утверждая, что душа и Ангел не есть нечто телесное, а чистый дух, Преосвященный Феофан 1) свое решительное утверждение полной и чистой духовности духа направляет исключительно на сущность или естество духа, а не на его явления или феноменальную сторону бытия; 2) в этом решительном утверждении всего более имеет в виду возможные вредные результаты, недомыслия и заблуждения малосмысленных в богословии в руководстве взглядами Епископа Игнатия. Доказывая мысль о совершенной бестелесности, чистой духовности естества ангелов и души человеческой и в этом отношении расходясь с выводами автора «Слова о смерти» и «Прибавлений» к нему, Преосвященный Феофан в объяснение явлений Ангелов и душ умерших и живых людей, которые в изобилии отмечены Епископом Игнатием, также предполагал некоторую тонкую эфирную оболочку. В конце 1869 г., посылая свою книжку «Душа и Ангел — не тело, а дух» в Киев протоиерею Н. И. Флоринскому, Преосвященный Феофан пишет: "Спор о душе. Вся книга моя направлена к доказанию, что естество души и ангела не может быть вещественно. Но иное дело естество, иное — образ бытия. Кто не хочет принимать душу без оболочки, тот пусть допускает сию оболочку, помимо естества души, которое должно быть духовно. Допустив оболочку — тонкую, эфирную, получит форму и останется доволен!" <...>

Как видно, разногласие по вопросу о духовном мире между Епископом Игнатием и Феофаном ничуть не поколебало высокого почтения последнего к первому, что само по себе уже побуждает нас склониться к заключению, что и в указанном случае по вопросу о духовном мире мы имеем дело не столько с разногласием, сколько с недомыслием или недоразумением, которое легко могло быть совершенно устранено личною беседою или даже перепискою Епископов-подвижников, если бы оно возникло уже не после смерти Игнатия Брянчанинова»[1].

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 2. С. 116–119.

Святитель Игнатий Брянчанинов и настоятели монастырей

I

Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей

Батюшка дражайший!
Приехали Вы не на чужом,
видно, основании здать!
И не чужими трудами питаться,
а свой положить.

Святитель Игнатий

В числе многолетних корреспондентов святителя Игнатия Брянчанинова находились два инока, Варфоломей и Алимпий, отношения с которыми еще раз свидетельствовали о постоянстве его «сердечных о Господе чувств». При этом отца Варфоломея можно включить в ряд тех монашествующих, судьба которых сложилась под непосредственным влиянием святителя Игнатия.

Познакомились они в апреле 1829 г. в Брянской Белобережной Иоанно-Предтеческой пустыни Орловской епархии, куда два молодых послушника, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев, прибыли в надежде найти пристанище после вынужденного выхода из Площанской Богородицкой Казанской пустыни. Несмотря на недолгое их общение, отец Варфоломей произвел на Дмитрия Александровича самое благоприятное впечатление, которое он сохранил на всю свою жизнь (так же, как было с Павлом Петровичем Яковлевым, с Петром Дмитриевичем Мясниковым, будущим Угрешским архимандритом).

Через месяц молодые люди переместились в Оптину пустынь, где еще раньше обосновался их старец, отец Леонид (Наголкин). Отсюда, из Оптиной пустыни и началась переписка Дмитрия Александровича – святителя Игнатия с Белобережскими знакомцами. В первых письмах Дмитрий Александрович рассказывал им об известных событиях своей жизни до возведения в сан архимандрита и назначения настоятелем Сергиевой пустыни. А уже в письме от 8 ноября 1836 г. архимандрит Игнатий советует отцу Варфоломею принять на себя настоятельство в Югской Дорофеевой пустыни Ярославской епархии. В это время в Петербурге находился на чреде архиепископ Ярославский Филарет (будущий Митрополит Киевский). По-видимому, архимандрит Игнатий рассказывал ему о положительных качествах отца Варфоломея и Архипастырь пожелал заполучить его в свою епархию[1].

Из писем видно, что отец Варфоломей обладал весьма нерешительным характером и был полон сомнений. Почти год пришлось архимандриту Игнатию убеждать его «не испортить нашего доброго начинания». Только к концу 1837 г. отец Варфоломей наконец решился и был назначен строителем Югской пустыни. Но к этому времени бывший архиепископ Ярославский Филарет был уже Митрополитом Киевским, а нового Владыку отец Варфоломей заподозрил в неблагожелательном к себе отношении и собирался писать прошение об увольнении. И снова архимандрит Игнатий, проявляя удивительное терпение и заботливость, взял на себя улаживание этого дела.

В конце концов отец Варфоломей оказался весьма деятельным руководителем Пустыни. Но святителю Игнатию еще не раз приходилось удерживать этого своего подопечного от опрометчивых поступков и улаживать у начальства их последствия.

Только дважды за всю их жизнь свиделись они снова. Первый раз, в 1848 г., когда отец Варфоломей навестил архимандрита Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре. Архимандрит Игнатий писал тогда своему наместнику в Сергиеву пустынь: «На днях посетил меня и оказал мне много любви Южский Отец Игумен Варфоломей». И другой раз, в феврале 1853 г., когда отец Варфоломей вынужден был приехать в Санкт-Петербург, чтобы объясниться перед Святейшим Синодом по поводу своего отказа от настоятельства в Соловецком монастыре.

[1] См. письма Митрополита Киевского Филарета. С. 34–45.

Тем не менее отношения между ними оставались прежними. «Весьма утешаюсь, — писал архимандрит Игнатий отцу Варфоломею в 1845 году, — видя, что Вы сохраняете прежнюю ко мне любовь; и я по милости Божией пребываю постоянно в тех же чувствованиях любви к Вам». Подобные слова неоднократно встречаются в письмах. Соответственно чувствам, и письма носили откровенный характер: иногда из них можно узнать подробности некоторых обстоятельств. Например, из письма от 17 мая 1840 г. видно, что в известном искушении, которое пришлось пережить святителю Игнатию из-за истории с французским посланником Барантом, определенную роль, хотя и непредумышленно, сыграл Андрей Николаевич Муравьев. Из писем от 30 ноября 1840 г. и последующих узнаем о работе Святителя над переводами книг святого Исаии Отшельника и святого Кассиана Римлянина. Из письма от 29 октября 1843 г. — о получении отцом Варфоломеем игуменского сана. В этом же письме Святитель сообщал «приятную для всего монашества новость»: о решении четы графов Потемкиных восстановить Святогорский монастырь на Украине[1].

В переписке святителя Игнатия с отцом Варфоломеем упоминаются некоторые из братии Площанской Богородицкой Казанской пустыни. В этой Пустыни молодые послушники, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев, провели зиму 1829 г. Здесь, с разрешения отца Леонида, они отделились от многолюдного собрания его учеников, жили уединенно, избегая празднословия, проводя время в богомыслии и молитве. Братия монастыря очень к ним благоволила. И они тоже запомнились братии своим добросердечием. Из переписки с отцом Варфоломеем площанцы знали, что архимандрит Игнатий сохранил это добросердечие и потом, став влиятельным настоятелем столичного монастыря. Поэтому они не преминули обратиться к нему за советом и помощью в возникшей настоятельной потребности увеличить штат в их Пустыни. Суть дела видна из приведенных ниже писем Площанских монахов и их Владыки. Результаты хлопот, скорее всего, были положительными, так как 31 января 1838 г. архимандрит Игнатий писал отцу Варфоломею: «Им [плащанцам] обещают прибавить штат».

Всего за 32 года известны 58 писем святителя Игнатия отцу Варфоломею. Последнее из них написано 23 апреля 1862 г.

[1] Подробнее см. т. 8, с. 124–127.

Письма святителя Игнатия к игумену Югской Дорофеевой пустыни Варфоломею

№ 1

Молитвами Святых Отцев наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Дражайшие и Почтеннейшие Отцы!

Отец Варфоломей и Отец Алимпий!

Усердно желаем вам радоваться и здравствовать о Господе!

Приехав в Оптину пустыню, нетерпеливо хотели писать к вам; но моя болезнь, увеличенная путешествием, останавливала то, к чему влекло сердечное чувство.— Принятые о. Строителем весьма ласково, мы остались жить в монастыре: к сему побудили нас обстоятельства наши, монастырские и скитские. Келлии отведены нам наверху, в том деревянном флигеле, который находится против новой трапезы и составляет симметрию с настоятельскими келлиями. Михайло Васильевич ходит на клирос; — я, как больной, пристанищем моей надежды должен иметь не труды свои, не заслуги,— милосердие и заслуги Богочеловека Иисуса.

Прежде всего описали мы вам свои обстоятельства, ибо нам представляется, что вы сопровождаете нас вашим участием, и мы бы виноваты были пред сим драгим и одолжительным участием, если б не удовлетворили оного, хотя несколько, описанием наших обстоятельств. Может быть, оно уже пеняло нам с снисхождением и упрекало с любовию за нашу медлительность...

Иисус уготовал добрым делам сторичные награды, и делающему добро излишни похвалы человеческие: и потому кратким, но искренним благодарением за вашу любовь, ласки, гостеприимство, удовлетворяя требованиям нашего сердца, оставляем все комплименты, сии наряды, в кои по большей части одевается нечистосердечие,— блудница — лесть.

Наконец, прося ваших святых молитв (особливо при служении Святыя Литургии) и благословения, честь имеем пребыть

Честнейшие Отцы!
Ваши недостойные послушники
многогрешные: *Дмитрий Брянчанинов и Михаил Чихачев.*

П.С. Вам кланяется с прошением святых молитв и благословения о. Митрофан, наш сосед по келлиям; бедный! — его мучит лихорадка.

Если это от нас не слишком дерзко, то просим вас сказать наш усердный поклон о. Моисею с прошением его святых молитв и благословения с благодарением за его ласковое гостеприимство.

Скажите наш поклон о. Феофилакту; также о. Иоасафу иеродиакону— не может успокоиться наша совесть от того, что мы уехали, с ним не простившись. Просим простить великодушно виноватых.

Новость. В Александро-Свирском монастыре скончался один монах; его похоронили подле покойного знаменитого о. Феодора, и при сем случае смотрели остатки сего Старца. И тело и одежда совершенно истлели, остались одни кости желтого цвета. Рассказывал нам сие о. Гавриил Иеромонах — Скитянин, читавший о сем в письме, пришедшем из Свирского к о. Леониду, и, рассказывая, к словам *желтого цвета*, прибавлял: *как воск.*

О чернилах. Для составления чернил берем $^1/_2$ фунта чернильных орешков и, раздробив на крупные куски, кладем в кастрюлю; и, налив $^3/_4$ штофа сивухи, оставляем стоять 2 суток (лучше на теплой лежанке); потом пережегши $^1/_8$ фунта сапожного купороса в печи на тарелке, кладем в кастрюлю и на угольках кипятим 1 раз, так, чтобы не сбежало; если же сбежат, то будут хуже. Остудив, сливаем. Так получаются чернила, годные для уставного письма. Вот они:

Злопомнящих Молитвы, сеятка на каменн

Слив сей первый номер чернил, на гущу наливаем столько чайной воды, сколько налито прежде было вина, и, положив столько же купоросу, кипятим раз до трех; получится второй номер чернил, годных для скорописания и для прибавления в первые, когда сии слишком сгустятся.

Сие письмо пролежало у меня в келлии, уже написанное с неделю. Сегодня вечером приехал послушник, бывший у вас для доставления о. Феофилакту его денег и вещей, и сказывал нам то, что вы ему приказали сказать и что я уже предугадывал, и на что потому написал ответ предварительно.— О. Антоний Скитский сказывал нам от вас поклон, за что благодарим всепокорно.

№ 2

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Ваше Преподобие!

Почтеннейшие Старцы!

Отец Варфоломей и Отец Алимпий!

Снова принимаюсь писать к вам; к сему побуждает меня любовь ваша, оставившая в моем сердце неизгладимое впечатление.— Уже писал я к вам по приезде моем в Оптину Пустыню; не знаю, мое ли письмо не достигло вас, или ваш ответ на оное не мог придти ко мне, а задержан был на каком-либо мытарстве. Не хочу входить в тонкое о сем исследование; не хочу назвать по имени того человека, которого можно б было подозревать не без основательных причин; обвиню Того, Кто повелел нам обвинять Себя, дабы мы умиротворялись и избегали осуждения, человечески — правильного и неправильного; скажу: видно, так угодно Богу!

Хотя вы, вероятно, не нуждаетесь совершенно в нашем благодарении, но мы обязаны исповедать устами то, что чувствуем сердцем: и потому позвольте принести вам искреннейшую нашу признательность за ваши ласки, гостеприимство и любовь. Ваше собственное чувство может вас уверить, что сие пишем мы не из лести, но от избытка сердца.

Ныне живем мы в Вологодской губернии, где, по-видимому, можем избрать наивыгоднейшее и основательнейшее место для жительства. Однако и до сих пор здоровье мое при всех пособиях находится в весьма слабом состоянии.— Что сказать вам о нашем пребывании в Оптиной пустыне? Оно было довольно тягостно, и очень бы мы расстроились, если б не поспешили выехать. О. Митрофан был нашим добрым соседом; он раза два при нас хворал лихорадкою; обещали мы ему написать письмо, но никак не можем решиться; ибо и письма к голове козельскому Брюзгину, по-видимому, не доходят; сие заключаем из того, что пишем, а ответов не получаем.— Поелику письмо сие не должно быть в Козельской Почтовой Экспедиции, то я имею причину надеяться, что вы оное получите; и потому прошу вас не оставьте нас без ответа, если сия переписка для вас не тягостна. Мой адрес: в Вологду, Дмитрию Александровичу Брянчанинову.

В прошлом письме моем помещен был следующий анекдот:

В Свирском Монастыре, 1829 года, на святой неделе скончался рясофорный монах Израиль, бывший учеником Схимонаха Феодора. Пред кончиною своею просил он, чтоб тело его положено было при останках его Старца, что и исполнено. По сему случаю сделалось известным, что тело покойного о. Феодора совершенно истлело, также и одежды; остались одни кости желтого цвета; сие рассказывал нам о. Гавриил Скитский Иеромонах.

В том же письме описывал вам способ делать чернила, что и здесь повторяю: $^1/_2$ фунта чернильных орешков, раздробив их на куски, положить в чугунчик и налить $^3/_4$ штофа полугарного вина, дав постоять двои сутки на лежанке, вложив 3 или 4 золотника мелко истолченной камеди, да $^1/_8$ фунта пережженного купороса; все скипятить на угольках, наблюдая, чтоб не сбежало; если сбежат, то хотя и будут хороши, но уже не таковы, как несбежавшие. Потом, остудив, процедить, чрез что получится 1 № чернил, годный для уставного письма.— Оставшуюся гущу истереть, чтоб сделалась как тесто; потом налить полуштофом крепкой чайной воды и дать постоять столько же времени, потом, вложив 4 или 5 золотников камеди и $^1/_8$ ф. пережженного купороса, скипятить, как выше сказано; остудив и слив, получите 2 № чернил, годных для писания писем и для прибавления в 1 № , когда сей последний слишком сгустится.

Письмо сие писано 2-м номером.

Вот образчик и 1-го номера:

Ѯлопомнѣнїе, Смерть, Жало, Ш.

Нарочно написал столь толстыми буквами, чтоб вы видели доброту сих чернил, кои при всем своем блеске нисколько не марают и весьма скоро сохнут.

Наконец, поздравляя вас с прошедшим праздником Рождества Христова и с наступающим новым годом, желая вам всех благ, прося ваших молитв и благословения, честь имеем пребыть Вашего Преподобия недостойные послушники

Дмитрий Брянчанинов
и Михаил Чихачев.
1829 года
Декабря 31 дня

№ 3

Преподобнейший и возлюбленнейший о Господе
Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше к большому моему удовольствию получил. Простите меня за мою леность, по причине которой не отвечал я Вам на последнее письмо Ваше ко мне в Лопотов монастырь написанное. В сей обители Вологодской местоположение низменное, атмосфера наполнена гнилыми испарениями; все сие вместе с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии коего был я до избытка обременен трудами телесными. Прошлого 1833-го года в Мае месяце был произведен в Игумны. Между тем Государю Императору, коего был я воспитанником, угодно было приказать, чтоб разыскали и уведомили Его, где я нахожусь. В то время указом Святейшего Синода был я переведен в Московский Николаевский Угрешский Монастырь. Государь Император повелел Митрополиту вытребовать в С.-Петербург, и потом дал мне Сергиевскую Пустыню, в которой нахожусь и поныне. При мне живет о. Михаил, и правит должность Головщика на правом крылосе. Здоровье моего тела в здешней обители немного поправилось; видно еще Господь дает мне время на покаяние.

Затем простите, Почтеннейший Отец Варфоломей; поздравляю Вас с наступающими праздниками, прошу святых молитв и честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою и молитвенником

Архимандрит Игнатий.
1834 года
апреля 17 дня

№ 4

Ваше Преподобие!
Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Желаю Вам здравствовать и радоваться о Господе. По поручению Его Высокопреосвященства Архиепископа Ярославского Филарета имею честь спросить Вас, согласны ли Вы принять на себя настоятельство общежительной Южской Пустыни, находящейся в Ярославской Епархии?

Высокопреосвященнейший Филарет полагает, что столп нашей Православной веры есть монашество, а столп монашества

суть общежительные монастыри. Но общежития севера, где наиболее похваляется телесный труд, стоят ниже по благоустройству своему общежитий южной России, где, при телесном труде, особенное внимание обращается на очищение души и благоуправление ее частым исповеданием помыслов и сердечных браней, частым советом с искусными [старцами], исследованием писаний Отеческих,— и, наконец, с множеством Божественного славословия.— Южская Пустыня есть один из лучших общежительных монастырей Российского Севера,— если не наилучший. По ее средствам она может содержать до двухсот человек братии; отстроена прекрасно; церкви в ней благолепно украшены; стоит на красивом месте, в здоровом климате. Недостает в ней порядка: ибо нет искусного Настоятеля. Благочестивый и добродетельный Пастырь Ярославский, всеми и более всех любимый за Христианское милосердие и непоколебимое православие, обратил на Вас внимательный взор свой, с полною надеждою, что в сей Пустыне порядок будет Вами водворен, стекутся братия благоговейные, пустыня сделается рассадником монашества в Епархии,— светилом, коего лучами будут обильно озаряться и прочие соседние обители.

Владыка полагает, что необходимо Вам взять с собою несколько единодушных братий из Белобережской Пустыни для первоначального устройства обители Южской. Вероятно, и Вы так думаете. Заботу о перемещении возложите на Высокопреосвященнейшего; с Вашей стороны благоволите только *уведомить меня письмом о Вашем согласии.*

Затем, в ожидании Вашего ответа имею честь быть с истинною моею к Вам преданностию

Вашим покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

№ 132

1836 года ноября 8-го дня

Сергиева Пустынь

№ 5

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Продолжительная болезнь не позволяет мне и поныне быть в Петербурге. Между тем Владыка Ярославский очистил для Вас вакацию настоятельскую Южской Пустыни и, видя, что я к нему

не еду по болезни, послал ко мне письмо[1], которое при сем к Вам препровождаю.

Письмо Ваше я возил к нему, на что он сказал, что все, что сочтет полезным и нужным завести о. Варфоломей, я готов одобрять и всеми силами поддерживать.— Я с своей стороны советую Вам никак не отказываться, ибо лучшего случая в жизни Вам не может представиться. Сей Архипастырь есть лучший из всех Российских Архиереев. Вы из письма его увидите, сколько он благонамерен и сколь хорошего он о Вас мнения. Путевые деньги он Вам вышлет. Я на словах ему сие говорил, да и ныне в письме напоминаю.

Не отказывайтесь от Вашего счастия, которое рука Божия Вам подает! Потрудившись в юности или в мужеском Вашем возрасте, вы можете ожидать приятного успокоения в старости,— и самый духовный успех при сем может быть гораздо успешнее и обильнее. Я советовал Преосвященному Ярославскому, чтобы он предположение свое, приписанное в его письме, исполнил и вместе с сим послал бы вам путевые деньги. О. Варфоломей, не испорьте нашего доброго начинания. Письмо Преосвященного Ярославского обратите ко мне.

Желая Вам доброго здоровья, прося святых молитв и скорого ответа, имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
2 марта [1837 г.]

[1] См. письма Владыки Ярославского (Митрополита Киевского) с. 34–45.

№ 6

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Извините — много не могу писать по болезни глаз, а присылаю письмо ко мне Ярославского Владыки, из коего увидите ход дела и окончание оного. Повторяю: не отвергайте подаемого Промыслом!

Простите! Прошу Ваших Святых молитв и имею честь быть

Ваш покорный слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.
№ 45-й
23-го марта 1837 года

№ 7

Христос Воскресе!

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Честь имею поздравить Вас с наступившим Праздником Светлого Христова Воскресения! Митрополит Киевский Филарет благословляет Вам отказаться от Строительства Южской пустыни. Он Вам готовил Игуменский жезл по приезде Вашем в Ярославль; ныне же поговаривает о Архимандритском; исполнения сих слов добрейшего Архипастыря я усердно желаю! Его весьма тронуло Ваше последнее письмо ко мне, в коем Вы изображаете, что не желаете настоятельства южского, если Он не останется на Ярославской Епархии.

Желая Вам всех благ, имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

1837-го года

26-го Апреля

№ 8

†

Ваше Преподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Простите, что опять беспокою Вас своим писанием; но на это есть основательная причина. Вскоре должен быть сюда Преосвященный Митрополит Киевский Филарет, столько в Вас участвующий о Господе. Он будет непременно спрашивать у меня о Вас — и ему весьма странным покажется, что я о Вас ничего не знаю. Почему прошу покорнейше хотя малыми строками уведомить меня, довольны ли Вы настоящим Вашим состоянием, дабы я мог дать приличный ответ Вопрошающему.

Впрочем,— желая Вам всех благ от щедрыя десницы Господней и прося Ваших святых молитв, с истинным почтением и братскою любовию имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.

1837

15-го сентября

№ 9

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Строитель Варфоломей!

Письмо Ваше имел честь получить,— и вижу, сколь я виновен, что не писал к Вам ранее, ожидая от Вас по приезде письма, чем бы встретившиеся ныне неприятности могли быть предупреждены. Согреших, яко человек: прости Бога ради.

С часу на час ждем Киевского Митрополита, но его еще и до сих пор нет. Только что приедет, не премину представить ему икону и письмо Ваше. Относительно всех Ваших дел, кои могут здесь быть исправляемы, распоряжайтесь мною как указным послушником Югской Дорофеевской Пустыни. Желаю о Господе Вам послужить по силам. Когда Киевский Митрополит приедет и что мне скажет, то я немедленно постараюсь Вам отписать.

Батюшка дражайший! Приехали Вы не на чужом, видно, основании здать! И не чужими трудами питаться, а свои положить. И я, когда приехал в Сергиеву Пустыню, то не имел, где главу приклонить, должен был остановиться в постороннем доме и в нем жить первую зиму. Начиная с Соборной Церкви, все представляло одни развалины. А с братиею пришлось не только слезы, но и кровь пролить. Что уж делать? Такова судьба настоятелей. И от Епархиального Начальства сперва досталось, так что запрещен был выезд из монастыря *мне самому*. А как то, что без скорби сделаешь, то непрочно бывает. И что посеешь, да слезами не польешь, то худо всходит. Простите, батюшка, моему пустословию. От избытка сердца и участия моего сие Вам сказал.

Усерднейшую приношу благодарность за присланную икону. Прошу Ваших Святых молитв, и с искреннейшею преданностью, имею честь быть

Ваш покорный послушник

Арх<имандрит> Игнатий.
1837 Окт. 14 дня,
Сергиева Пустынь

№ 10

Ваше Преподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

По приезде Его Высокопреосвященства Митрополита Киевского немедленно представил я ему Св. икону и письмо Ваше. За икону благодарит, а относительно настоящих обстоятельств

немедленно намеревался писать к Вашему Преосвященному о принятии о. Алимпия,— к Орловскому же о отпуске о. Иоанникия и о. Анастасия, последних, может быть, решнтся перевести Синодским указом. Впрочем, просит Вас потерпеть. Если духовное сеяние, сказал он, не польется слезами, то нельзя ожидать рукоятей радостных.

Принося Вам благодарность за Икону и прося Ваших Св. Молитв, с истинною преданностию имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейший послушник

Арх<имандрит> Игнатий.
1837 Окт. 29-го

№ 11

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Варфоломей!

Письмо Ваше от 4 Декабря имел честь получить. Быв у Преосвященного Киевского еще до получения оного письма, говорил о Ваших обстоятельствах. Архипастырь сказал следующее: «Преосвященный Ярославский мудреный человек, если я буду учащать к нему письмами о О. Варфоломее, то чтобы еще хуже не сделать. Это уже испытал я на опыте. Надо некоторое время: он сам увидит хорошую сторону о. Строителя и, будучи весьма монахолюбив, будет ему во всем помогать».— Отец Иоанникий оптинский уехал до получения приглашения Вашего побывать у Вас. Он и сам о сем поговаривал. Ныне у меня гостят о. Иоанникий, Площанский иеромонах, с казначеем Паисием — приехали хлопотать о штате для обители. Все еще не могу попасть с ними в город за нездоровьем. И о Архимандрите Сергии не имел возможности спросить у Киевского, хотя и был у него на праздниках, при многих других посетителях. Когда увижу наедине, то не премину спросить и Вам отписать.

Затем, поздравляя Вас с прошедшими праздниками Рождества Христова и Новым Годом, прося Ваших святых молитв, имею честь быть всегда

Вашего Высокопреподобия
покорнейший послушник и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий.
1838 года
Января 11-го дня

№ 12

Возлюбленнейший О. Варфоломей!

Письмо Ваше имел честь получить и Киевскому [Владыке] доставил.

Площанский иеромонах Иоанникий здесь был, а перемещаться к Вам отказался. Им обещают прибавить штат. Я еду сегодня или завтра на Валаам для водворения там, аще Господь поможет, тишины. А по приезде о. Анастасия зачнем хлопотать, надо, чтобы он сам просьбу прислал к Вам на имя Вашего Архиерея,— походатайствовать можно!

Сие уже второе писание после Нового года к Вам пишу. Замечаю, что одного из Ваших писем не получил — видно как-нибудь затерялось на почте.

Прося Ваших Св. молитв имею честь быть

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Арх<андрит> Игнатий.
31 января [1838 г.]

№ 13

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Сей письмоподатель изъявил мне желание определиться в монастырь. Но как для слабого его здоровья здешний климат оказался весьма вредным,— да и штатное положение нашей обители по духу несовместным, то советовал я ему обратиться к Вам,— тем более, что он уроженец Ростовский, хотя формуляр его имеет пятно, однако оное хорошим его поведением и свидетельством лиц, коим он известен, может быть изглажено.

Прося Ваших Святых молитв, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
28-го мая
1838 г.

№ 14

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Долго не отвечал я на последнее письмо Ваше. Но что и отвечать? Какую форму прошения в Св. Синод могу Вам доставить?

Самое прошение Ваше о увольнении, если оного желаете, должно быть представлено Вашему Епархиальному начальству, которое, как здесь известно, Вами весьма довольно и, вероятно, при дальнейшем течении времени более и более располагаться во благо будет.

О себе имею честь уведомить, что в сие время довольно я похварываю; по слабости моего здоровья здешний климат имеет превредное на меня влияние. Не говоря о прочем, страдаю часто глазами, что лишает меня сладчайшего и полезнейшего занятия — чтения. Однако не думаю вдруг оставить все, дабы преждевременным уклонением от должностей не лишиться плодов духовных, доставляемых своевременным по воле Божией и ради Бога уклонением.

Письмо Ваше Выскопреосвященному Митрополиту Киевскому доставил; и он сожалеет о Ваших чувствах.

Затем, прося Ваших Святых молитв на подкрепление моих немощей душевных и телесных имею честь быть

Вашего Высокопрепродобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1838-го года

Июня 9-го дня

P.S. Готовый печатать письмо сие, получаю от некоторого своего знакомого письмо, в коем он пишет, что был у Преосвященного Ярославского, который относился о Вас с особенною похвалою, говорил, что Вам предстоит труд собрать новую братию, ибо настоящая избалована прежнею вольностию.

№ 15

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Варфоломей!

Поздравляю Вас с новым годом; виноват, что оставляю столь долгое время, не отвечая на почтеннейшее письмо Ваше. Но хотя и ленюсь писать, однако сердце бдит постоянно в любви к Вам. Хотя настоятельская должность и ввергает часто душу в попечения земные, особливо в нашей обители, которая, можно сказать, вновь устраивается, однако временем посылается воспоминание о вечном веселии и о вечном мучении.

Книжки Ваши надеюсь в скором времени к Вам переслать. О. Алимпию прошу сказать от меня усерднейший поклон и поздравление с Новым годом.

Прося Ваших Святых молитв имею честь быть
Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
4-е января 1840

Оптино-скитский монах Иоанникий едет в Петербург для сбора.

№ 16

†

Ваше Высокопреподобие!
Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!
Воистину Воскресе Христос!

Приятнейшее письмо Ваше от 6-го мая я получил и усерднейше благодарю за Вашу откровенность, которая служит верным признаком истинного благорасположения и которой и впредь прошу не лишить меня. О. Иоанникий Оптинский, выехавший на днях из С. Петербурга, намеревался быть в Вашей Святой Обители, и расскажет с подробностию о моих обстоятельствах, о коих здесь уведомляю Вас вкратце. Точно — был воспрещен мне выезд из монастыря, но по причине совсем другой, нежели о коей Вы пишете. Это за знакомство мое с посланником Короля Французского, что Государь Император нашел неприличным и достойным наказания, и к чему я принужден был насильственно Синодальным чиновником. Сие последнее обстоятельство Государю неизвестно, и я не нахожу нужным приводить в известность. О выходе некоторых из братий ночью из монастыря и отпоре ворот распространял здесь слухи о. Нафанаил Толгский; когда сии слухи дошли до меня, я тотчас произвел строжайшее исследование; оказалось, что была прислана в 12-ть часов ночью посылка тысячи на две в монастырь, то отворили ворота и ризничий принял вещи, не выходя из монастыря, и ниже из келлии. После сего случая, в коем о. Нафанаил обнаружил безрассудное бешенство, должен он был выйти из Сергиевой Пустыни, куда был принят единственно из милости по усильнейшим просьбам, а по принятии тотчас вооружился против благодетеля своего о. Казначея. Я бы сердечно рад был дать преимущество о. Нафанаилу по его сединам,— но способности его и нравственность сами собою поставили его ниже многих послушников. Наконец, о нерасположении ко мне Синодального Обер-Прокурора я ничего не могу сказать решительного. Принимает и поныне очень ласково, сам обещался ко мне приехать. Расположение же Государя Импе-

ратора из последнего даже обстоятельства обнаружилось в полной силе. И мне остается только благодарить Господа Бога за все случившееся,— видеть Его Божественный Промысл, бдящий о спасении души моей и сими малыми искушениями воспитывающий и окормляющий мое младенчество. Горе егда Вам рекут добре вси человецы — это опасно; а потерпеть маленькое поношение весьма спасительно. И потому стараемся предаваться воле Божией с благодарением, а погрешности свои при Всевышней помощи усердствуем по силе исправить.

Прося Ваших святых молитв, имею честь быть навсегда с искреннейшею моею преданностию

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

О. Алимпию свидетельствую искреннейшее мое почтение.

1840

Мая 17-го дня

№ 17

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Строитель Варфоломей!

Почтеннейшее письмо Ваше имел честь получить. Во-первых, сердечно благодарю Вас за радушное гостеприимство, в коем выразилось все обильное Ваше ко мне расположение. Во-вторых, имею честь известить, что немедленно просил я о ускорении хода дела Вашего в Святейшем Синоде и 24-го сего сентября получил известие: Св. Синод разрешил перестроить церковь Югской Дорофеевской Пустыни, о чем уже послан указ Преосвященному Ярославскому.

Прошу Вас засвидетельствовать мою искреннейшую признательность о. Алимпию и всей о Господе братии за любовь их. Поручая себя Святым Вашим молитвам имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

29-е сентября [1840 г.]

№ 18

Ваше Высокопреподобие

Достопочтеннейший Отец Строитель Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше от 16-го ноября получил и сердечно благодарю за братское и отеческое расположение Ваше ко мне.

Надеюсь, что милость Божия дарует мне соответствовать оному. Сия Божия милость покрывает и меня, и обитель нашу доселе; хотя от времени до времени и подвергаюсь телесным недугам, а в душевных пребываю постоянно. В настоящее время занимаюсь переводом с латинского языка книги св. Исаии отшельника Скитского, и весьма услаждаюсь духовно-благодатными изречениями сего Святого Отца. Аще Господь восхощет, намереваюсь оную напечатать, ибо на славянском и русском языках не случалось мне оной видеть,— а польза её должна быть необыкновенная. Препла-чевный отец! Он современен Макарию Египетскому. Св. Исаак Сирин и Авва Дорофей на него ссылаются; есть на него ссылка и в книге великого Варсонофия. Может быть, в Вашей библиотеке имеется сия книга; в таком случае прошу уведомить, и написать, сколько именно в ней слов или бесед и под какими заглавиями. Также надеюсь получить книгу Св. Кассиана Римлянина на латинском же языке, на коем он писал, и если благоволит Господь, то заняться и ее переводом. Во обители отстроился окончательно корпус братских келлий, чем братия очень успокоены; сельское хозяйство наше также доселе благословляется; если и впредь так благословится, то надеемся значительно иметь поддержку для устройства и содержания обители.

Благодарю почтеннейшего о. Алимпия за его воспоминание о мне; сердечно радуюсь возвращению его здоровья и усердно ему кланяюсь, прося Св. молитв.

Затем,— желая Вам доброго здоровья и всех благ, также прося Ваших святых молитв, с искреннейшею преданностию, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
Нояб<ря> 30 дня [1840 г.]

№ 19

Возлюбленнейший о Господе
Отец Варфоломей!

Получа Ваше письмо, составил я из оного записку и вручил Муравьеву[1] для доставления и ходатайства пред Г. Сербиновичем. Здоровье мое плохонько; почти всю зиму похварываю; однако же неизреченная милость Божия помогла привести почти к окончанию перевод с латинского книги Св. Исаии; весьма бы я желал сличить оный с имеющеюся у Вас рукописью, и потому покорнейше прошу переслать ко мне по почте; я постараюсь вскорости и со-

хранности Вам обратно и книгу и деньги за пересылку доставить. Некоторые добрые люди берутся на свой счет напечатать. По окончании сей книги, после Пасхи, аще Господь восхощет, желается приняться за перевод Кассиана Римлянина также с латинского; у меня все его сочинения, книга преполезная. Прошу Ваших святых молитв для подкрепления немощных моих души и тела.

Пожалуйста, не замедлите присылкою рукописи.

Остаюсь навсегда Вам преданнейший собрат

Архимандрит Игнатий.
1841 года
Марта 11-го дня

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 426.

№ 20

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Книгу Вашу св. Исаии отшельника, много оною попользовавшись, при сем препровождаю с сердечною благодарностию. Оконченный перевод мой переписывается набело, и, аще Господь восхощет, думаю отпечатать для общей пользы монашествующих; теперь с услаждением духа занимаюсь Кассианом, т. е. переводом его на российский язык. Сам будучи скуден и в деятельности христианской и в мудрости, очень рад, если буду в состоянии отверзть некоторые сокровищницы духовные, доселе запечатленные, переводом. Прошу Ваших святых молитв на подкрепление душевных и телесных моих немощей.

С сердечною искреннейшею преданностью имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.
1841 года
19-го июля

О. Алимпию свидетельствую искреннейшее мое почтение.

№ 21

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше от 23-го ноября я получил. Особенно утешили Вы меня, обнаружив расположение Ваше побы-

вать в Северной Столице. Примите мое приглашение! Не говоря о том удовольствии, которое Вы мне доставите, небесполезно для Вас будет познакомиться лично с Филаретами, кои оба ко мне весьма расположены. Из них — Киевский читает ныне перевод Исаии отшельника и оною книгою восхищается, говоря, что непременно надо оную напечатать в самом большом количестве экземпляров. Очень согласен с Вами, что книга сия может принести особенную пользу душам и потому быть ходатайницею для меня милости Божией. Этой единственной платы ищу, а напечатание, аще Господь восхощет, и продажа оной будет производиться мимо меня. Кассиан, коего монашеских книг две, переводится; теперь дело на половине первой книги. Также драгоценнейшая монашеская книга! Имеющийся перевод в Добротолюбии крайне сокращен. Статья *о духе чревообъядения,* названная в Добротолюбии *о воздержании чрева* и занимающая там полторы страницы, занимает в подлиннике до 40 таковых страниц, наполнена множеством нравоучительнейших повестей. Наименее сокращена статья о унынии. Послание к Леонтину Игумену составлено из двух отдельных бесед, сокращено, и притом Леонтин был Епископ, а не Игумен.

Получил я из Оптины письмо, скромное, о кончине отца Леонида. Писали оное о. Макарий и Иоанникий. Некоторые мирские получили от других исполненное повествованиями о Пророчествах. Мы желаем себе и всем, ищущим истины, прозрения на грехи наши,— пророчества, что хотя сколько-нибудь вознерадим или вознесемся, то впадем в руки страстей и удалимся от Бога. Таковое прозорливство и пророчество могут нам принести существенную пользу.

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова и, прося Ваших святых молитв с обычною братскою любовью, остаюсь навсегда

Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1841 год

декабря 22 дня

П. С. О. Алимпию свидетельствую мое усерднейшее поклонение, за память и любовь благодарение. Мой казначей приносит Вам искреннейшую признательность за благосклонный прием. Посылку — салфетку и полотно он мне доставил, благодарю усерднейше!

№ 22

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

По отправлении к Вам письма, был я у Киевского Митрополита, и между прочим сказал ему о намерении Вашем побывать в С. Петербурге, и что я Вас приглашаю. Он весьма сему обрадовался и сказал: повторите ему немедленно приглашение и от меня, я желаю его видеть. Потом прибавил с обычною ему добротою много на счет Ваш, из чего я заключил, что Вам непременно должно приехать. Почему и постарайтесь исполнить сие в скорейшем времени.

Итак, в надежде скорого свидания, имею честь быть с обычною моею преданностию

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1841 года
декабря 27 дня

№ 23

Ваше Преподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Высокопр<еосвященнейший> Митрополит Киевский писал к Владыке Вашему и просил, дабы он соблаговолил уволить Вас в столицу, на что Ваш Архипастырь и изъявил согласие. Почему В. Митрополит поручил мне третицею написать к Вам немедленно, дабы и Вы поторопились и не мешкали. И потому решайтесь, ничтоже сумняся. Очень приятно мне видеть, что Ваш Архипастырь питает к Вам любовь, как это видно из письма его к Митрополиту.

Надеюсь скоро Вас увидеть и, насладившись взаимною любовию, проводить с миром к святым и преподобным отцам в обитель Божией Матери.

Ваш покорнейший слуга и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий.

1842
30 января

№ 24

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Письмо Ваше от 18-го февраля я получил. Будучи крайне недоволен Вашим отказом на мое приглашение, паче же не на

мое точию, но на приглашение Высокопреосвященнейшего Митрополита посредством меня,— начинаю с Вами браниться. Благоволите выслушать с благодушием и утешьте исправлением Вашей погрешности. Что Вы хвалитесь неупустительностью в послушании, возложенном на Вас Св. Синодом? Суетна похвала сия, когда Вы не внемлете гласу Первенствующего Синодального члена, не повинуетесь его призыву, приводя пустые отговорки. Начный в вас дело благое, и да совершит е, сказал Апостол. И Вам надо совершить послушание Ваше; а без доброго конца доброе начало не может принести никакого плода. Неужели Промысл Божий, приведший Вас в Югскую Пустыню, уже престал бдеть над Вами? Неужели Вы так думаете? Не предположив в Вас сих мыслей маловерия, чем объяснить Вашу шаткость, Ваше двоедушие? И едете, и не едете; и взяли паспорт, и ни с места! На что это походит? Таковая коловратность, таковое непостоянство простительно новоначальному, в Авве же отнюдь не простительна! Вижу! Вы испугались; Вы подозреваете, не повстречается ли Вам по приезде какое перемещение! Ваше тело возопило: не езди, мне здесь тепленько и мяконько, а то, пожалуй, они сунут тебя туда, где я замучусь от климата; да и над Алимпием сжалься: он здесь воскрес, а в другом месте могут к нему возвратиться прежние болезни. Так Вам советовало Ваше тело, а Вы его и послушались. Зело бо сильны ласкания тела, сказал Св. Исаак. Вы в послушании у Вашего тела, а не у Синода, как хвалитесь, думая меня, как глупого, обморочить. Кроме того, что Вы маловерием Вашим погрешаете пред Промыслом, еще впадаете и в другую немаловажную погрешность. Как судить о мнении Вашем относительно Преосвященного Митрополита? Значит — опасаясь ему доверить себя, Вы в нем не предполагаете ни любви, ни рассуждения духовного! Словом сказать — с какой стороны ни посмотрю на Ваш поступок, нахожу оный решительно безрассудным.

Итак, исправьтесь! Отложив все хохлацкое упрямство, еще же и мудрование с злохитростию, скорее приезжайте, возвергнув на Господа печаль твою, и Той тя препитает. Советую и Митрополита не прогневать: ибо ныне вакансий настоятельских много, и ему стоит только предложить в Синоде; тотчас полетит Указ и дерзостный ослушник, по своему токмо мнению послушник, полетит с Юги на север оплакивать свое самонравие и непокорство. Сим кончаю мою брань, к которой бы не хотелось прибегать, да нечего делать, когда честь неймет.

Помирюсь с Вами при личном свидании! И бранюсь, а все-таки остаюсь

Ваш усерднейший слуга и собрат

Архимандрит Игнатий.
Марта 6-го дня
[1842]

№ 25

Христос Воскресе!

Возлюбленнейший о Господе о. Варфоломей!

Поставили же Вы на своем! Не приехали! А если б приехали, то, конечно б, не отказались принять Архимандрию и быть наместником в Киево-Печерской Лавре. Митрополит Киевский хорошо сделал, обратив внимание на достойного; я не раскаиваюсь в рекомендации, сделанной по совести. Но Варфоломея ни благохваление, ни гаждение не тронули! Что с Вами делать! Полюбилась Вам обитель Югская. Часто вспоминал о Вас Митрополит; четыре месяца, поджидая Вас, не давал увольнение своему наместнику; 3-го мая он выехал в Киев, с намерением побывать в Ростове.

Поздравляю Вас с прошедшим Великим Праздником Праздников и настоящею пятидесятницею, а за неприезд Ваш сим заочно мирюсь, всегда быв к Вам преисполнен мира и любви о Господе. О. Алимпию свидетельствую усерднейшее почтение.

Прося Ваших св. молитв, имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.
7 мая [1842]

№ 26

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе Отец Варфоломей!

Особенно для сердца моего радостию было получение письма Вашего! За таковое доставленное Вами мне утешение, Господь да утешит Вас излиянием и действием в сердце Вашем Своея благодати; ибо, по словам святых Отцов, ключ духовных дарований дается любовию к ближнему, которую Вы, написав ко мне письмо, изъявили самым делом.

О себе уведомляю Вас, что, по милости Божией, нахожусь еще в живых и, несмотря на множество грехов моих, нередко наслаж-

даюсь несказанною радостию: ибо Господь наш Иисус Христос пришел грешников спасти. Аще Господь восхощет, намереваюсь завести в обители моей общежитие: ибо, по мнению моему, самые обстоятельства и души братий к тому созрели. Продолжаю заниматься и переводом святых Отцов, сколько допускают силы, а особливо сколько позволяют глаза, пришедшие в крайнюю слабость. О. Алимпию покорнейше прошу сказать мой усерднейший поклон.

Затем — прося Ваших святых молитв и продолжения драгоценной мне Вашей отеческой и братской любви, имею честь пребывать навсегда

Ваш покорнейший послушник и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

1843

3 марта

№ 27

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Отец Игумен!

Усерднейше поздравляю Вас с получением Игуменского сана, в котором Милосердный Господь да поможет Вам служить Святой Церкви с таковым же успехом, с каковым Вы проходили служение Ваше доселе, или и с большим. Что не писал я к Вам, то это потому, что уверен в Вашей любви ко мне о Господе, а особенной причины писать не повстречалось. Притом я стал ныне крайне слаб глазами, что приписываю действию здешнего приморского воздуха.

Как о приятной для всего монашества новости, извещаю Вас о следующем: конечно, известно Вам, что Императрицею Екатериною уничтожен монастырь Святогорский, что в Харьковской губернии на реке Северном Донце, имеющий превосходнейшее местоположение — самое пустынное. Императрица, упразднив обитель, отдала сие место известному вельможе Графу Потемкину. Года с два тому назад имение сие досталось его внуку, женатому на Княгине Голицыной. Оба они крайне добросердечны и привержены к святой Церкви, особливо она; отказавшись от всех светских увеселений, занимается обильным подаянием милостыни, упражняясь в чтении Святых Отцов и молитве. Ее глаза — как два неиссякающие источника слез. Сей чете Господь внушил восстановить монастырь, и она, испросив словесно дозволение

у Государя, подала о сем просьбу в Святейший Синод, с тем, чтобы учреждена была общежительная пустыня по уставу Софрониевскому и Глинскому[1].

Относительно общежития в нашей обители, то я говорил о сем нашему новому Митрополиту[2], который, хотя крайне расположен к нашей обители, но не изъявил на сие согласия. Наше место крайне трудно; монастырь совершенно сквозной; в летнее время в соседство наше переселяется знаменитейшая публика петербургская. Невольно рождается заботливость, приводящая в развлечение. И хорошо бы, если б неудобства сим оканчивались!

За сим желаю Вам доброго здравия и всех истинных благ. В моем расположении к Вам пребываю по милости Божией постоянным, и у Вас прошу того же. Поручая себя Вашим Святым молитвам, имею честь быть навсегда

Вашего Высокопреподобия покорнейшим
послушником и собратом

Архимандрит Игнатий.
1843 года октября 29-го д<ня>

О. Алимпию мой усерднейший поклон!

[1] См. также т. 8, с. 124–127.

[2] *Антоний* (Г. А. Рафальский; 1789–1848) – Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1843–1848 гг.

№ 28

†

Воистину Воскресе Христос!

Достопочтеннейший и Возлюбленнейший о Господе
Отец Игумен Варфоломей!

Взаимно и Вас поздравляю со всерадостнейшим Праздником Воскресения Христова, усерднейше желая Вам, чтобы Господь наш, Иисус Христос, пострадавший за нас и совоскресивший нас с Собою, излил на Вас обильно дары благодатные и устроил Ваши внешние обстоятельства в благопоспешество Вашему душевному спасению и временному благоденствию.

На все письма Ваши я всегда отвечал с постоянною аккуратностию; если же некоторые письма Ваши остались без ответа, то это от того, что их не получал. Какая бы могла быть сему причина? Кажется, Стрельнский Почтмейстер человек очень исправный и всегда без малейшей утраты доставлял в Монастырь пись-

ма. Нет ли в Ваших краях какой оплошности? О себе скажу Вам, что по милости Божией поживаю довольно благополучно. В обитель нашу прибыл на жительство Площанской Пустыни иеромонах Иоанникий, Вам довольно известный. Я утешен приездом сего старца и надеюсь от него пользы душевной как для себя, так и для вверенного мне братства.

Поручая себя отеческой и братской любви и прося Ваших святых молитв, с искренним почтением и сердечною преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий.

Отцу Алимпию мой усерднейший поклон! С Отцом Ректором Вашим я виделся, но еще не беседовал.

1844 года
Апреля 27 дня
Сергиева Пустыня

№ 29

Ваше Высокопреподобие!
Достопочтеннейший Отец Игумен!

Приношу Вам сердечную благодарность за приятнейшее письмо Ваше, в котором Вы поздравляете меня с радостнейшим праздником Воскресения Христова. Равномерно и я Вас поздравляю и на приветствие Ваше с веселием сердечным отвечаю: Воистину воскресе Христос!

Весьма утешаюсь, видя, что Вы сохраняете прежнюю ко мне любовь; и я по милости Божией пребываю постоянно в тех же чувствованиях любви к Вам, как и прежде был, радуясь благоустройству обители Вашей во славу Божию, к чести Христианства и монашества, к назиданию многих. О. Иоанникию передавал я от Вас поклон, за который он весьма благодарит Вас и свидетельствует Вам свое почтение с поклонением. Хотя мы оба находим здешнее место весьма шумным, но покоряемся воле Божией, поместившей нас обоих сюда совершенно для нас неожиданно. О себе уведомляю Вас, что живу довольно благополучно: много утешает Преосвященный Митрополит Антоний, муж, исполненный благонамеренности и правдивости. Также утешает и братство, в коем есть многие члены истинно расположенные пожить по Бозе. Здоровье мое становится год от году

плоше. По зимам почти не выхожу из келлии; ноги чрезвычайно зябнут, а от сего прилив крови к голове и расслабление во всем теле. О. Алимпию прошу сказать от меня усерднейший поклон и поздравление с Праздниками.

Желая Вам всех благ от щедрыя десницы Создателя, поручая себя Вашим Святым молитвам и отеческой любви, с искреннейшею преданностию и почтением имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий.
1845 года
8-го дня

№ 30

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

Усерднейше поздравляю Вас с наступившим Новым годом; желаю Вам вожделенного здравия, совершенного благополучия и многих лет.

О себе уведомляю Вас, что я здоровьем своим крайне порасстроился, все лето и осень хворал и теперь также хвораю. Буди воля Божия.

Прося Ваших святых молитв и поручая себя Вашей отеческой и братской любви с сердечною преданностию и почтением имею честь быть навсегда Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
Января 1 дня
1846 года

№ 31

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

Не скорбите на меня, что я не мог побывать у Вас в обители на обратном пути моем из Бабаек в С.-Петербург, несмотря на мое крайнее желание побывать у Вас. Путь мой состоялся прямо из Костромы на Вологду. В Петербург я поспел в самый день срока моего отпуска.

Примите мою братскую искреннейшую благодарность за любовь, оказанную Вам мне недостойному, за посещение меня бо-

лящего и смердящего, за претерпение моих немощей. От Вашего Архипастыря получил я преблагосклонное письмо в ответ на мое, которое я писал ему из Бабаек, извиняясь, что уезжаю из того края, лично не простившись с ним. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Казначею Алимпию и всей о Христе братии Вашей. — Здесь, по милости Божией, все благополучно: посетившая и каравшая северную столицу холера значительно уменьшилась.

Испрашивая Ваших святых молитв и поручая себя Вашей отеческой и братской любви, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1848 года
июля 12-го дня

№ 32

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам сердечную благодарность за добрейшее письмо Ваше! Примите мое усердное поздравление с наступившим великим Праздником Праздников! Приветствую Вас всерадостным духовным приветствием: «Христос Воскресе, воистину воскресе!» По милости чувствую значительное облегчение от обдержавшей меня простудной болезни, особливо с наступлением весны: обновляется юностию и бодростию жизнь моя, чего я желал для того, чтоб ревностнее и сильнее поработать Господу Богу, Которому работал доселе с крайнею леностию и небрежением. Причиною главною такового уныния было недостаточное произволение; много однако ж способствовали ему болезнь и крайняя телесная немощь. Декокт сассапарельный я перестал принимать осенью в сентябре месяце, пользуюсь теперь ваннами, в которые кладут соли и мыла; также пользуюсь чистым дегтем, которым трусь и которым намоченные чулки ношу. Осталась слабость и сильная испарина, которою изнутри выходят остатки болезни. Но все еще не могу должным образом заниматься по причине сильной слабости: особенно писать очень трудно, потому что кровь кидается в голову. Преосвященный Митрополит Никанор[1] — пастырь добрейшего сердца и светлого ума, к монашеству весьма расположен,— шайку мошенников унял и обуздал, а между прочим, и

Аполлоса, воспретив ему без своего ведома таскаться в Петербург, в котором Ладожский Строитель, кинув свой монастырь, проживал непрестанно, занимаясь разными пронырствами, приискивая себе места повыше и повеселее Ладожского, то в Риге, то в Херсонской Епархии, впрочем, безуспешно. Жаль этого человека, который мог бы по способностям своим быть очень полезным человеком для монашества, а сделался пустым искателем приключений. Толгский Сергий переводится в число братства Александро-Невской Лавры. О Вашем Преосвященном многие здесь очень сожалеют и желают, чтоб он оставил свое намерение удалиться на покой. Он писал ко мне письмо, в котором говорил о Вас с многою любовию и, между прочим, поместил, что Вы отправились в Москву для совещания с медиками. От Графа Шереметева я получил письмо на Пасхе. В обители нашей — благополучно: некоторые благотворители предполагают выстроить при монастыре великолепную и обширную гостиницу каменную на место существующей дрянненькой и полусогнившей деревянной. Также другие благотворители думают обнести монастырь другою, обширною оградою. Удивляюсь я,— почему не получаете Вы моих писем! Особливо, питая к Вам сердечную любовь, я всегда аккуратно отвечаю. Это обстоятельство заставляет меня послать письмо сие страховым. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон и поздравление с праздником Отцу Алимпию. Мои: Симеон (бывший Стефан) и Николай свидетельствуют Вам свое глубочайшее почтение.

Поручая себя Вашей Отеческой и Братской любви и испрашивая Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшей о Господе преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1849 Апреля 18-го дня

[1] *Никанор* (Н. С. Клементьевский; 1787–1856) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1848–1856 гг.

№ 33

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший и многолюбезнейший Отец Варфоломей!

Благодарю Вас за любвеобильное письмо Ваше и взаимно поздравляю Вас с наступившим Праздником Праздников, приветствуя Вас всерадостным приветствием: «Христос Воскресе!»

О себе имею честь известить Вас, что по возвращении из Бабаек очень долгое время я находился весьма в слабом состоянии до самого декабря месяца, в конце которого начал послуживать; летом 49-го года почувствовал себя лучше, а нынешнею зимою еще получше. Впрочем, здоровье мое вполне, так сказать, склеенное, а не цельное, и малейшее влияние воздуха, пищи, холода скоро и сильно меня расстраивает. По этой слабости весьма бы нужно и полезно было оставить настоятельскую должность, особливо в таком шумном монастыре, как наша Сергиева Пустынь, где влияние мира, развившегося во всей силе, подавляет все иноческое. Но надо потерпеть, доколе Господь, по милости Своей, устроит благоугодное Ему. Каково Ваше здоровье? Вы не говорите о нем ни слова. Желаю усердно, чтоб силы Ваши и силы о. Алимпия подкрепились во славу Божию и для пользы общей. Мои келейные усерднейше Вам кланяются и просят Ваших святых молитв. Затем — поручая себя Вашей отеческой любви с чувствами искреннейшей преданности и сердечного уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия искреннейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1850 года мая 3-го дня

№ 34

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейший о Господе отец Варфоломей!

Приношу Вам сердечную благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном. Точно, когда о. Архимандрит Александр отправлялся из Устюжны в Ваш край, я советовал ему заехать в святую обитель Вашу, посмотреть на устройство ее и познакомиться с Вами, чего, впрочем, за краткостью времени он не мог исполнить. Мое здоровье получше прежнего, но все еще не вышли из меня яды прежних недугов, и в самой Устюжне я был покрыт сыпью, которою у меня с некоторого времени выходят внаружу внутренние болезни. Здешнее место очень безпокойно и интрижно, не по моим силам. Посетителей много, и самых щекотливых: всем угоди, несмотря на то, что у многих из них бывают противоположные требования. Этим отнимается много времени, если не все; так будьте великодушны и простите, если за крайним недосугом и множеством письма случится не отвечать на письмо Ваше. Но несмотря на таковое мое молчание, я всегда

содержу Вас в памяти, соответствуя отеческой и братской любви Вашей моею недостойною любовию. Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон о. Алимпию. Из Устюжны возвратился я в Петербург с 2-го на 3-е число августа в ночь.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1851-го года, августа 10-го дня
Сергиева Пустыня

№ 35

Ваше Высокопреподобие!

Всечестнейший отец Игумен Варфоломей!

Судьбы Божии — бездна многа. Я вижу в репорте Преосвященного Евгения желание не противоречить прежним о Вас репортам и собственным Вашим отзывам, тем более, как Вам уже теперь вполне известно, что в Ярославской Епархии ходят совсем другие слухи о здешних действиях, нежели каковы эти действия по истинному их значению. Впрочем, по сему репорту Святейший Синод еще может Вас оставить настоятелем Югской Пустыни, как свыкшегося с этим монастырем и его управлением, что новому настоятелю еще приобретать надо,— в особенности, если Вы партикулярно об этом просили. Сегодня 13-е, т. е. день доклада, и я получил Ваше письмо сегодня утром. Остается молиться Богу: ибо Вы уже у всех были и свою просьбу изложили, и начальство знает, чего Вы желаете. Из конца репорта Преосвященного не видно, чтобы он указывал именно на какой-нибудь монастырь для повышения Вас; также видно, что еще настоятеля на Юге нет: то, если не имеется вакансии Архимандричьей в виду у Св. Синода, весьма вероятно, что Вас, наградив саном, согласно представлению Архиепископа, отправят на Югу, чем и разрешится недоумение о настоятелях, прописанное в конце репорта. Впрочем, что Бог устроит — буди Его Святая Воля, которая часто отсекает нашу волю, как сия ни кажется нам по наружности правильною.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
Февраля 13-го дня

№ 36

†

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший отец Варфоломей!

Поздравляя Вас с прошедшими и наступающими Праздниками, имею честь Вас уведомить, что известное Вам дело решено к совершенному обвинению доносителя, который, однако, оставлен в Вашем монастыре до решения другого дела до него касающегося.

Желая Вам всех истинных благ и прося Ваших Святых молитв, с обычною моею преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

Мая 10-го дня

[1852 г.]

№ 37

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший отец Игумен Варфоломей!

По письму Вашему от 13-го июня я наводил снова справку, которую при сем и препровождаю на благорассмотрение Ваше. Я получил ее уже здесь в Устюжне, где нахожусь для преследования прежних дел. Письма у меня очень много: и потому извините за краткость сего письма.

Поручающий себя Вашим Св. молитвам

Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

1852 года, 1-го июля

Устюжна — Железная

№ 38

†

Ваше Высокопреподобие!

Многолюбезнейший и достоуважаемый отец Игумен Варфоломей!

Конечно, Вам уже известно изречение о Вас Божественного Промысла! Пусть знают враги наши, и сама Ярославская Консистория, какого мнения о Вас Святейший Синод. Соловецкий

Монастырь составляет совершенно отдельное ведомство, и есть один из важнейших, а может быть, и самый важный пункт Российского монашества. Избирая Вас, Святейший Синод хочет, чтоб этот многолюднейший и уединеннейший Российский монастырь получил приличествующие ему характер и направление, чтоб дух и правила Преподобных Савватия и Зосимы снова возвеяли в их обители и образовали подвижников, достойных сего Святого места. Когда я узнал о Вашем назначении, то вспомнил предсказание одного из тамошних новейших подвижников — Феофана, претерпевшего многие и лютые биения от бесов, предсказание, что явится Настоятель в Соловецкой обители, который пойдет по стезям Зосимы и при котором процветет особенно обитель. Да дарует Вам Бог быть исполнителем сего пророчества. Граф Протасов действовал при Вашем избрании как благороднейший человек и как ревнитель монашества. Вы найдете в нем усерднейшего помощника, готового содействовать Вам во всех благих начинаниях Ваших: это я слышал из собственных уст его.

В надежде скорого свидания, с чувствами глубочайшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
1852 года сентября 8-го дня

№ 39

Достопочтеннейший отец Игумен Варфоломей!

По получении Вашего письма я ездил к графу Протасову и сообщил ему Ваше расположение; но он никак не согласен на исполнение Вашего прошения, и поручил мне написать Вам, чтоб Вы непременно исполнили требование Святейшего Синода и возлагаемое им на Вас послушание. Если Вы чувствуете себя слабым по здоровью, то Святейший Синод не принуждает Вас оставаться долго в Соловецком, а год или два. Но Святейший Синод нуждается узнать, чрез посредство благонадежного человека, каким признает Вас, состояние сей отдаленной и важной обители. На Вас возлагается Святейшим Синодом поручение, заключающееся в ревизии самой подробной сего монастыря, каковой ревизии раньше года нельзя выполнить и по совершении которой, когда Вы доставите Св. Синоду подробные и точные сведения, то Св. Синод, в случае Вашей болезненности, будет

иметь все время к избранию достойного Настоятеля. Таковы точные слова Его Сиятельства.

Егда бе юн поясашеся сам и хождаше, амо же хотяше: егда же состареешися, ин пояшет, и ведет амо же не хощеши.

Испрашивающий Ваших Святых молитв

недостойный Архимандрит Игнатий.

Сентября 22-го дня [1852 г.]

Такое же письмо послано в Рыбинск: ибо не знаю с точностию, где Вы находитесь.

№ 40

†

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Что мне отвечать на последнее письмо Ваше? На него и на все Ваши действия отвечают самые обстоятельства; а мне, по малоумию моему, следует только молчать пред зрелищем Ваших действий, потому что они для меня вполне непостижимы. Только смею рассуждать, и то единственно для себя, что Господь (сказавший: *кая польза, аще человек весь мир приобрящет, душу же свою отщетит*) возлюбил Вашу душу и дарует ей настоящим искушением, отрешившись от всего, наипаче приблизиться к Нему. Благоговейно смотрю на постигшую Вас скорбь и усердно желаю Вам невидимой победы над собою.

Прося у Вас прощения и испрашивая Ваших Святых молитв имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

28 октября [1852]

№ 41

†

Ваше Высокопреподобие,

Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше от 12-го ноября я получил. Судьбы Божии бездна многа, и истинно то, что кого Господь любит, того наказует. Я, дорогой Батюшка мой, с благоговением взираю на постигшее Вас искушение и молю Бога, да дарует Вам силы перенести его

по подражанию Святым, которые наследовали Царство Небесное многими скорбми. Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но по сущности она попущена Богом для Вашего усовершения. Я умиляюсь, смотря умными очами на скорбь Вашу, и думаю сам в себе: «Каково-то я понесу искушение, если Господу Богу угодно будет послать мне оное? И какое Господь пошлет мне искушение?» Так помышляя, соболезнуя о Вас, я полагал, что Вы уже получили Указ о увольнении Вас, и потому написал Вам, что самые обстоятельства отвечают. Прошедшего не воротишь; но Вы бы сделали гораздо лучше, если б пожаловали сами в С.-Петербург и объяснили пред Членами Святейшего Синода и пред Графом Протасовым Ваше болезненное состояние. Члены Святейшего Синода — все очень добрые Старцы, и Граф Протасов имеет самое доброе сердце; Вы бы могли у них все испросить. Но что делать? пролитого не воротишь. Это устроилось свыше: тут рука Божия, а люди только оружие. Причину сего события надо искать в Божием промысле о Вас; там она сокровенна. Без скорбей невозможно очиститься деланию нашему о Господе, и нам невозможно увенчаться венцом евангельским. Я вполне убежден, что Вы благодушествуете и преданием себя воле Божией и благодарением Богу стираете главу змею печали, ищущему поглотить Вас. Слава Богу за все! Слава Богу. Горькими врачевствами исцеляющему души, прибегшие к Нему, Всесильному Врачу. Испрашивающий Ваших Святых молитв

Ваш недостойный послушник

Архимандрит Игнатий.
1852 года, декабря 1-го дня

№ 42

Ваше Высокопреподобие,
Всечестнейший Отец Игумен Варфоломей!

Вскоре после отправления к Вам последнего моего письма в ответ на Ваше страховое, прибыл к нам сего 6-го числа брат обители нашей Алексей Николаевич Воскресенский, гостивший в течение двух месяцев в обители Вашей и пользовавшийся отеческою любовию Вашею. Он мне рассказал о скорби Вашей и о том, что Вы желаете его паки иметь у себя в обители для окончания бумажных дел. Я на сие с любовию согласен и, отпуская его к Вам, считаю нелишним написать Вам сии строки, препоручив впрочем многое передать Вам и на словах.— Во-первых, слава

Богу за все скорбное, случающееся с нами! Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в царствии Его; а кто живет бескорбно, тот забвен Богом. Я, Батюшка мой, по множеству грехов, в которые впадаю, и по множеству глупостей, которые делаю, никак не должен ни судить поступков ближнего, ни настаивать, чтоб сделано было так, как я предлагаю. Мне Алексей Николаевич сказывал, что Вы, по получении решения Святейшего Синода, увидели, что и Вам следовало бы поступить иначе, нежели как Вы поступили. Вам следовало пожаловать сюда и с покорностию испросить желаемое Вами у Святейшего Синода, который по уважению к Вам сделал бы все приятное для Вас, согласив возлагаемое на Вас послушание с Вашими нуждами. Но что Вы сделали? Вы соблазнили тех, которые ожидали Вас увидеть с назиданием для себя, с пользою для всего монашества. Особливо мне жаль Графа Протасова, который принял в Вас самое живое участие: он — лицо светское, имеющее на монашество и на всю Церковь Русскую особенное влияние; его надо очень беречь,— а в этом случае Вы не поберегли его, т. е. не поберегли самой души его. Вы меня простите, Батюшка мой, что я пишу к Вам так прямо: это делаю не в укоризну Вам, а чтоб Вы изволили увидеть настоящее положение дела. Как же Вам теперь поступить? Мой искренний совет: напишите извинительное письмо к Графу; он добрейший человек и ему приятно будет видеть Ваше иноческое смирение в письме.

Прочее Вам доскажет Алексей Николаевич. Затем прося Ваших святых молитв и земно Вам кланяясь имею честь пребыть с обычною моею к Вам преданностию

Вашего Высокопреподобия недостойный послушник

Архимандрит Игнатий.
1852 года, декабря 6-го дня

№ 43

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше страховое, равно как и пущенное от 13-го января сего 1853-го года, мною получены; последнее, т. е. от 13-го января, получил я вчера, и вслед за ним письмо от одного моего знакомого Петербургского, который много заботится о Вас. Он мне пишет, что всего бы лучше Вы сделали, если б сами приехали сюда. Таким образом, Вы попали на ту же самую мысль, кото-

рую высказал мой добрейший знакомый, и которой возложившись на Господа Бога, полагаю я, надо последовать. В случае, если решитесь приехать в Санкт-Петербург, то покорнейше прошу пожаловать прямо ко мне в Сергиеву Пустыню, откуда я Вам дам монашествующего, могущего для Вас приискать квартиру. Отзыв Ваш, копия с которого помещена в страховом письме, очень хорош; а в том, что Вы изволите писать о постоянстве чувств Ваших ко мне недостойному, я был и есмь вполне уверен; только сожалел, что писем Ваших никому показать было нельзя: ибо они, вместо того, чтоб возбудить в чтущем сострадание, могли только возбудить в нем соблазн. Но некоторые спрашивали — пишете ли Вы ко мне?

Теперь буду ожидать Вас в Петербург. Поручая себя Вашей отеческой любви, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1853-го года, января 22-го дня

№ 44

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Нисколько не смущайтесь, но с миром отправляйтесь в путь, откланявшись Членам Св. Синода и Гр. Протасову. Поелику Члены Синода уже решили, чтоб Вам оставаться на Юге: что сие решение их перемениться не может в своей сущности, несмотря на перемену некоторых слов в определении. Я нахожу поступок Г. Войцеховича основательным. И то важно, что Вас оставляют на месте, а излишнее и неблагоразумное доброжелательство только может повредить делу.

Испрашиваю Ваших Святых молитв.

Вашего Высокопреподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
24 февраля [1853 г.]

№ 45

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Принося Вам усерднейшую благодарность за поздравление Ваше с Великим Праздником Праздников, изложенное Вами в

письме Вашем от 18-го апреля, и равным образом поздравляя Вас, сердечно радуюсь, что все исполнилось во благое по желанию Вашему и Вашего братства. Вашему Преосвященнейшему я писал письмо относительно Вас и о том, сколько Вы, быв и всегда ему преданы, ныне наиболее ощущаете в себе умножение сей преданности. Ответа нет. На жалобу О. Феоктиста я оправдываться не намерен; как его жалоба, так и мое оправдание должны быть лишь одним пустословием, как не могущие иметь никакого последствия. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон О. Казначею Алимпию и прочим Вашим о Христе братиям; все наши свидетельствуют Вам свое почтение.

Прося о продолжении Вашей отеческой ко мне любви, с чувствами обычной моей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1853 года апреля 28-го дня

№ 46

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Имею честь рекомендовать в Ваше милостивейшее расположение сего письмоподателя Феодора Феодоровича Г-на Струговщикова, служившего и в военной и в статской службе. Он желает избрать благую часть, отрекшись мира. Я бы с приятностию удержал его в Сергиевой Пустыне, но он избегает обширного круга знакомства Петербургского, почему и желает приютиться где-либо подальше от столицы. Он может быть очень полезным по письменной и деловой частям во всяком монастыре. По этой причине я счел приятнейшею своею обязанностию рекомендовать Вам Г. Струговщикова.

Испрашивая Ваших Святых молитв, с обычными чувствами моего к Вам сердечного уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854 года 26-го марта

P.S. О. Казначею Алимпию свидетельствую мое искреннейшее почтение.

№ 47

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

На почтеннейшее письмо Ваше имею честь отвечать, что переведен в Ярославль Архиепископ Нил[1] из Иркутска. В 1834-м году он был Ректором Ярославской Семинарии, и, быв здесь на чреде, произведен во Епископа в Вятку. Его считают одним из лучших и дельнейших Архипастырей.

Испрашивая Ваших Святых молитв, с обычною моею преданностию и почтением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником.

Архимандрит Игнатий.

О. Алимпию — мой усерднейший поклон. Приложенное письмецо потрудитесь передать моему Наместнику о. Илариону.

[1] *Архиепископ Нил...* — О нем см. с. 46–51.

№ 48

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за исполненное любви гостеприимство Ваше, оказанное Вами Наместнику моему, равным образом и за письмо Ваше и поздравление с Праздником, с которым равномерно и Вас поздравляю, желая Вам всех истинных благ. Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон о. Алимпию. Прошу Ваших Святых молитв для поддержания умножающихся моих немощей душевных и телесных: крайне изнемогаю в силах, подвергаюсь новым припадкам, каких прежде не чувствовал, и вообще чувствую особенное истощание.

И паки прося Ваших святых молитв, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 4-го мая

№ 49

†

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам сердечную признательность за постоянное воспоминание Ваше о мне многогрешном, весьма оскудевающем в телесных и душевных силах. Нынешнее лето и осень провел я безвыездно в монастыре; по благочинию дан мне помощник, на которого и возложены разъезды. Граф Пушкин справедливо Вам передал, что у нас теплая церковь Преподобного Сергия, в которой Вы были, сломана, и строится на том же самом месте новая, имеющая быть втрое больше прежней и уже приводящаяся к окончанию. Прежняя была очень тесна. Гранит найден поблизости монастыря; из него вышли прекрасные колонны; также цоколь гранитовый и дверь высечена из гранита. По милости Божией нашлись добрые люди, которые помогают в постройках.

Отцу Наместнику моему предоставлял для прочтения письмо Ваше: он очень извиняется пред Вами! Постоянно сбираясь писать к Вам, за разными недосугами отлагал и отлагал до сего времени благодарить Вас за радушный прием. Он взял у меня рукопись Преподобного Нила Сорского, переложенную на русский язык, чтоб по ней исправить имеющуюся у него рукопись и препроводить к Вам. Отцу Казначею Алимпию прошу передать мой усерднейший поклон; отец Михаил и прочие братия, Вам знакомые, свидетельствуют Вам свое почтение и благодарят за воспоминание о них. Алексей Воскресенский вышел из нашей обители по причине одного весьма необдуманного письма, которое он решился написать в один важный светский дом. Наше место окружено соблазнами и жаль бедную братию, увлекаемую отвсюду окружающим соблазном. Приложенную при сем записочку потрудитесь передать Федору Федоровичу Струговщикову.

Прося Ваших святых молитв и благословения, с чувством искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 5 октября

№ 50

†

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший и Возлюбленнейший о Господе
Отец Игумен!

Приношу Вам сердечную благодарность за поздравление с Праздниками, днем моего Ангела и Новым годом; равномерно и Вас поздравляю, желаю Вам препроводить грядущую годину в вожделенном здравии и благополучии. О себе имею честь уведомить Вас, что по окончании сырой погоды и при наступлении морозов чувствую себя несколько получше в здоровье. Воскресенский переместился от нас в Старо-Ладожский Николаевский монастырь здешней же Санкт-Петербургской Епархии, где он очень доволен и где им довольны; там воздух и воды много лучше наших. О. Наместнику я передавал Ваш отзыв о его молчании: сознается в вине и просит у Вас прощения.

От оптинских старцев я уже давно не получал никакого отклика; некоторый иеромонах из Петербурга с подворья, прежде живший в Оптиной Пустыни, недавно был там на побывке и говорит, что О. Моисей и Отец Макарий очень постарели и обветшали. О. Михаил и прочие братия благодарят Вас за воспоминание о них и земно Вам кланяются. Достопочтеннейшему о. Алимпию потрудитесь передать мой усерднейший поклон.

Поручая себя и обитель Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 29 декабря

№ 51

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за отеческое воспоминание Ваше о мне грешном при наступившем Великом Празднике, с которым равномерно Вас поздравляю, приветствуя всерадостным приветствием: *Христос Воскресе!* Точно — как Вы изволите писать — бывший Синодальным прокурором Граф

Протасов скончался, поболев самое краткое время. Должность Обер-Прокурора исправляет Тайный Советник Александр Иванович Карасевский; будет ли он утвержден в сей должности — неизвестно. Воскресенский точно поместился в Старо-Ладожском Николаевском Монастыре, где и он доволен и им довольны; письмо же его к Вам оставьте без внимания. Не знаю — что-то сердце мое не извещается к этому человеку. Благодарю Вас за внимание Ваше к положению нашему относительно богослужения в продолжение зимы по случаю перестройки теплой церкви. Это положение наше было очень удовлетворительно: ибо под Собором в подвале устроены две пневматические печи, которые нагревали Собор вполне достаточно; почему всю зиму и производилось Богослужение в Соборе. Думаем, и следующую зиму служить тут же, а отделкою теплой церкви приостановимся на год, чтоб дать ей хорошенько высохнуть и вымерзнуть.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон Казначею, Старцу Алимпию. О. Михаил и прочие братия благодарят Вас за воспоминание и взаимно свидетельствуют Вам свое почтение с поклонением. Прося Ваших Святых молитв на подкрепление многих моих немощей, имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
4 апр. 1855 года

№ 52

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Праздников и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление с оным. Письмо Ваше от 7-го апреля я имел честь получить и весьма радуюсь, увидев из оного, что Преосвященный Нил благоволит к обители Вашей. О полезных трудах Оптиной Пустыни и я имею отчасти понятие: ибо Старцы доставляют и мне издаваемые ими книги. Здоровье мое весьма слабо: особливо конец Великого Поста я провел безвыходно из комнаты. *Дние лет моих яко сень уклонишася*[1].

Что же касается до моего портрета, то я еще не собрался отлитографировать его; нужны на это порядочные деньги, а какие случаются, то издерживаются на другие необходимости, коих в близ столичной обители немало. О. Михаил и прочие братия

свидетельствуют Вам свое усерднейшее почтение, каковое покорнейше прошу передать от меня старцу О. Алимпию.

Затем поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
1856-го года 14-го апреля

[1] Ср.: *Дни мои — как уклоняющаяся тень...* (Пс. 101. 12).

№ 53

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Примите мою искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне в день моего Ангела, за поздравление с Праздниками и наступающим Новым годом. Равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ, а между ними поправления Вашего драгоценного здравия.

По усилившейся болезненности моей я бываю редко в Петербурге. У Преосвященного Нила был однажды, но не застал его дома; он в Сергиевой Пустыне не бывал; встретился с ним однажды у Синодального Обер-Прокурора. Вам не должно беспокоится относительно неудовольствия, выраженного иеромонахом Антонием Бочковым и его спутником Воскресенским. Антоний весьма болезнен, и Воскресенский болезнен: по такому расположению духа они бывают иногда недовольны ближними, потом же переменяются и бывают весьма довольны. Угодить им можно только при значительном терпении.

Сею весною провел я четыре недели в Оптиной пустыне. Спасет Бог Отца Макария! Им живут и дышат братия и посетители! Обитель по внешнему своему устройству сделалась весьма открытою, лес очищен, посетителей множество. Тамошний серный ключ принес мне значительную пользу. Книги Великого Варсонофия и Аввы Дорофея переведены на русский язык весьма удачно. Спасет Бог за такие общеполезные труды трудящихся отцев и братий!

Иеромонах Обители Вашей, состоящий в свите Преосвященного Ярославского, посетил в половине июля Сергиеву Пустыню; он мне очень понравился; но после я уже не видел его.

О. Алимпию потрудитесь засвидетельствовать мой усерднейший поклон, благодарность за воспоминание о мне и поздравление мое с Праздниками.

О. Михаил и прочие братия свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят Ваших Святых молитв.

Испрашивая их и себе, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
27 декабря 1856

№ 54

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников и Торжеством всех торжеств, с которым равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ временных и вечных.

Имею честь известить Вас, что я дважды был у Преосвященного Нила, на Рождество и на Пасху. На Рождество дома его не застал, а на Пасхе побеседовал с ним немного по той причине, что он торопился ехать визиты делать. Преосвященный обещался приехать ко мне в Пустыню; тогда поговорю ему о Вас. А только слухи и до меня доходили о Вашем любимце невыгодные, и не от светских, а от монашествующих: сие пишу в Вашу и его предосторожность, ибо я сам не только по слухам, но и на самом деле весьма худ. На вопрос Ваш о Митрополите Григории[1] скажу Вам, что он самый благочестивый и благонамеренный Пастырь, 74-х лет, но силами крепок, избрал себе весьма хорошего Викария Агафангела, который в мою бытность в Бабаевском Монастыре был Ректором Костромской Семинарии. На вопрос Ваш о Обер-Прокуроре также скажу, что он весьма благонамерен и к Церкви весьма расположен, почему и ожидают от него всего доброго, особенно когда он попривыкнет к делам. И у нас в монастыре имеется новость: бывший мой Наместник Иларион произведен во Игумена Владимирской Епархии в третьеклассный Юрьевский Монастырь; на место его сделан наместником

по моему представлению иеромонах Игнатий из фамилии купцов Макаровых.

О. Михаил и прочие братия свидетельствуют Вам свое почтение. О. Алимпию приношу мой усерднейший поклон, поздравление с праздником и благодарность за его о мне воспоминание.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
1857-го года, 13 апреля

[1] *Григорий* (Г. П. Постников; 1784–1860) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1856–1860 гг.

№ 55

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

С 2-го на 3-е число сего августа месяца Преосвященный Нил ночевал в Сергиевой Пустыне. Во исполнение моего обещания я говорил ему о Вас; он отвечал мне, что он Вас уважает и знает за доброго человека. Следовательно, Архипастырь Ваш расположен к Вам, а мелких неприятностей с кем не случается.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.
3-го августа, 1857-го года
Сергиева Пустыня

№ 56

†

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший Отец Игумен Варфоломей!

Получив от Вас письмо и прочитав оное, я долго не мог поверить — точно ли Вы решились на тот поступок, который описан в письме. Неизъяснимою горестию исполнилось сердце мое, увидев, что Вы начали процесс и тяжбу с Вашим Архипастырем.— Впро-

чем, я был у Преосвященного Нила и просил его, чтоб он растворил милостию ту меру вразумления, которую Вы сделали сами для себя необходимою. Советую Вам написать письмо к Высокопреосвященнейшему и просить прощения в Вашем увлечении.

Вот все, что я мог сделать полезного для Вас в настоящем случае. А теперь прошу Ваших молитв о отходящем из северной столицы в страну дальнюю.

Вашего Высокопреподобия
покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
30-е октября [1857]

№ 57

†

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Бог, по неизреченной Своей милости и человеколюбию, даровал мне тихий приют для окончания в нем земного странствования моего во внимании себе и в покаянии. Вследствие моего всеподданнейшего письма к Государю я уволен от управления Епархиею, и мне предоставлен в управление Бабаевский монастырь. В этом отношении я нуждаюсь в совете Вашем: почему, когда узнаете, что я приехал в Обитель Святителя Николая, тогда не откажитесь оказать мне просимую услугу любви и поспешите посетить меня.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
22 августа 1861 года

№ 58

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Приношу Вам искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников — Светлым Воскресением Христовым, с которым равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных и совершенных благ.

По неисповедимым судьбам Божиим, во очищение грехов и греховности своей, я продолжаю чувствовать и болезнь и крайнее изнеможение. Слава Богу, наказующему во времени. Прошу Ваших Святых молитв, да даруется мне переносить наказание Господие с должною покорностию и с должным благодарением.

Прошу передать о. Алимпию мое благословение и благодарность за воспоминание. О. Иустин свидетельствует Вашему Высокопреподобию свое почтение и приносит поздравление с праздником.

С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
23 апреля 1862 года

Мой адрес: в Ярославль.

Приложение к разделу «Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей»

Письма монашествующих Площанской Богородицкой Казанской пустыни к святителю Игнатию[1]

I. Письмо казначея пустыни иеромонаха Илария

№ 1

Ваше Высокопреподобие!

Почтенный Отец Архимандрит Игнатий!

Имея верную оказию доставить вам убогие строки мои и случай изустно уведомить о святой обители нашей, — я спешу, во-первых, принести искреннее мое поздравление, с коим молю Всещедрого Бога нашего да укрепит и поддержит вас десница Его на степени занимаемой Вами, и с каждым днем да произращает в сердце вашем любовь к вере, и да соделает вас достойным защитником Православной Церкви нашей; во что истинно верую, ибо сердце царево в руце Божией! Господь вас избрав повелел — и царь соделал! Нам же тем радостнее видеть в Вас избранника

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 4.

Божия, что вы начало полагали в смиренной обители нашей, что можно сказать, из среды братства нашего возжег Господь светильник. Если вы помните бывшего при вас строителя отца Маркеллина, то за обязанность считаю уведомить, что он после продолжительной болезни волею Божиею умре, — должность же строителя исправляю я многогрешный, о коем также прошу не оставить в молитвах своих. Отец Макарий Иванов перешел в Калужскую Епархию к отцу Леониду, остальная братия свидетельствует почтение свое и молитв святых просят. Вот все, что мы имеем замечательного после вашего отбытия. Отец Архимандрит! Я покорнейше прошу и уверен, что вы не лишите меня ответа своего; брат же, доставивший письмо сие, есть Николай Петрович Демутье, служивший во флоте, а начало положил в нашей обители; по неимению же штата отходит от нас, которого покорно прошу не оставлять вашим расположением по делу нашему советом и пособием; дело же состоит в прибавке штата, который как и при вас был, если вы помните, и теперь состоит до тридцати пяти; на что трудили и Владыку нашего; но не предвидится, чтобы Преосвященный снисшел на просьбу нашу! А потому братия расходится, и есть ли еще продлится таковое положение наше, то обитель по времени запустеть должна. Вот скорбь наша! При возможности не откажитесь подвигнуться на столь благое дело, и тем более мы убеждаем вас помочь нам, что вы, зная обитель, можете судить, имеются ли какие средства с семью человеками поддерживать ее в таком цветущем состоянии, в коем более двух веков стояла и давала убежище притекающим ко Господу.

Ласкаясь надеждою в добром вашем расположении и мире к обители святой

С истинным почитанием имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия!

Покорнейший слуга и богомолец смиренный

Казначей Иеромонах Иларий.

Мая 13 дня 1834 года

Вот краткое описание пустыни и необходимость в прибавлении штата.

Богородицкая Площанская Пустынь состоит Орловской Епархии в Севском уезде. Она седми-братская: получает в милостыню 300 руб., но братии в ней бывает от 80 до 100 человек, из числа коих есть много старых и слабых, не могущих нести никаких послушаний. Главнейшее основание Пустыни особен-

нейше утвердил в 1619 году великий Государь Михаил Федорович благословением в оную двух больших местных икон: Спасителя и Божия Матери Казанския, доныне в церкви существующих, а для продовольствия пожаловал землю, в окружности оной Пустыни, — пашенную, сенокосную и лесную 2647 десятин, как то по записям значится. Внутри Пустыни выстроены 4 каменные церкви, крытые железом и украшенные надлежащим благолепием, братская каменная трапеза с келлиями и с выходом, два корпуса каменных келлий, один одноэтажный на 16 келлий, другой двухэтажный на 40 келлий, покрытый железом. Вне Пустыни — гостиный, конный и скотный дворы и в разных местах 2 мельницы. Каковое благоустройство Пустыни необходимо требует довольного количества людей, живущих в оной приукаженных, способных к исполнению разных и многих послушаний, а без прибавления штата она может прийти в беспорядок и разорение.

Почему мы, поколику братя могут продовольствоваться от доброхотных дателей и от земленных и мельничных выгод, не прося на содержание оной прибавления денежной штатной суммы, в прошлом 1832 году месяца августа, в таковом же смысле, просили своего Архипастыря представить Святейшему Синоду о прибавлении штата к 7-ми 23-х и 5-ти больничных человек, итого штат составит 35 человек монашествующих. По которому нашему прошению, в силу резолюции Его Преосвященства, Консистория давно уже справки кончила, но дело в Святейший Синод еще не послано.

Казначей иеромонах Иларий с братиею.

II. Письма Строителя пустыни иеромонаха Анатолия

№ 1

Ваше Высокопреподобие
Отец Архимандрит!

Из почтеннейшего письма Вашего ко мне усматривается особенное Ваше благоволение к обители Площанской, за которое я от лица своего и всей братии обители моей приношу сим Вам чувствительнейшую благодарность; представление от Преосвященного нашего в Святейший Синод послано 1-го числа сего месяца, предмет коего тот самый, который занимает Ваше ходатайство у начальства в отношении обители сей.

В надежде на уверение Ваше по сему случаю, сообщая Вам об оном, покорнейше прошу не отвергнуть моего с братиею желания о благоустройстве обители Площанской, которая навсегда оставит у себя благодетельное имя Ваше и будет воссылать ко Всевышнему о Вас усердные молитвы.

Затем пребывая к Вам с моим высокопочитанием и душевною преданностию, честь имею быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Строитель иеромонах Анатолий.
Июня дня
1835 года

№ 2

Ваше Высокопреподобие
Высокопочтеннейший Батюшка
Отец Архимандрит Игнатий!

Всегда памятуя милостивое ваше благодеяние, первым долгом почитаю поздравить с высокоторжественным праздником всерадостным Рождеством Господа нашего Иисуса Христа, и праздновать оный с сердечным утешением желаю, и по милосердию Его все благоприятное полезное в жизни вашей получить, и усерднейше прошу святых Ваших молитв и благословения. — Обязанностию поставляю и уверен в вашем великодушии, и в надежде отеческого благорасположения смею беспокоить: небезызвестно вам, что мы утруждали прошением высшее начальство о прибавлении штата обители нашей, но благоугодно было Святейшему Синоду дать знать: по замещении недостающих пятнадцати человек монашествующих, сказано во указе; чтобы вторично взойти прошением, если нужно будет. Но как на недостающее число замещены и теперь в немалом затруднении находимся: штат имеется на семь человек, по необходимости в другие монастыри, постригаться многие благонадежные послушники опасаются, ибо и штата малого избегают, посему достойных людей лишаемся. <...>.

Посему и осмеливаюсь нижайше просить вашего благоразумного совета, можно ли будет вторично беспокоить Святейший Синод, и если милость ваша будет и незатруднительно для вас, наичувствительно смею просить достовернее узнать и наставлением вашим меня вразумить. И еще свое мнение позвольте предложить, не нужно ли из монашествующих от обители

кого послать в С.-Петербург, как вы соизволите усмотреть. И во ожидании милостивого вашего уведомления; чем в старости моей много утешите, кои ваши великие благодеяния для меня с братией вечно будут незабвенны и отеческим благоустройством вы виновниками будете святой обители, которая навсегда будет воссылать ко Всевышнему Богу и к покровительнице Пречистой Богородице о вас усердные молитвы и я навсегда пребуду к вам с должным нижайшим высокопочитанием и сердечною любовию

Вашего Высокопреподобия честь имею быть смиренным богомольцем

Строитель иеромонах Анатолий.
Декабря 17 дня
1836 года
Богородицкая Площанская пустынь

№ 3

Молитвами Святых Отец наших, Господе Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Отец архимандрит!

Возлюбленный о врученной мне обители попечитель!

О. Игнатий!

Осчастливлен будучи благоприятным писанием вашим, посланным ко мне недостойному от 15 декабря 1836 года, которое, получа, читал с великою радостию, особенно сие:

Что ныне время Благоприятное к исполнению общего нашего по обители желания, о прибавлении штата, Ей тако! Ваше Высокопреподобие! Вам поручает Матерь Божия обитель сию, иметь ходатайство. Впрочем, и со стороны нашей — если что может воспоследовать к успеху, мы не отречемся всеми силами заслуживать и вам толикому Благотворителю во всей точности. А наконец я — о получении оного приятного известия, от руки Вашего Высокопреподобия писанного, — нимало не медля отправляюсь к ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ с сим писанием, и что последует, то не умедлю вам описать, питая себя тою надеждою, что теперь меньше трудности к продолжению сего предмета.

И так припадая к стопам Вашего Высокопреподобия, имея и Помощницу и Ходатаицу врученной мне обители Заступницу

усердную, чем могу довольно заслужить вам, разве что навсегда будет известно и в роды родов имя и ходатайство ваше!

С покорностию, во всем Вашему Высокопреподобию есмь и пребуду навсегда с братиею многопочитающий вас усердный богомолец Богородицкой

Площанской пустыни

Строитель иеромонах Анатолий.
30 декабря
1836 года

№ 4

Высокопреподобнейший батюшка

Отец Игнатий!

Приношу мою от души и сердца Вашему Высокопреподобию от лица и до земли благодарение за вашу ко мне убогому любовь и усердие, чтобы меня помнить, и прошу не забывать меня грешного в молитвах ваших святых, а я недостойный осмеливаюсь вас поздравить с наступающим торжественным праздником, и дай Бог вам проводить в душевном спасении и радости, и мне того же пожелайте, а я всегда об вас в недостойных моих молитвах по силам моим не оставляю, и навсегда пребуду ваш богомолец,

грешный Вассиан

Апреля 10, 1837 года

Отцу Евангелу от меня усерднейшее почтение.

И от меня, пустынножителя, Вашему Высокопреподобию всепочтеннейшее почитание.

Иеромонах Анатолий.

№ 5

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший нам убогим и обители нашей Благодетель!

Отец Архимандрит! Отец Игнатий!

Благосостояние и польза нашей обители, содеянные посредством превознесенной особы Вашей, в прибавлении оной штата, породили в нас дерзновение к возблагодарению, коими до избытка будучи преисполнены, воскипев паче меры пред незабвенным нашим покровителем. — Благоговея, во-первых, прослав-

ляя величие Божие и заступление Пречистой Его Матери, преблагословенной Владычицы, повергая общебратственно вам себя долу, в восторге сие наше смирение, которое происходит от чувствования сердечного, а не от каких-либо умствований, и льстивых речений. — По получении только неожиданной радости мы с братиею, совершив бдение с благодарением Господу Богу и Заступнице усердной, прославляем и впредь будем прославлять Его милосердие. В таковых чувствованиях пребывая, и пребудем с благодарением навсегда и пред Вашим Высокопреподобием, и с желанием Вам благоденствия, здравия, и всех благ о Христе Боже, не токмо в сей, но и в будущей жизни.

Вашего Высокопреподобия! Милостивейшего Отца! Всенижайшие послушники!

Орловской епархии в Севском уезде, Площанской Пустыни — Настоятель с братиею.

Строитель иеромонах Анатолий.
3 июня 1838 года

III. Письмо послушника пустыни Николая Чистякова

Ваше Высокопреподобие
Всемилостивейший Благодетель.
Отец Архимандрит.

Ваше Высокопреподобие, в письме к особе много уважаемой мною позволили удостоить меня весьма лестного отзыва, почему по совету той же особы беру смелость утруждать вас просьбою о принятии меня под покровительство Ваше. Решившись данные мне от Бога способности посвятить служению Церкви в звании монашеском, ныне прошу Вас удостоить меня принять в братство, окормляемое личным управлением вашим, в нем готов я употребить все мое старание, чтобы по указаниям вашим стараться к снисканию спасения вечного единственной цели существования моего. — Изъяснив таким образом чувствования мои, обязанностию считаю доложить Вашему Высокопреподобию, что в вашем письме относительно меня упомянуто о регентстве, но я хотя нотное пение и знаю, но собственно регентом не бывал.

В заключение сего письма, предоставляя способ перевода моего из здешней обители благоусмотрению и силе влияния Вашего, повторяю мою просьбу удостоить меня покровительства

и молитв ваших святых, причем с глубочайшим почитанием и неограниченною преданностию имею счастие именовать себя
Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

Николай Чистяков.
21 февраля 1844 года
Площанская пустынь

IV. Письмо Никодима, епископа Орловского, к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие! Милостивый Государь!

Почтеннейшее и приятнейшее для меня письмо Ваше от 26-го Генваря 1838 года я получил 7-го числа минувшего февраля и замедлил отвечать Вам на оное, в чем прошу Вас великодушно извинить меня. Приношу Вашему Высокопреподобию душевную благодарность мою за принятое Вами ходатайство о прибавлении штатного числа монашествующих в известной Вам Богородицкой Площанской пустыне; благоволите чрез Ваше посредство начатое привесть к благополучному окончанию.

Обитель истинно прекрасная и благоустроенная. Я когда бываю в ней, всегда оною восхищаюсь.

За сим позвольте мне, Ваше Высокопреподобие, поздравить с приближающимся всерадостным праздников праздником светлого и живоносного Воскресения Христова и сердечно пожелать Вам вполне насладиться нетленными плодами оного. Позвольте еще надеяться продолжения Вашего благорасположения ко мне и в потребном случае адресоваться к Вам, чем обяжете меня быть навсегда пред Вами признательным и благодарным.

Поручая себя Вашим благоприятным молитвам с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть
Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя
Покорнейший слуга и богомолец

Никодим, Епископ Орловский.
19 марта 1838 года
Орел

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 9.

II
Архимандрит Феофан Новоезерский и игумения Феофания (Готовцева)

В письме к Преосвященному Илиодору, архиепископу Курскому, святитель Игнатий, между прочим, написал: «Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию отца Феофана, Архимандрита Новоезерского: я имел счастие его видеть, имел счастие с ним беседовать».

Выдающийся подвижник еще екатерининского времени, архимандрит Феофан (в миру Феодор Соколов, 11 мая 1752 — 3 декабря 1832) в 19 лет удалился в Санаксарскую пустынь к отцу Феодору Ушакову[1], а после ссылки последнего в Соловецкий монастырь перешел в Введенский монастырь Владимирской епархии, затем, в 1775 г., ушел в Молдавию в монастырь Тисман, где был пострижен. Однако из-за усилившихся притеснений турок остаться там он не смог и в 1780 г. переместился в Софрониеву пустынь Курской епархии. Отсюда он был переведен в Александро-Невскую Лавру и, благодаря своему смирению и трудолюбию, взят в келейники к Митрополиту Гавриилу с производством в иеромонахи. Здесь он имел возможность объяснить начальству невиновность своего бывшего старца Феодора Ушакова и тот, по указу Екатерины II, был вызван из ссылки и возвращен в Санаксарскую пустынь. В дальнейшем Митрополит Гавриил избрал о. Феофана в число советников при ученых Лавры, которым было поручено поверять сделанный Паисием Величковским[2] перевод на славянский язык Добротолюбия. Это избрание свидетельствовало о прекрасном знании о. Феофаном греческого языка, а также о его опытном разумении жизни духовной. В 1791 г. о. Феофан был поставлен во игумена Моденского монастыря Новгородской епархии, но в 1793 г., по прошению граждан белоезерских, переведен в Кирилло-Новоезерский монастырь, расположенный на острове озера Нового.

Кирилло-Новоезерский монастырь переживал в то время крайний упадок: братии было всего семь человек, здания все в

[1] *Преподобный старец Феодор Ушаков* (в миру Иоанн; 1718–1791) — великий подвижник, восстановитель Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря и Арзамасской Алексеевской женской общины. ‖ [2] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 516.

полуразрушенном состоянии. Отец Феофан, прежде всего, ввел общежитие и новый порядок служения. Благоговейное богослужение, строгость жизни иночествующих, кротость и мудрость настоятеля скоро умножили число братии до 80 человек, привлекли богомольцев и благотворителей, среди которых были богатые купцы, а также лица царствующей фамилии. В 1799 г. о. Феофан был определен благочинным монастырей, в том числе Горицкого девичьего. В 1819 г. он был вызван в Петербург и возведен в архимандрита.

За 36 лет управления о. Феофаном Новоезерский монастырь был приведен в превосходное состояние, совершенно изменился его облик, вместо ветхих некрасивых строений были построены многие каменные здания, снаружи он был обнесен каменной стеной с шестью башнями. Еще более о. Феофан заботился о духовном устройстве братии, непрестанно поучая их наедине или в общем собрании. Не только в своем монастыре, но и в монастырях своего благочиния. Особенно много внимания уделял он сестрам Горицкого монастыря, с которыми вел активную переписку. «Поучения его, исходившие прямо из глубины сердца, могли трогать и самые ожесточенные души, не красотою и пышностию выражений, но тою сердечною умилительностию и силою, которые составляют истинное помазание духовное».

В 1829 г. из-за ослабления телесных сил и жестокой болезни ног семидесятисемилетний старец принужден был просить увольнения от должности. Но оставил он вместо себя своего на протяжении 27 лет ученика, игумена Аркадия, который продолжил его труды на благо монастыря.

В таком положении застали Новоезерский монастырь прибывшие туда в феврале 1830 г. молодые послушники, Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев. С большим радушием приняли их и архимандрит и братия. Забегая вперед, следует отметить, что именно здесь обрел будущий архимандрит Игнатий своего верного друга и сподвижника, Павла Петровича Яковлева.

В письме к матери, Софье Александровне, Дмитрий Александрович писал, что он и раньше слышал об о. Феофане и очень хотел познакомиться с ним: «притом если б жил я где близ Вологды, то не было б мне покоя, пока не побывал бы в Новоезерском монастыре у отца Феофана, — теперь же это дело уже в шляпе». Однако после уроков отца Леонида (Наголкина), здесь ему показалось слишком просто: «Об Новоезерском много чрезвы-

чайно слышал и мало из слышанного увидел; порядок в Белых берегах гораздо строже и лучше, всенощные ровнехонько вдвое дольше... Братия очень свободны в обращении... Виделся с о. Феофаном несколько раз, и он рассказывал о себе, что служил в штатской службе в Москве, будучи осемнадцати лет оставил мир, жил несколько времени в Санаксарской пустыне при о. Феодоре Ушакове, потом в Молдавии при Феодосии, а Паисия Нямецкого и не видел, десять лет был келейником митрополита Гавриила и 30 с лишком здешним настоятелем».

Скоро, однако, сырой климат Новоезерского монастыря начал оказывать пагубное влияние на здоровье Дмитрия Александровича и уже в июне 1830 г. его, совсем больного, родители переправили в Вологду.

Сразу же после отъезда Дмитрия Александровича между ним и Павлом Петровичем Яковлевым установилась переписка. Особенно интересно письмо от декабря 1832 г., в котором говорилось о литературных трудах в Новоезерском монастыре. Архимандрит Феофан последние годы занимался составлением жития о. Феодора Ушакова и редактированием своих «Бесед», а его ученики — жизнеописанием самого архимандрита Феофана. При этом, зная о литературных дарованиях Дмитрия Александровича, теперь уже отца Игнатия Брянчанинова, они пользовались его советами и исправлениями текстов. «Буди Вам известно, — писал он им, — что житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено, и, как Вам угодно, но поостерегитесь хорошее заменить посредственным. Знайте, что его нравоучение в Житии помещенное, прибавкою мною сделанною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным, простым и сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляет всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница, аудиенции и проч. суть предметы, наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенною нравственностию, смирением и презрением всего суетного».

Всего четыре месяца пробыл Дмитрий Александрович в Новоезерском монастыре, но видно, что отец Феофан произвел на него глубокое впечатление: к воспоминаниям о нем не раз возвращался на протяжении всей своей жизни. Так, в 1838 г., разбираясь по поручению Святейшего Синода с обстоятельствами в Валаамском монастыре, он в Рапорте на имя Митрополита Серафима приводил в пример «почтеннейшего старца о. Фео-

фана Новоезерского», который «по подобию праведного Иова, предоставив занятие внешними предметами о. Вениамину, сам занимался непрестанно молитвами и словом Божиим». В 1847 г., в приведенном выше письме к архиепископу Илиодору, он также ставил о. Феофана в пример, когда «настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в Законе Божием, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном», а в 1861 г. в письме к игумену Антонию (Бочкову), он, рассуждая о «разнородных направлениях монашеских», писал: «В 1829 году, при жизни старца Феофана, я приехал в Новоезерск, пожив в Оптиной и Площанской: мне показались новоезерские монахи мирянами, несмотря на отличное благоустройство монастыря и порядок богослужения, который, однако, ниже Площанского и Белобережского. Я спросил монахов: ходят ли они к Старцу для совета и откровения помыслов. Отвечали: «никто не ходит, за исключением Комаровского[1], а обращаются к Старцу за советом преимущественно Горицкие монахини и в большом количестве миряне». Беседовал я несколько раз со Старцем: он прямо отвергал душевное делание, как очень удобное к переходу в прелесть, и выказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную; к службам ходил неупустительно; вставал до утрени за час и вычитывал в келлии правило; сложения был атлетического, росту малого. Сообразно собственному направлению он руководил и других: как новоезерское братство, так и горицкие чужды духовного делания; все их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг».

Кстати же, с некоторыми монахинями Горицкого девичьего монастыря святитель Игнатий был знаком. С двумя из них, в будущем проявившими себя великими подвижницами, он поддерживал дружеские о Господе отношения долгие годы. Первая — это матушка Феофания (в миру Александра Сергеевна Готовцева, в девичестве Щулепникова; 15 февраля 1787–16 мая 1866). В 1809 г. 15 января она вышла замуж за генерал-майора Семена Степановича Готовцева, а 8 августа этого же года он скончался от ран, полученных в сражении со шведами; через четыре года, 13 ноября 1813 г., умерла ее малютка-дочка Анна. Еще при жизни дочери Александра Сергеевна, посетив Новоезерский монастырь, познакомилась с о. Феофаном, а после ее кончины вела с

[1] О нем см. с. 289–290.

ним переписку, находя в его письмах подкрепление и утешение в скорбях. В 1818 г. она окончательно решилась уйти в монастырь, выбрав для этого известный благочестием Горицкий. Она прибыла туда 9 марта и уже 16 сентября приняла постриг в рясофор с переименованием в Феофанию; в мантию она была пострижена почти через 20 лет — 8 ноября 1837 г. В то время игуменьей монастыря была Маврикия (Ходнева). Будучи сама из простых и малограмотна, «она получила от Бога особый дар управлять монастырем, и слава о ее подвижнической жизни привлекала к ней ищущих спасения от соблазна и суеты в уединении и молитве»[1]. Число насельниц в монастыре при ней простиралось до 600 человек. Она на первых порах с большим недоверием отнеслась к новоначальной Феофании, считая ее белоручкой. Но, увидев ее искреннюю готовность выполнять любые послушания, ее смирение и покорность, полюбила ее и сделала своей доверенной помощницей и советчицей.

Уход Александры Сергеевны в монастырь произвел большое впечатление на ее родных. Через некоторое время в Горицкий монастырь прибыла ее старшая сестра, Анна Сергеевна, на третий день постриглась в рясофор, а через три года — в мантию, получив имя Маврикия; скончалась она схимонахиней восьмидесяти двух лет в 1855 г. Через год после Анны Сергеевны в монастырь поступили еще три их родственницы. Брат их, Петр Сергеевич Щулепников, пожелал поступить в Новоезерский монастырь, но будучи слабого здоровья, не доехав, скончался в Горицком монастыре.

Душевной отрадой для монахини Феофании стало поступление в 1824 г. в монастырь воспитанницы графини А. А. Орловой-Чесменской[2], Марии Никитичны Крымовой (30 июня 1800 — 2 февраля 1866). Красавица, получившая прекрасное образование в Смольном институте, она тяготилась мирскими радостями и избрала Горицкий монастырь, потому что наслышалась о его строгом иноческом уставе и благочестивой жизни его подвижниц. Через несколько месяцев по прибытии она была пострижена о. Феофаном Новоезерским, и ей дано было имя Варсонофии. Игуменья Маврикия определила ее под начало сестры Феофании, и она «пребывала в ее послушании и у нее в кельях, хотя и в разных комнатах, более сорока одного года».

---

[1] *С. И. Снессорева.* Игумения Феофания (Готовцева). СПб., 1868. С. 41. ‖ [2] О ней см. с. 524.

Уединенность Горицого монастыря, руководство им игуменьей Маврикией, строгая жизнь в трудах — все здесь соответствовало идеалу иночества, к которому стремились монахини Феофания и Варсонофия. Но искушение подошло в 1845 г., когда был получен «указ строгий»: монахине Феофании к первому числу июля быть в Петербурге. В столице, по воле Государя Императора Николая I, должна была быть восстановлена женская обитель. Восстановительницей была избрана монахиня Горицкого монастыря Феофания (Готовцева). Матушке Феофании шел тогда уже шестидесятый год, но прозорливы были те, кто избрал именно ее для воплощения воли Государя в жизнь. «Велико было смятение в обители», много слез пролила сама Феофания и те, которым приходилось с ней расставаться. Игуменья «почернела от затаенной скорби». Но приказ начальства требовал исполнения.

С собою в Петербург матушка Феофания взяла монахинь Варсонофию, Юлию и Ермиону (бывшую горничную ее молодых лет, Дуню). Немного позже, по распоряжению Митрополита Антония, к ней были присланы из Гориц еще двадцать монахинь. Церемония посвящения монахини Феофании во игуменью состоялась 28 октября 1845 г. Посвящал ее сам Митрополит Антоний.

Тяжело было всем прибывшим из благоустроенного Горицкого монастыря на пустом месте в равнодушном Петербурге. Много слез пролила Игуменья, много слез пролили ее подопечные, но и много трудов положили они, прежде чем начал подниматься великолепный Воскресенский Новодевичий монастырь. Игуменья Феофания оказалась талантливым организатором, с огромным чувством такта, привлекавшим и благотворителей и сотрудников. Главной ее помощницей и вдохновительницей в трудах была монахиня Варсонофия, не раз в тяжелые моменты выручавшая обитель своим умением находить новых жертвователей. Она же, сама обладавшая красивым голосом, помогала Игуменье в подборе и обучении клиросных для благолепного пения во время богослужений. Обе они сумели наладить в монастыре рукодельные мастерские, привлечь преподавателей для обучения сестер иконописи, золотошвейному искусству, выделки церковной утвари. Вышедшие из мастерских изделия становились лучшим украшением храмов.

Двадцать лет жизни отдали скромные труженицы монастырю. Для человеческой жизни это совсем немалый срок. Но смотря на результаты их труда, на вновь возникшие величественные

храмы, на их своеобразную архитектуру, представляя, как прекрасно они выглядели изнутри, невероятным кажется, что все это был создано за такой короткий промежуток времени! Конечно, действовал Божий промысл!

Есть все основания предполагать, что первый монастырь, с которым игуменья Феофания установила контакты по прибытии в Петербург, была Сергиева пустынь. Хотя бы потому, что там находился знакомый ей с детства, опытный в монастырских делах Павел Петрович Яковлев, советами которого она пользовалась во все время управления монастырем. Со святителем Игнатием (тогда еще Дмитрием Александровичем Брянчаниновым) она тоже могла познакомиться во время его пребывания в Новоезерском монастыре. Свидетельством того, что он был знаком с некоторыми монахинями Горицкого монастыря, являются его приписки в письмах к Яковлеву, когда тот приезжал в Горицы навестить свою матушку: «Потрудитесь передать мой всеусердный поклон, во-первых, почтеннейшей родительнице Вашей матери Софии, во-вторых, достопочтеннейшей Г-же Игумении старице Схимонахине, и прочим о Господе знающим меня». Их знакомство могло продолжиться во время приездов игуменьи Маврикии и сопровождавшей ее Феофании в Петербург по делам монастыря.

Постоянная возможность личных встреч игуменьи Феофании и архимандрита Игнатия делала ненужной переписку. Поэтому более подробные письменные свидетельства об их взаимоотношениях отсутствуют. Но вот в 1847 г. архимандрит Игнатий удалился из Петербурга в Николо-Бабаевский монастырь. Уже в письме от 7 сентября к своему наместнику он пишет: «При свидании с Госпожею Игуменией Феофаниею засвидетельствуй ей, равно и матери Варсонофии мой усерднейший поклон»; в письме, написанном в октябре: «Потрудись поздравить Госпожу Игумению Феофанию с днем ее Ангела, когда он настанет, поручаю себя ее святым молитвам. — И мать Варсонофия, конечно, я уверен, не забывает меня»; от 25 декабря: «Отдай сам или чрез кого два экземпляра «Валаамского монастыря» в Девичий Петербургский монастырь Госпожам Игуменьи и Благочинной. Прошу их, чтобы они сами заглянули в эти тетрадки, но не давали никому»...

Близкие отношения с Сергиевой пустынью у Игуменьи и Благочинной Новодевичьего монастыря сохранялись и после отъезда епископа Игнатия из Петербурга. Искренняя дружба

связывала их с преемником епископа Игнатия, архимандритом Игнатием (Малышевым). 3 февраля 1866 г. он сослужил двум святителям, Митрополиту Киевскому Арсению и епископу Нижегородскому Нектарию при Литургии и отпевании усопшей матери Варсонофии. А 9 мая этого же года, за неделю до исхода самой игумении Феофании, он приезжал помолиться за нее. «Моих-то не оставьте!» — повторила она ему несколько раз.

Во все время последней болезни игумении Феофании при ней почти безотходно находился Павел Петрович Яковлев. «Она часто говорила, что он с детства своего готов был служить ей, как покорный сын матери своей... Собираясь с силами, передавала ему свои желания и распоряжения по делам монастырским, так как издавна привыкла пользоваться его опытными советами и готовность служить ей по мере сил»[1]. Последняя просьба игуменьи Феофании к сестрам была: «Молитесь, чтобы наша обитель стояла до скончания веков!» Ее и их молитвами Воскресенский Новодевичий монастырь поднимается в настоящее время из руин трудами их последовательниц и почитательниц, чтобы снова занять достойное место среди исторических святынь Санкт-Петербурга.

Письмо святителя Игнатия к игумении Феофании (Готовцевой)[2]

В терпении Вашем стяжавайте душу Вашу и души словесных овец Ваших, предавая их умственно Воле и Промыслу Божиим: мы, настоятели — не более как орудия промысла Божия. Мы, сами по себе, ничего не значим и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но самих себя. Таковое размышление будет доставлять спокойствие сердцу Вашему. Я говорю с Вами, как бы с самим собою. О непокоряющихся и не внимающих слову спасения, не надо очень печалиться; но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице бесчисленное множество. К несчастию нашего времени, точно, как Вы изволите говорить, многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления; сверх того примером своим и влиянием потрясают и других неутвержденных. Что ж делать?

[1] *С. И. Снессорева.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 189. | [2] РНБ РО. Ф. 1927. №. 288. С. 277–279.

Такое положение очень бедственно; но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то правосудный и милосердый Бог непременно даровал бы оное. Таковые размышления доставляют душе истинно ищущей Бога мир и спокойствие: потому что Слово Божие определило нам находить успокоение душевное в едином смирении и самоукорении. На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним: потому что молитва вводит в действие самого всесильного Бога, и Бог творит с созданием своим все, что Ему благоугодно. Он отверзил сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными. Будем, Достопочтеннейшая Мать, пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по замечанию некоторого великого Отца, отвращения к слову в слушателях. И Бог да покрыет нас.

Письма архимандрита Феофана к Александре Сергеевне Готовцевой (игумении Феофании)

№ 1[1]

Ваше Превосходительство
Александра Сергеевна!
Милость Божия да будет с тобою!

Письмо Вашего Превосходительства с почты я получил сего октября, 9-го числа, в котором изволите объяснять прискорбность Вашу и тягостные чувствования, касающиеся до души Вашей, что сердце Ваше в беспрестанном волнении, мир становится несносен, леность устрашает принять на себя строгую жизнь ангельского образа, и боитесь смущения монашествующей жизни, на которую якобы без звания Божия положиться не должно. Когда думаете принять твердое намерение о перемене жизни, приходят в волнение все страсти и сильный ужас обуяет; требуете от меня наставление, что предпринять ко спасению Вашему? Я, рассматривая сии обстоятельства, решить оные затрудняюсь, а советую прибегнуть ко Господу Богу и просить от

Него милости, яко всех окружающих Милосердаго Отца, пекущегося о спасении нашем, и воззвать к Нему: *Скажи ми, Господи, путь воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою! Господи, к Тебе прибегах, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой*[2]. Господь Бог устроил ко спасению пути, и всякий избирал себе по своему усердию: спасались в пустынях, горах и в пропастях земных, в странничестве, в юродстве, в затворах и стоянием на столпах, но сии пути весьма жестоки и прискорбны; монастырская же жизнь устроена по воле Божией, по слову Спасителя нашего: *Идеже... два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*[3], кольми же паче в большем собрании? Еще монастырская жизнь Святою Церковью почитается и земным небом, где беспрестанно славословится Бог, как от Ангел на небеси; но как в большом собрании случаются между собою на малое время и смущения, потому что собираются из разных мест, разного воспитания, разных нравов, и, не зная, как друг друга успокоить и друг друга тягости понести, через то оскорбляются; но ежели кто имеет здравый разум, может сам успокоиться и других успокоить прощением и любовию. В обителях Святой Церковию по уставу положено иметь и приготовлять простую пищу, для того чтоб удобно было снискать и чтоб не утрачивать время на излишнее попечение; также чтоб и одежда была простая, а к сему самая удобная, черного цвету, как для смирения, так и для немаркости. В прежние времена в монастыри вступали Царицы и Царевны, а в мужские — Цари и Царевичи как в других государствах, так и в нашем Российском, и не боялись; и нельзя, чтоб не несли они прискорбия, а через то спасались. Бог зовет всех ко спасению обещания ради будущих благ. *Приидите,* — глаголет, — *ко Мне вси труждающиися и обремененни, и Аз упокою вы: возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*[4]. Ежели у Вашего Превосходительства к мирской жизни склонности нет, приступите ко Господу, поработайте Ему в сей кратко временной жизни; Бог больших подвигов не требует, а только кротости и смирения и чистоты душевной и телесной. *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят*[5]; для Бога немного потрудиться в здешней жизни, но воздаяния много, чего ум человеческий постигнуть не может. Бог истинен, и нет неправды в Нем, что обещал — исполнит, но избави Боже лишиться сего за слабость и неверие наше! Честна пред Господом смерть преподобных Его, в память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится; напротив того: да исчезнут

грешницы от земли и беззаконницы, якоже не быти им. Страшное прещение! Советую Вашему Превосходительству на первый случай, чтоб без привычки нетрудна казалась монастырская жизнь, попробовать таким образом: сперва попеременно поживите в Горицком монастыре (как в оной обители устав, соответствующий монашеской жизни, и церковное пение, и чтение порядочное), не переменяя своей одежды, и, когда скучно покажется, можете в доме побывать, пока привыкнете к оной жизни. Ежели невместно покажется, что делать уже, хотя и в доме дни свои провождать можете, и как Бог зовет к Себе, а не принуждает, равным образом и я Вашему Превосходительству предлагаю только мое мнение, а не утверждаю, а Вы, смотря свои силы, изберите путь, как я упоминал, по воле Божией. Итак, желая вашему Превосходительству всякого благополучия, и да будет на Вас благословение Божие, пребуду Вашего Превосходительства усердный всех благ желатель и богомолец,

Кирилло-Новоезерский игумен Феофан.
16 сентября 1816 года

[1] *С. И. Снессорева.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 297.

[2] *Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою. Господи... к Тебе прибегаю. Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой* (Пс. 142. 8, 9, 10).

[3] *ибо... двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18. 20).

[4] *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 28, 29, 30).

[5] Мф. 5. 8.

№ 2[1]

Сестрице Вашей Божие благословение и по просфоре Вам; письмо брата Вашего возвращаю.

Преподобнейшая мать Феофания, милость Божия да будет с тобою!

Письмо Ваше от матери Маврикии я получил, в котором пишете о душевном своем расстройстве и не знаете, что с собою делать, что приходите в худшее состояние, и даже до отчаяния, и просите меня, чтоб я Вас побранил. На сие Вам отвечаю: кто любит наказание и обличение и приемлет оное, тому может быть это врачевством душевным. Святой апостол Павел говорит в послании к Тимофею: *Всяко Писание богодухновенно и полезно*

(есть) ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован[2]. Теперь уже доходит дело, по просьбе Вашей, и до того, что должно побранить Вас, но я Вам же сие поручаю: побраните Вы себя хорошенько. Скажите себе: «Феофания, кто ты? Земля, прах, пепел, пища червей, и как можешь противиться слову Божию, Небесному учению?»

Христос, Сын Божий, велит терпеть! *В терпении вашем стяжите души ваша*, а ты терпеть в случающихся скорбных приключениях не хочешь. Христос, Сын Божий, Сам изволил терпеть нашего ради спасения, будучи безгрешен. И так скажи еще себе: «Опомнись! Ежели в здешней жизни неприятные случаи приводят тебя до такого нетерпения, что порываешься к отчаянию, то как будешь терпеть в будущей бесконечной жизни вечное мучение? Сходно ль оно с христианскою жизнью, а паче с духовною? Господь тебя призвал в служение Себе, вчинил тебя в число Ангельское, ввел тебя в свою небесную ограду, в святую обитель, но ты нечувствительна, чего ж тебе не достает? Только что преселения в Царствие Небесное? Потерпи со смирением, получишь, что Господь обещал. Занимаешься ты пустыми мыслями, оставляешь Господа Бога, надежду на него не полагаешь, бежишь мысленно от лица Его, Он зовет: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы... и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим.* Еще скажите себе: «Феофания, смотри, что ты делаешь? Пренебрегаешь смиренные глаголы Создателя своего, приятное призывание: *Придите ко мне ... Я упокою вас.* Что сего драгоценнее? Хотя б кто имел сокровище всей вселенной, может ли оно упокоить? Может ли дать Царствие Небесное? Но ничего вечного дать не может, а только что одно мечтание покажет к прелести, как находящемуся во сне. *Уснуша сном своим* и восставше *ничтоже обретоша в руках своих*[3]. «Ежели, Феофания, — скажите себе, — не очувствуешься и не хочешь смирить себя и предать себя Господней воле, то услышишь страшное изречение Господа своего, Благодетеля, Отца Премилосердого: *Идите от Мене* ... Куда ж? *Во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*[4]». Страшное изречение благого, кроткого и Премилосердого Отца! Вот до чего нас доводит грубость, ожесточение, и окаменение, и нечувствие наше о всех излиянных на нас милостях! Я, с моей стороны, прошу Вас, признайте свою погрешность пред Господом Богом, падите пред лицом Его и ска-

жите: *Не отверже мене от лица Твоего и духа Твоего Святага не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и духом Владычним утверди мя*[5]. Тогда услышишь благословенный глас: *Отпущаются греси твои*, будь в мирной жизни и тишине и кому не согрешай. Нам довольно примеров: погрешали и святыи и получали прощение; были и великие грешники и грешницы, обратились ко Господу, раскаялись, Господь дал им жребий такой же, как и святым. Не смущайтесь, скажите себе пророческое слово: *Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя. Яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от поползновения*[6]. Ежели приводит тебя в беспокойство резчик и позолотчик, что ж делать? Тоже прибегнуть к терпению; Бог все исправит, хотя несколько и попозже, нежели как располагали своими мыслями. Не было ли к благому намерению попущения тщеславных мыслей, что вы успеете свой придел привести ко освящению прежде других, забыв просить помощи Божией? И так-то в свое время, назначенное Вами, и не исполняется, но исполнится. Помолитесь Господу Богу, чтоб вспомоществовал, и Бог поможет, а Вы свое старание прилагайте без смущения.

Итак, желая Вам спокойной жизни, пребуду Вашего преподобия усердный всех благ желатель

архимандрит Феофан.
Июля 11-го, 1821 года

[1] *С. И. Снессорева.* Игумения Феофания (Готовцева). С. 323.

[2] *Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3. 16, 17).

[3] *...уснули сном своим... не нашли... силы рук своих* (Пс. 75. 6).

[4] Мф. 25. 41.

[5] *Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня* (Пс. 50. 13, 14).

[6] *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения* (Пс. 114. 7, 8).

III
Архимандрит Фотий

«Политический деятель, патриот России» — так называли знаменитого архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия благорасположенные к нему церковные историки.

Архимандрит Фотий (в миру Петр Никитич Спасский, 1792–1838) родился в бедной семье, его отец был чтецом церкви Преображения Господня Спасского погоста Новгородского уезда. По окончании Новгородской семинарии он поступил в Петербургскую Духовную академию, но по болезни не смог ее окончить. В 1817 г. он был пострижен и направлен преподавателем в Кадетский корпус. Уже в это время своими способностями он привлек внимание Митрополита Серафима и таких выдающихся духовных писателей, как Иннокентий (Вениаминов) и Филарет (Дроздов). В 1821 г. он был назначен игуменом Деревяницкого монастыря, в 1822 г. — Сковородского, но в этом же году переведен в старинный Юрьев монастырь Новгородской епархии.

Особенно ярко архимандрит Фотий проявил себя как противник масонских лож и мистицизма, а также Библейского общества[1], возглавляемого Министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным[2]. По ходатайству

[1] Библейское общество было основано в Англии в 1804 г. сектантами разного направления с целью распространения Священного Писания на разных языках среди народа разных вероисповеданий. В 1812 г. члены британского общества обратились к Александру I через князя Голицына с просьбой дозволить им учредить в России Библейское общество для распространения в России Ветхого и Нового Завета между обитателями иностранных исповеданий. В тот же день разрешение было получено. Председателем Общества был выбран князь Голицын.

Самая темная сторона деятельности Библейского общества состояла в том, что ее деятели под влиянием английских учителей направляли все дело в сторону протестантизма. Английские методисты выражали надежду, что благодаря Обществу «Россия скоро будет наслаждаться благами Реформации». Вследствие этого направления Библейское общество сделалось средоточием всевозможных сект, действовавших в ущерб православию. Не всё, однако, в деятельности Общества имело отрицательный характер. Например, предпринятый им перевод и издание на русском языке Священного Писания многие находили весьма полезным. (*По книге Митрополита Иоанна (Снычева) «Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского».*)

[2] *Князь Голицын Александр Николаевич* (1773–1844) — друг Государя Императора Александра I, Министр духовных дел и народного просвещения, мистик, председатель Библейского общества. При его покровительстве были переведены и изданы книги, написанные проповедниками лютеранской и латинской церкви, что вызвало негодование в обществе. На одну из них, «Воззвание к

поддерживающих Фотия Митрополита Серафима и графини А. А. Орловой-Чесменской[1], он был принят Александром I. Беседа с ним произвела на Государя Императора такое впечатление, что деятельность масонских лож в России была запрещена, а после повторной аудиенции в 1824 г. было упразднено Министерство, возглавляемое князем А. Н. Голицыным. Деятельность Библейского общества была приостановлена уже при Николае I в 1826 г., вследствие доклада Митрополитов Серафима и Евгения Болховитинова. Фотий писал тогда своему другу, архимандриту Симоновского монастыря Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный, нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онемел; общества все богопротивные, якоже ад, сокрушились».

Личность архимандрита Фотия вызывала разные чувства у его современников. С одной стороны, своей антимасонской деятельностью он нажил немало врагов, интриговавших и распространявших против него многие клеветы. Но в то же время его

человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова», архимандрит Фотий написал «Обличительную апологию» и, кроме того, направил Александру I два послания, в которых доказал, что книга эта составлена для революции и навеяна сатанинским духом. 15 мая 1824 г. князь А. Н. Голицын особым указом был освобожден от должности министра и, по его просьбе, назначен Заведующим почтового отделения. В 1839–1841 гг. он председательствовал в общих собраниях Госсовета. Занимался благотворительностью.

Архимандрит Игнатий в 1836 г. обращался к статс-секретарю по принятию прошений А. Н. Голицыну с прошением: «Ваше сиятельство, обычное снисхождение Ваше внушает мне смелость — беспокоить Вас покорнейшею просьбою, впрочем, весьма для Вас легкою. Она состоит в следующем: наша обитель давно ведет процесс о земле по купчим, плану и межевой книге генерального межевания ей принадлежащей, но оспариваемой казенными крестьянами, которые насильственно на ней поселились.

Министр финансов, рассмотрев дело, хотя и нашел, что земля по всей справедливости принадлежит Сергиевой пустыни, однако, затрудняясь переселением крестьян, положил землю разделить так: сторону, на которой стоит монастырь, отдать монастырю, а на коей поселились крестьяне — крестьянам. Сие мнение его поступило в Комитет министров.

Думаю, что преподобный Сергий лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергия, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен соображаться с благоустроением своего Настоятеля и решением министра финансов быть довольным. Поддержите сие решение в Комитете министров. Вот в чем состоит вся просьба к Вашему сиятельству от поверенного обители преподобного Сергия».

[1] О ней см. с. 524.

борьба за чистоту православия, его настоятельская деятельность привлекали к нему большое число истинных почитателей из разных слоев общества. Поклонник архимандрита Фотия, Андрей Николаевич Муравьев, писал о нем: «Замечательно будет лицо его в летописях новгородских: кроме необычайности собственной его жизни, изнурительного поста при ежедневном служении, сорокадневного безмолвия в течение Четыредесятницы и других подвигов. <...> он действительно был не только обновителем своей обители, но и настоящим архимандритом всех монастырей Новгородских, по древнему назначению настоятелей Юрьева»[1]. Следует также добавить, что архимандрит Фотий был известен и как писатель: при его преемниках в библиотеке Юрьева монастыря насчитывалось 24 книги его сочинений.

В числе близких к Фотию людей были известные государственные и церковные деятели. Его духовными дочерьми были княгиня Прасковья Михайловна Толстая — дочь М. И. Кутузова-Голенищева; вдова Г. Р. Державина, Дарья Алексеевна; дочь героя Чесмы, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская и др. Памятником взаимоотношений с ними осталась их обширная переписка.

Среди почитателей Фотия был много богатых благотворителей, их усердие весьма способствовало обновлению Юрьева монастыря. С 1821 по 1831 г. архимандрит Фотий получил от них до 300 тысяч рублей. Но главной благотворительницей была А. А. Орлова-Чесменская. Графиня Анна Алексеевна благотворила многим монастырям, в том числе и Сергиевой пустыни, которую она не раз выручала в трудных обстоятельствах. Однако с архимандритом Фотием и с Юрьевым монастырем ее связывали наиболее близкие духовные отношения. На Юрьев монастырь она истратила до 1832 г. около 700 тысяч рублей. Благодаря этим огромным суммам, архимандрит Фотий поднял монастырь из развалин и превратил его в одну из самых богатых и прекрасных обителей России. Но, по словам А. Н. Муравьева: «Тот же поток щедрых деяний излил [он] на прочие убогие обители древней Славянской столицы. <...> И Святая София, священный залог славы Новгородской, сделалась также предметом его забот». Величайшей заслугой Фотия, считал А. Н. Муравьев, было «восстановление древнего чина иноческой жизни в своей обители, и возбуждение чрез то духа молитвы <...> самый чин богослужения и церковные напевы отзывались давно минувшим, и потому роднились с сердцем; невольно разжигая дух молитвы, видением и слышанием древнего церковного быта».

[1] *А. Н. Муравьев.* Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. С. 215.

Эти слова А. Н. Муравьева позволяют думать, что направление Фотия в руководстве монастырем было сродни тому, которое проводил в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий Брянчанинов. Встречались ли они лично — об этом свидетельств нет. Жизнеописание Святителя отмечает только, что в 1832 г. заезжал в Юрьев монастырь и представился там настоятелю Михаил Васильевич Чихачев. Но, во всяком случае, графиня Анна Алексеевна, поддерживавшая дружеские отношения с Сергиевой пустынью, конечно, рассказывала своему духовному отцу о ее молодом настоятеле. И приведенное письмо архимандрита Фотия к архимандриту Игнатию — от старшего к младшему — весьма благожелательно.

Посетил архимандрит Игнатий Юрьев монастырь в 1847 г. по пути в Николо-Бабаевский монастырь. 12 июля этого года он писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «... на последней станции к Новгороду пошел сильный дождь, провожавший нас до самого Юрьева. <...> В Юрьеве отец Архимандрит принял меня очень благосклонно; сегодня утром был у ранней обедни в нижней пещерной Церкви; обедню совершал отец Владимир с учеником своим иеродиаконом Виталием: они очень милы — вместе. Отец Владимир служит благоговейно, — как быть старцу; Виталий — с приятною простотою. После Литургии отец Архимандрит отправил соборне панихиду по почившем восстановителе Юрьевской обители. <...> Отец Владимир пришлет тебе два портрета отца Фотия и вид Юрьева монастыря. Один из портретов возьми себе; а другой портрет и вид обители вели обделать в бумажные рамки для моих келлий. Сегодня суббота; скоро громкий и звучный колокол ударит к всенощному бдению; думаю участвовать сегодня вечером и завтра утром в Богослужении, а завтра после обеда отправиться в дальнейший путь».

Письмо архимандрита Фотия к святителю Игнатию[1]

Радуйся, отче преподобне,
достоблаженне Игнатие!

Радуюсь о тебе и Христа Бога благодарю, что ты печешися о стаде твоем, любишь не токмо своих чад, но и приходящих милосердуешь недужных. Твоя любовь молит, дабы я принял к себе недужного, сущего во твоей обители: добро дело ты дела-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 26. Публикуется впервые (О. Шафранова).

ешь, что ты хочешь ему **бесному** исцеления у Бога: но я тебе благ совет скажу: такового рода люди преданы во власть врага свыше и враг их мучит зде, да не страждут там; нашего ради уцеломудрения дается таковому, каков и у тебя бесен есть, быть, да дух его спасется. Случается, что душа всегда связанная таковых людей от духа нечистого, не имущая ничтоже благо делать, лишь бывает в некое время на своей свободе, тогда бывает в полном своем уме и действии и чище делает, и видит, нежели кто из нас свободен будучи от лукавого и не терпяй искушения. Иного дух мучит, имея жилище свое в нем, а в ином вовсе не живет, но служит ин, яко раб сатане, и весь его есть, и сего ради не искушает, а бережет как своего, и разные люди разные суды о себе имеют, и приемлют зде себе искушение. Иные страждущие от бесов яко злато в огне не сгорают: а иные нестраждущие, лишь к ним враг приразится, яко сухая трава скоро сгорят от него, потребятся. А всякому свое время искушение приять грядет. И так по бесчисленным опытам скажу, милосердуя о себе самом: не связывайся николи с бесными: приходящего не гнушайся, не изгоняй, не бойся, не смущайся, но к нему и не прилепляйся: дух благий иногда влечет туда страждущего, куда он не чает попасть для его временного и вечного блага. Дух лукавый ловец адский идет часто таковыми уловить в сети свои не блюдущихся различно искушая, а Дух Святой Небесный Ловец предает врага в руки самых уловленных: и над бесом сбывается слово Писания: *ров изры и ископа яму, в ню же сам и падет*[1].

Теперь ты решение о твоем недужном видишь. И ты не должен держать, ни я не могу приглашать его, да не приидет на нас искушение. А искушение бывает зде велико и страшно, как ты и вообразить не можешь; аще не Сам Бог приспеет на помощь, то и недужный человек, и милосердуяй о нем без благодати могут погибнуть. Страшуся помыслить, что бывает, а неискусство сего не знает: пусть бесный идет, куда его дух ведет; чудно состояние таковых бывает: можно сказать ин многие лета проходит сквозь огнь и воду, и нигде не погибают, и обретают себе покой.

Я у себя многие образы имел неисповедимых таковых проходимцев земли. Бывает, что сатана и диавол во всех силах, знамениях и чудесах своих лестных является, да прельстит, искусит, погубит даже борющихся с ним: и многие яко кедры ливанские, великие в подвигах, высокие видением, сокрушаются пред духом силы вражной, когда яко буря восшумит, найдет сокрушаяй.

Ничто наше за нас постоять не может, кроме благодати Христовой: бди и молися, отче святый, да не внидешь в напасть. Помни, что всех исцелений Врач не миновал пути, где бесны жили в гробах: но Святое Евангелие глаголет, что никтоже тем путем мог проходить, а не токмо исцелить: оно дает нам осторожность благоразумную, да не вдаемся в то, что свыше нас есть, надеющееся на себя. От сего ты видишь, богомудре Игнатие, что над бесным твоим дело не твое, и не мое, а Божие: остави его на волю Божию, не связывай его, да не свяжешь себя: не привязывай его ко мне, да не привяжешь ко искушению меня: с Богом пути аще хощет да идет, куда дух его влечет. Он сам не знает теперь, куда идет: а Бог его приведет имиже весть судьбами и спасет и помилует.

Прошу святых твоих молитв ко Господу да спасена будет душа моя, яко птенец от сетей вражиих сущих от земли до небеси и как же видел Антоний Великий.

Радуйся, смиренномудрие их проходит

Грешный Фотий.
1835 года
июля 24
Среда

[1] Ср.: *рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил* (Пс. 7. 16).

Приложения к разделу «Архимандрит Фотий»

№ 1

Письмо святителя Игнатия к графине А. А. Орловой-Чесменской

Милостивая Государыня
Анна Алексеевна!

Господь, его же любит, наказует, и кому приуготовляет блаженную вечность, тому посылает скорби и болезни.

Поэтому тот, кому послана будет болезнь, должен проводить время в благодарении Богу, в славословии Бога. Благодарением душа содержится в терпении и мире и таким образом усугубляет мзду свою на небеси.

Благодарить Бога надо так: «Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, за все, что Ты благоволил послать мне для очищения грехов моих. Буди воля Твоя».

Славословить Бога надо так: «Господи, слава Тебе за все совершающееся надо мною! Буди святая воля Твоя!»

Советую Вам в течение дня повторять почаще благодарение и славословие. С ними мало-помалу внидет в душу Вашу спокойствие и утешение, которые будут для Вас уже отселе залогом вечного утешения. Суетные же занятия отложите.

Примите мой усердный совет в утешении и спасении души Вашей. Духовное упражнение Ваше да будет благоприятно Богу, яко кадило благовонное, яко всесожжение тучное.

Ваш усерднейший Богомолец

н<едостойный> А<рхимандрит> И<гнатий>.
15 февраля 1847 г.

№ 2

Письмо святителя Игнатия к вдове Г. Р. Державина, Дарье Алексеевне[1]

Милостивая Государыня Дарья Алексеевна!

Присланные Вами 500 рублей ассигнациями, сумма составляющая половину той цены, которую расположились внести в Сергиеву пустыню за ежедневное служение Божественной Литургии в течение года, мною получена. По субботам сия служба будет начинаться в девять часов, не раньше, не позже.

С истинным почтением имею честь быть Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
1839, июля 1-го дня

№ 3

Постриженик архимандрита Фотия, иеромонах Аникита (Шихматов)

16 мая 1837 г. святитель Игнатий неожиданно получил письмо из Афин — от иеромонаха Аникиты.

Иеромонах Аникита, в миру князь Сергий Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837) — интереснейшая личность, оставившая по себе благоговейную память в России и на Востоке. Он родился у благочестивых родителей в принадлежа-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 18.

щем им селе Дернове Смоленской губернии. Уже с детства отличался он незаурядными способностями, особенно легко давались ему иностранные языки — французский и немецкий. Также с раннего возраста он усвоил славянский язык, и любимым его чтением были псалмы и молитвы. В 10 лет он потерял отца. В 14 лет был принят в Морской кадетский корпус, из которого выпущен в 1800 г. мичманом и определен в Ученый комитет Коллегии при Адмиралтействе. С 1804 по 1827 г. он служил в морском кадетском корпусе, откуда вышел в чине капитана II ранга. Во время службы продолжал заниматься самообразованием, обучался английскому, латинскому и греческому языкам. Также увлекался поэзией, писал стихи патриотические и на евангельские темы. Его «Псалтирь десятиструнный», содержащий в себе преложения десяти псалмов, послужил поводом для избрания его в 1809 г. в действительные члены Российской Академии.

При всем том благочестивые уроки детства все больше проявлялись в образе жизни князя Сергия Александровича Шихматова: он учащал в Божии храмы, занимался благотворительностью, был необыкновенно воздержан. Еще в 1817 г. он познакомился со знаменитым архимандритом Юрьева монастыря Фотием и тогда же стал его последователем в противлении модернизации православия. В этом он расходился со своими старшими братьями, Павлом и Алексеем Ширинскими-Шихматовыми. Братья считали, что православие могло бы что-то заимствовать из практики иных христианских церквей и иностранной религиозной литературы. Сергий Александрович писал им по этому поводу: «Осмелюсь заметить, что я сомневаюсь, полезно ли учиться совершенству веры из книг, писанных ересью, которой Дух Божий тайн своих открыть не может». Особенно братьям не нравилось сближение Сергия Александровича с архимандритом Фотием и его намерение вступить в Юрьев монастырь. Они полагали, что Юрьев монастырь — это место, где «имеют приют противные Церкви мнения». Сергий Александрович старался их переубедить: «Прошу поверить мне, что Юрьев монастырь не есть гнездо еретичества, а напротив хранилище православия церковного».

В ноябре 1827 г. он оставил службу и покинул столицу. Прежде всего он отправился на родину навестить матушку, и как раз успел проводить ее в последний путь. «В первую же ночь он увидел ее во сне и на просьбу благословить его на иноческое под-

вижничество, услышал: «благословить много, а дозволить можно». В начале 1828 г. он переселился в Юрьев монастырь. Лето и осень этого же года, отпросившись у Фотия, он провел в благочестивом странствовании по древним русским святыням.

25 марта 1830 г. в день Благовещения князь Сергий Александрович Ширинский-Шихматов был пострижен в монашество с переименованием Аникитою. 30 марта он был рукоположен в иеродиакона, 3 апреля — в иеромонаха. В его лице архимандрит Фотий получил очень ценного единомышленника и сотрудника, который помогал ему в его литературных трудах и переписке. Основным послушанием его было начальствовать в Скиту. Ему предлагалось настоятельство в одном из монастырей. Но устремления Аникиты были направлены к Гробу Господню.

5 мая 1834 г., получив благословение архимандрита Фотия, он отправился в путь и, посещая все встречающиеся монастыри, прибыл в Воронеж. Здесь архиепископ Воронежский, знавший о литературных дарованиях Аникиты, попросил его написать житие святителя Митрофана[1]. Затем еще на восемь месяцев он задержался в монастыре близ Одессы из-за открывшейся в Константинополе моровой язвы. Таким образом, к Афонской горе он прибыл 7 июня 1835 г. Он поселился в Русском ските святого пророка Илии, причем Настоятель уступил ему свою келлию, которую ранее занимал строитель Скита Паисий Величковский. Проникшись во время работы над житием Митрофана Воронежского высоким подвижническим духом этого новоявленного русского чудотворца, Аникита мечтал устроить и освятить на Афоне церковь во имя его. Для осуществления мечты он передал Настоятелю Скита значительную денежную сумму.

[1] Открытие святых мощей Митрофана Воронежского состоялось на праздник Преображения Господня, 6 августа 1832 г. «Митрофан Воронежский! Человек необычной и удивительной судьбы. Проповедник истины Христовой и просветитель. Устроитель монастырей и святой праведник. Молитвенник и чудотворец. Один из самых любимых и почитаемых на Руси святых. Государственный муж и радетель о славе Отечества. Светильник веры, озаривший начало славных дел Петра I, рождение и первые победы молодой России. Пособник благоверному императору в строительстве кораблей и наставник в делах государственных и ратных. Святой угодник, заслуживший право — наряду с Андреем Первозванным, Николаем Чудотворцем, Пантелеимоном Великомучеником, адмиралом Федором Ушаковым — именоваться покровителем Российского Военно-морского флота!» (*Владимир Максимов.* Богу, Отечеству и Флоту // Акафист святителю и чудотворцу Митрофану, епископу Воронежскому. М., 2003.)

***

В 1828 г. князь Сергий Александрович Шихматов (будущий иеромонах Аникита), направляясь в Юрьевский монастырь, посетил по пути Оптину Пустынь, где встретился с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым (будущим святителем Игнатием). Об этой их встрече о. Аникита сам напомнил архимандриту Игнатию в своем письме. Больше их жизненные пути не пересекались. Уйдя в монастырь, затем отбыв в дальние края, о. Аникита о столичных новостях узнавал из писем брата, Платона Александровича Ширинского-Шихматова.

Сам князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1852) тоже был незаурядной личностью. Н. В. Елагин писал о нем: «К общему назиданию и украшению человечества являются в мире люди, которые, с ранних лет глубоко проникаясь истинно-христианским благочестием, заботливо и непоколебимо хранят его во все дни своей жизни, как твердый залог небесного милосердия, помощи и силы».

Князь Платон Александрович поступил в Морской кадетский корпус в тот 1804 г., в который брат его, Сергий Александрович был назначен туда же кадетским офицером. Таким образом, годы учебы в корпусе младший брат находился под опекой и влиянием старшего, что усугубило их родственную и духовную близость. В 1811 г. Платон Александрович был произведен в лейтенанты, в 1813 г. участвовал в заграничных сражениях, в 1816 г. по расстроенному в походах здоровью вышел в отставку и поселился в деревне. В 1820 г. он вернулся к общественной деятельности, но не на военную, а на государственную службу. Все эти годы он продолжал заниматься самообразованием, как и брат, писал стихи. В 1824 г. поступил в Министерство народного просвещения и оставался здесь до конца своих дней: более четверти века. 27 января 1850 г. был назначен Министром народного просвещения. В отличие от старших братьев, младший брат Аникиты с почтением относился к архимандриту Фотию: в сентябре 1830 г. он со всей семьей целую неделю гостил в Юрьеве монастыре. Скончался он 4 мая 1852 г., успев перед кончиной написать небольшую книжицу: «О жизни и трудах иеромонаха Аникиты в мире князя Сергия Александровича Шихматова» (СПб., 1853). Конечно, сообщая Аниките о столичных новостях, Платон Александрович писал ему и о влиятельном настоятеле Сергиевой пустыни, с которым находился в дружеских отношениях. А почему Аникита обратился именно к архи-

мандриту Игнатию, об этом он сам достаточно подробно пишет в своем письме.

***

...30 июля этого же 1835 г. Аникита пустился в дальнейший путь к цели своего путешествия, сначала на корабле в Салоники, затем в Яффу и наконец 10 сентября прибыл в Иерусалим. «С наступлением осени, — писал он Платону Александровичу, — заключился я в храме Воскресения. Здесь, питаясь хлебом и водою, провел я четыредесять дней, и дни сии были для меня дни неба... Небесным восторгом горела душа моя, когда нечистыми устами воспевал я: Христос Воскресе из мертвых, при священнодействиях Божественных Таин там, во святилище гроба Живодавца, где Он вонстину воскресе и нас совоскреси с собою».

7 апреля 1836 г. Аникита отправился обратно на Афон, но в Яффе узнал, что его назначили служить в церкви при посольстве в Афинах. Он выпросил себе на некоторое время отпуск, чтобы побывать еще раз на Святой Горе. Там он заложил в Скиту церковь во имя святителя Митрофана, добавив к ранее пожертвованным суммам новые, полученные от благочестивых лиц.

По прибытии в Афины у Аникиты обострилась его старая болезнь. Болезненное состояние усугубило бедствие, постигшее Скит на Афоне, о котором он пишет в письме святителю Игнатию.

6 июня 1837 г., накануне праздника Сошествия Святого Духа, он причастился и 7 июня — скончался.

По истечении трех лет останки Аникиты были присланы на Афонскую гору в Скит святого пророка Илии. В мае 1854 г., при открытии нового храма святителя Митрофана, останки его основоположника торжественно при звоне колоколов и хорном пении «Святый Боже», были помещены там в стене у правого клироса.

А ты, священный прах, до пакибытия,
Покойся в тишине глубокой, безнаветной.
Тогда возникнешь ты из тьмы и сени смертной,
Как огнезлатый, стрелы быстрейший луч,
Сверкающий струей из толщи черных туч,
Из гроба возблестишь во славе боголепной
И с плеском воспаришь, и с песнею хвалебной,
И сам себе дивясь в восторге торжества,
Поклонишься лицу благого Божества.

(Из поэмы С. А. Шихматова «Ночь на гробах»)

***

Следует добавить, что с кончиною Платона Александровича связь его семьи с Сергиевой пустынью не прекратилась. В 1869 г. вдова князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова, в память умершего сына Александра Платоновича, пожертвовала в Пустынь 8000 рублей, чтобы на проценты с этой суммы содержались там шесть человек больных: четверо из братий и двое из других сословий. Кроме того, она пожертвовала еще тысячу рублей, на проценты с которых должны были содержаться две лампады: одна в больнице, другая перед иконой Божией Матери и ковчегом со святыми мощами, завещанными княгиней в Пустынь после ее смерти.

Письмо Афоиского иеромонаха Аникиты к святителю Игнатию[1]

Получ. 16 мая 1837 года
(*рукой святителя Игнатия*)

Почтеннейший Отец Архимандрит,
Возлюбленный о Господе брат!

Предел положил еси, егоже не прейдут[2], — сказал божественный Псалмопевец о волнах морских и о днях скоротечной нашей жизни, подобно волнам, один за другим к вечности стремящимся, и о крутой берег смертности нашей всеобщей разбивающимся с большим или меньшим шумом. Как далеко отстоит каждый из нас от своего предела, хотя нам и неизвестно; но то мы знаем все, что все к оному близки, и нередко достигаем оного вдруг, тогда как полагаем себе быть на средине нашего течения. Премногие из преждеотшедших отцев и братий наших собственным своим опытом истину сию подтвердили (да мы бодрствуем на страже нашего жития) и между прочими недавно и нечаянно преселившийся от временных в вечная общий наш собрат и вашей иноческия ограды овча смиренное, отец Палладий. Не знаю, дошел ли до вас слух о его кончине, доставляю, чтобы вас о том уведомить верно и подробно, да воспоминается имя его в святой вашей обители во спасение души его при совершении умилостивительной о живых и мертвых бескровной жертвы.

Он был усерднейшим моим сомолитвенником на всех святых местах святого града и окрестных, и потом на Святой Горе Афонской, на которую мы вместе возвратились из Иерусалима,

на которой и расстались, по предположенню нашему на краткое, но по суду Божию, на всегдашнее время. Он отправился в Царьград для исходатайствования себе нового пашпорта, имея намерение побезмолвствовать иночески на Святой Горе, а я поспешил, единственно из послушания вышнему нашему начальству, к назначенному мне паче всякого чаяния и вопреки воле моей, при здешней миссии месту. Из Царьграда писал он ко мне письмо при отъезде оттоле на Святую Гору, куда и прибыл 18-го сентября в скитскую Русскую нашу обитель святого пророка Илии, но неблагополучно: ибо на пути еще заболев, по прибытии своем почувствовал болезнь свою смертельную, и поспешил и сподобился облечения в великий Ангельский образ с переименованием в Павла, и 24-го числа того же месяца, с покаяннем отыде ко Господу, сделав при сем распоряжение остающимся крохам своего имущества. С кончиною его начались дни плача для обители святой, приявшей его в материнское недро, ибо вскоре из последствий печальнейших оказалось, что болезнь его была смертоносная чума, каковою он в Царьграде на отъезде своем заразился. От прикосновения к телу его при погребении, и потом к оставшимся вещам его, зараза в обители сделалась всеобщая, и первая жертва оныя был почтеннейший настоятель иеросхимонах отец Парфений (отец мой духовный, которого прошу усерднейше записать в Синодик вашей святой обители, равно как и схимонаха Феодора, вслед за ним отшедшего, о коем еще будет слово), а потом и братия последовала за настоятелем, так что в краткое время 19-ть отцов легли в сырую землю, сами каждый себе заблаговременно изрывая в ней могилу, а 13-ть еще остались в живых, но еще трепещут той же участи, и находятся в карантинном оцеплении. Но впрочем все меры осторожности приняты, дабы живые пребыли живы. Судьбы Божии суть бездна многа, но и в хорошие судьбы Его благи и нам не испытывать оные, а покоряться оным подобает со смирением и благодарением. Весть о сем нечаянно постигшем святую обитель Ильинскую Русскую Святогорскую (в которой я двукратно по два месяца пользовался во спасенне души приятнейшим странноприимством) бедствии поразила меня до глубины сердца, и не скоро заживет сия сердечная моя язва, но буди имя Господне благословенно, и не только уповаю я, что посещение сие отеческое от Господа послужит во спасение братии умершей и живущей, но и несомненно верую, что молитвами святого великого

нового нашего Заступника пред Богом святителя Митрофана, будет началом обновления Святоильинской Святогорской обители, и утверждения и прославления.

Много слышал я доброго, как прежде от разных достоверных лиц, так и после, от покойного отца Палладия — Павла о вашем иноческом благочестии, которого начаткам и сам радостный был свидетель 1828-го года в Оптинской пустыни, которую сподобил меня Господь посетить на возвратном пути моем от поклонения святым Киевопечерским угодникам, а потому, радуясь о излиянном на вас свыше даре изобильныя благодати, яко возлюбленному о Господе брату, с братскою откровенностию поведаю вам желание моего сердца и прошу усерднейше к исполнению оного вашего споспешения, предоставляя, впрочем, совершенно воле вашей принять в том участие или нет, смотря по возможности, дабы в последнем случае совесть ваша нисколько не тревожилась. В вышеупомянутой свыше посещенной обители, в последнее мое в оной пребывание сподобил меня Господь, совокупно со старцем схимонахом Феодором, ныне уже в Бозе почивающем (как выше было сказано) заложить новый небольшой храм, но отдельный и особый, во имя великого угодника Божия Митрофана Воронежского; и как я должен был вскоре сюда отправиться, то сделав с о. Феодором складчину из пожертвований благочестивых чтителей угодника из наших соотечественников, достаточную на построение заложенного здания священного, предоставил ему строить оное по контракту от общего нашего имени с мастерами заключенному. Материалы все были приготовлены, но зараза, не допустив начать строение, похитила и строителя, и других опытных старцев на сие дело искусных. От оставшихся в живых братий получил я известие, что деньги, на строение определенные, целы и материалы также, и по снятии карантина можно приступить к строению. Причем они просят меня убедительнейше самому лично положить строению сему начало, равно и пособить им ко введению прежнего иноческого порядка в опустевшую их обитель, и просьбу их весьма бы желал я исполнить, особливо по отношению первой статьи, ибо я не оставлю употребить все силы к тому, чтобы заложенный во имя угодника Божия храм был состроен и освящен и оглашался бы славословием Божиим, особенно при совершении страшной Бескровной Жертвы. Господь помощник мне и Пречистая Его Матерь, последне явленному нашему Святому честь великую дающая, яко ему первому из всех

наших соотечественных святых, на Горе Ее Святой, почитаему быти во храме именем Его нареченном, и Сам Господень угодник [поможет] благое дело в честь его совершить с своим чудным пособием. Но как слава угодника Божия на Горе Святой Жребия собственного Царицы Небесной есть слава всех православных Россиян, а паче самого боговенчанного нашего помазанника Божия, которого царствование, как многими другими опытами благоволения Божия ознаменованы, так наипаче запечатлено явлением во дни его благословенные нового Ему и всему Царству Его заступника святителя Митрофана, от нетленных святых своих мощей реки чудес изливающего во благодеяние Царю и Царству православному. И как упоминаемая Ильинская Русская скитская обитель есть единственное на Горе Святой место, в котором при всяком богослужении, особливо же при совершении Божественной литургии, приносится Господу Богу моление о благочестивейшем нашем Самодержце и о всех поимянно высочайших Его кровных, то чести ради угодника Господня, и в милостыню усердным своим богомольцам, да преклонится благочестивейший наш Самодержец и все высочайшие Его кровные, щедрым даянием своим, новозаложенный храм святителю Митрофану, яко дом Божий, облечь в подобающее благолепие, да воспрославит их Господь и Пречистая Его Матерь, по предстательству Своего угодника божественною Своею силою к благоденствию временному и к блаженству вечному. Вас же, яко по дару свыше имеющих дерзновение к Державным, сподобляет угодник Божий милости быть ходатаем по сему к славе его и славе Божией начинанию. И потому при удобном случае, ежели, опять повторяю, найдете сие возможным к исполнению (а ежели нет, то будьте совершенно спокойны в совести своей, отказавшись от сего подвига), испросите щедроту Царскую и милость святой обители Ильинской, щедроту на совершение и украшение храма, милость призрения на ее запустение, чтобы по манию Царя нашего православного чрез посредство нашего посланника в Царьграде, обитель сия извне ограждена была покровительством турецкого правительства и к чести Русского имени пользовалась бы совершенною свободою от тяжких податей (каковыми праведно обложены от султана Афонские Греческие монастыри за участие их во всеобщем восстании греков против него и каковыми неповинно отягощаются и наши соотечественные отшельники) и внутри снабдена бы была довольством, дабы чада ея с радостию, а не воздыхающе, возноси-

ли бы ко Господу и к Пречистой Его Матери сердца свои и души, при воспоминании в частных и общественных молитвах своих высочайшего имени Царского и всех Царския крови ветвей и отраслей, в которых богоспасаемая Россия зрит надежду и залог будущего своего благополучия.

Таким образом, из вашей обители святой как проистекло несчастне Ильинскому Святогорскому скиту, так из вашей же обители да изнесется милость Божия и обновление благоденствия на все будущее время. В первом случае вы нисколько не виновны, во втором — предлежат вам венцы воздаяния свыше в сем мире и будущем, да будет имя ваше, яко создателя обители, воспоминаемо в ней в род и род с молениями о вашем спасении и с благословением от всех в ней иночествующих устным и сердечным. Не тощ будет труд ваш пред Господом; но по молитвам Царицы Небесной о вас, яко благоговейном чтителе святыни Ее храмов Святой Афонской горы, и по молениям святителя святого Митрофана о вас, яко о ревнителе прославления его на земли во спасение многих, не оставит Господь уделить милости Своя на вас и на святой вашей обители.

Ежели вы решитесь просить и свыше благоспоспешителя вам испросить щедрую монаршую милостыню на созидание и достойное украшение нового храма во имя нашего нового святого, так, чтобы он благолепием своим во все концы Афона сияющим свидетельствовал ныне и в будущее время всем во всех монастырях греческих иночествующим православным нашим собратиям грекам о благоговении благочестивейшего нашего дома Царского к святыне, яко подобает дому Господню, то не оставьте, к щедроте милостыни исходатайствовать мне великую милость, необходимо нужную к исполнению предположительно зачинающегося строения, а именно ту, чтобы меня начальство духовное уволило от настоящего моего места с выдачею, по обыкновенному, прогонных на обратный путь в Россию, и с позволением прежде сего возвращения пожить на Горе Святой с год времени для надлежащего приведения к концу новостроящейся святителя Митрофана церкви в обители св. пророка Илии, с доставлением ей возможного благолепия. Сие увольнение, как выше видели, необходимо мне нужно по причине смерти почтенного моего в строении сотоварища и других оной обители старцев, на которых бы можно возложить сие священное дело. И так как ныне Его Высочество Цесаревич изволит посещать, как ска-

зывали мне, синодальные заседания, то имея к нему свободный доступ, вы удобно можете освободить меня от службы при здешней миссии, на послужение Господу и Пречистой Его Матери на Горе Святой сооружением храма в честь и память великого Их угодника. Вера чиста и нескверна пред Богом Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их, и нескверна себе блюсти от мира, по слову святого апостола Богобрата. И вы, соблюдающии сие, воистину чиста и нескверна от мира, строгим монашеским житием явите сие богоугодное дело веры посещения сирых и вдовиц в скорбех их. Ибо велия скорбь пришла на святую упоминаемую обитель, и воистину есть она вдовица, и воистину сироты суть чада ее. Посетите их утешением в скорби, для которого имеете вы от Господа способ и средство в дерзновении вашем у лиц Высочайших. Дело сие предыдет вам ко Господу и заступника нашего великого Митрофана молитвами, за труд ваш в пользу обители Святогорской, в которой имя его величится от соплеменных и от присных в вере, устроит вам обитель в дому Отца Небесного. Сего от сердца моего желая, прошу мне простить великодушно смелость моей к вам просьбы, которую ежели можно, не оставьте без внимания, а ежели можно не поставьте мне в вину, ибо единственно по доверию моего к вам уважения, предложил я оную вашей любви о Господе. Во всяком случае однако же прошу вас всепокорнейше удостоить меня вашего ответа, каковый и благоволите препроводить ко мне чрез брата моего, имеющего доставить вам сии строки. Молю вас не забывать меня грешного во святых ваших молитвах ко Господу и ко святому Его угоднику преподобному Сергию, которого имя святое во святом крещении на мне грешном наречеся. Я же как сегодня при совершении Божественной службы воспоминал вас в недостойных моих молитвах, тем и впредь не премину.

Призывая на вас и на всех чад ваших о Господе благословение Господне, с истинным уважением имею честь быть ваш нижайший слуга и недостойный сомолитвенник грешный

Иеромонах Аникита.
Февраля 8-го дня 1837 года
Афины

†

Скит святого пророка Илии на Святой Афонской Горе основан и построен знаменитым старцем Паисием, бывшим потом

игуменом Нямецкого Молдавского монастыря; и теперь еще существует в скиту та самая келлия, в которой он яко настоятель жительствовал и занимался составлением драгоценнейшего для монахов ко внутреннему монашеству руководства, книги Добротолюбия. Греческие при монастырях скиты суть отделенные от обителей, но зависящие от них совокупления монахов, живущих хотя и на том же месте, но порознь каждый в собственной особой своей келлии, и токмо по субботам и воскресным дням собирающихся в общую церковь для отправления общего богослужения. Наш же Русский скит есть малый монастырь, в котором братия живут все вкупе, отправляя ежедневно совокупно все церковные службы и общими силами труждаясь в послушании для общего своего благосостояния, и находится в зависимости греческого Пантократорова монастыря.

Самое важное для скита Русского, в котором прославляется новый России заступник святитель Митрофан, ознаменовавший явлением свято-нетленных мощей своих и многоцелебных, благоволение Царя нашего Небесного к царю нашему земному, и в котором токмо одном изо всех обителей на Святой Горе приносится Господу Богу и Спасу нашему и Пречистой Его Богоматери о православном Царе Русском и о всем его царском роде и о всем его богохранимом царстве всегдашнее усердное моление торжественное при службах церковных, — самое великое было бы благодеяние, ежели бы посольству нашему в Царьграде предписано было принять оный скит под особенное покровительство, и войти в ближайшее рассмотрение нужд его, дабы удовлетворить оные и упрочить навсегда его благосостояние исходатайствованием ему султанского милостивого фирмана, которым бы ограждались все его льготы и оставались неприкосновенными на будущее время. Се подвиг добр, имже подвизающийся приобрещет венец правды!

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 23. Публикуется впервые (О. Шафранова).
[2] *Ты положил предел, которого не перейдут* (Пс. 103. 9).

IV

Друг архимандрита Игнатия Брянчанинова — отец Исаия Никифоровский

Отец строитель Никифоровской пустыни Олонецкой епархии Исаия из всех друзей святителя Игнатия выделялся тем, что позволял себе выражать критические мысли о монашеском делании в Сергиевой пустыни. Знающие отца Исаию люди говорили, что он был выдающийся подвижник и делатель умной молитвы. Татьяна Борисовна Потемкина вспоминала, что он гостил в ее доме, когда приезжал в Петербург «хлопотать об отчислении своей пустыни от Александро-Свирского монастыря», что и удалось благодаря ее просьбе, обращенной к Министру духовных дел князю А. Н. Голицыну. Она рассказывала о впечатлении, которое произвел на нее Никифоровский старец: «Такого человека, каков был о. Исаия, я более не видала, в нем было что-то особенное, невольно привлекавшее к нему душу. По наружности был он весьма прост и молчалив, но зато, когда начнет бывало говорить, то всякое его слово звучало силою необыкновенною. Даже в молчании своем, одним присутствием своим имел он заметное влияние на ближних. Однажды было у нас довольно посетителей, в том числе одна моя родственница, весьма не расположенная к монашеству. О. Исаия тоже приглашен был к закуске: он поместился в дальнем углу залы и, по простоте своей, руками начал очищать рыбные кости поданного ему кушанья. Родственница моя, видимо, этим возмутилась. Старец, взглянув на нее пристально, взялся за вилку и нож. Взгляд его был так проницателен, что родственница моя долго потом не могла его забыть. По ее словам, точно сила какая коснулась ее тогда, потрясла все ее существо. <...> А как он молился! Бывало в церкви взглянуть на него не решалась я, потому что лицо старца при молитве точно озарялось светом неземным. Просишь бывало его, — помолитесь, батюшка, о том, о другом. «Для чего молиться о многом? — ответит он сурово. — Молиться нужно об одном, о спасении, о помиловании души, о прощении грехов; а прочее все, Господь сказал, приложится вам». Скорби наши о. Исаия считал сокровищами бесценными, и всегда удивлялся моим иногда жалобам, говоря: «что за скорби теперь? вот будет скорбь, когда не увидим ей

конца — мука вечная. Пред этою скорбию всякая временная скорбь покажется шуткою»[1].

В Александро-Свирском монастыре и состоялось знакомство святителя Игнатия с отцом Исаиею. 28 августа 1843 г. он писал П. П. Яковлеву: «В Свирском провел я время довольно приятно, познакомился с Отцом Исаиею, который приехал со мною и в Введенский». Они сразу почувствовали взаимное расположение. Из приведенных ниже писем видно, что Святитель неоднократно приглашал отца Исаию в Сергиеву пустынь. Интересно, что отец Исаия отговаривался, помимо плохого самочувствия, еще и тем, что беспокоился встретить там «устроение монастыря не Духовное, но душевное. А в душевном делании только ум умножают, а души не оживлят, и души живота не ощущают». Но 10 февраля 1844 г. Святитель писал одной своей ученице в Старо-Ладожский Успенский монастырь: «О. Исаия в настоящее время гостит у меня, и я утешаюсь, видя в нем обильную благодать Божию». И ей же, в связи с ее желанием переместиться в другой монастырь: «О. Исаия советует вам путь, который он сам проходил, на котором Господь покрыл его, но который вне общего закона и на котором многие могут преткнуться».

Старец Исаия еще раз навестил своего друга в тот свой приезд, о котором рассказывала Т. Б. Потемкина. 12 февраля 1846 г. архимандрит Игнатий писал отцу Макарию Оптинскому: «В настоящее время гостит у меня Отец Исаия, монах, а ныне Строитель Никифоровской Пустыни, которая на днях отделена от Свирского монастыря и образован из нее скит. Он, возвращаясь из Афонской Горы, был в Площанской Пустыни, гостил там три дня, был принят Вами и покойным старцем Афанасием; он просил меня засвидетельствовать Вам от него поклонение с прошением Святых Молитв»[2].

Спустя четырнадцать лет святитель Игнатий снова вспоминал Никифоровского старца. 10 августа 1860 г. он писал М. В. Чихачеву, делясь сомнениями относительно издания своих творений: «Мне старец Исаия говаривал: "Не пиши! Не для кого!"»

---

[1] Душеполезное чтение. М., 1870. Январь. С. 4; о Т. Б. Потемкиной см. т. 8, с. 124–127.

[2] Настоящее издание. Т. 6. С. 567.

Письма монаха Исаии, строителя Никифоровской пустыни, к архимандриту Игнатию[1]

№ 1

†

Честнейший Отец Архимандрит
и любезный о Христе Брат Игнатий
Благословите

Во-первых, воздадим благодарение Господу Богу, приведшему нас в познание Друг Друга, в известное время видеть и наслаждаться Духовною беседою и Единомыслием. Сколько я живу на свете, жил в разных местах и имел беседу со многими, но не нашел человека так по сердцу, как ты, Отец Игнатий.

Письмо твое я получил 28-го Октября и в нем читаю как в сердце моем все расположение Доброй Души Твоей. И очень сожалею о несогласии Отца Аполлоса: я ему писал и советовал всячески со смирением примириться с Вами; но ответа от него не получил. Что делать, это Вам явный пример, узнайте Державу нынешнего времени: что не можем жить по отцам. И те, которые имеют ревность ко спасению и веру к Настоятелю, пока еще новоначальные и малозначащие, до тех пор и мирно и хорошо. А как войдут в знание, тогда горе ученику и учителю с ним, виждь нонешний успех и разум.

Еще ты пишешь, что желал бы видеть меня в Вашей Обители; это аще и благое, и усердное желание, но неудобное оного исполнение. А потому и прошу тебя, Бога ради, увольте меня от сего послушания.

Во-первых, и лета мои не позволяют, также и слабость здоровья. А главное и самое нужное, удаление от Мира: вспомни, что я должен ехать во многолюдный Град С. П. и сколько я должен видеть разных обстоятельств, лиц и нравов; в моем к тебе путешествии.

Видеть строение Вашего монастыря; красно и согласно в нем поющих; все это хорошо по внешнему и для миру: но есть ли внутреннее устроение. Испытай и виждь нонешние успехи Духовной жизни; не Душевной, но Духовной. Если я приеду, то однако не надеюсь, чтобы мог пользовать кого своим советом. Да без веры и

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 47. Публикуются впервые (О. Шафранова).

говорить нельзя всякому сие. Отцы Святые празднословием называют. И так кроме самого тебя не на что обратить внимания. А потому и прошу тебя Бога ради, если ты желаешь спокойствия моего, Душевного и телесного и любишь меня о Господе, в чем я и не сумневаюсь, то прошу тебя Бога ради, ты и сам этого не желай. А если приведет Бог имиже весть судьбами еще видеться с тобою, то я почту это за великое удовольствие. Если случится тебе проезжать на Валаам, прошу тебя покорно заезжай ко мне в Никифоровскую пустынь, с Валаама проселочными дорогами недалеко можно проехать, я бы лучше желал видеть тебя в пустыне, нежели в Петербурге, уведомь меня об этом.

Теперь я маленько свою келлию преустроил и не хочется расстаться с любимым мне безмолвием. Если же не случится тебе заехать, тогда аще Бог восхощет и живы будем, нешто весною вздумаю побывать к тебе, и на долгое время, месяцев на 5-ть или 6-ть к тебе на Духовный пир. Однако я думаю, что присутствием своим я не сделаю тебе удовольствия, а напротив, того тут могут быть большие неприятности, потому что если я увижу нестроение в твоем монастыре, то я по невежеству своему не умолчу. И тогда ты умаловеришься ко мне. А я и отсюда вижу, что устроение твоего монастыря не Духовное, но душевное. А в Душевном делании только ум умножают, а Души не оживлят и живота не ощущают.

Просим Ваших Святых молитв и благословения. Остаемся должныи Богомольцы монах Исаия о Христе с братиею.

Никифоровская Пустынь
13-го октября 1843-го года

№ 2

Всечестнейший Отец Архимандрит
и любезный во Христе брат Игнатий
Благословите

Приятнейшее письмо твое я получил 23-го н<оября> и благодарю тебя за простоту и откровенность. Ты все желаешь видеть меня в вашей Обители и я бы не отказался, но слабость здоровья моего не дозволяет. И теперь два месяца так болен, что иногда и живота отчаиваюсь и это со мною случается почти каждую зиму. А летом мне легче бывает, как и сам ты видел. Тем-то я и обещался к вам летом побывать. И из твоего письма я вижу великое разшествие в понятиях и в деланиях и действиях молитвы схимонаха Василиска. Я и прежде ея знал и теперь про-

читал. Ты пишешь, что он достиг до младенческой простоты. А я понимаю, что он младенческой простоты и не знал. То как в нем одном пункте мы имеет разнствие в понятиях, так и всего письма я объясняю вам, что чрез письмо о понятиях в точности невозможно уведомиться. А аще Богу угодно и живы будем лично увидимся и изъяснимся. А нынче я весьма слаб здоровьем, едва дойду до церкви, занимается дух, и тому малое облегчение от присланного от отца Аполлоса риского бальзяну и уже доканчился, и отец Аполлос обещал к нам побывать, и вы его благословите и соблаговолите с ним мне прислать риского балзяну [*нрзб.*] и балзяной водки два полуштофика.

Остаюсь одолженный вами Богомолец и требующий ваших святых молитв грешный монах Исаия, Иеродиакон Митрофан и вся о Христе братия.

7 декабря 1843 г.

(Рукою свт. Игнатия: «От Исаии отшельника»)

№ 3

Ваше преподобие и о Христе брате Игнатий
Благословите

Объясняю вам о моем обстоятельстве. Ныне чувствую облегчение своей болезни, и, если Господь соблаговолит, желаю пребыть в вашу обитель для личного с вами свидания. И наслышан я, что весьма удобно и можно из домовой Канцелярии от Преосвященного нашего Венедикта чрез вас выслать мне пропуск или билет для пребытия к Его Преосвященству Венедикту. И если можете сделать чрез такой случай, весьма бы мне спокойно выбыть к вам. А форменно весьма будет затруднительно и медленно. И если эдаким случаем будет сделать невозможно, то поскорее попросите Отца Архимандрита Варсонофия, чтобы он меня соблаговолил отпустить к вам. И меня о всем уведомьте.

Остаюсь одолженный вам Богомолец и требующий ваших святых молитв грешный монах Исаия.

Еще отец Аполлос пишет, чтобы уведомить вас рекомендацией о Ладожском племяннике отца Герасима Петре Сергееве. Он у меня жил прежде, и я с ним имел сообщение и ныне с ним и с его семейством часто имею и рекомендую вам. Они весьма поведения обстоятельного и верны и благонадежны.

24 д<екабря> 1843 г.
Н<икифоровская> Пус<тынь>

V
Бородино

Теперь на Бородинском поле верные дщери России совершают свой долг: над прахом жертв любви к Отечеству они принесли себя в жертву Богу, заживо умерши для мира.

Святитель Игнатий

Летом 1847 г. святитель Игнатий, получив отпуск для поправления здоровья, отправился в Николо-Бабаевский монастырь. По пути он посетил несколько обителей. Так, 8 сентября он писал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. ...Бородинская Госпожа Игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, — многие с хорошим светским образованием».

Госпожа игумения Спасо-Бородинского монастыря, о которой пишет святитель Игнатий, это знаменитая Мария Тучкова, подвижническая жизнь которой производила сильное впечатление на всех, кто ее знал, начиная от Государя Императора до бедных крестьян из близлежащих сел.

В миру Маргарита Михайловна, она родилась 2 января 1781 г. у родителей, принадлежавших к самым аристократическим фамилиям. Ее отец, Михаил Петрович Нарышкин, и мать, Варвара Алексеевна, урожденная княжна Волконская, состояли в родстве с императорским домом и со всей старинной знатью России. И своих детей они воспитывали соответственно, готовя им блестящее будущее.

Жизнь, однако, распорядилась по-своему. После раннего и крайне неудачного замужества Маргарита Михайловна познакомилась и страстно полюбила гвардейского офицера Александра Алексеевича Тучкова. Но ее родители, несмотря на взаимную любовь молодых людей, целых восемь лет не решались дать согласие на новый брак дочери, и они поженились, когда ей исполнилось уже 25 лет. В это время шла война с Швецией. Не желая расстаться с мужем, Маргарита Михайловна сопутство-

вала ему, разделяя с ним всю тяжесть военных походов. Уже тогда проявились ее нравственные качества: она с большим сочувствием относилась к поселянам, стараясь облегчить их бедственное положение.

Наступил 1812 год. Маргарита Михайловна уже схоронила первого сына и только что отняла от груди второго, Николая. Сопутствовать мужу в таком положении она не могла, хотя ее преследовали вещие сны о его гибели при Бородине. Едва придя в себя после получения рокового известия, она отправилась на Бородинское поле. Но найти останки мужа среди огромного множества трупов ей не удалось. Тогда она решила на месте его гибели построить храм. Государь Император Александр I поддержал это начинание и прислал 10 тысяч рублей, а она продала все свои бриллианты. И уже в 1820 г. вновь построенный Спасо-Бородинский храм был освящен.

Через несколько лет новый удар поразил бедную вдову: ее сына Колю в 14 лет записали в Пажеский корпус, а в 15 лет он заболел и умер. Маргарита Михайловна похоронила его в новом храме. Решив больше не расставаться с дорогими почившими, она построила для себя небольшой домик — «сторожку». И к ней начали прибывать и селиться рядом другие вдовы и женщины, решившие оставить мир. Она принимала всех — богатых и бедных, больных и страждущих, никому не было отказа. Образовалась Спасо-Бородинская женская община. Маргарита Михайловна первая подала мысль ежегодно 26 августа поминать всех погибших на Бородинском поле. Для этого она приглашала духовенство окрестных сел. Постепенно образовался крестный ход, который был впоследствии утвержден. Так глубоко личная скорбь переросла в молитвенное служение в память всех воинов, отдавших здесь жизнь за спасение Отчизны.

Митрополит Московский Филарет (Дроздов) уделял много внимания Бородинской общине, он, вообще, имел большое влияние на Маргариту Михайловну. По его совету, она в 1837 г. приняла малое пострижение. Он сам постриг ее с переименованием в Меланию. А в начале 1838 г. община была переименована в Спасо-Бородинский общежительный женский монастырь. При этом его основательница обратилась к Государю Императору Николаю Павловичу с просьбой утвердить ее вдовью пенсию в вечный монастырский доход. Государь выразил согласие и сверх того пожертвовал 25 тысяч рублей ассигнациями на каменную ограду и на церковь с трапезою.

28 июня 1840 г. Митрополит Филарет постриг мать Мелании в мантию с именем Мария и возвел ее в сан игумены.

В этом же году игуменья Мария Тучкова была восприемницей будущей Императрицы Марии Александровны, а в 1848 г. она опять была вызвана в Санкт-Петербург для участия в миропомазании Великой княгини Александры Иосифовны.

Знакомство игумены Марии Тучковой с святителем Игнатием произошло, вероятно, в 1840 г. во время ее пребывания в Петербурге. Потому что единственные письма из их переписки, сохраненные П. П. Яковлевым, относятся к 1841 г. Конечно, были и другие письма, особенно после посещения Святителем Спасо-Бородинского монастыря в 1847 г., но игуменья Мария предала огню всю свою переписку незадолго до кончины, случившейся 29 апреля 1852 г., а святитель Игнатий вообще писем не хранил. Свое же впечатление от посещения Спасо-Бородинского монастыря он выразил в поэтической статье «Воспоминание о Бородинском монастыре» (см.: Настоящее издание, т. 4., с. 473).

Письмо настоятельницы Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии к святителю Игнатию[1]

Господи Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй нас грешных!

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе Отец!

Помогшему Богу слава и благодарение! Прилагаю здесь свидетельство мира — благодарю Тебя, Отец мой, что удостоил меня послужить в сем богоугодном деле. Препоручаю себя твоим молитвам и пребуду к твоей святыне преданная

Мария, Спасо-Бородинского монастыря настоятельница

10 октября 1841 года

Адрес: Ее Высокопреподобию, настоятельнице Спасо-Бородинского девичьего монастыря, честнейшей г-же игумении Марии. Милостивой государыне. Московской губ. В гор. Можайск.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 12.

Письмо святителя Игнатия к настоятельнице Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленнейшая о Господе Мать Мария!

Сегодня посетила меня честнейшая Сестра обители Вашей и вручила вожделенное письмо Ваше, со вложением письма г-жи Ярославовой. Между прочим, она сказала, что Вы не узнали руки моей в прежнем письме моем: это моя вина! Рука моя очень ослаблена болезнями, может быть, несколько повреждена скоростью, письмом уставным; сам вижу, что имею какой-то непостоянный почерк; но письма всегда пишу собственноручно.

Скорое, — лучше: быстрое исполнение моей просьбы доказывает мне, что я не ошибся, обратившись с просьбою к любви Вашей. Слезы пролились, и лились долго из глаз благодарного и тронутого многоразличными чувствами О. Марка. Это случилось пред вступлением его в чреду Священнослужения, при коем он изольет благодарственные воздыхания пред Тем, Кто слушает воздыхания убогих и окованных скорбьми изводит на широту веселия. Я же, с того дня, как впервые увидел Вас, ощутил в сердце моем извещение, что Господь Вам вложит любовь Свою ко мне. В сем извещении пребываю; водимый сим извещением написал к Вам. Особенно приятно мне, что Вы погружаете ум Ваш и сердце в учение Святых отцев, оным питаете себя и стадо.

Сестра Ваша поведала мне скорбное обстоятельство, приведшее ее в Петербург. Исмаилу обычно было обижать Исаака; а Отец Небесный лозу, приносящую добровольно плод, подрезывает невольными искушениями, да множайший плод принесет.

Приложенные письма всепокорнейше прошу доставить по надписям.

Повторяя искреннейшую мою признательность и поручая себя Вашим Св. Молитвам, с любовию о Господе остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

18-го октября 1841

Серг<иева> п<уст>нь

Письмо святителя Игнатия к больной старице, вступившей в Спасо-Бородинский монастырь с двумя дщерями своими[1*]

Простите, что за незнанием имени Вашего смею назвать Вас «Матушкой». В приезд мой в святую обитель Спасо-Бородинскую вы приветствовали меня с таким сердечным радушием, как бы родного сына,— припомните, когда г-жа игумения меня представила Вам на монастыре. Тогда Вы меня глубоко тронули! Вы мне сказали: «Мы вас ждали и ждали сюда». Ваши слова остались в памяти моей в противность обычаю моему: я — очень, забавно — беспамятлив.

Ублажаю Вас! Вижу над Вами какую-то чудную руку Божию! Сами Вы под крестом недуга; а дети Ваши — плод чрева Вашего — подклонили рамена свои кресту Христову, отвергши иго мира, как непотребное! — Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь; но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын — в монастыре». Часто размышляю: какое неизъяснимое горе обымет на страшном суде Христовом тех родителей, которых гневно и грозно обличит и осудит нелицеприятный Судия за принесение чад их в жертву миру и миродержцу! — Какая ни с чем несравнимая радость обымет тех родителей, которых этот Судия благословит и восхвалит за принесение чад их в жертву Богу, за приготовление их в жители светлого рая! — Эта радость Вас ожидает! Два венца ожидают вас: один за Ваши собственные скорби, другой за детей Ваших. Хороши — венцы блаженства! Не угодно ли Вам примерять их!.. В полное владение они даются в той жизни, а примерять их можно и здесь. Хотите ли? — По милости Божией — научу Вас, — как их ухватить (они тонки, духовны; не всякий знает, как они похищаются!) и как примерять. — Положите себе за правило ежедневно благодарить Господа за Вашу чашу, т. е. за недуги, за все скорби Ваши, за жребий дщерей Ваших; в особенности благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные; при нашествии таких помыслов «благодарение» произносится в простых словах, со вниманием и часто,— доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит: они от бесов — и надобно их

отгонять от себя. Отгоняются же скорбные помыслы «благодарением» Богу. «Благодарение» сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии принесет и небесное радование — залог, предвкушение радости вечной. Будете благодарить — венчик примеряете. Мне бы хотелось увидеть на душе Вашей примерянный венчик Небесный, венчик радования духовного! — «Благодарение» — оружие, завещанное христианам Духом Святым чрез Апостола. «Благодарение» — Апостольское, Божие учение и предание. Благодарение Богу совершает чудеса и знамения! И зрятся эти знамения не очами телесными — несравненно превосходнейшими их очами душевными — и в душевной клети; там от Божественного прикосновения оставляет болезненных огнь скорби тещу Петрову,— она начинает услуживать Господу. Петр — образ веры; теща его — образ души, ближайшей родственницы Петру. Благодарение сильно Богом всесильным, Которому оно приносится! Благодарение сильно верою, которая одна, решительно одна, способна воспринять и объять неограниченную силу Божию: у веры нет границ, как нет их у Бога и у всего, что относиться к Богу. Разум, как ни разумен,— ограничен: не годится для дел Божиих. Все Божие, всякое знамение он встречает отталкиванием. «Как?» «Неужели?» «Почему?» — Прочь — непотребный, отверженный Богом!.. Придите — святая вера и буйство проповеди Христовой — спасите нас!

[1*] См. о ней в письме к Т. Б. Потемкиной — т. 8, с. 128.

VI

Письмо святителя Игнатия к Ростовскому архимандриту[1]

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Архимандрит!

Позвольте при сем удобном случае засвидетельствовать мое истинное высокопочитание и рекомендоваться в приятнейшее знакомство ваше.

Монастырские нужды заставили меня отправить на ярмарку Ростовскую рясофорного послушника обители моей, сего письмоподателя. Всепокорнейше прошу не лишить его покровитель-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

ства и наставления Вашего; осмеливаюсь столь прямо препоручать его милостивому вниманию Вашему, ибо наслышан, что любовь ваша уготовляет гостеприимный приют всякому странному, — подобно древнему Аврааму станноприявшему Ангелов.

Наставьте меня Вашими святыми молитвами, наградите отеческим благорасположением.

С истинным высокопочитанием имею честь быть Вашего Высокопреподобия!

Покорнейший слуга и смолитвенник

Архимандрит Игнатий.
10-го февр. 1836 г.
Серг. Пуст.

VII

Письмо архимандрита Троицко-Зеленецкого монастыря Аарона к святителю Игнатию[1]

Секретно

Ваше Высокопреподобие, отец Архимандрит.

Желаю Вам о предсладчайшем Господе радоватися!

По приказанию Его Высокопреосвященства Серафима митрополита, уведомляю Вас, отец Архимандрит: Паладий, наместник Лавры, 9 августа подал просьбу — отказался от наместничества за болезнию, определить в Киево-Печерскую Лавру в больницу до выздоровления, и еда откроица ваканция монастыря. Потому вас просит Владыка посоветоваться: непременно к нему пожаловать сегодня 10 августа вечером хотя в девятом или десятом часу. В наместники избрать располагается о. ректора Антонова монастыря отца Анатолия Новгородского, который здесь на чреде, впрочем ваш совет нужен Владыке.

Завтра Владыка поедет в Синод и хочет представить прошение отца наместника и с представлением на место его, а потому вы пожалуйте сюда ко Владыке на краткие часы, и пока назад можете обратится. Вот новость у нас какая. Я о сем сего дня получил сведение от Владыки самого, а братия вчерась знали: ибо я вчера не был во владыках, впрочем, вы можете из обстоятельств сами разуметь; при свидании лично с вами поговорить нужно.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 28.

Вашего Высокопреподобия Ваш доброжелатель и послушник, эконом Лавры

Зеленецкой архимандрит Аарон.
10 августа 1839 года

Архимандрит Аарон (А. Д. Петров; † 1844) – с 1821 г. иеромонах Александро-Невской Лавры, один из тех, к кому в годы учебы в Инженерном училище обращался за советами Дмитрий Александрович Брянчанинов (будущий архимандрит Игнатий). Возможно, что Митрополит Серафим после удачного выбора настоятеля в Валаамский монастырь в лице о. Дамаскина решил посоветоваться с архимандритом Игнатием и по поводу назначения нового наместника в Александро-Невскую Лавру. В 1842 г. наместником Лавры был назначен архимандрит Аарон.

VIII

Письмо наместника Московского Симонова монастыря Феофана к святителю Игнатию[1]

Радуюсь Высокопочтеннейший и вселюбезнейший Отец архимандрит! И паки реку радуюсь, яко всеблагая Премудрость Божия, ею же царие царствуют и сильнии пишут правду, избравши Тебя от чрева матерна служити преподобием и правдою Богу Богов и Господу Господей, оправдала над тобою реченное: *Аще кто мне служит, почтит его Отец Мой* (Ин. 12. 26). И сим ли одним временным Богоизбранное и притрудное для нашей плоти и крови служение кончится! нет! да внемлет мир, наше смиренное и убогое служение часто порицающий, нам Бог отцев наших Сам глаголет: что мы избегшии сетей его и лова гибельного — **сторицею приимем и в сем веке и в грядущем**? Но Господи кто верова слуху нашему? Оставляя миру бредить, якоже хощет: я без дара пророчества говорю пророченное: «Нынеже слыши рабе мой Иакове и Израилю, егоже избрах: Сице глаголет Господь Бог Сотворивый тя и Создавый тя из утробы, еще поможет ти: не бойся рабе мой Иакове, и возлюбленный Израилю, его же избрах. *Яко аз дам воду в жажду ходящим, в безводней, наложу дух мой на семя твое, и благословение мое на чада твоя, и прозябнут аки трава посреде воды, и яко верба при воде текущей*» (Ис. 44. 1, 4).

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 25.

В сии заочного разглагольствия минуты вся душа моя устремлена в твой мирный и Богоданный Пагод, чтобы сказать приветствие от чиста сердца и нелукавыя совести: *Возвеселися неплоды нерождающая, возопий и возгласи нечревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущая мужа, — разшири место кущи твоея и покровов твоих, водрузи не пощади продолжи ужи твоя, и колы твоя укрепи...* (Ис. 54. 1). **Ищущим первее Царствия Божия и правды его — вся приложится.**

Более сего сказать ничего не смею, разве только то, что я рад случаю, занесшему меня в Царственную столицу и ознакомившему меня по воле Святого Промысла с прекрасною твоею и боголюбезною душою, рад малой своей услуге в исполнении крошечной комиссийки, а более рад, что имел случай сказать таковым пытливым и не очень кажется чистым духом, как здешний Ав<ва> Сим<оновского> М<онастыря>, что Благий Промысл немощная врачующий и оскудевающая восполняющий — *полагает Тя не на падение, а на восстание многим во Израиле.* Кончу тем, что письмо Вашего Высокопреподобия доставило мне истинное утешение. По недосугам не прошу частых, а хотя бы в месяцы два или трие, единого слова, что Вы и любезный брат наш о. Михаил славословите на земле живых Господа Сия.

Вашего Высокопреподобия преданнейший и покорнейший слуга и послушник

С<имоновский> Нам<естник> Архимандрит Феофан

IX
Письмо архимандрита Костромского Богоявленского монастыря Афанасия к святителю Игнатию[1]

Получено 27 февраля

Его Высокопреподобию
Почтеннейшему Санкт-Петербургской
Сергиевой Пустыни настоятелю
Отцу Архимандриту Игнатию

С удовольствием спешу известить Ваше Высокопреподобие, что иеромонах Серафим во все время правления моего Костром-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 28.

ским Бог. монастырем вел себя очень хорошо. От кротости нрава его ожидаю, что милостиво принятый в Вашу обитель ни Вам беспокойства, ни мне бесчестия не сделает.

Душевно благодарю Вас, что подали мне случай быть полезным брату моему, с особенным уважением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Архимандрит Афанасий.
Февраля 11, 1842

X

Письма настоятеля Тихвинского Большого монастыря архимандрита Илариона к святителю Игнатию[1*]

№ 1

Высокопреподобнейший и Боголюбивейший
Отец архимандрит!
Милостивый Благотворитель!

Всею душою благодарю Вас за Ваше доброе ко мне расположение — за присылку при письме донесения Вашего о монастырях, вверенных надзору Вашему. Сею услугою Вы много меня одолжили, доставили мне легчайший способ подобным образом доносить. В знак благодарности прошу принять посылаемую при сем святую икону на кипарисе, а другую финифтяную икону посылаю тому, кто трудился, писал оную бумагу. Всеблагий, Милосердый Господь Бог да наградит Вас за Ваши благодеяния своими благодеяниями, временными и вечными.

Путь мой в Новгород был благополучен. Высокопреосвященнейший Архипастырь[1] принял меня по обыкновению своему благосклонно 10 сентября, поговорил милостиво, — и тогда же объявил желание будущим летом посетить обитель нашу. В тот день был я приглашен к нему на завтрак. А обедал с ним три раза: 1) у графини Орловой-Чесменской. 2) в Хутыне у Преосвященнейшего викария. 3) в Юрьеве у Архимандрита. 15 сентября в сей день там служил сам Высокопреосвященнейший, и

[1*] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. Архимандрит Иларион, бывший наместник Сергиевой пустыни, вышел из нее в 1836 г.

мы (6 Архим<андритов>) с ним. Квартировал я в Юрьеве, где оказано мне было радушное гостеприимство. Там я гостил 6 дней, и выдержал шесть обедов. Но после этих обедов так расстроился мой желудок, что я болен был более двух недель. 15 сентября я выехал из Новгорода; а Владыка 16 числа.

Старца Феодора Хлебникова я постриг в монашество в Ваш праздник, 25 сентября, и нарек его Сергием, по имени в сей день празднуемого святого. — Да вразумит и укрепит его Господь подражать сему Преподобному.

Поручая себя и впредь Вашему благорасположению и святым молитвам Вашим, остаюсь благодарным во всю остальную жизнь мою,

Вашего Высокопреподобия всегдашний богомолец

Старец Иларион Архимандрит Тихвинский.
28 октября 1843 года
Тихвин

[1] *Высокопреосвященнейший Архипастырь* — Антоний (Г. А. Рафальский; 1789–1848) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский в 1843–1848 гг.

№ 2

Высокопреподобный и Боголюбезный
Отец Архимандрит!

Смиренный и кроткий старец Ваш сообщил мне Ваше приятное для меня письмо в 5 день сего января. Благодарю Вас за доброе ко мне расположение, за поздравление с Новым годом.

И Вас, христолюбивейший Отец, поздравляю со вступлением в новое лето; и Вам желаю препроводить весь новый год и всю жизнь во славу Божию, — и в пользу ближних, в совершенном здравии и благополучии, — и в великодушном перенесении скорбей, неразлучных с нашею жизнью. Да исполнит Господь сие желание мое!

Поручив себя и впредь Вашей любви о Господе, и святым молитвам Вашим, пребыть имею во всю остальную жизнь мою

Вашего Высокопреподобия всегдашний богомолец

Архимандрит Иларион.
7 января 1844 года
Тихвин

XI

Замечание епископа Игнатия

На поведание архимандрита Макария, бывшего ректора Тверской семинарии, ныне цензора, что духи злые ему сказывали, что несметное число злых духов выпущено для борьбы против Церкви православной, в единении с папизмом и магометанизмом.

Нет сомнения, что действие духов — усиленное. Но поведаниям их верить невозможно: если они скажут иногда и истину, то для того, чтоб ею прикрыть коварство или заслужить доверенность и потом тем вернее нанести вред. В настоящее время главный труд их заключается в том, чтоб уронить все истинные идеи о Боге и о всем Божественном и возвеличить идеи о человеке в падшем естестве его, тем приготовить возвеличение того человека, который превозносится паче Бога по предречению св. Ап. Павла. Та же идея, которая сгубила человеков в раю! Только она теперь развивается обширнее. Какой папизм! Какое магометанство! Это — только маскировка; это — частные действия. Папа, Магомет служат предызображением антихриста; самый близкий его образ — Гришка Отрепьев.

XII

Письмо святителя Игнатия к Льву Александровичу (в монашестве Леониду) Кавелину[1]

†

Воистину Воскресе Христос!

Возлюбленнейший о Господе Отец Лев

Вы доставили мне истинное удовольствие письмом Вашим, в котором я нашел только одну погрешность, а именно, когда говорите, что не можете выражаться так свободно на письме, как выражаетесь лицем к лицу в искренней беседе. Я нахожу, что любовь и искренность Ваши равно проявляются из-под пера Вашего и из уст Ваших. С особенною приятностию воспоминаю

[1] РГБ ОР. Ф. 148. К. 12. № 47. Письмо публикуется впервые (О. Шафранова).

то время, которое я провел в Оптиной Пустыни, созерцая души спасающихся в блаженном кивоте послушания. Ваше общество возбудило во мне живейшее сочувствие, которое питаю ко всем, принесшим себя в жертву Богу иноческою жизнию. Естественно, что та жертва, при которой оставлено наиболее земных видов, признается наиболее ценною. Люди, принесшие себя Богу в года свежей юности, образовав себя предварительно образованностию мира, впоследствии обучившись иноческой жизни, соделываются полезными для всей Церкви, не только для самих себя.

Сохраняйте меня в Вашей молитвенной памяти и причтите меня к числу людей сердечно преданных Вам о Господе

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
1857 года
5 мая
Сергиева Пустыня

P. S. Поклон от Вас о. Михаилу я передал; он взаимно Вам кланяется и просит Ваших Молитв. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон почтеннейшему Старцу Отцу Макарию и добрейшему нестарцу Отцу Ювеналию. В Тамбов назначен здешней Академии Ректор Епископ Винницкий Макарий, на его место назначается ректор Московской Академии; вся обстановка здесь изменяется — составляется в оном духе, уже не в [*нрзб.*]. Благочестие Митрополита Григория и назидательно и утешительно.

Леонид Кавелин (1822–1891) — писатель, историк, выдающийся археограф-славист, библиограф, переводчик; с 1852 г. — послушник в Оптиной пустыни, в 1857 г. — пострижен; в 1857–1859 гг. — член Иерусалимской православной миссии, с 1863 г. — архимандрит и начальник Российской духовной миссии в Иерусалиме.

XIII

Письма цензора, архимандрита Фотия, к святителю Игнатию[1]

№ 1

Счастливым почитаю себя, что получил милостивое рукописание Вашего Преосвященства, сугубо счастлив, что выпал мне, — и верно, выпал от руки Божией, — благой жребий — прочитать произведения Ваши. Это было для меня — не труд, а приятнейшее занятие и наслаждение. Грехом считаю льстить, особенно — пред святительскою особою Вашего Преосвященства; не смею и вполне хвалить Ваших произведений, по своему убеждению, но не могу искренно не высказать моего впечатления, которое произвело во мне чтение их. Я поглощал их — так они отрадны и питательны: почему и держал их у себя более, нежели сколько должно было, — о чем может сообщить Вашему Преосвященству и Его Превосходительство Петр Александрович. Я учился от сих назидательных рукописей. Смею доложить Вашему Преосвященству, — двадцать пять лет платил я дань школе, бывши в это время и наставником тринадцать лет в двух академиях — Киевской и Казанской, — но в этих предметах есмь сущий невежда: такое уже у нас учение. Область аскетических предметов у нас — земля неведомая. Произведения Вашего Преосвященства первые в этой области, особенно в новейшее время. Великий и важный труд подъяли Вы, и многополезные, спасительные плоды предлагаете тем, кои ищут спасения.

3 марта 1864 г.

№ 2

Напитался от произведений Ваших духовною отрадою. Истинно поведаю Вашему Преосвященству, — да не будет ми льстити святительской особе, — по прочтении «Аскетической проповеди» и «Приношения монашеству» не имелось охотности к чтению, кроме официальных, каких-либо других произведений, даже доброй литературы духовной: так произведения эти казались мелковаты и маловкусны по вкушении от духовно-сладких плодов.

3 ноября 1864 г.

---

[1] *Л. А. Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов, Его жизнь и морально-аскетические воззрения. Ч. 2. Приложения. С. 23–24.

XIV

Письма святителя Игнатия к настоятелям разных монастырей

№ 1

По прибытии моем в обитель Святителя Христова Николая, некоторое время останавливался я писать к Вам. Я ожидал, чтоб развлечение, которое в таком обилии стяжала душа моя во время продолжительного путешествия, мало-помалу утихло, будучи постепенно ослабляемо уединением. Нет! Не сбылись мои надежды! Продолжаю развлекаться, теряю драгоценное, невозвратимое, улетающее время, между тем, как желал бы посвятить его всецело покаянию. Должен был погостить, и долго погостить, в Костроме, должен побывать в Ярославле, должен позаботиться о устройстве своих келлий: все это развлекает, вводит в душу попечение о земле, отводит от попечения существенно необходимого, попечения о небе. А всякое попечение о небе, если оно не одушевлено покаянием — мертво, неистинно. «*Беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем*»[1],— воспевал Богодухновенный Давид.

Из-за того, что не могу отторгнуться от неотвязчивого, прилипшего ко мне развлечения, несправедливо же лишать Вас письма моего, на которое Вы имеете все право, как на дань, как на долг, возложенные Вами на мое сердце, оказав мне так много любви и доверенности. Вы и прекрасное словесное стадо Ваше часто являетесь очам души моей, являетесь так утешительно, так близко. Дух сокращает расстояние вещественное!.. Смотрю на вас — и говорю с сердечною любовию: «Господи, спаси их! Господи, благослови их! Господи, управь пути их к истинному благоугождению Тебе!»

При личном свидании нашем Вы мне сказали, что многие упрекают Вас за милосердие Ваше к ближним, находят его излишним, чрезмерным. Вы желали слышать мое мнение об этом предмете. В то время душа моя была омрачена пагубным развлечением; сердце грубело в ожесточении и нечувствии — неизбежных свойств сердца, при отсутствии покаяния. От покаяния рождается умиление: умиление освещает клеть душевную, внося в нее свет духовный от Света Христа. Не было этого света в душе моей — нет его и теперь. Уединение дает, по крайней мере, возможность вспомнить о его существовании. Одно воспоминание о Свете уже

просвещает! При таком воспоминании скажу Вам ответ мой, который при свидании был в одном молчании или в обещании отвечать письменно из уединения. Хочу исполнить теперь мое обещание! А тогда зачем было двигать бесплодно устами и языком из одних соображений ума? — В душе не было ответа.

Руководимый Евангелием, начинаю глядеть в глубины и высоты учения Христова. Приглашаю Вас: встанем на вершине горы святой, то есть погрузимся в покаяние и молитву; из них, из состояния ими рождаемого, воззрим на чудеса Божии *в земле Египетстей, на поле Танеосе*[2], в стране нашего изгнания и плена. Умолим Господа, чтоб Он даровал нам увидеть эти чудеса: Он отверзает очи души — тогда они видят *чудеса от закона Его*[3].

Рассматриваю милосердие, заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров. Он заповедует нам: *Будите милосерди, якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть*[4]. Чтоб исполнить эту заповедь, надобно сделаться столько милосердым, сколько милосерд бесконечно милосердый Господь. *Широка*, Господи, *заповедь Твоя зело*![5]. Кто возможет ее исполнить вполне самым делом? Разве тот, кто, объятый Духом Твоим Святым, оставил так свойственное младенцам хождение с трудом и крайнею медленностию по стези заповедей Твоих,— начинаем шествовать по ним исполинскими шагами, более лететь, нежели шествовать,— лететь на крыльях Духа. Но я, грешник, мрачный грешник, как ни взгляну на себя, всегда вижу смешение добра со злом, доставленное человеческому роду его праотцем, дерзостно и погрешительно вкусившим от древа познания добра и зла. Кажусь я людям милосердым; но, с точностию поверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие; милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне корысть; милосердствует во мне плоть; милосердствует во мне кровь; но чтоб подвигала меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая,— этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердым сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие. Обличается сердечный недуг мой святою заповедию! Убеждаемый ею, признаю себя, по естеству милосердого, жестокосердым, человеконенавидцем по отношению к Евангелию. Мое сердце согласно быть милосердым по движению крови; но быть милосердым по заповеди Христовой для него — распятие.

Так видя себя, сличая свое состояние с тем, которое начертано в Евангелии для ученика Христова, нахожу, что мне, имеющему естественное расположение к милосердию, не должно вверяться этому естественному расположению, должно умерщвлять его. Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя б это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам. Естественное милосердие, как произведение плоти и крови, не может быть Богоугодною добродетелию. Мало этого! Оно враждебно заповедям Евангельским! Для посещения и умерщвления его принесен на землю меч Евангельский. Водимые естественным милосердием пребывают во мраке под влиянием лютого, всезлобного миродержца.

Господь, Спаситель мира, во время пребывания Своего на земли, возвещал однажды ученикам Своим, что Ему должно идти во Иерусалим, там много пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Тогда верховный из Апостолов, святый Петр, движимый естественным милосердием, начал противоречить Господу. *Милосерд Ты, Господи,* — говорил он, — *не имать быти Тебе сие*[6]. На это изъявление сострадания, милосердия — естественных, Господь отвечал Святому Петру: *Иди за мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*[7]. Неужели в устах Богочеловека слово *сатано* было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое богохульство! Этим словом Господь изображает, что мысли и чувствования падшего человека находятся под властию сатаны, хотя по-видимому они и кажутся добрыми; действия человека по влечению его сердца сливаются в одно с действиями сатаны. Так повреждено горестным падением естество наше! *Тогда,* — повествует Евангелие, — *Иисус рече ученикам Своим: Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[8]. Должно умертвить то милосердие, которого причина — кровь; должно снискать то милосердие, которого причина, источник — светлая и святая заповедь Христова; она — *Дух,* она — *живот вечный.*

Вот обещанный мною ответ. Советую вам то, что признаю для себя необходимо нужным: отвергните милосердие, действующее в Вас от крови, иначе, от чувств сердечных, вдайтесь в снискание милосердия, возвещенного Евангелием, соделывающего человека Богоподобным. Пред Вами откроется необозримое поприще для подвига и течения. Какое бы Вы ни стяжа-

ли преуспеяние в милосердии,— оно покажется Вам ничтожным в сравнении с образцом милосердия, начертанным в Евангелии. Самое преуспеяние Ваше будет научать Вас смирению, приводить к нему. Таково свойство преуспеяния духовного! Напротив того — кто не отвергается себя, не погубляет души своей, действует по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет свое *я*, видит добро в своих движениях, своих действиях, оживляет собственно себя, стяжевает мало-помалу высокое о себе мнение. Таковый, думая — преуспевает духовно, преуспевает лишь в лютом падении. Темная прелесть овладевает его душею; чуждый духовного жительства и разума, он погружается глубже и глубже в лжеименный разум и темную прелесть. Прелесть — справедливая награда того, кто возлюбил и почтил падшее естество свое, не восхотел состояния, о котором говорит св<ятый> Апостол: *Не ктому живу аз, но живет во мне Христос*[9].

...Опять переношусь крылами мысли и любви к Вам, к овцам Вашим, этим земным ангелам. Все они — такие откровениые, страннолюбивые, братолюбивые — Ангелы. Вы научили их быть такими! — Всем скажите от меня мой усерднейший поклон.— Когда некоторые из них провожали меня при отъезде моем из Святой обители Вашей, зашел разговор, между прочим, о том, какому изнеможению подвергаются крылосные от своего послушания. Я в свою очередь поведал, что по причине этого изиеможеиия установлена в нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится при этих службах на крылосе, а другая ие становится. На следующий день поют отдыхавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной Литургии и Всенощным приходят все. Понравилось братиям Вашим распоряжение, сделанное в Сергиевой Пустыне! Они признались мне, что некоторые из них чувствуют сильное изнеможение, даже самое расстройство в груди, за которым может последовать потеря способности петь и хронические болезни, быстро и прямо ведущие ко гробу. Этому привелось мне видеть горькие примеры. Я обещал чадам Вашим замолвить о них в письме моем к их чадолюбивому Отцу, который — и мой Отец. А потому я пред ним — так дерзновенен!

[1] *Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем* (Пс. 37. 19).
[2] Пс. 77. 12.
[3] Пс. 118. 18.

[4] Мф. 6. 36.
[5] Пс. 118. 96.
[6] *...будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою* (Мф. 16. 22).
[7] *...отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16. 23).
[8] Мф. 16. 24.
[9] *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2. 20).

№ 2

Чрез мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся пред Вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте волн недоверчивою стопою размышления человеческого — идите смело по ним мужественными ногами веры — и обратятся под иогами вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты. Тем более нейдут Вам робость и сомнение, при зрении моря скорбного, при зрении ветра крепкого, что призывающий Вас ходить по морю скорбей, отделяющий для такового хождения от прочей братии Вашей — Сам Господь. Это призвание есть вместе и блаженное избрание! Христос знаменует «Своих» печатью страданий! Он обрел душу Вашу благопотребною Себе и потому печатлеет ее Своею печатию! И стоит отдельно малое стадо, часть Христова, от множества прочих людей; Христовы держат в руках своих признак избрания их Христом — чашу Христову; на раменах их знамя — Христов Крест. Далеко, далеко отшатнулись от них сыны мира! Бесчисленною толпою, с шумом, в упоении странном, гонятся они за попечениями и наслаждениями временными. Время, в очах их, преобразилось в вечность! Они проводят жизнь бесскорбную, преуспевают в тленном, забыты Богом, не возбуждают против себя диавола: они угодны Диаволу — часть его. Чаша Христова отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причастившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствование, как бы несущийся по воздуху превыше всего,— на крыльях веры. Оковы разума притягивают нас к земле — стране мучений; находясь на земле, мы невольно подвергаемся и мучениям: «приложивый разум приложит болезнь», — говорит Писание. Вера подымает с земли, освобождает от оков, изъемлет из среды мучений, возносит к небу, вводит в покой духовный. Вшедшие в этот покой почивают прохладно, насладительно на роскошно постланных, драгоценных одрах Боговидения.

Примите эти строки, произносимые от сердечного участия, которое с первого свидания с вами возбуждено во мне вашею душою, носящей во глубине своей какой-то особенный залог, залог таинственный, Боголюбезный,— залог Богоугождения. Примите эти строки из страны страданий, в которую я поселился очень давно: Богу не было угодно, чтоб шел я путем общим, обыкновенным! Он поставил меня на стезю отдельную, в страну совсем особенную, — и редко встречаю путешественника, идущего по этой стезе, посетившего эту страну, с которым бы можно было перемолвить слово на том языке, которым говорят в стране той и который сделался мне несколько знакомым,— утешительно звучит он для слуха души моей. В звуках его слышу что-то родное.

Что, между прочим, совершается в этой чудной стране? Там непримиримая война, там непрестанные битвы, сечи кровавые между Израильтянами и народами иноплеменническими. В числе иноплеменников восстают на Израильтян и Исполины, сыны Енановы — скорби, приводящие нас в страх, в расслабление, в отчаяние. Соглядатай Израиля — разум возвещает о них душе и ее силам: *видехом исполины, сыны Енаковы, и бехом пред ними яко пруси, и тако бехом пред ними. Не можем изыти противу языку сему, яко крепший есть паче нас*[1]. Точно! Размышление, основанное на обыкновенном ходе вещей, помышления собственно и единственно человеческие приносят *ужас земли, юже соглядаша, к сыном Израилевым*[2]. Но истинный Израильтянин, верный Богу, водится верою в Бога; он облечен во всеоружие. *Пожену враги моя,* — восклицает он, — *и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. Оскорблю я, и не возмогут стати: падут под ногама моима. И истню я, яко прах пред лицем ветра, яко брение путей поглажду я*[3]. — Не одобряются в этой войне многие и тонкие размышления, которые силится ум, уповающий на себя, на свою силу, на число и высоту своих познаний, противопоставить напирающим толпам иноплеменников. *Сынове Ефремли наляющае и стреляюще луки,* — возвещает пророк, — *возвратишася в день брани*»[4]. Не устоять размышлению человеческому против густых полчищ иноплеменников! Собьют они его, переспорят, произведут в уме возмущение, в мыслях смешение — тогда на стороне их победа!

Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными, с духами злобы, с темными миродержителями нужно взяться за оружия, подаемые верою, подаемые буйством проповеди Христовой. *Буее Божие премудрее человек есть: и немощ-*

ное Божие крепчае человек есть[5]. Страшными и страшными кажутся для плотского разума стезя и учение веры; но едва увидит человек на самом опыте, увидит внутренним душевным ощущением могущество веры — немедленно и радостно предается ее водительству, как обретший неожиданно бесценного наставника, с презрением отталкивает от себя отверженную Богом премудрость человеческую.

Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с сынами Енановыми — мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е — слова: «Слава Богу за все».

2-е — слова: «Господи! Предаюсь Твоей Святой Воле! Буди со мной Воля Твоя».

3-е — слова: «Господи! Благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать на меня».

4-е — слова: «Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Эти краткие слова, заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали. Отцы нисколько не входили в рассуждение с являвшимися помыслами; но, только что представал пред ними иноплеменник, они хватались за оружие чудное, и им — прямо в лицо, в челюсти иноплеменника! От того они были так сильны, попрали всех врагов своих, соделались наперсниками веры, а чрез посредство веры — наперсниками благодати, мыщцею благодати, совершили подвиги вышеестественные. При явлении печального помысла или тоски в сердце начинайте от всей души, от всей крепости вашей произносить одно из вышеозначенных предложений; произносите его тихо, неспешно, не горячась, со вниманием, во услышание одних вас — произносите до тех пор, доколе иноплеменник не удалится совершенно, доколе не известится сердце ваше в пришествии благодатной помощи Божией. Она является душе во вкушении утешительного, сладостного мира, мира о Господе, а не от какой другой причины. По времени иноплеменник опять начнет приближаться к Вам; но вы опять за оружие и, как завещал своим воинам гениальный полководец Цезарь, мечьте прямо в лицо врага: ни в какую часть тела так не тяжки, так невыносимы удары, как в лицо. Не подивитесь странности, ничтожности по-видимому, оружий Давида! Употребите их в дело — и увидите знамение! Эти оружия — палица, камень — наделают

дела более, нежели все вкупе собранные глубокомысленные суждения и изыскания богословов-теоретиков, сказателей букв — Германских, Испанских, Английских, Американских! Употребление этих оружий в дело постепенно переведет Вас со стези разума на стезю веры и этою стезею введет в необъятную, дивную страну духовного. Там трапеза манны сокровенной; к ней, по свидетельству Писания, Христос допускает одних победителей. Вы введены в невидимую войну для того, чтоб иметь случай соделаться победителем и в достоинстве победителя наследовать духовные сокровища. Все же это доставляет Вам Христос, возлюбивший Вас, явственно отделяющий Вас в число «Своих». Итак, уже с самого берега глядя на темное, глубокое море скорбей, на даль, где синева вод сливается с синевою небес, на эту безпредельную даль, пугающие ветры, прислушиваясь к гневному говору волн, к их плесканию однообразному и безчувственному, не предавайтесь унынию, не впустите в душу вашу море грустных дум. Тут гораздо более опасностей! В этом море потонуть гораздо удобнее, нежели в море скорбей наружных. Радуйтесь! — и паки реку: радуйтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтоб преплыть в страну радостей: даль моря имеет противоположный берег, хотя и не видимый для очей человеческого разума. Этот берег — рай умственный, преисполненный духовных наслаждений. Достигшие этого блаженного берега забывают, в упоении наслаждением, все скорби, претерпенные ими на море. Становитесь бестрепетною ногою в легкую ладью веры, неситесь, как крылатый, по влажным буграм! Скорее, нежели предполагаете, нежели можете себе представить, перенесетесь чрез море, перенесетесь в рай. — Но между духовным раем и жизнию плотскою, душевною, обыкновенною, которою живут вообще все люди, положены в разграничение — как бы обширное море — крест и распятие.— В рай нет другого пути! Кого Бог хочет возвести в рай, того начинает сперва наводить на путь к нему — на крест. «Признак избрания Божия, — сказал некоторый святый аскетический писатель, — когда пошлются непрестанные скорби человеку». Претерпим умерщвление миру скорбями, чтоб сделаться способными принять в себя существенное оживление для Бога, явственным, вполне ощутительным действием Духа. Пожертвуем тлением для Духа! — Вполне отдайтесь Богу! Киньтесь в спасительную бездну веры, как бы в море — с утеса!

Людей оставьте в стороне, как орудие Промысла! — Эти орудия — слепые, сами по себе не имеют никакой силы, никакого

движения! «Не имаши власти ни единыя на мне, — сказал Господь Пилату, — *аще не бы ти дано свыше*»[6], хотя Пилат, водимый суждением человеческим, признавал и утверждал (а в этом, без всякого сомнения, согласны были с ним и все водящиеся таким суждением!), что он имеет власть распять предстоящего ему узника и власть отпустить Его. — Не озабочивайтесь никакими сношениями с людьми, никакими оправданиями пред ними! Такие сношения и оправдания только нарушат мир сердечный — не принесут никакой пользы. Немощные люди — цветы, являющиеся на короткое время на поверхности земной! — Вы мечтаете о себе много, вы приписываете себе много, а вы — немощные люди! Вы почтены самовластием, а вместе с тем не престаете быть орудиями, слепыми орудиями, вполне орудиями! И того даже вы не видите и не ведаете, что вы — орудия! Вы самовластны — так! Вы не можете не принять мзды за дела ваши! Но в бесконечно мудрых судьбах Божиих эти самовластные суть действователи без малейшей власти, без всякой самостоятельности. *Иисуса Назореа,* — говорил святый апостол Петр Иудеям, — *Сего нареченным советом и проразумением Божиим предана, приемше, руками беззаконных пригвождше, убисте*[7]. *Вем, яко по неведению сие сотвористе, яко же и князи ваши: Бог же, яже предвозвести усты всех пророк Своих пострадати Христу, исполни тако*[8]. В делах Промысла Божия люди — слепые орудия. Потому-то Господь не сподоблял людей, по видимому облеченных полною властию, никакого ответа! Потому-то назвал Он чашу, приготовленную злоумышленниками, демонами безплотными и во плоти, «чашею подаемою Отцом».

Примите эти строки как отголосок души, искренне в Вас участвующей, сострадущей скорби вашей и усердно желающей Вам утешения от Господа.

[1] *там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших [пред ними], как саранча, такими же были мы и в глазах их. ...Не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас* (Чис. 13. 34, 32).

[2] Чис. 13. 33.

[3] *Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои. Я рассеваю их, как прах пред лицем ветра, как уличную грязь попираю их* (Пс. 17. 38, 39, 43).

[4] *Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани* (Пс. 77. 9).

[5] *потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1. 25).

[6] *...если бы не было дано тебе свыше* (Ин. 19. 11).

[7] *Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили* (Деян. 2. 23).

[8] *Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил* (Деян. 3. 17–18).

№ 3

Позволяю себе послать к Вам вновь вышедшую книгу «Житие и писания Молдавского Старца Паисия Величковского», того благочестивого и духовно просвещенного мужа, которому чада православной Церкви обязаны за перевод с греческого на славянский язык Добротолюбия, Исаака Сирского и других Отцов. В вновь вышедшей книжке, которую я давно знаю в рукописях, с особенною ясностию изложено учение, весьма приличествующее нашему времени — учение о Иисусовой молитве, о которой ныне по большей части имеют самое темное, сбивчивое понятие.

«Иные», считающие себя за одаренных духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину «прелесть» — будто бы непременную спутницу упражнения Иисусовою молитвою, — сами удаляются от нее и других учат удаляться. Изобретатель такового учения, по мнению моему, — диавол, которому ненавистно Имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающее всю его силу; он трепещет этого всесильного Имени и потому оклеветал Его пред многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага, — спасительное для них самих.

Другие, занимаясь Иисусовой молитвой, хотят немедленно ощутить ее духовное действие, хотят наслаждаться ею, не поняв, что наслаждению, которое подает один Бог, должно предшествовать истинное покаяние. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится в душе духовное действие, которое — благодать, которое,— повторяю, подает един Бог в известное Ему время. Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей в самых мелочных действиях и отраслях их.

Представляемая мною «книга» показывает непрелестный образ упражнения Иисусовою молитвою, состоящий в тихом произношении ее устами или и умом, непременно при «внимании» и с чувством «покаяния».— Диавол не терпит вони покаяния; от той души, которая издает из себя эту воню, он бежит прочь с прелестями своими. Проходимая таким образом Иисусова мо-

литва — превосходное оружие против всех страстей, превосходное занятие для ума во время рукоделия, путешествия и в других случаях, когда нельзя заняться чтением и псалмопением. Таковое упражнение молитвою Иисусовою приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди мира.

Стремление же к открытию «сердечного духовного действия» приличествует наиболее, почти единственно инокам,— и то познавшим подробно борение со страстями, при удобствах, доставляемых местом и прочими обстоятельствами.— Если же «кто бы то ни был», движимый, по выражению святаго Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно сладость духовную, или сердечное молитвенное действие, или какое другое духовное дарование, приличествующее естеству обновленному; тот неминуемо впадет в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видеть и на опыте. Упоминаемый в житии Пахомия Великого прельщенный старец, стоя по действию прелести на раскаленных углях босыми ногами, произносил молитву Господню «Отче наш». Причина прелести — не молитвословие, не псалмы, не каноны и акафисты, не молитва Иисусова, — нет! Сохрани Боже всякого от такового богохульства! Гордость и ложь — вот причины прелести! — Гордость и ложь, которых виновник — диавол. А он, чтоб свалить с себя вину, дерзостно и богохульно оклеветал Иисусову молитву, сам же встал в стороне, как ни в чем не повинный. Ныне многие хлопочут, остерегаются и других остерегают от молитвы Иисусовой, утверждая, что должно от нее удаляться, как от причиняющей прелесть; а о диаволе, настоящем виновнике прелести, ни слова — совсем забыли. Ах! какая явная хитрость диавола! как он прячется искусно!

Очень огорчает меня, что ныне так утерян людьми истинный духовный разум, а разные ложные, вполне ложные мысли, получили такую силу!

Книга Паисия имеет значительные недостатки в литературном отношении. Что до того? Часто смиренные пустынники, выходя из пустынь своих, лишь прикрытые рубищем, словом скудным и нескладным возвещали христианскому миру святую и спасительную Истину; напротив того, сколько видим книг, убранных звучными словами, блестящими мыслями, в стройном систематическом порядке,— а они заключают в себе яд, убивающий души!

№ 4

Старец Паисий не раскаивался, как разглашали некоторые, не вполне понявшие его слова и не имевшие определительного понятия о умной молитве, в напечатании книги «Добротолюбия», переведенной им с греческого на славянский язык. Он, проникая дух времени, предвидел вред многих легкомысленных и самочинных, имеющих повредиться употреблением великого блага умной молитвы во зло. Движимый духовною любовию и состраданием к человечеству, столько поврежденному грехопадением, что самые средства к своему спасению оно обращает в средства к большему осуждению, к умножению бедствий, нанесенных грехопадением,— Паисий огорчался и болезновал, подражая этим многомилостивейшему Господу Иисусу, Который проливал Свои всесвятейшие слезы о Иерусалиме, отвергшем Его, а потому не только отвергшем спасение, Им принесенное, но и навлекшем на себя и на чад своих лютейшие казни.— Такова была мысль Паисия! Такова была печаль его при напечатании Добротолюбия, о переводе и напечатании которого он положил столько трудов! Эта мысль и эти чувствования изображены им в письме его к Феодосию, Архимандриту Софрониевой Пустыни.

Не одно Добротолюбие употреблено во зло! Употреблены во зло Писания святаго Апостола Павла, как засвидетельствовал сам верховный Петр. Употреблено еретичествующими во зло все Священное Писание. Самое Божественное Евангелие употребили и доселе употребляют во зло, для погибели своей, многие миллионы протестантов, толкуя его неправильно и неблагочестно, по поводу будто бы его, удаляясь от единения со вселенскою Церковию, составляя отдельное душепагубное еретическое сонмище, которое они дерзают называть Церковию Евангельскою. Апостол Павел свидетельствует, что они — Апостолы — Христово благоухание Богови в спасаемых и погибающих: овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот. Даже о Господе Иисусе Христе сказал Святый Богоприимец Симеон: *«Се лежит Сей на падение и на востание многих во Израили, и в знамение пререкаемо»*.— Святый Исаак Сирский в 54-м Слове говорит: «Слово крестное погибающим юродство есть. Что из сего следует? — Поелику оное слово крестное казалось юродством тем, которые не ощущали силы сего слова, то долженствовало ли Павлу умолкнуть и престать от проповеди? Но и до сего дня крест служит поводом к претыканию и соблазну Иудеям и Еллинам. — Итак,

должно ли умолчать, чтоб сии не соблазнялись? — Павел не только не умолчал, но так взывал: Мне да не будет хвалитися, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа. Поведано здесь святым Апостолом хваление о Кресте не с тем, чтоб соблазнить других, но чтоб возвестить о великой силе Креста».

Божественное добро не должно быть отвергаемо, если некоторые или и многие употребили его во зло. Это надо отнести и ко Иисусовой молитве. Сам Иисус был камнем преткновения для многих; проповедь о Нем была камнем преткновения; Крест Его был камнем преткновения; как же Святейшему Имени Его не участвовать в тех же обстоятельствах? Из того, что могу я заключать по двадцатилетним наблюдениям современного монашества Православной Отечественной Церкви, находясь это время сам в недре его, даю следующий отзыв. Если находятся еще в наши времена, времена нищеты, глада и мрака в духовном отношении, иноки, имеющие отчасти истинное духовное рассуждение; то это те весьма немногие, которые, будучи просвещены умною Иисусовою молитвою, познали подробно свои страсти, действия лукавых духов и наконец действие Духа Божия, начинающегося с излияния в душу священного мира о Христе. Кто же при свете умной молитвы не узрел страстей своих, не познал действия лукавых духов и не вкусил, что такое мир Христов, соединяющий воедино ум, душу и тело, тот не имеет и понятия о духовном рассуждении, хотя и мнит иметь его обольщаемый тщеславием. Таковое мнение свойственно всем, проходящим, так называемый Св<ятым> Симеоном Новым Богословом, второй образ внимания и молитвы. При благонравии можно иметь рассуждение, или разум и естественный, и деятельный, и образованный науками и чтением, как весьма основательно рассуждает о сем Преподобный Григорий Синайский; но это еще — не рассуждение духовное! От такового разума отстоит духовное рассуждение, как небо от земли, и превосходнее его, как свет солнца превосходнее тусклого света ночных светил небесных.

№ 5

Что скажу на письмо Ваше? — Увы! Нетленной и блаженной святости не вижу в себе и следа! Не от действия благодатного смирения, но самым опытом, самыми грехопадениями моими убеждаюсь, что я грешен. Желал бы непрестанно зреть грехи мои и плакать о них; но окрадывают и омрачают меня забвение, рассеянность, нерадение мои! Вы изволите писать, что в письмах

моих к Вам я не решался ни на какое слово, назидательное для Вас собственно. Как мог я решаться на него, имея тяжкое бревно во оке души моей, заграждающее от меня зрение грехов моих и преграждающее ток слезам моим? Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренно, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству. И ныне, получив письмо Ваше, я умилился окаянным сердцем моим и беру перо для ответа Вам, единственно с тою надеждою, что милосердый Господь, видя истинную нужду души Вашей и веру Вашу, дарует слово полезное, а мне простит мое дерзновение по тесноте нынешнего времени, в которое весьма оскудело истинное духовное знание. Поелику же пишу к рабу Божию и ради Бога, то оставляю все соображения мира, чтоб увлекшись каким-нибудь побуждением человеческим, не соделаться мне предателем души Вашей, прибегшей ко мне за советом о Господе, и имеющей обвинить меня пред Господом на Страшном Суде Его, если я в этом суетном веке поврежу совет мой лицемерством, лестию и человекоугодием.

Верую по преданию Церкви и с Церковию, что всякий православно верующий во Христа и исполняющий заповеди Его, а нарушение заповедей очищающий покаянием,— спасется. Так сказал Сам Господь юноше, вопросившему Господа, как ему спастись. Но есть еще и другая цель христианина, для которой в особенности назначаются иноки, цель достигаемая и не достигаемая: христианское совершенство.— Путь к этому совершенству есть очищение себя заповедями Нового Завета, Евангелием, руководствуясь которым сын ветхого Адама может усыновиться Новому Адаму. *Всяк имеяй сию надежду*,— говорит св<ятый> Иоанн Богослов,— *очищает себя, якоже Он чист есть*[1].— Но Новая заповедь *широка есть зело!*

Говорит новая заповедь: *Кто хочет приобрести душу свою, да погубит ю.* Что значит погубление души? — Отвержение действий по собственным чувствам и понуждение себя к действию по заповедям Евангельским. Евангелие действующему таким образом сообщает свой разум и свои ощущения, принадлежащие к естеству нового человека, обновленного по подобию Создателя и Искупителя нашего. В этом состоит принуждение и насилование себя, предписываемое Евангелием. Это значит совет, так часто повторяемый Святыми Отцами: «Даждь кровь и приими Дух». Отсеки от себя свойства падшего естества и привей к себе свойства естества обновленного Христом.

Не только «плоть», но и «кровь» Царствия Божия не наследят. Но как *Царствие Божие внутрь нас есть*, то должно из этого заключать, что доколе возбуждаются и сопровождаются в нас сердечные ощущения движениями крови, дотоле мы чужды духовного действия, истекающего от Бога. При духовном, Божественном действии кровь умолкает и бывает «тишина велия». Тот святой мир, который не в нашем падшем естестве, но дарован и даруется Господом, мир, превысший всякого ума, нисходит в душу. Он изливает священное спокойствие в ум, сердце и тело раба Христова, соединяет сии три воедино и представляет их Христу, погруженных в бездну смирения, приведенных в состояние о Христе. Это состояние принадлежит естеству обновленному.

Приглашаемый Вами преподать Вам совет душеполезный, совет о Господе, отвлекаю внимание от смердящих язв души моей и, обращаясь к Вам, говорю Вам ради Бога с сердечным плачем следующее.

У Вас пылает естественный огнь, и кровь Ваша жива. По этой причине нет места в сердце Вашем для того Божественного огня, который ввергнуть в нас пришел Господь и которым потушается огнь естественный. «Глаголяй обоя имети,— говорит св<ятый> Иоанн Лествичник,— прельсти себе». В Вас — движения, именно зависящие от крови; они препятствуют явлению движений духовных, держат душу Вашу в темноте и каком-то нерешенном состоянии, Вами ощущаемом, но не понимаемом. Не понимаемом, потому что таковые движения могут сообщать только мнение знания, а не самое знание, ясное, точное, как истинное. От того-то совесть Ваша, когда Вы рассматриваете себя и вникаете в себя, отвечает Вам невнятным, страшным голосом самомнения. Вы нуждаетесь в утешении: да утешит Вас — Истина!

В двух отношениях рассмотрим предмет, о котором теперь беседуем: в любви к ближнему и в действии умной молитвы.

Вы живы для человеков, Вы любите их огнем естественным.— Оттого и человеки для Вас живы, а Христос — мертв. (Не смутитесь словами моими: выше я отличил спасение от совершенства, оставив говорить о первом, как по милости Божией для Вас верном, говорю о пути ко второму, о очищении.) Во 2-й части Добротолюбия, в книге иноков Каллиста и Игнатия, в главе 37-й приводятся следующие слова Великого Варсонофия: «Еже не вменитися в человецех, сотворит тя вселитися во граде, а еже умрети от всякого человека сотворит тя наследовати град и сокровища». Не убойтеся этой смерти; от нее рождается новая

жизнь. Когда оживете новою жизнию, то увидите, что жизнь, умерщвления которой требует от нас Бог,— есть смерть. Это та смерть, которою умер Адам немедленно по вкушении от запрещенного древа, ожив в смешанные познания и ощущения добра и зла. Скажите Богу о всех родственниках ваших живых и почивших, скажите о братиях обители вашей, о всех любимых Вами: «Господи! Это все Твое, а я кто?» Точно, все это — Божие; Божие не будем похищать себе. И мнимо любимым нами вернее быть Божиими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примем правду во спасение. Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новою любовию к нему, любовию в Боге. Тогда умрем естественною, смешенною любовию к ближнему, когда «не сменим себя», по совету Великого Варсонофия, в «человецех», когда оплюем себя, как некую мерзость. Послужим ближнему в служении нашем, не как отцы чадам, но как рабы Господам, как непотребные слуги Святым Ангелам. Этого и Павел хотел: и он так мыслил! *Не себе проповедуем*, — говорил он Коринфянам, — *но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради*[2]. Божие отдадим Богу. Не будем мнением присваивать себе Божие: от нашего мнения Божие не сделается нашим, а только мы будем обманываться пустым, достойным смеха и вместе плача самообольщением. Когда же смиримся, то Бог Свое может нам дать; тогда оно точно сделается нашим по благодати. Таким образом Святые, соделавшись сосудами Святаго Духа, соделались и отцами в Духе, имели чад в Духе. Заповедь Христова: *Не нарицайте себе отца на земли, ни учителя на земли*, — оставалась ненарушимою. Когда Анания и Сапфира солгали пред Апостолом Петром, то пали мертвыми; а Апостол объяснил их вину, что они солгали Богу, хотя пред собою видели не Бога, а только человека — Апостола. Но этот человек был сосуд Святаго Духа; сделанное по отношению к нему отнеслось к Богу. Многие из Святых называли чадами тех, которым они сообщали жизнь Духа. И то было истинно; потому что словам сопутствовало самое дело. Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли сами присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство! Не самообольщение ли это, достойное, по производимому им ложному состоянию, горького плача? — Те из Святых Отцов, в которых обилие благодати не преливалось так, как в Апостолах и других величайших Угодниках Божиих, не дерзали называть себя учителями и отцами. Из них преподобный Нил Сорский в предисловии к своему Скитскому Уставу гово-

рит: «Не называю вас учениками моими: один у нас Учитель — Христос» и проч. И это по завещанию Апостола, который говорит: *Аще кто глаголет, яко словеса Божия, аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог, да о всем славится Бог Иисус Христом*[3]. Повсюду умерщвленное «я»! — Повсюду Христос живый и Подающий жизнь. Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостию. Принадлежа к свойствам ветхого Адама, она требует умерщвления и воссоздания Духом. В ней живет идол «я», поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения и завешивающийся завесою будто бы добродетели.

Апостол Павел не любил этой любви в учениках своих к себе; за нее называл он их плотскими. Вооружаясь против нее, он писал против себя, желал во мнении учеников низложить, уронить, уничтожить себя. *Еда Павел распятся за вас?* — говорил он им. *Кто убо есть Павел? Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти. Тем же не насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Бог*[4]. Видите ли, как ревностно ищет великий Апостол, чтоб верующие во Христа были мертвы для человеков! Оживление для человеков есть умерщвление по отношению ко Христу, а следовательно, и ко всему Божественному и Духовному: потому что Христос есть Единый ходатай между Богом и человеками.

Возревновали некогда ученики Иоанна Предтечи, узнав, что все идут во след Иисуса,— и отвечал им великий Предтеча: *Имеяй невесту жених есть, а друг женихов: стоя и послушая его, радостию радуется за глас женихов: сия убо радость моя исполнися. Ономy подобает расти, мне же малитися*[5].— Великие слова! Святые слова! Точно— тогда исполняют обязанность свою наставники, когда ищут, чтоб в душах приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют.

Теперь — с Божией помощию несколько слов о молитве! При упражнении ею равным могут быть действия прямо зависящие от крови, а неопытный делатель может принять их за благодатные, как сказано в 4-й части Добротолюбия, в статье Святейшего Каллиста Патриарха Константинопольского под заглавием: «Образ внимания молитвы». Можно найти в действиях, проис-

ходящих от крови, некоторую сладость и возмнить, что это молитвенное услаждение. Таковая мысль — заблужденная; это — самообольщение, именуемое Отцами — «мнением». О «мнении» говорит св<ятый> Иоанн Карпафийский в конце 49-й главы, что оно есть упитательство души (упоение души, довольной собою, своими мнимо сладостными состояниями) и дмение «суетное ума», происходящее от такового довольства, или упитательства. В этом состоянии самообольщения, называемого «мнением», находились те, к которым писал святый Апостол Павел: *Се сыти есте, се обогатистеся, се насладистеся*[6]. Если б они точно обогатились, к чему б — обличение? Если же Апостол их обличает, то значит, что они имели только мнение богатства. «Мнение не попускает быть мнимому»,— говорит Симеон Новый Богослов. Итак, может быть мнение молитвы, препятствующее познать и вкусить истинное молитвенное действие. О таковых самомнительных сказала Пресвятая Владычица наша, Богородица, Приснодева Мария: *Алчущия исполни благ, богатящияся же отпусти тщи*[7]. *Суть богатяще себе*,— говорит Писание,— *ничего же имуще: и суть смиряющеся во мнозе богатстве*[8].— Как можно богатиться скудным? — Явно — мнением. Но участь их достойна сожаления: в то время как алчущие исполняются благ, они отходят с пустыми руками. А в будущем веке и *еже мнится имети взято будет от него* (мнителя). Богатство мнимое может ли быть существенным? При обличении, отвержении на суде Божием самого мнения, с чем останутся имевшие лишь одно мнение? — С пустыми руками.

Что сказать об ощущаемых вами действиях при молитве? — Они решительно кровяные; нельзя Вам не признать, что действует и мнение. Совесть Ваша, подозревающая справедливость и правильность этих действий, сомневающаяся в них, уже может служить достаточным обличением. Вдобавок Вы темны; Божественное действие просветило бы и удовлетворило Вас, удовлетворило бы не ощущением сладости, а познанием Истины, отчего является в совести чудное спокойствие, извещение. Действует теплота по наружности Вашего тела; но Вам совершенно неизвестно (это может быть постигнуто только опытом), каким образом душа движется в соединение с умом; влечет за собою тело; каким образом в хладе тонком и мире глубоком человек, соединенный сам с собою, превысший всякой борьбы, чуждый всякого греха, одеянный в покаяние, предстоит перед лицем Господа чистою молитвою, объемлющею все его существо — и самое его

зрение. Тогда умолкает кровь, бежит прочь мнимая сладость, человек зрит, что он существо падшее, наставляется покаянию, которое должно объять его, соделать для него возможным очищение, чрез очищение — соединение с Богом. Покаяние должно быть душою молитвы, без него она мертва, смердит вонею мнения гордостного и обольстительного! Покаяние — единственная дверь, посредством которой можно о Господе обрести пажить спасительную. Вознерадевший о покаянии чужд всякого блага.

У Вас кровь жива, а душа мертва. Для оживления души нужен Дух. С живою душою сотворен был Адам, т. е. душе его соприсутствовал Дух Божий и приводил ее в движение, почему движение это было движением духовным, в Боге. При согрешении Адама отступил от него Дух Божий; душа Адамова тут же умерла, а ожили плоть и кровь. Посредством их диавол начал действовать на душу, содержать ее в омрачении, смерти, пленении. Оттого-то нужно умерщвление не только плоти, но и крови; если же не умертвится кровь, то, несмотря на молчание плотских страстей, диаволу довольно посредством крови держать душу в плене действием душевных страстей. Если душа не предочистится и не умилостивит Бога покаянием, то никаким образом невозможно ей ощутить действия духовного. Если же не оживет таким образом (движение есть верный знак жизни), то никак не возможет познать и узреть душевных страстей. А не узрев уз своих, возможет ли освободиться от них? Находясь в этих узах, она находится в области диавола, который держит ее в своем омрачении и мерзости.

Какое движение души? — вы спросите.— На ум плотской и на сердце плотское не взыде, отвечаю, чтоб душа могла быть способна к такому движению, чтоб существовало такое движение души. Спросите у покаяния: пусть оно доставит вам опытное знание этого блаженного движения. Иначе нельзя узнать его, как опытом; слова слабы, чтоб изобразить его: оно не принадлежит к тленному миру. Веруйте, с простотою вдайтесь в покаяние — и «Божие само по себе придет» к Вам, как говорит св<ятый> Исаак Сирский. Бог верен: толкующим отверзает, плачущих утешает, нищим духом дарует Царство Небесное. Не думайте о покаянии легко: это душа всех подвигов, это общее делание, которое должно одушевлять все прочие делания. Одни, пребывавшие в истинном покаянии, достигли истинного преуспеяния. Оно есть то существенное делание, которое предуготовляет нас к явлению в нас Царства Небесного. Сам, Сам Спаситель возвестил

это! *Покайтеся*, — сказал Он, — *приближибося Царствие Небесное*. Милосердый Господь уготовал нам дивное, небесное, вечное Царство, указал дверь, которою мы можем войти в спасительную пажить Духа и Истины, дверь покаяния. Если пренебрежем покаянием,— без всякого сомнения, останемся вне. Добрые дела естественные, по чувствам, никак не могут заменить собою покаяния. Св<ятый> Симеон Новый Богослов, исчисляя благодеяния, полученные им от его Наставника, Симеона Благоговейного, говорит: «он преподал мне покаяние!» И как не считать благодеянием указание средства, которым, одним только, приобретаются вечные, неизреченные сокровища. В покаянии — вся тайна спасения. Как это просто, как ясно! — Но мы как поступаем? — Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств, потом мало помалу, неприметным образом, заражаемся мнением и, как благодать не спешит осенить, увенчать нас, то мы сами сочиняем в себе сладостные ощущения, сами себя награждаем и утешаемся сами собою!

Не смешно ли это? Не глупо ли это? Не гордо ли и дерзостно? Перестанем шутить с Богом (простите выражение неприличное, которое я не остановился употребить потому, что им в точности изображается наше поведение!), будем жительствовать пред Ним в постоянном покаянии. Время приблизилось, страшный суд для нас готовится, на нем будем мы судимы не по мнениям нашим, которыми мы себя льстили, но по Истине. Предупредим страшное бедствие покаянием, отвратим вечный плач — плачем временным. Опомнимся, грешные! Пробил уже единонадесятый час и поприще делания скоро, скоро окончится. Но еще есть время осудить себя, чтоб не быть осужденным Богом. Доселе мы себя оправдывали.

Прекрасный слог Ваших писем всегда напоминает мне письма Великого Варсонофия. Ваши выражения живы, пламенны, сильны. Такова внешняя сторона; но если судить в духовном отношении, то должно сказать другое. Письма Великого Варсонофия оживлены Духом; в них — человеческое мертво, жив один Дух Святый. Ваши письма оживлены кровию и огнем естественным; в них Вы живы, живы человеки — Бога нет!

Вы изволили писать: «братской, дружеской, трепетной заботы о нуждающемся в помощи я не находил» (т. е. Вы в моих письмах) и проч.— Вот прямое изображение кровяного действия в

Вас с оживлением человека! Отчего упоминаемый Вами трепет в письмах, как не от приведенной в особое движение крови?

Еще изволите писать: «Не приятно ли было Вам видеть свое доброе чадо о Дусе Святе, нашего брата» и проч.— Вот оживление человека с мнением прелестным и напыщенным.

Эти статьи привел я Вам как образчики; но и все целое окваше-но одним и тем же квасом, квасом ветхости Адамовой. Поймите, что в нас, человеках падших, действует смешанное познание и ощущение добра и зла, приобретенное грехопадением Адама. Христос уничтожает это смешение Евангелием, заменяя сложные познания и ощущения простыми. Но как падшим и погибшим не свойственно наслаждение, даже естественное, по причине повреждения естества (возбраняется употребление и прекрасного напитка, в который опущено хотя немного яду!); то дано нам Спасителем в общее и непрестанное делание — драгоценное покаяние. В него вложено милосердым Господом кроткое и смиренное утешение, состоящее в облегчении совести, в явлении надежды спасения, что называется Святыми Отцами — «извещением». Какое приличное наслаждение для грешников! Как милосердие Господне велико и премудро!

Для того, кто с верностию и постоянством пребывает на пути покаяния, неизреченно благий Господь умножает утешение, умножая умиление и ощущение ничтожности человеческой. Избранных же Своих и вернейших рабов запечатлевает отселе Духом Святым и вводит по временам во вкушение будущего века. Они точно по временам делаются причастниками несказанного духовного утешения. Кто ж сам сочиняет себе наслаждение; тот — в явном бесовском обольщении!

Думаю, что я окончил возложенное вами на меня послушание. Сделайте и для меня нечто. Умолите Господа, чтоб Он простил меня, дерзнувшего в этом письме на обличение тайных недостатков ближнего, об очищении от коих молится Св<ятый> Давид, называя их, впрочем, грехом великим, как решительно прекращающим духовное преуспеяние. *От тайных моих очисти мя*, — говорит он, — *и от чуждих пощади раба Твоего: тогда непорочен буду и очищуся от греха велика*[9]. Мои грехопадения совершаются на самом деле, запечатлеваются нечувствием! Следовало бы мне молчать: молчание свойственно преступнику, не имеющему никакого оправдания и приговоренному к казни. Единственно по скудости наших времен, я решился написать к Вам, видя точную нужду Вашу и понимая, что по искренности Вашего нрава Вы способны к преуспеянию.

[1] *...всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист* (1 Ин. 3. 3).

[2] *...мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса* (2 Кор. 4. 5).

[3] *Говорит ли кто, [говори] как слова Божии; служит ли кто, [служи] по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа* (1 Пет. 4. 11).

[4] *...разве Павел распялся за вас? Кто Павел? Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а [все] Бог возращающий* (1 Кор. 1.13; 1 Кор. 3. 5, 6, 7).

[5] *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умаляться* (Ин. 3. 29, 30).

[6] Ср.: *Вы уже пресытились, вы уже обогатились* (1 Кор. 4. 8).

[7] *алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем* (Лк. 1. 53).

[8] *Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много* (Притч. 13. 7).

[9] *и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения* (Пс. 18. 14).

№ 6

Итак, весть, которую я услышал о Вас, справедлива! Вы едете в Иерусалим, в те места, где было земное пребывание Спасителя, в те места, о которых Он сказал жене Самарянке: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитеся Отцу... Но грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу Духом и Истиною: ибо Отец таковых ищет покланяющихся Ему*[1]. Еще приходит мне на мысль Иерусалимское обстоятельство, на которое жаловался Господу расслабленный Вифезды: *Господи, человека не имам!..*[2] И мне хотелось бы попасть в Иерусалим! Вижу его в Евангелии. Там и ныне живет Христос, сказавший ученикам Своим: *Се Аз с вами до скончания века*[3]. В этот Иерусалим — одни врата: покаяние! Хотелось бы попасть во врата! Хотелось бы попасть во Святый град! Не хотелось бы остаться вне! Не хотелось бы, чтоб на пути застигла ночь! Ночью вне града скитаются звери хищные! Удобно делается жертвою их запоздавший путник!.. Там была сказана притча о запоздавших юродивых девах. Они остались вне; изнутри только услышали глас: *Не вем вас. Отыдите!..*[4]

Вот мысли, которыя пришли мне невольно при вести о путешествии Вашем в Иерусалим. Эта весть меня опечалила. Святый Иоанн Лествичник сказал о нашем монашеском пути: «Горе единому; а где два, или три собраны о Господе, там и Господь посреди их». Жаль доброго спутника, отходящего в дальнюю страну! Его благое слово, благое дело, сокрытые от нас дальним расстоянием,

уже не будут на нас действовать! Утешаюсь тем, что все мы во власти Божией, что Промысл Божий хранит всех, невидимо держит за руку Своих искренних служителей, наставляет их на путь Своих святых хотений. Что Вам сказать в напутствие? То, что и себе повторяю непрестанно! Будем погружаться в покаяние, будем пребывать в нем, будем им очищать ризы наши. Сделаем свое дело; а Бог непременно сделает Свое: очищенных покаянием Он просвещает благодатию Святаго Духа Своего.

Желаю Вам благополучного путешествия. Прошу не прерывать любви Вашей ко мне, грешному! Прошу Ваших святых молитв о мне грешном!

[1] *...поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе* (Ин. 4. 21, 23).

[2] Ин. 5. 7.

[3] Мф. 28. 20.

[4] Мф. 25. 12.

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к монашествующим разных монастырей и монашествующих к Святителю

№ 1

Признаю себя недостойным той доверенности, которую Вы мне оказываете. Когда человек во время скорби своей обращает взоры на кого-нибудь, с доверенностию простирает к нему руки, просит помощи: это значит — предполагает в нем духовную силу. Духовной силы не имею. Я окован цепями страстей, нахожусь в порабощении у них, вижу в себе одну немощь. Но проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом. Только из этого побуждения пишу к Вам; только в этом отношении сочтите письмо мое достойным внимания Вашего: примите его как отклик души, участвующей в Вас. В одиночестве, в скорби и ничтожное участие — приятно.

При нынешних обстоятельствах человеческие пути к вспомоществованию Вам — заграждены. Таково мнение не только мое, но и тех знающих Вас и помнящих, с которыми я счел полезным посоветоваться. Нельзя уклониться ни направо, ни налево: надобно по необходимости идти путем тесным и прискорбным, который пред Вами внезапно открылся по неисповедимым судьбам Божиим.

Такое положение мне не незнакомо. Не раз я видел полное оскудение помощи человеческой; не раз был предаваем лютости тяжких обстоятельств; не раз я находился во власти врагов моих. И не подумайте, чтоб затруднительное положение продолжалось какое-нибудь краткое время. Нет! Так протекали годы; терялось телесное здоровье, изнемогали под тяжестию скорбного бремени душевные силы, а бремя скорбей не облегчалось. Едва про-

ходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положение мое, как налетала с другой стороны неожиданная, новая туча — и новая скорбь ложилась тяжело на душу, на душу, уже изможденную и утонченную подобно паутине, предшествовавшими скорбями.

Теперь считаю себя преполовившим дни жизни моей. Уже виден противоположный берег! Уже усилившаяся немощь, учащающиеся недуги возвещают близость преселения! Не знаю, какие бури еще предстоят мне, но оглядываюсь назад — и чувствую в сердце невольную радость. Видя многие волны, чрез которые преплыла душа моя, видя опасные места, чрез которые перенеслась ладья моя, радуюсь невольно. Сильные ветры устремлялись на нее; многие подводные камни подстерегали и наветовали спасение ее — и я еще не погиб. По соображению человеческому погибнуть надо бы давно.— Уверяюсь, что вел меня странными и трудными стезями непостижимый промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! Пусть ведет меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание». Вижу многих, называемых счастливыми — и без цены для сердца моего жребий их. Лежат мертвецы в гробах мраморных и деревянных с одинаковою бесчувственностию: одинаково бесчувственны они как к великолепному памятнику, воздвигнутому тщеславием и неведением христианства, так и к смиренному деревянному кресту, который водрузила вера и бедность. Одинаково они жертвы тления. Очень похожи на мертвецов земные счастливцы, мертвые для вечности и для всего духовного. Мертвыми нарекло их Евангелие. Возгласим славу Божию в стране и обществе живых!

Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей: непременно нужно умерщвление сердца для мира скорбями, чтоб оно могло всецело устремиться к исканию Бога. Бог, кого отделяет в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби[1]. Он, едва открылся Павлу, как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. *Аз скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати*[2], — говорил Господь о вновь избранном Апостоле! Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства — только орудия во всемогущей деснице Божией. Власы глав наших изочтены у Бога; ни одна из птиц бессловесных не падает без воли Творца своего: неужели без этой воли могло приблизиться к Вам иску-

шение? — Нет! Оно приблизилось к Вам по попущению Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдит над Вами; всесильная десница Его охраняет Вас, управляет судьбою Вашею. По попущению или мановению Бога приступили к Вам скорби, как мучители к мученику.— Ваше злато ввергнуто в горнило искушений: оно выйдет оттуда чище и ценнее. Люди злодействуют в слепоте своей, а Вы соделываетесь на земле и на небе причастником Сына Божия. Сын Божий говорит Своим: *Чашу, юже Аз пию, испиета*[3]. Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежию! Скажите, Честнейший Отец, Вашим унывающим помыслам, скажите Вашему пронзенному скорбию сердцу: «Чашу, юже дает ми Отец, не имам ли пити от нея?» Не подает эту чашу Каиафа, не приготовляют ее Иуда и Фарисеи: все совершает Отец! Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не престают притом быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставим людей в стороне: точно — они посторонние! Обратим взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговейною покорностию: «Да будет воля Твоя!» Этого мало! Облобызаем Крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова в Царство Небесное. Был повешен на кресте разбойник, упоминаемый в Евангелии; был повешен, как разбойник, а с креста переселился на небо, как исповедник. Люди побивали Стефана камнями, как Богохульника, а по суду Божию ему отверзалось небо, как живому храму Святаго Духа. Был принужден Святитель Тихон Воронежский, обвиненный в горячности нрава, перейти с престола Епископского в стены тихой обители — и обитель, пребывание в которой Святого Пастыря имело наружность изгнания, внушила ему посвятить себя молитвенным и другим подвигам иноческим. Святые подвиги доставили ему нетленное и негиблющее сокровище праведности во Христе, славу от Христа на небе и на земли. Всегда поражала меня участь Святителя Тихона; пример его всегда испускал утешительные и наставительные лучи в мое сердце, когда сердце мое окружал мрак, производимый скопляющимися тучами скорбей. Я убежден, что одни иноческие занятия могут с прочностию утешать человека, находящегося в горниле искушений. Рекомендую Вам сочинения Св<ятаго> Марка Подвижника, находящиеся в 1-й части Добротолюбия: они доставляют духовное утешение в скорбях; а для молитвенного занятия — Иси-

хия, Филофея и Феолипта, помещенные во 2-й части той же книги. Простите, что позволяю себе советовать Вам! Примите это как признак участия, как признак искренности, извлекаемых из души моей состраданием к Вам. Иначе я не вверил бы Вам тайн, которые скрываю и которые должно скрывать в глубине души, чтоб драгоценные бисеры духовные не были попраны любящими и дорого ценящими одно лишь свое болото. Изложенными в этом письме мыслями и другими, им однородными, почерпаемыми в Священном Писании и в сочинениях святых Отцов, я питался и поддерживался. Без поддержки, столько сильной, мог ли бы устоять против лица скорбей, которые попускал мне всеблагий Промысл, которыми отсекал меня от любви к миру, призывал в любовь к Себе. Скорби мои, по отношению к слабым силам моим, были немалые, не сряду встречающиеся в нынешнее время. То, что не вдруг могли меня сломить, лишь усиливало и продолжало мучения: вместо того, чтоб сломить в несколько дней или несколько часов, ломали меня многие годы. В этих скорбях вижу Божие благодеяние к себе; исповедую дар свыше, за который я должен благодарить Бога более, нежели за всякое видимое мною в других земное, мнимое счастие. И это мнимое счастие, как ни низко (оно плотское!),— могло бы быть еще завидным, если б было прочно и вечно. Но оно превратно, оно мгновенно,— и как терзаются при его изменах, при потере его, избалованные им. Оно непременно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертию: ни с чем не сравнимо бедствие, с которым внезапно встречаются во вратах вечности воспитанники мнимого, земного счастия! Справедливо сказал святый Исаак Сирский: «Мир — блудница: он привлекает красотою своею расположенных любить его. Уловленный любовию мира и опутанный им, не возможет вырваться из рук его, доколе не лишится живота своего. Мир, когда совершенно обнажит человека,— изводит его из дому его (т. е. из тела) в день смерти. Тогда человек познает, что мир льстец и обманщик».

Дайте руку: пойдем за Христом, каждый неся крест свой и им изработывая свое спасение.

1847 года, Сергиева Пустынь

[1] Св. Исаак Сирский, слово.

[2] *И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое* (Деян. 9. 16).

[3] *...чашу, которую Я пью, будете пить* (Мк. 10. 39).

№ 2

Где бы я ни был, в уединении ли или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от креста Христова.

Грех, обладающий всем существом моим, не престает говорить мне: «сниди со креста».

Увы! Схожу с него, думая обрести правду вне креста,— и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши с креста, обретаюсь без Христа.

Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь, и сам стараюсь распяться, как наученный самым опытом, что не распятый — не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия.

Как сам поступаю, так советую поступать и братиям моим!

Что еще прибавить? Прибавлю: «блажен муж, иже претерпит искушение». «Искушен быв, может и искушаемым помогать». Желаю, чтоб эти слова священного Писания сбылись над Вами. А Вы — утешьтесь! Не малодушествуйте оттого, что победились бранью: это к духовному искусу, или опыту, и к смирению. Мир вам! Еще скажу общий путь подвижников — терпением между человеками уврачевать немощь чувств узреть Промысл Божий и войти в умную молитву. Иной, по особенному смотрению Божию, вошел иначе; — мы должны идти по общему пути. Прочитайте об этом 55-е Слово Св<ятаго> Исаака к Преподобному Симеону Чудотворцу. Иные находят, что уединение — ближайшее средство к духовному успеху; а другие говорят, что приводит в духовный успех — любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится последнее; потому что любовь к ближнему — непременный долг каждого; а к безмолвию — способны немногие.

№ 3

Опустив крыле мыслей и чувств, благоговейно стою пред Вами. Научают меня этому благоговению Ангелы, которые благоговейно взирают, по сказанию Писания, на земные страдания рабов Христовых. И в самом деле,— чудное зрелище, вынуждающее благоговеть: плотию и кровию попираются плоть и кровь. Прошу Ваших святых молитв: потому что *близ Господь сокрушенных сердцем и уши Его — в молитву их.*

Увидел некогда преподобный Моисей скитский снисшедшего на юного инока Захарию Духа Святаго и, познавая, что язык Захарии соделался тростию книжника-скорописца Духа, спросил

его: «Скажи мне, как мне вести себя?» — Захария снял камилавку с главы своей, положил под ноги, стоптал, смял ее ногами и говорит: «Так если не сотрется человек — не может быть монахом».

У кого пред очами смерть и вечность — непременный, неизбежный удел каждого человека,— тот посмевается и скорбям и сладостям земным. У кого же враг украдет память о смерти и вечности — пред очами того вырастает жизнь временная в вечность, вырастают скорби в неизмеримых, неодолимых исполинов. Лишь инок вспомнил о смерти,— пали в прах исполины; отдернулась завеса, закрывавшая от него вечность: пред ним события земные — как занятия, забавы, наказания детей!

В вечность! В вечность! — Идем, мчимся путем жизни! Все, и сладкое и горькое остается за нами. Бывшее — как бы никогда не бывало. Одно вечное не подлежит времени, не подлежит переменам, должно быть признано существенным, достойным всего внимания, всех забот: потому что остается навсегда. Диавол старается развлекать наши взоры, чтоб из взоров наших ускользнула вечность. Она ускользнула — и человек бьется, мучится в сетях ловителя. Духовный разум, который — смиренномудрие, рассекает эти сети. «Помни последняя твоя и во век не согрешишь» ни ропотом на блаженное иго Христово, ни изнеможением в вожделенном и преславном иноческом подвиге. *Претерпевый до конца, той спасен будет. Кто ж поколеблется*,— вещает Бог,— *о том не благоволит душа Моя*[1].

И опять прошу Ваших святых молитв.

[1] Евр. 10. 38.

№ 4[1]

Возлюбиши искренняго, яко сам себе (Мф. 22. 39), — заповедует нам Слово Божие.

В исполнении этой заповеди Евангелия предлагаю тебе врачевство, которое всегда приносило пользу душе моей, когда душа моя прибегала к нему. Когда душа моя забывала об этом врачевстве, искала облегчить болезнь свою оправданиями человеческими, думала разрешить задачу страданий человека на земли иначе нежели крестом Христовым; тогда она — лишь трудилась напрасно! Тогда мучения ее — только умножались и усиливались! Врачевство, о котором я говорю: «обвинение себя».

Много прекрасных изречений о обвинении себя произнес Святый Пимен Великий. Прочитай их в книге, которая есть у

тебя: «Достопамятное сказание о подвижниках святых и блаженных Отцов».

Инок, обвиняющий себя, устоит во всех напастях! Какая скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби? — того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: *достойное по делам моим приемлю; помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!*

Какой скорби устрашится тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без попущения или мановения Божия? — Огради душу твою крестным знамением, и с верою пустись в море скорбей иноческих! Благополучный попутный ветер да подувает паруса твои, да несет быстро ладию души твоей в пристанище бесстрастия и святыни. Этот ветер, дующий всегда благотворно, всегда постоянно, в одном направлении Божия Духа и Истины: учение Евангелия, учение св<ятых> Отцов православной Церкви, один из этих Отцов, св<ятый> Иоанн Лествичник, сказал: «кто отверг обличение, правильно или неправильно, тот отвергся своего спасения». Научись носить немощи ближних, угождать им ради Бога, а не себе! научись полагать душу свою за ближних своих! Научись претерпевать выговоры и оплевания! Держись за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку, — и избавишься от потопления в смущении и печали! Некий великий инок, наставник многочисленного собрания монашествующих в горе Нитрийской сказал: «нужнейшее душевное делание инока: непрестанно обвинять себя». — Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снидет мало-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изгладятся из нее черты человека ветхого, черты, которые получаем наследственно при рождении, которые внезапно явились на душе нашего Праотца, согрешившего, — и обе исказили эту душу — дотоле образ совершенный Совершенного Бога. Из этого расстройства — все наши смущения и мучения, временные и вечные! — Как безобразна душа, когда она в смущении! Как она прекрасна, когда спокойна! — еще прекраснее когда завеет в ней благодатный мир от Господа. Это спокойствие, самый этот святой мир исходит в душу, обвиняющую себя, — и вот тому причина: «душу, которая будет обвинять себя», — сказал великий Пимен, — «Господь возлюбит». Обвинять себя может только умерщвляющийся для человеков. Кто и попустит себе малейшее пристрастие к человеку, тот не возможет сохраниться

в самоосуждении, а потому и в мире. Надо отдать всех людей Богу. Этому научает нас и Церковь, она говорит: «Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Кто предает себя и всех Богу, тот может сохранить мертвость ко всем; без этой мертвости не может возлияться в душе духовное оживление. Если пребудешь верным Богу, и сохранишь умерщвление к человекам, то явится, в свое время, нетленное духовное сокровище в душе твоей, узришь воскресение души твоей действием Духа. Об этом плотские люди не могут составить никакого понятия. Когда же, в свое время, человек у видит себя измененным и воссозданным — удивляется, как бы вновь сотворенный, рассматривает страну духа, в которую ввел его неожиданно Бог, недоумевает — за что бы излилась такая милость Божия на ничтожное создание — человека.

Не унывай при случающихся переменах. Никому из людей не свойственно постоянное, без всяких унижений, пребывание в добре: тем более не свойственно это новоначальному! «Отдай долг страстям!» — сказал некоторый Святый Наставник монашествующих. Побеждения врачуй покаянием! Борьба нового человека с ветхим соделает тебя искусным в невидимых бранях, твердым, мужественным. Не желай преждевременно состояния спокойного! Во время войны воин обогащается корыстями. Да даст тебе Господь полную и славную победу над грехом, да даст состояние нерушимого мира в свое, законное время. Всему есть время! Безвременно снятый плод, хотя и с превосходного древа, — кисел, горек, житок. Спокойствие безвременное — потеря, — не приобретение! — лишает драгоценных опытов, духовного преуспеяния и просвещения.

Предай Богу скорбящего брата, Бог устроит о нем все во благо, и изведет от печали душу его. — Сохраняет святую любовь к ближнему тот, кто имеет с ним общение ради Бога; сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такового общения. Наше естество повреждено падением: повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому для исполнения условий святой любви надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия, всесвятыми заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: *аще десная рука твоя соблюдает тя, четцы ю, и верза от себе*[2], т. е. если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе как правая рука, приносит тебе душевный вред, — прерви с ним общение. Так велит нам поступать заповедь Законо-

положителя совершенной любви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..

Христос с тобою!

[1]РНБ РО. Ф. 1927. № 288.

[2] *...если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (Мф. 5. 30).

№ 5

Господь да благословит твое намерение и да скажет *путь в онъже пойдеши.* Изорав землю сердца твоего скорбями, измельчив и раздробив ее искушениями от человеков,— Он да насеет ее семенами святой Правды Своей и да утешит тебя плодом духовным.

№ 6

Трудись с терпеливым постоянством в жребии блаженной Марфы, удостоившейся приготовлять и поставлять пищу для Спасителя, ожидай с верою награды от Господа. Он скажет служившим братии на страшном суде Своем: *Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*[1]. И введет Господь усердно послужившего братии в вечный покой и наслаждение рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небе, и не упускай случаев увеличить мзду твою. Имей мысль, что служишь не человекам, а Ангелам, — и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию,— и очистится от нечистоты служение твое, будет жертвою, благоприятною Богу. По расположению и доверенности твоей ко мне грешному, сказываю тебе: настоящее послушание твое особенно способствует спасению твоему по твоим естественным свойствам. Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение душе своей. Остерегайся уязвлять ближнего! Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближних — наша жизнь и смерть: если упокоим брата — Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против самого Христа». Итак, убойся оскорблять братию! И услугу, и оскорбление, сделанные ближнему, принимает Христос, как бы они сделаны были Ему — Господу. Когда должно отказать в чем брату — откажи с тихостию и вместе твердостию, объяснив невозможность исполнить его желание. Если же когда увлечешься и согрешишь в чем по свой-

ственной всем человекам немощи,— не предавайся унынию. Напротив того, немедленно прибегай с раскаянием к Господу, моли Его, чтоб простил тебя, — и простится тебе. Христос с тобою. Молись о мне, много любящем тебя о Господе.

[1] *...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25. 40).

№ 7

Путь жизни нашей подобен плаванию чрез обширное море. На этом море иногда бывает тихо, иногда дует попутный ветер; но всего чаще — на нем буря. Видя наступление бури, видя самую бурю, не должно смущаться, приходить в уныние и отчаяние; должно противоборствовать волнам, ветру противному. Иначе корабль душевный может подвергнуться сокрушению, даже — потоплению. Если во время бури случится чему сломаться или повредиться в корабле душевном,— опять не должно унывать, не должно смущаться. Надо высмотреть благонадежную пристань, войти в нее, починить и поправить поврежденное, потом продолжать далее плавание в надежде на Всемогущего Бога. Всемогущий Бог не оставит того, кто надеется на Него! Самые бури послужат в пользу верному рабу Христову: они соделают его искусным плавателем. Пристани, в которых чинится корабль душевный: молитва в сокрушении духа, чтение Священного Писания и Отеческих книг, совет ближнего, если этот ближний способен дать совет о Господе. Успокойся: *блажен человек,* — говорит Писание, — *иже претерпит искушение.* Напротив того: *всяк неискушен, неискусен.* Прошедшая буря пусть послужит для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению будущих бурь. Заблаговременно рассмотри, какое должно быть при них твое поведение,— заблаговременно приготовь, изучи его. А бури последуют непременно! Премудрый Господь установил так, чтоб *многими скорбями входить нам в Царствие Небесное,* которое мы потеряли, теряем чрез безвременное и незаконное стремление к наслаждению. Все мы, подобно нашему Праотцу, склонны простирать дерзновенную руку к запрещенному плоду познания добра и зла, склонны к утешению вещественному, скоро обольщаемся обманчивым призраком духовного рассуждения и добродетели, под личиною которых прячется убивающее нас зло. Скорбь действует противоположно наслаждению,— а потому противодействует нашему падению, способствует нашему

восстанию. По этим свойствам своим скорбь необходима нам ко спасению. По причине необходимости ее, Спаситель повел стезею скорбей Свое святое стадо в страну блаженства вечного. Тому, кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: *Иже не возьмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин.*

Христос с тобою. Надеюсь увидеть тебя и сказать тебе то, что Бог даст в утверждение души твоей, изшедшей из мира для взыскания Господа. Думаю, что встречу зиму в Бабаевском монастыре; хотелось бы встретить там и весну. Впрочем, как Бог устроит. Молись о мне.

№ 8

Благодарю тебя за письмо твое и за поздравление со днем моего Ангела. Уже и тем я много утешился, что увидел твою руку. Не говорю: по любви моей к тебе (я еще не достиг любви),— по привычке моей к тебе, уже одно зрение руки, почерка твоего очень утешило меня. Я не скорбел на тебя за твое молчание: я извинял его твоею болезненностию, занятиями хлопотливой должности, помышлениями, которые больным и занятым говорят: «До следующей почты!» Эта следующая почта настала; имею твое письмо. И ты извиняй меня тем же, чем я извиняю тебя. Все это время почти никому не писал или писал не так и не столько, сколько следовало бы; а писал, поверь, до изнеможения, до боли. Кто понимает, как болезнь вертит и вяжет человека,— извинит моему молчанию.

И ты все болен! Что сделаешь? Больной не может быть вполне причислен к живым, потому что он живет полу-жизнию, какою-то тению жизни. Самые душевные способности его цепенеют, не действуют так, как им должно б было действовать. Ныне не страдают христиане от оков и мечей; потерпим мучение от болезней и других скорбей. Всякому времени даны своего рода страдания; нашему времени даны страдания мелочные. Претерпим их. Весы и мзда у Бога.

Отчего бы быть у тебя ожесточению? *Милость и Истина сретостеся, Правда и Мир облобызастася*[1], — говорит Писание. Значит, где нет «милости», где «ожесточение», там нет «Истины»; где нет «мира», там нет «правды». А состояние души, чуждое Божественных Истины и Правды, нельзя признать «состоянием от Бога». От такого состояния надо избавить душу свою, а ввести в нее состояние, даруемое Божественною Истиною и

Правдою, состояние «Мира и Милостыни». Успеешь в этом, если скажешь сам себе: «Не без Промысла же Божия случается со мною то, что случается. Буди имя Божие благословенно от ныне и до века».— Да не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоят они — идут, быстро мчатся, сменяются одни другими. И сами мы мчимся к пределу вечности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представятся не движущимися,— удобно впадает в уныние. Кто же видит, что все летит, и сам он летит, тому легко, весело на сердце.

Христос с тобою. Молись о мне.

[1] Пс. 84. 11.

№ 9[1]

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варлаам!

Нет! Не гнушаюсь я арестантами, как Вы пишете в письме Вашем, зная, что и я во узах греха нахожусь. А, таковой арест, т.е. греховный, есть самый поносный, — только о таковом аресте монаху тосковать и заботиться можно и должно, яко срам его и муки его вечны, аще человек покаянием уз греховных не расторгнет заблаговременно.

Притом — Вы в Оптиной не под арестом, а в числе братства. Господь, питавший Вас на Валааме туне, и здесь питает, а возлюбленнейший брат о<тец> Иоанникий сообщил мне, что как чаю, так и прочих потребностей Вы не лишены, и о<тец> Игумен Моисей по свойственной ему мудрости Вами отнюдь не отягощается. Единое остается Вам — оставя все земные попечения, приготовлять душу ко исходу от телесной храмины в жилище небесное. Паки изволите писать в письме Вашем: хочется узнать — на время, или навсегда Вы посланы в Оптину Пустыню? Отвечаю: в Указе Синодском ничего не сказано о времени. то за достоверное известно, что где ни будем на земле, на Валааме ли, в Оптиной ли, повсюду гости, повсюду странники, повсюду пришельцы, повсюду на время. Оное же **всегда** ожидает нас в вечности: там всегдашняя радость или всегдашняя мука.

Советующие Вам опытнейшие старцы, весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тяжбы судебные, в кои когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нем радуется, яко о презрителе Заповеди Христа Спасителя, который чрез Апостола Своего вопияет: *уже отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате*

между собою, почто не паче обидимех есте, почто не паче лишени бываете[2].

И тот совет самый мудрый, что Вы против воли в Оптину высшим начальством посланы, а потому благо и полезно Вам волю свою преломить, и воле Божией отдавшись, с благодарением переносить малое искушение Ваше, если только оно искушения имя заслуживает. Неужели Вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо с Вами сделать? Сохрани Боже от такой хульной и нечестивой мысли! Сего ради Св<ятый> Петр Дамаскин противящихся находящим против воли искушениям называет Богоборцами, от чего да сохранит нас Господь. Если спросит кто от здравомыслящих: От кого пришла начальству мысль переместить Вас в Оптину? Ответствует: от Бога. Самые в России опытнейшие старцы вам теперь сожительствуют и могут Вам подать назидательный совет и обильное утешение. Следовательно, кто как не сам Господь, мог Вас поместить к источнику спасения? Но увы! Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное на покаяние нам данное всуе изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас! — ожидает нас нелицеприятный суд, на коем правды наши — судимы будут. Святые присно зрят делание свое недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придет, радуются яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния, и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовной дверию смерти. Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили — нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим; ропотливые и хлопотливые гласы наши изменим в гласы благодарения и хваления, яко недоведомыми судьбами Господь спасение наше содевает, и малыми скорбями, ниже имя скорби заслуживающими, смиряет нашу выю, и за единое преломление слепотствующей воли нашей и покорность Его всепремудрому Промыслу венчать нас хощет.

Помня, возлюбленный о Господе отец Варлаам, любовь Вашу и простоту, как Вы у нас пребывали в Сергиевой пустыни, сии скудные строки Вам написал в утешение, а себе в обличение; глаголю бо и не творю. Примите от меня небольшой подарок на память, который пересылаю Вам чрез о<тца> Иоанникия.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь навсегда с любовию преданный

многогрешный Архимандрит Игнатий

1840

11 февраля

[1] РГБ ОР. Ф. 214. № 446. Л. 39–40.

[2] *...то... уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?*(1 Кор. 6. 7.)

№ 10
К афонскому монаху Серафиму[1]

Ваше Высокопреподобие,

Возлюбленнейший о Господе Отец Серафим!

Сердечно благодарю Вас, что Вы на святой горе Афонской вспомнили о иноках, живущих близь шумной столицы, в монастыре, который тщетно называется Пустынею. О постигших Вас скорбях я слышал отчасти от Отца Архимандрита Иоанна, Инспектора здешней духовной Академии. И кто из преплывающих житейское море не бывает орошен волнами его? Особенно если пловец — безответный инок.

Когда Вы были в Санкт-Петербурге, я сердечно желал видеть Вас наедине: потому что наедине надеялся побеседовать с Вами о глубинах монашеского жительства, вероятно, имеющего еще достойных делателей на горе Афонской, несмотря на общее ослабление, которому подверглось монашество все и повсюду. Но я не сподобился сего: Вас сопровождало общество такого настроения, при которых должно, по наставлению некоторого великого Отца, скрывать таинственное монашеское сокровище. Вы молчали, потупя взор как Израильтянин на реках Вавилонских, а тот, кто сказал, хотя и сказал немногое, увидел последствии, что сказал излишнее и неуместное. По сей причине, хотя я и имел счастье видеть Вас лицом к лицу, но знаю Вас единственно по прекрасной книге Вашей, и столько, сколько Вы захотели показать себя всей вообще читающей публике. Такое неудовлетворительное сближение с Вами меня огорчило; но я утешил себя мыслию, что Божий Промысл часто не допускает исполниться и таким желаниям нашим, которые по наружности кажутся бла-

[1] РНБ РО. Ф. 1927. № 288.

гими. В заключение этого длинного предисловия должен я сказать само собою вытекающую истину, известную всем, сколько-нибудь внимательным инокам: причина откровенности о предметах духовных — доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *Господи! К кому идем,* — говорит Святый Петр Спасителю, — *глаголы живота вечнаго имаши, и мы веровахом и познахом, яко ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Ин. 6. 68–69). Напротив того: «Кому не извещавается сердце, тому не открывай его», говорит великий наставник иноков Преподобный Пимен, Египетский Пустынник. Судите ж сами: зная Вас так мало, какую могу я иметь степень доверенности к Вам? Итак, первый мой недуг, который я должен обнажить пред Вами, есть мое маловерие — маловерие не к самой умной молитве, нет! Это таинственное небо, на которое выходят одни чистые сердцем для Богозрения, видится очами ума моего, хотя и пребывает для них невидимым: оно скрывается от них чудною, прозрачною, непостижимою синевою своею, в которой они мнят видеть его. Я страдаю маловерием к Вам. Исцелите меня от этого недуга. Такое исцеление дело возможное. Многие маловерные обратились в ревностно верующих: всемогущая истина совершила их обращение. И не обидьтесь моим признанием в маловерии к Вам! Лествичник говорит в 4-й степени: «Имуще о Господе выю свою подклонити разумом, убо и словом смиренномудрия, и известие спасение наше, иному о Господе вверяти, преде всхода убо, аще кое лукавство и разум у нас есть, кормчаго онаго истязуем и испытаем, и за тако реку, искусим: да не на кораблennика яко на кормчия, и на недугующего яко на врача, и на встравственнаго яко на бесстрастна, и на пучину яко на пристанище нападше, готово обрящем себе истопление». Если это дозволяется и советуется Святыми Отцами вновь вступающему в монастырь: то тем более оно позволительно и даже необходимо для укосневшего значительное время в монашестве, к сожалению, крайне малоплодном. Опасен недостаточный наставник при обучении новоначального благим нравам и первым правилам монашеского жительства: тем опаснее оно для дерзающего слышать учение о великом таинстве умной молитвы, ведущей Христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне ощутительному соединению с Богом. Имеете ли Вы, возлюбленнейший Отец, в виду опытного Старца в обителях Святой горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово духовный употреблено мною здесь не

слегка, как оно употребляется в новейших писателях, но в том смысле, как оно употреблялось святым Апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых Преподобный Григорий Синаит говорит: «Не всех бо есть наставити и инех, но им же дадеся Божественно рассуждение, по Апостолу, рассуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечем слова. Кийждо бо свой разум и рассуждение естественно, или деятельно, или художественно имать, а не в се духовное» (Смотри статьи о прелести, идеже и о иных многих предметах). Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительства, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы. (Смотри Св<ятаго> Исаака Сирскаго (Слова 26, 27, 28-е)). Итак имеете ли в виду духовного Старца? Вот тот вопрос, который по милостивому дозволению Вашему представляет Вам мои вопросы, считаю начальным и первым из всех вопросов. И Святые Отцы признают таковым этот вопрос. «Прежде всех, — говорят они, — избери себе с совершенным, — по священному тайноучению, отречением и повиновением непритворным и совершенным, сиречь потщися обрести наставника и учителя непрелестна». (Каллист и Игнатий, гл. 14). То же говорят почти все аскетические православные наставники; но большая часть из них жалуется на скудость истинных наставников. В 15-м веке, когда жил наш Преподобный Нил Сорский, посетивший Афонскую гору и заставший там рассадник умных делателей, насажденный Препод<обным> Григорием Синаитом, тогда уже, тогда уже, истинный наставник умной молитвы признавался важною редкостию, что ж сказать о нашем времени? Сердца всех привлечены, как и Вы находите и чему пример Вы видели в нашей Пустыни, к внешней красоте; внутренняя духовная красота, а потому филокалия, содержащая учение о приобретении сей красоты, остаются в стороне. Впрочем, некоторые монашествующие у нас в России занимаются умною молитвою, и не без успеха. Таковых случалось мне видеть и беседовать с ними. Случалось видеть — увы! — прельщающихся и прельщенных, совлекаемых с прямого и истинного пути страстями душевными и телесными. Хотя я и должен сознавать себя прельщенным, убеждаясь в таковом бедственном состоянии многими во мне действующими страстями, которым очевидно для совести моей, работаю явно делами и словами, неявно помышлениями и

чувствованиями; однако признаю справедливым опасение впасть, а что еще хуже, самопроизвольно вдаться в большую прелесть. Свойственно тому, кто поражен многими болезнями, опасаться впадания в тягчайший недуг! Свойственно тому, кто по шею погряз в болото, стремиться [выбраться], чтоб не уйти в него и с головою!

Затем — предложив Вам первый мой вопрос и понуждаемый самым окончанием листа к окончанию письма, прошу Ваших святых молитв на подкрепление многочисленных немощей моих, и — буду ожидать Ваших назидательных строк, которых не лишите Вашего покорнейшего послушника.

1851-го года, июня 10 дня
Сергиева пустынь

Изречения епископа Игнатия, извлеченные из писем его к монахам[1]

1. Радуюсь, что ты нашел тихое пристанище, и в этом пристанище человека — во Христе единомудрствующего, могущего вспомоществовать тебе в деле спасения. В нынешнее время это — великий дар Божий, подаемый весьма редким.

2. Обрати все внимание на Евангельские заповеди, ими неси себя в жертву живую, благоугодную Богу. В наружных действиях, не имеющих никакого влияния на душу, как например, в перемене платья и тому подобных, будь решительно свободен.

3. Умертвись для всех, чтоб ожить для Христа: без такого умерщвления невозможно стяжать внутри себя жизни в Боге, которая есть Христос.

4. Не торопись в жительстве и не разгорячайся временными порывами, а живи умеренно и постоянно, делая плачем, «который, — как сказал Великий Пимен, — делает и хранит» — можно прибавить: и врачует случающиеся на пути жизни преткновения.

5. Терпи скорби уединения! Из искушений уединения — сон: побеждается сонливость терпением.

6. Не заглядывайся на твои искушения: они мимоходящи, не пребудут навсегда. А кто заглядится, у того голова пойдет кругом, и он очень легко может пасть — разумеется, в уныние или изнеможение.

---

[1] Печатается по рукописи, найденной иеромонахом Игнатием Садковским в бумагах Епископа Игнатия Брянчанинова, доставшихся Сергиевой пустыни.

7. Старец Серафим Саровский, великий подвижник, сказал: «должно терпеть свои недостатки точно так же, как терпим недостатки других и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Вместе с этим, не должно предаваться нерадению: должно заботиться усердно о исправлении и усовершенствовании себя».

8. Бог — спаситель человеков: он да спасет гибнущих... и паче всех гибнущего меня.

9. Мир душевный и внешнее спокойствие нарушаются лишь от волнения собственных страстей.

10. Надо смотреть на брани хладнокровнее, как бы они происходили в ком другом, а не в тебе. Такой взгляд на свои брани делается тогда, когда человек возвергнет попечение о себе — на Бога. Похваляется хладнокровие в полководцах: оно дает им возможность распоряжаться надлежащим образом во время сражения: потому же самому оно необходимо для ума, упражняющегося в невидимой брани.

11. Состояние брани необходимо: оно доставляет уму драгоценную опытность и приводит к истинному глубокому покаянию.

12. Без собственного вопрошения человека я никак не дерзну преподать ему никакого совета: это воспрещено святыми Отцами.

13. Невозможно давшему некоторый ход страстям своим, не потерпеть скорби при укрощении их: они получили право на своевольство, допущенным послаблением, не вдруг укрощаются, не вдруг расстаются с полученною свободою; напротив того, стараются удержать человека в своем порабощении и потому всячески его смущают. Надо с терпением выждать время смущения, доколе оно пройдет, выждать в уповании на милосердие и на помощь Божии; так земледельцы выжидают непогоды, препятствующие трудам их в надежде, что ненастье заменится ведром.

14. Тебе рано ожидать обильного мира: твоя кровь еще очень жива и оттого сильно действует воображение, которым выводится душа из спокойного устроения. Надо претерпеть это время: оно прейдет.

15. Если чувствуешь пользу от слов моих, воздай славу Богу, влагающему в уста грешника слова спасения, по вере слушающих, и перестань ублажать меня, потому что похвалы меня портят и отнимают надежду на милость Божию. Он сказал, что не имеют надежды на будущее воздаяние принимающие здесь мзду свою — похвалу человеческую.

16. Говори о нуждах твоих просто, не напыщенно.

17. На борьбу ближнего твоего смотри с холодностию, как на дело, постороннее для тебя. Сохраняй благоговение к самой борьбе его и предоставляй все Богу. Такие борения нужны для искуса и укрепления.

18. Живущим в уединении приходит само собою живое воспоминание о смерти: оно посылается милосердым Богом в помощь душам, очищающим себя покаянием. Впрочем, таковые ощущения и помышления преходчивы, хотя и истинны: на них новоначальным не надо обращать внимания, а должно неуклонно идти путем покаяния, при котором — чудное видение: видение грехов и страстей своих.

19. Христос с тобою. Будь мирен. Господь хранит тебя: некого и нечего тебе опасаться, а что за послушание твое и верность ты приял укоризну от людей плотских, то это для тебя приобретение и свидетельство истинного пути, наветуемого и хулимого врагом.

20. Что касается до совести ближнего нашего, то ей судия Бог и она сама, а отнюдь не я, долженствующий смотреть на грехи мои.

21. Бог да благословит тебя и да дарует силы, бренным и немощным телом, при содействии, паче же при действии веры, преодолевать внутренние и внешние возмущения. По одной кафисме читай, лежа и сидя, или же и стоя, но не понуждаясь стоять непременно, по причине твоей немощи. Читай просто, не спеша, не ищи таинственного смысла и не увлекайся им, если оный представится.

22. Покаяние есть делание общее, превысшее деланий частных; а если погонишься за частными деланиями, то легко может ускользнуть от у ма и из сердца покаяние.

23. По причине безмолвия и уединения тебя опахивает утешением, а не по причине чистоты.

24. Искушения, изменения и охлаждения, по учению святых Отцов, бывали со всеми подвижниками: удивляться им не надо, а надо стараться выходить из них покаянием и молитвою: молитва — огнь, и не может не согреться молящийся, а охлаждение — свидетельство об отсутствии или умалении огня, который удобно снова воспаляется от действия покаяния.

25. «Четьи-Минеи», при всем неоспоримом достоинстве труда этого, не пунктуально точны с подлинниками в самых жизнеописаниях, но очень сокращены, добавлены рассуждениями, которые часто не могут высказать того, что холодное и голое историческое повествование.

26. Благодать Божия да наставит вас совершать путь спасения, тесный и прискорбный, но имеющий свои отрады: зрение святой Истины и извещение спасения Ею.

27. Бог да поможет тебе претерпеть с благою надеждою те болезни, которыми сопровождается переход из ветхости в новость Христову. Ныне еще трудишься во внешнем человеке, и потому, понимая свое состояние, будь благоразумен. При некотором обветшании ветхости, любовь к сродникам остывает, и они становятся в разряд всех вообще человеков, в каковом всю силу имеет родство духовное. — Впрочем, что им прежде делал по чувству сердечному, то делай теперь ради Бога: — успокаивай своего родителя, и имей это выше всех других подвигов.

Примечание: Упоминаемый родитель, не принимая монашества, жил неразлучно с сыном иноком в монастыре.

28. Ничто другое, как подробное изучение Вселенских Соборов, не показывает столь ясно тягости смертного греха ереси: изучение их очень утверждает в православии.

29. Стяжавай душу твою, не устрашаясь многих, восстающих на нее скорбей. отдайся в волю Божию. Если этой святой воле благоугодно будет послать тебе кончину, прими ее: Господь знает, что творит. Он приемлет произволение, как бы самое исполнение. Если же Ему угодно продлить жизнь твою посреди скорбей, то прими и это продолжение жизни — это повседневное умерщвление.

30. Много Бог послал тебе благодеяний духовных, в нынешний век столько скудный в дарах духовных, по неспособности к ним мира, предавшегося суете: приноси за это Богу благодарение, как приносил его святый Давид, и покажутся тебе цепи страстей и остны скорбей более легкими. Благодать Божия да руководит тебя на невидимом пути к Богу, на котором бывают свои ниспадения, на котором надо понесть много тяготы и горя, в особенности от собственных страстей и ветхости, на котором бывают времена утешения и ослабы; полное же воздаяние ожидает подвижника Христова по разлучении его тела.

31. Бог тебя да благословит и дарует силу к перенесению искушений, в которых переплавливается человек. В которых сожигается наша ветхость или, иначе, наша плоть и кровь. Укрепляйся надеждою. — От зрения своих немощей не унывай, потому что единое прикосновение Божественной благодати может исцелить в единое мгновение все наши немощи. Твое состояние переходное: вытерпи его.

32. Мир тебе! Нисколько не смущайся! Враг тебя смущает безнадежием, видя к тебе милость Божию. Твое состояние — переходное. — Надобно, чтоб с болезнию отъялся разум мира: тогда сделается ум способный к разуму духовному.

33. Склонность к пристрастиям очищается завещанием по Богу, то есть, когда человек, чувствующий в себе невольно действующее пристрастие, указывает на него в молитвах своих Богу, обнажает его пред Богом, как бы рану пред врачом, и просит исцеления.

34. От ближнего, от которого чувствуешь пользу, не надо удаляться по причине ощущаемой примеси тщеславного и кровяного пристрастия; но надо очищать эту примесь сознанием ее пред Богом и молитвою. И самому надо отвлекать сердце от пристрастия по падшему чувству, и возводить его в чувство во Христе.

35. Совершенной чистоты нельзя от себя требовать, хотя и должно к ней стремиться молитвою и плачем и понуждением сердца к исполнению заповедей Христовых; совершенная же чистота — дар Божий, ниспосылаемый видящему нечистоту свою и оплакивающему ее. Христос с тобою! — *Терпя потерпех Господа и внят ми.*

36. Во всем положись на волю и милость Божию. — Ныне мир жестоко взволнован лжеименным разумом. Все обычаи мира, прежде основывавшиеся на законе Христовом, ныне основываются на нарушении этого закона. Прежде, при праотцах наших, целомудрие было общею принадлежностию и девиц и юношей. Новейшая образованность лишила юношей, почти совсем лишила целомудрия, а девицам еще оставляет целомудрие тела, довольствуясь развратом их ума и сердца. При таком страшном нравственном колебании мира блаженны те, которым удалось не потонуть, и хотя на дощечке, и не без ран и ушибов, выплыть к берегу.

37. Бог да простит тебе грех твой, и да убелит червленное как волну. Громом и молниею Он показал, что не хочет смерти грешника, но долготерпеливо ожидает его покаяния и принимает это покаяние. — Гораздо душеспасительнее выдержать монашеские брани на одном месте. Ты сам замечаешь, что переходное состояние еще не кончилось, и что звери еще бродят и ищут пищу себе. Выдержи себя на одном месте, и как мой совет ни кажется жестоким, но на самом деле увидишь его пользу. Я так и подозревал действия К., что он, увлекаемый и руководимый кровяными движениями доброты, намеревается сделать добро одному нищему, ввергнув в бедствие других нищих. — Решительно откажи ему.

38. Да погибнет такая милостыня, — сказал святой Исаак Сирский, — которая безмолвствующих лишает удобств и возможности безмолвствовать.

39. Нам с тобою — не спасать, а только спасаться. А и это — великое дело. — Видение твое, хотя и показалось тебе внутри тебя, но было прелестное, от крови и воображения.

40. Многими скорбями подобает нам внити в царствие Божие, а какими именно кому — то распределяет Бог. Что тебе делать с твоим Родителем? Одно только: потерпеть его. Надо помнить, что *претерпевый до конца, той спасется*, и претерпеть все встречающееся, причиною ли мы того, или причина не от нас. Христос с тобою. Побеждай терпением и упованием на Бога все скорби и брани. Аминь.

41. Святые Отцы в своих Боговдохновенных писаниях изображают наказание Господне или предваряющим болезно врачеством, или последующим за болезнию, для исцеления ее; но они никогда не признавали этого наказания отмщением или воздаянием. Разве только в упорных врагах Божиих, уже не по немощи погрешающих против заповеданного непрестанного покаяния, но отвергших оное по произволению и лжеименному разуму. Святый Марк Подвижник сказал: «Когда придет искушение, то не ищи, отчего и для чего оно пришло, но ищи того, чтоб перенести его с терпением и благодарением». Советую тебе держаться этой спасительной простоты, не вдаваясь в мнения и соединенные с ними смущения.

42. Всякому новоначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершаемое телом; а когда по значительном времени, он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума, но только очень просто и умеренно. Что греховных помыслов не должно принимать — это надо сказать с самого начала. — Все в вертограде Христовом совершается с великими терпением и пожданием: семена иных растений всходят во второй и третий год. И свою душу и души ближних своих заповедано нам стяжавать в терпении.

43. Очень сожалею о постигшей болезни М. А.: видно Богу угодно, чтоб наше бренное тело переплавлялось и дало более простору духу.

44. Надо терпеть, терпеть и терпеть, и снова терпеть, и паки терпеть: потому что только претерпевый до конца спасен будет. От нетерпения искушения усугубляются. — Останавливай кровь и ведай, что Промысл Божий всем управляет. Вера, — говорил великий Пимен, — состоит в том, чтоб пребывать во смирении.

45. Что делать! Ныне время такое, что не в одной вашей обители беспорядок от утраты истинного понятия о смирении и благочестии Богу. Если же Бог терпит таковым непорядкам; то мы тем более должны терпеть. А скорби, нам пребывающие от этих беспорядков, послужат нам вместо истинного делания: потому что инокам последних времен повелено спасаться скорбями.

46. Инокам последнего времени суждено спасаться скорбями. Искусных старцев нет. Боговдохновенные уставы иноческие и жизнь потрясены установлениями плотского разума человеческого; духовное преуспеяние исключительного какого-либо лица опасно; потому что непременно влечет имеющего его к превозношению и уничижению ближнего. По сим причинам осталось израбатывать спасение одним крестом. Таков удел ныне спасающихся, а между ними и — твой.

47. От падения мы сделались так сложны, что непременно должны наблюдать за своею волею во всем — не лукавнует ли она? И не присоединяется ли втайне к врагам своим, предавая в их власть голос душевный? Недаром святые Отцы сказали, что без великого внимания невозможно спастись.

48. Не давай по возможности воли нервам, но старайся их удерживать.

49. Все желающие благочестно жить будут гонимы, — сказал Апостол, и повелел претерпевать до конца. Сим утешься и укрепись о Воскресшем Господе Иисусе Христе, Который воскрешает верных учеников Своих излиянием на них Святаго Своего Духа еще во время их земного странствования, а в свое время воскресит для вечной славы и блаженства, куда не будет допущен никто противляющийся ныне Христу и благословенному пути Его.

50. Мнение о оставлении тебя человеком еще может иметь место: ибо всяк человек ложь; но мнение о оставлении Богом не только неправильно, но и сопряжено с хулою. Если мы не видим, то этим обличается не несуществование Промысла Божия, но тупость нашего зрения. От этой тупости зрения, то спасительное обучение скорбями, которое попускается нам Божественным Промыслом, называем мы — оставлением. Кажется, по попускаемым тебе скорбям и различным затруднениям, надо бы тебе радоваться и утешаться: ибо попускаемые тебе скорби суть свидетельства не только призвания, но и избрания Божия. Прочитай слова святаго Исаака Сирина 46-е и 47-е.

51. Верный свидетель истинной молитвы — внимание (т. е. когда ум вполне заключается в слова молитвы, не принимая не только

никакого мечтания, но ниже мнения, т.е. мысли, принадлежащей к ветхому разуму), примирение ко всем, любовь и вкупе мертвость ко всем. Вкусив жизни, хранись, чтоб снова не умереть. По приятии дара ожидай искушения; а когда оно придет — не смутись.

52. По нашему времени брани не столько жестоки, сколько тонки. Борец сделался необыкновенно опытен, как бы какой гомеопат, и видя, что булавки и иголки смертоносны при ловком действии ими, а шуму не делают по неприметности их, оставил мечи и копья, произведшие мучеников, в покое. Но хотя для большей части людей и неприметна тягость нынешних браней, однако она явна всепремудрому Богу, который и нынешним победителям, по великой благости Своей, уготовал венцы. Аминь. *24 мая 1852 г.*

53. Прекрасно сказал Георгий Затворник: «Не ищу, любят ли меня, ищу — люблю ли я других?» И святые Отцы не велят искать от ближнего исполнения заповеди: потому что это только нарушает мир. Да дарует нам Бог переносить постигающие нас искушения с терпением и преданностию воле Божией. Все мы странники и пришельцы на земле, и всем нам предлежит, по окончании курса в земной школе, отшествие на суд Христов, в обители вечности.

54. Возвращаю письмо Римлянина и советую написать ему, что так как он верует сердцем в правду, то должен исповедывать ее устами во спасение, отрекшись от заблуждений и присоединившись к Истине.

55. Новоначальным, несколько вкусившим молитву, свойственно более чувствовать брани и более подвергаться телесным немощам, потому что тело не выдерживает прикосновения к духовному и, так сказать, сотрясается и тает от него, а и душа, вкусив Божией сладости, делается чувствительнее к горечи страстей. Все же это попускается премудрым Промыслом, чтоб в нас вкоренилось смирение, столько не соответствующее духу века и чуждое нынешним людям. **Только на основании смирения может человек безбедственно воздвизать здание духовного делания.** Без смирения делание ведет к одному только высокомудрию.

56. Надо различать действия в теле от болезни и действия в теле от иноческого подвига. Материальному доктору сказываются только первые. — Покаянием, в полном его смысле, сокрушается сердце, а потому и тело.

57. При бурях мореходцы кидают якорь, и держатся на нем от напора волн: святые Отцы называют якорем — самоукорение; самоукорением удерживай душу твою от потопления в смущении. Надо сказать самому себе: я не достоин лучшего положения в срав-

нении с тем, в котором нахожусь; а в то положение, в котором нахожусь, поставил меня Бог по великой Своей премудрости и милости, соответственно моим недугам. Если ж врачевства мне ощутительны, и я от боли, производимой ими, вопию, то значит, что они выбраны верно. — Человек, удостоивший себя того положения, даже тяжкого и горького, в котором он поставлен, обретает мир; а мир — свидетель Истины. Хотя не исполняющаяся воля наша и представляется нам обер-святою; но если б она была точно таковою, то неужели всеблагий Бог не исполнил бы ее? *Волю боящихся Его творит.* И отчего не сотворит ее, когда Ему все, и большое и малое, одинаково возможно! — В отсечении нашей воли, оком веры усматриваем, что наша воля, по причине ее несовершенства, недостойна быть исполненною. Почему отречемся от нее пред Богом и покоримся Ему, чтоб не стать в ряды тех, которые покушаются *противу рожна прати.*

58. Господь да охранит и меня и тебя от безрассудных действий, происходящих от разгорячения. Разгорячение знаменует ту жизнь, умерщвление которой требует от нас Бог.

59. Слава Всесильному Врачу, открывшему в нас, сечением воли нашей, наш недуг! Примем и мазь успокоительную после резания: она — смирение. — Живая вера рождает смирение, а смирение примиряет приявшую его душу с небом и землею. Мир тебе. *25 окт. 1852 г.*

60. Ответ на вопрос о душевной брани:

У тебя нет видения бесовской брани, а только мнение этого видения. Такое мнение опаснее самой брани. Лучше не видеть брани от внимания к ней и от внимания к молитве, чем оставляя внимание к молитве и молитву, вдаваться в рассматривание брани, превышающее наши силы, и от этого мнимого рассматривания приходить в высокоумие, которое неразлучно с мнением. Достаточно тебе быть убежденным, что падший человек есть сокровищница всех грехов; иные из грехов обнаруживаются своим действием, а другие живут, как бы не действуя, и таким образом вводят подвижника в заблуждение о несуществовании их. Будь пред Богом яко единая цельная язва и моли о исцелении и спасении, не обращая большого внимания на брани и не удивляясь пришествию их, как бы совершающемуся вне порядка.

61. Мнение об оскудении помощи человеческой есть вид искушения, который попускается Богом другам Его, чтоб они умерли от упования на человеков и ожили упованием на Бога. Прочитай конец 78-го Слова святаго Исаака Сирского — и утешься.

Не убоимся искушений «Яко с нами Бог», попускающий нам их, и ими нас обучающий. *13 нояб. 1852 г.*

62. Какая польза созидать храмину ближнего, и вместе разрушать свою? Не следует новоначальным увлекаться в назидание ближнего, по горячности темперамента, по новоначалию, по кровяному действию. Кровь, то очень волнующаяся, то от самого волнения утомляющаяся и утомляющая, передает душу попеременно в два противоположные состояния: в разгорячение и уныние. Хранитесь от сетей расставленных вне и внутри человека. И всячески прикрытых подобием правды, но познаваемых по отъемлемому ими от души миру.

63. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на Преподобного Нила Синайского, говорит, что «умная молитва есть рай, который не только должно возделывать, но и хранить. Помолившись якоже подобает, ожидай яже не подобает. В особенности враг после молитвы борет двумя страстями: гневом, который прямо противоположен молитве, и блудом, яко плотским и сатанинским ее подобием по действию, следовательно уничтожающим ее действие. Сказал Апостол: «прилепляйся Господеви бывает один дух с Господом, а прилепляйся блуднице, хотя бы одними помышлениями, бывает едина плоть с блудницею». Бог да дарует тебе с терпением побеждать брани, и молитву проходить по возможности без всяких вещественных пособий. Аминь.

64. Ввергенные в Вавилонскую печь три Отрока, несмотря на то, что оросил их Ангел и печь разженная не производила на них никакого влияния, воспевали: «Согрешихом, беззаконовахом, прегрешихом во всех... Вся, елика сотворил еси нам и вся, елика навел еси на нас, истинным судом сотворил еси». Надо заметить, что в этой песне, в которой святые Отроки признают себя достойными всего наведенного на них, они признают мучителя — Навуходоносора — «лукавнейшим паче всея земли»... Итак, хотя Навуходоносор был лукавнейшим паче всея земли, но это его душевное состояние не препятствовало Отрокам иметь святое смирение. Истина и смирение не разногласят между собою: ибо и то и другое исходит от Христа.

65. Ругательства, которыми меня осыпают со всевозможною наглостию, отзываются и на учениках моих. Но неужели тщетен голос: *Блаженни есте егда поносят вам и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради*[1]. Неужели мы не бессмертны? Неужели краток живот вечный, чтоб не заслуживал какого-нибудь малого терпения в здешней жизни?

66. Недостаточно одно самоукорение, говорит Варсонофий Великий, нужны и уничижения человеческие для доставления человеку смирения. Против смирения и терпения враг приносит хулу на Самого Бога, якобы оставляющего служащих Ему: но хула его да снидет на главу его [врага] чрез посредство славословия, благодарения и исповедания, приносимых Богу рабами Его, по примеру святых трех Отроков. *1853 г. Нояб. 10.*

67. Со врагами надо быть очень осторожным: человек очень глупый может наделать больше зла, нежели сколько его сделает человек злой, но умный. Мирствуй в уповании и вере. — Горькая чаша настоящего времени преподается не без особенного на то попущения Божия, да сосуды Его яко в огни искусятся. *1854 г. 21 янв.*

68. Пришедшее тебе смущение, очевидно, пришло от того, что ты от всея души и от всего помышления, всею крепостию твоею занялся избранием Игумена, в противность моему предостережению. Уврачуй свою язву покаянием, да и впредь знай, что возможно для старца твоего, для тебя вовсе неприступно.

69. Для брани собственно незачем выезжать из монастыря, а надо победить ее, по завещанию Отцев, в монастыре (см. Добротол. 4-я ч. Кассиана: О унынии). Напротив: потачкою себе в бранях можно себя испортить.

70. К встрече нового настоятеля приуготовься вниманием и смирением. Может Бог устроит так, что он к тебе расположится.

71. Если вы имеете много ненавидящих вас, то знайте, что к Вам милость Господа, Которого ненавидели слепотствующие человецы во время пребывания Его плотию на земле. Страха же ненавидящих вас и грозящих вам не убойтесь: Господа Бога освятите в сердцах ваших. — Благословение Божие да почиет над вами! Неудобопонятным недугам твоим не удивляйся. Такова участь всех переплавляющихся в умном делании. Их недуги и их исцеления идут совсем иным порядком, нежели у прочих людей.

72. Бог да укрепит болящего раба Своего на подвиг благодарения и терпения. О том, о чем желаешь молиться, молись со всевозможною умеренностию, предоставляя все воле Божией. По моей крайней греховности опасаюсь, чтоб человек, вступив в единение со мною по духу, не лишился своих добродетелей и не приобщился моих немощей.

73. Сохрани бездерзновенность и пред благонамеренным начальством: ибо бездерзновение к начальству, хотя и самому доброму, есть единственное условие прочного мира с ним.

74. Бог да дарует болящему рабу Своему перенести постигший его недуг с благодушием и благодарением. Полагаю, что при тяжкой болезни принять елеосвящение совсем не лишнее. Апостол прямо советует прибегать к этому средству во время болезни.

75. Тебе — еже жити — Христос, а еже умрети — приобретение есть. Апостол говорил это о себе по причине своего совершенства, а к тебе применяю его слова, по причине открытости и прямоты твоего характера, с которым неудобно жить посреди мира сего, требующего для жительства в нем особенной премудрости, которой ни ты, ни я не имеем. И потому, если угодно Богу, чтоб ты окончил течение земное, прими Его определение с покорностию; если же Богу угодно, чтоб ты пожил, поживи, умоляя Его дать тебе премудрость для сохранения твоей души. А сохранишь ее тем, что умрешь для человеков, кто бы они ни были, и для обстоятельств, умерщвлением к ним кровяного движения верою и покорностию Богу.

76. Предавай себя воле Божией, стараясь быть благоугодным Богу: ибо как бы ни было продолжительно наше земное странствование, но и переход близок. Сделай зависящее от тебя по силам, а Бог сделает Свое.

77. Благодарю Бога, даровавшего вам единомыслие в келлии! Этого единомыслия не ищи вне ее. Вспомни, что Спаситель велел Петру идти за Собою, а когда Петр вопросил и позаботился о другом, то услышал: *до другого что тебе за дело, ты по Мне иди.* Заботясь преждевременно и неправильно о других, мы часто забываем или ослабляем заботу о себе.

78. Так как согрешения твои ты исповедал пред духовником твоим, и получил от него прощение: то я отнюдь не осмелился простереть дерзко руки моей и прикоснуться для прибавления чего-либо к великому таинству Исповеди, при котором прощающий Сам Господь Иисус Христос чрез Его служителя. Что разрешено Богом, то разрешено и не требует осквернения разрешением человеческим. — Оставайся в вере и уповании на Бога.

79. Видения посылаются нередко болящим тяжело для изменения их сердечного чувства, из душевного в духовное и для поддержания в них духовного чувства покаяния и молитвы, а не должно утруждать себя объяснением видения, которое часто остается весьма мало объяснимым.

80. Великая милость Божия постоянно совершается над тобою чрез сожительствующего тебе раба Божия, боримого общим врагом. При помощи его брони ты можешь совершить переход

от кровяной любви, к которой ты весьма способен, к любви о Господе, носящей немощи ближнего, и состраждущей его брани. Святый Исаак Сирин сказал, что инок должен погружать свое сердце в милость дотоле, доколе не ощутит той милости, которую имеет Бог к миру. Без этого невозможно ощутить истинного и обильного действия молитвы. — Отрекайся крови и последуй Христу. Знай, что враг, вооружаясь на брата бранию, косвенно мещет стрелы и на тебя, дабы ты преступил заповедь любви о Христе, ради твоей крови. Говори с ним всегда очень мягко и любовно, дабы приобрести его, а от выслушивания его браней постоянно отказывайся. Это еще не твоей меры. Пусть передает свои брани старцу.

81. Спасение и духовный успех — в заповедях Христовых.

82. Господь, хотящий перевести кого от кровяного или душевного ощущения к ощущению духовному, посылает ему от времени до времени — как говорит святый Максим Исповедник — опытно вкусить этого ощущения. Такое вкушение — яко соглядатай земли обетованной.

83. Смирение из среды скорбей находит причину благодарения Богу, а гордость и кровь, окруженные очевидными благодеяниями Божиими, находят достаточную причину для ропота и неудовольствия. В последнем случае нужно самоукорение. Покрывай ближних благостию твоею, не только равных себе, но и высших: ибо все с своими немощами.

84. «Если сам себя не помилуешь, то ниже Бог тебя помилует», — говорил Великий Антоний. Ты очень ошибся, назвав состояние твоего старца «омрачением», это омрачение светлее твоего света. Что тебе кажется важнее: сохранить мир и любовь или принять антидор минутой раньше, минутой позже? — Не ищи от старца удовлетворения твоим прихотям, ни телесным, ни, наипаче, душевным. С тобою брань творит своеугодие и свой разум, отвергни их самоукорением — и успокоишься.

85. Прочитай в 1-й ч. Добротолюбия, в главах деятельных и Богословских Симеона Нового Богослова, главы 66-ю и 67-ю и ведая ведай, что сказано святыми Отцами: «даждь кровь и приими Дух».

86. Относительно сновидений[2], прилично вспомнить слова Спасителя: *Мните ли яко Галилеане сии грешнейши паче всех Галилеан бяху, яко тако пострадавша? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. Или они осмьнадесете* и проч. *Ни глаголю вам, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете*[3]. Я полагаю, что это сновидение послано было тебе, чтоб возбудить

сердце твое от нечувствия, и даровать тебе вкушение страха вечных мук и памяти смертной. Прилагай эти цельбы к страждущей страстолюбием душе твоей.

87. Советую тебе по возможности приобучаться к молчанию и отверзать уста твои к глаголанию только при самых нужных случаях.

88. Ум не может быть бесстрастным. По Великому Максиму, «аще не приемлет его многая и различная видения». Понимая цель (подвига покаянного), надо оставлять средства без особого внимания.

89. Надо воздерживать свои приражения. Ты кого полюбишь, так полюбишь, а кого не полюбишь, так не полюбишь. Между тем заповедь Христова именно любовию повелевает отличаться от язычников. Что будет из нашего монашества, когда мы не можем понести ни одного слова против нас? Нужна же когда-нибудь узда против нашей крови! Неужели нам одним не воспользоваться словами разбойника, произнесенными с креста: *Достойная по делам наю восприемлева* и проч. Ими воспользовались все Святые.

90. О случившемся искушении ты не должен скорбеть, но отдаться на волю Божию, которая всех спасаемых спасает многоразличными скорбями.

91. Тебе не должно скорбеть на тех, которые произнесли о тебе невыгодное какое слово. Это от неведения и по попущению промысла Божия, как видно усматривающего, что тебе нужно смирение и очищение при посредстве человеческого бесчестия. Любовь имейте и мир со всеми, и с оскорбляющими тебя, без чего невозможно иметь духовного преуспеяния. Воздай же славословие Богу за все случившееся и предай себя воле Божией.

92. Путь Христиан, сказали святые Отцы, есть крест повседневный. Сказали они это, руководствуясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства взять крест свой и последовать за ним — Господом. — Крест — готовность к благодушному подъятию всякой скорби, попускаемой Промыслом Божиим. Потому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попускаются постоянно скорби, сказал святый Исаак. «Пей поругания на всяк час яко воду живую», — говорит святый Иоанн Лествичник; а кто отвергся правильного или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения. Господь помянул тебя и послал тебе искушение для твоего очищения и умерщвления

миру, а потому и для твоего преуспеяния. Я, окаянный грешник, благоволю о искушении тебя постигшем. Благоволит о нем Ангел Христов Хранитель твой, видя в нем залог спасения твоего. Помяни меня грешного в молитвах твоих! Говорит святый Исаак Сирин, что «человек до вступления в искушения молится Богу, как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как Свой, и как бы имея Его — Бога — должником себе». Помолись о мне Богу, раб Божий! Ибо мне в моей жизни не довелось потерпеть ни единого искушения, а что случалось противное моему гордому сердцу, то мелочь, мелочь, мелочь... не заслуживающая никакого внимания, и если б я вздумал говорить о моих искушениях, то впал бы в одно пустословие...

93. Не должно страхованию попускать овладевать тобою. Кто поддается этой страсти, над тем она возобладает, и таковый будет пугаться всяких пустяков. Прочитай в святой Лествице статью «о страховании». Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждым из нас при Святом крещении. Нужно предаться воле Божией и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения: тогда страхование пройдет само собою. Оно ни отчего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения.

94. Молитвы Иисусовой не оставляй: монашествующий в числе своих обетов при пострижении дает обещание деннонощно заниматься этою молитвою.

95. Надо брани побеждать на их месте, а не оставлением места, отчего брани только укрепляются.

96. Взойди в себя, постарайся увидеть множество согрешений своих, причем умалятся в очах твоих согрешения ближнего. Воспользуйся уединением и удобствами для внимательной жизни, дарованными тебе Божиим милосердием для плача о твоих грехах. Поминай в молитвах оскорбивших тебя, да исцелеешь от тяжкого недуга вражды к ближнему.

97. Лозу, творящую плод, Вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесет. Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло.

98. Поминай в твоих молитвах болящего брата, который предан судом Божиим сатане, да его дух спасется. Он много содействовал к успокоению твоему, а последним случаем — к смирению и преуспеянию. В духовном значении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: — такому преданию сатане подверглись многие великие угодники Божии. Преподобный Кассиан описывает о преподобном Мои-

сее Скитском, с которым он беседовал «о рассуждении», что Моисей повергся сумасшествию и беснованию за некоторое противоречие своему старцу Макарию Великому Египетскому. В священном предании IV века описывается, что некоторый Египетский старец, по причине своей святой и чистой жизни, необыкновенно обиловал даром чудотворений: слава о нем неслась далеко. Заметив в себе начало гордости, старец начал молить Бога, чтоб ему было послано беснование, что Господь и исполнил. Старец провел в ужасном положении целые 8 месяцев, употребляя даже в пищу свои собственные извержения. Мирские почитатели его, видя его в таком положении, как быть следует, соблазнились, хорошую о нем славу изменили на худую; а старец, в свое время избавившись от беса, в неизвестности и покое работал Господу, и пришел еще в гораздо большее преуспеяние. — Гораздо маловажнее беснование, нежели приятие какого-либо злого вражеского помысла. — На слова и действия сумасшедших не должно обращать никакого внимания, и никак нельзя сравнивать таких больных с пьяными, у которых отнимается только благоразумие, а не разум. Пьяный высказывает свои тайные мысли и чувства, а сумасшедший или беснующийся несет дичь, чуждую ему.

99. Веруй, что не без промысла Божия постигло тебя искушение, да умертвишься миру, и славе его, и оправданию его. Молись о всех приносящих тебе скорби, да совершенно исцелеет сердце твое от злобы, и соделается способным к приятию Божественной благодати. Только что придет тебе на мысль воспоминание о ком-либо оскорбившем тебя, тотчас же молись о нем. Сверх Божиего попущения никакая власть и сила человеческая не могут коснуться тебя.

100. Что человек посеет во время земной жизни, то пожинает при смерти. В настоящее время в Сергиевой Пустыне кончается иеросхимонах Стефан, что прежде был иеромонах Симеон. — Обычай исповедываться и внимать себе по Евангельским заповедям, доставляет ему самую мирную кончину. Невозможно требовать такового расположения душевного от человека, лишь к вечеру дней своих пришедшего в монастырь с сформировавшимися (укрепившимися) навыками и образом мыслей своих. Раздражение болящего родителя твоего происходит от материальной причины — болезни. Приготовляй его к отшествию с милосердием к нему. Напутствуй его Святыми Таинствами: они перенесут мысли его в вечность. Милость Божия да осенит его. Воля Божия буди. *21 янв. 1856.*

101. Благословен Бог, открывший тебе, что ревность твоя вполне кровяная и безрассудная. Она происходит от упоения тщеславием и высокоумием, которыми ты упился от похвал литераторов и которые привели тебя в состояние самообольщения и самомнения. Да даруется тебе узреть их и, ради сего зрения погрузиться в покаяние, коим закрываются все недостатки ближних.

102. Смирись пред Игуменом в душе твоей. Смирись пред Промыслом Божиим, Коим попущены настоящие обстоятельства, и облобызай твою долю, на которую оставлено: — упражнение в покаянии.

103. Храни ум твой невообразимым и безмечтанным, а случившееся с тобою, как весьма сомнительное, с кротостию отринь.

104. Не оглашай твоей келлии осуждениями, пересудами и ропотом; оглашай ее благодарением и славословием, и гласами воздыханий о грехах, и гласами молитв твоих.

105. Возлюби молчание. Тебе, как теористу и фантазеру (мечтателю), глаголание опасно: им можешь губить себя и губить ближних, возлагая на них бремена неудоборосимые. Умолкни и умолкни! Содружись с покаянием, которое без молчания состояться не может.

106. Сны твои суть мечты, ведущие в прелесть того, кто не остережется от них. Надо блюсти ум и содержать его безвидным и безмечтательным. Никаким снам не верь, и милость Божия да покрыет тебя.

107. Одно молчание может обнаружить пред тобою твое кровяное действие и заключающуюся в этом действии прелесть.

108. По словам святых Отцев, умеренному и постоянному правилу цены нет. И потому в жительстве твоем сохраняй благоразумную соразмерность, не связывая себя количеством.

109. Игумену оказывай по возможности и с возможным понуждением послушание, умерщвляющее в нас ветхого человека. От послушаний, превышающих силы, отказывайся со смирением.

110. Нам, находящимся в переходном состоянии, приходят соответственно ему и различные слезы: горькие, яко нам свойственные, а временем и утешительные, по особенной милости Божией. Господь да простит всем нам все согрешения наши и да дарует, в свое время, Ему известное, силу не впадать в грехи и противиться нападениям врага.

111. Своя воля ведет человека к искушению, хотя внушения ее, по-видимому, и кажутся благими, но мы не можем видеть, к каким последствиям поведет исполнение ее.

112. Когда человек отречется своей воли, тогда только он может быть причастником истинной молитвы, которая есть соединение человека с Богом. Сего соединения невозможно достичь без отречения от своей воли, своей правды, своего разума.

113. Святый Апостол Павел в послании своем к Солунянам передает им, что предание, исходящее от самого Бога, молитвенное непрестанное благодарение за все случающееся. *О всем благодарите*, — говорит он, — *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5. 18). Если нет ни одного случая, который бы утаился от Бога: то за все случающееся надо славословить Бога. Благословен Бог промышляющий! Благословен Бог попущающий! Ничто вне воли Его совершиться не может.

114. Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтоб сими испытаниями они более утвердились в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим Его. Охранись от вменения себя в нечто.

[1] *Блаженны вы, когда будут поносить вас... и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5. 11).

[2] Инок видел во сне некое знакомое лицо, умершее в адских мучениях.

[3] *...думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13. 2, 3, 4, 5).

Письма монашествующих разных монастырей к святителю Игнатию

Письмо иеромонаха Гавриила[1]

Ваше Высокопреподобие!

Всепречестнейший и вселюбезнейший о Христе мне батюшка Отец Архимандрит!

По благости Божией сея моя обязанность, и вернейший случай в особенности, побудили меня изъявить Вашему Высокопреподобию мое всепокорнейшее вам высокопочитание, с поклонением моим униженно и сим памятованием я всенижайший навсегда обязан. От залога к вам нашей христианской любви засвидетельствовать усерднейшее сердечное мое при сем благо-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

расположение и всеистинную благодарность и за оказанные еще Ваши ко мне отеческие милостивые памятования, которые собственно я всенижайший не представлением в письмах слышать боголюбивейшее Ваше приветствие удостоился.

И все это единственно ходатайствует много ко оживлению и пользе в нерадивейшей моей душе. Сам же Господь мира да даст вам мир во Господе укрепляющем Вас и благословляющем на поприще правления Вашего, долгоденствия и благоденствия и всякого благоугодного преуспения. Всеискреннейший желатель и взаимно с повержением пред стопами Вашими. Прошу отеческих Ваших святых молитв и благословения Вашего Высокопреподобия. Смолитвенник и богомолец премногогрешный во иночестве — иеромонах Гавриил.

20 июля 1837 года

Всеблагопочтеннейшим моим сотрудникам усердствую изъявить находящимся во святой вашей обители отцу Михаилу, питомцу церковнопоследования отцу Серафиму Валаамскому, отцу Иринарху Евангелу, отцу Варсонофию. Всем кланяюсь всеуниженно.

Письмо Строителя Черменецкого монастыря иеромонаха Серафима[1]

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший Батюшка и благодетель Отец Архимандрит Благословите!

Спешу, во-первых, воздать наичувствительнейшую Благодарность Вашему Высокопреподобию за ваше отеческое ко мне Благорасположение и любовь, коими доселя я грешный пользовался.

При сем случае честь имею поздравить Вас со всерадостным и Высокоторжественным праздником Воскресения Христова, душевно желаю оный в радости препроводить.

Мне очень жаль, что я не имел счастия Вас лично в Валаамском монастыре проводить, а также и встретить, возвращение Ваше неизвестно было, долго дожидаться не смел, поспешил в монастырь. Слава Богу нашел все благополучно исправно, братия моему приезду были очень рады. В Вербное воскресенье служил собором, а на сих дня некоторые из помещиков говеют у нас.

Впрочем, благость Всевышнего да засчитает Вашего Высокопреподобия своею благодатию, под покровом коей будучи, не оставьте

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 18.

в Святых молитвах пребывающего к Вам и ко всей Вашей о Христе братии с особенным почтением и искреиным доброжелательством
Покорнейший Слуга Грешный Строитель

Иеромонах Серафим.
1839 года,
Марта 23-го

Иеромонах Серафим – строитель Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря, входящего в благочиние святителя Игнатия; в 1838–1839 гг. он был его помощником в разбирательстве смут, происходящих в Валаамском монастыре (см. Настоящее издание, т. 3, с. 422).

Письмо иеромонаха Никодима[1]

Получ. Ноября дня 1839 года

Ваше Высокопреподобие!
Почтеннейший отец Архимандрит Игнатий!

По отбытии моем из Вашей обители, чувствуя мое расположение и конечное старание на просьбу Вашу, нашел я людей соответственных житию по монашескому званию, и по голосам Вашей обители. И как Ваше мне известное сострадательное сердце о несчастных, находящихся в угнетениях по особенным обстоятельствам, что Вам самим небезызвестно случающихся в перемещениях монашеских, ибо как оные люди по состоящимся указам Святейшего Синода на требование для служения в Черноморский флот изъявили свое согласие и поступили: иеромонахи Нафанаил, Феодосий и Пимен Ярославской губернии. Первый в 1833 году, а последние два в 1836, которые по слабости своего здоровья всеусердно паки желают, обходя всех морских награждений, избавить себя из жительства крымской стороны, и переселиться в российские места. А как не могут найти способа к перемещению или к избавлению от жительства крымского острова, милосердие же Ваше мне известно, то всепокорнейше прошу Ваше Высокопреподобие оных несчастных людей избавить, за что они всегда будут находиться благодарными пред Вами. И как не имеют у себя наличного достатка для проезда до С.-Петербурга, то в таком случае тоже надеюсь, что Вы не оставите своим милосердием на путевые издержки для их проездов. Если Вашему Высокопреподобию благоугодно будет принять их

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

под свое покровительство, то прикажите кому-либо меня уведомить об оном; и я надеюсь, что оные люди собою могут Вам заслужить: первый из них голос имеет басовой, а два теноровые, и знают партесную ноту. Мое теперешнее положение, положа всю свою судьбу на Всевышнего Создателя, по видимости должно быть надежным; по состоящемуся Высочайшему указу от 22 мая сего года, велено для Богослужения заместить вместо белого духовенства монашествующими в укреплениях по восточному берегу Черного моря. То по силе оного указа избираемы были с хорошими поведениями и с нравственностию из Московских Ставропигиальных монастырей трое, и два епаршеских; почему я по выборке и отправлен. Теперь нас семь человек, пять из Москвы, а прочие из Орла и Курска, и пребываем все до требования в крепости в Георгиевском Балаклавском монастыре, близ города Севастополя. Жалования положено каждому по тысяче рублей. За сим препоручив себя в Ваши святые молитвы, честь имею пребыть навсегда

Вашего Высокопреподобия

Милостивого моего отца и покровителя

Покорнейший слуга иеромонах Никодим.

Октября 1 дня

1839 года

P. S. Ваше Высокопреподобие! Хотя мы лично чести Вашей и не знаем, но наслышаны на Вашу чрезмерную милость, то припадая к Вашим милостивым стопам, осмеливаемся и от себя просить Вашей помощи о избавлении нас от берегов Черного моря, и о принятии под свое покровительство, что за Вашу таковую милость можем Вам заслужить сами собою.

Черноморского флота Георгиевского Балаклавского монастыря покорнейшие Ваши слуги:

иеромонах Нафанаил, иеромонах Пимен.

Письма иеромонаха Арсения[1] Вологодского Прилуцкого монастыря

№ 1

Высокопреподобнейший Отец,

Священноархимандрит Игнатий!

Чувствительно обрадован был прибытием ко мне Вашего письмоводителя Павла Петровича и тою вестию, которую он мне

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

принес о Вашем здравии и благополучии, — сожалею только о том, что не мог ему сопутствовать в Покровское — место долголетнего моего успокоения, — по обстоятельствам должностным не решился беспокоить Владыку об отпуске.

Извините великодушно, — я опять к Вам с покорнейшею просьбою. — С нынешнею почтою от здешнего Епархиального начальства отправлено представление о наградах для белого духовенства. В числе представленных протоиереев и священников помещен и мой шурин, то есть брат покойной жены моей, Благочинный Вельского уезда Николай Белоцерковский; не можно ли, Ваше Высокопреподобие, сделать милость — замолвить слово в его пользу у тех лиц, от коих зависит сортировка и утверждение представления? Ей! Он достоин.

О себе еще ничего лучшего сказать не могу, — места постоянного по сию пору не имею. О сыне Павле сожалею, что далеко назначено ему место и в той стране, в которой — не знаю, может ли что добро быть? — Со временем буду беспокоить Вас и о нем опять, чтоб его оставить где-нибудь поближе к столице или родной стороне — в недрах матери России.

Простите Достопочтеннейший Отец! И не оставьте Бога ради в нуждах Вашим покровительством и защитою навсегда преданнейшего Вашего всепокорнейшего слугу и недостойного богомольца

иеромонаха Арсения.

Ч<етверг> 13 сентября 1842 года

№ 2

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Отец архимандрит Игнатий!
Христос Воскресе!

Надеясь на Ваше благорасположение и за непременную почитая обязанность осмеливаюсь поздравить Вас с праздником Светлого Христова Воскресения, и желаю сердечно Вам препроводить оный в радости и веселии духовном, ко благу ближних и прославлению Воскресшего Спасителя. Иеромонах Серафим, выбывший из Вашей обители, недавно был здесь, но не более как шесть часов; ибо настоятель нашего монастыря его не принял и ночевать даже не позволил, зная его прежнее житье; не бе́гу ли он от Вас ялся? Он сказал мне весть о Павле моем, что он здоров, — это меня порадовало; но опечаливаюсь тем, что он удалится скоро в полк. — Я писал было ему, что у

нас в Вологде лекарское место праздно, — акушера нет — и чтоб он просился о помещении на оное, — лучше бы места желать не надобно: но нет — не отвечает мне на это ни слова. Огорчен будучи сим, я прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою — склонить его на то, чтоб он пожелал сюда переместиться, ежели это по ходу службы его возможно, и — Бога ради постарайтесь в сем случае помочь ему Вашим ходатайством. Ежели же он, не послушав меня, отправится в такую даль; то должно терзаться несчастное сердце мое. Здесь ли не житье лекарям? Живут во много лучше барина.

Ежели он (сын Павел) — будет у Вас ныне; не поставьте себе в тягость передать ему мои мысли и желания. Ему теперь не пишу, потому что он и на прежнее мое письмо не отвечал. — Впрочем — Бога ради простите меня, что беспокою Вас много, не к кому более прибегнуть в сих тягостных для меня обстоятельствах. Остаюсь с глубочайшим к особе Вашей почитанием Ваш всенижайший слуга

иеромонах Арсений.
Спасоприлуцкий монастырь.
Апреля 9 дня
1843 года

№ 3

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший Архимандрит Игнатий!

Долгом моим поставляю поздравить Вас с наступающим праздником Рождества Христа Спасителя нашего, и с грядущим Новым годом. Сердечно желаю, чтоб с оным и здравие Ваше было постоянно в лучшем положении, и писанное Вами в последнем ко мне письме — нечто для меня загадочное, разрешилось приятнейшим для Вас событием, имеющим и мне послужить во благое:

О, если ли бы когда, при ясном Неба ведре,
Игнатия узреть на Пастырской Кафедре!

От сына Павла получил я письмо из Варшавы, и в ответ на оное побранил его за молчание пред своим Благодетелем. — Он доехал туда благополучно и здоров. — В полк (только не пишет, в какой именно), вблизи от Варшавы тогда находившийся в лагере, называемом Повазенавские бараки, поступил 16 августа и принял должность полкового лекаря. — И там Господь Бог на-

вел его на человека доброго, соземца вологжанина, с коим живет бок о бок и почасту разделяет время с приятностию. — Это однополчанин, батальонный и учебной команды начальник, подполковник Иосиф Григорьевич Гаряинов, Грязовецкий дворянин, родственник бывшего нашего соседа Илариона Федоровича Гаряинова.

Высокопреподобнейший Отец!

С радостным предчувствием ожидая Нового года, а с оным вместе и разрешения загадочного для меня, относительно Вас, вопроса, остаюсь в полной уверенности, что Вы в прежней моей просьбе не откажете, и какие имеют встретиться в жизни Вашей новые и благоприятные обстоятельства, о том известить меня за большой труд себе не поставите.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностию есмь и навсегда буду Вашего Высокопреподобия всепокорнейший слуга и богомолец,

недостойный иеромонах Арсений.
Спасоприлуцкий монастырь
Декабря 14 дня
1843 года

№ 4

Получено 1844 года февраля 2

Ваше Высокопреподобие,
Отец Архимандрит Игнатий!

В прошедшем моем письме писал Вам, что я, может быть, около 25-го числа сего января отправлюсь отсюда в Вашу обитель; но предсказание сие исполниться не могло, и я еще все здесь. Прошение подал я о паспорте 22-го сего месяца, Владыка положил резолюцию: рассмотреть Консистории, в которой уже и журнал написан и сего дня обещал Секретарь снести ко Владыке, в пятницу, то есть 28-го числа, может быть, желаемое получу. Исподволь хлопочу и о подводе, но ездоков до вторника первой недели поста нет, в сие время дворники обещают довольно оных. И потому тогда уже надеюсь наверно отправиться в путь.

Великий Отец и Благодетель! Не прогневайтесь, о чем Вас попрошу, — благоволите снабдить сколько-нибудь финансами для отправления моего отсюда; поверьте — так теперь стал неимущ, что на паспорт и бумагу занял 5 р. ас. Ежели милость Ваша

будет, то я в чистый Понедельник еще получить могу, что и будет в настоящую пору. Простите меня великодушно за дерзновение таковое; засим честь имею остаться

Вашего Высокопреподобия
Всепокорнейший послушник

Иеромонах Арсений.
26 ч. января
1844 года

Письма оптинского монаха Иоанникия к святителю Игнатию[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший Отец архимандрит Игнатий

По выезде моем 15 апреля из Петербурга, прибыл я с сопутником моим Спиридоном в нашу обитель 8 мая и благодаря Бога застал все благополучно, батюшка Отец Леонид живет в монастыре покойно и мирно, благодарит вас за ряску, а паче за любовь и память вашу к нему. Отец строитель кланяется вам и благодарит за писание ваше к нему, он пишет вам особо; а с ними вместе и мы с Спиридоном в полной мере чувствуем вашу хлеб, соль, упокоение и всякое утешение истекаемое от Вас, и желаем получить вам от Господа Бога мир, радость и все просимое к Спасению и благоденствию вашему. А наконец просим Святых ваших молитв и благословение остаюсь

Вашего Высокопреподобия
Ваш покорный слуга многогрешный

Монах Иоанникий.
Мая 12-го
1836 года

Сия вернейшая оказия и благодеяние оказанное вашим высокопреподобием не по достоинству моему; понудило мою унылость, изъяснить сим мою преиначувствительнейшую благодарность, да вознамерит Сам всемилостивый Господь наш Иисус Христос своею благодатию и милосердием за ваше таковое бла-

[1] РГБ ОР. Ф. 213; добавление к материалу, помещенному в Настоящем издании, т. 6, с. 535–658.

годеяние и памятование о моем непотребстве, ваш вашего высокопреподобия всемилостивейшего отца и благодетеля, недостойнейший богомолец многогрешный иеросхимонах Леонид всеуниженно заочно кланяюсь.

(В это письмо вложен отдельный лист с следующим текстом)

Доношение из Московского Цензурного комитета в Святейший Синод с приложением рукописи: краткое известие о жизни Задонского Богородицкого монастыря Затворника Георгия, — послано прошлого 1838 года октября 19 числа.

Содержание сего доношения состоит в следующем:

«Профессор философии протоиерей Феодор Голубинский представил в цензурный комитет следующее мнение о рукописи: «Краткое известие» (и проч.).

«Сие известие о Жизни Затворника не заключает в себе ничего не согласного ни с чистым учением Христианским, ни с духом и правилами подвижнической жизни, предначертанными в писаниях и житиях Св. Отцев, и может служить средством к возбуждению в верующих ревности и подвигам благочестия и к подкреплению в них надежды на успех, при помощи Божией: ибо пример добродетелей подвижника, близкий к нам по времени, с особенною силою действует на сердца».

«В прочем по слову в сем известии находятся сказания о свыше сообщенном затворнику Георгию даре прозорливости (стр. 61, 62, 64–67, 69, 70–78), о случаях сверхъестественных (стр. 69, 72), о видениях бесов (44–48), об особенной славе Затворника (74), об исцелениях его молитвами (75, 76): то цензурный комитет не имел права сам по себе дать решительное суждение о сих особенных дарованиях благодати Божией, должен испросить разрешения и благословения Святейшего Синода на одобрение сих сказаний к напечатанию. Цензурный комитет, соглашаясь с мнением Цензора, полагает одобрить сию рукопись к напечатанию; но не приводя сего заключения в исполнение, долгом поставляет испросить на сие благословения Святейшего Синода».

№ 2

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец Архимандрит.

Прошлого года, хотя и находился я в сие время в Санкт-Петербурге, но по неведению моему не исполнил долга своего, лично не поздравил ваше Высокопреподобие со днем вашего ангела, в ка-

ковой моей вине, после удостоился получить от вас прощение, но желая загладить сию мою погрешность, памятуя приближающееся празднество святого священномученика Игнатия богоносца, которого имя вы изволите на себе носить, в обязанность себе поставляю, поздравить Вас с оным, и пожелать вам на многия лета, праздновать сей день во здравии и душевном мире и спокойстви; которые да ниспослет на вас премилосердый Господь. Оказанные вами мне в бытность мою, с сопутником моим о. Спиридоном, в святой вашей обители, странно-приимство и любовь, потщусь содержать в памяти моей незабвенно, и чувствовать сердечную мою благодарность; а при слабых моих к Богу молитвах, молить о здравии и спасении вашем. — В надежде вашего благорасположения, осмеливаюсь нижайше испрашивать вашего благословения, и вручая себя в ваши святыя молитвы, с достодолжным моим к вам высокопочитанием пребыть честь имею:

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший послушник

многогрешный монах Иоанникий.

9-го декабря 1836-го года

Оптина монастыря Скит

При сем и я ничтожнейший имею честь поздравить вас, ваше Высокопреподобие, с наступающим днем Вашего Ангела, и да дарует вам премилосердый Господь, встретить оный и препроводить в вожделенном здравии и благоденствии, ваш недостойный смолитвенник многогрешный иеросхимонах Леонид.

№ 3

Ваше Высокопреподобие

Достопочтеннейший отец Архимандрит!

На худые мои строки, вы удостоили меня собственноручным ответом при всех ваших занятиях, уделили время и для меня последнего; чувствуя таковую вашу милость, давно побуждался принести вам всенижайшую мою благодарность, но удерживался от сего, дабы не отвлечь от важнейших предметов, ничтожными моими строками, но теперь уже осмеливаюсь дерзать на сие, по случаю приближения высокоторжественного праздника воскресения Господа нашего Иисуса Христа; и за непременный долг считаю, поздравить Вас с сим всерадостным праздником; примите сердечное мое желание, да утешит Вас премилосердый Господь, во дни сего торжества, нетленным своим утешением, и дарует мир и спокойствие душевное, при совершенном здравии телесном.

Позвольте, почтеннейший отец, напомнить вам прошедший год; сие время останется для меня всегдашнею памятью, как мы с братом отцом Спиридоном в вашей обители торжествовали, и пользовались вашею отеческою любовию, чувства моей благодарности не в силах изъявить, но при слабых моих молитвах должен молить премилосердого Господа о здравии и спасении Вашем. Осмеливаюсь и себя поручить вашим святым молитвам, и с нижайшим моим высокопочитанием и земным поклонением имею честь прибыть

Вашего Высокопреподобия
нижайший послушник

многогрешный монах Иоанникий.
10-го апреля 1837-го года
Оптина Монастыря Скит

№ 4

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший батюшка
Отец Архимандрит!

По прибытии нашем в обитель свою 5 числа сего генваря, осмеливаюсь о сем донести вашему высокопреподобию. Благодеяние и милость Ваши изъявленные, как мне лично, так и ходатайство наше подавшее нам средство к снисканию для обители пользы, остается впечатленными в сердце моем, и счастием себе поставляю при первом сем убогом моем к вам начертании, изъявить всенижайшую мою и чувствительную благодарность. Исполняя послушания, находясь в волнении мира, находили мы тихое пристанище в вашей святой обители; а отеческая ваша любовь и ласковое обращение служили нам утешением; в обители вашей мы забывали понесенный нами труд, и совершенно успокоевались, но без вашего ходатайства и приступ к исполнению нашего послушания был бы весьма затруднителеи. Еще же любовь ваша к батюшке отцу Леониду и сострадание о его положении тронули меня до глубины сердца; все сие чувствуя, не мог пройти молчанием, не изъявить чувств моих, пред вашим высокопреподобием. Позвольте принести вам усерднейшее мое поздравление с наступившим новым годом, и желаю вам новых сил, и нового счастия, и как в течение сего года, так и во многия будущия, желаю вам телесного здравия и душевного мира и всякого спокойствия, и да ниспослет великодаровитый Господь на Вас и на всю вашу обитель свое благословение.

Припадаю к отеческим вашим стопам, испрашиваю ваших святых молитв и благословения, и с нижайшим моим к Вам высокопочитанием и преданностью пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

многогрешный монах Иоанникий.

Генваря 24-го дня 1838 года

Оптина монастыря Святого Иоанна Предтечи Скит

При сем и я, непотребный Леонид, вас, достопочтеннейший отец Архимандрит, честь имею приветствовать моим поздравлением с наступившим новым годом и пожелать вам здравия, спасения, и благоденствия и за принятие нашего ближайшего собрата отца Иоанникия, недостает сил и чувств вашей любви изъявить благодарность и в надежде вашего благорасположения пребыть честь имеем ваши недостойные смолитвенники.

Позвольте также и мне, вашему высокопреподобию, принеся поздравление с наступившим Новым годом, пожелать мира, здравия и спасения; с нижайшим моим высокопочитанием, имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия
нижайший послушник

Иеромонах Макарий.

Ольга Шафранова

Птенцы гнезда Игнатиева

Те наставники похвальны,
которые приводят не к себе,
а к Богу.
Митрополит Филарет Киевский

Ко времени назначения будущего святителя Игнатия Брянчанинова настоятелем Троице-Сергиевой пустыни ему не исполнилось еще 27 лет, а весь его монашеский опыт заключался в трехлетнем пребывании в звании послушника в разных монастырях и почти двухлетнем настоятельстве в заштатном Лопотовом Пельшемском монастыре. Как и Лопотов монастырь, так и Троице-Сергиева пустынь достались ему в крайнем упадке и материальном и нравственном. Братство Пустыни составляло всего 13 человек: 8 монашествующих, трое послушников и двое подначальных — а распущенность среди них «царила во всей силе».

Несмотря на молодость, архимандрит Игнатий прекрасно понимал, что общее состояние монастыря зависит, прежде всего, от нравственного уровня монашествующих и что одна из важнейших обязанностей настоятеля заключается в воспитании подведомственной ему паствы. Поэтому и труды свои по возрождению Пустыни он начал с приведения в достодолжный порядок богослужений и введения строгой дисциплины среди ее насельников.

В своих отношениях с братством Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий стремился следовать учению святых Отцов Православной Церкви и многое перенял из уроков, преподанных ему самому незабвенным отцом Леонидом (в схиме Львом)

Наголкиным. Широкая образованность, глубокая проницательность, собственный опыт постоянного самонаблюдения помогали ему находить правильные пути к совершенствованию «ищущих душ». Ближайший ученик его, впоследствии преемник писал: «он приучал быть откровенным с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей». Архимандрит и сам показывал примеры откровенности и терпеливости. Об этом, в частности, можно судить по его пространному письму ученику, «письменно обличавшему его в изменяемости его расположения к окружающим и к нему»: «Понеси убо мои немощи; а я постараюсь понести твои, как доселе старался ... Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя» (полностью приведено ниже).

Методы воспитания архимандрита Игнатия, приучение братства к безусловному послушанию, откровенности, смирению неопытному взгляду часто казались суровыми, даже жестокими (как, в свое время, методы отца Леонида Наголкина). Не все выдерживали такую систему. «Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это большею частию — которые получили начальное воспитание в других монастырях». Не желая жить по правилам отеческим, они затевали интриги и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. «Много пострадал о. Архимандрит за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицания». Кончалось, однако, тем, что они вынуждены были покинуть Сергиеву пустынь. Так что уже в 1841 г. архимандрит Игнатий писал своему другу Стефану Дмитриевичу Нечаеву: «Все почти прежние жители монастыря выбыли; теперь первые лица — это те послушники, которые вступили в обитель вместе или вслед за мною. Они уже иеромонахи»[1].

Несмотря на суровость воспитания, архимандрит Игнатий «умел любить чад своих духовных»; он старался излишне «не стеснять их и не воспрещал веселости между собой, даже в его присутствии». Он «ненавидел несогласия и споры: если случалось кому поссориться, он немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня». Его отношение к «чадам» было прямо отеческое, о чем свидетельствуют выдержки из его писем. Так, в 1843 г., по должности благочинного, он совершал путешествие по монастырям Санкт-Петербургской епархии

[1] Настоящее издание. Т. 8. С. 28.

в сопровождении нескольких монахов и послушников: «Моим спутникам в дороге все нравилось, а мне приятно было смотреть на их любопытство... Как [они] за мною ухаживают, как услуживают! Право, подобного внимания можно ожидать от одних только ближних родных. Как [они] между собою милы! Как Марк весел! Лицо его играет от радости, как весеннее солнце». В 1847 г., отправляясь для поправки здоровья в Николо-Бабаевский монастырь, он взял с собой двух послушников, также нуждавшихся в лечении. «Степану получше, — писал он своему наместнику — Когда я кончу курс декокта, то и его хочу заставить попить: потому что по пробе оказалось полезным». Или: «Думаю, что Николушка уже отправился ко мне. Если не отправился, то отправь; Сисой все еще лежит; Степана временами схватывает, да и ему надо тоже полечиться и во время леченья быть безвыходно в келлии. Я по сим причинам выписал из деревни моего родителя мальчика, вкупе и повара, который теперь у меня и прислуживает». Или: «Употреби на Власа оставшиеся мои деньги; очень рад, что он поправляется. Сисою лучше, хотя до сих пор он не выходит из комнаты, где лежит... Я нанял для него прислугу и трачу деньги на лечение; также по получении от тебя 170 руб. серебром купил ему зимнее платье. С сего дня начинает лечиться Стефан уже у здешних докторов, какие есть» и т. д.

Также и братия, «привившаяся» своему наставнику, отвечала на его любовь сыновними чувствами: «А. Н. Муравьев пробыл здесь по сегодняшний праздник [Рождества Господа нашего Иисуса Христа], с коим Вас, дражайший Батюшка, имею честь усерднейше поздравить; как-то Вы его проводите? Но у нас до чрезвычайности заметно, что нет нашего доброго, радушного хозяина-отца, умеющего соединить приятное с полезным — и тем составить истинный, радостный праздник»[1].

Умелое, продуманное руководство архимандритом Игнатием братства Сергиевой пустыни приносило свои плоды. Пустынь становилась примером благонравия и образованности иноков, становилась рассадником благочестия. Начальство все чаще начинало выбирать из насельников Пустыни кандидатов для занятия настоятельских должностей. Архивные материалы сохранили сведения о некоторых из них. Так, в 1839 г. из Пустыни вышли двое: ризничий иеромонах Сергий Рудаков, впоследствии в сане игумена наместник Толгского монастыря, а затем благочинный и уставщик Александро-Невской Лавры, и эконом иеро-

[1] С. 635. Письмо № 35.

монах Израиль Андреев, впоследствии архимандрит Рождественского Коневского монастыря. В 1846 г. вышел ризничий иеромонах Герасим Грязнов, впоследствии архимандрит Переславо-Залесского Никитского монастыря. В 1837–1838 и 1840–1844 гг. послушником в Сергиевой пустыни был знаменитый впоследствии игумен Череменецкого Иоанна-Богословского монастыря Антоний Бочков, называвший архимандрита Игнатия своим «духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни»[1]. Еще, по словам архимандрита Игнатия Брянчанинова: «Архимандрит Большого Тихвинского монастыря и Игумен Малоярославецкого монастыря поступили из мира прямо в Сергиеву пустынь». А в 1857 г. 13 апреля он писал игумену Варфоломею: «У нас в монастыре имеется новость: бывший мой Наместник Иларион произведен во Игумена Владимирской епархии в третьеклассный Юрьевский монастырь».

Но были и такие, которые, выйдя из Пустыни и потеряв строгого руководителя, растеряли и приобретенное там благонравие. Один из них, это о. Феофан (в миру Александр Федорович Комаровский), бывший наместником в Сергиевой пустыни в 1836–1841 гг. Он оказался личностью весьма противоречивой. Святитель Игнатий, тогда еще послушник Дмитрий Александрович Брянчанинов, познакомился с ним в 1830 г. в Кирилло-Новоезерском монастыре, и они оба очень понравились друг другу. По отбытии оттуда из-за болезни, Дмитрий Александрович в письмах постоянно передавал ему поклоны, называя «возлюбленнейшим по духу собратом». После назначения отца Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни, о. Феофан стал проситься к нему. Архимандрит Игнатий писал о нем Преосвященному Стефану, епископу Вологодскому и в 1835 г. Комаровский был уже в Пустыни. В 1841 г. он был переведен строителем в Кирилловский Новоезерский монастырь. До 1844 г. они переписывались, а после этого времени сведений об их сношениях не имеется.

О последующих событиях в жизни о. Феофана написал в своих «Воспоминаниях» архимандрит Пимен (Угрешский). «Из младшей братии я застал в монастыре (Новоезерском) между прочими: Комаровского Александра Федоровича... Комаровский родом из Белоезерских дворян; был лет 22 или 23, и уже года с три находился в монастыре. Мать его жила в Горицком монастыре при Игумении Маврикии. Александр Федорович Комаровский имел характер кроткий, смиренный, услужливый, за что

[1] Подробнее о нем см. Настоящее издание, т. 4, с. 566–596.

был всеми и любим и уважаем. Старец Феофан считал его своим самым искренним учеником. В последствие времени желание всех видеть его начальником обители осуществилось, но не на пользу ему, а к явному вреду обители и к великой скорби всей братии, к которой он видимо изменился.

Шестнадцать лет спустя, когда, в 1848 году, я посетил Новоезерскую обитель, где Комаровский был уже Игуменом, я не нашел в нем ниже единой черты, которая бы могла мне напомнить, каким я его оставил. ... Я увидел перед собою тучного человека, черты все огрубели, волосы стали рыжеватыми; вместо мягкого голоса я слышал хриплый и резкий, и во всех приемах проглядывало что-то жесткое и самонадеянное.

Главные его отступления от прежнего устава были: 1) он допустил в обители винопитие, 2) невнимательность к нравственности братии, что привело ко всеобщей распущенности, 3) несоблюдение Устава Церковного, и вследствие всего этого обитель стала видимо оскудевать в своих средствах. Вскоре у Настоятеля с братиею вышли несогласия и раздоры. Он постоянно вынужден был прибегать к косвенным мерам, чтобы замять то или другое дело, и так как он имел людей искусных, которые за него действовали, то избавлялся от преследований. Он был переведен в Большой Кириллов Белоезерский монастырь, но там его ожидала прежняя участь. После долгих домогательств он был наконец переведен в Соловецкую обитель, где и окончилась его плачевная жизнь в 1871 году».

Другой — это о. Аполлос Попов, постриженник Сергиевой пустыни, с 1836 г. — казначей, а после отбытия о. Феофана Комаровского, с 1841 по 1844 г. — наместник обители. В архиве сохранилась: «Первоклассной Троицкой Сергиевой Пустыни Настоятеля Архимандрита Игнатия, оной же Пустыни Иеромонахам Феофану и Аполлосу Инструкция» от 29 сентября 1836 г., в которой изложены обязанности наместника и казначея (приводится ниже).

В 1844 г. о. Аполлос, по рекомендации архимандрита Игнатия, был назначен строителем Старо-Ладожского Николаевского монастыря. Перед тем, как отправиться на место службы, он посетил Киево-Печерскую Лавру и поклонился мощам печерских старцев. Митрополит Киевский Филарет писал тогда архимандриту Игнатию: «Не успел я написать к Вам с о. Аполлосом, ибо отправлялся в то время для обозрения епархии. Брат сей у нас вел себя весьма хорошо, может быть, что-нибудь получил и для души. Да благословит его Господь Бог на новом месте».

Но с занятием более высокого положения о. Аполлосом овладел, по-видимому, бес тщеславия. 12 августа 1847 г. архимандрит Игнатий писал из Бабаевского монастыря своему наместнику: «От отца Аполлоса я получил сегодня письмо, в котором извещает, что он уволен от поездки. Я этим очень доволен: ему нужно побыть на месте и успокоить себя; а развлечение могло бы его совершенно расстроить». А 27 ноября того же года: «От Аполлоса получил два-три письма, которые мне очень не понравились: шельмовские. В особенности не понравилось последнее. Делает то же, что и с тобою: выпытывает, возвращусь ли в Сергиеву и когда возвращусь». Отец Аполлос нашел себе покровителя в лице Преосвященного викария Нафанаила, враждебно настроенного по отношению к архимандриту Игнатию, и, возможно, мечтал занять его место в Сергиевой пустыни. Архимандрит Игнатий сожалел о поведении своего бывшего ученика: «и для него собственно и для монашества: потому что он очень был способен водиться с молодыми монахами. О. Аполлос очень наружен, поверхностен по уму своему и сердцу, а потому очень доступен и удовлетворителен для новоначальных и мирских, которым предостаточно поверхностное слово». Но в письме от 18 апреля 1849 г. он уже сообщал другу своему, игумену Варфоломею: «Преосвященный Митрополит Никанор — Пастырь добрейшего сердца и светлого ума, к монашеству весьма расположен, — шайку мошенников унял и обуздал, а между прочим, и Аполлоса, воспретив ему без своего ведома таскаться в Петербург, в котором Ладожский Строитель, кинув свой монастырь, проживал непрестанно, занимаясь разными пронырствами, прискивая себе места повыше и повеселее Ладожского».

Отец Аполлос смирился и остался в Старо-Ладожском Николаевском монастыре, где проявил себя, как рачительный хозяин. В 1854 г. он построил там «трехэтажный, каменный, крытый железом корпус длиной до 13 сажен, шириной до 7 сажен. В верхнем этаже — библиотека, школа и жилые помещения; в нижнем — хозяйственные службы, кладовые. Дом устроен по Высочайше утвержденному плану на деньги благотворителей». Игумен Валаамского монастыря Дамаскин пришел в восторг от этого дома: «Я не говорю только о его внешности, по которой он мог бы быть и в лучших улицах столицы. Самое внутреннее расположение его комнат... одним словом все мне в них очень понравилось»[1].

[1] Настоящее издание. Т. 3. С. 471.

Архимандрит Игнатий ценил деловые качества о. Аполлоса. Время от времени он поручал ему разные дела по благочинию[1]. В 1854 г. о. Аполлосу вручен игуменский посох, и с этого же года, по представлению архимандрита Игнатия, он был утвержден в должности помощника благочинного; с 1860 г. — он архимандрит. В 1863 г. архимандрит Аполлос был отправлен на покой, и тут снова проявились странности его характера, о чем писал заступивший на его место игумен Иоанн П. П. Яковлеву: «Многоуважаемый и добрейший Павел Петрович! Ваше святое участие в моем отношении к вверенной мне обители Святителя Николая как бы воскриляет меня к предстоящим трудам. Вашим радушием, Вашей опытностию не лишайте меня во дни скорбные. Сегодня я отправил к отцу Благочинному рапорт о дозволении Отцу Архимандриту Аполлосу выехать в С. Петербург. Прошу Вас похлопочите о скорейшем разрешении сего обстоятельства, ибо отец Архимандрит Аполлос, живя в настоятельских келлиях, не освобождает их добровольно. Оскорблять его, и без того скорбного, не хотелось бы, да и стеснять себя бивуачной жизнию не приходится. Вы знаете, и в расстройстве разных частей хозяйства достаточно хлопот, помимо тех, которые составляются из фантазий о. Аполлоса. Он удивительный человек по этой части... ничего не думает и ничего не ждет, а так себе живет преспокойно и вдобавок ездит по гостям.

Прилагаемые книги примите благосклонно как плоды трудов моих в минувшие дни свободы и отдохновения среди возложенных на меня послушаний.

Игумен Иоанн

14 дек. 1863 г.»[2]

Приютил тогда о. Аполлоса архимандрит Игнатий (Малышев), и таким образом он снова оказался в Сергиевой пустыни, где и закончил в 1874 г. свой земной путь.

***

Эти двое, о. Феофан Комаровский и о. Аполлос Попов, были исключениями в среде благонравной братии Сергиевой пустыни. М. В. Чихачев писал, что деятельности настоятеля особенно помогало «умение выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им дове-

[1] См. Настоящее издание, т. 3, с. 465.

[2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 11.

ряемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение».

Одним из таких людей «со способностями» в Сергиевой пустыни был о. Игнатий Васильев, прозванный Игнатием большим, в отличие от Игнатия Малышева — маленького. В миру Федор Михайлович Васильев, он происходил из купеческого звания, родился в Петербурге в 1806 г., образование получил в уездном училище. Уже с двадцатилетнего возраста он ощутил в себе тягу к монашеской жизни. В 1832 г. поступил послушником в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, а оттуда в 1834 г. перешел в Сергиеву пустынь к архимандриту Игнатию, которым и был пострижен в монашество 2 сентября 1837 г. В 1839 г. — он иеромонах, в 1841 г. — казначей Пустыни. После перехода о. Аполлоса в Старо-Ладожский Николаевский монастырь он был 25 февраля 1844 г. назначен на его место наместником.

Отец Игнатий (Васильев) был личностью незаурядной, но для воспитания в нем настоящего монашеского духа отцу архимандриту Игнатию Брянчанинову пришлось затратить немало усилий. «Владея сильным тенором, с необыкновенно благообразной наружностию, он был весьма благолепен в богослужении и, как человек умный, ловкий, бойкий от природы, имел способность снискивать благорасположение людей вообще. В новоначалии своем он нес послушание старшего келейника при архимандрите, где сделался известен всем, посещавшим настоятеля, что и облегчило ему впоследствии, когда он был возведен на степень священнослужащего и наместника, поддержать и распространить свои знакомства».

При всех своих положительных качествах о. Игнатий большой не лишен был тщеславия. Об одном из эпизодов, характеризующих его с этой стороны, рассказывает в своих «Воспоминаниях» архимандрит Игнатий Малышев (см. с. 405–416). Не лишен был Игнатий большой и чувства зависти. Замечая, что его тезка, Игнатий маленький, пользуется особенным расположением Архимандрита и посетителей монастыря, он невзлюбил его. В 1847 г., когда Архимандрит был в отпуске в Николо-Бабаевском монастыре, а он замещал его в должности наместника, он однажды, глухой осенью, в распутицу послал маленького Игнатия, без особой необходимости, в открытой повозке в Ладож-

ский монастырь. Посланный жестоко простудился и на обратном пути заболел так, что не в силах был доехать до Пустыни. И только попечение родных, при помощи Божией, помогло ему встать на ноги и возвратиться в обитель.

Несмотря на подобные слабости характера о. Игнатия (Васильева), Архимандрит любил его за способности, за прекрасный голос, за деловые качества и относился к нему с большим доверием. Во время его отпуска о. Игнатий большой с 17 июня 1847 г. по 12 июня 1848 г. «по указу Св. Синода управлял оною пустынею, с передачей ему всего монастырского имущества и денежных сумм». Благодаря частой переписке, архимандрит Игнатий оставался в курсе всех дел в Пустыни, давал советы и указания. Всего за время отпуска, несмотря на болезненное состояние, он написал о. Игнатию 44 весьма пространных письма. Письма эти чрезвычайно интересны, так как значительно дополняют сведения о настоятельской и хозяйственной деятельности архимандрита Игнатия, также характеризуют его отношения с братством, находящимся на его попечении. Из них можно также узнать о его путешествии из родной обители в Бабайки и о впечатлении от монастырей, которые он посетил.

Первым монастырем на его пути был Юрьев (под Новгородом). «Отец Архимандрит принял меня очень благосклонно; сегодня утром был я у ранней обедни в нижней пещерной церкви... С колокольни смотрел на Новгород и его окрестности. Здесь тихо; отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валаме». Затем — Москва. «Преосвященного Митрополита нет в Москве; он путешествует по некоторым местам Епархии; мне придется дождаться его. ...В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается Богомольцами очень мало и потому — очень уединенна. ... В пятницу был я в Кремле для поклонения его святыням. Угрешский был моим путеводителем. ...Был в монастырях: Чудове, Новоспасском, Симонове, Донском.

...Скажу одно: братиям нашей Сергиевой Пустыни должно благодарить Бога, что Он привел их в эту обитель, в которой довольно строго наблюдают за нравственностию, чем сохраняют молодых людей, дают им возможность устроить себе благонравие, составляющее существенное достоинство инока». И в следующем письме: «Завтра думаю ехать в Бородино; затем воротиться в Москву не более как на сутки и пуститься через Лавру, Ростов, Ярославль, в Бабайки и Кострому». И уже из Бабаек:

«В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. Угрешский отец игумен думает на покой. ...Бородинская Г-жа Игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, многие с хорошим светским образованием». Следует добавить, что по этим впечатлениям архимандрит Игнатий вскоре выпустит небольшую брошюру: «Воспоминание о Бородинском монастыре», а с госпожою Игуменьей продолжит сношения посредством переписки.

По прибытии в Бабайки, несмотря на болезненность и утомление, архимандрит Игнатий сразу же включается в дела оставленной им обители. Сергиева пустынь к тому времени владела 215 десятинами земли, на осушение которой от болот, расчистку и обработку было затрачено немало сил и средств; М. В. Чихачев отдал на эти работы все свое состояние — 40 тыс. рублей. Поскольку наступило время уборочных работ, от результатов которых в значительной мере зависело благосостояние обители, тема урожая весьма часто возникает в письмах отца Архимандрита. «Относительно того, что трава скошена молодою, моложе, чем прошлого году, я согласен с Хуторным. Желаю Вам убрать рожь и овес благополучно. Если овса будет довольно, то часть можно продать, и на часть этих денег купить хоть 20 коров и бычка, чтоб они во время зимы накопили навозу для ржаного поля», — пишет он 14 августа 1847 г. А в следующем письме: «Очень рад, что сенокос убран благополучно; желаю, чтоб вы успели убрать так же благополучно хлеб и овощи. Присматривался я к полям при моем путешествии: точно — трудно встретить такую обработку, какова она у нас, и такой чистый и рослый хлеб, каков он у нас». Затем, в письме от 7 сентября: «Очень рад, что уборка полевых продуктов идет успешно: я по всей дороге не видал таких хлебов, какие у нас. О косулях я сам думал: нахожу, что удобнее будет прислать зимою; водою, кажется, уже поздно. Мне сказывали здешние агрономы, что траву непременно должно посыпать гипсом, высевая 30-ть пудов на десятину; гипс действует два года; а на один и тот же участок сыплют его не раньше, как через 8-мь лет, тоже по какой-то причине, которую мне не могли хорошенько изъяснить, которую и я не хоро-

шо выслушал». 29 сентября: «Прилагаю при сем описание о посеве клевера, сделанное одним из знаменитейших здешних агрономов. Подумайте — нельзя ли у вас завести одного участка чисто клеверного». 23 октября: «Жаль, что коров купить не на что. Задний участок, т. е. ту именно часть его, в которой очень плохо родилась трава, спахать и удобрить золотом, на нем посеем овес. А вместо ржаного поля отделаем место за валом — надо когда-нибудь его отделать». И 24 марта 1848 г.: «За урожай благодарю Бога, благодарю и тебя, душа моя, за твои распоряжения. Вероятно, за продажею овса и сена Вы могли очиститься от долгов, накопившихся во время монастырской бездоходицы. Шесть косуль лучшей работы сделаны по заказу Паренсова[1], который сам хлопотал, в Вологде сделаны и отправлены на имя твое. Они стоят по 10 руб. ассигнациями каждая. ...Но провоз по нынешним плохим дорогам будет стоить дорогонько: просят 87 руб. ассигнациями — не знаю, на чем согласились». Трудно представить себе, что подобными делами приходилось заниматься автору «Аскетических опытов». «Но что же делать? Такова судьба Настоятелей». Хозяйский глаз пригодился и в Бабайках: «Пред самым монастырем, шагах в 100 от св. ворот обильно сочилась вода, не замерзающая, по сказаниям жителей, и зимою. Я нанял, чтоб очистили это место и впустили струб в 2 аршина вышиною. Что ж? Ударило до двадцати ключей, и мы имеем чистейшую, как хрусталь, воду, из которой образуется ручей, текущий в Волгу».

При таких хозяйственных талантах отцу Архимандриту приходилось быть очень экономным и учитывать каждый рубль, потраченный на его скромные потребности: «Не думаю от вас требовать много денег; однако деньги нужны на больных. Подумай же: что здесь живут на своем иждивении сам-шесть; на всем покупном». И далее: «Письмо твое и при нем деньги 185 р. серебром я получил. Точно, как ты и догадываешься, это очень мало, судя по требованиям, которые здесь рождает и мое лечение, и лечение двух больных, Стефана и Сисоя. Но и за это слава Богу! Сколько людей достойнее меня, а нужды терпят более меня». Это было в январе, а в марте: «Сделай милость пришли мне двести р. серебром в счет кружки. Очень нуждаюсь; занял 120 сереб<ром>, и из тех только 10 асс<игнаций> осталось. Больные очень дорого стоят. Их содержу, лечу; и себе, и им прислугу нанимаю»...

[1] *Паренсов Димитрий Тихонович* — муж сестры Святителя, Елизаветы Александровны.

Однако не только о земном размышлял и писал архимандрит Игнатий в Бабайках; забота об оставленном братстве не покидала его, он пишет «Послание к братии Сергиевой пустыни», в котором снова напоминает о необходимости глубже вникать в Слово Божие и осуществлять его жизнию: «Пребывая с вами, всегда напоминал я вам, увещевал вас заниматься Словом Божиим: оно может даровать нашей шумной обители достоинство обители уединенной; оно может построить духовную ограду вокруг обители нашей, не имеющей вещественной ограды... Находясь в отсутствии, не нахожу ничего лучшего, как повторить вам письменно то, что говорил устами» (полностью см. Настоящее издание, т. 2, с. 45–48). А отцу наместнику он поверяет следующие мысли: «Ныне мудреное время; где ни насмотрелся — везде зло берет верх, а благонамеренные люди находятся в гнетении. Спаситель мира повелел стяжевать души свои терпением. Полагаюсь на волю Божию. Здешнее уединение показывает мне ясно, что по природным моим свойствам и по монастырскому моему образованию — быть бы мне пустынником; а положение мое среди многолюдного, столичного города, между людьми с политическим направлением, — есть вполне не натуральное, насильственное. Молитва и слово Божие — вот занятие, единственно мне идущее. При помощи уединения могли бы эти два занятия, кажется мне судя по опытам, очень процвести, и желал бы я ими послужить ближним. Для прочего служения есть довольно людей, с преизбытком; а для этого ныне, просто сказать, не найти». Судя по всему, несмотря на гнетущие его болезни, именно этим занятиям он посвящал в Бабайках большую часть времени. «Лежу и лежу», — часто повторял он в письмах. Нельзя, однако, принимать эти слова буквально. Есть достаточно свидетельств огромной работы его ума в этот период. Несомненно, что он использовал впервые полученный отпуск и уединение для обдумывания и написания отдельных статей, вошедших потом в его «Аскетические опыты». Об этих своих трудах он почти никому не писал, но некоторые мысли проскальзывают в его письмах духовным чадам. Здесь, в Бабайках, он написал «коротенькую брошюрку "Воспоминание о Бородинском монастыре"» и другое сочинение[1] по просьбе своих друзей Александровых. Наконец, — письма. «У меня подобных посланий накоплено на целую книгу. Когда Бог даст мне возвратиться в свое время, во время мира, по исшествии Бонапарта и усмирении Пугачева, —

[1] Статья «Житейское море», включенная позже в «Аскетические опыты».

может быть, я решусь и на напечатание упомянутого собрания, по должной выправке и вычистке оного», — по содержанию и слогу их можно было бы отнести к числу самых замечательных его сочинений, написанных для мирян. И если их объединить вместе, то они действительно составили бы полновесный том (часть их была опубликована в четвертом томе его произведений).

По представлению архимандрита Игнатия Брянчанинова, «за исправное управление Сергиевой пустынью» во время его отсутствия о. Игнатию (Васильеву) «была объявлена признательность Епархиального начальства».

22 марта 1851 г. Игнатий (Васильев) был перемещен «для пользы службы в первоклассный Юрьев монастырь наместником же»; 23 августа 1853 г. определен настоятелем Свято-Благовещенской Никандровой пустыни и через полгода произведен во игумена. Много трудов он положил для благоустройства своей обители, за что 30 мая 1865 г. возведен в сан архимандрита. Скончался он 18 декабря 1870 г.

Вообще, архимандрит Игнатий Брянчанинов, будучи сам талантливейшим человеком, с большим уважением и благорасположением относился к талантам других. Много усилий затрачивал он для привлечения в Пустынь людей с различными способностями, не останавливаясь тратить для этого личные средства, как это случилось, например, с будущим иеродиаконом о. Гедеоном, обладавшим красивым голосом — баритоном, которого он выкупил у фабриканта Жукова за 200 рублей. Воспитывая своих учеников, приучая их к исповеданию помыслов, он в то же время поощрял их к духовному самообразованию путем чтения творений святых Отцов, и для этого постоянно выписывал вновь издаваемые книги, в том числе издания Оптиной Пустыни. Он присматривался к их способностям и, заметив оные, стремился к их развитию. Таким образом, ему удалось воспитать, по крайней мере, двух в будущем замечательных деятелей Церкви.

***

Первый — это, конечно, Игнатий маленький, до пострижения Иван Васильевич Малышев. Он родился 24 марта 1811 г. в деревне Шишкине Даниловского уезда Ярославской губернии. Образование получил домашнее. Когда ему исполнилось 12 лет, родители привезли его в Санкт-Петербург и отдали в учение к купцу Лесникову. Семья этих купцов в дальнейшем стала одним из благотворителей Сергиевой пустыни. С раннего возраста Ваня полюбил посещать храмы, и у него проявилось желание

уйти в монастырь. Ему посчастливилось познакомиться с о. Игнатием Брянчаниновым почти сразу же после приезда того в Петербург, и о. Игнатий согласился принять его в послушники Сергиевой пустыни. Таким образом, Ваня прибыл в эту обитель одновременно с архимандритом Игнатием и М. В. Чихачевым и стал первым келейником о. настоятеля. Скромный, молчаливый, в то же время одаренный природным умом и способностями, обладавший поэтической натурой, он вошел в душу своего наставника, и тот очень полюбил его. Но кого любят, тому и больше достается. В первые годы послушничества на долю Ивана Васильевича выпало немало испытаний. В Пустыни не хватало братства, и ему, наряду с послушанием келейника, приходилось быть свечником, кружечником и помогать в просфорне. Дела было столько, что он иногда и в трапезу не успевал ходить. Он не имел не только своей кельи, но даже кровати, и ночи проводил то на стульях, то на полу, то на подоконнике в спальне настоятеля. Часто приходилось ему переносить и поношения и унижения от настоятеля (как и тому, в свое время, от старца Леонида). Но молодой инок принимал все со смирением, понимая, что настоятель поступал так, желая ему пользы. И несмотря на все труды и подвиги, он был счастлив, что живет в монастыре и при таком наставнике: «Я был в таком настроении, что от радости иногда не ощущал земли под ногами, а проходил из церкви по всему монастырю, как по воздуху; весь ум был в созерцании неизреченного наслаждения внутреннего»[1].

Однажды ему пришлось ходить за больным меньшим келейником настоятеля. Сидя у больного, начал он копировать картинки из книг. Настоятель, навещая больного, заметил его способности к живописи и предложил ему поучиться в Академии.

Три месяца прожил молодой послушник в Петербурге, беря уроки у знаменитых художников. Особенно много он получил от Карла Павловича Брюллова, который считал его очень способным. Об этом периоде своей жизни он написал много лет спустя, уже будучи настоятелем Сергиевой пустыни, в «Воспоминаниях», напечатанных в «Русской старине» (1883 г. октябрь):

«С этого времени Иван Васильевич постоянно занимался живописью. Его руками был написан почти весь трехъярусный иконостас соборного храма Святой Троицы»[2].

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. С. 20. ‖ [2] Там же. С. 26.

В 1839 г. Иван Васильевич Малышев был пострижен в рясофор с именем Игнатия, в 1842 г. — в мантию; 1 апреля 1844 г. он был рукоположен в сан иеродиакона, 2 апреля — в сан иеромонаха.

«Пользуясь наставлениями и полным руководством духовного своего отца, о. Игнатий, одаренный редким природным умом и необыкновенной сметливостью, иногда незаметно и сам служил полезным советом в делах своему наставнику. Изнуренный болезнями и скорбями, о. Архимандрит не отвергал этих советов, но тут же, случалось, и смирял своего ученика, выгоняя его иногда из кельи в присутствии других. ... О. Игнатий, как уже опытный в монашеской жизни, переносил все с любовью. ... Вместе с тем никто, кроме маленького Игнатия, не умел успокоить о. Архимандрита во время его болезней, когда он, встревоженный, нервный, посылал за ним. Тот молча, иногда одним своим присутствием, успокаивал его, а потом, по усмотрению, развлекал его разговорами»[1].

За свою скромность, неискательство, мягкий характер о. Игнатий был сердечно уважаем всеми посетителями Сергиевой пустыни. Он был принят во многих аристократических домах как друг и наставник, «не послабляя, впрочем, хозяевам ни в чем». Даже Императрица Александра Федоровна, приезжая в Пустынь, заходила в его келью посмотреть его живопись. Однажды он решился преподнести ей икону своей работы и удостоился получить от нее подарок.

В 1848 г. в Петербург была занесена холера. Не хватало священников для исполнения церковных треб и напутствия больных. Потребовали монахов из монастыря, в числе их был о. Игнатий (Малышев), который ревностно и бескорыстно исполнял все требы, разъезжая целый день с иконою в разные концы города. Тогда же скончалась и его матушка.

Братья о. Игнатия, старший Макарий, в монашестве Моисей, в схиме опять Макарий, и младший Петр, в монашестве Платон, тоже к этому времени вступили в Сергиеву пустыню. Они приносили обители немалую пользу. О. Макарий, еще находясь в миру, пожертвовал в ее пользу весь свой благоприобретенный капитал в 50 тысяч рублей ассигнациями. На эти деньги в 1840 г. был выстроен большой деревянный, на каменном фундаменте корпус братских келлий.

К 1850 г. маленького Игнатия начала преследовать мысль о необходимости перестройки теплой церкви во имя преподобно-

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). С. 27.

го Сергия Радонежского. «Давно нуждалась Сергиева пустынь в пространной церкви. — писал он позже. — Помнят благочестивые посетители, как бывало тесно в старой Сергиевской церкви в великие посты и в большие праздники. Многие богомольцы не могли вмещаться и оставались вне оной». Отец Игнатий начал подговаривать Архимандрита о постройке новой церкви. Княгиня З. И. Юсупова согласилась, по его просьбе, пожертвовать на новое строительство 40 тысяч рублей. Но архимандрит Игнатий испытывал большие сомнения: он понимал, что таких денег на строительство не хватит, не хватит и у него самого сил на организационные хлопоты и трудности, обязательно сопровождающие всякое новое дело. Маленькому Игнатию удалось все же убедить его, при условии, что все хлопоты он возьмет на себя. Архимандрит выбрал архитектора А. М. Горностаева, известного ему по постройкам в Валаамском монастыре, и утвердил разработанный им проект большого трехнефного храма.

Разборка старого здания и закладка нового состоялись в 1854 г. «Ревнуя с теплотой о благолепии храма преподобного Сергия, отца обители, и не желая ввести в затруднение настоятеля, о. Игнатий [Малышев] начал заботиться о доставлении материалов экономическим образом. До тех пор известно было, что во всей окрестности не было найдено ни куска гранита. О. Игнатий, как бы по внушению, ежедневно рано утром отправлялся в лес для приискания гранита... Господь видимо помогал труженику. И вот, наконец, в ненастный ноябрьский день он хотел уже возвратиться в обитель, как почувствовал под палкой более твердую почву; разрыл мох и нашел кусок гранита самого лучшего качества. Немедленно приступили к раскопке и нашли огромного размера камень, вроде яшмы, которого хватило на все колонны, и с этих пор недостатка в граните не было, и его хватило на все последующие постройки»[1].

Немало искушений претерпел о. Игнатий (Малышев) при строительстве, немало труда и даже жертв пришлось ему понести. Из-за нехватки средств Архимандрит предлагал поставить резной дубовый иконостас, а малеиький Игнатий, «желая, чтобы в храме все было великолепно, настаивал на мраморном иконостасе». Чтобы восполнить недостающую сумму, он решился продать подаренную ему картину Брюллова — «ракурс плащаницы», которую княгиня Юсупова купила за 1,5 тысячи рублей. Много потрудился о. Игнатий непосредственно в храме: сам, подолгу ползая по

[1] Там же. С. 37.

Сергиева пустынь. Св. Врата и корпуса монастырских келлий

полу, распланировал мозаичный гранитный паркет, изображения святых в медальонах почти все написаны были его рукой, разноцветные стекла с узорами также были сделаны по его рисунку. Освящение храма состоялось уже после отъезда святителя Игнатия в Ставрополь, 20 сентября 1859 г.

Труды Игнатия (Малышева) по построению храма принесли пользу ему самому: будучи уже образован как живописец, он приобрел огромный опыт как архитектор, что сказалось на его последующей деятельности.

В 1857 г. бывший наместник Сергиевой пустыни иеромонах Иларион был переведен в Юрьевский монастырь, и 15 апреля на его место был назначен о. Игнатий (Малышев). Число братства Пустыни состояло к этому времени из архимандрита, 14 иеромонахов, трех иеродиаконов, двух диаконов, шести монахов, 20 послушников и десяти богомольцев. Через несколько месяцев архимандрит Игнатий Брянчанинов был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. По его предложению и по выбору всей братии Сергиевой пустыни новым настоятелем назначался Игнатий (Малышев). 17 ноября 1857 г. в Казанском соборе он был возведен в сан архимандрита. «Сердце нашего батюшки пребудет в Сергиевой пустыни», — писал в связи с этим один из учеников святителя Игнатия.

Действительно так: будучи ближайшим учеником и, можно сказать, другом Преосвященного Игнатия в продолжение 24 лет, ма-

ленький Игнатий, став его преемником, ни в чем не изменил привычного уклада в жизни Пустыни. Не будучи таким образованным, он тем не менее многое перенял от учителя и в способе управления, и в манере поведения и общения с постоянными прихожанами монастыря и не растерял ее обычных благотворителей. По присущему ему смирению и доброте, для паствы он был скорее отцом, чем настоятелем. И паства относилась к нему с должным почтением. Таким образом, он оставался настоятелем Пустыни 40 лет и многое сумел сделать на ее пользу и вообще на пользу Церкви.

После отъезда Преосвященного Игнатия в Ставрополь, Игнатий маленький постоянно изъявлял желание приехать к нему. Епископ Игнатий, хотя и сам желал увидеться с ним, но из собственного опыта зная, что из этого может получиться, предостерегал его. В письме М. В. Чихачеву от 10 марта 1862 г. он писал: «Если встретил затруднение в получении отпуска, то лучше и не начинать, тем более, что в поездке никакой крайности нет. В особенности же о. Архимандрит [Игнатий Малышев] должен быть осторожным и для себя и для обители». А в письме от 17 марта 1863 г.: «Очень буду рад посещению о. Архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что к советам я потерял способность, если и имел ее». Но и эта предполагаемая встреча не состоялась.

Архимандрит Игнатий (Малышев) в письмах уговаривал Преосвященного Игнатия издавать свои сочинения. «Передай о. Архимандриту, — отвечал Преосвященный в письме М. В. Чихачеву от 10 августа 1860 г., — что я никак не желаю, чтоб ныне они были напечатаны, по многим причинам, между прочим, и по той, что я их выправляю и пополняю. ... У о. Архимандрита имеется снимок многих моих сочинений в память о мне грешном и в память того, что я, хотя сам мало знал, но что знал, то братии сообщал в общее спасение. Почему прошу и молю о. Архимандрита моих сочинений не печатать ни в целом виде, ни в выписках, ни в переделанном виде». Но в 1865 г., когда уже вышли из печати первые тома «Аскетических опытов», святитель Игнатий писал брату — 1 мая: «Дай Бог, чтоб книга была сколько-нибудь полезна современному христианству. Получил от Архимандрита Игнатия и от Норова письма, в которых видно их сочувствие к учению, изложенному в "Опытах"». Вероятно, речь идет о следующем письме о. Игнатия (Малышева):

«Ваше Преосвященство!

Лежу я в том самом углу, в котором Вы лежали, и почитываю книжки, которые Вы мне прислали. При чтении оных пришло

мне на память библейское событие: «Бысть глад во Израиле при Илии пророце, заключися небо три лета и месяц шесть».

Тогда томилось человечество, томится и теперь, не гладом пищи, но гладом слышания слова Божия.

Вы отверзли небо — потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях и от избытка чувств и душевной благодарности ничего более сказать не могу. Тот лучше знает, что дает бедной душе, кто, благодатно созерцая, уделяет от этой трапезы неимущему.

Ваша книга — книга жизни! И учения воды живы, напоящие души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во времена пророка. Хотя есть и другие источники, похожие на настоящие, но, к сожалению, — живописные, не утоляющие жажды; а сколько предлагается мутных, ядовитых для бедного человечества! Напившиеся из таких источников, хотя не поражаются смертью телесной, но смерть души приобретают.

Как бы мне хотелось, Владыко, вырваться к Вам, хотя бы на короткое время, но не предвижу возможности».

И когда чуть было не приостановилось издание следующих томов, святитель Игнатий писал С. И. Снессоревой — 25 января 1864 г.: «Богу угодно дозволить, чтоб и остальные два тома моих сочинений были напечатаны. Когда я прочитал в письме Вашем к Петру Александровичу намек на некоторую надежду склонить И. И-ча к исполнению намерения его, высказанного им с самого начала, то почувствовал побуждение написать об этом Отцу Игнатию. И Бог благословил начинание, истекшее от Вас»[1].

Также святитель Игнатий обращался к посредничеству своего бывшего ученика, когда начал хлопоты об увольнении от управления Епархией. 31 июля 1861 г. он писал М. В. Чихачеву: «Попроси от меня о. Архимандрита Игнатия, чтоб он поговорил о мне Митрополиту, а если нельзя прямо, то через Преосвященного Викария. <...> Прошение [об увольнении] послано 24 июля, следовательно, переговором надо поторопиться».

До конца своих дней святитель Игнатий не прерывал сношений с Сергиевой пустынью и со своим первым учеником, ее тогдашним настоятелем. В мае 1862 г. он переслал ему свой наперсный крест, украшенный бриллиантами, розами и сибирскими аметистами, для употребления при богослужении им самим и последующими настоятелями.

---

[1] Настоящее издание. Т. 5. С. 535.

Когда в Сергиевой пустыни было получено известие о кончине Преосвященного Игнатия, архимандрит Игнатий (Малышев) написал прошение Митрополиту Исидору об увольнении на погребение «Духовного Отца и Благодетеля, Преосвященного Игнатия». Но и тогда отпуск он не получил. 7 мая 1867 г., в день, на который первоначально были назначены похороны, он служил соборне Литургию и панихиду в Сергиевой пустыни.

В память о своем духовном отце архимандрит Игнатий (Малышев) подготовил и опубликовал хранившиеся у него письма (без указания адресата) в приложении к «Жизнеописанию Святителя, написанному его друзьями и близкими», изданному в 1881 г.

Как уже было сказано, благодаря трудам о. Игнатия (Малышева), Сергиева пустынь обрела новый прекрасный храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1861 г. Андрей Николаевич Муравьев пожертвовал для него «малый крест» с частицею мощей Преподобного, который был помещен при его образе. А. Н. Муравьев, вообще, был очень расположен к о. Игнатию. В 1864 г. он еще пожертвовал в обитель крест с частицами мощей разных угодников Божиих и между ними св. Игнатия Богоносца.

Интенсивная строительная деятельность продолжалась в Пустыни во все годы настоятельства архимандрита Игнатия (Малышева). Несмотря на многие искушения, ему удалось закончить до 50 построек, некоторые из которых явились настоящими жемчужинами архитектуры. В 1862 г., по проекту А. М. Горностаева и на средства благотворителя М. В. Шишмарева был построен братский корпус с надвратною церковью во имя святого Саввы Стратилата. А в 1884 г. было закончено строительство огромного храма Воскресения Христова в византийском стиле по проекту самого отца архимандрита Игнатия (Малышева) и профессора Академии художеств А. А. Парланда. В нижнем этаже храма помещалась церковь во имя святого Архистратига Михаила, в память погребенного здесь вице-адмирала М. П. Голицына. Увы! Эта жемчужина была уничтожена в 1962 г.

Обессмертило имя архимандрита Игнатия (Малышева) как архитектора другое строение. 1 марта 1881 г. случилось ужасное событие: смерть Царя-мученика Александра Николаевича. Через некоторое время на рассмотрение Государя Александра III были представлены проекты предполагаемого храма-памятника на месте страшного события. В составлении их участвовали

Сергиева пустынь. Собор Воскресения Христова

все профессора Академии и многие иностранцы. Ни один из представленных проектов не был одобрен. В Жизнеописании архимандрита Игнатия Малышева рассказывается, что 25 марта, в день Благовещения, готовясь совершать Литургию, он сидел у своего рабочего стола и машинально начал чертить карандашом; смотрит — выходит храм, продолжает и «в какой-нибудь час времени начертил фасад большого великолепного храма». Не имея времени, он пригласил архитектора Парланда составить чистовой план храма. Тот, не веря в успех, отказывался, но за приличное вознаграждение согласился отделать план. Когда рисунки были окончены, их представили на Высочайшее рассмотрение. В ноябре месяце пришло известие, что проект одобрен и утвержден Государем Императором. Но пока ждали ответа, у отца Архимандрита возникли новые идеи по более великолепному виду храма, и он снова принялся за рисунки и снова уговорил Парланда заняться отделкой плана. Одновременно он обратился к Великому Князю Владимиру Александровичу с письмом, в котором рассказал о случившемся. Великий Князь лично доложил о новом проекте Государю, которому он понравился больше первого. В сентябре 1883 г. назначена была закладка храма, причем церемониал этого торжества поручено было составить архимандриту Игнатию. Также ему было поручено составить воззвание к русскому народу. При этом Великий Князь

Архимандрит Игнатий (Малышев)

сказал ему: «О. Архимандрит, напишите нам воззвание, ведь вы у нас писатель и никто теплее вас не напишет».

Вышесказанное, как и многие другие факты, свидетельствует об исключительном благорасположении Царственной семьи к архимандриту Игнатию. Замечание Великого Князя указывает, что он был известен и как автор «Слова в защиту русских монастырей» и других статей. А несколько позже он опубликовал двухтомный труд «Краткие жизнеописания русских святых», переизданный уже в наши дни.

Следует также отметить, что архимандрит Игнатий (Малышев) был настоящим патриотом, что он с большим сочувствием относился к родственным славянским народам, страдающим от турецких нападений. Он деятельно участвовал в построении нового храма в Сараеве пожертвованием всего иконостаса. Когда началась война с турками за освобождение славян 1877–1878 гг., он принимал участие в проводах полков на славные подвиги. А когда начали прибывать раненые, он обратил один из корпусов монастыря в военный госпиталь и определил двоих из братий для ухода за ними. Великая Княгиня Александра Иосифовна приняла госпиталь под свое покровительство.

Приближался 40-летний юбилей настоятельства архимандрита Игнатия (Малышева) в Сергиевой пустыни. «Как бы не

было со мной, как с охотником на медведя: 39 убьет, а с сороковым не сладит», — шутил он, когда ему напоминали об этом. Действительно, здоровье начало сильно изменять ему. В мае 1897 г. он тяжело заболел, и болезнь стремительно развивалась. «15-го вечером болящего посетил о. Иоанн Кронштадтский и, видя, что больной с трудом говорит, прочел разрешительную молитву». Ближе к ночи старец мирно почил на руках ближних учеников. Тело почившего было погребено в храме Воскресения Господня в приделе Архангела Михаила. Над могилой была поставлена мраморная гробница, на верхней стороне которой выгравированы слова: «Твой есть аз, спаси мя».

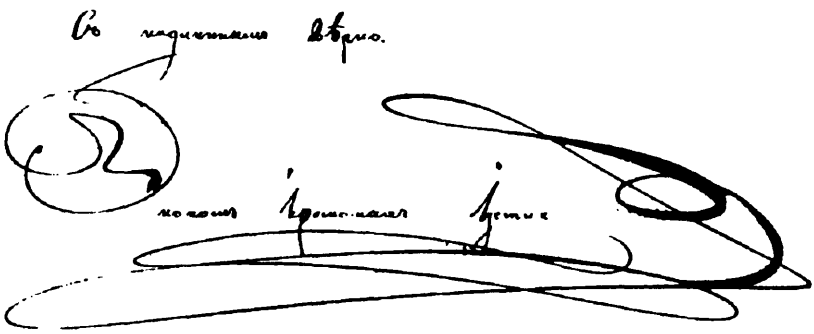
В настоящее время честные останки архимандрита Игнатия (Малышева) обретены нынешним возродителем Пустыни, отцом игуменом Николаем Парамоновым и в специально сооруженной раке покоятся в церкви преподобного Сергия для поклонения богомольцев, которых все больше притекает в Пустынь, овеянную духом выдающихся подвижников Божиих.

***

Благодаря местонахождению Сергиевой пустыни, благочестивая, подвижническая жизнь архимандрита Игнатия (Малышева) не была скрыта за монастырскими стенами, была на виду у многих его поклонников. Наоборот, жизнедеятельность другого замечательного ученика и сподвижника святителя Игнатия Брянчанинова, отца Иустина (Татаринова), не менее любимого и близкого, проходила далеко от столиц, в уединенных Бабайках, где круг его общения был очень ограниченным.

Архимандрит Иустин (в миру Иван Григорьевич Татаринов) родился в 1827 г. в Петербурге. По-видимому, он рано осиротел, потому что уже с девятилетнего возраста находился в Старо-Голутвинском монастыре, где приготовлялся к монашеству. Представляется вероятным, что святитель Игнатий Брянчанинов узнал его в 1847 г. во время пребывания в Москве по пути в Николо-Бабаевский монастырь. Во всяком случае, с конца этого года Иван Григорьевич находился в Сергиевой пустыни и по возвращении настоятеля из отпуска занял место его старшего келейника.

Несомненно, что в молодом послушнике внимание Святителя привлек его необыкновенно красивый и чистый голос — тенор, и, взяв его в свои ученики, он, прежде всего, озаботился раз-

Автограф иеромонаха Иустина (Татаринова). Публикуется впервые

витием его редкого дара. Несмотря на то, что в Пустыни были свои регенты и учителя пения, он упросил заниматься с Иваном Григорьевичем великого русского композитора М. И. Глинку. Михаил Иванович тоже полюбил способного молодого человека: «...Оставляю это до приезда Ивана Григорьевича, которого прошу по возвращении навещать меня...» — писал он архимандриту Игнатию; он с участием отнесся к его образованию и совершенствованию и приготовил из него «замечательного певца и композитора духовных песнопений в чисто православном духе».

В 1854 г. Иван Григорьевич был пострижен в рясофор. В 1855 г. он отпросился у архимандрита Игнатия для посещения святых мест. Архимандрит писал 20 июля этого года оптинскому старцу Макарию Иванову: «Не оставьте Вашим милостивым приемом и руководством моего келейного, рясофорного Иоанна Татаринова»[1]. В этом же году Архимандрит начал переговоры о своем переходе в Оптину Пустынь. «Также примите и Иоанна, — писал он о. Макарию 10 ноября. — ... Он редкий человек и по душе и по уму и достоин того, чтоб Вы его приняли: ибо по своему таланту он мог бы иметь значительное земное преуспеяние, но оставил и желает и впредь оставлять все ради Бога. Понимая, как в настоящее время необходимо для него

[1] Настоящее издание. Т. 6. С. 581.

держаться благой дружины иноческой, он желает сопутствовать мне, дабы и по моей смерти принадлежать к обществу спасающихся. Если Богу будет угодно, то мы не будем в тягость для уединенного скита, а может быть, и в некоторую, хотя и малейшую помощь. Иоанн не мог долее оставаться в Оптиной, ибо его паспорта уже истек срок; но он был посреди учеников Ваших, как посреди своих и давнишних знакомых, — такое они преподали ему чувство; между тем как в прочих обителях все и всё ему было чуждо»[1].

Как известно, перемещение в Оптину не состоялось. После возведения в 1857 г. архимандрита Игнатия Брянчанинова во епископа Кавказского и Черноморского, рясофорный монах Иоанн последовал за ним в Ставрополь. Там, 17 апреля 1858 г. епископ Игнатий постриг его в монашество, о чем и сообщал своему постоянному корреспонденту, игумену Валаамского монастыря Дамаскину в письме от 21 июля 1858 г.: «Ивана Григорьевича постриг в монашество, нарек Иустином и посвятил в иеромонаха»[2]. В том же году отец Иустин был назначен экономом архиерейского дома, а в 1859 г. возведен в сан игумена.

В июле 1861 г. епископ Игнатий Брянчанинов подал рапорт в Святейший Синод, а также обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении, которое и последовало 5 августа. 13 октября он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь, который был дан ему в управление. Вместе с ним прибыли: игумен Иустин, ризничий иеромонах Каллист, иеромонах Феофан, бывший духовник при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома, из иноков Никифоровской пустыни Олонецкой епархии, и еще несколько послушников.

30 октября 1861 г. святитель Игнатий писал М. В. Чихачеву: «Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище. Все устроилось как нельзя лучше. Еще прежде моего прибытия здешний настоятель[3] исходатайствовал себе другое настоятельское место, а потому естественно, что Иустин заступил его место к общему удовольствию братства, коего налицо более 80 чел<овек>. Монастырь удобный для монашеской жизни во

[1] Настоящее издание. Т. 6. С. 585. ‖ [2] Там же. Т. 3. С. 478. ‖ [3] Игумен о. Парфений, из вдовых священников, управлявший обителью с 5 октября 1859 г., по собственному прошению был перемещен в Николаевскую Надеевскую пустынь Костромской епархии.

всех отношениях! Воздух и вода прездоровые». О том же святитель Игнатий сообщал и игумену Дамаскину в письме от 16 ноября 1861 г., в котором присовокупил: «Здесь все братские келлии пришли в ветхость и необходимо требуют перестройки: желаю, чтоб постройки здешния были сделаны прочно, с должною иноческою скромностию и удобством»[1]. Также собор был настолько ветхим, что в нем прекратились богослужения, хлебопашество было в упадке, необходимых припасов было очень мало. Поэтому и здесь приходилось начинать с того же, с чего начинал святитель Игнатий и в Лопотовом монастыре, и в Сергиевой пустыни.

Игумен Иустин был утвержден в должности наместника монастыря 28 октября 1861 г. И ему очень повезло, что в предстоящих трудах по восстановлению монастыря у него был такой руководитель, как святитель Игнатий, который сразу же определил план действий, использовал свой авторитет для привлечения благотворителей, занимался необходимой перепиской с начальством. Он даже, для обеспечения монастыря средствами, решился расстаться с очень дорогой для него вещью — драгоценной панагией, подаренной ему императрицей Александрой Федоровной. Он переслал ее в Петербург брату Петру Александровичу, чтобы тот вернул ее в Кабинет. На вырученные 3,5 тысячи рублей был произведен самый неотложный ремонт и куплены предметы первой необходимости. Также в целях увеличения монастырских доходов игумен Иустин, по предложению святителя Игнатия, поставил на Волге пристань против монастыря, у которой останавливались все идущие мимо пассажирские пароходы. В пристроенной здесь же часовне во время остановок служились молебны и продавались свечи, просфоры и образа. Кроме того, была произведена осушка заболоченных участков земли и восстановлено хлебопашество.

Святитель Игнатий был очень доволен деятельностью своего наместника, но особенно ценил его человеческие качества. Еще 12 мая 1860 г. он писал М. В. Чихачеву: «Пишешь, что о. Иустин редкой души человек. Точно: к нему имеется особенная милость Божия. Я должен благодарить Бога, что Он, по великой милости Своей, послал мне на старость, при крайней немощи моей, человека, несущего о Господе тяготу мою». А брату, П. А. Брянчанинову, уже из Бабаек 20 февраля 1864 г.: «О. Иустин есть единственное лицо, вступившее со мною в единение по духу, имеющее самоотвержение и способное носить немощи ближних.

[1] Настоящее издание. Т. 3. С. 487.

... Это тот человек, которому после меня, наиболее свойственно быть близким Тебе». Святитель даже считал, что как его ученик о. Иустин «далеко выше Сергиевского Игнатия [Малышева], который, впрочем, имеет особенную способность и находчивость в своих сношениях с светскими».

Отец Иустин проявлял свою незаурядность и чисто в человеческом плане, об этом свидетельствует его поступок во время ледохода 1864 г. 2 апреля этого года епископ Игнатий писал брату о своем донесении в Святейший Синод по поводу «спасения 14 человек от потопления»: «Их принесло под монастырь на тихвинке и затерло льдом ближе к противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившегося на судне и увидевшего опасность своего положения; некоторые стояли с воздетыми к небу руками, как видно, на молитве. Помощь казалась невозможною, потому что река была покрыта ледяными глыбами. Одно известное тебе самоотвержение о. Иустина могло воодушевить некоторых из братий. Они, имея во главе настоятеля, отправились на реку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человекам».

В этом же году, сообщая Святейшему Синоду о заслугах о. Иустина, святитель Игнатий рекомендовал возвести его в сан архимандрита. 29 марта 1865 г. он писал брату: «О. Иустин принял отказ о возведении в сан архимандрита с таким благодушием, как подобает монаху. Промысл Божий ведет его не по цветам, а по пути прискорбному, посреди поношения человеческого, чем отмечается человек, любимый Богом. Отказ этот душеполезен и для него и для меня. Принимаем его как от руки Божией». Впрочем, святитель Игнатий был не тот человек, чтобы отступать от дела, которое считал справедливым. В начале 1866 г. указ Синода был утвержден, и 2 марта он писал Высокопреосвященному Нилу, архиепископу Ярославскому и Ростовскому: «... позволяю себе беспокоить Вас покорнейшею моею просьбою. В ближайшее служение мое подобает мне произвести своего игумена во архимандрита, а архимандричий крест еще не прислан. Почему сделайте одолжение, повелите из подведомственных Вам мест выдать таковый крест сему письмоподателю, моему келейнику, монаху Никандру...» Отец Иустин был возведен в сан архимандрита 22 марта 1866 г.

Между тем приток богомольцев в Бабаевский монастырь с прибытием туда епископа Игнатия значительно увеличился и церковь Николая Чудотворца не могла всех вмещать. Монас-

тырская братия и окрестные жители давно уже выражали желание построить новый храм вместо обветшавшей Иверской церкви. Но святитель Игнатий, по опыту знавший, каких средств и каких трудов это будет стоить, сомневался, осилит ли их монастырь. Позже, 25 февраля 1864 г. он писал брату: «Тебе известно, как я не желал затевать в монастыре никакой постройки, но необходимость приводит к попечениям. Живем не так, как бы желалось, но как Бог приводит жить. Он ведает полезнейшее, и настоящее положение должно признавать Его великою милостью». Отец Иустин сумел убедить его, обещав, что все заботы возьмет на себя. И 11 мая 1864 г. Святитель писал брату: «Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери; даруется человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтоб очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтоб оно было совершено в Богоугодном смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом».

Для подготовки места для строительства средства начали изыскивать еще с середины 1863 г. 29 августа святитель Игнатий написал Высокопреосвященному Нилу официальное отношение: «Николаевский Бабаевский монастырь имеет необходимую нужду в построении новой соборной Церкви. А как к совершению такового дела собственные средства монастыря недостаточны: то оказалось необходимым прибегнуть к сбору. Не откажите, Ваше Высокопреосвященство, сборщику монастыря, иеромонаху Паисию, сему письмоподателю, дозволить сбор в Ярославской епархии, чем окажете монастырю истинное одолжение». Явились и благотворители: подрядчик каменных работ, ярославский мещанин И. Ф. Федотов предложил всю каменную работу по сооружению храма произвести безвозмездно своими рабочими, но из монастырского материала и на монастырских хлебах. А для начала пожертвовал 1000 рублей. В жизнеописании Святителя рассказывается, с какими трудностями пришлось столкнуться монастырю, чтобы получить разрешение на разборку ветхого и начало строительства нового храма. По Промыслу Божьему все окончилось благополучно. Составить проект храма святитель Игнатий поручил своему другу — академику архитектуры Ивану Ивановичу Горностаеву[1]. Для наблюдения за постройкой

[1] *Горностаев Иван Иванович* (1821–1874); племянник А. М. Горностаева; академик архитектуры, художник; автор многих зданий в Санкт-Петербурге. Возрождал византийский и традиционный русский стиль архитектуры.

святитель Игнатий учредил особую комиссию из монастырской братии под председательством о. Иустина.

Многие искушения пришлось вынести архимандриту Иустину в связи со строительством. Несмотря на значительные пожертвования благотворителей и на денежные сборы, нередко случалось, что средства на строительство совершенно истощались. Особенно всем в монастыре запомнился один случай. Денежные средства совсем истощились, нечем было расплачиваться с рабочими. Те же, хотя не прерывали работу, но упрекали Архимандрита в неаккуратности платежа, ссылаясь на то, что им не на что кормить семьи. Придя в свою келлию, о. Иустин горько заплакал и до утра размышлял, как выйти из такого положения. Утром ему доложили, что какая-то женщина хочет видеть его. Он, думая, что это жена рабочего, не решался принять ее. Но женщина настояла, и оказалось, что она принесла денежное пожертвование, причем достаточное для расплаты с рабочими. Умершая за 30 лет до этого бабушка этой женщины завещала ей всё свое состояние с условием, что она передаст часть средств монастырю, который будет особенно нуждаться в них.

Скоро, однако, денежные средства опять истощились, а монастырь должен был закупать хлеб и продукты для рабочих. Отец Иустин обратился к торговцам с просьбой отпустить хлеб в долг, но те отказали, так как и прежний долг не был уплачен. Посоветовавшись с Федотовым, о. Иустин решился приостановить работы и временно распустить рабочих. Выручил Петр Александрович Брянчанинов, принимавший в этом деле самое живое участие: он пожертвовал на продолжение работ около 5 тысяч рублей — последнее свое состояние.

По мере продолжения строительства, епископ Игнатий начинал относиться к нему все с большим энтузиазмом. 30 июля 1865 г. он писал Высокопреосвященному Нилу: «Судьба сделала Вас одним из первых ктиторов по построению Соборного Храма в Бабаевском монастыре. Также судьба даровала для построения этого Храма проект самый удачный — проект, который, будучи новостию в Российской церковной архитектуре, вместе с этим заимствован, по характеру своему, с древнейших храмов Палестины. Наконец: строится храм непостижимою Судьбою. Как он строится? Не могу дать ответа. Монастырь найден мною в состоянии разрушения, разорения и в долгу, строение Храма начато при ничтожнейших средствах, но в настоящее время половина здания выведена вчерне, а к концу лета надеем-

ся вывести под кирпич. Тут действует перст Божий и усердие благочестивых человеков». А 22 июня 1866 г. писал племяннице А. В. Жандр: «Церковь наша выходит необыкновенно хорошею, далеко лучшею, нежели какова она на чертеже, так что рука Божия выказывается в этом деле со всею очевидностию».

Высокопреосвященный Нил никогда не отказывал строительству храма в своей поддержке. Он и сам был строителем многих храмов в Сибири. Поэтому ему были интересны подробности, о которых сообщал епископ Игнатий. Так, в Бабайках повторилось то же, что было в Сергиевой пустыни: при недостаточных средствах здесь также была обнаружена «гряда гранита, вроде сердобольского, голубого отлива, особенно приятного для глаз: из этого сделали цоколь под всею церковью в 13 вершков вышины. ... Удивляюсь, как зиждется этот храм при ничтожных средствах наших. Зиждет его невидимая Рука».

Влияние святителя Игнатия на внутреннюю жизнь монастырской братии было велико и плодотворно. Он был доступен для каждого, никому не отказывал в назиданиях, часто к вечернему чаю он приглашал кого-нибудь из братии для душеполезной беседы. Но все же чаще других его собеседником бывал о. Иустин, как наиболее близкий ему по духу ученик его. «Вы говорите справедливо об о. Иустине, — писал он игумену Антонию Бочкову. — Я питаю к нему и чувство уважения и чувство благодарности»[1]. Беседуя с о. Иустином как с человеком, хорошо понимающим его, святитель Игнатий обсуждал с ним и те вопросы, которым посвящал свои сочинения. Так, однажды он писал брату: «О сочинениях моих. Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднение. Недавно мы говорили с о. Иустином, что древния отеческия книги для монахов никак не могут быть применены вполне к современному русскому монашеству. Наиболее применимая книга Преп. Нила Сорского, но и та написана именно для безмолвников. Что ж я увидел недавно, пересматривая написанное мною для переписки о. Моисеем. Увидел, что мои грешные сочинения содержат в себе приспособление учения Преп. Нила к современному монашеству, а именно «Аскетические Опыты» могут удовлетворить этой цели». Несомненно, что именно о. Иустин и был первым читателем творений Святителя, пересмотром и дополнением которых он занимался в Бабайках.

Наступил апрель 1867 г. Еще в начале месяца, «объясняя архимандриту свое духовное состояние, он [святитель Игнатий]

[1] Настоящее издание. Т. 4. С. 559.

передавал ему, что потерял всякое сочувствие ко всему земному, потерял даже внимание ко вкусу пищи, причем прибавил: «я недолго протяну». 25 апреля архимандрит Иустин просил благословения послать за доктором, но Преосвященный с твердостью, в мирном и покойном настроении духа сказал решительно: «Не надо», повторив несколько раз: «Мне так легко, хорошо».

30 апреля 1867 г. святитель Игнатий перешел в вечность. Для архимандрита Иустина это был тяжелейший удар: в лице святителя Игнатия он потерял своего духовного отца, руководителя на протяжении 30 лет в монашеской жизни, а в последние годы и наиболее близкого человека и друга. Потерял он также ценнейшего сотрудника в деле управления монастырем, который одним своим авторитетом разрешал возникающие проблемы.

6 октября 1867 г. архимандрит Иустин (Татаринов) был утвержден Святейшим Синодом в должности настоятеля Николо-Бабаевского монастыря. Оставшись один, он старался поддерживать обитель на той высоте внешнего и внутреннего благоустройства, которой она достигла при святителе Игнатии, и потому явился «ревностным подражателем его в делах монастырского управления». С 1865 г. он был председателем Комиссии, учрежденной епископом Игнатием, по построению храма во имя Иверской Божией Матери, и первой его заботой было довести это дело до благополучного завершения. Но именно в этом деле его преследовали главные искушения: нехватка средств, в 1870 г. — пожар, истребивший деревянный корпус, в котором находились ризница и библиотека, а также кресты, заготовленные для нового храма, затем, когда кирпичная кладка стен храма была почти завершена, столбы, поддерживающие купол, дали трещины. Постройка едва не остановилась. Выручили благотворители: жители Ярославля, среди них главный — городской голова С. О. Полетаев, — на их пожертвования были устранены повреждения в храме; также известный торговец чая, уроженец Большесольского посада, соседнего с монастырем, К. А. Попов принял на себя расходы по заготовлению новых крестов.

К 1876 г. храм вчерне был готов, но снова, из-за нехватки средств, отделка его приостановилась. В этом же году, 13 декабря Бабаевский монастырь посетил заступивший на место скончавшегося архиепископа Нила Высокопреосвященный Леонид Краснопевков[1]. С большим интересом осмотрев храм и выслушав историю его создания, он высказал сожаление о приоста-

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 693–747.

Соборный храм. Николо-Бабаевской монастырь

новке работ и просил архимандрита Иустина и казначея иеромонаха Арсения по возможности быстрее заканчивать работы по отделке храма. Это желание Преосвященного Леонида оказалось предсмертным: 15 декабря он неожиданно скончался. В скором времени архимандрит Иустин отправился к Высокопреосвященному Платону, Костромскому архиепископу, чтобы доложить об обстоятельствах кончины архиепископа Леонида. Узнав о его последнем пожелании, архиепископ Платон поручил немедленно приступить к его исполнению.

По возвращении в монастырь архимандрит Иустин написал архиепископу Платону: «Дух Божий изрек устами Вашего Вы-

сокопреосвященства повеление окончить церковь к осени сего 1877 года. Повеление это принято мною именно как Божие, с верою. Сегодня объявил я братии о Вашем желании освятить храм 8-го сентября, и братия охотно согласилась потерпеть некоторые лишения в содержании, чтобы скопить нечто для церкви. После вечерни сегодня же отслужили мы соборне молебен Царице Небесной и святителю Николаю о благопоспешении в предпринятом деле. С верою приступаем при 40 рублях наличных денег, из коих в задаток на покупку кирпича уже выдано 30 рублей. Нечего и говорить о том, что своими средствами мы не можем окончить предпринятого, так как для того, чтобы приготовить церковь к освящению, по самым скромным соображениям, нужна сумма в 10 тысяч рублей. Подкрепите, Владыко Святый, Вашими Святительскими молитвами наше послушание и усердие».

Посоветовавшись с Петром Александровичем Брянчаниновым, архимандрит Иустин решился ехать вместе с ним в Москву к почитателям почившего Владыки, с просьбой помочь им исполнить его последнее желание. В этом деле они получили значительное содействие настоятельницы Московского Алексеевского монастыря, игумении Антонии Троилиной, у которой в это время проходила послушание сестра покойного архиепископа Леонида, Екатерина Васильевна Ушакова, а также от его брата, А. В. Краснопевкова. Собранных средств оказалось достаточно для завершения работ по храму. Высокопреосвященный Платон до этого момента не дожил. Торжественное освящение храма во имя Иверской иконы Божией Матери было совершено 8 сентября 1877 г. Преосвященным Геннадием, епископом Кинешемским.

В последующие годы архимандрит Иустин приложил немало трудов и старания к отделке нижней церкви храма. 22 января 1889 г. был освящен средний престол ее в честь Рождества Христова, а 24 января — придельный во имя Сретения Господня и священномученика Игнатия Богоносца — Ангела духовного отца архимандрита Иустина.

После поездки в Москву в январе 1877 г. архимандрит Иустин еще несколько раз выезжал туда по делам монастыря. Там он посещал Николо-Угрешский монастырь и архимандрита Пимена. С ним он познакомился еще в 1857 г[1]. Затем архимандрит Пимен приезжал в Ярославль и на Бабайки: в 1875 г. навестить Высокопреосвященного Леонида Краснопевкова, а в 1876 г., чтобы проститься с ним. В августе 1880 г. архимандрит Иустин прибыл в

[1] См. Настоящее издание, т. 6, с. 666.

Николо-Угрешский монастырь по приглашению архимандрита Пимена на празднование 500-летия монастыря и для участия в закладке нового собора. Свидание двух архимандритов оказалось последним: архимандрит Пимен скончался 17 августа, через восемь дней после закладки собора.

А в августе 1884 г. архимандрит Иустин побывал там, где начиналась его монашеская жизнь. 5 августа этого года П. П. Яковлев сообщал Петру Александровичу Брянчанинову в Бабайки, что о. Иустин «имел счастие сегодня представляться здесь [в Сергиевой пустыни] Его Величеству Государю Императору и их Высочествам Великим Князьям. <...> Подробности сообщит сам».

Все годы, прошедшие со времени прибытия на Бабайки, о. Иустин заботился и о благолепии церковного богослужения в обители. Особое внимание он обращал на исполнение богослужебных песнопений. Еще будучи в Ставрополе, он создал и обучил архиерейский певческий хор, привлекавший громадное число богомольцев. И здесь, в Бабайках, он сформировал из братии монастыря прекрасный хор, сам обучил его и нередко руководил им во время пения в храме, «украшая это пение своим прекрасным голосом, сохранившимся во всей своей силе, мягкости и свежести до конца его жизни».

В своем увлечении духовной музыкой и пением он нашел союзницу в лице настоятельницы Московского Алексеевского монастыря, игумении Антонии Троилиной. Матушка игумения в молодости получила прекрасное музыкальное образование. До поступления в монастырь (в 19 лет) она даже выступала как солистка на фортепиано с большими оркестрами. Поступив в монастырь, она свою любовь к музыке сосредоточила на церковном пении. В Алексеевском монастыре она создала замечательный хор, пригласив для этого опытных учителей пения. При этом сама пробовала голоса и подбирала ноты. Знакомые композиторы присылали ей свои произведения на испытание.

Архимандрит Иустин познакомился с матушкой Антонией в 1877 г., когда приезжал в Москву для сбора средств на строительство Храма. Он также присылал ей ноты своих произведений. Так, с письмом от 17 января 1881 г. он прислал ей партитуру ирмосов три песнца, а от 12 марта 1884 г. — положенный на ноты кондак святому Алексию человеку Божию.

Пение её монастырского хора производило на архимандрита Иустина огромное впечатление. «Милость мира ваше, — писал он ей 21 марта 1877 г. — до сих пор отдается в душе моей». Или

25 марта 1882 г.: «Сегодня за литургией я вспоминал вас и ваших клирошанок по поводу незабвенного для меня пения у вас — «Милость мира»; помните, когда я служил у вас в Пасху и оне пели эту "Милость мира"». А 22 августа 1888 г. он писал: «Сочувствую Вашей скорби, матушка, в потере такого редкого голоса Вашего хора. В последний раз нашего приезда я слушал этот голос и любовался им, не воображал, что она была больна и столько времени. Жаль её и Ваш хор. В первый день Пасхи у нас отправляется после вечерни так называемая архиерейская панихида, на которой поминают почивших архипастырей, — помянем вкупе с ними и новопреставленную монахиню Вирсавию».

Большой почитательницей архимандрита Иустина и его пения была также знаменитая настоятельница Усть-Медведицкого монастыря области войска Донского, игумения Арсения Себрякова. Как свидетельствует ее жизнеописание, она была так поражена «Аскетическими проповедями» «недавно почившего епископа Игнатия Брянчанинова», что решила познакомиться с семьей его духовной и, будучи в Москве, проехала на Бабайки, где познакомилась с Петром Александровичем Брянчаниновым и о. Иустином. В своих письмах к Петру Александровичу она неоднократно в весьма лестных словах отзывалась об о. Иустине: 10 марта 1871 г. — «Я очень ценю его духовный взгляд»; 22 марта — «Отец архимандрит [Иустин] сказал правду, что не следует вдаваться в богословские вопросы, — это не спасительно, а даже вредно, и тонкое разбирательство их может привести к заблуждению, а правильное к кичению»; 25 марта 1872 г. — «...Отец архимандрит уехал от нас 22-го числа. Много, очень много утешил он меня своим приездом. Чем более я узнаю его, тем более вижу в нем плоды правильного духовного руководства. Моя душа отдыхает в беседе с ним, а его способность к самоотвержению удивляет меня и укрепляет мой слабый дух. При всем, что он имеет доброго, в нем есть еще такой задаток к духовному восхождению, что я не знаю и меры его будущему преуспеянию духовному, если Господу угодно будет продлить его жизнь телесную и духовную. Все это я говорю вам одному — он не любит, когда я ему пророчествую что-нибудь больше сознания греховности своей, но это-то состояние и есть основание, с которого никогда не должна сходить душа, и если потерять его, то не только большего не получишь, но погибнет и путь, ведущий к добру».

Матушка Арсения тоже занималась строительством нового храма во имя Казанской Божией Матери. Закончен он был ле-

том 1885 г. и освящен Преосвященным Митрофаном 8 сентября. А 15 сентября архимандрит Иустин освящал придел храма в честь апостолов Петра и Павла. «Гармонический необыкновенно приятный голос отца архимандрита, редкое умение владеть им, а также хорошие голоса его послушников умилили присутствовавших в храме».

Архимандрит Иустин скончался 28 января 1890 г. от разрыва сердца. Он погребен в нижней церкви нового соборного храма, в особом ее отделении, под главной входной лестницей. (Храм этот также был уничтожен в 1930-х гг.)

«Сегодня сороковой день нашему дорогому другу архимандриту Иустину, — писала игумения Арсения. — Даруй ему, Господи, вечное упокоение со святыми, молитвами владыки Игнатия! Мы молились за упокой его души и поминали его хлеб-солью. Я всю панихиду проплакала. Вспомнился он мне, как живой, и вся его жизнь с девяти лет в стенах монастыря, как в пещи Вавилонской, с молодых лет в должности настоятельской, как мученик и исповедник».

***

Помимо братии Сергиевой пустыни, а затем Николо-Бабаевского монастыря, находившихся в постоянном непосредственном общении со своим духовным отцом и учителем, к руководству святителя Игнатия Брянчанинова в монашеской жизни прибегали иноки монастырей, входивших в его благочиние, а также некоторых других монастырей. Непосредственное общение с ними случалось во время посещений им их обителей; в другое время — посредством переписки.

Особенно стремились иметь Святителя духовным отцом сестры Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря. Монастырь этот находился в 148 верстах от Санкт-Петербурга, на берегу реки Волхова. В кратком очерке состояния этого монастыря на 1856 год святитель Игнатий писал, что в нем 18 монахинь, 26 послушниц, одна определяющаяся в послушницы и 101 проживающая для богомоления. Госпожей Игуменьей в то время была матушка Дионисия, которая «имеет весьма хорошие настоятельские способности: прямотою и добротою своею она привлекла к себе любовь и доверенность сестер, а очевидными успехами в устроении монастыря привлекает внимание и значительные пожертвования мирян». Тем не менее управление этим женским монастырем сопровождалось многими искушениями, вытекающи-

ми в основном из взаимоотношений сестер, их здоровья и жизненных обстоятельств. Письма к ним свидетельствуют об огромном терпении святителя Игнатия, его любви к этим страждущим душам.

За период с 27 марта 1843 г. по 19 июля 1844 г. известны шесть писем, полных добрых наставлений, к монахине Александре Васильевне Васильевой, скончавшейся в монастыре 23 августа 1844 г. За период с 10 марта 1842 г. по 20 апреля 1864 г. было написано 22 письма к инокине, пожелавшей вступить под духовное руководство святителя Игнатия и «на руках которой скончалась А. В. Васильева»: «...Я вас не только не отвергаю, но и призываю: приидите чада, послушате мене, страху Господню научу вас, не потому, чтоб доволен я был сам по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от святых Отцов, пером которых водил Дух Святый. <...> Пишете о помыслах и желаете разбирать их. ...Это для вас неполезно и не нужно. Довольно вам знать, что ежеминутно могут на вас восстать и страсти собственные, и духи лукавствия, жаждущие погибели всем, что вам, как немощнейшей, непрестанно должно вопить к Господу: "помилуй мя, яко немощна есмь!"». Другой сестре, имя которой скрыто за инициалами Н. Д., желавшей заняться подробным и деятельным изучением христианства, он писал: «Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого на ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? — Желаете ли, чтоб сердце ваше было сосудом даров Благодати? — Вручаю вам Евангелие, пусть оно будет правилом вашей жизни. Веруйте в него вашими делами, вашею жизнию, — не только мыслию, сердцем и устами». В нескольких письмах к еще одной сестре речь шла о самой Н. Д., а также о монахине Досифее, которой попущено было умопомешательство. С самой монахиней Досифеей Святитель переписывался с 1848 по 1857 г., когда переписка прекратилась из-за ее болезни. «Будь мирна, — писал он ей, — подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет; потому что в стремлении к сверхсильному подвигу — гордость и самомнение».

В числе иноков других монастырей, пожелавших «по сердечному извещению» руководствоваться советами святителя Игнатия Брянчанинова, находился «некий, как его называет "Жизнеописание", инок Леонид», письма к которому могли бы стать

настольной книгой каждого, серьезно решившегося на монашеский подвиг. Озаглавлены письма «к брату, занимающемуся умною молитвою» и были написаны в период с 5 сентября 1847 г. по февраль 1848 г. в Николо-Бабаевском монастыре. Из их содержания видно, что познакомился святитель Игнатий с Леонидом несколько лет назад в Сергиевой пустыни, а в 1847 г. увидел его в одном из монастырей, которые посетил по пути в Бабайки. Святитель сам определил цель этих писем: в свободные минуты мало-помалу составить для Леонида «обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий». Вместе с тем литературный язык писем и их почти анонимность позволяют предполагать, что Святитель сам подготовил их для публикации и для более широкого круга читателей.

Из переписки с другими иноками сохранились лишь отдельные фрагменты, но слова, написанные в них, «принадлежат к числу сильных и действительных орудий невидимого подвига».

Переписка святителя Игнатия с учениками

Письмо ученику священноиноку Сергиевской пустыни, письменно обличавшему архимандрита Игнатия в изменяемости его расположения к окружающим вообще и к нему в особенности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Возложившись на помощь Божию и на силу Его, совершающуюся в немощных, я вознамерился на письменное твое изложение отвечать также письменно. И сие более для того, чтоб ум мой не развлекся при личной беседе и не изнемог пред шумом слов, но сохранил бы в тишине и уединении келейном мирное устроение, при котором только усматривается Истина. Пред лицем Ее стою и, освещаемый Ее светом, смотрю на душу мою и сличаю с тем, что вижу, обличение твое. Что ж вижу? Вижу на душе моей язвы, вижу многочисленные ее болезни, вижу немощи, из которых одни природные, другие — следствия язв и болезней, прошедших и настоящих. Обращаюсь на протекшую жизнь мою: вижу — это цепь погрешностей, цепь падений; на каждом почти шагу я был посмеян и поруган диаволом по недостатку духовной мудрости, по избытку гордости, не склоняющейся вопросить совета у ближнего.

В таком положении душа моя, когда путь жизни моей уже протянулся за преполовение дней моих. Между тем тело мое ослабело; его прободают и рассекают различные недуги. Они — вестники; возвещают мне приближение разлучения души с телом. Скоро, скоро буду лежать на одре, не для того, чтоб дать преутружденному телу временное отдохновение, но чтоб сложить его с себя в гробовой ковчег, в недра земли, из неяже взят есмь, до будущего общего воскресения. *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*: ибо душа моя в язвах, а тело запечатлено грехом. По этому состоянию моему всего б приличнее для меня было оставить все и вне всего предаться неутешному плачу; когда все утрачено, не утратить, по крайней мере, раскаяния.

Но к достижению этого состояния, которое признаю для себя самым приличным, не употребляю никаких средств, кроме немощной моей молитвы, в которой прошу, чтоб совершалась надо мною Воля Божия. — Это прошение воли Божией внушается боязнию, чтоб не попросить чего, превышающего мои силы. Эта боязнь внушена самым опытом: ибо во всех опытах, коими испытывалась моя сила, обнаруживалась моя немощь; где бесы рисовали пред умом моим картину блистательных успехов, там, на самом деле, оказывался ущерб, там возникало бедствие, там прикрывалась цветами гибельная пропасть. Я познавал обман — по совершении обмана; познавал прелесть, будучи обольщен и поврежден ею. Теперь боюсь предпринять что-либо особенное самовольно, хотя бы и почитал это душеполезным. Лучше, сказали Отцы, бороться с калом, т. е. с блудом и чревообъядением, нежели с самосмышлением, высокомудрием, гордостию и презорством. Ибо эти последние страсти тонки, неприметно вкрадываются в ум, принимают вид здравых и праведных мыслей, и не иначе могут быть усмотрены, как при свете благодати. Стою пред Промыслом Божиим умом моим, отложившим на эту минуту мудрование мира и правду его. Бог сотворил меня без моего желания и прошения, ибо «ничто» как могло желать, тем более — просить чего-либо? — Падшего меня и погибшего Бог искупил; ценою искупления был Он Сам. Между тем как Искупитель, облеченный в смирение, не познается, несмотря на свою очевидность, умами плотскими, оставившими удивляться себе сродному духовному и погнавшимися за чуждым себе тлением, — мне окаянному Он даровал познать себя. Когда смежались очи мои, брение, смешанное с плюновением, исходящим из уст Его, исцеляло их. Крест Христов отвергает очи ума; крест Христов сохраняет здра-

вие, исцеляет болезни очей этих. Вне креста Христова нет правды Христовой. Мир и правда его погибнут, яко от диавола суть. Стою пред Господом моим и Промысл святый Его вижу, и долготерпению Его удивляюсь, колико милостив Он к тем погрешностям, в которые я впал от своеволия и самосмышления. Душу мою в руце Божии предаю: что Он мне дарует, то приемлю. Он ведает мою силу, ибо Он же мне дал ее. Если дает мне един талант сообразно силе моей, не ищу пяти, чтоб не изнемог под тяжестию их; чтоб дар, долженствующий служить к пользе, не послужил к большему осуждению. От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, но в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние. Недоумение мое, и рассуждение мое, и волю мою повергаю в пучину щедрот и Промысла Божия.

Такое зрелище представляет мне душа моя, когда при свете Евангельского учения смотрю на нее умом моим. Теперь обращаюсь к словам обличения, находящимся в письме твоем. Самое естество дела показывает, что ты, смотря на наружность моего поведения, усмотрел гораздо менее недостатков, нежели сколько их находится по самой вещи. Сознаваясь в большем долге, я не могу не сознаваться в меньшем, так что я и тогда бы сознался, когда бы не хотел сознаться. Остается за сим со слезами просить у тебя прощения и святых молитв о моем исправлении. Если, по словам святаго Исаака, словооправдание не принадлежит к жительству христианскому и нигде в учении Христовом не предписано, если Сам Господь, предстоя властям земли и водворяя пред лицом вселенныя правду Креста, не удостоил правду внешнюю никакого внимания, ни единого слова, как прах и тление, то кто, смотрящий во глубину сердца своего и видящий не ложно, осмелится противу стать обличающему? Таковый скажет замахнутому на него мечу: поражай, ибо не всуе ты поднят. Скажет бедствиям: нападите на меня и удручайте меня, ибо я того достоин. Скажет телу, изможденному болезнями и посылаемому во изгнание: иди, ибо ты согрешило. Скажет братиям своим: помолитесь о мне скверном, Ангели Божии. Припадет к ногам прелюбодеев и убийц и скажет им: помолитесь о мне, ибо вы праведнее меня. — Вот каково мое состояние, когда очи ума моего отверсты; когда же они закроются, то состояние мое делается несравненно худшим: ибо язвы, естественно, остаются те же; но к болезням сердца присовокупляется слепота ума. От слепоты — нечувствие, утрата любви к ближнему, утрата умиления и утешительного плача, присовокупление язв к язвам и болезней

к болезням. Словом сказать — вижу ли, или ослепляюсь, состояние мое пребедственно, достойно слез и рыдания всех меня знающих и любящих. Таков мой ответ всякому обличающему и тебе. Когда же иначе отвечаю — погрешаю.

Этим должен бы я был довольствоваться, если б говорил не со своим духовным сыном, который, говоря мне обличения, приносимые его сердцу, не выдает их за решительную правду, но приносит их мне же на суд. Поэтому считаю себя обязанным продолжить мою беседу, и несмотря на то, что я немощен, заимствуя Свет от истинного Света — Слова Божия, удовлетворить по силам моим требованиям письма твоего, не столько обращая внимания на наружность мыслей, заключающихся в этом письме, сколько открывая при свете Евангельского учения те тайные сердечные побуждения, коих мысли эти суть плод. По мнению Отцов, те люди, кои требуют от ближних совершенного устранения недостатков, имеют об этом предмете ложное понятие. Это мнение Отцов находим и у Апостолов: один из них (Иоанн Богослов) говорит: *Аще речем яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1. 8). Другой же (ап<остол> Павел): *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал. 6. 2). Что же может породить неношение немощей ближнего, это показано Писанием над мужами самыми высокими в добродетелях. Кто святее Апостолов? Но мы читаем в Деяниях, что между апостолами Варнавою и Павлом произошла распря, а за распрею — и разлучение. Без всякого сомнения, это обстоятельство сказано нам Писанием с тою целию, чтоб мы, немощные, были осторожны, не увлекались мнимою ревностию, но носили тяготы друг друга. *Тако исполните закон Христов!* Понеси убо мои немощи; а я постараюсь понести твои, как доселе старался. Конечно, ты не скажешь, что ты без немощей. Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя. Если б тяготы были без тягости, то ношение их не имело бы никакой цены, не было бы причин заповедать оное. Но цена взаимного ношения немощей столь велика, что Писание заключило в нем исполнение закона Христова, Иже понес на Себе грехи всего мира.

Скажу несколько слов о непостоянстве. Непостоянство, или переменяемость, по мнению святых Отцов, есть постоянная и непременная немощь человека, доколе он находится в стране своего изгнания, на земли. Непеременяемость есть свойство будущего возъустроения. Изменяемость не только свойственна нам, немощ-

ным, но и величайшие Святые признавали ее в себе. Потерпи непостоянство во мне, а я потерплю его в тебе. Мое непостоянство ощутительно тебе, а твое — мне. Понесем взаимные немощи и познаем, яко благо иго Христово; если ж скинем иго Христово, то какому ж игу подчинимся? Весьма прекрасно сказал святый Илия Екдик: *«Дом души — терпение, живет бо в нем; а пища — смирение, питается бо тем»*. Точно — помыслы смиренномудрия удерживают душу в терпении. Если же это так, то и следующее по необходимости справедливо: ничто другое не выводит души из терпения, как помыслы гордостные. Неоднократно говорил я тебе и многим другим, которым мнилось мне сообщать душеполезные познания: когда сличаю мое устроение и поведение с писаниями святых Отцов, то нахожу, что мне в древнем монашестве надлежало бы иметь место между новоначальными. А в нынешнем монашестве, где знание святых Отцов и образ мыслей, несколько запечатленный этим знанием, так редки, и тот, кто преподает слушающим его учение Отцов, есть величайшая редкость. С тем условием настоятельствую над вами и имею вас духовными чадами, чтоб научать вас образу мыслей Евангельскому, который и есть образ мыслей святых Отцов. Истинно, истинно говорю вам: ныне, когда дел уже вовсе нет и духовное мудрование крайне редко, ныне диавол столько ненавидит это мудрование, что хотел бы истребить его с лица земли, дабы Евангелие оставалось у нас только для нашего осуждения, а не назидания, ибо мы будем судимы по Евангелию, как предвозвестил нам Господь Иисус Христос (Ин. 12. 48). Диавол готов нам придать вдесятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем можем стать одесную Бога. Приписывающий себе сведения и здравый смысл уподобляется диаволу, который хотел признать себя источником света. Он и есть источник мнимого света — плотского мудрования, которое не покоряется разуму Божию, носит на себе печать гордыни и заключает в себе условие всех грехопадений. Видел ли еси кого падша? Увеждь яко себе последова, — говорит авва Дорофей. Этот Святой говорил о себе, что он лучше желает погрешить в каком-либо наружном деле, поступив по совету ближнего, чем действовать самочинно. И я, в малых своих опытах, при какой-либо неудаче, имею утешение, истекавшее из того, что дело сделано или предпринято не самочинно.

Поэтому хотя бы мне по недостоинству моему и приличествовало внимать одним собственным недостаткам, однако по обя-

занности настоятеля и духовного отца я должен тебе сказать, что видится моим грешным очам: тебе брань творит страсть гордостная. Признание в себе практических сведений и соображений суть ее оправдания, коими она прикрывается. Охлаждение ко мне, к окружающим меня суть плоды ее: ибо за уничижением ближнего следует иссякновение любви. А иссякновение любви есть признак принятия помыслов бесовских, так как и признак принятия семян благодати есть умножение любви к ближнему.

Страсть гордостная действует иначе, нежели страсть блудная или гневная. Эти две страсти действуют очевидно, и самые оправдания их и лукавство в оправданиях яснее. А гордость вкрадывается неприметно. Ее посевают телесные дарования, богатство, душевные природные способности, пышность, а паче похвалы человеческие. Хотя по видимому мы не принимаем похвал и не соглашаемся внутренне с похваляющими, но тайная печать похвал остается на уме и сердце, и когда случится уничижение, то оно бывает тягостно, и тем тягостнее, чем более мы были напитаны похвалами. Этим самым доказывается существование печатей и тайное вселение гордости. Увы нам! Самые благодатные дарования были поводом для людей к гордости и плодам ее — падениям! Главные признаки гордости суть охлаждение к ближним и оставление исповеди. Поэтому, кто какими дверьми вышел, тот ими да входит, — сказал святой Иоанн Лествичник. Положи себе за правило исповедовать помыслы твои, хотя дважды в неделю, и как душа сообразуется телу, то и поклонением тела изъяви смирение. Скажи и повторяй своему помыслу о братиях: «Это овцы Христовы, это Ангели Божии», — и истребится презорство к ним, еже есть гордыня. Тогда, уповаю на милость Божию, мир и любовь внидут в сердце твое и благодатным действием своим докажут тебе, что ты находишься в искушении; откроют очи твои, и ты познаешь твое настоящее обольщение. Случай же этот внидет в сокровищницу твоих душевных опытов, будет доставлять тебе предосторожность на будущее время, а братии окормление. Ибо муж *не искушен не искусен, а быв искушен, может и искушаемым помощи*, — говорит Писание. Да сподобит тебя Господь последовать и этому наставлению святого Иоанна Лествичника (Степ<ень> 4): «По входе в поприще благочестия и повиновения, не ктому отнюдь доброго нашего законоположника в чесом истяжем; аще кая в нем яко в человеце еще негли и мала согрешения увидим. Аще ли же ни, то ничимже от повиновения сего истязующия пользуемся. Отнюд нужно есть хотящим

к настоятелем веру несомненну выну содержавати, исправления их в сердце неизглаждаема и приснопомнима хранити, да егда бесове в нас неверие к тем всевают, от помнимых нами заградим уста. Поелику бо вера цветет в сердце, потолику и тело спешит на службу. По всегда же о неверие предпнется, то пал есть», т. е. «по входе в поприще благочестия и повиновения мы уже не должны ни в чем испытывать нашего благого законоположника (наставника), хотя бы в нем, как человеке, и заметили малые погрешности; иначе, т. е. истязывая, не получим от повиновения никакой пользы. Желающим соблюсти несомненную веру к своим наставникам необходимо хранить в сердце своем добрые дела их неизгладимыми и незабвенными, чтоб воспоминанием их заградить уста бесам, когда сии будут посевать в нас неверие. — Насколько вера цветет в сердце, настолько тело преуспевает в служении. — Кто преткнется о неверие, тот пал».

И от окормления ближних прозябает нередко гордость, как от пшеничного зерна куколь. Поэтому святый Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы или делы, Божию благодать да разумеют оба». *Не себе проповедаем*, — говорит Святый Павел, — *но Христа Иисуса Господа* (2 Кор. 4. 5). Кто будет возделывать эти чувства, в том истребится пристрастие к людям, а воцарится о Христе любовь, во всех зрящая образ Божий. Когда же восхитится ум утешением любви этой, то видит человек себя как некий сосуд, исполненный смрада и мерзости, и дивится, как лучи Божественного учения проходят сквозь его и исцеляют души человеческие.

Прилично мне воспомянуть здесь слова святого Иоанна Лествичника, повторенные преподобным Нилом Сорским: некоторые погрязли в болото, других предостерегали от подобного впадения, и за спасение их Господь даровал и им спасение. Ибо после тяжких язв узнал я, что признаки гордости суть уничижение или презрение ближних и нерадение о исповеди, и сама по себе гордость человеку неприметна, будучи тончайшая страсть, обманувшая светоносного Ангела и устроившая падение на небе. На сей держатся другие страсти, как здания на основании, сокрытом под землею. Наконец завещаваю тебе сохранить письмо сие в неизвестности до кончины моей. А я и тебя и себя предаю милости и благодати Божией, могущей, если мы сами не отвергнем, даровать нам спасение, хотя мы его и вполне недостойны. Аминь.

1842 года ноября 25-го дня

Сергиева Пустынь

Инструкция архимандрита Игнатия наместнику и казначею Сергиевой пустыни

Вследствие утверждения иеромонаха Феофана Наместником, а иеромонаха Аполлоса казначеем сей пустыни, предписываю Вам вступить в сии должности по надлежащему. Для большего же порядка полагаю нужным изложить следующую инструкцию.

А. Обязанность наместника состоит в тщательном внимании к братии. И потому:

1. Поставляется ему в непременный долг ежедневно иметь сведение о больных братиях, ежедневно навестить каждого больного и стараться, чтоб больные были посещаемы доктором, чтоб отнюдь никто не смел лечиться у шарлатанов и в особенности пускать кровь своевольно.

2. Чтобы все были в церкви Божией и каждый при своей должности и на своем месте; если же кого нет, узнать причину отсутствия. Если причина оного позволительна или естественна, то взыскания не чинить; если же причина сия есть головная болезнь, то принимать немедленно решительные меры и такового отправлять заблаговременно на дачу. Если же встретится сопротивление, то употреблять силу штатных.

3. Все сии случаи доводить до сведения настоятеля, кроме мелочных, не заслуживающих внимания. Почему наместник должен иметь список всех братий и для памяти отмечать в графе противу имени о его болезни или отлучке и подобных.

4. Наместник, во время отлучки настоятеля из монастыря, заменяет его власть, впрочем, решая по своему усмотрению маловажные случаи, решения же важные оставляет до прибытия настоятеля. Наместник не имеет права уволить кого-либо в Петербург по собственной надобности: ибо сие право принадлежит единственно настоятелю. Если же случится кому крайняя необходимость, то наместник может уволить не иначе как по совещании с старшею братиею и с билетом на простой бумаге за общим подписанием всех старших братий, на совещании бывших. Так же поступать и в прочих важных случаях, не терпящих отлагательства, в отсутствии настоятеля.

5. Старшие братия к совещанию должны быть следующие: a) Духовник, в) Казначей, c) Ризничий, d) Благочинный, e) Эконом. Совещание чинится наедине, не допуская в оное просителя. Решение собора просителю объявляет наместник.

6. В отсутствие или в случае болезни наместника занимает его должность Казначей, за отсутствием же обоих — Ризничий и так далее по старшинству.

В. Казначей единственно обязан заведывать суммою и вести в порядке книги, как накладной, так и штатной, равно и братской суммы, приготовлять списки братии при раздаче кружки и оную раздавать. Прочие вещи, находившиеся в заведывании казначея, имеют поступить отселе в ведомство эконома.

29 сентября 1836 г.

Письмо о. Феофана (Комаровского) к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший Батюшка Отец и Благодетель мой!

Сердечно благодарю Вас за утешительное писание Ваше от 5-го сего февраля; прочитав письмо Ваше, не знал на что подумать; Вы ли к нам пожалуете? что по настоящим нашим делам весьма удобовозможно; или мне придется ехать в Петербург. И в таком положении был до настоящей почты, и истинно радовался, что скоро увижусь с Вами. Вчера получил письмо от брата[2], в котором он меня извещает, что назначен Строителем в Ладогу; и тут только понял письмо Ваше. Буди Воля Господня! прошу Вас почтеннейший Батюшка не оставить меня немощного и худоумного Вашим Отеческим покровительством по всему, вполне уверен в Вашем к себе расположении и любви отеческой и потому во всем на Вас полагаюсь, без рассуждений и прекословия. Жаль здешней пустыньки, но делать нечего. Мое положение здесь весьма затруднительно, как по крайним недостаткам в содержании Монастыря так, как бы желалось, так и по начатому строению огромного храма вовсе не по месту и малому доходу, а более всего тяготит совершенная зависимость от Кирилловского Монастыря. Теперь не знаю, что и будет здесь? В Кириллове мудрено избрать понадежнее в управляющего пустынею. Был один прежний Наместник о. Иосиф и тот уезжает в Тифлис. Получил и прогоны на дорогу. И толку, кажется, никакого здесь не будет. Отец Никон был требован в Новгород по новому доносу Израиля, и опять к нам возвратился до решения дела; что-то решит Святейший Синод, а Консистория решила довольно милостиво, на год в Иверский монастырь, полгода быть

под запрещением. А отца Израиля на год в пустыню Филиппа Иранского с снятием монашества. Теперь с часу на час ожидаю к себе Тихвинского Архимандрита. Ему от Владыки предписано освидетельствовать строение Церкви нашей, и что он теперь увидит — все занесено снегом, у нас нынешнюю зиму ужасные снеги, также и в Кириллове поручено ему произвести исследование по доносу Израиля на отца Архимандрита Иннокентия, аки бы он попользовался вещами из ризницы монастырской, и драгоценные камни выбрал из митр и образов; и которые теперь находятся у супруги А. И. Суслова в ее уборах, а на место их вставил простые камни. Дело пустое, а хлопот будет немало, тут принужал и О. Архим. Ефрема. В Кириллове теперь завелось столько дел и доносов на Архимандрита и Наместника, что не скоро кончатся. Видя такие неприятности, истинно желаю подобру-здорову, поскорее отсюда выбраться, а то недолго попасть в их кашу, как раз к чему-нибудь принужают. Жаль только оставить старуху Матушку в болезненном ее положении, но и в этом буди воля Божия. Что от меня зависело, я для нее сделал, сколько было возможно пожив близ ее, теперь не моя воля.

Отец Алексий на днях идет в Петербург.

Всем Отцам и братиям Обители Вашей свидетельствую усердное почтение: радуюсь, что скоро с ними увижусь.

Павла Петровича благодарю за послушание и краткое приписание; Матушку его недавно видел, обедал с нею у Матушки моей, и она меня своим медом угощала и весьма утешалась, когда я ей сказал, что имею от чада ее известие, а то ей представлялось, что он очень нездоров, ибо давно о себе ее не уведомлял.

За сим прося Ваших святых Молитв имею честь пребыть до приятного свидания Вашего Высокопреподобия усерднейший послушник и слуга грешный

Иеромонах Феофан.
21 февраля 1844 года
Нилов Скит

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 48. Публикуется впервые.
[2] От о. Аполлоса Попова.

Письмо святителя Игнатия к архимандриту Аполлосу (Попову)[1]

Возлюбленный о Господе
Отец Архимандрит Аполлос!

Благодарю за письмо твое от 29-го марта и за поздравление со Всесвятою Пасхою, с которою и я тебя поздравляю, желая тебе всех истинных и совершенных благ от принесшего себя за нас в жертву Христа.

Сердечно радуюсь, что ты оставляешь то, что отвлекает взоры инока, т. е. его ум и сердце, от вечности и спасения, и занимаешься исключительно чтением Священного Писания и святых отцов. Иноку, живущему в человеческом обществе, надо читать и книги Отцов, соответственные жительству его; иноку же, живущему в пустыне или затворе, надо читать книги, написанные Отцами для безмолвников, какова книга и Преподобного Исаака Сирского. Советую тебе иметь настольною книгою Руководство к духовной жизни Преподобного Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, особливо с 249-го вопроса. Предшествовавшие сему вопросы были делаемы наиболее затворниками, а с № 249 начинаются вопросы Преп. Аввы Дорофея и других многих, живших в человеческом обществе, не только иноков, но и мирян. Ответы на эти вопросы — бесценны в духовном отношении. Руководство должно иметь руководством, читать его, перечитывать, изучать, приспособлять к своей деятельности; прочие же отеческие книги читать для полезного употребления времени, для ознакомления с отеческими писаниями, для приобретения душеназидательных познаний, которые в свое время очень пригодятся.

Засим будь здоров и благополучен, и молись о мне
Тебе преданнейший

Игнатий Епископ Кавказской и Черноморский.

P. S. Я и теперь еще очень слаб от болезни; не выхожу из комнат.

Апреля 22 дня, 1860 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 25.

Письма о. Аполлоса (Попова) к святителю Игнатию[1]

№ 1

Благодетельнейший Батюшко!

За письмо, писанное от 15-го марта, чувствительнейше благодарю Вас. Свидетель Господь, как утешительно Ваше внимание и отрадно по душе и по телу. Да воздаст Вам Господь сторицею!

Паки являюсь пред Вами с своею суетою: сей час 27 числа в 9-м вечера возвратился в мирный приют Никольскую Обитель, где ожидал с почты получить партикулярных известий касательно Зеленецкого, но, к величайшему сожалению, не оказалось. Последний Указ Консистории по соображении удвоил хлопоты мои, недоумеваю, к чему все это поведет; неблагонамеренность исполнителей, всякие меры и пособия может исказить; вынутие денег, по-моему, совершенно излишне; при сем прилагаемое черновое мое соображение, потрудитесь заметить, мне кажется я не ошибался в назначениях, тем более, что старался все это поверить пред знающими дела Зеленецкие.

Если одобрите представление, то я немедленно же и представлю к Вам, но не лишите и заключений своих. Вскоре будет отправление покупок из часовни, то весьма бы одолжительно было возвращение черняков и Ваше извещение получить с этой оказией. Простите, Батюшко, начинаю изнемогать и унывать от настоящего многосуетного поручения, трудов много, а надежд на будущность не возвещается, всмотревшись более в состояние и бывшие распоряжения Иг<умена> Варсонофия, с горестью смотришь на все, а буде состоится возвращение, как он мтит и выдает о себе, то руки не действуют и сердце обмирает о будущности. Господа ради, пощадите Обитель от такого нашествия; кажется, можно ручаться, что последнее будет еще горше первого, этого ждут и братия. Если Вы расположились расстаться со своим Наместником, то казалось бы можно ему вручить эту Обитель; в благонамеренности, кажется, нельзя сомневаться, а за неопытностию можно следить, теперь изучено многое по Зеленецкому, а из действий видно будет и успех и опрометчивость. Я бы в одном особенно предостерег, кого бы не сделали тут Настоятелем, чтоб не дозволял в начале по произволу располагать деньгами, а пусть-ко каждый начнет сам изыскивать средства и, узнавши им цену, будет рассчитывать благоразумнее.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 25.

Обмеривал сам дрова, отчасти ознакомился и с этой частию, осмотрел в проезде и лес; но говорить об этом надо удосужившись и не на бумаге. В Благовещение служил в Зеленецком, в этот день и на другой было большое стечение народа окрестного, сказывают старожилы, что и не запомнят подобного собрания; я весьма доволен, что остался тут, а некоторые отклоняли меня, отзываясь, что собрание незначительное. Братии большое спасибо, не только пьяных, но и заметного не было ни в ком оба дня. Это заметили и тамошние. За два дни высыпали из кружек 155 рублей серебром, небывалое и неожиданное по отзыву братии. Небывалое давно и то, что теперь находится в казнохранилище 550 р<ублей> сер<ебром>. Старцы и рады и благодарны. Решились было окапироваться к Пасхе, и отобрали от всех, кому что нужно, намереваясь кстати с Логиновым отправить послушника Безсонова, весьма благонадежного, в Петербург за материалом, но полученное письмо келейником Игумна все расстроило. Досифей пишет о скором возвращении своем, а может, и с батюшкой. Услыхав это, старые и малые истинно уныли; вот как мил и благонадежен Настоятель. Прости меня, Господи!

Находя весьма справедливым Ваше приказание, чтоб была часть суммы в наличности, я и ранее поступал так, сделавши запас провизии не годичный, но, впрочем, с надеждою, что его достанет до другого благовременного заготовления и обещают еще дешевлее настоящего. Суда идут Сясью, с которых и обещали и предположено сделать запас в июле или в августе. Выгоды от своевременного заготовления всего, преимущественно по Зеленецкому Монастырю, не прибыльней; сказывали, что, покупая посное масло пудами, кое-где по деревенским лавкам платили по 14 и 16 р<ублей> асс<игнациями> за пуд, тогда как нынче куплен по 9 р<ублей> 80 к<опеек> асс<игнациями> пуд; но надо заметить, что в летнее время и человек и лошадь чего стоят; да есть подробное и в книге сего года, например: куплено пуд коровьего масла в Ладоге за 6–50 сереб<ром> да за доставку рубль серебром итого 7–50 серебром; а в книге Никольской в это же время покупка и в той же Ладоге 5–70 серебром пуд того же масла; и подобных нелепостей пренаполнены и статьи и разговоры; дехтя потребно в лето до 30 пуд, они, покупая пудами, платили, говорят, по 6 асс. за пуд, а ныне куплено его 25 пуд по 1–80 ассигн<ациями>. Вот образцы распоряжения, и поверьте, все так. А о благонамеренности и говорить нечего: недоносов и переносов не наслушаешься — от крайности в крайность. Паки прости Господи!

С Корольковым я списался о рассрочке уплаты ему долга, сказывают, что он с удовольствием на это согласится; а подождать ему должно, сказывают, что отпускает товар весьма дурен и недешево. Бывши в Тихвине, я с ним не виделся, но мне и не советовали купить у него.

Если не отклонились Вы от участия в Зеленецком Монастыре, то потрудитесь дать мне наставление к продолжению действий; братия настойчиво просят белья, а холста не было и нет ни аршина, просят и платье и обуви, а в этом мне не хотелось бы распорядиться в настоящем положении, по моему соображению делалось прежде не совсем хорошо, выдавалось вместо белья холстом или деньгами, которые не для всякого были в пользу, по нашитию были камлотовые рясы и креповые клобуки и Корнилиям и Гавриилам и подобным неслужакам, что ни по летам, ни по дарованиям, ни по месту, ни по способам не соответствуют. В этом случае я попросил бы от Вас совета формального бумагою, посоветую так поступить и настоятелю; тут составится значительный расчет в расходе, да нелишние и по нравственности; для человека не понимающего ни о чем внутреннем, кажется, необходимо смирение от вне. Впрочем, я слишком, кажется, распространился, умолчу.

Прося молитв и благословения Вашего и прощения за многоглаголание, а вместе и позвольте ожидать милостивого вразумления, которое весьма ограничивает меня по всему и действует, благодаря Вам, благотворно.

Непотребный сын Ваш

грешный Аполлос.
Марта 27-го дня вечер
1850 года
Об<итель> Св. Николая

№ 2

Благодетельнейший Батюшка!

Пишу это из Зеленецкого Монастыря, в который приехал 1-го апреля по последнему санному пути, отсюда должен отправиться на колесном экипаже; и кажется, не встретится надобности быть до просухи.

Неожиданно получив с почты два предписания Ваши от 24 и 28 марта, спешил ответить с этой же почтой, к которой заготовлен уже был репорт в Консисторию и к Вам о потребностях Зеленецкого Монастыря. Простите, Батюшко, что поленились переиначить в согласность Вашего предписания, это бы еще на

несколько дней заняло соображением, то я в дополнение прилагаю один только реэстр закупленным вещам, а на прочие означено в том репорте, и кажется удовлетворительно. К счастию, что взял с собой Благодатского, то он и Песоцкой облегчили и в составлении и в переписке бумаг.

От содержателя харчевни придумали взять показание, которое вместе с копиею доверенности Господина его приложили к репорту. Он убедительно просит оставить за ним харчевню, но в случае если это будет справедливо, то не вступился бы за него и Господин, а я заступаюсь потому, что он был крестьянин моей матери крестной г-жи Глебовой, но также и потому, что цена нанесена им более прочих ста рубли серебром, да по простоте он вовсе не опасен для Обители по непредвидимым приключениям, каковые бы могли случаться от бойких здешних содержателей; впрочем, если должна быть переторжка, то я буду совершенно беспристрастен, только бы послужило к пользе Обители. От него же прилагаю и прошение, на мое имя поданное, не сочтете ли нужным спросить и сами О. Иг<умена> Варсонофия, а предо мной он сознавался, что брал, а в книжках нигде не записано, еще обстоятельство разгласилось по монастырю, то я во избежание опущения счел нелишним отобрать от монаха Нафанаила показание при сем прилагаемое, но есть и другие правдоподобные случаи, доказывающие, что это получение было не для личности О. Игумена, а в пользу Обители: в помяннике записано последнею статьею рукой Досифея, что получено 200 р. сер. от купчихи Клиновой из С.-Петербурга, но под ней ни года, ни месяца не выставлено, а выше этой статьи внесено в Октябре 1849 года, то во всяком случае эта сумма должна открыться или внесенной в 1849 году ноябре или декабре, или затаена. Не лишнее бы, Батюшко, поручить Отцу Димитрию Рослякову справиться в Главном почтамте в книгах Ладожской почтовой конторы за эти три месяца: ноябрь, декабрь, а вернее, в первой половине генваря сего года, не было ли послано и от кого, и на какой предмет; а в помяннике от купч. Клиновой записаны следующие имена: Афонасия, Алексия, Евдокии, Марии и Агафии. В неокладной книге сего года нет внесенных. В Ладожской конторе сказали, что они отсылают книги ежемесячно, почему и навести справку не по чем. По открывшихся во многих случаях опущений со стороны Иг<умена> Вар<сонофия> немудрено быть и этому.

Касательно отдачи незначительных оброчных статей нет сомнения, и из них немногие сомнительные, завтра жду посланных с объявлением об отдаче.

Теперь распорядился исправлением прежних земледельческих снарядов, приглашен мастер да один из штатных, знающий это дело, да несколько подэконом и эконом Зеленецкой займутся починкою старых колес, сох, борон железных и деревянных, тележных ящиков; должно надеяться, что на настоящий год вполне будет достаточно всего. Настоятелю будет и виднее и вернее пополнять своевременно. Судя по сделанному соображению и скромным потребностям Монастыря при порядочном распоряжении не будет стеснительно преемнику. Но Бога ради поспешите окончить, ей, утомляюсь. Корольков умоляет заплатить ему долг не в продолжительном времени, а за это обещает отпустить вновь сколько угодно. Но, по отзывам, ему должно бы подождать, говорят, отпускает товар весьма дурен. На платье для братии рассчитывал я роскошно по их назначениям и на камлот, и на крепу, и по шубе, но это несообразно по месту и по лицам.

При прошении харчевника приложен его счет для назначения Отцом Игумном цен на забранные в Монастырь предметы, может быть, не было ли у них предварительного условия; и другой его же, на забранную провизию, до покупки на ярмарке и раньше, Монастырем на 167 р<ублей> 65 к<опеек> асс<игнациями>. Это также требует удостоверения Игумена. Простите, Благословите, и помогити зрети своя согрешения. Непотребный сын Ваш

присный Аполлос.
4-е апреля 1850 года
Троицкий Зеленецкий Монастырь

Письма святителя Игнатия к наместнику Сергиевой пустыни Игнатию (Васильеву)

№ 1

По милости Божией — путешествую благополучно. В день выезда моего из Сергиевой Пустыни проехал я недалеко до Тосны. Подъезжая к ней, почувствовал усталость, наклонность ко сну; цель путешествия моего — поправление здоровья, и потому зачем утомлять себя ездою во время ночи? Остановился в доме нашего Афанасия. Старушка мать его и брат приняли меня с приятным, простосердечным радушием. Раскинута моя дорожная кровать, ложась, я вспоминал с сердечным утешением подаривших мне ее, вспоминал всех, напечатлевших на душе моей своею любовию

столько сладостных впечатлений. Встав на другой день в 5-м часу, отправился в дальнейший путь, на последней станции к Новгороду пошел сильный дождь, провожавший нас до самого Юрьева. Потрудись сказать от меня благодарность Афанасию за ночлег в его доме; матушка его очень мне понравилась, нахожу, что он очень похож на нее. В Юрьеве Отец Архимандрит принял меня очень благосклонно; сегодня утром был я у ранней обедни в нижней пещерной Церкви, обедню совершал Отец Владимир с учеником своим иеродиаконом Виталием: они очень милы — вместе. Отец Владимир служит благоговейно — как быть старцу; Виталий — с приятною простотою. После Литургии Отец Архимандрит отправил соборне панихиду по почившем восстановителе Юрьевской Обители. Вышедши из церкви, я посетил Отца Владимира, пил у него чай. Затем посетил Монастырскую библиотеку и ризницу. С колокольни посмотрел на Новгород и его окрестности. Здесь тихо; отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валааме. Когда я смотрел с колокольни на Новгород, когда посещал в монастыре храмы, когда смотрел на богатство ризницы — душа моя молчала. Отец Владимир пришлет тебе́ два портрета Отца Фотия[1] и вид Юрьева монастыря. Один из портретов возьми себе; а другой портрет и вид обители вели обделать в бумажные рамки для моих келлий. Сегодня суббота, скоро громкий и звучный колокол ударит ко всенощному бдению; думаю участвовать сегодня вечером и завтра утром в Богослужении, а завтра после обеда отправиться в дальнейший путь. Я и спутники мои чувствуем пользу от путешествия.

Когда вспомню о тебе и обители нашей, то приходит мне утешительная мысль: *Без воли Божией быть ничего не может.* Так и с тобой и с обителью ничего не может случиться такого, чего не попустит Бог. А Он попускает тем, кого любит, искушения и вслед за искушениями дарует избавление от них. Утешаемые искушением мы прибегаем молитвою к Богу; а получая избавление от искушения, стяжеваем веру в Бога, веру не мертвую, теоретическую, но живую, практическую. Настоящее твое положение сопряжено с трудностями; но эти трудности крайне тебе полезны, необходимо нужны: они сформируют тебя. *Муж неискушен — неискусен,* — говорит Писание, — *а искушенный примет венец жизни и стяжет дар помогать искушаемым*[2]. Веруй, что власы наши изочтены у Бога, — тем более пред очами Его — все случающееся с нами. Плыви и правь рулем правления обители в вере на Бога, в терпении, в страхе Божием. Когда стоит кто вы-

соко — должен глядеть вверх, а не вниз; если будет глядеть вниз, то легко у него закружится голова и он упадет. Итак, верой гляди вверх, на небо, на Промысл Божий, и не закружится у тебя голова, не впадешь в смущение и уныние, которые приходят, когда глядим вниз, т. е. когда вместо молитвы и веры вдадимся в свои рассуждения и захотим всякое дело решить одним собственным разумом. Христос с тобою. Прошу молитв твоих и всего братства.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1847 года, Июля 12-го дня
Новгородский Юрьев монастырь

[1] О нем см. с. 181–184.
[2] См.: Иак. 1.12.

№ 2

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Милосердый Господь, от которого всякое даяние благое, да дарует тебе управлять обителию во страхе Божием, с духовною мудростию, тихо, мирно и благополучно.

В Москву прибыл я в среду вечером, часу в десятом, остановился в доме Мальцева, где меня приняли радушно и успокоивают. Спутешественники мои здравствуют, заботятся о том, чтобы услужить мне. Преосвященного Митрополита нет в Москве, он путешествует по некоторым местам Епархии; мне придется дождаться его и потому, между прочим, что колесо у кареты сломалось, а меня раскачало и нуждаюсь в отдохновении. В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается Богомольцами очень мало и потому — очень уединена. С душевным утешением увидел я там некоторых монашествующих, провождающих жизнь внимательную, в страхе Божием. Они очень хранятся от монашествующих города Москвы, не презирая их, но избегая расстройства душевного, которого никто так скоро сообщить не может, как брат, живущий нерадиво. Сие наблюдали Василий Великий и Григорий Богослов, когда жили в Афинах. Сие заповедал соблюдать Св<ятый> Апостол Павел. Он говорит Коринфянам: *Я писал вам в послании не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или сребролюбцами, или хищниками, или идолослужителями; ибо иначе надлежало бы вам выдти из мира сего: но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, есть*

блудник, или сребролюбец, или идолослужитель, или злоречив, или пьяница, или хищник; с таковым даже не есть вместе (1 Кор. 5. 9–11). Видишь ли, как порок, когда он в брате, гораздо заразительнее и прилипчивее, нежели когда он в постороннем лице! Это от того, что люди позволяют себе гораздо более дерзновения и свободы пред братиями, нежели пред посторонними, пред которыми они стараются скрыть порок свой. Вглядывайся в общество человеческое: в нем беспрестанные опыты свидетельствуют справедливость слов мудрого, святого, Боговдухновенного Апостола. Руководствуйся сам этим нравственным Апостольским преданием и сообщай его братиям в их назидание и охранение от греха.

В пятницу был я в Кремле для поклонения его святыням. О<тец> Игумен Угрешский был моим путеводителем. В этот день посетили меня добрые Граф и Графиня Шереметевы, так же и я побывал у некоторых знакомых и родственников своих. Был в монастырях: Чудове, Новоспасском, Симонове, Донском; видел прежде живших у нас иеродиакона Владимира, Евстафия, Грозного, слышал, что здесь Булин и Черный, направляющиеся к Киеву. Скажу одно: братиям нашей Сергиевой Пустыни должно благодарить Бога, что он привел их в эту обитель, в которой довольно строго наблюдают за нравственностию, чем сохраняют молодых людей, дают им возможность усвоить себе благонравие, составляющее существенное достоинство инока. Конечно, не составляют его голос и знание ноты! Они хороши для Богослужения Церковного, когда душа не разногласит с устами. Это разногласие — когда уста произносят и воспевают хвалы Богу, а душа хулит его своим злонравием.

Здесь узнал я, что О<тец> Пафнутий подал прошение о перемещении в Донской и что о сем послан запрос к нам. На запрос отвечай благоразумно, скажи, что Настоятель пред отъездом утруждал начальство о посвящении некоторых лиц в иеромонахи по недостатку Священнослужащих в Сергиевой Пустыне; впрочем, что ты представляешь сие обстоятельство воле и усмотрению начальства. Другой причины, кроме малого числа иеромонахов, — мы не имеем к удерживанию О<тца> Пафнутия. Будь осторожен с Муравьевым[1], если он посетит обитель нашу. Дай полный вес сему предостережению моему... Здесь стоят северные ветры, довольно сильные, от чего погодка похожа на Петербургскую: солнце жжет, а ветер пронизывает насквозь. Нельзя выйти в одной рясе, без шинели.

Затем — Христос с тобою и со всем возлюбленным братством. Всем кланяюсь и у всех прошу Св<ятых> молитв.

Недостойный Архимандрит Игнатий.
1847 года
июля 21-го дня

[1] *Муравьев А. Н.* — О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 426.

№ 3

Получил письмо твое от 15-го июля. Бог да укрепит тебя! Не предавайся скуке о моем отъезде: он был необходим. Теперь мне сделалось гораздо лучше и теперь-то вижу, в каком расстроенном положении был я в Петербурге. Но все еще надо провести значительное время вне нашего сурового Сергиевского климата, чтоб собрать силы и проводить в ней иначе время, нежели как я проводил, т. е. лежа. Если найдешь совершенно необходимым вывести иеродиакона Иоасафа, то извести меня в Бабаевский монастырь, я дам тебе письменное мое согласие, которое можешь показать Пр[еосвященному] Викарию. При случае скажи мой усердный поклон Графине К., Князю Ш[ихматову], Даниилу Петровичу. Все наши знакомые удивили меня своею любовью, которая так обильно обнаружилась при моем отъезде из Петербурга. Завтра думаю ехать в Бородино, потом воротиться в Москву не более как на сутки и пуститься чрез Лавру, Ростов, Ярославль, в Бабайки и Кострому. Князю Шихматову пишу письмо сегодня же. Письма ваши получены мною довольно поздно, потому что Иван Иоакимович выехал из Петербурга не 16-го, как он было предполагал, но 24-го июля. Прошу у Павла Петровича извинения за то, что не отвечаю ныне на письмо его — некогда! Надеюсь загладить это упущение из Бабаек, откуда думаю написать письмо и ко всей вообще братии. Да подкрепит тебя Господь! Потрудись к общему благу, дай мне воспользоваться отпуском и поправиться в телесных силах: это принесет свои плоды и для меня и для тебя.

Христос с тобою и со всем о Господе братством.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

Потрудись сказать от меня Васе, что он без меня вел бы себя кротко и был послушен, тем доставит он мне большое утешение.

1848 года
июля 29 дня

№ 4

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

По милости Божией я приехал благополучно в Бабаевский Монастырь, в котором точно по сказанию Уткина воздух чудный. Здоровье мое таково, что сказать о нем ничего решительно не могу; кажется, получше. Вкоренившееся и застаревшее расстройство не вдруг исправляется. Отец Феоктист очень доброго и открытого нрава, что мне по сердцу. Теперь выслушай полный отчет моего странствования, до которого я большой неохотник.

Сколько я ни ездил — нигде мне не понравилось. Мил, уединен монастырь Угрешский; но мое сердце к нему было чужое. В Бабаевском нравится мне лучше всего; природа необыкновенная, какая-то роскошная, величественная; воздух и воды здоровые; но сердце к нему чужое. А к Сергиевой оно, как к своему месту. Видно, придется возвратиться в нее. Нашим неопытным любителям пустынножития, как, например, О<тцу> Иосифу, не ужиться в пустынях, кроме Сергиевой, по грубости братства; чтоб можно было ужиться, то надо сперва ввести обычаи Сергиевой Пустыни в какой-либо пустынный Монастырь. Видел я Отца Моисея в Гефсимании на одну минуту; потом приходил он ко мне в Гефсиманию, стоял предо мною на коленях и со слезами просил прощения в своем поступке и дозволения возвратиться обратно в Сергиеву Пустыню. Я простил, но говорил ему, как тяжело было для меня, когда он при болезни моей решился на такой поступок, не обратя никакого внимания на мои увещания, в которых я излагал ему ясно невидимую брань сердечную — и прочее. Он снова просил прощения и сознавался в том, что обманули его помыслы. В Лавре, кроме святынь, понравилась мне довольно Академия духовная, в которой многие Профессоры трудятся в пользу Церкви. Недавно вышла книга: «Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского, часть пятая». Доставь маленькому Игнатию записочку, пусть предложит нашим знакомым выписать эту книгу. По собрании сего напиши письмо О<тцу> Ректору Академии, Архимандриту Алексию, прекрасному человеку, с которым я очень сошелся, прося приказать известить тебя, что стоит экземпляр и сколько экземпляров вы желаете иметь. Потом вышлешь деньги и получишь книгу, которая особенно хороша. От Отца Аполлоса я получил сегодня письмо, в котором извещает, что он уволен от поездки. Я этим доволен: ему нужно побыть на месте и успокоить себя, а развлечение могло бы его совершенно расстроить.

Получил письмо и от Ивана Павловича Лихачева[1], которое при сем прилагаю. Кажется, у него написано в письме лишнее против счета, который имеется у нас. Потрудись его увидеть, проверить с ним счет или пошли для исполнения сего верного человека. Прописываемый Лихачевым орден точно мною взят. Хорошо, если б вы могли ему выдать хотя тысячу рублей ассигнациями из неокладной монастырской суммы; да две тысячи ассигнациями выдай из моей осенней кружки. Пожалуйста, обрати на это внимание и успокойте этого человека; думаю — можно бы и теперь вынуть из братских денег в мой счет 2000; если же сего нельзя, то всячески можно после 25 сентября, а тысячу хорошо бы и теперь из монастырских.

Из Москвы послано мною к тебе два письма; в одном из них писал я о Пафнутии то же самое, что ты о нем пишешь. Вкус его для нашего места не годится; не можешь себе представить, как показалось мне отвратительным Московское пение с его фигурами и вариациями. Нам нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей. Из настоятелей мне наиболее понравился Феофан по его прямоте и радушию. Натяжная святость как-то мне не по вкусу. Угрешский игумен просится на покой: в случае его увольнения я согласился с Пименом и другим иеромонахом, которые совершенно образовались по моим грешным советам и настоящие — Сергиевские. Приходил ко мне иеродиакон Владимир, тоже изъявлял желание поместиться к нам; я был с ним откровенен, т. е. прямо сказал ему причины, которые если он не устранит, то никак не может быть терпим в нашей обители. Он отвечал, что сам усмотрел всю гнусность расстроенной жизни и желает исправиться, как исправился брат его. Я сказал, что теперь не могу дать решительного ответа, а дам его при возвращении его. Извещаю тебя о сем, чтоб ты имел время все обдумать и сказать мне свое мнение.

Грусть твоя от того, что ты сам правишь обителью, а не из-за другого; я понимаю это чувство по собственному опыту. Возлагай на Господа печаль твою, и Он укрепит тебя; мне необходим воздух для поправления моего расстроенного здоровья, от чего и самое жительство делается расстроенным. Возвратившись с обновленными силами тем усерднее и деятельнее займусь устройством Обители, имея в твоей искреннейшей ко мне дружбе и в Богом данных тебе способностях обильную и надежную помощь. Всем братиям кланяюсь и прошу их святых молитв. Христос с

тобою! Благословение Божие да почивает над тобою. Приложенные два письма отдай по адресам.

Тебе преданнейший о Господе друг

Архимандрит Игнатий.
1847 года
августа 12-го дня

[1] Книгоиздатель.

№ 5

Присылаю тебе при сем, друг мой, церемонное письмо, чтобы ты мог его показать, если то будет нужно. Получил твое письмо на двух листках от 4 августа. При сем прилагаю письмо к Павлу Матвеевичу: он не откажется похлопотать, чтоб в Париже налитографировали на 1000 экземпляров. Он говорил мне об этом; запечатай письмо мое и перешли его к Яковлеву, прося, чтоб сей переслал в своем письме к Павлу Матвеевичу. Сердечно радуюсь, что ты поспокойнее; дайте мне поправиться сколько-нибудь: это для меня необходимо. Поправившись, Бог даст, смогу послужить для общей пользы хотя еще сколько-нибудь. Тебе очень полезно настоящее твое положение, хотя оно и сопряжено с некоторыми неприятностями. Сам по своему опыту посуди, каково заниматься должностью при болезненном состоянии; а моя болезненность достигла до расстройства нерв, что очень опасно. То время, которое ты будешь управлять Монастырем, подвинет тебя и в опытности и в духовном успехе и привлечет к тебе расположение братства, которое ты можешь иметь по самому природному твоему свойству. Всем знакомым от меня очень кланяйся, я имею к ним чувство, как к родным. Знакомлюсь не скоро, но зато, по милости Божией, прочно. Моисей, нынешний временно — Гефсиманский, сохраняет к тебе особенное расположение. Он понял тамошние обстоятельства, но в то время, когда ввалился в них, понял и знаменитого Антония[1], который — вполне наружный человек, имеющий о монашестве самое поверхностное понятие. — При свидании потрудись сказать мой усерднейший поклон Высокопреосвященнейшему Илиодору[2] и благодарность за его расположение ко мне. Относительно того, что трава скошена молодою, моложе, чем прошлого года, я согласен с Хуторным. Желаю вам убрать рожь и овес благополучно. Если овса будет довольно, то часть можно продать, и на часть этих денег купить хоть 20 коров и бычка, чтоб они во время зимы накопили навозу для ржаного поля. Отец Израиль обещал

мне это сделать и доставить коров по первому снегу. Впрочем, сие предоставляю на твою волю и благоусмотрение. Недавно послал я к тебе письмо. Это второе уже из Бабаек, которыми я очень доволен. Прекрасный Монастырь! На прекрасном месте, с отличным воздухом и водами! Купаюсь в речке Солонице, в которую впадают соляные источники, в которых прежде добывали соль. Они в 200 шагах от моего окошка. Все тело чешется и выходят пятна и возвышенности вроде сыпи. Такое чувствую благотворное действие здешних вод и на желудок. Чай пришли ко мне. Не думаю от вас требовать много денег. В прошлом письме я писал тебе, какое употребление сделал из моих денег, которые у вас. Пожалуйста, не оставь сего обстоятельства без внимания и извести меня о последующем. Я все еще в развлечении: исправляю нужды по келии; то, другое надо завести, т. е. стол, стул — и тому подобное. Надо будет съездить в Кострому к Преосвященному Иустину, также в Ярославль, в котором при проезде я пробыл не более часу.

Всем братиям усердно кланяюсь.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший

Архимандрит Игнатий.

1847 года

августа 14 дня

Потрудись послать два экземпляра Валаамского Монастыря Его Высокобл<агородию> *Ивану Иоакимовичу Мальцеву в Москву на Лубянку в Варсонофьевском переулке, в собственный дом* — для него и для супруги его Капитолины Михайловны.

Также потрудись послать в Москву один экземпляр на имя Графа Шереметьева и два на имя Графини с тем, чтоб один из них она доставила Митрополиту Филарету. Их адрес: в Москве на Воздвиженке в собственном доме. Пошли в Бородинский Монастырь три экземпляра при прошлом письме, адресуя в Можайск Московской Губернии, — один Г-же Игумении[3], другой двум ее келейницам, Палладии и Анатолии, третий Елизавете Шаховой[4].

Мне сюда пришли экземпляр.

Князю Суворову — один.

Пришли порошков от клопов, которые здесь многочисленны...

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 669, 699.

[2] О нем см. с. 93.

[3] *Игумения Мария* (в миру Маргарита Михайловна Тучкова; 1781–1852) — о ней см. с. 204–206.

[4] О ней см. т. 8, с. 257–294.

№ 6

Отец Наместник, Иеромонах Игнатий!

Благодарю Вас за то внимание, с которым Вы извещаете меня о главных обстоятельствах Сергиевой Пустыни.

Вам известно, что я признавал всегда Иеродиакона Иосифа мало способным к жительству в монастырях столичных; почему увольнение его из Сергиевой Пустыни посчитаю полезным и для Пустыни и для самого иеродиакона Иосифа. Если он был доселе терпим в ней, то это — в надежде сделать ему добро и по нужде в Иеродиаконах. Но сия нужда вскоре может быть отстранена посвящением монаха Сергия в Иеродиаконский сан. — Равным образом Иеромонах Пафнутий мог бы быть уволенным, если б у нас было достаточное количество Иеромонахов: он нужен только для служения, но для пения не только не полезен, даже вреден. Сформировав вкус свой в провинции, он недостаточен для нашего хора, в котором должны служить лучшим украшением простота и глубокое благоговейное чувство, а не фигурные вариации, которые в таком употреблении в Москве и которые так нейдут к монашескому пению.

Очень рад, что сенокос убран благополучно; желаю, чтоб вы успели убрать также благополучно хлеб и овощи. Присматривался я к полям при моем путешествии: точно — трудно встретить такую обработку, какова она у нас, и такой чистый рослый хлеб, каков он у нас.

По отношению к здоровью моему чувствую себя лучше. Воды и воздух здесь превосходные. Когда прекратится возможность купаться, то начну принимать души. Всем знакомым прошу сказать мой усердный поклон, — равно и братии.

• И вам, Отец Наместник, желаю всех благ. Правьте обителью с благонамеренностью, столько вам свойственною, в надежде на помощь Божию, и молитесь о недостойном Настоятеле вашем.

Архимандрит Игнатий.
1847 года 14 Августа

№ 7

Препровождаю к тебе, друг мой, прошение Отца Моисея. Надо составить прошение форменное и передать его братьям для доставления ему, чтоб доставление сие было верное. Я живу по милости Божией благополучно. Около недели гостил в Костроме у

Преосвященного Иустина, который обходился со мною очень любовно. По возвращении моем из Костромы нахожу новое письмо Моисея, в котором умаливает меня о прощении его и принятии снова в Сергиеву Пустыню. Христос с Вами. Всем братиям кланяюсь и прошу их молитв. Завтра думаю отправиться в Ярославль сутки на трое и тем окончить мои разъезды. Бабаевским монастырем я очень доволен. Воздух и воды чудные. Пред самым монастырем шагах в 100 от Св<ятых> ворот обильно сочилась вода, незамерзавшая, по сказанию жителей, и зимою. Я нанял, чтоб очистили это место и впустили струб в 2 аршина вышиною. Что ж? Ударило до двадцати ключей, и мы имеем чистейшую, как хрусталь, воду, из которой образуется ручей, текущий в Волгу. По возвращении из Ярославля надеюсь еще писать к тебе.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

Стефану получше. Сысой захворал прошлогоднею болезнию.

1847 года
Августа 24 дня

№ 8

Не желая пропустить почты не написав тебе ничего, извещаю, что я на прошлой неделе был в Ярославле. Таким образом окончив свои разъезды, начинаю сидеть дома и лечиться. Ноги мои начинают издавать испарину, с которою вместе, кажется, выходит и болезнь. Христос с тобою, будь здоров и благополучен. Всем братиям — мой усерднейший поклон.

Недостойный Архимандрит Игнатий.
1 сентября

№ 9

Отец Наместник Игнатий!

При сем препровождаю к Вам письмо О<тца> Казначея Вифанского монастыря Иеромонаха Вениамина, в котором он Отец Казначей объясняет начало болезни Иеромонаха Мефодия, его родного брата, находящегося ныне в Старо-Ладогском Николаевском Монастыре. По просьбе Иеромонаха Вениамина и по собственному своему усмотрению, находя нужным, чтоб сии сведения были известны С.-Петербургскому Епархиальному Начальству, препровождаю к Вам письмо Иеромонаха Ве-

ниамина с тем, чтоб Вы оное представили по благоусмотрению Вашему.

Архимандрит Игнатий.
1847 года
Сентября 1 дня

№ 10

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Получив письмо твое от доброго знакомого нашего, с ним отправляю и пространный ответ; а чтоб и по почте, которая, вероятно, придет скорее, не лишить тебя известия о мне, пишу сии строки. Лечусь; крывшаяся во мне простуда кидается во все стороны, в особенности сильный переворот в ногах, в которых то начнется дерганье жил, то лом, то испарина — после сего чувствую облегчение и оживление ног. Но от диеты и испарины слабы. Ну уж какое славное, чудесное безмолвие. Кажется, проводил бы до гроба такую жизнь. Препровождаю при сем письмо от Рослякова; передай его Николиньке, чтоб он известил Рослякова: пусть делает как хочет и знает. В месте, где он живет, терпят его немощи; в другом неизвестно — потерпят ли? А здесь мне взять его на свое попечение и иждивение невозможно. Письмо его по прочтении истреби, чтоб не попалось в руки Аполлосу и не расстроило бы его.

Каково поживает Влас Михайлович?

Степе то получше, то опять хуже; Сисою лучше.

Будь здоров.

Тебе преданнейший о Господе

Архимандрит Игнатий.
8 сентября

Впрочем, я говорил О<тцу> Игумену о Рослякове, он согласен его принять.

С Даниилом Петровичем препровождаю мои испорченные часы; отдай их Мизеру для поправки и с Николинькою пришли.

№ 11

Истинный друг мой
Отец Игнатий!

С несказанным сердечным утешением читаю твои письма и благодарю Господа Бога, что Он по неизреченной своей милости даровал мне такового и искреннего, доброго, верного и умно-

го друга, как ты. Жизнь наша коротка. Что в ней ни приобретешь — все должно оставить при входе в вечность. Одно благо, которое пойдет с нами туда: любовь к Богу и любовь ради Бога к ближнему. Молю Бога, чтоб любовь наша была вечною. В письмах, идущих по почте, не забываю вставлять слова для политики, принужден кое-что умалчивать из опасения косой ревизии. А это письмо идет с добрейшим Даниилом Петровичем, который был у меня 5-го Сентября. — В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. Угрешский Отец игумен думает на покой. Его казначей и другой Иеромонах, друг казначея, — точно наши Сергиевские; казначей знаком был со мною в Лопотове монастыре, заимствовал от меня направление в монашеской жизни и сохранил его доселе. Они меня на руках носили и в случае выбытия на покой игумена намерены переместиться к нам: это прекраснейшие люди. Бородинская Г-жа Игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным Отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, — многие с хорошим светским образованием. Митрополит Московский был очень добр; постарел. У Преосвященного Григория Тверского гостил целые сутки; он самый прямой человек и принял меня с особенным радушием. С Лаврским наместником Антонием я очень не сошелся, а поладил с Академическим Ректором Алексеем[1]. Из Московских Архимандритов мне понравился наиболее О<тец> Феофан Донской. Наместник обошелся со мною сначала довольно нагло, потом поумялся. Нашел в Вифанской Семинарии иеромонаха Леонида[2], Профессора и Магистра из флотских офицеров, который в Петербурге бывал у меня. В посаде живет его матушка-старушка, которую он содержит своим жалованьем. Иду из Академии к саду — встречает меня незнакомая старица, останавливает: «Ах, Батюшка, говорит, как я вам благодарна за сына моего: направление, которое вы дали в Петербурге, его руководствует в пути им избранном так благополучно; я мать Леонида». Он приходил ко мне вечером и как пред Духовником поверил всю жизнь свою со всею простотою и откровенностью. Этот случай — пребывание в Бородине, на Угреше, — из светских в Москве Мальцевы, Назимов (ныне Генерал, бывший при Наследнике Флигель-адъютант) и, наконец, в Ба-

байках приезд одной из сестер моих — меня очень тронули и утешили. Какие есть на свете души! И как чудно слово Божие! Недаром один святой Отец говорит, что сеятель сеет сряду, а неизвестно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай. Преосвященные Костромской и Ярославский приняли меня очень ласково. Сошелся довольно с Костромским Ректором, с человеком благонамеренным и прямодушным, имеющим ревность к благочестию. Здесь в монастыре знаком только с О<тцом> Игуменом, с ним иногда я вижусь, более почти ни с кем. Сижу дома, никуда не выходя. Такая жизнь мне чрезвычайно нравится. В Москве зубной врач, приглашенный мною по случаю разболевшихся зубов, нашел, что зубы мои очень исправны, но что они поражены ревматизмом, против которого дал полосканье: французская водка или ром, настоянные свежим хреном. Этим велел полоскать, разводя с водою, также мазать снаружи около шеи и за ушами. Видя отличное действие этой национальной микстуры, я попробовал помазать мои ноги, которые по временам очень болели и всегда зябли. Когда я их помазал, то они начали согреваться, а чрез несколько дней капает из них пот и явилась переходящая боль ревматическая, т. е. простуда, сидевшая под маской и прикрытием, — обнаружилась. Наш добрейший Иван Васильевич[3] говорил мне правду: у вас замаскированный ревматизм. Разумеется, я тотчас прекратил окачивание себя из душа, а решился попить декокту из Сассапарели при натирании хренною настойкою, доколе совсем не прекратятся боли. — Степану получше; он один мне служит. Сисой лежит и пьет декокт Сассапарельный. Вот все здешние новости. Публика Ярославская и Костромская очень ко мне милостивы.

Теперь начинаю отвечать на все пункты писем твоих (извини, что худо пишу: пишу на налое, чтоб не так скоро устать и побольше написать). 1) *На то, которое от 22 августа.* Бог тебе открывает понятие о монашеской жизни, которая есть совершенство Христианское. Это Божий дар: возделывай его. При естественной доброте твоего сердца, при прямоте твоего рассудка, стяжи еще доброту Евангельскую и Евангельский разум. Бог, Который даровал тебе прекрасные естественные свойства, да дарует и Евангельские. Точно, как ты говоришь, — ни порядка, ни благонравия, ни даже таких духовных познаний не встретишь, как в нашей обители. Благодарю тебя за Отца Иосифа; он очень добрый и мягкосердечный, но по неопытности лезет как овца к волкам. Моисей сдуру куда врезался! — к начальству сильному,

от которого уйти не легко, — и в какое место! В место, где все личина и все напоказ. Лавра мне очень не понравилась, кроме святынь ее. Совершенно торговое место — братство в полной свободе, певчие с такими вариациями, что хоть вон беги из церкви. По местоположению понравились два монастыря — Угрешский и Бабаевский. В обоих воды прекрасные. — Моисей тоже очень тебя любит, как и ты его. Разочаровался в Антонии, говорил мне: Батюшка, ныне и такого Настоятеля, каков наш Наместник, т. е. ты, не найти. — Благодарю за распоряжения по письму Лихачева; будете делить эту кружку после 1-го октября, то из моей суммы возьми сто р<ублей> серебром по назначению для твоих расходов, пятьдесят асс. отдай Павлу Петровичу и остальные пришли мне. Отца Пафнутия я не думал бы снова ставить на крылос, тем более что он хочет вести крылос в том устаревшем провинциальном вкусе, который ему нравится, но который нам вовсе нейдет. Нам нужно стремиться к совершенной простоте, с которой бы соединялось глубокое благоговейное чувство. Штучки предоставим Москве. Если будет скучать О<тец> Пафнутий, то можно ему поручить хор ранних обеден и обучение нот, незнающих ее. Иеромонах Иоанникий пусть подождет моего возвращения, — в Ладоге никого нет; Росляков просится сюда. Три экземпляра ты отдал, как следует и как мною было тебе поручено; потому что после чтения, которое, помнишь, было на балконе, так было мне приказано. Успокойся — я напишу об этом А-ой, тем более, что я получил от них письмо, на которое должен отвечать. Я забыл тебе сказать, что с Фридриксовой не надо ездить по ее домашним обстоятельствам, как я и сам не ездил, а посылал с человеком к 8-ми часам утра. Она мне пишет о Монастыре с большим участием, не называя тебя, говорит, что без слез братия не могут говорить о мне; я понял, что она видела твои слезы! Бог вложил этому человеку нелицемерное расположение к нам. Я ей пишу и благодарю за внимание к тебе.

2) *На письмо от 25 августа, что с Полозовым.* Как выше я сказал, показавшаяся испарина заставила меня остановить леченье водою. Вода в Солонице имеет небольшую солоноватость и очень полезна, но близ Гилица есть настоящие соленые воды целительные. В них купался Пр<еосвященный> Иустин и почувствовал большую пользу. Мне мещает скоро поправиться гнездящаяся во мне простуда; при всем том по временам чувствую себя довольно хорошо. Даниил Петрович был необыкновенно мил, доставил порошок от насекомых. Чай получил по

почте. Благодарю тебя, что побывал у Преосвященных. — Должно быть, Харьковский не по Питерскому православию пришелся[4]. Если что узнаешь, то напиши в письме, о котором будешь уверен. Если случится увидеться с Преосвященными, то всем скажи мой усерднейший поклон и прошение благословения, увидев Харьковского, поблагодари за его расположение — навсегда: это — сердце сердцу весть подает, и я прошу его принять мое таковое же расположение, основанное на истинном служении Богу и Церкви. Поклон от него Пр<еосвященному> Иустину я правил! Очень рад, что уборка полевых продуктов идет успешно, я по всей дороге не видал таких хлебов, какие у нас. О косулях[5] я сам думал: нахожу, что удобнее будет прислать зимою; водою, кажется, уже поздно. Мне сказывали здешние агрономы, что траву непременно должно посыпать гипсом, высевать 30-ть пудов на десятину; гипс действует два года; а на один и тот же участок сыплют его не раньше, как через 8-мь лет тоже по какой-то причине, которую мне не могли хорошенько объяснить, которую и я не хорошо выслушал. Забавно твое рассуждение по случаю проданной ставы о Петре Мытаре. Приложенное письмецо доставь покупщице ставы. Княгине Варваре Аркадьевне скажи мой усерднейший поклон и также доставь приложенные строки. При свидании с Госпожою Игуменией Феофанией[6] засвидетельствуй ей, равно и Матери Варсонофии[7] мой усерднейший поклон. Хорошо, что с Андреем Николаевичем <Муравьевым> ты был осторожен: это прикрытый личиною дружбы враг мой и именно твой. Вели Михаилу Хуторному или Петруше, или если есть при Монастырских садах садовник, — насадить школу дубовыми желудями. Хотелось бы прислать для школы кедровых орехов, — пришлю, если не забуду: их садят, ровно как желуди, с осени. Принятие и отпуск братии — одобряю. Я наведывался здесь о людях, именно с крылосными способностями, но до сих пор еще ни один не пришелся мне по глазам и по сердцу. Ты не можешь себе представить, какая повсюду скудость в людях! Наместник Воронежский Платон, о котором ты мне говорил, ныне Наместником в Ипатьевском монастыре, Игуменом и Членом здешней Консистории. С Отцом Феоктистом мы очень ладим: человек добрый и открытый; здесь гостит его матушка — помещица, преинтересная старушка — старых времен человек! Если Пафнутий снова подает прошение в Святейший Синод — тем более не должны пускать его на крылос. Крылосные к нему не расположены; а он как человек, способный к штукам, пожалуй

для своих плотских видов, не остановится приводить братию в расстройство. А наши просты! О Владимире я тебе пишу на всякий случай; я ему ничего не сказал, отложил ответ мой до будущего времени. Наконец — благодарю Господа Бога, что у Вас идет все хорошо. Молитесь о мне. Ныне мудреное время; где ни насмотрелся — везде зло берет верх, а благонамеренные люди находятся в гнетении. Спаситель мира повелел стяжевать души свои терпением. Полагаюсь на волю Божию. Здешнее уединение показывает мне ясно, что по природным моим свойствам и по монастырскому моему образованию — быть бы мне пустынником; а положение мое среди многолюдного, столичного города между людьми с политическим направлением, — есть вполне не натуральное, насильственное. Молитва и слово Божие — вот занятие единственно мне идущее. При помощи уединения могли бы эти два занятия, кажется мне судя по опытам, — очень процвести, и желал бы я ими послужить ближним. Для прочего служения есть довольно людей, с преизбытком; а для этого ныне, просто сказать, не найти. Повирают — и то не многие, а чтоб кто сказал истину Христову — точно не найти! Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земли! Науки есть, Академии есть, есть Кандидаты, Магистры, Докторы Богословия (право — смех! да и только), эти степени даются людям; к получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б... Случись с этим Богословом какая напасть — и оказывается, что у него даже веры нет, не только Богословия. Я встречал таких: доктор Богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не быль ли, подобная мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы!

Христос с тобою. Всем братиям мой усердней поклон.

Тебе преданнейший друг, недостойный

Арх<имандрит> Игнатий.

Скажи Федору Федоровичу Киселеву, что я получил от князя Шихматова письмо, в котором он очень извиняется, что не мог исполнить известного желания нашего.

Письма от Фридриксовой ко мне посылай не иначе, как чрез Полозова.

Понудил себя — побывал у Сергия на Толге и у Нафанаила, Строителя в одном маленьком монастыре в Ярославле. Не очень благосклонно глядит на них здешний Архиепископ. Видя, что меня Старец Архиерей очень полюбил (я у него был три раза и

обедал в два дня), Сергий просил меня замолвить за него словцо. Оказывается, что в колодец преждевременно кастить не надо.

7-го и 8 сентября.

Напиши мне, как адресовать к Степану Федоровичу Апраксину.

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 698.
[2] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 693–723.
[3] *Бутузов А. В.* – доктор в Санкт-Петербурге.
[4] Иннокентий (Борисов).
[5] Косуля – вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону.
[6] *Игумения Феофания* (в миру Александра Сергеевна Готовцева; 1787–1866) – о ней см. с. 171–175.
[7] *Мать Варсонофия* (в миру Мария Никитична Крымова; 1800–1866) – о ней см. с. 172–174.

№ 12

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Извещаю о себе, что лечусь – и кажется, с успехом. Должно быть, я сильно простудился прошлою осенью, ездив в Черменецкий монастырь. Не хотел – а приходится: прикажи мне сшить подрясник из синеватого лицемору и подложить серой саржей – и верх и подкладка шелковые. Все это можно взять у Степанушки; вели так сделать, чтоб не более как на две четверти он был ниже колен и пошли по почте, адресуя посылку Его Высокобл<агородию> Николаю Никандровичу Жадовскому[1] в Яросл<авль> с передачею мне. Тот подрясник, который на мне, очень рвется, а других, т. е. суконных и на вате шелковых носить не могу – непременно холодный. Это следствие здешнего воздуха, который гораздо легче Петербургского. И в комнатах держал гораздо свежее до начатия декокта. Теперь очень слаб, а аппетит гораздо лучше. Христос с тобой.

Твой преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

10 сентября

Также вели по моим колодкам сапожнику, который шил обыкновенно мне сапоги, сделать две пары с пробковыми подошвами и пришли по почте.

[1] *Жадовский Н. Н.* – почтмейстер в Ярославле.

№ 13

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Благодарю тебя за постоянное уведомление о себе и о обители. Слава Господу Богу, что у Вас идет все благополучно. Мое здоровье поправляется, но крайне слаб от действия декокта. Захватил же я жестокую простуду в Петербурге, и она была замаскирована, как говорил мне наш добрый Иван Васильевич. Теперь от действия декокта выходит простуда, а вместе с тем пропадают те болезненные припадки, которые я прежде признавал чисто геморроидальными. Лицо и глаза очень переменились — посвежели.

Послушника Кирилловского согласись принять, также и чиновника из Опекунского совета. А плац-адъютанту Иготину скажи, что от печали не должно идти в монастырь, в который можно вступать только по призванию. Все, сколько их знаю, поступившие в монастырь по каким-либо обстоятельствам внешним, а не по призванию, бывают очень непрочны и непременно оставляют монастырь с большими неприятностями для монастыря и для себя. А потому решительно откажи. Пол в Яковлевской церкви переправьте — доброе дело. К К<нягине> Горчаковой я писал; в то же почти время, как она вспомнила о мне, и я вспомнил о ней.

Татьяне Борисовне <Потемкиной> я тоже писал. При свидании скажи мой усерднейший поклон. Не пишу им потому, что ужасно слаб, — все лежу, никуда не выхожу из комнаты с 5-го сентября. Степану получше; когда я кончу курс декокта, то и его хочу заставить попить: потому что по пробе оказалось полезным. Не время ли представлять его в мантию. Если время, то вели приготовить нужные бумаги и прислать сюда к подписанию.

Относительно дела с Пафнутием будь осторожен и терпелив; так нужно вести себя относительно людей лукавых. Пожалуй, сделают по желанию твоему; а потом этим обстоятельством, как фактом, будут доказывать, что ты неоснователен в твоих действиях. А много ли надо, чтоб уверить дураков в чем-нибудь. Пусть Пафнутий действует как хочет и скучает как хочет: потому что он, несмотря на все мои убеждения, начал сам действовать вопреки всем моим истинно дружеским и благонамеренным советам.

Я и прежде думал, также и тебе говорил, что хотелось бы О<тца> Марка сделать келарем и поручить ему огороды или то, что было у О<тца> Израиля. А то у них огороды поупали. За

огородником нужны глаза. Приедет Данило Петрович в Петербург, то вы меня уведомьте немедленно о его приезде; мне надо написать к нему и поблагодарить его за всю дружбу его ко мне. Пожалуйста же, не забудь об этом. Ты не пишешь: послал ли три экземпляра Валаамского М<онастыря> в Бородинский монастырь. Если не послал, пошли, пожалуйста; если ко мне не послал, тоже пошли; еще пошли два экземпляра в Вологду на имя Ее Превосх<одительства> Елизаветы Александровны Паренсовой[1].

Прилагаемый при сем конверт запечатав, доставь по надписи. Тут вложена коротенькая брошюрка поэтическая: Воспоминание о Бород<инском> Монастыре. — Прочитай. Если напечатают и тебе представят несколько листочков: то штук двадцать отправь в Бородинский М<онастырь>, несколько ко мне, а прочии раздели по братии и знакомым. А мне бы хотелось, чтоб напечатали.

Всем кланяюсь и братии и знакомым. Христос с Вами.

Архим<андрит> Игнатий.
18-е сентября

Побывай у В<еры> Иван<овны> Анненк<овой>. И свези просфорок и булок. — Лучше всего в 12-й час пополудни.

[1] *Паренсова Е. А.* — сестра святителя Игнатия.

№ 14

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Извещаю тебя, что здоровье мое лучше и лучше; лицо и глаза совсем переменились; только от декокта чувствую себя временем слабым и должен много лежать. Ногам тоже гораздо лучше. Приложенный при сем конверт, запечатав, доставь А. А. Александровой[1]. Тут маленькое мое сочинение для них; прочитай его, только другим не давай. Степану тоже гораздо лучше. Когда Сисой совсем поправится, то хочу заставить Степана попить декокт; потому что от нескольких его приемов ему сделалось лучше.

Христос с тобою. Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> И<гнатий>
1847 года. Сент. 22-го дня

[1] *Александрова А. А.* — супруга Александрова Павла Константиновича — генерал-майора свиты Его Императорского Величества Николая I.

№ 15

Поздравляю тебя, истинный друг мой, с праздником Богоспасаемой обители нашей. Дай Бог, чтоб Вы провели этот день в радости и благополучно. Надеюсь, что милосердый Господь устроит это. К нашей обители есть милость Божия: потому что в ней, хотя и не столько, сколько следовало бы, есть люди, имеющие намерение быть приятными Богу. Господь посылает и искушения: кому посылаются скорби, тот, значит, есть часть Божия; а кому идет все как по маслу — тот часть диавола. А когда Господь восхощет взять его из части диаволовой, то взимает посланием скорбей. Скорби — чаша Христова на земли. Кто на земли участник чаши Христовой — тот и на небе будет участником этой чаши. Там она — непрестающее наслаждение. Четырнадцать лет, как мы с тобою плывем вместе по житейскому морю. Не видать, как они прошли; не увидаем, как и остальная жизнь пройдет. Временная жизнь, когда в нее вглядишься, только льстит. Блезир, как Русские говорят, — не более того.

Лечусь; всего перебирает; чувствую облегчение; но ослаб, должен долго лежать.

Присылаю письмо кронштадтского плац-Адъютанта, как оно ко мне пришло. Согласись, что очень странное, наверное, он в умоповреждении. Лучше советовать ему в Оптину, где ныне и Шемякин. Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> И<гнатий>.

25 сентября

№ 16

Истинный друг мой,
Отец Игнатий!

Новости мои одни и те же: безвыходно в комнате, чрезвычайно ослабел, но вместе с этим вижу, что боли разрешаются; обильный пот льет из ног моих, чего с ними давно не бывало. Как-то вы поживаете? Как проводили праздник?.. Писал мне добрейший Феодор Петрович Опочинин, как он гостил в Сергиевой Пустыне, как остался всем доволен. Прилагаю при сем письмо Параскеве Ивановне Мятлевой, поздравляю ее с днем ее Ангела (14 Окт.). Если она будет справлять свои именины на даче, то потрудись доставить сам, а если в городе, то перешли.

Потрудись прислать по почте мою песцовую шубу. Пожалуйта, не забудьте. Извини, что мало пишу; очень слаб. Письмо к Мятлевой написал в три приема, в три дня. Поправлюсь — напишу побольше.

Христос с тобою.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
29 сентября 1847 года

Прилагаю при сем описание о посеве клевера, сделанное одним из знаменитейших здешних агрономов. Подумайте — нельзя ли у вас завести одного участка чисто клеверного. От О<тца> Моисея получил из Гефсимании письмо от 23-го, что ему выдают паспорт.

№ 17

Истинный друг мой,
О<тец> Игнатий!

Хотя понемногу, — а все тебе пописываю. Дня с три, как начал чувствовать себя крепче и крепче, а то был очень слаб и почти непрестанно лежал. Кажется, есть со мною милость Божия: ревматизмы мои тронулись с места, с ног льет сильный пот и разрешаются те тяжкие, невидимые узы, которыми они были связаны, которые простирались до головы и делали меня слабым, совершенно не своим. Мой характер, паче же милость Божия помогала мне не подавать вида той хворости, которая во мне была; но по самой вещи я был чрезвычайно расстроен.

Думаю, что Николушка уже отправился ко мне. Если не отправился, то отправь; Сисой все еще лежит, Стефана временем схватывает, да и ему надо тоже полечиться и во время леченья быть безвыходно в келлии. Я по сим причинам выписал из деревни моего родителя мальчика, вкупе и повара, который теперь у меня и прислуживает. Васе скажи, если он не уехал, что ему очень скучно и грубо здесь покажется; впрочем, как хочет. Если приедет, то думаю отправить вместе с ним по первопутку Сисоя; а если Бог даст, ворочусь при Стефане и Николае.

Писал я тебе о брошюрке: Валаам, чтоб три экземпляра были посланы в Бород<инский монастырь> — Сделано ли это? Известии меня; также три экземпляра назначены Ш<еметевым>, а два Мальцеву. Все это — сделано ли? — Теперь ты посвободнее, извести о всем. Я о брошюрке писал в Москву, и потому мне нужно сведение от тебя о исполнении.

Также шубу не забудь прислать по почте.

Скажи всей братии мой усерднейший поклон и прошение их Св<ятых> Молитв.

Христос с тобою.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

2-го октября

№ 18

Секретно

Истинный друг мой,

Отец Игнатий!

Письмо твое от 29-го я получил. Очень рад, что ты проводил праздник благополучно и без дальней церемонии. Ивану Васильевичу Бутузову напишу; только теперь очень слаб. Также и Пр<еосвященному> Харьковскому, поокрепнувши, думаю написать. Впрочем, чувствую себя гораздо лучше: вышло и выходит множество дряни. Очень, душа моя, в Петербурге я был болен!

Благодарю за все твои заботы о мне. Господь да благословит тебя за все. О книжках — Потемкиной. Я бы и согласен был послать ей книжки, да она употребит их во зло мне, оно уже часто бывало, и начнет показывать дружкам своим, Гедеону Войцеховичу, Муравьеву и подобным. Разве сам отдашь — пропев полный контракт. Думаю, что лучше не посылать. Авось между делами — эта безделица ускользнет из-под ее взоров. А если и узнает, то можешь и извиниться, сказав, что ты полагал наверно, что послал; а если я и не послал, то за многими хлопотами при отъезде. Думаю: жаль сделать лучше. Нечего последние пальцы в рот совать: уже многие изволили откушать.

Прости, что не пишу много — слаб. В уединении совершенном, мало пользуюсь им: потому что все время проходит в лечении и лежании.

Господь да укрепит тебя: Он попускает возлюбленным своим утомляться, по выражению Отцов, а после уже показует им малопомалу Свои духовные дарования. Надеюсь, что милосердый Господь, видя твое и мое произволение, даст нам пожить сколько-нибудь и для душ наших, а не для одного временного. Христос с тобою.

Арх<имандрит> Игнатий.

О представлении Стефана к монашеству — не забудь.

Пред отъездом я узнал, что Протасов[1] действует против меня чрез Киселева, — до сих пор забывал писать тебе.

[1] Обер-прокурор Св. Синода.

№ 19

Благодарю тебя, истинный друг мой, за присылку Николая, который прибыл благополучно 15-го и доставил мне все, посланное с ним, исправно. Приложенное при сем письмо потрудись прочитать братии в трапезе. По милости Божией чувствую себя лучше и лучше. Только слаб: очищает на все манеры: из ног испариной; из носу и глаз течет материя, отчего голове и глазам несравненно легче. Боли в ногах прошли до самых колен. Теперь идет броженье в самых следах. Декокт остается пить только неделю; почему исполнив срок, окончу.

Когда, Бог даст, укреплюсь, напишу Ивану Васильевичу поподробнее и кое о чем спрошу совета. Христос с тобою. Желаю тебе всех истинных благ.

Преданнейший тебе друг

Арх<имандрит> Игнатий.
16-го октября

№ 20

Истинный друг мой,
Отец Игнатий!

Приятное дружеское письмо твое от 9-го окт<ября> я получил. Утешаюсь вполне, что произволение твое к духовной жизни развивается. В свое время Бог устроит все; наилучшее — предаваться Его святой воле и не думать о завтрашнем дне, когда нет особенной причины думать о нем. А то многие живут в будущем мечтами и заботами своими, а настоящее выпускают из рук. Сердечно радуюсь, что Праздник провели все благополучно, в своем семейном кругу, без всякой заплаты. Так эти чуждые заплаты нейдут к нашему обществу! Всегда эти подлости чем кончаются? Прочеловекоугодничают век свой, остаются чуждыми всякого Божественного чувства, предают, предают и, наконец, сами предаются смерти, сколько не отнекиваются от нее. Употреби на Власа оставшиеся мои деньги; очень рад, что он поправляется. Сисою лучше, хотя до сих пор он не выходит из комна-

ты, где лежит. А поелику и я не выхожу, то мы с ним не видались с конца августа. Я нанял для него прислугу и трачу деньги на лечение; также по получении от тебя 170 руб. серебром купил ему зимнее платье. С сего дня начинает лечиться Стефан уже у здешних докторов, какие есть. Дай Бог ему поправиться: он стал немного получше. Никола прислуживает мне очень усердно и хорошо, — помогает и писать, что при настоящей моей слабости мне не мешает. Со мною делаются чудеса: чистит уриной, сильная мокрота идет носом, глаза очищаются текущим гноем, ноги возвращаются. Только слаб — почти ничего не делаю: все лежу. — Кушанье готовит мальчик из нашего села, он же и прислуживает вместо лакея. Подумай же, что здесь живут на своем иждивении сам-шесть; на всем покупном. В начале декабря потрудись прислать жалованье, и в начале января и кружку за исключением 100 руб. серебром на твои расходы и 50 — на Павла Петровича. Он мне ничего не отвечает на последнее мое письмо? Напишу ему, думаю, не уехал ли в Зеленецкий. Если он дома, напомни ему о лебединых перьях и карандаше, которые мне очень нужны. Христос с тобою! Будь здоров и веруй! Проволочимся как-нибудь во время этой краткой земной жизни — лишь бы Бог принял нас в вечные кровы.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

Потрудись передать всем знакомым мой усерднейший поклон; не пишу, потому что слаб; особливо — нельзя ли передать милым Головиным; их письмо предо мною, посмотрю на него, полюбуюсь, а не отвечаю.

Ты не пишешь, был ли у Анненковых? Побывай у Мальцевых, поблагодари за все ласки мне оказанные и, когда он приедет к нам в монастырь, прими его поласковее. Пишет мне, что получил от тебя В<алаамский> М<онастырь> при преприятном письме.

20 октября

№ 21

Истинный друг Отец Игнатий!

По милости Божией я почувствовал особенное облегчение на сей неделе по извержении многих мокрот. Ты знаешь, что я обыкновенно к этому времени, т. е. к ноябрю, расхварываюсь. Теперь наоборот — вижу себя гораздо в лучшем состоянии; только ноги, в особенности левая, еще побаливает, хотя и им гораздо легче.

Письмо твое от 14-го получил. Предоставь воле Божией — мой приезд; я имею намерение такое: тогда выехать отсюда, когда уверюсь, что я выздоровел и окреп совершенно, что могу пуститься в дорогу безопасно, что, приехав к Вам, не буду лишь лежать в праздности, но и споспешествовать общей пользе. Сознаюсь — в последнее время у меня очень было на совести, что я мало занимался братиею, то есть назиданием их. Это занятие намереваюсь возобновить, когда милосердый Господь возвратит меня с обновленными силами. Глаза мои так поправились, что пишу свободно при одной свечке. Но все еще слаб и больше лежу. — Настоящее твое положение хотя и сопряжено с некоторыми скорбями, но оно тебя формирует, укрепляет. Я очень рад, что Бог, столько к тебе милосердый, дарует тебе способ сформироваться правильно, на пути прямом, чистом. Беда, когда человек формируется на кривых путях: во вся жизнь свою будет смахиваться в шельмовство. Итак, не скорби: втуне не желаю проводить здесь времени; но хочется радикально вылечиться; я даже не понимал, что я столько испорчен простудой, особливо не думал, что голова у меня простужена сильно; приписываю боли и расстройство ее действию геморроя. Ничуть не бывало — простуда! Вспоминаю — точно простудил! Декокт мною употребляемый ничуть не опасен. Это не Стефаниева дрянь! Не нужно ни того тепла, ни той испарины, сыпи почти не производит, а действует всеми проходами, извергая мокроты. Когда нуждаюсь в испарине, то пью чай: он больше дает испарины. Он варится из сассапарели, которой кладут очень много, дают декокту упреть. Когда он упреет и остынет, то — точно кисель жидкий; такого декокту я пью 4 стакана в день. Ну уж и перерабатывает; иные дни пролеживал в совершенном онемении. Здесь живет некоторый помещик, которого так вылечили в Париже; прежде никакие шубы не грели; а теперь одевается очень легко, переносит всякий холод. Благодарю за посланные шубу и другие вещи. Я их еще не получил. Граф<иня> Орлова приедет в Петербург, то отвези ей четыре экземплярчика Валаамского Монастыря: один для нее, другой в библиотеку М<онасты>ря, один О<тцу> Арх<имандриту> и один О<тцу> Владимиру. Павел Матвеевич пишет, что он рисунки монастыря велит отлитографировать. Христос с тобою.

Недост<ойный> Арх<имандирт> Игнатий.
23 окт<ября>

Жаль, что коров купить не на что. Задний участок, т. е. ту именно часть его, на которой очень плохо родилась трава, спахать и

удобрить золотом, на нем посеем овес. А вместо ржаного поля отделаем место за валом — надо же когда-нибудь его отделать.

Отдал ли А<лександровой> жит<ейское> море?

Также о брошюрке: Бород. М. ничего не пишешь.

№ 22

Истинный друг мой Отец Игнатий!

По милости Божией здоровье мое — лучше и лучше; самые ноги начинают оживать и поправляться. Остается одна — сильная слабость, по причине которой почти беспрестанно лежу и ничем на занимаюсь. Я не думал, что буду проводить здесь время в такой праздности; причиною этого расслабление; но при этом самом расслаблении чувствую гораздо больше твердости в членах. С исшествием простуды укрепились нервы. Просьбу Стефана я приказал переписать на твое имя, как управляющего монастырем; если подать от моего имени, могут обидеться, или подумать и придумать что-нибудь; а ты знаешь, как на это склонны. Бог даст поокрепну — напишу побольше. Благодарю за шубу и прочие присланные вещи; все получил исправно. Конечно, ты замечаешь по письму моему, что рука моя потверже. Приложенные письма потрудись доставить по надписи. Христос с тобою,

тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Октября дня

Потрудись поздравить Госпожу Игумению Феофанию с днем ее Ангела, когда он настанет. Поручаю себя ее святым молитвам. И мать Варсонофия, конечно, я уверен, не забывает меня. Потрудись дать знать Исакову книгопродавцу, чтоб он переплел следующие мне тома *Патрологии* и доставил к нам в обитель; пусть они ждут меня там с прочими моими книгами, которые давно стоят спокойно на полках, в тишине шкафа свободно покрываясь пылью. Им больные глаза мои доставляли этот покой. Но глаза мои теперь поправляются.

№ 23

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

По милости Божией здоровье мое — лучше и лучше. Но все еще крайне слаб: боли из всего тела приняли направление в желудок. Присланный французский пластырь Анною Александ-

ровною мне очень помог. Он есть у *Исакова книгопродавца*; вели *немедленно* прислать мне *шесть сверточков*, по прилагаемой при сем бумажке печатной. Декокт оканчиваю — пью самый жиденький и перехожу к настойке сассапарельной. Глаза мои очищаются; но я крайне слаб. Пописав немного, должен лежать очень много. Приложенные при сем письма потрудись доставить по адресам со всею аккуратностью. *Пожалуйста* же потрудись прислать по *первой почте* пластыря. В письмах по почте будь как можно осторожен.

Христос с тобою, душа моя.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

2 ноября

Пожалуйста позаботься о пластыре! Пошли листочка три воспоминанья о Бород<инском> М<онастыре> Б<аронессе> Фридерикс.

№ 24

Истинный, бесценный друг мой, Отец Игнатий!

Письма твои, в которых так ясно изображается открытая душа твоя, приносят мне особенное утешение. Уведомляю о себе, что чувствую себя гораздо получше, но все еще вертит и отделяются мокроты. Также — слабость. С неделю — как перестал пить декокт. В прошедшее воскресенье стала Волга; вчера и третьего дня была прекраснейшая погода, и я выходил в 12-ть часов на воздух. Какой здесь воздух! В ноябре он легче, нежели в Петербурге в мае. Хорошо бы мне пробыть здесь до весны; необходимо бы это нужно. Застаревшая моя простуда медленно выходит. Есть возможность попользоваться бардяными ваннами, чего бы мне очень хотелось. И все бы мы, зиму пролечившись, весной пожаловали в Сергиеву, выписанные из инвалидной команды в наличный строй. Прилагаю письмо к Екатерине Сергеевне Баташовой. Благодарю тебя, что напомянул, и впредь всегда так делай. Ты знаешь — я в таких случаях не всегда догадлив. Вели, друг мой, сделать мне подрясник из хорошей белки и покрыть черным лицемором — возьми на это из моей кружки. Моя песцовая шубка повытерлась; а случись необходимость выехать, надо выехать с хорошим запасом тепла. Пришлешь на имя Николая Никандровича Жадовского, ярославского почтмейстера; да повели по приложенному образчику только несколько побольше сделать оплаток с буквою И. белого цвета — А. это мановение[1].

В Костроме Кн<язь> Суворов. От А. А. Кавелина получил премилейшее письмо, написанное из самого сердца — вот! Такая любовь меня утешает. Пишет, что ты был у него. Христос с тобою и со всем братством. Будь здоров душою и телом. Тебе преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.

13 ноября

[1] То есть «А» (= «Архимандрит») — это преходящее состояние, временное, как «мановение руки», поэтому на метках следует обозначить только инициал имени, «И». *П.Ф.*

№ 25

Бесценнейший Игнатий!

К слову «бесценнейший» не прибавляю слова «мой», потому что все мы — Божии. Не желаю Божие похищать себе, а когда милосердый Господь дарует мне Свое — *благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его,* — а Божие да пребывает Божиим, и я буду им пользоваться, как Божиим.

Письмо твое от 13 ноября получил, при нем пластырь от А., которым и обернул мои больные ноги.

Господь да подкрепит тебя в несении трудностей, с которыми сопряжено твое настоящее положение, которыми образуется разум твой и душа твоя. Вижу над тобою особенный Промысл Божий: Бог полюбил тебя и ведет к Себе. А потому показывает тебе мир во всей наготе его, показывает, как в нем все тленно, все пусто; как все занятия и хлопоты крадут у человека время и отводят от благочестивых занятий и добываемого ими блаженства вечного. Все это надо увидать ощущением души; а в книге не вычитаешь, доколе не отверзутся душевные очи. Возложись на Господа; в терпении твоем стяжевай душу твою. Терпение подается верою, а вера зависит от произвола человеческого: потому что она естественное свойство нашего ума. Кто захочет, тот тотчас может ее иметь в нужной для него мере.

Отсюда я ничего не писал тебе об уединении, хотя и очень помнил, что обещал написать пообжившись. Не пишу потому, что все время здесь, особливо время лечения, живу единственно для тела, а не для души. Мои мысли об этом предмете те же, что и в Сергиевой; мне нечего себя испытывать, а в мои годы и не время: образ мыслей сформировался, а годы ушли. Можно быть решительным. То, что я здесь не поскучал, можно сказать, ни на минуту, — нисколько не странно; противное было бы странно.

Пошедши в монастырь не от нужды, а по собственному избранию и увлечению, — пошедши в него не ветрено, а по предварительном, подробном рассмотрении, — сохраняя цель мою неизменною доселе, я, по естественному ходу вещей, не скучал в монастыре, не скучаю и впредь надеюсь быть сохраненным милостию Божиею. Тот монастырь для меня приятнее, который более соответствует монашеской цели. Здесь мне нравится уединение, простота, в особенности же необыкновенно сухой и здоровый воздух, чему причина грунт земли, состоящий из хрящу и песку. Место более уединенное можно найти, в особенности более закрытое лесом. Здесь роща с одной стороны, с прочих на десятки верст открытое место, почему ветры похожи на ветры Сергиевой пустыни, — сильны, но мягки, нежны. Я говорил, на всякий случай, здешнему Преосвященному, чтоб нам дал не важный, но пользующийся выгодами уединения, местоположения и климата монастырек, на что он очень согласен. Здесь монастырей много, а монахов очень мало; по здешним местам наш монах О<тец> Моисей мог бы даже быть хорошим Строителем, а в свое время и Игуменом. Кажется, по милости Божией, когда последует Его Святая воля, устроиться можно. А подумывать о себе надо: потому что те, которые взялись думать о нас, только воспользовались трудами нашими и отбрасывают нас, как выжатый лимон.

Лекарство, отнимающее у меня все время, отдающее его лежанью, различным в теле броженьям и всему прочему подобному, — действует на поправление здоровья отлично. С 6-го ноября я кончил употребление декокта на воде. С этого времени начались здесь постоянные морозы и начала вставать Волга. Снег только отбелил поверхность земли; его так мало, что до сих пор нет санной дороги. С 6 ноября пью густую настойку на вине. Действие превосходное! Дней с десять как начал очень укрепляться, т. е. чувствовать крепость нерв; но вместе с сим из верхней половины тела полил сильный пот, оставляющий на белье, когда высохнет, желтоватую окраску. Вкус соли, хотя не совсем пропал во рту, — но очень уменьшился. Глаза мои необыкновенно очистились; еще с половины сентября начались брожения в простуженной голове моей и из глаз пошла мокрота при некоторых болях то в голове, то в глазах, эти боли головные, боли временные продолжаются. Все жилы тянет от затылка, из левой руки, из ног, из всех простуженных мест в желудок.

От того так сильно болит левый бок; теперь эта боль меньше и спустилась ниже к двум проходам, которыми и выходит в виде

различных слизей. Все дело состояло в том, что от простуды я был наполнен «холодными мокротами», которые препятствовали кровообращению, пищеварению, расстроили геморрой и нервы; по причине их я приходил в внезапное изнеможение, как бы рассеченный на части; по причине их нуждался зимой в особенно теплой комнате. Вышло их из меня множество и еще идут; по мере того, как выходят, чувствую себя лучше и лучше. Отсрочка мне была бы необходима: лечение надо продолжать до совершенного освобождения от мокрот, что окажется прекращением брожения во всем теле. В членах, вполне здоровых, я уже не чувствую ни малейшего брожения; теперь оно действует преимущественно в затылке и оконечностях ног, которые обернуты вновь присланным пластырем. Если б дали отсрочку до 1-го июня, то я бы и вылечился, и исподволь привык здесь к воздуху, и попользовался бардовыми ваннами, которые можно здесь иметь. Возвратный путь совершил бы чрез Москву, заехал бы в Оптину Пустынь и, может быть, в Воронеж, присматриваясь к местам и выбирая для себя удобнейшее. Нам много будет значить и то, чтоб в месте, которое изберем, были нужные для нас потребности и были по дешевой цене. Поздоровел бы здесь — и пописал бы. Это совсем не лишнее. В Москве я встретился с человеком, который пописывает, пописывает слегка, не утруждая себя, — выручает тысячку, другую, третью в год и этим содержится. Это все при нашем положении не надо выпускать из виду. Особенно приятен кусок хлеба, приобретенный трудами рук своих! Приятна и независимость, в которую поставляют человека дельные руки, — дар Создателя. Вот тебе суждение мое о моей отсрочке, о которой, если возможно ее получить, пора уже подумывать. Подумываю и о возвращении, потому что при моих обстоятельствах надо подумать и так и сяк. Приготовляю на всякий случай меховую шапку из мерлушек; мерлушки будут внутри и снаружи; конструкция шапки особенная; эту конструкцию изобрели потребности распростуженной головы, имя шапке: «Шапка-ушанья». Потребность ног заставила изобрести сапоги, которые бы влезали сверх моих теплых меховых сапогов, простирались донельзя сверх колен; так что ноги, в случае поездки, будут защищены троими сапогами. Верхние сапоги — уже более мешки, чем сапоги, — должны быть из овчин или оленьих мехов; не знаю — что найду здесь. Надо будет купить две зимние повозки: одну хорошую (здесь можно такую получить за 100 серебром), другую рогожаную для Стефана и Сисоя. Ехать надо будет на 5-ти лошадях. Если придется совершать путеше-

ствие зимою, то надо ехать на Тихвин и Ладогу; в Рыбинске у О<тца> Игумена Варфоломея можно будет отдохнуть, в Тихвине у Архимандрита; пожалуй, можно будет проехать на Зеленецкий и Ладогу. Вот мои предположения; скажи о них свое мнение. О ходе болезни моей извести Ивана Васильевича. Я еще не собрался отвечать ему: видишь — и к тебе пишу первое письмо, которое сказывается некоторою свежестию мысли и руки.

От Аполлоса получил два-три письма, которые мне очень не понравились: шельмовские. В особенности не понравилось последнее. Делает точно то же, что и с тобою: выпытывает — возвращусь ли в Сергиеву и когда возвращусь; распространяется, как все желают моего возвращения. И все это — так гадко! Хотел я в прошлом письме моем написать тебе об этом, да остановился, подумал: и без того у тебя много скорбей; что еще прибавлять им сообщение мыслей мрачных. По всему видно, что слухи, якобы он купил Настоятельство Сергиевой Пустыни, вполне справедливы. Теперь продавщик водит покупателя за нос и еще обнадеживает успехом; а этот — как рыбка около приманочки. И Боярыня, доставшая деньги для покупки, — когда была ныне весною в Питере, вела себя такою же отвратительною шельмою, как и старец ее. Далеко отложилось сердце мое от этих людей: теперь они уже никогда не перестанут бездельничать. Надо только начать, вдаться; а потом уже и дело покончено. Другой такой же или подобный — Павел Чернявский. Что-то у этих людей в сердцах холодное! Ни одного чувства не могут принять в себя глубоко и сохранить его. Все у них так поверхностно, непостоянно. От ума какой-то блеск — словно блезир, по выражению русского человека; ничего нет существенного.

Затем Христос с тобою. Поручающий тебя милости Божией и молитвам Пр<еподобного> Сергия.

Преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.
27 ноября

В Костроме Князь Суворов; сбирается на часок прикатить ко мне по первому санному пути.

№ 26

Бесценный Игнатий!

После последнего письма моего к тебе меня повертело в течение двух суток: некоторые жилы ножные освободились от своей

мертвости. Предшествует разрешению всякой боли — верчение. Приложенное письмо, прочитав, доставь Снессаревой[1]. Вот образчик книги, которая давно формировалась у меня в голове, а теперь мало-помалу переходит из идеального бытия в существенное: это будет вроде «Подражания Христу» — известной западной книги; только наша. (Включая тебя и прочих ради Бога единомудрствующих со мною в число сочинителей книги, потому употребляю выражение: «наша».) Совершенно в духе Восточной Церкви — и выходит сильнее, зрелее, основательнее, с совершенно особенным характером. Эту книгу желалось бы подвинуть хоть до половины, доколе я здесь — в уединении. Такое дело, сделанное до половины, почти уже сделано до конца.

Сегодня мне получше. Продолжает лить сильнейший пот, оставляющий на рубашке желтоватую окраску, — и рубашка делается как бы накрахмаленною — тверда.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.
1 декабря
[1847]

[1] О ней см. Настоящее издание, т. 5, с. 487–510.

№ 27

В день общего нашего Ангела поздравляю тебя, бесценный Ангел, с днем Твоего Ангела. Желаю тебе всех истинных благ, а паче всех того, которое имел наш Ангел, по причине которого он назван Богоносцем. Утешаюсь тобою, радуюсь за тебя, надеюсь на милость Божию к тебе. С первых чисел Декабря началась со мною новая передряга. Лекарство проникнуло до оконечностей ног: они распухли, сделались как замерзшие и начали оттаивать (не подумай, что я их простудил — нет, я никуда не выходил); они сделались подобными двум кускам мерзлой семги, которая оттаивает. Это оттаивание так было сильно, что Николай, терший их, когда прислонит ладони свои к подошвам, то ощущал тонкий ветерок, идущий из подошв моих, как бы ветерок от чего замерзшего.

Все мои болезни начались с того, что бывши еще юнкером, я жестоко простудил ноги, оконечности их; от различных медицинских пособий чувствовал облегчение временное, но оконечности ног никогда не вылечивали, год от году приходили в худшее положение и наконец привели меня в такое состояние бо-

лезненности, которое тебе известно, как очевидцу. Теперь по милости Божией кажется радикально излечиваюсь. Но во всем идет сильнейший переворот, какая-то переборка, перерождение всего, отчего большую часть времени провожу в постели, в оцепенении, не занимаясь ничем, почти ниже чтением. Боли повсеместно уничтожаются, глаза поправляются, отделяется множество самомерзостнейшей мокроты, нервы получают необыкновенную забытую уже мною крепость. Степану и Сисою гораздо лучше. Иосиф Петрович Пряженцов, посетивший меня на пути своем в Петербург, дал мне обещание побывать в Сергиевой Пустыни и известить братию о моем бытье и состоянии. Премилый человек! Доставил мне из поместья своего железную ванну и другие мелочи деревенские, весьма страннику нелишние.

Радуюсь, что у вас идет все благополучно.

Разумеется, напрасно времени тратить здесь я не намерен; теперь выехать мне невозможно, и не знаю, скоро ли наступит эта возможность. Застарелая болезнь выходит не спеша. Письмо к Т<атьяне> Б<орисовне> П<отемкиной> непременно постараюсь тебе выслать. При первой возможности постараюсь написать к Павлу Васильевичу[1]. Увидишь О<тца> Арх<имандрита> Симеона, свидетельствуй ему мое истинное почтение. Скажи добрейшему Ивану Васильевичу Бутузову, что милейшее письмо его я получил, премного благодарю за него и буду отвечать при первых силах. И ныне бываю — уже дня с два — силен на полчаса в день, остальное время — все на постели.

Благодарю за присланные деньги: они пришлись очень кстати: потому что у нас остался уже только один целковый, да и провизия вся истощилась.

Поздравляю тебя и все братство с наступающим Праздником Рождества Христова. Прошу у всех Святых молитв о недостойном Арх<имандрите> Игнатии.

20 декабря
1847 года

[1] *Энгельгардт* Павел Васильевич (ум. в 1849) — с 1832 г. гвардии полковник в отставке.

№ 28

Бесценный Игнатий!

Поздравляю тебя с наступающим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом. Потрудись поздравить от

меня всех наших знакомых, у кого побываешь, в особенности побывай у Василия Дмитриевича Олсуфьева, Гофмейстера Цесаревича, поздравь его всеусердно от меня: он предобрый и умный человек. Я ему писал от сего числа письмо. Благодарю тебя за шубку. Очень мне понравилась; особенно приятно, что ты ее устроил. На следующей почте думаю послать Его В<еличест>ву рапорт о состоянии моего здоровья, которое хотя по всему видимому возвратилось, но делает для меня невозможным выезд сию минуту. Прилагаю один листок брошюрки «Воспоминание о Б<ородинском> М<онастыре>», выправленный. Без числа ошибок! Совсем теряется и искажается смысл. Такой же листок посылаю в Бородинский Монастырь. Отдай сам или чрез кого два экземпляра «Валаамского Монастыря» в девичий Петербургский Монастырь Г-жам Игуменьи и благочинной. Прошу их, чтобы они сами заглянули в эти тетрадки, но не давали никому для чтения, особенно Кутье, имеющей единственный талант зависти и тем выказывающей, куда принадлежит их премудрость (Иак. гл. 3.).

Христос с тобою

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

25 декабря

Что делается с маленьким Игнатием?

№ 29

Бесценнейший Игнатий!

С 25 декабря чувствую себя покрепче, понаписал кое-кому поздравительные письма. Приложенное при сем к Муравьеву передай Павлу Петровичу: желаю умиротворить врага словом приветливым. Благодарю за все присланное; все получил в исправности. По сей же почте послана мною бумага к Митр<ополиту> об отсрочке и к Викарию письмо. Скажи Павлу Петровичу, чтоб справился о последствиях. Где С<офья> Григорьевна[1]? Куда ей писать? Пришлю к тебе: на нынешней почте не успел: не могу много работать, скоро ослабеваю. Поторопись выслать мне кружку с известным тебе исключением. Осенью отвалив Лихачеву чрез силу — себя очень обрезал; жалованьем только успел расплатиться и снова уже занял, — что очень неловко. Тимохинская станция уничтожается; письма нужно адресовать ко мне прямо в Ярославль; нанял здесь мужичка, за трехрублевик будет раз в неделю ездить на почту. Сегодня привезли ванну, надеюсь от нее полу-

чить большую пользу. Рослякова, если хочешь, прими; он — человек благонамеренный. Степан и Николай усердно тебе кланяются и благодарят за твое к ним внимание.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший о Господе

Арх<имандрит> Игнатий.

29 декабря

К Игумении Феоф<ании> я написал.

[1] Супруга П. В. Энгельгардта; о нем с. 371.

№ 30

На этой почте, Душа моя, друг мой, бесценный Игнатий, послал я тебе письмо; эту записочку пишу для того, чтоб иметь истинную, сердечную приятность написать тебе несколько строк, — поручить тебе, чтоб приложенное при сем письмо ты доставил добрейшей Баронессе (ответ ее перешли через Д<аниила> Петровича — не иначе) — наконец, чтоб назвать тебя тем, что ты есть: Душа моя, друг мой, бесценный Игнатий.

Христос с тобою.

Арх<имандрит> Игнатий.

8 января

№ 31

Бесценнейший друг мой Отец Игнатий!

При сем препровождаю к тебе письма к Анне Александровне и к скорбящей матери — Софии Григорьевне, также копию с рапорта моего Высокопреосвященнейшему — для хранения при делах монастырских. Здоровье мое лучше и лучше, а бережливости и осторожности требует больше и больше. Все тело очищается, начиная с глаз; выходит временем по местам испарина, весьма клейкая. Письменные занятия ограничиваются писанием подобных сему кратких записочек; чтением почти вовсе не занимаюсь — какой-нибудь коротенький часок в день. Остальное все время пожирается болезненностию и тою передрягою, тем брожением, которыми сопровождается действие лекарства. Чувствую благодетельное изменение во всем теле, укрепление и необыкновенное нерв. Думаю продолжать лекарство (сассапарель в смешении с геморроидальным набором, настоянные на

вине) до тех пор, пока не изгонятся боли совершенно из всех членов.

Призывающий на тебя и на все братство благословение Божие, желающий вам всех благ

недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года 7 января

№ 32

Бесценный Игнатий!

Мое здоровье час от часу лучше и лучше.

Кризис продолжается; большую часть времени лежу, лишенный способности даже читать. Впрочем, лежу меньше, нежели в декабре. На неделе посетил меня впервые врач, по просьбе некоторых моих знакомых, друг их дома, человек молодой и, как видится, благонамеренный. Поверив весь процесс моего лечения, он сказал: «Самый рациональный и основательный образ лечения, который должен увенчаться, судя по настоящему ходу, полным успехом. Только надо очень беречься!» Братство здешнее к нам чрезвычайно расположилось, и местечко здешнее — прекрасное! Прездоровое, преуединенное, премилое. Трудно сыскать монастырь с такими монашескими удобствами! Жить бы тут нашему обществу, нравственно страдающему в Сергиевой Пустыни, шумной, окруженной всеми соблазнами.

Христос с тобою.

Желаю тебе и братству всех истинных благ.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года января 16-го

№ 33

Бесценнейший Игнатий!

Письмо твое и при нем деньги 185 р<ублей> серебром я получил. Точно, как ты и догадываешься, это очень мало, судя по требованиям, которые здесь рождает и мое лечение, и лечение двух больных Стефана и Сисоя.

Но и за это — слава Богу! Сколько людей достойнее меня, а нужды терпят более меня. Часто думаю и о твоих средствах содержания: хотелось бы мне их улучшить... Если Господь благополучно возвратит меня в Сергиеву, мы об этом подумаем; же-

лал бы поделиться с тобою средствами! Здоровье мое приметно, почти с каждым днем, улучшается. На этой неделе в понедельник и во вторник гостил здесь Пр<еосвященный> Иустин, и сегодня (четверток) посетил Бабаевскую обитель добрейший Князь Суворов. Друг мой! Точно — путь жизни моей и тех, которые хотят сопутствовать мне, устлан тернием! Но по такому пути Господь ведет избранников и любимцев своих! Не могут отвориться очи душевные, не могут они усмотреть благ духовных, подаемых Христом, если человек не будет проведен по пути терний. Христос с тобой. Он да дарует крепость и мне и тебе.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
22 января

№ 34

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Рекомендую тебе подательницу письма сего Елисавету Никитичну Шахову. Приласкай и утешь ее: мне этот человек понравился. И сохрани же ее от взоров сулемы и всякого мышьяка. А то узнают, что моя знакомая, и постараются повредить ей. Она — писательница. Нрава открытого и с умком.

Арх<имандрит> Игнатий.

№ 35

Писал некоторые поздравительные и ответные письма и ужасно устал. Но, чтоб ты не соскучал, — вот и тебе несколько строк! Пакет твой относительно описей — получил. Об О<тце> Нектарии неблаговидно входить с представлением до моего возвращения. Мне лучше и лучше, но вертит и вертит. В настоящее время наиболее вертит голову и глаза, из которых течет гной и которые очищаются. Лежу и лежу.

Благословение Божие над тобой и над всем братством!

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
28-е января 1848

№ 36

Бесценный Игнатий!

Сердечно участвую в скорби, постигшей благочестивое семейство Опочининых! К Федору Петровичу на этой же почте от-

правил письмо. Бог, видно, хочет, чтоб этот человек, в котором так много доброго, приблизился к Нему. За все, что ты описываешь, благодарю Бога. Я имею здесь какое-то постоянно спокойное чувство, что Бог не оставит тебя и обитель. Мое здоровье лучше и лучше: начинаю чувствовать какую-то благотворную, необыкновенную теплоту во всем теле. Очень уважаю мнение докторов, рассуждавших о способе моего лечения у Л.; но и то помню, что лечилась их свояченица от неизвестной болезни — и тогда только эти господа поняли, что она беременна, когда бедняжка выкинула! Бог помог мне попасть на то средство, которое выгоняет из меня болезни, полученные мною, когда я еще был послушником, офицером, юнкером. Если прекратить теперь прием лекарства, то непременно должны быть последствия; но если принимать его до тех пор, пока окончится производимое им действие, т. е. когда оно вытянет окончательно из всех простуженных членов мокроты в желудок, тогда одно последствие его: *совершенное* выздоровление. Теперь очень вертит глаза и из них много отделяется дряни, они делаются необыкновенно чисты. Но еще за занятия не принимаюсь. Самые письма пишу весьма экономно. Когда поисправлюсь, располагаюсь сделать описание моей болезни и образа лечения.

При действии вышеописанной благотворной теплоты я бываю физически весел: это новое для меня чувство. Я был всегда морально весел, и физическую веселость помню — как бы в тумане, как что-то очень давнее.

Христос с тобой. Молись о мне и о себе, чтоб привлечь нам на себя милость Божию, которая отступает от тех, кои прогневляют Бога.

Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> Игнатий.

4 февр.

№ 37

Бесценный Игнатий!

Вот уже почти три недели, как не получал от тебя никакого известия. Впрочем, уповаю на милость Божию, что она сохраняет тебя и обитель от искушений, превосходящих силу, а попускает только те искушения, которые необходимы для духовного преуспеяния. На этой почте получил письмо от одной странствующей инокини-писательницы, в котором описывает мне, как она была

утешена твоим приветливым приемом. К Николаю Николаевичу Анненскому я писал письмо, утешая его, и советую не оставлять семейства по первому порыву огорчения. Ты очень хорошо сделал, доложив Преосвященному о его пребывании в обители. Приложенные два письма: 1-е к Александровой, 2-е к Гр<афине> Шереметевой, потрудись доставить по адресам. К Гр<афине> Шереметевой писал к 1-м числам января и к 1-м числам февраля; желаю знать, получены ли мои письма? К этим же числам я писал и к Графу Шер<еметеву>. Если он в Петербурге, потрудись узнать, получил ли он мои письма? О всем этом уведомь меня. Приложенное письмо к Павлу Матвеевичу передай его управляющему для отсылки к нему. Потрудись узнать о здоровье Анненковых, кажется, исполнилось время беременности Веры Ивановны: уведомь меня и о них. Мое здоровье лучше и лучше; но это улучшение идет с значительными передрягами. Пред каждым особенным облегчением делается особенная передряга. На днях посетил меня и оказал мне много любви Южский Отец Игумен Варфоломей. Погода стоит очень теплая. Сожительствующие мне инвалиды Стефан и Сисой также чувствуют себя лучше. Христос с тобою. Всей братии мой усерднейший поклон.

Недостойный Архимандрит Игнатий.
14 февр. 1848

№ 38

Бесценнейший Игнатий!

Поздравляю тебя и все братство с наступившею Святою Четыредесятницею. Желаю совершить поприще ее благополучно, с приобретением обильной душевной пользы. Мое здоровье — лучше и лучше, но слаб и по большей части лежу по причине сильного брожения, производимого во всем теле лекарством. Теперь это брожение наиболее в ногах. В лице и глазах моих заметна необыкновенная свежесть — верный признак поправления здоровья. Думаю в течение марта продолжать еще принимание лекарства; по ходу болезни утешаюсь надеждою, что к этому времени могут окончиться все брожения, происходящие от того, что все мокроты из тела устремились в желудок и, посредством его, выходят вон. Степану также получше, лицо у него гораздо свежее. Сисой снова простудился, промочив во время оттепели ноги. Не могу нарадоваться здешнему местечку: такое уединенное, здоровое и простое. О<тец> Игумен очень расположился ко всей нашей ком-

пании. После того письма, в котором ты извещал о кончине Константина Федоровича, я не получил от тебя ни одного письма. Пишу к тебе это для соображения — верно ли сторожа относят твои письма на почту, и не потерялось ли которое-нибудь из них. Присылаю при сем корректурный лист — Воспоминание о Бородинском Монастыре, который потрудись препроводить с Григорием Стратановичем к Краю. Мне бы хотелось, чтоб виньетки были прибраны в этом же роде, но другие — в которых было бы больше вкуса и изящества; к тому ж эти виньетки были на каком-то Московском стихоплетении о Бородинском Монастыре: мне не хочется заимствовать даже виньетки с чужих сочинений. Желаю, чтоб мои марания имели б хотя б одно достоинство: были б чисты от кражи. Бумага на корректурном листке — хороша; можно листков два десятка употребить слоновую. Поручи Стратановичу все это сделать аккуратно, а в выборе виньеток полагаюсь на твой вкус. Здесь ничего не пишу и даже не читаю — лежу полусонный, лишенный всех способностей.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

23 февраля. Сыропуст

Признаю — оберточный листок для Воспоминания не нужным.

В моей библиотеке есть французская книга Les saints pères des déserts de L'Orient, в 9-ти томах. Если которого тома нет, вели отыскать маленькому Игнатию: может быть, у Плещеевых или у кого другого. Потом, уложив все в ящик, потрудись отправить по почте в Вологду, Ее Превосход<ительству> Елисавете Александровне Паренсовой, при кратчайшем письме, что препровождаешь книги по моему поручению. Она очень здесь о мне заботится. В моем шкафе лежит на полке книга Пр<еосвященного> Иннокентия *Великий Пост*. Потрудись передать Шаховой. Нужна для соображения при предполагаемом стихотворении.

№ 39

Бесценный Игнатий!

Письмо твое от 17 февраля получил. На прошлой почте послал я тебе обратно письмо Магистра Иоасафа с моим отзывом, который может быть всюду показан. А теперь такой же отзыв прилагаю здесь относительно Стефана — в ответ на рапорт твой. Чуд-

ное, спасительное действие на меня сассапарели продолжается, с 3 марта я окончил было прием этого лекарства, начал быстро укрепляться, свежеть, чувствовать себя легким, развязанным. Но одно обстоятельство заставляет снова приняться на некоторое время за сассапарельную настойку. Из головы натянуло к шее и оконечности затылка два большие мягкие желвака, которые по оставлении сассапарели начинают снова расходиться по голове, что мне очень не нравится и кажется опасным. Недалеко от здешнего монастыря живущий доктор Англичанин Петерсон, сделавшийся уже русским помещиком, имел сам сильный ревматизм; у него также образовались желваки, или, правильнее, скопления мокрот, которые он выпустил посредством фонтанели. Я решаюсь сделать то же, признаю это необходимым. Почему потрудись, друг мой, по первой же почте выслать мне две баночки помады визикатуар и желтого пластыря, на который обыкновенно намазывается эта помада, и пластыря меллотного, — того и другого в достаточном количестве. Желтый пластырь бывает намазан на бумажках и на *холсте*, мне нужен последний. До получения от тебя этих медикаментов опять примусь за сассапарель. Ты не можешь представить себе, как я в эти шесть дней, как оставил пить сассапарель, освежел! Не помню себя таким. По получении от тебя фонтанелей думаю, что вылечусь окончательно, и приеду к вам, Бог даст, совсем другим, нежели каким уехал. Я и прежде думал, всматриваясь в тебя, что нужна какая-нибудь мера для поправления потрясенных сил твоих переломом ноги; по приезде моем подумаем об этом; я рад сделать для тебя все зависящее от меня. Наш Казначей писал ко мне, что он желает уволиться от должности. Я, находя, что при такой его болезненности должность для него не совместна, изъявил свое согласие на его желание; только б дождался меня: такая перемена в мое отсутствие показалась бы для неблагорасположенных и не знающих дела странностию. Очень рад, что тебе привелось отпраздновать день светских моих именин с таким приятным гостем! Благодарю тебя вообще за все письмо твое, которым, как изображением-отпечатком твоей доброй, открытой души, я очень утешился. Да! Молись за меня и за себя: по твоему искреннему и глубокому расположению ко мне я ожидаю, что Господь подаст мне тобою много доброго; также и мое устроение в душевном невидимом и в наружном видимом отношении есть вместе и твое устроение. Христос с тобой! Матери Августе и Ангелине передай мой усерднейший поклон. Извинили б за то, что не пишу: за

каждое письмо расплачиваюсь лихорадкой — так слаб. Хотел было оставить сассапарель, но накопившиеся местами мокроты очень меня стращают. Попью до присылки фонтанелей. Степа и Никола усердно кланяются тебе. Сделай милость, пришли мне двести р<ублей> серебром в счет кружки. Очень нуждаюсь; занял 120 сереб<ром> и из тех только 10 асс<игнациями> осталось. Больные очень дорого стоят. Их содержу, лечу; и себе и им прислугу нанимаю. На одну сассапарель вышло 500 р<ублей> асс<игнациями>.

1848 года, марта 9-го дня

№ 40

Честнейший О<тец> Наместник Игнатий!

Препровождая к Вам письмо Магистра Иеромонаха Иосафа прошу Вас взойти по изложенному в нем обстоятельству в должное рассмотрение. Причем признаю нужным внушить Казначею Иеромонаху Илариону следующее:

1-е, что упоминаемое Иеромонахом Иосафом узаконение о Литературной собственности вполне существует. 2-е, посему он, Иеромонах Иларион, должен был полученный им труд или представить в цензуру, или обратить к сочинителю, отнюдь не употребляя его как источник при составлении собственного сочинения: здесь похищение чужой собственности.

Полагаю: лучшее средство выйти из этой запутанности — предполагаемое Иеромонахом Иосафом дружелюбное, без дальнейших хлопот соглашение с Иеромонахом Иларионом.

Для достижения чего предлагаю Вам предъявить мое письмо и письмо Иеромонаха Иоасафа Казначею Иеромонаху Илариону со взятием с него письменного отзыва о том — каким образом он поступить намерен и согласен ли на предполагаемую Магистром меру.

Согласно этому отзыву потрудись известить меня и Магистра. Если ж Казначей И<еромонах> Иларион откажется от полюбовного соглашения, то Вы обязаны спросить наставления по этому предмету у его Преосвященства.

Поручающий себя Вашим молитвам

Архимандрит Игнатий.
1848 года, марта 2-го дня
Н<иколо-> Бабаевский Монастырь

№ 41

Бесценный друг, добрый Игнатий!

Письмо твое, душа моя, что на трех листах от 7-го марта, я получил. Милосердый Господь, избирающий тебя в число Своих, попускает тебе различные скорби и от людей и от болезней телесных. Это благой знак — прими его с великодушием и верою. Когда осыпают ругательствами и стараются уловить тебя в чем словами, — помяни, что то же делали со Христом, — и вкуси благодушно чашу чистительную. Похоже, что будет перемена. Но как тебе, так и знакомым надо быть очень осторожными. Надо, чтоб Миша Чихачев был осторожен с Консисторскими, которые хотят только из него выведать и больше ничего. Многими годами и жестокими ответами нам доказали, что мы должны быть осторожны, но никак не откровенны. Милый Игнатий! Ты очень похож на меня природным характером, — Бог даст тебе вкусить и тех образующих и упремудряющих человека горестей, которые он даровал вкусить и мне. Будь великодушен: все искушения только пугала, чучела безжизненные, страшные для одних неверующих, для смотрящих одними плотскими глазами. Будь осторожен, благоразумен, пред ругателями подражай Христову молчанию — и ничего не бойся, влас главы твоей не падет.

О<тец> Аполлос на мое последнее письмо ничего не отвечает: видно, весь вдался в расположение других. Опять очень понятны его хорошие отношения к Пр<еосвященному> Викарию: они очень похожи один на другого, оба с большими способностями.

Сейчас получил письмо твое с нарочитым из Ярославля от добрейшего Николая Петровича Полозова; нарочитый сейчас же едет обратно, почему я начеркал к тебе наскоро эти строки, а к будущей почте постараюсь приготовить письмо поудовлетворительнее. Советую на фунт мелко изрубленной сассапарели налить 2 штофа полугарного вина: настаивать в теплом месте две недели — и потом по ложке принимать на ночь. Диеты никакой не надо: будет действовать на ушнб и против простуды, вообще на кровь. Во мне чудная перемена. Только я еще слаб и остаются брожения в ногах и голове, самые ничтожные. Христос с тобой.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

20 марта

№ 42

Истинный друг мой, бесценный Игнатий!

Бог даровал мне, грешнику, истинное утешение: душу твою, исполненную ко мне искренним расположением христианским. По причине этого расположения душа твоя делается как бы чистым зеркалом, в котором верно отпечатываются мои чувствования и мой образ мыслей, развитые во мне монашескою жизнию. Избравший тебя Господь да воспитает тебя Святым Словом Своим и да совершит тебя Духом Своим Святым. Мне даже было жалко, что ты при многих твоих занятиях, которые при болезненности делаются вдвое обременительнее, написал мне письмо на трех листах: мне лишь бы знать о благополучии монастыря, твоем и братства; также — о главных происшествиях в обители. Ко всему прочему, т. е. к скорбям от управления, к скорбям от начальства, пришли тебе и скорби от болезней, изменяющих способности не только телесные, но и душевные: такова давнишняя моя чаша.

Подобает душе и телу истончиться как паутине, пройти сквозь огнь скорбей и воду очистительную покаяния и войти в покой духовный — в духовный разум или мир Христов, что одно и то же.

Относительно болезненности твоей: я много наблюдал за тобою пред отъездом моим. Точно — ты изменился после перелома ноги, и тебе нужно отдохновение и лечение; я советовал тебе употреблять по ложке сассапарельной настойки на ночь: она очень помогает при ушибах. Именно: разводит кровь и разгоняет скопившиеся и затвердевшие мокроты около ушибленных мест; также вообще исправляет кровь, которую признаю у тебя несколько поврежденною; наконец, уничтожает простуду, в особенности не успевшую укорениться, недавнюю. При твоем молодом и крепком сложении ты вынесешь это лекарство, не примечая, что лечишься; только будет поламывать в больной ноге, потому что будет разбивать образовавшиеся в ней застои. Во мне, при моей застарелой, сильнейшей простуде, произошла необыкновенная перемена: нервы укрепились, тело сделалось плотным, легким, ревматические боли хотя еще не совсем прекратились, но значительно уменьшились. Со мной делалась сильная слабость и брожения: но это от того, что я пил декокт в большом количестве и что простуда моя была жестокая, сопряженная с ослаблением нерв. Мой родственник Генерал Паренсов пьет настойку, которую тебе рекомендую, занимаясь службою многосложною и выходя на воздух, разъезжая зимою сколько угодно. У тебя не иморой, а начало простуды, повреждающей правильное кровообращение; у меня

здесь все геморроидальные припадки прекратились с осени, хотя с того же времени не открывался геморрой: значит — мои геморроидальные припадки имели началом своим не что иное, как простуду. Полагаю, что окачивание и купание тебе надо оставить и заменить их обтиранием тепленьким винцом. При употреблении сассапарели надо лишь остерегаться жирного: потому что сассапарель и сама по себе тяжела для желудка; ей хорошо содействует геморроидальная настойка. За урожай благодарю Бога, благодарю и тебя, душа моя, за твои распоряжения. Вероятно, за продажею овса и сена вы могли очиститься от долгов, накопившихся во время монастырской бездоходицы. Шесть косуль лучшей работы сделаны по заказу Паренсова, который сам хлопотал, в Вологде сделаны и отправлены на имя твое. Они стоят по 10 руб<лей> ассигнациями каждая. (Здесь деньги все еще считают по старой привычке на ассигнации.) Но провоз по нынешним плохим дорогам будет стоить дорогонько: просят 87 руб<лей> ассигнациями — не знаю, на чем согласились. Из всех родственников Паренсовы (за ним сестра моя) оказывают мне наиболее внимания; эта сестра приезжала ко мне осенью и расположилась ко мне духовно: умненький человек, похожа на Семена Александровича. Много наши добрые знакомые, говоря о нас доброе, сделали нам зла: потому что люди неблагонамеренные думают, что это — внушение и интриги наши. Напоминать об этом со всею любовию надо всем любящим нас. Впрочем, когда Богу угодно попустить кому искушения, то они придут, возникнут оттуда, откуда их вовсе ожидать невозможно. Похоже, впрочем, что перемена должна быть, и что Викарию дадут Епархию.

Относительно моего возвращения в Петербург руководствуюсь единственно прямым указанием здоровья моего. Верую, что Господь в прямом образе поведения — Помощник; а лукавый политик помощник сам себе. Господь к нему, как к преумному, на помощь не приходит. Думаю, что раньше второй половины мая мне невозможно, потому что я очень отвык от воздуха и имею сильную испарину. Характера я не люблю наказывать, и сохрани Боже делать что-либо для наказания глупого характера; а даруй мне, Господи, неправильное дело мое, лишь увижу его неправильность, с раскаянием оставлять. Также на то, что́ скажут, не желаю обращать внимания: пусть говорят, что хотят, а мне крайняя нужда подумать о будущей жизни и скором в нее переселении, обещаемом преждевременною моею старостию и слабостию, произведенными долговременными болезнями. Мне нет возможности тянуться за людьми и угождать людям, вечным на земли, или по крайней мере считающим себя вечными. От Графини Шереметe-

вой и от Графа получил уведомление, что мои письма получены ими в исправности; пишут с большим добродушием. Я жалею Графиню: московские льстят ей и приводят в самодовольство, от которого я старался отклонить ее; впрочем, она чувствует, что слова мои хотя не сладки, но полезны — и прощалась со мной, когда я отправлялся из Сергиевской Лавры в дальнейший путь к Бабайкам, от души, с любовию и искренностию. Федора Петровича Опочинина признавал я всегда человеком, который расположен был ко мне и по уму и по сердцу, также и к обители нашей; он писал мне несколько писем сюда и относился о тебе с отличнейшей стороны. Преосвященный Викарий не довольно умен и честен, чтоб понять прямоту твоих намерений и действий; судит о них по своим действиям, всегда — кривым, по своим целям всегда низким, имеющим предметом своим временные выгоды, лишь собственные выгоды, и самого низкого разряда. Поелику ж он не может постичь прямоты твоих намерений, то сочиняет в воображении своем намерения для тебя и против этих-то своего сочинения намерений или сообразно своим подозрениям действует. Очень вероятно, что его переведут, открылись две вакансии в лучших и старших Епархиях, Казанской и Минской; кажется, Илиодора и Гедеона повысят. А Курская и Полтавская Епархии сделались так доходны, что нашего гуська разберет аппетитец поклевать таких доходцев. Аполлос не отвечает на последнее письмо мое, написанное к нему, кажется, в 1-х числах января нынешнего года. Похоже, что он плутует и интригует. Есть все признаки, что Кайсарова купила для него настоятельство Сергиевской Пустыни. В последнем письме моем я отвечал на его вопрос, изложенный со всевозможным лукавством «правда ли, что» Игумен Феоктист выходит на покой и «что Костромской Епископ отдает мне Бабаевскую обитель». Я отвечал: «что если б мне и случилось оставить Сергиевскую Пустынь, куда в настоящее время доколе думаю возвратиться, то не намерен принимать никакого настоятельства, а жить где Бог приведет частным человеком». Должно быть, Аполлосу нужен был этот ответ мой, чтоб действовать ему в тон, но против меня. Странно, как изменило этого человека знакомство его с Кайсаровой; я сожалею о нем и для него собственно и для монашества: потому что он очень был способен водиться с молодыми монахами. О<тец> Аполлос очень наружен, поверхностен по уму своему и сердцу, а потому очень доступен и удовлетворителен для новоначальных и мирских, которым предостаточно поверхностное слово. Его Преосвященство очень ошибается в его способностях: они есть, да не те, что Аполлос подходит к Его

Преосвященству правилами и нравом: льстив, способен к предательству, да и манерой подойдет к холопьей манере Его Преосвященства. Пряженцов приезжал на короткое время сюда, а теперь опять в Петербург; с ним послал я тебе письмо, а он обещался сам побывать к тебе; спасибо и ему и жене его — как искренные родные. Спаси Господи всех наших добрых знакомых, которые расположением доказывают, что любовь не иссякла на земле. Я почти никому не писал по крайней слабости, и теперь очень скоро изнемогаю; а за изнеможением тотчас и лихорадочка. Сделай милость — всем кланяйся, скажи, что всех очень помню, чту и люблю, а письма пишу только в необходимых случаях по совершенной моей слабости. К Зинаиде Петровне писал я письмо, кажется, в начале февраля на двух листочках; между прочим, просил ее, чтоб она без меня никак не забывала Сергиевой Пустыни; не знаю, получила ли она письмо мое. Матери Августе и матери Ангелине напиши мой усерднейший поклон и благодарность за воспоминание о мне грешном. Прошу их молитв: я уверен, что молитвы их много помогают мне в восстановлении моего здоровья; надеюсь, что помогут мне и по исшествии души моей из окаянного моего тела. Об Александре Павлове не тужи, ну что это за иеродиаконы выйдут! Мальчики, шалуны, которых может быть очень скоро придется и расстригать. Сегодня получил и второе письмо твое от 15 марта. Благодарю за исполнение моих поручений, за листочек Бород<инского> М<онастыря> — виньетки очень хороши. Листочки раздавай — кому найдешь приличным — не врагам, ветреникам и завистникам. А остальные я по приезде получу. Не думаю, чтоб Росляков что сделал по злоумышлению, или он мог служить намеренным шпионом Аполлоса, а если что и сделал, то по глупости и увлечению. Справедливо твое выражение, что бездна бесовских интриг под стопами управляющего Сергиевою Пустынею с знанием монастырского порядка и с благим намерением хранить братию в благоправлении, не допущая дому Божию соделаться вертепом разбойников и любодеев. По этой бездне надо шествовать мужественными стопами, держась за веру в Бога, чтоб не утонуть в бездне сердечного смущения: эта бездна опаснее всех интриг и козней, человеческих и бесовских. Благодарю за присланный фельетон С. Петер. Полицейских ведомостей; спасибо Смирновскому, спасибо и тебе за то, что отблагодарил хорошо писательчика. В письме моем, которое было послано с Пряженцовым, просил я тебя выслать мне две коробочки pommade visicatoire и пластыря двух меллотного и обыкновенного, употребляемого при фонтанелях, — только не на карточках, а

на холстине. Тоже просил о высылке 200 р<ублей> сер<ебром> денег, очень нужны: все, кроме Николая, лечимся; также по разделе кружки не замедли выслать с известным вычетом и остальные, чтоб было на что возвратиться. Вижу, что финансы мои не позволяют возвратиться через Москву, что было бы удобнее и спокойнее: везде есть хорошие ночлеги, везде можно остановиться в случае дождя и особенного холода, что для нас — движущегося лазарета — будет необходимо. Стефан и Николай свидетельствуют тебе усерднейший поклон и благодарность за воспоминание о них. Они очень к тебе расположены, всей душой. Никола мил; в нем начали развертываться умственные способности и особенная открытость нрава. Это меня утешает, а то я немножко скорбел, не видя близ себя подростка с полною благонамеренностию и некоторыми умственными способностями. Этим оканчиваю сегодня беседу мою с тобою.

25-е. Лекарство, которого действие иногда скрывается совершенно, иногда снова — открывается в сильном брожении, которое теперь наиболее в соединяющих ноги с животом жилах и головном черепе, — с вчерашнего вечера начало очень действовать, действовать полезно, но при сопровождении чрезвычайной слабости, по причине которой напишу разве несколько строк. Поздравляю тебя с великим праздником Благовещения. Божия Матерь да примет нас под кров свой! Да дарует нам провести земную жизнь, как жизнь приуготовительную к жизни будущей. Чаша скорбей обнаруживает внутренний залог человека: Давид идет в пустыню, а Саул к волшебнице, Бог привел тебя узнать на самом опыте, какую чашу я пил в Сергиевой Пустыне в течение четырнадцати лет. Вступая в должность настоятеля этой обители, я видел ясно, иду толочь воду, что плавание мое будет по бездне интриг; утешало меня, что это — не мое избрание. Я отдался воле Божией, которой отдаюсь и теперь. — Получил очень доброе и милое письмо от Графини Орловой-Чесменской из Новгорода. Преосвященный Филарет Киевский писал не раз. Добрый старец! Зовет в Киев; но какую имею на это возможность?.. Ложусь! До завтра!

26-е. Сегодня в эту минуту я посвежее; чрез полчаса неизвестно что будет: так мое состояние от действия лекарства переменчиво. Рассматривал я себя долгое время в Сергиевой Пустыне; и ты мог рассмотреть себя особливо в настоящее время при непосредственном управлении этим монастырем; также и мое положение в нем сделалось тебе яснее. Я образовал себя совсем не для такого монастыря и не для такого рода жизни, долженствующей состоять из беспрестанных телесных попечений и занятий с приез-

жающими, по большей части пустых. Душа в таком месте по необходимости должна сделаться пустою. Относительно тела — мои физические силы и здоровье совершенно не выдерживают трудов, требуемых этим местом, и лишений в хорошей воде и прочем, для слабого здоровья необходимом. Интриги, к которым столько удобств, потрясали благосостояние монастыря и мир его и впредь будут потрясать. Мертвость лиц, избираемых в митрополиты С. Петербургские, лишала и будет постоянно лишать нас собственного взора и мнения нашего начальника, следовательно — всегда действующего по внушению других, но действующего с неограниченною властию, хотя бы он действовал вполне ошибочно. Зависимость от многочисленных властей второстепенных делает бесчисленные неприятности неизбежными. Ты знаешь, что в дела нашей обители входит и сам Митрополит, и Викарий, и две Консистории, и Секретарь митрополита и другие разные секретари и камердинеры и прачки и тетушки Сулимы, и проч. Чего тут ждать? Надо быть аферистом, с способностью к этому, с склонностию — и это все может исполнить Аполлос. Притом же он человек поверхностный, а наружность имеет очень скромную — следовательно, таковский и должен быть на местечке, за которое заплачено дорого. По вышеуказанным причинам имею решительное намерение, возвратясь в Петербург, просить, чтоб дано было мне местечко, соответствующее моим крайним нуждам душевным и телесным. По сему же необходимее всего иметь человека, под покровительством которого можно б было монашествовать не только мне, но и расположенным ко мне (а из опытов вижу, что с дураками и иезуитами мне никак не поладить), то избираю для этого Преосвященного Иннокентия Харьковского, который мне и лично и из собранных сведений более других нравится: в святость не лезет и на святость не претендует, а расположен более всех делать добро, более и толковее всех занимается религиею, любит истинное монашество, поймет мое хотя и грешное и вполне хромлющее аскетическое направление и захочет содействовать ему. Таковы, душа моя, мысли мои относительно моего положения. Но для Сергиевой Пустыни, сам можешь видеть, нет у меня ни телесных, ни душевных сил — разве сделают ее самостоятельною. Вот, истинный друг мой, сформировавшиеся, кажется от указания самых обстоятельств, мысли мои — и тебе одному поверяю их. Плод дальнейшего нашего пребывания в Сергиевой Пустыне будет не иной какой: «сделаемся окончательно калеками, и когда увидят,

что мы ни к чему не способны, вытолкают куда попало, не дав куска хлеба и отняв все средства достать его». Рассмотри основательно — и увидишь, что так. Я имею милость Государя, но эта милость только сердечная: и ее интриганы употребили в орудие своей ненависти ко мне. Христос с тобой. Смотри и на обстоятельства, которые тебе виднее, нежели мне.

Здешнее место хорошо, но содержание дорого. При том, избирая его, я не знал, что сущность моей болезни — сильнейшая простуда, с которою надо тащиться в южный климат, где и содержание дешевле не в пример. Бог, даровавший благодать свою проданному и заключенному в темницу Иосифу, преклонивший к нему сердца всех, — по великой милости своей преклонил и здесь сердца многих ко мне. Меня, так я выражусь, на руках носят. Монашествующие, начиная с о<тца> Игумена, крайне расположились, окрестные также молят Бога, чтоб не уезжал. Даже так думаю, что лучше здесь остаться навсегда, нежели жить в Сергиевой Пустыне, особливо если этот Викарий (что почти невероятно) останется Викарием. Подумай, друг мой, и помолись об общей нашей участи, дабы милосердый Господь устроил ее по благости Своей. К приезду моему поосвети мои комнаты и поустрой: может, придется еще какой год повитать в Сергиевой; ты знаешь: я решителен и вместе не тороплив, действую, или по крайней мере желаю действовать, не по увлечению, а по указанию обстоятельств. Также подумай о финансах: нечего нам пускаться к дальнейшему возвышению монастыря, а лишь бы поддержать его в настоящем виде, да не забраться в новые долги и старые по возможности сократить. Смотри же не говори об этом никому из братий, а во мне так сформировались вышеприведенные мысли, что они как бы сидят в глубине души моей: там их вижу. Молю Господа Бога о тебе и радуюсь за тебя: потому что с течением времени милость Божия к тебе делается яснее и яснее. Помнишь, пред отъездом я обещал тебе письмо с изложением того, что сформируется в душе моей: вот это письмо! Оно вытекло в свое время как бы само собою из-под пера моего.

Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> И<гнатий>.
24 марта
1848 года

Письмо пишу в течение недели, а отправляю при случающихся оказиях.

№ 43

Христос Воскресе!

Бесценный друг мой! Поздравляю тебя с наступившим Светлым Праздником. Поздравь от меня и всю братию. Очень благодарен за присланный пластырь; я поставил фонтанели на спине между плечами: они производят свое полезное действие — вытягивают мокроту из накопившегося (так назову) мешка под затылком. Это мешок — благотворное следствие сассапарельной настойки. Такие же мешочки — на спине под крыльями плечными. Ужасно был я болен. Много из меня вышло дряни, много теперь выходит; но довольно еще осталось, и по приезде в Петербург надо будет еще продолжить лечение. Ныне пью, очень понемногу — большею частию по столовой ложке в сутки, настой сассапарели с полынью и шалфеем. Нахожу действие отличным: сассапарель делает свое — собирает, стягивает из всего тела дурные соки в желудок; полынь способствует варению их — сассапарель тяжела для желудка, а шалфей укрепляет и уменьшает испарину. К моему приезду вели приготовить настойку: на одно ведро очищенного пенного вина положить два фунта шалфею, 1 фунт полыни, 2 сассапарели. Последнюю надо мелко изрубить и истолочь или избить. Полынь и шалфей вели взять в хорошей аптеке, а не в травяных лавках: в аптеке товары как-то опрятнее. И тебе такую штуку полезно пить. Вели сделать пораньше; подольше постоит, лучше будет. Придется и фонтанель долго поносить: заключаю так по скопляющейся материи. Деньги 200 руб. серебром получил; но они еще в Ярославле по причине распутицы. Я еще не выходил из келлии, а думаю для исшествия дождаться хорошей погоды. Христос с тобою. Итак, остается с небольшим месяц, и милосердый Господь устроит наше свидание. Будь здоров и благополучен.

Сердечно преданный тебе

Архимандрит Игнатий.

Надо бы написать побольше, но — до другой почты.

№ 44

Чтоб не упустить нечаянного случая на почту, отвечаю тебе этими немногими строками, 540 руб. серебром при письме твоем получил. После 10-го думаю выехать — хотелось бы поспеть к вам на 30-е. Как Бог даст! Христос с тобою!

До свидания

Архимандрит Игнатий.
8 мая 1848 года

№ 45

Возлюбленнейший о Господе Отец Игумен Игнатий!

Благодарю тебя за воспоминание о мне грешном. Всегда вспоминаю о тебе с любовию, вспоминаю с благодарностию о первоначальной преданности твоей ко мне. Попущением Божиим за грехи наши отношения поколебались на некоторое время; но, как вижу из письма твоего, милость Божия восстановляет их. Я живу очень покойно; но иногда хворость и слабость так усиливаются, что невольно подумываю о смерти. А потому благовременно прошу у всех прощения, в чем согрешил пред кем. Прошу прощения у тебя. Милосердый Господь да даст нам всем истинное покаяние и прощение во грехах наших.

Поручающий себя твоим святым молитвам твой покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
20 декабря 1859 года

Воспоминания архимандрита Игнатия (Малышева)[1]

Архимандрит Игнатий Брянчанинов умел любить чад своих духовных, но умел и учить их; много пострадал он за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицаний.

Архимандрит Игнатий душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь, лишь бы человек сознавал ее с покаянием; но ненавидел лукавство и фарисейство; гордость и тщеславие обличал и искоренял ежедневно. Каких, бывало, унизительных качеств не навяжет Старец своему послушнику, и заставит говорить: я ленивый, нерадивый, гордый, самолюбивый, нетерпеливый, малодушный и проч., и непременно заставит все сие сознать в себе и за все просить прощения. В особенности доставалось много подобных испытаний келейнику его Игнатию, известному под названием маленького, проходившему различные послушания, и между прочими послушание свечника. Эта должность в летнее время требовала безвыходного пребывания в церкви: свечник увольнялся только, чтобы пообедать или напиться чаю, который первое время братия собиралась пить в келлии Настоятеля. Игнатий обыкновенно приходил, когда все уже отопьют,

[1] Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова и письма Преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881.

и в чайнике оказывался не чай, а как они выражались: «ай». И такого-то чаю маленький Игнатий нальет себе чашку; в эту минуту, случалось, войдет Архимандрит, возьмет его за ворот и гонит в шею из комнаты вон, приговаривая: «Ах, ты окаянный сластолюбец! Разве ты за тем пришел в монастырь, чтоб чай пить? Вон пошел». И идет послушник на свое место к свечному ящику. Товарищ его, о. Феофан Комаровский, впоследствии бывший архимандритом Соловецкого монастыря, бывало спросит: что, родименький, напился чаю? «Напился», — ответит Игнатий.

В таком роде уроки бывали ежедневно, особенно первое время, когда о. Архимандрит был еще помоложе и поздоровее; но он учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало не легко принимать его учения и усвоивать себе его правила, то и ему немало трудов стоило каждого отдельно воспитать, внушить любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

В то же время был в монастыре другой Игнатий — наместник, под названием «молодой»: видный по лицу и росту, на все способный, распорядительный, неутомимой деятельности, любимец многих. Нельзя было и самому ему не сознавать своих достоинств; тем более что он был крестьянского происхождения.

Однажды приходит к нему родной брат, деревенский мужичок, в сером кафтане; самолюбивому наместнику стыдно стало принять такого брата: он отказался от него и выслал вон. Мужичок передал свою скорбь некоторым из братий; это дошло до Архимандрита. Он немедленно приказал привести мужичка к себе; принял его в гостиной, обласкал, посадил, велел подать чаю, и в то же время послал за наместником. Когда он вошел, Архимандрит, обращаясь к нему, сказал: «Вот, батинька, к тебе братец пришел, поздоровайся с ним и садись чай пить. Он обедает у меня, приходи и ты с нами обедать». О. Архимандрит накормил, напоил мужичка и наградил еще на дорогу, а потом сделал назидание своему красивому наместнику.

Система воспитания новоначальных у Настоятеля была такова: он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей: как-то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодетеля, который старался не стеснять их и не воспрещал веселости в обращении между собой, даже в его присутствии. Архимандрит Игнатий ненавидел несогласия и ссоры: если случалось кому поссориться, он

немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня. Простой старец, по имени Антоний, так усвоил себе это правило, что, бывало, вечером ходит всюду, ищет брата, с которым размолвился, и всех спрашивает: не видал ли такого-то? И на вопрос: на что тебе его, отвечает: «Да видишь ли, голова, давеча с ним поразмолвил, а отец говорит: *да не зайдет солнце во гневе вашем*; надо прощенья попросить». И непременно отыщет брата и исполнит свое благое намерение. Этот старец готовился к пострижению и, во время сенокоса, сушил сено вместе с рабочими. Архимандрит пришел на сенокос и сказал:«Бог помощь», и, обращаясь к Антонию, спросил: «Что ты тут делаешь?» Старец по простоте отвечал: «Тружусь как Преподобный Сергий». — «А я тебе припомню, как трудился Преподобный Сергий», — отвечал Настоятель. Когда Антоний принял пострижение, то пришел к Настоятелю просить монашеского правила, какое благословит ему держать. «А помнишь, что ты сказал мне на сенокосе, — говорит Настоятель, — что ты трудишься, как Преподобный Сергий? Преподобный Сергий клал по 1000 поклонов в сутки, клади и ты». «Ой, батюшка, не могу, стар». «Ну так смирись, клади 12 поклонов». Антоний упал к ногам Настоятеля и говорит: «Батюшка, мало, благослови класть 300». «Много, старец, не выдержишь». «Нет, благослови: Бог поможет за твои молитвы». И исполнял старец это правило до самой смерти. Отец Антоний жил подле кухни и по старости лет не ходил на братскую трапезу, но кушал в своей келлии. За три дня до смерти, во время трапезы, пришел Антоний на братскую трапезу и поклонился всей братии. Некоторые улыбнулись и шутя сказали: «Отец Антоний пришел прощаться». Старец прошел к Павлу Петровичу Яковлеву, который жил подле трапезы, дает ему пять рублей и говорит: «Вот, голова, у меня племяж, солдатик в походе; будет жив, придет, так отдай ему». «Сам отдай, старец», — отвечал Яковлев. «Не ровен час, голова, сам-то, может, и не отдашь». Антоний удалился в свою келлию, лег и на третий день скончался кончиною праведника.

При мудром руководстве Настоятеля много было поучительных случаев, из коих приводятся здесь некоторые. Под покровительством Преподобного Сергия, в продолжение пятнадцати лет не было ни одного смертного случая в Сергиевой пустыне. Первым скончался иеромонах Владимир во время управления архимандрита Игнатия. Долго страдал инок Владимир водяною болезнию, и Настоятель, имея обычай навещать болящих, что-

бы приготовить их к кончине, навестил и о. Владимира, который лежал уже на одре смертном. «Не хочешь ли принять схиму?» — спросил Настоятель. «Какой я схимник», — смиренно отвечал умирающий, считая себя недостойным такой милости. Вскоре скончался страдалец, и кончина его ознаменовалась утешительными видениями, составляющими домашнюю тайну для Сергиевой обители.

Архимандрит Игнатий, оказывая любовь и сострадание к болящим по телу, еще более оказывал милости и снисхождения к немощам душевным. Некто Платон Яновский, бывший придворный малолетний певчий, пришел в монастырь, и вскоре открылся у него прекрасный голос баритон; певец не уступал знаменитым итальянцам и прожил несколько лет в обители в качестве послушника. В это время фельдмаршал князь Барятинский пожелал устроить у себя на Кавказе хор певчих и обратился в Придворную капеллу с требованием способного человека для занятия должности регента. Капелла указала на Яновского. Яновскому предложены значительный оклад и блестящая карьера в будущем.

Яновский, пробыв несколько лет на Кавказе, вполне удовлетворил желанию князя и возвратился обратно в монастырь. Прожив несколько лет в другом обществе, вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал, что делать? взят он ребенком от отца-священника, теперь круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя. Яновский был весьма признателен к Настоятелю за такую милость; даже в минуты своих слабостей с плачем падал ему в ноги и целовал его руки. Отеческим обращением о. Архимандрита сохранен от явной гибели человек. Яновский прожил до смерти в монастыре и, кроме немощи, от которой сознательно страдал, был кроткий, смиренный и истинный христианин, чему служит доказательством предсмертное письмо его ко второму настоятелю, Игнатию.

Еще другой подобный сему пример представляет бывший Нижегородский протодиакон Василий Петрович Малев. Это был человек способный, разумный, но подверженный той же немощи; он сам о себе говаривал: «Несчастный я человек, был молод, талантлив, бывало, купцы и помещики на руках носили, угощали, угощали Василия Петровича, кровь перепортили; вот и доживай свой век, да страдай Василий Петрович». Это была личность такая солидная и разумная, что совестно, бывало, и вспомнить об его слабости. Однажды, по немощи, был он заперт в своей келлии; когда поправился, говорит приставнику: «Поди к Архиман-

дриту и скажи, что мне нужно поговорить с ним». Архимандрит благословил придти. Малев входит к Настоятелю и, чинно помолившись пред святыми иконами, говорит: «Вот что, батюшка, вам известна моя немощь и скверное житие мое; но я и в таком положении имею обычай ежедневно, пред образом Преподобного Сергия, который находится у меня в келлии, читать акафист. Вот, на этих днях, стою я пред иконой Преподобного Сергия и читаю, а образ как бы говорит мне: «Поди к Архимандриту и скажи, чтобы он тебя высек». Так, батюшка, как благословите "публично или наедине"?». «Вот видишь Василий Петрович, — сказал Настоятель, — Преподобный Сергий сам о тебе заботится. Я нахожу, что лучше наказать публично, чтобы другие имели осторожность». «Как благословите, батюшка, так и исполните», — спокойно отвечал кающийся. Конечно, это не было исполнено.

Были и другого рода болящие, которых архимандрит Игнатий также не оставлял без внимания. Поступил в монастырь молодой человек, сенатский чиновник Иван Мызников, впоследствии иеромонах и казначей Сергиевской пустыни. Человек весьма хороший и строгой жизни; но, вероятно, по ревности, без руководства, самочинно привел себя в странное состояние духа, близкое к прелести. Отец Архимандрит, как опытный руководитель, заметив в нем неправильное настроение, приказал ежедневно приходить к себе. Мудрый наставник, желая разбить в послушнике некоторое мнение о себе и ипохондрическое расположение духа, называл его «веселеньким» и употреблял разные меры как словесные, так и практические с прямой целию довести его до детского смирения, уничтожить самомнение и начало губительной прелести. Это продолжалось года три или четыре; и, наконец, удалось Архимандриту, так сказать, вынянчить человека: Мызников пришел в нормальное положение и был полезен для обители.

Другой послушник, Николай, заболел тяжкою болезнью и до того высох, что ему казалось, будто желудок его прирос к спинной кости. Больной имел обычай открывать помыслы Настоятелю, которой поместил его близ себя, чтобы наблюдать за ним поближе. Когда Николай стал поправляться, ему стали приходить помыслы о самоубийстве; к нему приставлен был человек, и в келлии все опасное было прибрано; но он усмотрел как-то гвоздь над дверью и помысл говорит ему сделать тесемку из простыни и удавиться на этом гвозде. Но обычное откровение помыслов спасло его и на этот раз, он сейчас же исповедал преступное намерение своему старцу и тем сохранил жизнь свою.

Когда он значительно стал поправляться, о. Архимандрит начал несколько развлекать его; однажды дал ему бумагу и велел отнести в канцелярию, но нигде не останавливаться, а скорее возвращаться обратно. Николай пошел и пропал. Настоятель послал за ним: в канцелярии его не оказалось; послали верхового по дорогам и к морю и около монастырских прудов отыскивали его; но Николай нигде не находился. Архимандрит стал на молитву... Через два часа приходит к нему сам больной. «Где ты был?» — спрашивает его Настоятель. «На колокольне», — отвечает больной. «Зачем же ты туда ходил?» — «Помысл сказал мне: иди на колокольню и соскочи оттуда». — «Отчего же ты не соскочил?» — «Я долго думал, а другой помысл говорил мне: как же ты соскочишь без благословения батюшки? Я думал, думал, да и сошел с колокольни».

В одном из творений своих Преосвященный Игнатий повествует о достойном замечания случае. «Посетил меня, — говорит Владыка, — афонский схиеромонах, бывший в России за сбором. Мы сели в приемной моей келлии, и он стал говорить мне: "Помолись о мне, Отец: я много сплю, много ем". Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, почему и отвечал ему: "Ты не много ешь и не много спишь; но нет ли в тебе чего особенного", и просил его войти во внутреннюю мою келлию. Идя пред ним и отворяя дверь во внутреннюю келлию, я молил мысленно Бога, чтоб он даровал гладной душе моей попользоваться от афонского иеросхимонаха, если он истинный раб Божий. Точно, заметил я в нем что-то особенное. Во внутренней келлии мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: "Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру многих других афонских светильников". Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, и — о ужас! с величайшим разгорячением начал мне передавать способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь и воображение, он в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине учащегося, предлагать ему учение святых Отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяс-

нить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне незнаком с учением Отцов о молитве. В течение беседы говорю ему: "Смотри, старец: будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем". "Отчего так?" — возразил афонец. "Оттого, — отвечал я, — что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести тебя из Петербурга на Афон, и они понесут из верхнего этажа, да уронят, то убьешься до смерти; если ж понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься". "Представь себе, — отвечал афонец, — сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!" Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, и чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми отцами, заключающийся в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в словах молитвы, причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк Подвижник: "Ум, неразвлеченно молящийся, утесняет сердце; сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит". "Когда же испытаешь над собою, — сказал я афонцу, — то и мне сообщи о плоде опыта, потому что самому мне предпринять такой опыт неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой". Афонец с охотою согласился. Чрез несколько дней приходит он опять ко мне и говорит: "Что ты со мною сделал?" — "А что?" — "Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним". Далее, в беседе с афонцем я не увидел той самонадеянности и той дерзости, которые были заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться наружностию от других, потому что это ведет к высокоумию, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он еще был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он уже нуждается в теплой одежде и гораздо более спит».

На приемах светских лиц Архимандрит был не ровен; редким удавалось понять его. Иногда он, как юродивый, бывало раскричится, а иногда молчит, слова не дождешься; посетители не знают, как и уйти из гостиной. А зато как разговорится, то слушал бы его, не отходя несколько суток. Маленький Игнатий всегда торчал при нем, и часто, по сыновней любви, делал ему замечания: «Зачем, Батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об вас ложные заключения». А он, бывало, махнет рукой, говоря: «Я не светский человек, не умею рассчитывать», пойдет к себе в кабинет и ляжет в угол, прибавив: «Вот мое место». И здесь-то он был истинный аскет, не отошел бы от него: речи его, как гусли сладкозвучные, услаждали ум и сердце. «Видел я, — свидетельствует маленький Игнатий, — двух человек: нашего Батюшку и пустынного старца Исаию Никифоровского; видел их вместе, видел и порознь, и благодарю Бога, что сподобил Он меня видеть святых людей». Еще говорит о. Игнатий маленький, что в продолжение 24-х лет он не помнит случая, чтобы о. Архимандрит отказал в приеме братий: дверь его для всех была открыта, и он любил, чтобы приходили к нему. Отец Игнатий припоминает, как он в новоначалии надоедал своему старцу ежеминутным испрошением благословения, имея обычай не приступать без этого ни к какому делу. Бывало, в пятом часу утра послушник будит своего Настоятеля, чтобы получить благословение идти к утрени, и о. Архимандрит никогда не прекращал такого порядка и не отягощался им. Ему не нравилось, когда кто-либо из братий уклонялся от него или боялся его. Все ближайшие ученики всегда находились около него, как пчелы около матки. Он приучал их к чтению Священного Писания, часто приглашал к себе и заставлял читать, как бы нужное для него самого, и усматривал, кто как читает, с какою верою и любовию к Слову Божию. Келейников своих он заставлял читать каждый день утреннее и вечернее правило. Многие из них ежедневно вечером приходили исповедовать грехи свои, не оставляя до другого дня никакого греховного помысла, и получали разрешительную молитву. Вследствие чего они были веселы и легки, как на крыльях летали. Старец не любил уныния и если замечал в ком уныние, спрашивал причину и разбивал словом утешения, прибавляя: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел».

Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это большею частию те, которые получили начальное воспитание в других монастырях; они-то и со-

ставляли противную партию, не желая жить по правилам отеческим, и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. В последующее время много пострадал за это от противной партии старец схимонах Макарий, к которому также новоначальные ходили на откровение, между тем как сказано у Аввы Дорофея, что все живущие без назидания падают, как листвие, и погибают. Авва Исаия говорит: «Каждый помысл, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится брань твоя. Из-за стыда не позволь скрыть ни одного такого помысла; потому что демоны находят себе место только в том человеке, который утаивает свои помыслы, как благие, так и лукавые» (гл. 163).

Ученики о. архимандрита Игнатия, в союзе любви между собою, ревновали о деле Божием: бывало, кто из богомольцев попросит отслужить молебен или панихиду, все стремятся без очереди исполнить, как можно лучше, так что сами монашествующие, проходя мимо, остановятся и слушают с наслаждением. Есть и ныне подобные сыны обители; иначе и не мог бы удержаться чин священнослужения в порядке.

Архимандрит Игнатий был широкой, возвышенной натуры, пылкий, восприимчивый, всему хорошему радовался как младенец, и эта радость обыкновенно выражалась быстрым хождением, почти беганьем по залу, и потиранием затылка. Когда в это время входили ученики, он не замечал их, продолжая бегать и непритворно радоваться. В таких же формах выражались у него и скорби, с тою разницею, что тогда потирал он не затылок, а лоб. Ученики в это время не смели входить, а смотрели в дверные щелки. Много приходилось о. Архимандриту переносить оскорблений, тогда как сам он был необыкновенно добр и благожелателен к ближним. Он глубоко сочувствовал всякому доброму делу, а его грубо, невежественно оскорбляли; кто несправедливыми притязаниями по службе, кто дерзкими и лживыми порицаниями, — и все это делалось по бесовской зависти, незаслуженно. Тогда, взволнованный скорбию, он обвинял антихриста и его сотрудников; но вскоре успокоивался, и если оскорбление было велико, то удалялся в спальню, спускал густые занавеси на окнах, делал из келлии темницу и запирался на неделю и на две, объявляя себя больным. В такое время никто не входил к нему, он предавался молитве и плачу, до тех пор, пока не придет благодатное посещение свыше и не осенит его неизреченною радостию. По выражению его, не только душа, но и тело и

кости принимали участие в этой радости; по словам Спасителя нашего: *Царствие Небесное внутрь вас есть*. Истинен глагол Господень! Человек, находясь в таком состоянии, иного блаженства и представить себе не может. Обычно Небесному Царству приходить после тяжкой скорби: *многими скорбми подобает внити в Царствие Небесное*. Вот тогда-то и совершалось преображение из врагов во Ангелов светлых; об этом он сам выражается в своем «плаче»: «Я встречал врагов, ищущих головы моей, как Ангелов светлых». В таком настроении духа архимандрит Игнатий занимался сочинением своих поучений. После долгого затвора всегда являлись на столе поучительные его творения, и сам он выходил из своей темницы с светлым, необыкновенно радостным лицом. Он не скрывал своих творений от учеников, всегда, бывало, прочитает, не из тщеславия, а как будто для проверки. Весьма редкие понимали высокие душевные качества Архимандрита: кроткий сердцем, простой, безмерно милостивый и любвеобильный, бывало, вспылит на минуту и гасит эту вспышку слезами покаяния.

Архимандрит Игнатий был замечательно нестяжателен и несребролюбив; бывало, казначей принесет ему жалованье или долю по разделу братской кружки — он и в руки не возьмет, и даже не сосчитает, а скажет казначею: «Положи, батинька, в налойчик», — и из этого налойчика брали келейники и расходовали по его распоряжению. Стол его был неприхотлив; он употреблял более растительную пищу и какие-либо кашицы, и то весьма умеренно, тогда как вид его не представлял из себя постника или больного; полный, румяный, он казался пользующимся совершенным здоровьем и, по мнению многих, изнеженным; а в сущности был изможден болезнями. В зимнее время он почти никуда не выходил; в келлиях устроены были тройные рамы, в небольшой гостиной стояли две печи, так что здоровому человеку невыносимо было сидеть в ней, а он выходил в эту гостиную в рясе, ваточном подряснике и в катанках на ногах. Келейники часто надоедали ему советами держать температуру попрохладнее, уверяя, что будет для него здоровее. Старец покорится, бывало, своим попечительным чадам и непременно простудится: «Ну, вот, послушал вас, и простудился, болен. Тело мое, истомленное болезнями, требует большего тепла». Уйдет и затворится в своей теплице, в спальне. Келейная его одежда была также незатейлива: мухояровый подрясник, не застегнутый на груди, на ногах катанки. Так и видишь его:

ходит бывало по келлии и потирает затылок, или пишет у стола, или лежит в углу и читает книгу; вот постоянные занятия подвижника. Всегда приветливый, ласковый, в особенности с своими любимыми келейниками; он иногда шутил с ними и давал наименования каждому по его способности.

В последнее время пребывания о. архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыне началась перестройка зимней Сергиевской церкви. Хотя пространная церковь была необходима, но он неохотно принимался за новую постройку, опасаясь войти в новые долги, потому что и старые его тяготили. Настоятель поручил своему первому келейнику, маленькому Игнатию, всю заботу по постройке, как приобретение средств, так и заготовку материалов и самую постройку; и все совершилось во славу Божию, без особенных затруднений, за молитвы старца. Храм Преподобного Сергия был окончен и освящен уже по отъезде Преосвященного Игнатия на епархию.

Два замечательные случая были при освящении этой церкви, которое совершилось 20 сентября 1858 г. Преосвященным Митрополитом Григорием[1]. Когда началось священнослужение, все окна и двери были заперты, вдруг неизвестно откуда влетел голубь и сел на иконостас над Царскими Вратами и просидел все время освящения и Литургии, не слетая с места; когда и как он улетел, никто не мог заметить. Второй случай: Высокопреосвященнейшему митрополиту не понравились Царские Врата нового храма, весьма ценные, с изображением двенадцати Апостолов. По мнению Митрополита, следовало изобразить Благовещение и четырех Евангелистов, и он приказал настоятелю, преемнику Преосвященного Игнатия, непременно выставить их и сделать другие. Настоятель, затрудняясь исполнить волю Архипастыря, за неимением средств, просил позволения окончить врата, для которых заказаны были серебряные ризы на Апостолов; но Митрополит не соглашался. Архимандрит томился недоумением и молчал, не сообщая никому из братий во избежание пересудов. В том же году, в декабре, Митрополит Григорий был опять в Сергиевой пустыне по случаю погребения статс-дамы Мятлевой и подтвердил свою волю Настоятелю, чтобы переменил Царские Врата. В ту же зиму скончался Архипастырь, и Настоятель еще более мучился совестью, что не мог исполнить его приказания, и врата стояли неоконченными. В сороковой день кончины Митрополи-

[1] *Преосвященный Григорий* (в миру Георгий Петрович Постников; 1784–1860) – Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1856 г.

та приходит к Настоятелю родной брат его, проживавший в Сергиевой пустыне, ризничий иеромонах Платон и говорит, что видел во сне Митрополита Григория. «Владыка сидел посреди церкви на амвоне, — говорил о. Платон, — а я выходил из алтаря и нес мешок с хлебцами; Митрополит подозвал меня к себе и сказал: раздайте эти хлебы на помин души моей, а ты скажи своему брату, пускай окончит Царские Врата».

Удивленный и обрадованный Настоятель возблагодарил Бога, что покойный Владыка развязал его совесть, и тут же рассказал о своем затруднении брату, предварительно ничего не знавшему. Царские Врата немедленно были окончены.

Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) к Преосвященному Леониду (Краснопевкову)[1]

Ваше Высокопреосвященство
Всемилостивейший Архипастырь,

Я получил письмо Ваше, вы желаете знать, какого мнения был покойный Преосвященный Игнатий о книге Фомы Кемпийского. Могу положительно сказать, что Преосвященный Игнатий не любил эту книгу, и не только он, но и все знаменитые отшельники нашего времени. Сколько раз я слышал от Преосвященного Игнатия, что Оптинские старцы и особенно Отец Леонид[2], сподвижник старца Феодора[3], и все ученики Паисия Величковского единогласно отзывались так, что не по достоинству дают такую высокую цену этой книге. Отцы находили, что автор не имел помазания Святого Духа и что это сочинение написано из мнения своего ума, потому умные люди и узнают свое, а помазанники Божии только то высоко ценят, что вытекает из дара Духа Святого.

Простите, Владыка Святый, что я дерзаю говорить об этом будучи невежда, а только был послушник Преосвященного Игнатия, что слышал от него, то и сообщаю Высокому Вашему Смирению. Я уже полюбил вас, и сердце мое открыто для вас, вы сами меня вызвали на открытость и мне приятно сообщить желающему знать о Преосвященном Игнатии. Могу сказать, не многие его понимали, да и трудно было его понять, он в житейских делах нередко являлся младенцем, а в делах духовных сподобился великих и редких дарований. Простите, Владыка Святый, что я с вами громко думаю, это происходит от любви и доверия к вам, как любил покойного Преосвященного Игнатия, верил ему и не скрывал от него ни малейшего помысла.

Прошу Святых молитв ваших и Архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства
нижайший послушник

Архимандрит Игнатий.
10 ноября 1871 года

[1] РГБ ОР. Ф. 149. К. 13. № 30.
[2] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 502.
[3] Там же, с. 502.

Письма архимандрита Игнатия (Малышева) к архимандриту Леониду (Кавелину)[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие Возлюбленнейший Отец
Архимандрит Леонид!

Прежде выражения моей благодарности, приветствую Вас с наступившим Новым Годом, с пожеланием Вам милости Божией. Не сочтите, Батюшка, мою медленность в ответе за невежество, нет, это моя единственная добродетель, и мне удается в этом успевать, особенно насчет поздравлений: я иногда поздравляю зараз с прошедшим, настоящим и будущим Новым годом.

Душевно благодарю Вас за прекрасную Икону Преподобного Отца нашего Сергия, благодарю также и за поздравление с милостию Божиею и Царскою.

Протекли моего настоятельства 25 лет, как день един. Не избежал я и торжества и милостей беспримерных.

Скажу вам по-братски: все суета!

Хотелось бы остальные дни провести в покаянии. Дела незаконченные, дряхлость и тягость телесные уже начинают всякому делу препятствовать. Вот купец и проторговался, одна надежда на неизреченную милость Божию.

Прошу Ваших Святых Молитв пред престолом Божиим, да покрыет Господь своим милосердием мое недостоинство.

Вашего Высокопреподобия имею честь быть усердный слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
13 января 1883 года

[1] РГБ ОР. Ф. 148. К. 12. № 27. Об архимандрите Леониде (Кавелине) см. с. 216.

№ 2

Христос Воскресе!

Незлобиве отче! Я еще за старую книгу не благодарил, а ты, добродушне, и другую прислал. Вот и экономия: за два благодеяния один раз благодарить.

Очень, очень благодарю и прошу прощения за мою леность. По этому поводу я благодарен Достоевскому, который одному приятелю отвечал на письмо через два года, и говоря, что письма писать дело невозможное, прибавлял к тому, что если я буду за грехи сослан в ад, то другого тягчайшего наказания не ожидаю, кроме того, что заставят писать каждый день по десяти писем.

Хотя меня это не утешает, но успокаивает, что и умные люди ленились письма писать. А нам и Бог простит.

Прошу Св. молитв и благословения от Преподобного Сергия старый друг и почитатель Твой

Архимандрит Игнатий.
20 апреля 1886 года

Письмо архимандрита Иннокентия (бывшего настоятеля Троицко-Зеленецкого монастыря) к архимандриту Игнатию (Малышеву)[1]

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Архимандрит, возлюбленнейший о Господе Брат!

Очень бы желалось лично обнять Вас, Ваше Высокопреподобие, и братски похристосоваться с Вами; но, как видно, не всем нашим желаниям суждено притти в исполнение. И, вот вместо личного свидания, Христосуюсь с Вами на письме.

Поводом к ускорению письменного Христосования послужила горестная весть об утрате драгоценного и незабвенного Отца Архипастыря, Преосвященного Епископа Игнатия. Этою вестью Ваше Высокопреподобие, я глубоко поражен, и с первого раза не поверил, доколе за Литургиею 6-го Марта в Митропол. Крестовой церкви не услышал провозглашения и самого имени Усопшего на Заупокойной Эктении. Тут-то горько поплакал, и до сего дня поминаючи много любимого Владыку, с коим столько разделял в жизни приятного, грущу.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

Прошу, Ваше Высокопреподобие, успокоить и утешить меня хотя несколькими строчками о времени кончины Преосвященного и прочих ея обстоятельствах. Последнее своеручное письмо Его Преосвященства, ко мне посланное от 10-го Апреля, я удостоился получить в день отправки моего письма к нему — 15 Апреля.

Испрашивая молитв и благословения Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Иннокентий.
7 мая 1867 СПб
Александрон. Дух. Училище

P. S. Любезному Павлу Петровичу мое Христос Воскресе.

Приписка П. П.: Получ. 8-го Мая 1867
Отвеч. Лично 17-го Мая 1867
в Среду недели Самаританыни

Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) в город Сараево, написанное в связи с отправкой туда икон для строящегося Храма[1]

Возлюбленные о Христе Отцы и братие!

Получил я от Вас два драгоценные для меня письма, исполненные братской любви. Сорадуюсь и я Вашей радости, и считаю себя счастливым, что Бог привел меня разделить с Вами это Духовное Торжество.

Признаюсь, что никакие дела Европейских народов меня не интересуют, а занимает меня мысль та, что делается на востоке, что делается у наших братьев славян. Такое чувство жило во мне с самой юности, следовательно, я не заслуживаю никакой благодарности за пожертвование в Ваш храм святых икон. Трудно выразить, какое вы мне этим доставили удовольствие: как бы сократили расстояние между нами.

Переношусь мысленно на Ваш Праздник, на Ваше торжество, на освящение Храма. Если бы не был я так занят в своей обители, может быть, и приехал бы к Вам, взглянул бы на вас, возлюбленные братие, но, к сожалению, должен удовлетвориться одним письменный приветом.

Мне хотелось, чтобы и другие лица Русской земли участвовали в благолепном украшении Вашего Святого Храма, и я имел

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПБ., 2000. С. 86.

случай доложить об этом детям нашего Государя Императора. Их высочества пожертвовали св. иконы для нового храма. Теперь, слава Богу, все готово к отправлению. Посылаем 73 образа, запрестольный крест и хоругви. Добавочных денег никаких более не нужно, при помощи Божией все здесь уплачено.

Прошу Ваших Святых молитв и драгоценной вашей памяти о мне. Имею честь быть, возлюбленные Отцы и братие, ваш усердный Слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

Воззвание к русскому народу, составленное архимандритом Игнатием (Малышевым)[1]

Храм Воскресения Христова, на месте страшного события 1 марта 1881 года.

Церковь изрекла от лица Христова: «Людие мои, что сотворих вам?» (стихира Страстной седмицы). Христос Сын Божий, Царь мира, пришел на землю освободить род человеческий от клятвы законной; больных исцелил, прокаженных очистил, мертвых воскресил. Чем воздали неблагодарные евреи? За исцеление — раны наложили, за манну — желчь, за воду — оцет, за воскресение мертвых — ко кресту Его пригвоздили. «Людие мои, что сотворих вам?»

Там Богочеловек устами церкви вопиет, здесь — вопиет неповинная кровь Помазанника Божия, Царя Освободителя: «Людие мои, что сотворих вам?» Я всю жизнь заботился о благосостоянии вашем, а вы осудили меня на смерть. Помышления мои, сердце мое, все было посвящено вам. Я, как человек, имел что-либо пред Богом; Христос оправдал меня, Я принял искупительную жертву — Тело и Кровь Христову, очищающую всякий грех, а вы убили меня: смерть моя — венец мой, слава моя! Я со Христом. Он один безгрешный, на кресте пригвожденный, произнес: *Отче, отпусти им, не ведят бо что творят* (Лк. 23. 34). И я дерзаю повторить то же: «отпусти им, не ведят бо что творят».

Тогда жены-мироносицы, пришедши на гроб Христов, принесли драгоценное миро и ароматы, чтобы помазать тело Иисусово, и мы принесем наши дары на жертвенник святаго Храма и на месте пролития крови нового мученика, Царя-Освободителя.

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). С. 114–116.

Первая жертва уже принесена Помазанником Божиим, благочестивейшим Государем Императором Александром Александровичем. Мы уверены, что за вождем своим последует и вся земля русская и принесет свои посильные дары и сокровища: поставит здесь местночтимые святые иконы, зажжет пред ними неугасимые лампады на вечные времена, во свидетельство любви и теплоты сердечной к Царю-Освободителю и Престолу. Пусть эти светильники горят и не угасают! Пусть они просвещают и отгоняют всякую тьму от земли русской. Они останутся заветом последующим векам. Сюда будут приходить скорбящие и оскорбленные, они будут у этой окровавленной царской кровью плиты почерпать себе силы. Пусть соразмеряют они свои скорби со скорбью Помазанника Царя-Освободителя. Пусть взводят очи свои горе: там они увидят изображение Царя царствующих, одетого в багряницу, и изречение от лица Его: «Людие мои, что сотворих вам?»

Этот храм будет иметь особенное значение в земле русской: сюда будет допущено все православное духовенство для совершения бескровной жертвы и поминовения незабвенного царя и мученика.

Письмо архимандрита Иустина (Татаринова) к архимандриту Леониду (Кавелину)[1]

Ваше Высокопреподобие

Высокопреподобнейший Отец архимандрит!

Так много и тепло утешили Вы нас Своим радушным гостеприимством, что и высказать не могу. Спаси Вас Господь за все. Очень утешен был я монашеским Вашим направлением и опытностию. Трудно найти теперь Настоятеля с такими духовными понятиями, какие имеете Вы.

Позволяю себе послать Вам прилагаемую рукопись, которая будет напечатана в Ярославских Губернских Ведомостях. Это написано одним благочестивым мирянином. Посылаю потому, что Вы коснулись в разговоре со мной о всенародном житии.

Испрашивая себе Святых молитв Ваших с чувством глубокого уважения и благодарности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Настоятель Бабаевского монастыря
Архимандрит Иустин.
31 октября 1886 г.

[1] РГБ ОР. Ф. 148. К. 6. № 53.

Письма П. П. Яковлева к архимандриту Иустину (Татаринову)

№ 1[1]

Исполнение святого послушания всегда было, любезнейший Отец Игумен, одним из главных Ваших правил. И ныне надеюсь, что это же чувство руководило Вас для принятия весьма нелегкого бремени Настоятельства обители. Поздравляю Вас от всей души и молю Господа о помощи в трудах Ваших. Уверен, что не мечтательное утешение, а забота о благе обители занимает сердце Ваше. Дай Бог сохранить Вам эту заботу до конца жизни; святая Обитель никогда не останется и у Вас в долгу. — Архипастырские молитвы Благодетеля и Руководителя Вашего, да помогут Вам на всем пути жизни Вашей; с ними и многотруднейшее поприще не страшно!

Прошу взаимно молитв Ваших и благословения

Преданнейший Вам

П. Яковлев.

29 ноября 1861 г.

Любезнейшему Алексею Петровичу[2] прошу Вас изъявить мое усерднейшее почтение. Отца Каллиста весьма благодарю за присланные строчки; все формы бумаг описей собравши препроводил я чрез почту; вероятно, получите вскоре.

№ 2[3]

Вероятно, получили Вы, Любезнейший Отец Архимандрит, известие от Петра Александровича о намерении Федора Ильича Тюменева побывать и поговеть в Богоспасаемой Обители Вашей.

Если благословит Господь исполнить ему благое намерение, то он лично доставит строки мои.

Рекомендуем Вам его как благочестивого Христианина и благотворителя многих обителей и вообще храмов Божиих. Многие из бедствующих и нуждающихся в помощи находят в сочувствии его и благочестивейшей супруги великую отраду. В Валаамской обители проживает в числе братий сын их, и они к

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5. ‖ [2] Племянник святителя Игнатия. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

Валаамской обители расположены весьма; любят и не оставляют нашу Обитель.

Не лишите Вашими святыми молитвами преданного Вам

П. Яковлева.
4 апреля 1867
С. Петербург

Его Высокопреподобию
Настоятелю Николо-Бабаевского монастыря,
честнейшему О. Архимандриту Иустину
В Ярославль

У Владыки смиреннейше испрашиваю Архипастырских молитв и благословения, усердно поздравляю Его Преосвященство и Вас с приближающимся радостным праздником Воскресения Христова.

Письмо П. П. Яковлева к Петру Александровичу Брянчанинову[1]

По поручению Отца Архимандрита Иустина спешу известить Вас, дражайший Петр Александрович, что он имел счастие *сегодня* представляться здесь Его Величеству Государю Императору и их Высочествам Великим Князьям, пред погребением Графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Подробности сообщит сам; но сей час спешит с о. Архимандритом нашим отправиться на железной дороге в село Орлино — мызу Графа Николая Сергеевича Строганова

преданный Вам

Павел Яковлев.
1 час дня
воскресенье, 8 Авг. 1884 г.
Сергиева Пустыня

Письмо Петра Александровича Брянчанинова к П. П. Яковлеву[2]

Многоуважаемый Павел Петрович!

О. Архимандрит, уезжая сегодня на ревизию 3-х остальных мужских монастырей, поручил мне переслать Вам рукописи, кои

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 3. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 9.

я и направил согласно его желанию посылкой. Епархиальное начальство (Костромское) не ожидало такого дельно-практического исполнения этого поручения, как его исполнил О. Иустин. Он все упорядочил, всех примирил и объединил общее направление монастырского общежительства и администрации.

У нас настали холода, и образовался зимний первопуток. Я до сих пор еще никуда не выезжал, и потому не знаю, как идет дело о наперсном кресте? Как Вам Господь поможет. Здесь прошла весть, впрочем, взятая из газет, что О. Игнатий заболел? Выздоравливает ли он?

Поручая себя Вашей доброй памяти и святым молитвам Вашим остаюсь всегда Вас искренно уважающий

П. Брянчанинов.

16 ноября 1885 г.

Сергию Васильевичу прошу передать мое почтение.

Письма святителя Игнатия к сестрам Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря

I

К монахине Александре Васильевне Васильевой

№ 1

На Ваше благословение дня, в который Вы ощутили, что Господь явил Вам особенную Свою милость, и я отвечаю так: Благословен Бог Отец Света, от Которого *всякое даяние благо и всяк дар совершен! Люди, седящие во тьме и сени смертней, Свет возсия им*, то есть, Христос в Его истинном учении.

И опять — начинаю славословить, благодарить Бога! Благословен Бог, облегчивший Вам переход от самочинного образа жизни к другому, который ближе к преданию святых Отцов. Безмолвствующему как-то несвойственно многословие и в самом молитвенном правиле. Хотя все человеки созданы по образу Божию, но в этом отношении безмолвник есть особеннейший, точнейший образ Божий. Посмотрите, что говорит Евангелист Иоанн о Боге: от вечности Он довольствовался единым Своим Словом!.. Утешение, которое — надеюсь на милость Божию — прозябнет из настоящего Вашего делания, подтвердит Вам эту истину. Оно

будет со временем требовать, чтоб Вы еще более стряхнули с себя листья для плодов.

К смертной памяти — полезно принуждать себя, хотя бы сердце и отвращалось от нее. Она — дар Божий, а понуждение наше к ней — только свидетельство искренности нашего желания иметь этот дар. При понуждении себя нужно и молиться: «Господи, даждь ми память смертную». Таково об этом предмете учение Макария Великого, Исаака Сирского и прочих великих Отцов; Вы найдете его и в драгоценной книжке Нила Сорского.

О любви к ближнему мы знаем из учения Отцов, что она бывает двух родов: естественная и Евангельская, или о Христе. Естественная насажена в нас при нашем сотворении, и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, падением, или прародительским грехом; а потому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя — Господа любить в человеках. Этим Он возводит любовь на высочайшую степень горячности, дарует ей чистоту, духовность, святыню, — и погашается пламенем любви о Христе нестройный, дымный пламень плотской любви — любви смешанной, составленной из мечтательного, несуществующего наслаждения и жестокого, убийственного мучения. Ощущение духовной любви водило пером святаго Иоанна Лествичника, когда он сказал: «Любовь к Богу погашает любовь к родителям и прочим близким по плоти; — говорящий, что имеет ту и другую любовь, обольщает себя». Также он сказал в 15-й степени: «Огнь погашается огнем, то есть любовь плотская любовию Божественною». Когда мы рассмотрим себя со вниманием, то увидим с Божиею помощью (на такое видение нужна помощь Божия! Такое видение — дар Божий!), что наиболее имеем любовь естественную, а Евангельскую должны еще стяжавать. Это самое разумел я, когда писал вам, что Евангелию от Иоанна предшествует Евангелие от Матфея. Евангелие от Иоанна говорит наиболее о любви к Богу, о смотрении Божием, ясном для одних очищенных. Очищается же человек, входит в видение Бога и любовь к Нему — любовию о Христе к ближнему, или любовию Христа в каждом ближнем, а в чуждом Христианства и Христа — любовию к образу Божию. И лишенный славы Христианства не лишен славы человечества — есть образ Божий!

Вы отнеслись ко мне ради Бога для пользы души Вашей; я — также ради Бога — располагаюсь говорить вам то, что сочту истинным и душеполезным. Шествуя к Господу путем ума и сердца, желая встать пред величеством Его неприступной славы, лицем к лицу, не будьте разумны и многосведущи. Для Него приятнее младенческое лепетанье души, умалившейся, так сказать, от зрения множества немощей своих, нежели красноречивое витийство души, напыщенной самомнением. Апостол Павел сказал о себе: *Не судих себе ведети ничтоже, точию Иисуса Христа, и Сего распята*[1]. А для меня предовольно, если я познаю, что я грешник. Довольно мне будет этого знания! Оно, прикасаясь — как жезл Моисеев к камню — к моему ожесточенному сердцу, будет изводить живую струю слез. Плач мой пред Господом моим предпочитаю всей земной мудрости, — и *грех мой предо мною есть выну!* Грех мой — первенствующий предмет моего духовного созерцания!

В письмах Ваших ко мне не будьте умны, красноречивы, сведущи в Писании. Будьте буи! Из премудрой сделайтесь буйею, чтоб стяжать истинную премудрость — смиренномудрие, в котором обилие духовного разума. И я, грешник, в ответ Вам буду произносить обнаженное, безлестное слово сердца, приятное одною искренностию и, может быть, истиною. Отселе, вкусив его, познайте, что сказанное мною сказано — ради Господа.

Прошу Ваших святых молитв о глаголющем и не творящем, чтоб произносимое мною слово послужило мне во спасение, а не в осуждение. — Аминь.

[1] *ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2. 2).

№ 2

Вместо всякой надписи ставлю над письмом моим изображение святого Креста. Крест — это приличнейшая надпись над словом крестным, произносимым для проходящего путь крестный. И так внимайте тем словам, которые извлекаются верой Вашей из окаянного сердца моего, погруженного в молитву и слышащего дивные глаголы, произносимые благодатию в тайне душевной клети. Глаголы эти питают меня, питают и тех, которые ради спасения души своей захотят не презреть грешных и убогих слов моих.

Георгий Алексеевич, Затворник Задонский[1], в продолжение двух лет был обеспокоиваем помыслами о выходе из Задонской

обители. Ему представлялось, что место это не довольно уединенно, что в другом его будут менее беспокоить посетители; однажды, как он развлекался этими мыслями, сказывают ему, что некоторый странник желает его видеть, ибо имеет нечто сказать ему от Серафима Саровского. Затворник приглашает странника, который, вошедши к нему, говорит: «Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, Затворнику, дозволять бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтоб ты жил здесь». Сказав эти слова, странник поклонился и удалился. Изумлен был Затворник этим обличением его тайных помыслов и, когда опомнился, послал келейника своего, чтоб воротить странника. Келейник напрасно искал в монастыре и за монастырем обличителя — он скрылся. Кто он был? Не будем об этом любопытствовать много, но заметим из этого события нужное нам, именно, что постоянное стужание помысла не есть еще признак его правильности. Ах! Где то желанное спокойствие, к которому влечется наше сердце, которого оно не может не жаждать и не искать? Оно сокровенно в Кресте Христовом. Напрасно будете его искать в чем другом. Диавол, смотрящий на лицо души человеческой и ловящий ее в погибель, видит стремление, стремление естественного нашего сердца к нерушимому покою, и по поводу этого стремления дает совет: «прейди с места твоего жительства в другое, там найдешь желанное спокойствие». Таков его совет, под личиною которого скрыт другой: «Сниди со Креста».

Святые Отцы повелевают выдерживать брани, не оставляя места, в особенности если в нем нет явных поводов ко греху. Монах, оставляющий по причине душевной брани место своего жительства, никогда не возможет стяжать духовных плодов. Стойкость — одно из первых достоинств воинства и земного и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим — безмолвное стояние с угрюмою твердостию под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может положиться. На таковых воинов наиболее полагается наш Подвигоположник Господь Иисус Христос и венчает их духовными венцами. Делание это заповедает нам Дух Святый: *Аще взыдет на тя дух сильнаго, ты места своего не оставь.* Напротив того, Он укоряет воинов нестойких и объявляет им лишение духовных дарований: *Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще*

луки, возвратишася в день брани... И отрину Господь селение Иосифово, и колено Ефремово не избра[2]. Этого и Вы устрашитесь; постарайтесь принести плод, по слову Господню: *«в терпении»*.

Что Вы заметили в себе некоторые недостатки, о которых прежде думали легче, с извинением и оправданием их — этому не удивляйтесь. Мы к тому стремимся, чтобы узреть наши грехи и омыть их слезами покаяния прежде того времени, времени страшного, когда покаяние будет только мучить, а не исцелять.

Если о. Пафнутий усердствует ссудить Вас книгами своими, то советую вам сперва прочитать книгу Великого Варсонофия, и если заблагорассудите — списать ее. По Вашему состоянию книга эта будет полезнее, нежели Исаака Сирина, которою, Бог даст, займетесь в свое время... Мир Вам!

[1] *Задонский затворник Георгий* (в миру Георгий Алексеевич Машурин, в монашестве Стратоник; 1789–1836) — послушник Задонского Богородицкого монастыря Воронежской епархии.

[2] *Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани... и отверг шатер Иосифов и колена Ефремова не избрал* (Пс. 77. 9; ср.: 77. 67).

№ 3

Что может быть тяжелее состояния души, томимой искушениями? Это пребывание во аде, в вечных муках. Воспоминание о них облегчает здешние искушения. «Враг мой, — говорит (в Лествице) уныние, — есть память смертная». Вспомните об обществе бесов во аде и — искушения сделаются для вас легкими.

Если помысл Ваш отстраняет пример Затворника рукою смирения, по крайней мере таким кажущегося по наружности, то послушайте совет святого Иоанна Лествичника, говорящего в 4-й степени своей Лествицы так: «Легко решающиеся на прехождение с места на место вполне неискусны: ибо ничто так не делает душу бесплодною, как нетерпение... преходя, ты можешь потерять то искупление, которым тебя искупил Христос». Святой Григорий Синайский уподобляет преходящих с места на место пересаживаемым древам, при каждой пересадке находящимся в опасности погибнуть, а уже непременно теряющим значительную часть силы своей. По всему, что ощущаю из письма Вашего, и по всему, что вижу из святых Отцов, не даю вам совета к прехождению. Для отрады же души Вашей советую съездить в Никифоровскую пустыню Олонецкой епархии к старцу Исаии. Его беседа будет вам

отрадна, и думаю, что он подтвердит мой совет вам и скажет вам с откровенностию, что помыслы Ваши о прехождении ничто иное, как злохитрое советование бесовское.

Чему уподобить слово, теперь мною Вам произносимое, ради Господа, к пользе души Вашей? — Уподоблю Вас и прочих желающих спастись, в числе которых, прельщая себя, думаю, что нахожусь и я, — путникам, идущим по дороге. Путь этот всегда был тесен и прискорбен, но ныне еще прибавилось на нем неудобство — недостаток в хлебе. Этот недостаток так велик, что многие, заметя в моей сумке несколько заплесневших кусков, просят, чтобы я ими поделился. И делюсь, — а кто возвратит мне заплесневший кусок, беру с приятностию, ибо думаю, что и принимающие такую гнусную снедь — принимают по крайней нужде. Прошу вас считать такими слова мои и не связываться ими, а если захотите быть связаны ими, то свяжитесь, и милосердый Господь, по вере Вашей, силен извести Вас на свободу, которую ощутивши, возрадуетесь о обретении сокровища некрадомого. — Если будете у о. Исаии, то прочтите ему и письма мои к Вам — как делателю, имеющему опыт, чтоб «при устах двух свидетелей стал пред вами твердым всяк глагол», произнесенный о Господе.

Относительно правила молитвенного — знайте, что оно для вас, а Вы не для него, но для Господа. Почему имейте свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте — то и другое с умеренностию и осторожностию, потому что мы крайне немощны и окружены татями и убийцами отовсюду. Когда Вы не бываете в церкви, то читайте правило, прописанное Вами: я его одобряю, по крайней мере до времени, когда окаянному моему сердцу, в случае вопрошения Вашего, известится — что изменить.

О еретиках воспрещено молиться, как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы, как изображения участия в Церкви, — не должно; молиться же о обращении их — можно. Имеющий своего мертвеца о нем плачет, о нем молится. Заключенные в темницу преступники не могут принимать на себя ходатайства о других преступниках. Господь есть Любовь, и столько желает спасения всех, что мы и постичь не можем. Предоставим этой Любви спасение наше — и всех, а с своей стороны постараемся о том, что зависит от нас, — о очищении себя. Тогда этого достигнем, когда умрем ко всему. — Богу нашему слава!

№ 4

Если Вы находите, что дальнейшее пребывание в Старо-Ладожском Никольском монастыре для Вас невозможно по усилившимся браням до превышения сил Ваших, то Господь, ради Которого я советовал Вам пребывание и противление браням, да благословит «исход» Ваш и «вход» в иную обитель, где бы Вы могли в мире душевном обрести «пажить» спасительную. Но исход Ваш да будет о Господе. Он будет таковым, когда Вы совершите его со смирением, обвиняя единственно себя, приводя в причину исхода единственно свою немощь и укоряя себя, что не могли поступить так, как святые Отцы признают за лучшее, т. е. выдержать и победить душевные брани на месте. Тогда вход Ваш в иную обитель может привлечь на себя благословение Господа, «не уничижающего сокрушенных и смиренных сердцем, а гордым противляющегося!»

О. Исаия в настоящее время гостит у меня, и я утешаюсь, видя в нем обильную благодать Божию. — Не вздумаете ли проехать до Твери? Там игумения В. благонамеренная и имеющая духовное знание. И климат там получше, а климат, по замечанию святых Отцов, имеет сильное влияние на тех особенно, которые проводят жизнь безмолвную. — И паки — Бог вас да благословит совершить намерение Ваше, если оно совершится с миром и смирением! Если же Вы желаете моего грешного благословения, то и я заочно благословляю Вас благословением от Господа, от Него же всякое даяние благо. Прошу Ваших святых молитв о мне недостойном.

10 февр<аля> 1844

№ 5

Письмо Ваше я получил. Вижу Ваше желание поместиться в Сяндебской обители. Хотя оно и представляется мне несбыточным... мало этого! Мне представляется, что если Вы и получите желаемое, то должны будете оставить Сяндебскую обитель: такие неожидаемые Вами неприятности там встретят Вас, такие попечения, такая молва, такое беспокойство! Однако, чтоб могли Вы достовернее узнать волю Божию, советую Вам написать Преосвященному Венедикту, который, точно, самый добрый человек. Вы можете указать в письме Вашем на меня, сказать, что я Вас знаю, и что Вы просите услышать ответ его чрез меня. — Вы подумали, что Вы там будете хозяйкой, что о всякой безде-

лице Вас будут спрашивать, что все попечения о всем вещественном лягут на Вас? Даже в минуты спокойствия и уединения мысль Ваша будет уклоняться от Бога в размышления о вещественном. Впрочем, я не связываю Вашей свободы. О. Исаия советует Вам путь, который он сам проходил, на котором Господь покрыл его, но который вне общего закона и на котором многие могут преткнуться. — Жительство в обители Сырновской уже несравненно будет превосходнее этого; там попечения житейские мало Вас будут касаться. Если же Вы хотите не встречаться с людьми, то это желание неправильное. Когда об этом спрашивал Преподобный Дорофей своего старца Авву Иоанна Пророка, то Иоанн отвечал, что удаление от встречи с людьми весьма вредно для не достигшего совершенства, потому что скрывает от него его немощи, открываемые людьми, и по этой причине делает его бесплодным.

Относительно правила Вашего нахожу нужным, чтоб Вы, читая как кафизмы, так и каноны, равно и молитву Иисусову, произносили слова помедленнее, напрягая больше внимание, чтоб ни одно слово не было произнесено без внимания. Переходя, таким образом, от количества к качеству, можете из вечернего правила убавить кафизму и несколько поклонов, чтоб умножение количества не уменьшило качества. Будьте свободны, зная, что правило для человека, а не человек для правила.

Мир Божий да водворяется в Вас богатно! Перст Божий да направит пути Ваши по премудрой и всеблагой Божественной воле!

Келейнице Вашей — мое грешное благословение.

№ 6

Воздадим благодарение Милосердому и Премудрому Промыслителю, остановившему Вас в перемещении Вашем из Успенской Ладожской обители! Если Вы рассмотрите мои письма к Вам, то увидите, что я был вполне против Вашего перемещения; наконец, видя непреклонное намерение Ваше переместиться, желал, чтоб Вы его совершили, по крайней мере, со смирением, осуждая себя. Нет ничего лучше мысли о распятии себя. Ибо таковые — Христовы! Мир вам!

19 июля 1844 г.

II

К инокине Варваре, пожелавшей вступить под духовное руководство святителя Игнатия

№ 1

Спаситель мира, Господь Иисус Христос, простивший сына, который сперва сказал: *не иду*, потом же *раскаявся иде*, да простит и Вам то, в чем просите прощения. Пишете, что по прочтении книги Святого аввы Дорофея, Вы увидели, сколько отклонились Вы от пути истинного. Но это бывает со всеми, кто переходит от жизни самочинной к Христоподражательному послушанию. Таковый, по словам св. Иоанна Лествичника, «слеп бе и прозре». — Я вас не только не отвергаю, но и призываю: «приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу вас», не потому, чтоб доволен я был сам по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от святых Отцов, пером которых водил Дух Святой. — Относительно Вашего нового знакомства с Матушкой А., то да не озабочивает вас различие характеров: единомыслие о Христе не только двух инокинь сильно соединить, но в первенствующей Церкви весь верующий народ соединило в сердце и душу едину. — Вы говорите о привычках, усвоенных долгим временем. На это отвечает Лествичник: «истинные иноки вся да оплюют! Всех да отвергнутся, т. е. пристрастий!» Хотя же этого вдруг невозможно сделать, но с постепенностию можно. Боитесь строгости! Но можем ли мы быть строгими, когда слышим Господа, нам обещающего: *в нюже меру мерите, возмерится вам*[1]. Почитайте книгу святого аввы Дорофея и, если произволение Ваше шествовать по стези отсечения воли не прекратится, но возгорится еще сильнее, и пламень небесных желаний обымет Вашу душу, то благоволите приехать, дабы пространнее услышать учение о пути этом и принять некоторые правила, которые, как стены высокие и твердые, оградят душу Вашу. — Вы желаете соделаться моею дщерью? Я в восторге духа, взирая на сонм духовных чад моих, которых несть достоин назваться отцом, но рабом, — говорю душе моей: *возвеселись неплоды не раждающая, возгласи и возопий не чревоболевшая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущия мужа*[2]. Наконец призыванием на вас милости Божией оканчиваю эти строки.

Марта 10, 1842 г.

[1] *...какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить* (Мф. 7. 2).

[2] *Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа* (Ис. 54. 1).

№ 2

Если Вы приписываете моему грешному сердцу единственную радость в том, когда я слышу, что чада мои во истине ходят; то зачем же приписывать скорбь за молчание Ваше, за неполучение от вас благодарственных слов, которые принадлежат Единому Богу и к Нему да возлетают на крыльях молитвы, на крыльях воздыханий сердечных. Истина — Господь наш Иисус Христос, предстоявшая в смиренном виде Пилату, вопрошавшему о Истине, смотревшему на Нее и Ее не познавшему, как и ныне все рабы мира, видяще ее, не видят, и слышаще ее, не слышат, — Эта Небесная Истина, сошедши на землю к падшим и немощным человекам, *ихже сердце от юности прилежит на зло*[1], начала учение Свое с этих слов: *покайтеся*! Доколе же каяться немощному, непрестанно падающему, если не телом, то мыслию и сердцем? — Доколе он подвержен необходимо изменяемости, этому следствию падения праотеческого, даже до последнего издыхания: ибо не видно, чтоб Истина, завещавая покаяние, положила ему на земли другой предел, или окончание, кроме естественного конца его с кончиною земной жизни человека. Итак, не дивитесь, видя в себе непрестанную изменяемость, не надейтесь избавиться от нее до смерти или лучше не обольщайтесь этою надеждою; а иначе треволнения всегда будут заставать вас врасплох, и потому несравненно сильнее на вас действовать, даже ниспровергать. Подивитесь и поклонитесь Истине, которая непрестанную изменяемость человеческую врачует заповедию непрестанного покаяния. Ложась на одр, кайтесь, и, вставая, кайтесь; как в цепи звено держится за звено, так в жизни Вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы. Предметом рассматривания Вашего да будут немощи Ваши. В чувстве сердца Вашего будьте подобною ввергнутой до конца жизни в темницу, подобною прокаженному, изгнанному вне стана. Тогда окончатся страдания, когда окончится жизнь: последнее стенание испустится с последним вздохом. Для инока утешение на земли есть плач и умиление. Что плач? Это действие благодати, данной при крещении, это ходатайство Духа,

в нас вселившегося при святом крещении, о грешнике; потому-то святой плач неведущим Христа и еретичествующим неизвестен. — Хочешь ли ощутить облегчение от борющих тебя страстей? Хочешь ли найти умиление в твоей келлии, без которого, как ладья без якоря, мысль, восхищенная свирепым ветром, носится по волнам мечтания и низвергается в глубину уныния? Хочешь ли увидеть свет от Света? Хочешь ли вкусить любовь, от Любви исходящую и в Любовь ведущую? — Возьми мысль твою и повергни к ногам братий и сестер, не различая худых от добрых; скажи помыслу твоему и как можно чаще повторяй, чтоб от мысли родилось чувство: это Ангелы Божии, а я одна грехом и мраком подобна диаволу. Суждено вам найти облегчение для души у ног братий; определена молитва мытарева, а не Иисусова. Отверзет для Вас Царствие Небесное исповедание разбойника, а не святыня Иоаннова. Изъемлем из сердца и глаголем: *слыши дщи и приклони ухо твое*, и когда украсишься покаянием, тогда *Царь царей и Господь господий возжелает доброты твоея*[2], яже от покаяния.

Пишете о помыслах и желаете разбирать их и узнать, что разумеет Апостол под словами: *несть наша брань*[3] и проч. Это для вас неполезно и не нужно. Довольно вам знать, что ежеминутно могут на вас восстать и страсти собственные, и духи лукавствия, жаждущие погибели всем, что вам, как немощнейшей, непрестанно должно вопить к Господу: «помилуй мя, яко немощна есмь!» Господь, когда по надежде Вашей на Него будет Вашею крепостию, а по занятиям Вашим — будет Вашим пением, — тогда Господь будет и спасением Вашим. *Крепость моя и пение мое Господь, и бысть мне во спасение*[4]. Тогда Вы не умрете, но живы будете покаянием и поведаете дела Господни, как Он грешников изъемлет из ада и вводит в рай. О! Когда бы Господь этого сподобил! Уготовьтесь на скорби, и скорби облегчатся; откажитесь от утешения, и оно придет к тому, кто считает себя его недостойным. — Прошу святых молитв о глаголющем и не творящем.

9 октября 1842

[1] См.: Быт. 8. 21.

[2] *Слыши, дщерь... и приклони ухо твое... возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой* (Пс. 44. 11, 12).

[3] Еф. 6. 12.

[4] Ср.: Исх. 15. 2.

№ 3

Господь, пришедший спасти грешников, из которых я первый, а вторая Вы, да отверзет нам отеческие объятия Свои и да приимет нас, как упоминаемый в Евангелии отец принял сына, расточившего имение его. Успокоение сердца нашего да будет для нас извещением, что Милосердый Отец Небесный принимает покаяние наше. Вы мне не писали пером, но писали сердцем и умом, а в книге преподобного Исаии видели ответы, мною заблаговременно вам написанные. Говорю это потому, что, усмотрев отчасти устроение души Вашей, я Вам советовал прилепиться особенно к чтению упомянутой книги, — в которой отпечатывается душа, испытавшая много болезней и узревшая множество немощей своих, — душа, предавшаяся плачу о самой себе, ищущая отрады и пристанища в милосердии Божием. — Не смущайтесь Вашими заботами о бедных земледельцах, или крестьянах, или Христианах; делайте им возможное добро, до тех пор, когда Господь снимет с вас эту заботу. — Я утешился, увидевши из письма Вашего, что Вы уже не так умны, как были прежде. А что пишу к Вам так откровенно, то из этого можете видеть, как я к Вам близок сердцем моим и как искренно желаю Вам преуспеяния о Господе. Мир Божий да почиет над Вами богатно. Аминь.

1843 г.

№ 4

Богу угодно, чтоб я был вестником пред вами о кончине Вашего брата, последовавшей в день Богоявления. Он исповедался в полной памяти и приобщился Святых Таин, после чего через два часа лишился языка. Вот все, что сердце Ваше наиболее требует знать. Сегодня были у меня П. Н. с супругою и с Т. Н., похоронив вчера нашего и своего брата. Они просили меня, чтоб я принял на себя написать Вам известие об этом событии, и прежде чем они меня попросили об этом, сердце мое мне сказало, что я должен это сделать. Лейтесь, токи слезные, в отраду и утешение оставшимся и почившим! В слезных каплях да светится молитва, как в каплях дождя разноцветная радуга, этот образ или, правильнее, символ мира между Богом и человеками. Разными цветами в молитве да будут: исповедание, сокрушение сердца, раскаяние, умиление, радость. Сейчас, как пишу, пришло мне на мысль, что слово «радуга» происходит от радости — это радост-

ная дуга. Такою дугою да будет Ваша молитва; один конец ее да касается Вашего сердца, а другой — неба. Свет надежды и упования да светится в душе Вашей, свет от Света — Христа, который грехи наши омыл и искупил нас от тьмы греховной. Ему сами себя и друг друга вручаем. Ему вручаю и Вас, яко милость Его почивает над Вами. Аминь.

10 января 1843 г.

№ 5

Мы, исшедшие из среды мира в недро святых обителей, этим самым предначали нашу смерть по плоти и жизнь о Христе. Бывают кончины скоропостижные; бывают кончины при продолжительных болезнях. Мы, с того времени как оставили мир, умираем ежедневно, по свидетельству святаго апостола Павла. В этой смерти видим непременное условие истинной жизни. Минута преселения нашего с земли, рождения нашего в вечность для нас не так странна и чужда, как для тех, которые живут посреди мира, оглушены его шумом, пригвождены к нему умом и сердцем, забыли, что есть смерть, не думают о вечности, долженствующей непременно быть и их уделом.

Узнав о смерти ближнего Вашего, не предайтесь тем неутешительным рыданием, которым обыкновенно предается мир, доказывающий тем, что надежда его — только во плоти. Ваша надежда — во Христе! Пролейте о умершем слезы молитвенные, обратитесь сердцем и мыслями к Тому, Кто Один может вас утешить, пред Которым Вы должны предстать в предназначенное Вам время. Не увлекитесь чем-нибудь: плод такого увлечения, которое — обманчивая, обольстительная мечтательность, — тление. Мир имейте в Боге, предавайтесь с полной покорностью Его святой Воле. В этой Воле полнота Благости и Премудрости. Ей поклонимся, припадем к стопам ее, вручая души и тела наши Господу. Аминь.

1843 г.

№ 6

Хотя Вы и не извещали меня, что находитесь в некотором смущении, но сердце мое мне это сказывало. Вот ответ моего грешного сердца Вашим сокровенным помыслам: Вы предо мною всегда одинаковы, потому что отношение мое к Вам — ради Господа. Мир вам!

...Вижу в Вас плод духовный, который состоит в познании немощей своих, о них святый апостол Павел сказал: *благоволю в немощах моих, да вселится в мя сила Христова*[1]. Хорошо бы вам прочитать ответы Великого Варсонофия Андрею. (Эту книгу можете списать тогда, когда она в обители нашей переведется на русский язык, а это дело перешло уже за половину.) Знайте, что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но, подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле, исполнить его или не исполнить. В том и другом случае будьте мирны. Так и относительно келейницы Вашей: я совершенно буду мирен, если Вы ее отстраните от себя, потому что в отношениях моих к Вам имею главною целью — пользу души Вашей. Руководствуйтесь Вашею совестию. По прочтении этого письма рассмотрите, какое ощущение будет в душе Вашей. Если прольется в нее мир и спокойствие, то знайте, что сказанное Вам сказано о Господе; совесть ваша будет свидетельствовать, что сказанное о Господе должно исполнить, хотя бы исполнение сопряжено было со скорбию. Святые Отцы сказали, что добродетель без скорби не есть добродетель. Господь говорит в Евангелии (Лк. 8. 15), объясняя притчу о семени, упавшем при сеянии на различную почву: *А иже на добрей земли, сии суть, иже добрым сердцем благим слышавше слово держат и плод творят в терпении.* Сказав это, Господь добавил страшными словами: *Имеяй уши слышати, да слышит.* — Еще прошу — вникните в себя — и Вы найдете, что в вас было сокровенное желание принести по силе Вашей душевную пользу какой-либо сестре. Судьбами Божиими это устроилось, но не тем путем, какой рисовала наша мечтательность, а путем Божиим, так что представлявшееся нам полезным осталось бесплодным, а представляющееся нам вредным и немощию принесло обильный плод, и слава в плоде принадлежит Единому Богу, а мы находимся при одних наших немощах, в долгу неоплатимом пред Богом! Приглашаю Вас с собою: разумениями нашими и сердечными ощущениями снидем в ничто, да возвеличится в нас Христос. Умертвим себя: мертвец — без жизни и без действия. Умертвим себя, чтоб в нас жил и действовал Христос. Будьте снисходительны к душе Вашей в ее немощах: излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отчаяние. Будьте мирны и к обстоятельствам Вашим, прилагая, впрочем, старание о окончании Вашего управления имением: этого требует от Вас заповедь Христова, уве-

ряющая вас живущею в ней истиною, что *вкупе невозможно работать Богу и мамоне*. Мир вам. Аминь.

28 июня 1844 г.

[1] Ср.: 2 Кор. 12. 9.

№ 7

Так! Скончалась на руках Ваших А<лександра> В<асильевна> или, правильнее: окончила земное странствие и начала жительство вечное там, где нет печали и воздыхания, но радость бесконечная! Все мы такие кратковременные гости на земли! То и дело, что кто-либо отъезжает в дальний путь. Очень хорошо сравнивает Георгий Затворник жизнь нашу с пребыванием заключенных в темнице, из которых то тот, то другой требуются к суду и окончательному приговору. Будем приготовляться к этому суду, чтоб приговор был для нас благоприятный. Праведные представят свои правды, как жертвы тучные пред престол Судии: а мы, грешные, принесем туда хотя покаяние и слезы! — Господь да благословит вас и да подкрепит продолжать и окончить во славу Его течение Ваше. Мир вам.

16 сентября 1844 г.

№ 8

Письмо Ваше я получил и сердечно утешился, видя с какою прямотою и откровенностию Вы открыли Вашу душу мне недостойному. Господь да воздаст вам по вере Вашей и да устроит временное жительство Ваше к пользе для жизни вечной! — Я удостоверяюсь, что Келейнице жить при вас невозможно. Господь не дал ей того благопокорливого разума, как ее брату, при мне живущему и жительством своим, назидающему себя, меня и многих. Вы ее отпустите совсем и будьте мирны. Мы веруем, научаясь так веровать от святых Отец, что если кому Господь, по недоведомым нам, а Ему Единому известным причинам, не даст уразуметь пути послушания, тот от человеков ничего не примет, и хотя бы имел пред собою самых святых Апостолов, то и на них будет метать камнями. Отпустите эту девицу, должную вам двумястами динарий, с миром, без всяких упреков, помня, что мы все должны тьмами талантов Господу, Который тогда только оставит нам долг наш, когда мы оставим должникам нашим. Если же хотите пожать обильный плод духовный, то унизь-

те себя пред ближним *в сердце* Вашем и скажите сами себе: «в том, что это дело не устроилось, я виновата по недостатку духовного разума и терпения, которыми стяжавается ближний». Помолитесь обо мне, чтоб Господь даровал мне обвинить себя, как главную причину этого беспокойства. Я винюсь и прошу вас простить меня ради Господа, ради Которого Вы расположились внимать моему грешному слову, произносимому о Господе. Господь да благословит Вас; будьте мирны и спокойны.

2 апреля 1845 г.

№ 9

Господь да утешит скорбящее сердце Ваше! Пока мы на пути, пока не взошли в пристанище неизменяемой вечности, мы должны ожидать в себе и в своих обстоятельствах изменений, переворотов, скорбей обыкновенных и нечаянных. Некоторый преподобный Отец сказал: «За все слава Богу, — за самые немощи наши; потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым». Эти слова святого Отца крайне утешительны для нас, немощных и грешных, для нашего времени и племени, могущего похвалиться только немощами своими. Они не подают повода грешить произвольно, но утешают таких, которые при некотором внимании к себе ощущают, что души их находятся в невольном плену у греха.

Размышляя это и видя себя оскудевающею в делах правды, стяжите мытарево смирение; то сердце сокрушенное и смиренное, которое Господь не уничижит. Не обвиняйте в немощах Ваших никого, ни даже обстоятельства и развлечения, в которые Вы поставлены. Обвиняйте единственно себя. Царь Давид, святый Пророк и Боговидец Моисей, святый Пророк Даниил угодили Богу среди множества разнородных занятий, среди всевозможного развлечения. Преподобные общежития египетского, описанного святым Иоанном Лествичником, говорили ему: «среди молв стяжи безмолвную мысль, что преславно». Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение, потому что сила произволения и в немощных производит великое. В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог вас оправдает и помилует. — Когда Феофил, Патриарх Александрийский, прибыл в Нитрийскую гору, то спросил у игумена горы, под руководством которого спасались до десяти тысяч монахов: «Что,

Отец, нашел ты особенно важного на пути монашеском?» — «Укорять и осуждать себя непрестанно», — отвечал святой и смиренный Игумен. — «Да, — сказал Патриарх, — другого средства к спасению нет». — И Вы стяжите это легкое делание, могущее ввести в душу Вашу смирение, а вместе с ним утешение и мир святый от Господа, в Котором почивает от сердечных трудов своих всякий обремененный ими. Мира, духовного утешения и спасения Вам желаю.

12 сентября 1845 г.

№ 10

Если Вы видите в себе, что Вы только слышатель слова Божия, а не творец, то мыслями Вашими встаньте пред этим Словом Божиим, имеющим судить нас в последний день, — как осужденная, и постарайтесь стяжать дух сокрушен и сердце сокрушенно, а когда можно, то и поплачьте при таком размышлении — и Господь помилует Вас. Не вдавайтесь в безнадежие, но при безнадежии на себя тем тверже уповайте на Бога.

Если рассудите — что списать для пользы Вашей и для благочестивого препровождения времени в труде и вместе в Богомыслии, то спишите. Есть у нас на русском языке Лествичник моего убогого перевода. Если угодно, то можно Вам доставить; книга эта принадлежит не мне, но одному из братий, который охотно усердствует одолжить ею вас. Переписывание книг святых было рукоделием многих преподобных Отцов, между прочими нашего преподобного Нила Сорского. Таким образом, оно есть делание засвидетельствованное, как делание Угодников Божиих, и не может не быть соединено с обильною пользою. — Мир вам!

28 марта 1846 г.

№ 11

Письмо Ваше я получил и увидел из него, что путь жизни Вашей пролегает по теснинам и скорбям, как это обещано всем, желающим последовать Христу. Кто последует Христу, как верховный Петр и первозванный Андрей, тому предназначен Крест. Кто обращается ко Христу, как разбойник, того удел — опять Крест. В первом случае крест соделывается венцом, во втором он бывает лествицею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, к какому бы образцу мы ни подходили, — невозможно быть Христовым без Креста, «еже есть», говорится при пострижении

в монашество, — «готову присно быти к подъятию всякой скорби, которую Промыслитель нам попустит».

Господь да укрепит Вас.

Мая 20-го, <18>46 г.

№ 12

Соедините милость с Вашею пользою. Если вас смущает мысль, что Ваша милостыня не вполне чиста, но с примесью своекорыстия, то знайте, что хлебы наши и не могут быть вполне чисты. Добродетели наши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. Не должно с души своей, с своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать. Если потребуете сверх сил, то они обанкротятся, а оброк умеренный могут давать до кончины Вашей; довольствуясь им, Вы будете совершать себя до смерти и не умрете с голода.

Мир Вам!

17 февраля 1847 г.

№ 13

Не только относительно тела, но и относительно души не все бывает так, как мы хотим, а большая часть зависит от обстоятельств. Почему, по возможности, отклоняя причины расслабления, зависящие собственно от нас, надо пребывать мирным, повергая себя с немощами своими в пучину милосердия Божия.

20 февраля 1848 г. Бабайки

№ 14

По вопросу о девицах, обратившихся к Вам за душеполезным советом, — назидайте их по силам Вашим, не давая хода сердечному пристрастию и зная, что Един Бог есть врач душ их, равно как и Вашей. Такое устранение от пристрастия сохранит вас в самоумерщвлении, при котором удобно действует память смертная.

Извините мою ошибку! Я не понял, что Вы желаете переписать «Цветник» священноинока Дорофея, а полагал, что Вы хотели заняться книгою аввы Дорофея, для большего впечатления ее в памяти. Я столько уважаю эту книгу, что и доныне не перестаю перечитывать ее для назидания моего и братий моих. Относительно же «Цветника» скажу вам то же, что и относительно святого Исаака: эти книги принадлежат более отшель-

никам, и глубоким отшельникам. «Цветник» переводится ныне на российский язык по благословению Митрополита ученым иеромонахом Ионою, проживающим в Валаамском монастыре. Почему и советовал бы я вам лучше переписать Исаака, а «Цветник», может быть, будет скоро напечатан на русском языке. Исаак же имеет такое достоинство аскетическое в переводе Паисия, что его никакой другой перевод заменить не может. — Впрочем, если Вы рассудите и «Цветник» иметь на Славянском языке, на котором он написан священноиноком, то это благо. Книга эта и теперь редка, а впоследствии еще будет реже.

Января 25, 1851 г.

№ 15

Благодарю Вас за письмо Ваше, что Вы вступаете в море иночества на ладье веры. Этою же верою переноситесь чрез волны иноческого моря: волны его — многоразличные скорби, попускаемые Божиим Промыслом для спасения нашего, воздвигаемые собственными нашими немощами и врагом нашим диаволом. Очень утешаюсь мыслию, что Вы принимаете пострижение. Господь да благословит вас и да укрепит Вас!

2 апреля 1858 г.

№ 16

Продолжительное жительство наше в монастыре приносит нам хотя тот плод, что мы начинаем зреть наши немощи и все упование наше возлагать не на себя, но на Искупителя нашего.

30-го апреля <18>59 г.

№ 17

Господь да помянет любовь Вашу!

Заповеди Евангельские суть свет наш во время странствования нашего в нощи земного жития. На них надо неуклонно смотреть, чтоб не сбиться с пути, и по ним выходить на путь, когда собьемся с него. Такого жительства себе и Вам желаю.

Ставрополь, 4-го января 1861 г.

№ 18

Милосердый Господь, дарующий путь спасения и самое спасение произволяющим спастись, да укажет Вам подобающий

путь. В наше время предоставлено спасаться наиболее терпением скорбей.

Вообще здоровье мое очень расстроено. Приехал сюда полумертвым. На все свое время. Было время, когда я большую часть его отдавал ближним, а теперь пришло другое время — время, в которое должно обратить внимание особенно строго на себя, чтоб приготовиться покаянием к переходу из сей жизни.

28-го ноября, 1861 г.

№ 19

Что нахожу полезным для себя, то нахожу полезным и для Вас, а именно: благодушное терпение внешних и внутренних скорбей и благовременное приготовление себя покаянием к переходу в вечность.

№ 20

Благо иноку и инокине, долго жившим в монастыре и достигшим преклонных лет, остаток дней своих провести во внимании себе, в безмолвии, в приготовлении себя к переходу в вечность. Желающему благочестно и успешно безмолвствовать надобно в основание жительства своего положить постоянное самоукорение, как сказал некоторый великий Старец горы Нитрийской Феофилу Патриарху Александрийкому.

Прошу Ваших святых молитв о мне ко Господу, чтоб и мне даровалось то делание, которое Вам указываю, и без которого невозможно душе успокоиться и выйти из состояния смятения и развлечения.

17 марта 1862 г.

№ 21

Море, взволнованное ветрами, и после того, как ветры утихнут, в течение значительного времени продолжают волноваться. Так и ум, подвергшийся влиянию развлечения, продолжает чувствовать это влияние и по удалении от развлечения в течение значительного времени. Надобно переносить такое положение благодушно и стараться отвлекать ум от развлечения в памятовании смерти и суда Божия.

Милосердый Господь да осенит Своею милостию подвиг Ваш.

29 апреля 1862 г.

№ 22

Вы хорошо сделали, отказавшись (от игуменства) на первый раз по сознанию немощи и недостоинства. Далее — что Бог даст. Святый Симеон Новый Богослов сказал, что всякое служение в недре Церкви, когда оно проходится с целию угождения Богу, преблаженно. Поступите по воле Божией, умолив Бога, чтоб Он даровал Вам поступить благоугодно Ему.

29-го декабря 1863 г.

№ 23

Состояние моего здоровья похоже на Ваше: даже на Святую Пасху не мог выйти в Церковь. Надо благодарить Бога за посланное наказание во время земной жизни: оно подает надежду избавления от казней в вечности, составляющих необходимое последствие греховности.

20 апреля 1864 г.

Письмо инокини Варвары к святителю Игнатию[1]

Как много виновата я, Батюшка, не предусмотрев заранее всех затруднений, встретившихся теперь относительно будущей моей келейницы, и не предуведомив Вас заблаговременно. Для матушки была новость неожиданная, когда пришла я просить позволения взять келейницу из посторонних, хотя я и объяснила ей обстоятельства, вынуждающие меня отказаться от собственных. — Я сказала матушке, будто бы сестры мои по рекомендации тетушек предлагают мне желающую вступить в монастырь и ко мне в услугу; не без затруднений, однако же позволила взять, но с условием, чтоб прослужить три года в мирском платье, не одеваясь в рясу, полагая, может быть, что такое продолжительное испытание устрашит каждого; впрочем, в извинение такой предосторожности, матушка представила мне несколько примеров, против которых нет возражений, и если я не знала, кого и откуда получаю, была бы с нею согласна. Меня не устрашает, Батюшка, трехгодичный срок испытания, если Господу угодно будет, он может сократиться на трехмесячный и даже трехнедельный, но затрудняет еще непредвиденное; тетушки и сестры живут в Петербурге, следовательно, и та, которую рекомендуют,

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 3.

петербургская, когда же она приедет, то паспорт ее и самый выговор покажут другое, а между тем весьма легко может дойти до сведения матушки, что и брат ее у Вас, тогда не было бы хуже. Итак, Батюшка, не знаю, просить ли мне Вас отпустить ее с моим человеком, который доставит Вам и письмо мое, если решитесь, то прикажите только доставить ее к сестре моей Яхонтовой, где человек мой будет ожидать Ваших приказаний, или, если благодетельная княгиня не потяготится подержать ее еще у себя, то подождать, покуда можно будет мне приехать, не навлекая новых подозрений, то есть в первых числах января. В таком случае покорнейше прошу Вас, Батюшка, известить сестру мою, чтоб не останавливалась отпускать человека.

С любовью жду нареченную келейницу, в надежде, что с нею придет в мою келлию мир и благословение, как с словом Вашим приходят они в мою унылую душу. Когда в душе мир, не страшны наружные брани, надобно и мне готовиться, может быть, и моя очередь не далеко. С благословения Вашего, Батюшка, я начала писать книгу Аввы Варсонофия, в ней нахожу вопросы, в которых я нуждалась и не умела сделать, благословите руководствоваться ею? Мать Августа начала писать с моих тетрадей, потому что я уже несколько впереди, помоги ей Господи, велики ее скорби настоящие; ее скорбь для меня не легче моей! Болит сердце, а помочь не умею, враг сильно вооружился на нее, недостает рассудка, как поступить в некоторых случаях. Прося матушку о келейнице, я упомянула о тетушках с намерением, чтоб в случае, когда откроется, что моя келейница родственница Вашим, сложить на них, а Вас и себя оправдать незнанием этого обстоятельства, если я буду в Петербурге, попрошу и их помочь мне в этом случае, матушка с ними незнакома.

Итак, Батюшка, какое будет Ваше распоряжение, повинуюсь ему, как Божию, прошу Вашего благословения, молитв и наставления многогрешной душевно уважающей Вас *Варваре*

9 декабря 1844

III

К инокине, имя которой скрыто за инициалами Н. Д.

№ 1

Новый Завет всюду именует христианина храмом, домом, сосудом. Цель этого храма, с которою создал его Создатель, цель

этого сосуда, с которою устроил его Великий Художник, — в том, чтобы он был жилищем Бога, вместилищем даров Святого Духа. Бог, по неизреченным — Любви Своей и Смирению, не восхотел быть насильственным обладателем храма, сооруженного Им для Себя. Он даровал словесному храму свободу, власть принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтоб пребывание Бога в человеке было единственно по любви человека к Богу. Но храм этот, сосуд, удалив из себя Бога, не может не быть тем, чем создан, то есть храмом, сосудом. Тогда, по словам Писания, он принимает в себя грех — яд, ввергнутый в естество наше диаволом, — соделывается вместилищем страстей. Если же христианин опять захочет быть обителию Бога, то покаянием изгоняет из себя грех, а хранением заповедей опять привлекает к себе Бога. Впрочем, возможность этих изменений продолжается только во время земной жизни, по окончании которой тот, кто был последним владетелем храма, остается его владетелем на всю вечность, и Бог составляет Собою вечное блаженство Своего жилища, а грех — вечное мучение своего логовища.

Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого на ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? — Желаете ли, чтоб сердце Ваше было сосудом даров Благодати? — Вручаю Вам Евангелие, пусть оно будет правилом Вашей жизни. Веруйте в него Вашими делами, Вашею жизнию — не только мыслию, сердцем и устами. — Когда читаете эту Божественную книгу, книгу жизни, — представляйте себе, что невидимо стоит пред Вами Сам Христос и говорит Вам глаголы, которые «Дух суть, и Живот суть!» — Не должно начертывать в воображении вида Христова — нет, должно лишь живо и благоговейно ощущать Его Всесвятое присутствие.

Что желающий любить Спасителя обязан исполнять все Его заповеди, изложенные во Святом Евангелии, — это ясно засвидетельствовал Сам Спаситель. *Кто любит Меня,* — сказал Он, — *тот Слово Мое соблюдет...* <...>

Не любящий Меня, словес Моих не соблюдает[1]. Любовь к Богу проистекает от хранения Евангельских заповедей и соблюдается в сердце этим хранением. *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей.* — Какой же плод любви к Спасителю? — *Кто любит Меня,* — отвечает Он, — *тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и являюся ему Сам.* Ученик, которого мысль была еще пригвождена к земле, услышав о явлении Спасителя возлюбившему и возлюбленному, думая, что обеща-

ющий явиться будет зрим очами телесными, вопрошает: *Господи, отчего это, что Ты хочешь явиться нам, а не миру?* — Иисус говорит ему в ответ: *Кто любит Меня, тот слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*[2]. — Это явление — в сердце. Это то явление, о котором сказал апостол Павел: *Уже не я живу, но живет во мне Христос!* Это то явление, то пребывание Господа, которое должны ощущать все христиане, если они точно христиане! *Или вы не познаете самих себя,* — говорит Апостол Коринфянам, — *что Иисус Христос в вас, разве только вы не то, что должны быть?*[3] — Вселение Господа в сердце — плод любви; любовь — плод хранения заповедей; хранение заповедей — плод знания их; знание их приобретается чтением Евангелия и молитвою. — *В заповедях Твоих поучуся*[4], — говорит Пророк Духом Святым; и в другом месте молится: *Не скрый от мене Заповеди Твоея*[5]. От молитвы возсиявает при чтении просветление.

Отец Небесный Сам подает все нужное для временной жизни тому, кто ищет Царствия Небесного, почему преподобные Отцы наши, оставив все прошения о земном, молились только об одном — об очищении от грехов. А как Господь, преподавая после Тайной вечери ученикам Своим высочайшие заповеди, повелел призывать в молитвах Свое Всесвятое Имя, то святые Отцы присовокупили прошение об отпущении грехов к имени Господа, и их молитвою были краткие, но Небо отверзающие слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эта молитва делалась их непрестанным, почти единственным мысленным занятием. «Имя Иисусово, — сказал один из них, — да соединится с дыханием твоим». Сам апостол Павел говорит о себе: *Я рассудил ничего не знать в вас, кроме Иисуса Христа, и притом распятого*[6]. Но чтоб вселился в нас Христос, это дело не одного дня или двух, сказал святой Иоанн Златоустый, но многих лет и годов. Притом, желающий стяжать Христа, должен отречься от всего: нельзя работать миру и вместе Богу. Желающие приучиться к молитве именем Господа, обыкновенно называемой Иисусовою, первоначально приучаются по преданию Отцов, соединяя ее с поклонами. Это правило увеличивается или сокращается сообразно силам каждого. Для многих бывает достаточным следующее.

Восстав от сна, старайтесь, чтоб первая Ваша мысль была о Боге и Его благодеяниях, которые на Вас излиты Богом без Вашего сведения и желания, по Его единой милости. Особеннейшие

шим же благодеянием почитайте то, что Вы просвещены истинною христианскою верою, в недре истинной Церкви; потом начинайте правило так:

20-ть земных поклонов; при каждом поклоне молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

20-ть поясных поклонов с тою же молитвою.

10-ть земных поклонов; при каждом поклоне молитва: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси меня грешного».

10-ть поясных поклонов с тою же молитвою.

5-ть поясных с молитвою: «Ангеле Божий Хранителю мой святый, моли Бога о мне грешнем».

5-ть поясных с молитвою: «Все Святые, молите Бога о мне грешнем».

Итого 70 поклонов, из которых 30 земных и 40 поясных. Если найдете, что этих поклонов для Вас мало, то можно прибавить соответственно силам Вашим несколько поклонов с молитвою Иисусовою. Но должно правило соразмерить так, чтобы оно ежедневно было одинаковое. Святые сказали: «Лучше небольшое делание, но постоянное, нежели большее, но в скором времени прекращающееся».

После этого читаются утренние молитвы и, если хотите, помянник, который Вам нравится по особенным причинам; после помянника читайте Евангелие, главы по две или по три. Когда будете читать о слепых, хромых, прокаженных, беснующихся, мертвых, то думайте, что Вы подобны им, и молите Спасителя о спасении Вас. Затем должны следовать обыкновенные Ваши занятия со страхом Божиим, молитвою, полезными мыслями и воспоминаниями. Для чтения одобряю книгу: «Les saints pères des déserts de L'Orient. Но и эту книгу должно читать с умеренностью. Советую приучаться к чтению на Русском и Славянском языках, для чтения книг святых Отцов. Если для нужд приходящего мира Вы приучались к разным иностранным языкам, — то отчего не потрудиться и не приучиться к родному языку для Христа и для блага души своей? — Начните читать на Русском и Славянском — хотя Евангелие.

Если в продолжение дня выпадет свободный часок, то можно повторить правило с поклонами или только положить 20 поклонов земных и 20 поясных с Иисусовой молитвою. Если же не будет свободного времени, то правило оставляйте и пребывайте мирны.

Вечером должно начинать опять с поклонов в вышеопределенном порядке и числе, после них читать вечерние молитвы и

Евангелие. Легши на постель должно вспоминать о смерти, которой образ — временный сон, и, отрекшись от всех помыслов и мечтаний, засыпать с молитвою Иисусовою.

Если желаете идти истинным путем Божиим и увидеть духовный плод в душе Вашей, то довольствуйтесь смиренным и простым образом духовного подвига. Не ищите наслаждения в восторгах мечтательности, которые возбуждаются иностранными писателями. Отрекитесь от них. Вскоре Вы убедитесь в прочности пути Вашего тем душевным миром и спокойствием, которые прольются в Ваше сердце. В Отцах пустынь Востока Вы увидите, что Евангелие и Псалтырь были по большей части единственными их книгами. «Христос, — сказал один из них, — сокрыт во Евангелии, желающий найти Христа, может найти Его во Евангелии. Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость». — Нашедший Божию Премудрость нуждается ли в премудрости человеческой? Не уничижите Премудрость Божию за то, что наружность ее так проста и смиренна. Оставьте, оставьте, повторяю Вам, все иностранные молитвы и чтения, которые Вам так нравились, казались так прекрасными. Последуйте тому, что Вам советуется пред Богом и ради Бога. когда сердце Ваше очистится вкушением истинно Святого и Духовного, тогда оно получит отвращение к поддельно-духовному, тогда возрадуетесь и возблагодарите Бога, что уклонил Вас от челюстей лжи и прелести, которых не могут понять обманутые и омраченные ими. Вспомните слова Христовы: *Узки врата и тесен путь, ведущие в жизнь и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*[7].

Если при жизни по заповедям Христовым благодать Святого Духа прольется в сердце Ваше и будет ознаменовывать свое присутствие в нем различными духовными плодами, как-то: необыкновенным миром, кротостию, благостию ко всем, терпением, — тогда будете сосудом, благоприятным Богу, сосудом спасения.

Если же захотите быть совершеннее, то после полного самоотвращения погрузитесь в глубину смирения. Тогда благодать может Вам преподаться обильнее, тогда можете ощутить вселение Христово, соделаться храмом Божиим; опытом узнаете — что такое Христианское совершенство на земле, называемое Апостолом: *совершенство отчасти*[8].

Господь, призывающий всех в вечное блаженство, Господь, Которому известны избранные Его, Господь испытующий серд-

ца и утробы, да призрит свыше на желание Ваше работать и благоугождать Ему Единому, да примет это желание, да ниспошлет Вам свою помощь! *Без Мене,* — сказал Он, — *не можете делать ничего*[9] душам вашим полезного и Богу приятного. Аминь.

[1] Ин. 14. 23, 24.
[2] Ин. 14. 22, 23.
[3] 2 Кор. 13. 5.
[4] См.: Пс. 118. 73.
[5] Пс. 118. 19.
[6] 1 Кор. 2. 2.
[7] Мф. 7. 14, 15.
[8] Ср.: 1 Кор. 13. 9, 10, 12.
[9] Ин. 15. 5.

№ 2

Письмо Ваше я получил и благодарю Господа Бога, отверзшего ушеса сердца Вашего к принятию словес живота вечного, кои Дух Святый нам предал, при посредстве избранных сосудов Своих — Отцов святых. В особенности важен путь духовного совета, которым проходили святые иноки и достигали сперва очищения страстей, а потом и благодатных дарований. Горе же единому, сказал святый Иоанн Златоуст, заимствовав слова эти у Екклезиаста. Вифсаидский расслабленный, хотя и лежал посреди множества других больных, однако жаловался на свое одиночество, говорил пришедшему к нему Спасителю мира: *человека не имам.* Подобно этому и состояние тех иноков и инокинь, кои, живя посреди многолюдного братства, не имеют, к кому прибегнуть для совета во время душевной напасти. Совет же — тот только может преподать, кто в душевных искушениях советовался с искусным и ощутил облегчение в душевных болезнях. Так утверждает преподобный Кассиан Римлянин, научившись сему от великих Египетских Отцов. Почему благо вам будет, если вникните в наставления святаго аввы Дорофея, превосходно описывающего путь этот и доказывающего, что им шествовали все святые иноки и что кроме его спасение крайне затруднительно. К этому чтению присовокупите теплые молитвы Господу Богу, дабы путь неправды отставил от тебя и сказал тебе путь в онь же пойдеши. Позанявшись довольно книгою и понявши дух ее (а толкущему и просящему Господь дает понятливость), не худо приехать Вам сюда. Когда Богу изволяющу приедете, тогда о том, о чем сказано Вам в малых словах, можно подробно объяс-

нить. — Если Господь влагает Вам в сердце послушаться грешного моего совета, то и я, уповая на Господа, умудряющего младенцев, не отказываюсь Вам служить, тем более, что на мне лежит обязанность такового служения.

1842 г. Март, 10-е.

№ 3

Письмо Ваше от 24 апреля получил; сердечно благодарю за поздравление с Праздником Праздников, взаимно поздравляю Вас, желаю Вам и себе сподобиться участия в праздновании нескончающейся Пасхи, в невечернем свете Царствия Христова, чего сподобятся все потрудившиеся здесь воскресить души свои от греховного умерщвления животворящими Евангельскими заповедями.

Буди Вам по вере Вашей! В древнем, еще христианском Египте было много женских многолюдных монастырей. В один из таких монастырей пришел разбойничий атаман, чтоб, осмотревши, привести всю свою шайку разбойничью и ограбить. Дабы удобнее произвести осмотр, он одел монашеское платье. — Игуменья и сестры, увидев старца, пригласили в гостиницу. Игуменья своими руками умыла ноги разбойника, мнимого инока, и помоями окропила инокинь. Одна из инокинь была слепа. Привели и ее. Когда вода, коею омыты были ноги разбойника, коснулась очей слепой, — то она немедленно прозрела. — Вот сила веры. Старшина разбойников покаялся и, приняв пострижение, угодил Богу. Так Ваша вера и многих других, послужив Вам во спасение, да послужит и мне возбуждением к оставлению нерадения моего и расслабления. Почему поступайте, как ныне поступаете, имея на Ваш поступок свидетельство аввы Дорофея. Мы научаемся наставлением великого Антония допускать только те поступки в круг нашей деятельности, кои имеют свидетельство от священного Писания и святых Отцов. Ваше желание послушать моих грешных советов ради Бога — приемлю. И Ваше намерение и мое да благословит Господь Иисус Христос, сказавший: *без Мене не можете творити ничесоже*. На сих дня выезжает в Ладогу нашей Обители монах Иларион, мой духовный и ближний ученик. Надеюсь на милость Божию, что Вам не неприятно будет увидеть в нем, какие плоды разума и благонравия произрастают от послушания. Благословение Божие да почиет над Вами. — Сам Господь да оставит от Вас путь неправды,

и святым законом Своим да помилует Вас, заповедью Своею да просветит очи Ваши, да уразумеете чудеса от закона Его, яко заповедь Его — живот вечный есть.

№ 4

Милосердый Господь наш Иисус Христос, приемлющий в лице меньшей братии Своей даяния человеков, да приимет Ваше повержение к грешным стопам моим и да благословит Вас, да подкрепит и да наставит на пусть святых заповедей Своих. — Если Вы чувствуете, что от назначенного числа поклонов не утруждается Ваше тело, то прибавьте несколько, дабы тело ощутило некоторую усталость, которая способствует сокрушению сердца, помня и следующие слова святаго Исаака Сирина: «смотри, чтоб, желая приумножить несколько труды, тебе не остановиться вовсе и не пресечь всего течения твоего. Не простирай ноги твоей свыше силы, чтоб не соделаться совершенно праздным» (Сл<ово> 10-е). А и следующие слова принадлежат также Исааку: «Всякая молитва, в которой не утрудится тело и не утеснится сердце, вменяется отверженною: ибо таковая молитва без души» (Сл<ово> 11-е). Сколько эти последние слова справедливы, столько и первые важны и основательны: они были сказаны брату, особенно занимавшемуся поклонами. Святый Исаак говорит в 40-м Слове: «Возлюби в молитве более поклоны, нежели упражнение в стихословии», т. е. в чтении псалмов и канонов. Количество поклонов пусть назначается удовлетворением цели их. Цель их согреть тело, при чем разгорячается и дух. При этом хорошо вспомнить слова Святителя Димитрия, сказанные им от опыта и принадлежащие к келейному пребыванию: «Лучше краткая и частая молитва, чем продолжительная с продолжительными промежутками». — Вы спрашиваете, что значит телесная молитва? — Это вообще молитва новоначальных, в особенности же клиросное пение, а наипаче нотное, где все внимание обращено на голос. От этой молитвы, сопровождаемой сильною наружною ревностию, также плотскою, переходит человек к сердечному и умственному вниманию, при чем ревность действует с тихостью и благообразием. Вы это можете уразуметь из Вашего сердечного опыта. Пишете, что при начале упражнения в Иисусовой молитве бороли Вас только уныние и его порождения: отчаяние, недоумение, сон и проч. Это хороший признак. «Пользу молитвы, — сказал святый Иоанн Лествичник, — можно заметить из бесовских препятствований, возникающих во

время собрания», т. е. молитвенного. *Вы, конечно, помните, что я Вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву*, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в Добротолюбии и превосходно сокращенное святым Нилом Сорским в следующие слова: во время Иисусовой молитвы тихо дыши, а не сильно: это способствует к собранию ума, что покажет самый опыт. — Вы начали читать книгу «Брань духовная» и ее оставили. Почему оставили? — Потому что ощутили в сердце сомнение, Вас обеспокоившее. — И я Вам завещаваю довольствоваться чтением святых Отцов, коих Богодухновенность не подвержена никакому сомнению, а переводов с новейших языков крайне охраняться: они едва ли не все написаны духом лестчим, как и апостол Павел сказал (2 Кор. 11. 13–15). Читающий их сообщается сатане; ум такового и сердце прелюбодействуют. К таковым относится пророческого слово: *Погубиши всякаго прелюбодействующаго от Тебе...* Сказали Отцы: «Кто хочет достичь до Царствия кратким путем, тот да не внедрит в сердце свое милость». Милостию преподобные Отцы наши уподобились Богу и носили немощи человеческие.

№ 5

Милость и благословение Господа нашего Иисуса Христа, чрез меня недостойнейшего служителя Его, да осенит Вас, да укрепит Вас в деле благом спасения, едином на потребу! — Пишете, что не всегда исполняете правило, то по слабости, то по причине посещения ближних, и потом чувствуете скорбь. На это Вам повторяю, что не человек для правила, а правило для человека. И потому, в чем согрешили по немощи тела, или души, или рассуждения, вся сия да простит Вам Премилосердый Господь Бог, пред Коим и правды наши нечисты. И я, многогрешный, именем Господним Вас прощаю и разрешаю и впредь завещаваю в таких случаях держаться рассуждения, т. е. когда замечаете, что немощь естественная, происходящая от занятия с посетителями или от недуга, обнаруживающегося уменьшением аппетита, бессонницею и тому подобным, тогда полезно послабить телу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждено сверх сил. — Тогда поклоны оставьте и, прочитав сообразно немощи сполна или не сполна вечерние молитвы, пребывайте мирны. — Не дивитесь, что услыхали стук; это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная, что диавол весь во власти Божией и только то сделать и делает, что Бог ему попуща-

ет для нашей пользы. — Кто бывающий на брани бранных труб и стука неприятельских оружий не слышит? — Заслышавши их, храбрый воин веселится, ибо зрит и заключает, что близко сражение и близок конец. Некоторая девица, мне известная, шла по уединенной дороге недалеко от нашего монастыря; переходя через мост, вдруг из-под мосту выскакивает разбойник с огромными усами и, приставляя пистолет к ее груди, кричит: «Убью!» Девица обнажает грудь и отвечает, знаменуясь крестным знамением: «Если есть на то воля Божия — убивай». Едва она произнесла эти слова, как страшилище исчезло. Это пишу Вам, дабы Вы мужались и страхом Божиим побеждали страх бесовский. У нас с кем случится страхование, тот приходит и сказывает, и страхование уничтожается благодатию Божиею, покрывающею смиренных, т. е. открывающихся, ибо смирение новоначального состоит в том, когда он с охотою, свободно открывает свои помыслы. — Что дыхание удерживаетесь вводить по художеству, изложенному в Добротолюбии, — хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума». Этим и Вы довольствуйтесь, т. е. дышите тихо при молитве. Умиление и любовь к ближним, кои все, без изъятия, кажутся яко Ангели, суть плоды истинные и непрелестные молитвы. А встречающиеся искушения, уныние и сон служат доказательством, сколько молитва нам полезна. Предаю Вас благодати Божией; она Вас да наставит, да укрепит и да руководствует, яко *без Мене не можете творити ничесоже*, — рече Господь.

И паки! От художества о ноздренном дыхании уклонитесь! Когда Богу изволяющу, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили. Непарительность, немечтательность, умиление, любовь к ближним — вот истинные признаки истинной молитвы.

9 октября

№ 6

Тесен и прискорбен путь, ведущий в Царство Небесное. Из числа скорбей его суть и болезни, которыми тело и душа очищаются от греховного тления. Тот, пред очами которого — крест Христов, утешается в болезнях своих болезнями Искупителя. Тот, кто, взирая на грехи свои, счел себя достойным вечных мук, радуется, когда ему приключаются болезни в этой жизни. После

такого рода болезней, как ныне у Матушки А., обыкновенно чувствуется особая легкость по телу и душе. При возложении полного упования на Господа Бога нужна строгая диета при употреблении чая из Александрийского листа; если же можно получить разводящую микстуру, то это — еще лучше.

Что Вам сказать, Н. Д.? — То, что Вам не должно удивляться множеству помыслов, волнующих Вас, от которых происходят в душе различные болезненные ощущения. Научитесь смирению. Где? — в Евангелии. От кого? — От разбойника, от мытаря, от жены грешной. Сочтите себя слепою, прокаженною, вполне нуждающеюся в помощи от Господа. Тогда Вы ощутите спокойствие и утоление страданий, когда от сердца сокрушенного и смиренного, из глубины Ваших болезней, будете взывать молитвою ко Господу, тогда Он невидимо приидет и поможет Вам. Если жизнь наша на земле имеет свой конец, после которого проведшие в занятиях ради Бога наследуют вечное утешение, то Вы должны благодарить Господа Бога, приведшего Вас в святую Обитель Свою, где славословится Святое Имя Его, где рабы Его пребывают в различных скорбях вдали от всех мирских увеселений, в чаянии воздаяния и утешения вечного, которое они непременно получат, если пребудут верою и смирением в терпении, чего Вам искренне желаю. Если сердце Ваше не имеет благодарения, то принуждайте себя к благодарению; вместе с ним внидет в душу успокоение. Не подражайте тем, которые, находясь ради Бога и ради надежды наследовать землю обетованную в пустыне, пожелали возвратиться в Египет и за это отвергнуты Богом. Смерть близка, час ее неизвестен. Суд Христов ожидает — да грешники покаются, мука готова, пламень геенны жаждет жертв своих! Обращайте взоры Ваши туда: ибо те могут избежать геенны, которые часто вспоминают о ней. Иноки и инокини! Возблагодарим Бога, избравшего нас в служение Себе, несмотря на то, что мы отребие миру. Зрите, братия звание ваше (1 Кор. 7. 20) — Бог избрал худородных, немощных, буих! — Братия наши миряне велицы и высоцы[1] именами и богатством и мудростию, но не благоволил в них Бог. Слепотствующая и неразумная Н.! Благодари Бога, благодетельствующего тебе! Попри, смири мятежные порывы твоего гордого сердца! — И мир Божий, истекающий из смирения, прольется в твое сердце. — Милосердый Господь да укрепит Вас и помилует по неизреченной Своей милости.

[1] См.: Псалом Давида на единоборство с Голиафом, ст. 5.

IV

К инокине, нуждающейся в успокоении

№ 1

Если б не было поношающих, оскорбляющих и гонящих нас, то мы никогда не возмогли бы прийти в любовь к врагам, заповеданную Евангелием, составляющую высшую заповедь между заповедями, данными нам по отношению к ближнему. Отсюда входим в чистоту сердечную, которой является и которою любится Бог. Но сколько плодовита эта заповедь, столько и трудно стяжать ее. Молитесь Господу Иисусу, и он пошлет в Ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обижающих, как орудия правосудия Божия. Ибо Он, Сын Божий, пролил за нас, бывших врагами Его, кровь Свою, предвидя притом, что, и по совершении искупления, редкие из нас захотят последовать Его Всесвятой воле. Успокоить Игум<ени>ю, сходив к ней, нахожу я полезным. Если примет Ваше оправдание — хорошо, если же не примет, то совесть Ваша будет мирна. Конечно, люди, судящие по наружности, почитают за великое — игуменство и прочие земные приобретения, но узнавшие Христово учение считают все земные приобретения потерями, как отвлекающие от того, что едино на потребу. Я Вам не желаю игуменства, как ввергающего в земные попечения, наполняющего сердце бревнами, кирпичами, известкою, а что еще хуже — гордостию, сварами и прочим, Господу противным. И я не имел желания быть начальником, но приведен к этому обстоятельствами, и теперь как величайшее благодеяние приму от руки Божией удаление от начальнической должности, дабы принести покаяние Господу Богу и оплакать грехи мои прежде смертного часа. На искушение Ваше, пришедшее ныне, и на те, которые впредь могут придти, не обращайте особенного внимания, а внимайте тому, чтоб искушение перенесть с терпением и благодарением, молясь за оскорбивших и призывая их молитвы. Бояться искушений не должно, ибо Тот Бог, Который нам их попускает, Тот нас в них и хранит. К искушениям надо иметь расположение и горячность, ибо ими изображается на душах наших Крест Христов, ими предохраняемся от пороков, ими сохраняемся в добродетели, и при них только дается благодать. Пред сестрами излишне не оправдывайтесь, ибо и Господь, Самая Истина и Самая Правда, стоя пред Иудейскими архиереями и Пилатом, не скрывал от них истины, чтоб не подать им причины

к заблуждению, но, сказав ее в кратких словах, далее не оправдывался, но с молчанием переносил клеветы и мучения, нам подавая образ, как себя отвергаться и как носить Крест Господень, т. е. скорби, Господом посылаемые.

Желаю, чтоб вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию. Да сподобит Вас Господь узреть в каждом ближнем образ Божий. Святый Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы или делы, Божию благодать да разумеют оба» (гл. 74, Доброт<олюбие>. Это и Вам должно соблюсти и не позволять своему сердцу входить в любовь человеческую излишне: ибо многие, пренебрегши этою осторожностию отпали от любви Божией. Преосвященный Филарет, Митрополит Киевский, пастырь, имеющий помазание благодатное, сказал мне следующие достопримечательные слова: «Те наставники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу». — Милость Божия да укроет Вас.

№ 2

Не вижу я в Н. Д., что видите Вы. Вижу не отчаяние, а раздражение, произведенное домашними неприятностями. Читала она многих иностранных писателей, от чего осталась в ней некоторая восторженность. И восторженность и раздражительность могут усилиться от жительства в монастыре. Если возьмете ее на краткое время, то это не может повредить душе Вашей. — Относительно приезда Вашего сюда — как хотите, время ныне у нас шумное; окружены многими, ищущими в нас недостатков, которые есть по самой вещи. Поэтому лучше Вам ехать в Вашу мирную Обитель, не заезжая к нам, как и Писание говорит: *Идеже вои, нейди, не уснут бо, дондеже не сотворят зла.* Вместо личного зрения и беседы примите мое искреннее слово, в котором открывается душа моя. Поражение одного воина не есть уже побеждение всего войска. Так и Ваше согрешение словом не есть уже падение души. О таковых ежедневных и ежечасных падениях не должно безмерно печалиться: ибо это хитрость врага, хотящего безмерною печалию ввести в душу расслабление. О таких-то прегрешениях говорит Серафим Саровский, что не должно себя осуждать, когда случится преткновение, но, думая о себе, что мы способны ко всем грехам, что наше преткновение не есть новость и необычайность, ходить пред Богом в сокрушении духа, исполненного мыслей покаяния. Это-то Бог не уничижит, т. е. сердце

сокрушенное и смиренное поставит превыше преткновений, сколько человеку можно быть выше их. Аминь!

№ 3

Поздно отвечаю на письмо Ваше. Может быть, молчанием моим искупилось терпение ваше... Мир Божий да почиет в Вас, в то время, когда снаружи свирепо дышат различные ветры. Кто не возмет Креста своего и не идет вслед Господа, тот не может быть учеником Его. Взятие Креста своего есть признание себя достойным посылаемых на нас скорбей. Мир Вам! Аминь.

№ 4

Господь да благословит Вас и сожительствующих Вам сестер в новой келлии; да осенит Вас благодатию Своею и да дарует Вам жительствовать, паче странствовать в куще Вашей; Ему, Господу благоугодно, Вам же душеспасительно, находящие скорби терпеть безропотно и без жалоб, в сознании своей греховности, достойной вечных наказаний, заменяемых милосердием Божиим временными наказаниями. «Аще кто правильного или неправильного запрещения отвергся — своего спасения отвергся», — сказал святый Иоанн Лествичник. Притом надо веровать, что Бог не попускает искушения паче силы: почему пред посылаемым искушением надо смирять свою выю. Плотская и душевная ревность да изгонится из общества Вашего, да водворяется в нем чуждая пристрастий о Господе любовь, и молитвы Ваши да проливаются пред Господом о обижающих Вас, во исцеление душ Ваших. Старец Василиск однажды, во время великого молитвенного утешения, услышал глас: «Имей во всю жизнь — единым делом — ношение в сердце Господа Иисуса, а между тем примешь бесчестия». Сам Господь, все Апостолы, все Святые провели жизнь свою в многоразличных скорбях. Без бесчестий — нам не спастись.

Скажите сестре Е.: «Ум не может быть бесстрастным, по Великому Максиму, аще не приемлют его многая и различная видения». — Понимая цель, надо оставлять средства без особого внимания.

1855 г. Сентября 5

№ 5

Недоведомым Судьбам Божиим должно покоряться! Жалею бедную Д<осифею>. Больных такого рода необходимо держать

вдали от родственников и от всех тех, к которым они близки во время обыкновенного своего состояния.

Когда был в подобном состоянии К., то ярость его возбуждалась наиболее против жены и родственников, коих он особенно горячо любил в здравом состоянии.

Октября 5

№ 6

О случившемся искушении Вам не должно скорбеть, но отдаваться на волю Божию, которая спасает всех спасаемых многоразличными скорбями. Попущенное умопомешательство Д<осифеи> попущено ей на пользу, да дух ее спасется. Предоставьте ее Богу.

Относительно всего, что она ни говорила и ни делала в своем припадке, Вам не должно обращать никакого внимания и не должно принимать к сердцу никаких ее слов и дел, потому что все произносилось и делалось ею вне рассудка. Потому именно от таких больных отделяют всех их родственников и близких сердцу, что сумасшедший должен быть управляем холодным рассудком и холодным сердцем, чего не в состоянии вынести лица, имеющие сердечное расположение к больному. Когда возле нас жил К<авелин> в состоянии помешательства и некоторое время еще позволено было родным приезжать к нему, то после каждого приезда ему делалось хуже, потому что они все хотели его урезонить и смягчить. Бывший тут доктор из сумасшедшего дома говорил мне о действиях родственников: «Странные люди! Хотят больного урезонить, между тем как болезнь его и состоит в том, что он лишен здравого смысла». К. хватался за нож, намереваясь пронзить им жену и себя, высказывая против нее величайшие неудовольствия, между тем как в здравом состоянии он питал к ней величайшее расположение. Вот как надо рассуждать о больных такого рода. П. П. я советовал никак не видеться с сестрою, доколе она не выздоровеет. — Я имею письмо от Д<осифеи> от 24 сентября, из которого можно понимать причину случившейся с нею болезни.

Также не должно смущаться, что некоторые смутились словами и действиями Д<осифеи> во время ее сумасшествия и находили им причину по своему умозаключению, а не по опытам науки, совсем иначе смотрящей на эту болезнь и ее действия. Если Бог дарует Д<осифее> выздороветь, то она будет к Вам еще более в близких отношениях. То, что она Вас поносила в сумасшествии, есть верный признак ее преданности Вам.

Вам не должно скорбеть на тех, которые соблазнились положением Д<осифеи> и произнесли о Вас какое невыгодное слово. Это от неведения и по попущению Промысла Божия, как видно, усматривающего, что Вам нужно смирение и очищение при посредстве человеческого бесчестия. Любовь имейте и мир со всеми, и с оскорбляющими Вас, без чего невозможно иметь духовного преуспеяния. Воздайте славословие Богу за все случившееся и предайте себя воле Божией.

№ 7

Путь христиан, сказали святые Отцы, есть Крест повседневный. — Сказали они это, руководясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства взять крест свой и последовать за Ним, Господом. Крест — готовность к благодушному подъятию всякой скорби, попущаемой Промыслом Божиим. Потому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попущаются постоянно скорби, — сказал святый Исаак. Пей поругания на всяк час, яко воду живую, — говорит святый Иоанн Лествичник; а кто отвергся правильного или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения. Господь помянул Вас, и послал Вам искушение, для Вашего очищения и умерщвления миру, а потому для Вашего преуспеяния. Я, окаяннейший грешник, благоволю о искушении, Вас постигшем. Благоволят о нем Ангелы хранители Ваши, видя в нем залог спасения Вашего. Помяните меня грешного в молитвах Ваших! Говорит святый Исаак Сирин, что человек до вступления в искушения молится Богу как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как свой и как бы имея Его — Бога должником себе. Помолитесь о мне Богу, рабы Божии! Ибо мне в моей жизни не довелось потерпеть ни единого искушения, а что случалось противное моему гордому сердцу, то — мелочь, мелочь, мелочь... не заслуживающая никакого внимания, и если б я вздумал говорить о моих искушениях, то впал бы в одно пустословие. — Вам не должно попускать страхованию овладевать Вами. Кто поддается этой страсти, над тем она возобладает, и таковой будет пугаться всяких пустяков. Прочитайте в святой Лествице статью о страховании. Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждой из вас при Святом крещении. Нужно предаться воле Божией и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения: тогда страхование пройдет

само собою. Оно ни от чего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения.

Молитвы Иисусовой не оставляйте: монашествующий, в числе своих обетов при пострижении, дает обещание денно-нощно заниматься этою молитвою. У нас Святейший Синод постоянно занимался развитием этого делания, издавал книги святых Отцов о сем предмете; а в 1837 году разослал по монастырям книгу преподобного Нила Сорского во множестве экземпляров, дав ее в руководство Российским монашествующим и предписав благочинным строго наблюдать, чтоб по монастырям это исполнялось.

Не сделайте новой глупости: не вздумайте приехать в Петербург. Надо брани побеждать на их месте, а не оставлением места, от чего брани только укрепляются. Взойдите в себя, постарайтесь увидеть множество согрешений Ваших, причем умаляются в очах Ваших согрешения ближнего. Воспользуйтесь уединением и удобствами ко внимательной жизни, дарованными Вам Божиим милосердием, для плача о Ваших грехах. Поминайте в молитвах Ваших оскорбивших Вас, да исцелеете от страшного недуга вражды к ближнему. Поминайте в молитвах Ваших болящую Досифею, которая предана судьбами Божиими сатане, да дух ее спасется. Она много содействовала к успокоению Вашему, а последним случаем — к смирению и преуспеянию. В духовном отношении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: такому преданию сатане подвергались многие великие Угодники Божии. Преподобный Кассиан описывает о преподобном Моисее Скитском, с которым беседовал о рассуждении, что Моисей подвергся сумасшествию и беснованию, за некоторое противоречие своему старцу Макарию Великому Египетскому. В другом священном сочинении 4-го века описывается, что некоторый Египетский Старец, по причине своей святой и чистой жизни, необыкновенно обиловал даром чудотворений; слава о нем неслась далеко. Заметив в себе начала гордости, Старец начал молить Бога, чтоб ему послано было беснование, что Господь и исполнил. Старец провел в ужасном положении целых 8 месяцев, употребляя даже в пищу свои собственные извержения. Мирские почитатели его, видя его в таком положении, как быть следует, соблазнились, хорошую о нем славу изменили на худую, а Старец в свое время, избавившись от беса, в неизвестности и покое работал Господу и пришел в гораздо большее преуспеяние. Гораздо маловажнее беснование, нежели принятие какого-либо вражеского помысла, могущего

навеки погубить душу. Что Д<осифея> вам сердечно предана — не подлежит никакому сомнению. На слова ее и действия при сумасшествии — не должно обращать никакого внимания, и никак нельзя сравнивать таких больных с пьяными, у которых отнимается только благоразумие, а не разум. Пьяный высказывает свои тайные мысли и чувства, а сумасшедший или беснующийся несет дичь, чуждую ему. Если Д<осифея> выздоровеет, примите ее, ничтоже сумняшеся. Этим исполните заповедь Божию; да и лица монастыря Вашего, соблазнившиеся словами и действиями больной, поймут, что она поносила Вас вне разума, и исцелятся, и вразумятся. Я не находил нужным писать или говорить г-же Игумении о Вас, полагая, что она из сожительства гораздо может больше уразуметь, нежели из моих слов. Если же ей нужен письменный мой отзыв о Вас, то я постараюсь и это исполнить. Я не раз предостерегал сестру Е., чтоб она удерживала язык свой, часто ее предающий и навлекающий неприятности, что было причиною и неприятностей Аввакира (см. Лествицу). Эти неприятности должно принимать как драгоценные врачевства против нашего тщеславия и высокомудрия.

Лозу, творящую плод, Вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесет. Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло.

Окт. 29-го

V

К монахине Досифее

№ 1

Благословение и милость Божия над тобою! Многими скорбьми и смертьми подобает нам, по примеру всех от века святых, наследовать Царство Небесное! — так говорится в одной из молитв иноческого пострижения. Не дивись ничему случившемуся. «Не искушение ли человеку житие его на земле?» — давно сказал праведный Иов. Блажен человек иже претерпит искушение и чрез искушения и терпение внидет в познание закона Божия, а чрез это познание — в живот вечный. Храни ум твой в тишине и преданности Воле Божией, удерживай его от порывов и дерзновения. *Радуйтеся Господеви*, — говорит пророк, — *с трепетом*. Страх и благоговение, изливающиеся от Престола Божия, да пролиются в твою душу и да сохранят ее от козней вражеских.

Мир тебе от Бога и человеков! А где решительное примирение, там полное прощение.

1848 г. Февр<аля> 27

№ 2

Кто поставлен в страну духа, тот должен удвоить бдительность над собою, должен быть особенно осторожным. Дверь в ту страну — мир Божий, — превосходяй всяк ум, потопляющий все помышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского: обновленный Духом начинает чувствовать в себе обновление живой веры. Бог престает быть для него мертвым, каковым Он представляется для умерщвленных плотским мудрованием, считающих свою смерть — жизнию, а истинную и существенную жизнь — признающих как бы не существующею. За дарованием «мира» следует, как видно из Евангелия, другое дарование: отверзается ум ученика Христова для разумения Писаний. Крест Христов делается понятным и удобоносимым, страдания начинают источать из себя сладость. Но все совершающееся с тобою, есть действие только отчасти духовное, а не вполне. — Возьми свои предосторожности.

Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное — оно из падшего естества нашего, и познается потому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир. Рассмотри себя внимательно: действия в тебе — еще смешанные; действие духовное смешано с действием кровяным. Ты их не различила и не разделила. Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтоб они текли тихо, — как сказал Пророк о водах Силоамских: *Воды Силоамли текущия тисе*[1]. Всякое разгоряченное чувство — кровяное! Не сочти его усердием, ревностию по благочестию, любовию к Богу и ближним. Нет — это движение души, произведенное в ней нервами, кровию. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые — орудия и цепи миродержца, его скипетр — держава. Храни себя в глубоком мире, и отвергай все, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную. Относительно ближних руководствуйся следующим наставлением преподобного Исаака Сирского: «Пусть лучше признают тебе невежею по причине неспособности ума твоего к прекословию, а не премудрым за бесстыдство твое и

дерзость. Обнищай для смирения, — не будь богат для дерзости. Силою добродетелей твоих, а не словопрением твоим, обличи противоучащих тебя. Кротостию и тихостию уст твоих, загради уста и принудь умолкнуть бесстыдство непокорных. Обличи невоздержных благородством жития твоего и разрешенных чувствами —стыдливостью очей твоих». — Учит Божественное Слово, учит и Божественное молчание.

Относительно гласов и явлений нужна еще большая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных Отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму признаками истины и света: тем удобнее могут быть обмануты юные и неопытные. Нужно долгим временем и опытом приучать ум и сердце к отличению добра от зла, под какою бы личиною не маскировалось зло. Поэтому святые Отцы заповедали, чтоб новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, — но отвергали их, и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя, признавая смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов — Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться.

Истинные духовные видения и ощущения принадлежат тому веку, вполне невещественны, не могут быть объяснены в стране чувств, словом вещественным: таков верный признак истинно Духовного. — Глас Духа — невещественен; он вполне явствен и вполне невеществен: он — умственный глас. Также все Духовные ощущения — невещественны, безвидны, не могут быть истолкованы, ясно переданы человеческим вещественным словом, и вместе с тем, они ощутительны, сильны, одолевают все другие ощущения, соделывают их бездейственными, как бы не существующими. Для плотского человека Духовное действие непостижимо, вовсе непонятно, а кто имеет Духовное чувство, тому это чувство объясняет то, что необъяснимо словом вещественным.

Низшую степень видений составляют те видения, которых зрителем делается человек от неядения, бдения и других изможденний плоти; до этих видений достигают не только люди подвижнической жизни, но и многие порочные, пришедшие каким-нибудь образом в изможденне плоти. Телесные чувства их достигают какой-то особенной тонкости, — и они начинают видеть духов, слышать гласы, обонявать благоухания и зловония. Это состояние опасно, и многие, пришедши в него, впали в прелесть.

В твоем состоянии признаю посещение милости Божией: свидетель этой милости — мир Божий, на тебя излившийся и от-

крывший тебе тайну Креста Христова. Но в то же время надо признать, что в этом состоянии было много кровяной примеси. Сама это заметишь, если будешь храниться в молчании и обуздывать каждое горячее, порывистое чувство, — вводить вместо него чувство тихое и мирное. Мне бы желалось, чтоб ты вышла из этого состояния: оно тебе не под силу. Хранись и хранись! Да дарует тебе милосердый Господь перейти в другое состояние, менее опасное, более духовное и более полезное: это состояние — сокрушение духа от зрения падения человеческого и Искупления нас Спасителем. Многие святые Отцы, обиловавшие смиренномудрием и духовным рассуждением, когда в них — нечаянно — какое особенное духовное дарование, молили Бога, чтоб Он отнял от них это дарование, бывшее им не под силу. «Если дела твои, — сказал преподобный Исаак Сирский, — благоугодны Богу и Он даст тебе дарование, то умоли Его, чтоб дал тебе разум, как тебе смириться, или чтоб поставил стража при даровании, или чтоб взял от тебя дарование, чтоб оно не было для тебя причиною погибели, потому что не все могут безвредно обладать этим богатством». При состоянии, в котором измененными или утонченными телесными чувствами подвижник слышит гласы, обонявает благоухание, видит явления, диавол очень легко может подменить Истину чем-либо своим, придав этому своему личину Истины, — и неисцельно повредит душу неопытного и юного подвижника. Гораздо возвышеннее и безопаснее, утонченным покаянием и измененными Духом мыслию и сердечным ощущением, зреть глубину падения и высокое таинство Искупления, погружаться при посредстве духовного, невещественного действия в бездну смирения, в море благоговения и удивления Богу.

Опять привожу слова преподобного Исаака: «Ощутивший грехи свои лучше воскрешающего мертвых молитвою своею и обитающего вместе со многими. Воздыхающий о душе своей лучше пользующего весь мир видением своим. Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов: потому что у второго отверзлись чувственные очи, а у первого — душевные».

Давай телу умеренное количество пищи и сна, храни себя молчанием, вниманием себе, смирением. Из твоего настоящего состояния постарайся соблюсти действия *мира Христова* и познание *Креста Христова*. А из состояния утонченных чувств телесных, как из состояния очень опасного, превышающего твои силы, да изведет тебя Милосердый Господь. — В монастырской

библиотеке вашей есть письменная книга преподобного Исаака Сирского. Прочитай в ней 55-е слово, к преподобному Симеону Чудотворцу. Всего тут не поймешь; но и то, что поймешь, принесет тебе значительную пользу. Христос с тобою.

1848

Марта 15

[1] *...водами Силоама, текущими тихо* (Ис. 8. 6).

№ 3

Всемогущее покаяние — пристань Божественная, Божественная врачебница. — Всякое согрешение исправляется покаянием, всякая язва, всякий недуг исцеляется покаянием. Объятия Отца Небесного отверсты для прибегающих в эти объятия блудных сынов. Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает *невидимо, но вполне существенно* между человеками, совершая великие знамения и исцеления, — будет по неложному обещанию Своему, пребывать между нами до скончания века. Доселе раздается Его голос, доселе слышатся Его действительные слова, сказанные некогда — всеми осужденной — грешнице, осудившей себя глубоким молчанием: *Аз тебя не осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай*[1]. С таким предостережением дается отпущение в тяжких согрешениях.

Кто может быть судиею действий Божиих? — Довольно для ума человеческого, если он соделается зрителем действий Божиих, будет погружаться в благоговейное созерцание дел Божиих, в удивление им, в славословие их. Одно из таких чудных действий Божиих — Его призвание к иноческой жизни. Одни позваны к этой жизни святой из предварявшей ее святой жизни среди мира, — другие призваны к ней с распутья, с халуги — из мрака и пропасти беззаконий. Откуда бы кто ни был призван, будь послушен Призывающему, иди на призывный голос! Благословен всякий, грядый во имя Господне, призванный Господом! — И если ему на пути к Господу надо сразиться с возбраняющим блаженное шествие, грехом, — да сразится мужественно, да станет *до крови*, да восхитит победу, и да сопричислится к Патриархам, Пророкам, Апостолам, Мученикам, Исповедникам и прочим Святым, которые многими скорбьми и смертьми наследовали Небо. Кто нарушил верность Богу впадением в грех,

восстанови эту верность, докажи ее борьбою с грехом, свержением с себя чрез победу цепей, тех цепей, которыми оковывает грех своих пленников, которые удерживают пленников греха в насильственной работе ему. Подвиг телесный слаб против греха, подвиг размышления ничтожен — силен подвиг веры! Он наперсник победы! Когда ощутишь нашествие силы греховной, не входи в переговоры с супостатами — открывай немедленно на них огонь, рази их громами, попаляй молнией небесной. Этот огнь, эти громы, эта молния — молитва. Беги в келлию твою, падай ниц пред иконами, проси помощи против греха, проси победы над ним. То и другое подастся тебе Свыше. Этот образ борьбы со грехом подала подвижникам Христовым великая подвижница Мария Египетская. Почитай житие ее.

Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов[2], — сказал Апостол. Пред теми же, которые позволили себе осуждать, Сам Богочеловек показался несовершенным! Святые Отцы заповедают инокам помнить добродетели своих Настоятелей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучцы, в сравнении с которыми наши немощи — бревна. Истинным покаянием и истинным смирением — они невидимы для людей — примири душу свою с Богом и ближними.

[1] Ин. 8. 11.
[2] Гал. 6. 2.

№ 4

Един Бог — Вина бытия человеков. Он Един — Вина, по погибели человеков, пакибытия их, т. е. спасения. Если Бог, употребивший для твоей душевной пользы, какое-либо орудие в свое время, — в другое время отложил это орудие к стороне, то ты этим не смущайся. Бог спасает ими же весть судьбами, а не все одним и тем же способом. Прилепляйся к Богу верою, прилепляйся к Нему непрестанным покаянием: сердце сокрушенно и смиренно не уничижает и не отвергает Бог, — уничижающий и отвергающий разум разумных о себе и премудрость премудрых пред собою и пред Боговраждебным миром. Будучи отдален от тебя телом, я столько же близок к тебе, как и прежде, моею любовью и желанием тебе спасения. — Молись о мне. Благословение Божие да почиет над тобою.

23 дек. 1851 года

№ 5

Господь Иисус Христос, питающий святым миром Своим, исходящим от учения его, избранных Своих и возносящий их этим миром превыше всех скорбей земного странствования, — да дарует мир святой Свой, мир и просвещающий, и укрепляющий, рабе Своей Д<осифее> — Сего желаю тебе! — И ты этого достигнешь скоро, если отдашь себя всецело в волю Божию. Что же касается до телесной пищи твоей, то не должно пещись о ней от всего сердца твоего: ибо такое попечение может отвлечь от Бога. Но вместе с тем надо обратить на эту немощь должное внимание. Преподобный Кассиан Римлянин в слове «О рассуждении» говорит: «Крайности обою страну равно вредят: и избыток поста, и насыщение чрева, и безмерие бдения и сытость сна, и прочая избыточествования. Ибо увидехом неких чревобесием убо не побежденных, безмерным же постом низверженных» и проч. По такому рассуждению святых Отцов, я советую тебе позаботиться о некотором поправлении твоего желудка употреблением ухи из ершей, парного молока и тому подобных пособий, вменяя употребление их в лекарство, а не в лакомство. «Научихомся быти страстоубийцы, а не телоубийцы», — сказал Великий Пимен некоторому брату, который увидал, что этот Угодник Божий поливает воду на свои ноги. — Благословение Божие да почиет над тобою.

1852 г. Апр. 22 дня

№ 6

Просвещаемые Словом Божиим, мы исповедуем, что временные скорби суть великий дар Божий, который дается избранным рабам Божиим, предуготовленным к вечному блаженству, почему сами себя и возлюбленных наших о Господе при случающихся скорбях приветствуем словами Апостола: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна*[1]. Преподобный Марк Подвижник советует при случающихся скорбях искать не того, откуда и чрез кого пришла скорбь, но чтоб перенести ее с благодарением. Святый Иоанн Лествичник сказал: «Кто отвергся какого-либо запрещения, правильно ли оно, или неправильно, тот своего спасения отвергся». Также рассуждают святые Отцы, что верующий Божию управлению судьбами человека примет всякое искушение как *свое*: ибо управление Божие не может быть ни ошибочным, ни неправосудным. Вник-

ни хорошенько в себя и увидишь, что тебя смущает. Смущают тебя оправдания человеческие, паче бесовские, стремящиеся к тому, чтоб ты отреклась от креста. Скажи оправданию: «Иди за мною сатана, не мыслиши бо яже суть Божеская, но яже суть человеческая». Иду за Христом на крест и клеветы, насмешки, словом — все неприятное и тяжкое, приемлю как *свое*, как дар Божий, посылаемый мне Его милостию. Аминь.

8 марта 1853 года

[1] Иак. 1. 2.

№ 7

В мире скорбни будете, — предвозвестил Спаситель ученикам Своим, — *но дерзайте яко Аз победих мир*[1]. И вот! — это предсказание Спасителя совершается над последователями Его в течение тысячи восьмисот пятидесяти двух с половиной лет. Но скорби, постигавшие малое Христово стадо на этом пространстве времени, очень различны. Сперва было явное гонение на христиан: все 12 главных Апостолов Христовых, за исключением Иоанна Богослова, окончили земное странствование насильственною смертию. Впоследствии времени, это явное гонение преобразилось в более тонкое, неприметное для каждого, но вполне ясное для умов очищенных: начали требовать гонители от христиан не отречения от Христа, а принятия ереси, столько же душепагубной, как и отречение, т. е. требовать не прямо нечестия, но злочестия. — Далее гонение сделалось еще тоньше: оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым — принято жительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, т. е. духовную. *Вера без дел веры*, т. е. без исполнения заповедей Христовых, *мертва*. Самые вводные познания ее остаются для человека крайне темными и сбивчивыми, как не объясненные в нем и ему — деянием, паче — Духом Святым. В этом состоянии сбивчивости и темноты мы видим в настоящее время многих, считающих себя христианами, и даже учителями Христовой Церкви, — из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, — другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, иной не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различить дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела, и проч. и проч. По этой причине весьма редко можно слышать истинное

Слово Божие из уст человеческих, хотя и часто можно слышать поддельное. Глад слышания Слова Божия — вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан. Но и это — попущение Божие, которое должно переносить с преданностию воле Божией. *Гнев Божий понесу,* — говорит Пророк. По тягости скорбей, попущенных на настоящее поколение, Господь с особенною благостью прощает согрешения его. Благословение Божие да почиет над тобою.

18 июля 1853 года

[1] Ин. 16. 33.

№ 8

Тебе известно, что иноки последних времен должны спасаться скорбями, а потому не считай чуждыми твоему положению и спасению скорби, которыми ты окружена. Не советую тебе искать перемены монастыря, доколе сам промысл Божий не укажет тебе на такую перемену, сделав ее возможною и удобною. Напрасно думаешь, что я на тебя сержусь: отнюдь нет. Если б я на тебя сердился, то не стал бы поддерживать тебя Словом Божиим. Претерпи тяготу времени, попущенную Промыслом Божиим и не лишенную награды своей в вечности. Теперь не время начинать что-либо.

30 дек. 1853 г.

№ 9

Мы не должны засуждать себя за наше преткновение: не потому, чтоб какой бы то ни было грех был маловажен — нет! всякий грех есть язва, — а потому, что мы искуплены необъятною ценою — кровию Богочеловека. Засуждающий себя впадает в отчаяние, а надеющийся на Христа приносит покаяние и исцеляет себя им. Покайся в твоем поползновении и приступи ко Христу, к Его Святым Тайнам, яко кровоточивая.

3 марта 1854 г.

№ 10

Благословение Божие да почиет над рабою Божиею Д<осифеею>. — Поздравляю тебя с прибытием в тихое пристанище, в котором да дарует тебе Милосердый Господь пребывать с твердостию духа и постоянством, в терпении переносить невидимую

брань со страстьми и похотьми и научиться от Самого Господа победе над грехом. Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждением, хотя бы они по-видимому и казались бы добрыми и хорошими. Начни же с следующего: просишь благословения моего на участие в пожертвовании на обновление церкви? — Не благословляю. Вот тебе ответ от святаго Отца: «Не даждь без отца твоего, иже по Бозе, милостыню от пенязей, яже принесл еси, и ни чрез ходатая от онаго прияти некая от тех да восхощеши: лучше бо тебе нищу и странну быти и нарицатися, нежели расточати пенязи, и даяти убогим новоначальну сущу» (Доброт<олюбие>. Ч. 1. Сим<еон> Нов<ый> Богослов, гл. 16). — Прочитай и 15 главу. Не думаю, что в этом начинании действует в тебе доброе побуждение. Нет! Тут суетное кичливое горячение крови, возбуждаемой тщеславием и человекоугодием. Аминь.

Радуюсь твоей радости, а радость должно умерять рассуждением, что в жизни земной все переменчиво.

№ 11

Господь не хотяй смерти грешника, но обращения его посредством покаяния, да примет тебя раскаивающуюся в поползновениях твоих. Если хочешь стяжать крепость в невидимой брани, особливо против блудного духа, который, как и все духи, ловит в тайне, исповедуй, не стыдясь, твои поползновения старице твоей — и исцелеешь. — Мнениям своим не верь: сказано о истинной любви, что она не мыслит зла.

№ 12

Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать. Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее время. Твое искушение — ничего не значащее, — только оно было крепко от того, что ты его скрывала. Перескажи его с раскаянием матери А., и когда помыслы начнут действовать, то повторяй исповедание с раскаянием. Великое счастье, когда при этой борьбе есть человек, которому можно исповедаться. *Противьтесь диаволу, и бежит от вас*[1], — сказал святый Апостол Иаков, — противьтесь, не соглашаясь со влагаемыми им помышлениями, и исповедуйте их. Всякое

лицо, чье бы оно ни было, когда является воображению, возбуждая нечистые мысли и помышления, есть лицо диавольское, т. е. лицо самого диавола, который во время греховного искушения предстоит душе и обманывает ее принятою личиною, способною возбудить страсть, по настроению души. Сочетавающийся с греховными помышлениями и мечтаниями сочетавается с самим сатаною и подчиняется ему в сей век и в будущий, почему необходимо бороться с помыслами. И самое побуждение к ревности есть также диавольский обман, потому что тот, кто научает других мертвости ко всем, а потому — и любовью во Христе ко всем равной, не предпочитает одного другому, так как Христос, во всяком Своем образе, есть Един. — Господь да возвратит тебе мир, чрез истинное твое покаяние. Отпущается тебе грех твой, впредь не согрешай.

[1] Иак. 4. 7.

№ 13

Увидев пользу исповедания своих греховных помышлений, держись этого драгоценного жительства и ежедневно исповедуй свои согрешения пред Старицею. Относительно правила: после вечерних молитв полагай 10 поклонов земных с молитвою Иисусовою, а потом твори 30 молитв Иисусовых неспешно, со вниманием, шепотом. Затем 5 поклонов земных с молитвою: Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грешную. Потом по 3 покл<она> поясных Ангелу хранителю и всем Святым. Мир тебе!

№ 14

Как зрение своих согрешений, так и сердечное исповедание их есть особенный дар Божий, и испрашивается усердною молитвою. Умоляй Милосердого Господа, чтоб даровал тебе этот дар — залог спасения, и сама понуждайся к откровенности: ибо враг рода человеческого ненавидит этого пути и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частым исповеданием своих грехов. А для тебя этот путь необходим. Волю свою добровольно отсекай пред Старицей. Милосердый Господь да поможет тебе во всем. Аминь.

Бог да благословит тебя приобщиться Святых Таин. Облегчение, чувствуемое тобою после исповедания твоих поползновений, свидетельствует, что твое спасение заключается в этом делании. Принуждайся со всевозможным усилием исповеды-

ваться пред Старицей: это поможет тебе вскоре. Оттого, что ты пожила долго в других монастырях без этого делания, тебе трудно приняться за него. Но преодолей себя!

№ 15

Путь твой — все открывать о себе Старице. На сновидения же твои, на разные скорби и искушения не обращай внимания, как бы они случались с другими, а не с тобою; твое дело — только о нем сказать Старице. Такое делание начнет умерщвлять в тебе мало-помалу страсти. Так жительствовал Досифей, ученик аввы Дорофея. Побеждай ложный срам на земли, и не постыдишься на небеси.

№ 16

Каким бы оправданием или личиною не прикрывалась борющая тебя ревность, ты не принимай ее. Не думай, что сравнение себя с Исавом, а ближнего с Иаковом, родилось в тебе от смиренномудрия. Нет! Этим смиреннословием прикрылась зависть, чтоб удобнее низложить тебя. Сохраняй невменяемость[1], т. е. ни с кем не сравнивай себя, а смирения ищи единственно в откровении твоих помыслов Старице и в отсечении твоей воли перед нею. Бог да поможет тебе восприять истинное иноческое делание.

[1] «Невменяемость» — выражает: не ставить, не вменять себе ничего в достоинство, в добродетель, в заслугу, в подвиг; не приписывать *себе* ничего хорошего.

№ 17

Нисколько не смущайся действующими в тебе бранями, сопряженными с тягостью, омрачением и унынием. Таким браням обыкновенно подвергаются все перешедшие от долговременной самочинной жизни к послушанию. Понуждай себя к простоте и откровенности пред Старицею; от всех же других вполне скрывай свои брани, потому что такой преступною откровенностию повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях. Понуждай себя и паки понуждай; за твое постоянное понуждение к сокровенности Господь даст тебе в свое время силу открываться с легкостью. А твое спасение единственно от твоей откровенности пред Старицею. Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь *плоть* и *кровь*. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет бла-

годать Божия. Не принимай никакого вражеского осуждения, или смышления, или подозрения на твою Старицу. Не ищи ее любви, но ищи своего спасения. Мужайся. Благословение Божие да будет над тобою, и благодать Божия да осенит тебя.

P. S. При решительном откровении согрешений делами, словами и помышлениями можно в один год преуспеть более, нежели при посредстве других подвигов, самых многотрудных, в течение десяти лет. Оттого враг и борет так сильно против этого спасительного делания.

№ 18

Теперь ты можешь сказать с пророком Давидом: *Господь, наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя*[1]. Многими скорбьми и смертьми подобает нам наследовать Царствие Небесное, да умертвится наш ветхий человек со страстьми и похотьми его, и да соделается сердце способно к принятию Божественной благодати. Как видно из жития святых Отцов, подобным твоему искушению подвергаются те иноки, которые слабо противостоят брани самоволия и самосмышления, не исповедуя своих помышлений старцу и вверяясь бесу, показывающему ему в старце такие недостатки, коих в нем вовсе нет. Узнав причину попущенного тебе искушения, направь всевозможное усилие к устранению этой причины и восприми благое иго Христова смирения, которое является в послушании и откровении своих помышлений.

[1] *Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня* (Пс. 117. 18).

№ 19

Милость и суд воспою Господеви. Милость за помилование, суд за то, что наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. — Благодари Господа и держи себя спокойнее. Господь да простит тебе прошедшее и укрепит на будущее. Правило с поклонами дают здоровым, а не больным. Впрочем, если хочешь, клади утром, среди дня и вечером по 12-ти поклонов поясных с молитвою: Боже, очисти мя грешную. Потом твори 50 этих молитв каждый раз, после поклонов. Из больницы не выходи преждевременно.

№ 20

Сказал святый Иоанн Лествичник в 4-й степени: «Бес старается иногда осквернить послушников телесными сквернами, и со-

делывает их жестокосердыми, подучая их быть — сверх обыкновения — тревожными, иногда же соделывает какими-то сухими и бесплодными, ленивыми к молитве, сонливыми и помраченными, чтоб их отторгнуть от повиновения, как не получивших никакой пользы от этого подвига, но и ощутивших душевный ущерб. Он не попущает им уразуметь, что смотрительное (бывающее по Промыслу Божию) отъятие мнимых в нас благ, весьма часто бывает причиною глубочайшего смиренномудрия».

Что бывает с монахами послушниками, то бывает и вообще с монахами, живущими ради Бога. Враг ратует против них различными бранями, чтоб привести в безнадежие и отторгнуть от монашеской жизни или ввергнуть в нерадение. В особенности тяжка наводимая им блудная брань и преткновения, близкие к падениям, как их называет преподобный Исаак Сирский. Но верный раб и воин Христов на этой брани и доказывает свою верность Христу и веру в Него: он пребывает твердым, хотя бы понес бесчисленные брани. Так поступай и ты. Говори врагу: «Я отдалась Богу и решаюсь великодушно перенести все мои падения, сколько бы их ни было, и как бы долго они не продолжались».

Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее.

№ 21

Будь мирна; подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет, потому что в стремлении к сверхсильному подвигу — гордость и самомнение. Подвиг сверх силы, по учению святых Отцов, очень вреден и приносит или смущение, или самомнение, или то и другое попеременно, что и служит доказательством, что в сверхсильном подвиге нет истины, но он есть ложное состояние души.

Письменные опыты ваши очень хороши, но и этим трудом надо заниматься с умеренностию. Тебе не должно утомлять ни души, ни тела.

№ 22

Желаю, чтоб милость Божия покрыла тебя от всех искушений, наносимых врагом спасения нашего и собственными нашими страстями. Яко яда смертного хранись от ревности, от подозрений на Старицу и сестру. Искушение, тебя постигшее, должно показать тебе со всею ясностию, как бедственно вверяться наносимым от врага самосмышлениям и подозрениям, которых

неправильность и злое происхождение познаются по производимому ими смущению.

№ 23

Очень сожалею о постигшей тебя скорби! Тебе известно, что скорбь надо потерпеть, в надежде на милосердие Божие и на помощь Божию. Возлагая все упование свое на Господа Бога, подвижник Христов должен и сам стараться о уничтожении причин скорби, если это зависит от него. Такое старание прилично и тебе. Искренне желаю тебе терпения и преуспеяния духовного. Если бы обстоятельства устроились так, чтоб мне не пришлось видеть тебя во время сей земной жизни[1], то память о тебе останется неизглажденною в душе моей, и я усердно желаю помогать тебе моим убогим советом о Господе, когда такой совет мой понадобится.

Милосердый Господь да простит тебе все согрешения твои и да укрепит тебя против искушения твоего.

13-е октября 1857 г.

[1] В том же 1857 г. 27 октября архимандрит Игнатий хиротонисан во Епископа Кавказского и Черноморского, и немедленно отправился в Ставрополь. Он действительно никогда более не свиделся с этою ученицею своею. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

VI

К крайне болящей инокине

№ 1

Милосердый Господь учредил, при посредстве Святых Своих Апостолов и святых Отцов, Святителей и Учителей Церковных, различные душеспасительные подвиги, а между ими и пост святый, коим связывается и обуздывается плоть наша. По отношению всех этих подвигов должно помнить, что они для человека, а не человек для них, как и Господь сказал: *Суббота бысть человека ради, а не человек ради субботы*[1]. Сие должно разуметь и о посте. Почему, находясь в крайней немощи и не имея нужды удручать тело, а напротив, имея нужду укреплять оное, нисколько не усомнитесь употреблять уху из рыбы во время нынешней Святой Четыредесятницы: ибо уха из рыбы менее даст крепости Вашему слабому телу, нежели сколько другому сильному хлеб и вода. Сердцеведец Господь, видящий немощь Вашу, ие исключит Вас из числа постящихся. Так поступали многие великие

угодники Божии и между прочими святый Епифаний Кипрский. Св<ятый> Исаак Сирский в 10-м слове говорит: «Да не смятеши и отсечеши житие твое, еже подобно есть веризе духовной и за вожделение прилога мала труда да не останешися и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, да не всегда яси. И да простерши ноги твоея выше силы, да не отнюдь празден будеши». Этот премудрый совет великого Наставника монашествующих вполне может быть приложен к Вам; потому что воздержанием, несоответствующим силам Вашим, вы можете привести себя окончательно в слабость, лишитесь церковной службы и обществу Вашему, которому теперь приносите некоторую услугу, будете служить обременением.

Просящий Ваших святых молитв и любви о Господе — недостойный архимандрит Игнатий.

1846 года. Март 2-го д<ня>.

[1] Мк. 2. 27.

№ 2

Препровождаю Вам краткую статью о молитве Иисусовой. По болезненности Вашей Вам должно подвизаться лежа или сидя на спокойном стуле. Молитву произносите *неспешно, со вниманием, заключая ум в слова молитвы, имея глаза на устах или закрывая их.* Полезно Вам почитывать краткие статьи о молитве, имеющиеся у С<естры> Г. Они Вам будут способствовать при этом делании, которое сначала кажется сухим, но впоследствии оказывается самым плодоносным. Бог, дал молитву молящемуся, да дарует дар ее Вам, дабы отселе могли Вы частою молитвою встать на страшный суд Христов и испросить себе заблаговременно помилование.

Апр<ель> 23 1846 г.

№ 3

Несмотря на то, что Вы больны, Вы потрудились написать целое письмо к грешнику. Вы это сделали, движимые любовию христианскою. Бог утешает меня дружбою матушки Игумении и Вашею, ибо дружба рабов Божиих есть истинное утешение для души, странствующей в этом кратковременном и суетном мире, враждебном Богу. — Да даруются Вам силы свыше, от Отца Небесного, наказующего всех Им любимых, и биющего всех Им приемле-

мых. Я часто о Вас вспоминаю; извещает меня о Вас мое сердце. Вспоминаю Вас — и желаю, чтобы вы благополучно, о Господе, преплывали житейское море. Сколько в этом море подводных камней! Какими ветрами различными, действующими по различным направлениям, оно обуревается! И на нем еще, кроме опасностей, ему природных, — на нем еще привитают разбойники! Эти разбойники не видимы для телесных очей, а наветуют они и тело и душу; и тело и душу стараются увлечь в бездну греха и потопить в ней навеки! Увы, бедная душа человеческая! Как совершишь ты путь по морю житейскому? Как спасешься от волн, от ветров, от подводных камней, от разбойников, от плена, от смерти? — Не иначе как Христом. Он сотворит силу, Он вознесет мя, Он крепость моя и пение мое и будет мне во спасение. Мир вам!

Письма святителя Игнатия к игумении Вирсавии

№ 1

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Простите меня за невнимательное прочтение письма Вашего, которое Вы писали ко мне в декабре. Я уничтожен болезненностию, а лечением, начавшимся с половины сентября, до конца уничтожен, — так это лечение расслабляет меня.

Приходящих к Вам за советом принимайте со страхом Божиим и, при каждом приходе их, моля Бога, чтоб Он давал Вам сказать ближнему слово полезное. Обращаясь с молитвою к Богу пред каждою беседою с ближним, Вы будете очищать Вашу беседу от тщеславия. Говорите с осторожностию, не вдаваясь в многословие. Пустых любопытных вопросов приходящим не делайте и от разговора о делах монастыря и всех делах мира сего старайтесь уклоняться. Если же увлечетесь и скажете что-либо не по совести, т. е. с нарушением написанных здесь правил, то мысленно укорите себя и раскайтесь пред Богом. Таким образом приход ближних принесет Вам существенную пользу, открывая Вам Вашу немощь, которая без этого могла бы оставаться закрытою, что очень душе — вредно. Хотя Вы и недостаточны для преподавания советов, как недостаточен и я, но, по скудости нашего времени, мы должны делиться с ближним нашим скудным знанием. Если будете совершать это дело со смирением, не попуская действовать своему я, то и за это дело, как оно ни недостаточно, Божия милость осенит Вас.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Е<пископ> Игнатий.
17 февраля 1865 года.

№ 2

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с праздниками, с которыми равномерно поздравляя Вас, усерднейше желаю Вам всех благ, какими Господу благоугодно ущедрить Вас. Тому, что Вам нечем похвалиться, кроме немощей Ваших, весьма радуюсь: это значит, что Вы приблизились к опытному познанию Искупителя.

Мое здоровье находится в обычном положении; случаются изменения к лучшему и худшему, которые в отношении к общему, никакого значения не имеют. Слава Богу, руководящему нас непостижимым Промыслом Своим. Вручая и себя и Вас этому всемогущему и всеблагому Промыслу, имею честь быть

Вашего преподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
30 декабря 1865 года.

Милосердый Господь да благословит благое намерение Ваше и да благословит Вам исполнить его.

Недостойный Е<пископ> Игнатий.

№ 3

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Примите мою усерднейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников, с которым равномерно поздравлю Вас, желая Вам всех истинных благ и приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Ныне дух времени лежит громадною тяжестью на всем христианстве и монашестве: все стонут под бременем его. Замечают, что ныне стало поступать в монастыри из мира очень-очень мало благонамеренных, неиспорченных людей. Надо понимать время, и с особенною бдительностию заботиться о своем спасении, удаляясь по возможности от общения с людьми, чтоб избежать как заразы грехом ближнего, так и осуждения греха в ближнем.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Епископ Игнатий.
31 марта 1866 года

№ 4

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с праздником и Новым Годом, с которыми взаимно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ.

Точно, как Вы говорите, преселение в вечность — близко для каждого из нас и необходимо покаянием омывать наше прошедшее и покаянием же привлекать к себе милость Божию, чтоб в надежде и радости преселиться в вечность. Петр Александрович находится в настоящее время в С.-Петербурге, квартирует на Владимирской улице, в доме Лихачева, № 3, квартира № 38, в меблированных нумерах г-жи Артемьевой, — занимается наблюдением за печатанием двух остальных томов моих сочинений. Отпечатание кончится, вероятно, к февралю или в первых числах февраля. Покорнейше прошу принять от него экземпляр для Вашего келейного упражнения и поминать меня грешного в Ваших молитвах.

Вашего Преподобия покорный слуга

Е<пископ> Игнатий.
1 января 1867 года

№ 5

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Письмо Ваше от 22 марта я получил 30-го и немедленно же отвечаю; но не знаю, скоро ли попадет мой ответ на почту, потому что у нас открывается уже распутица, во время которой сообщение с городами прекращается.

К сделанному Вам предложению я мирен и полагаю, что это предложение устроилось по Промышлению Божию о Вас. Не отказывайтесь от него. Вологда — город мирный; там много благочестия. Это моя родина. В монастыре и в игуменских келлиях я был в 1832 году. Келлии каменные, удобные, двухэтажные. Воздух в городе мягкий, вода в реке здоровая, рыбы много и отличного достоинства.

Когда человек обновится покаянием, тогда грехи юности его не препятствуют ему заботиться о душах ближних. Так понимала Церковь издревле и Святый Нифонт, епископ Кессарии Кипрской, по откровению Божию, принял на себя обязанности пастыря, хотя в юности и подвергался тяжким преткновениям. Житие его 23 декабря.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
30 марта 1867 года

Письма святителя Игнатия к некоему иноку Леониду, озаглавленные: «к брату, занимающемуся умною молитвою»

№ 1

Сердце мое говорит больше, нежели сколько может выразить слово. И странно! Едва сердце мое захочет начать беседу с тобою, как впадает в него ощущение молитвы, уносит меня в тот мрак, который служит закровом Богу, светом для разумных Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо — забыть человека в Боге: потому что помнит его Бог. Хорошо — быть мертвым для человека в Боге: это — истинная жизнь, жизнь — Духом. Дух и мертвит и живит. Разумеющий да разумеет, а от недостойного да скроется слово духовное в неприступном для плотского ума свете своем.

Отсюда, из мрака или с неба — назови, как хочешь, — смотрю на тебя. Утешаюсь тем, что ты захотел принести сосуд свой в служение Богу, — не на другое служение, временное, пустое, тленное. — Благословляю за это Бога, славословлю его!

Взгляни: человек, отовсюду ограниченный человек, сколько придумал, сделал вещей для удовлетворения многоразличным нуждам и прихотям своим! — Несравненно удивительнее Премудрость Всепремудрого и Всемогущего Бога в уготованных Ею бесчисленных, разнообразных сосудах разумных. Каждый сосуд — с отдельною, ему собственно принадлежащею способностию! Всякий сосуд — вместилище какого-нибудь особенного духовного дарования. Иной способен к служениям, совершаемым телом; иной — к делам милосердия; иной — к молитве и безмолвию; иной — со способностию созидать души словом Истины и Духа, — другой

со способностию управлять людьми, устраивать их; иной — со способностию доставлять обществу человеков нужное для временного их существования — пищу, одежду, домы и тому подобное. Твой сосуд — для таинств Духа. Дух Божий — Свят, — почивает только в чистых, святых. Вычистись Истиною — не человеческою, глупою истиною, — Истиною Божественною, сошедшею к человекам с иеба, хранимою для человеков во Святом Евангелии. Она говорит: *Научитесь от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам Вашим* (Мф. 11. 29). Этот покой — место Духа Святаго; *в мире*, — говорит Писание, — *место Его* (ср.: Пс. 131. 14).

Свойство Божественной Истины — очищать, освобождать. Сказал Господь: *Аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете Истину и Истина свободит вы* (Ин. 8. 31, 32). Он молился Отцу о учениках Своих: *Святи их* (т. е. запечатлей Духом Святым) *во Истину Твою: Слово Твое Истина есть* (Ин. 17. 17). А ученикам Своим сказал: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам* (Ин. 15. 3). Посему желающий уразуметь Истину — быть очищенным, освобожденным Ею, должен изучать разумом и деянием Евангельские заповеди, хотя бы это и было сопряжено с насилием сердца, стяжавшего грехопадением Богопротивные наклонности и влечения. В заповедях — Истина; в заповедях — смирение; в заповедях — любовь; в заповедях — Дух Святый. Все это засвидетельствовано Писанием. *Вся заповеди Твоя Истина*, — воспевал Боговдохновенный Давид; *Имея заповеди Моя*, — сказал Господь, — *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14. 21). *Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете пребудите в любви Моей* (Ин. 15. 10). *Глаголы яже Аз глаголах Дух суть и Живот суть* (Ин. 6. 63). К тому, кто исправлен, предочищен Истиною, приходит Дух Святый, как *Дух Истины*, неожиданно, непостижимо проникает в ум, душу и тело, обновляет, возрождает человека в жизнь духовную. *Привлекох Дух, яко заповеди Твоя желах* (Пс. 118. 131). Евангельские заповеди да будут предметом твоего учения, размышления, деятельности всей жизни. *Иже будет во Мне и Аз в нем*, чрез соблюдение Евангельских заповедей, — сказал Господь, — *той сотворит плод мног*. Напротив того: *без Мене не можете творити ничесоже*, то есть никакой духовной добродетели. Добродетели же, свойственные всему падшему человеческому естеству, — как бы ничто, не имеют никакой цены пред Богом, подлежат огню геенскому. *Аще кто во Мне не пребудет* соблюдением Евангельских

заповедей, *извержется вон, яко розга, и изсыхает, и собирают ю, и во огнь ввергают, и сгарает* (Ин. 15. 6), несмотря ни на какие добродетели естества падшего.

В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное — это знаешь; а находишься в состоянии ветхости! И потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! *Не имей душу свою честну себе* по примеру святого Апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволь себе ожидания благодати: это состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нем: это твое дело. А Бог сделает свое дело, потому что Он верен, дал обетование и исполнит его. Благодать — Его! Дать ее — Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их не обмывал: судия твой — Бог.

Мне понравилось служение твое родителю твоему. Пусть причиною этого служения будет не союз крови, а заповедь Великого Бога, сказавшего: *Чти отца твоего и матерь твою и благо ти будет*. Повсюду замени плоть и кровь Христом. Он отделит тебя от земли и вознесет к Себе на небо.

Выписываю для тебя некоторые изречения святых Отцов:

«Брат вопросил великого Сисоя: Как мне спастись, как угодить Богу? — И отвечал ему Старец: Если хочешь угодить Богу, отступи от мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись с Богом посредством молитвы и плача и найдешь покой в этом и будущем веке».

«Сказал великий Варсонофий: Если оставишь попечение о всякой вещи, то это приблизит тебя ко граду. Если не будешь вменять себя в человеках — это вселит тебя во град. А если умрешь от всякого человека — этим наследуешь град и его сокровища».

«Брат спросил авву Пимена: что мне делать со страстями смущающими меня? — Старец отвечал: будем плакать пред благостию Божиею, доколе Бог не сотворит с нами Своей милости».

«Другой брат спросил того же великого Пимена: Что мне делать с грехами? — Старец отвечал: хотящий очиститься от соделанных им грехов, плачем очищается от них и хотящий сохраниться от впадения в новые грехи, плачем сохраняется от них. Это путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые говорили: плачьте, потому что другого пути кроме плача, нет».

«Великий Пимен говаривал: Начало зол — рассеянность».

«Он же говаривал: Если человек во всяком обстоятельстве будет обвинять себя самого, то везде устоит».

«Еще он говорил: Если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

«Написал святый Иоанн Лествичник: Исходящий телом, но не исходящий словом — кроток, весь — дом любви».

«Он же написал: Затворяй дверь келлии для тела, дверь языка для разговора и внутреннюю дверь для духов лукавых».

Следующее заимствую из 41-го Слова святаго Исаака Сирского, сокращая: «Более всего возлюби молчание, потому что оно приблизит тебя к плоду. Слова недостаточны, чтоб поведать о нем. Сперва понудим себя молчать; тогда от молчания родится в нас нечто, которое будет наставлять нас молчанию. Да даст тебе Бог ощутить нечто рождаемое от молчания. Если начнешь жить этим жительством, — не знаю сколько свету воссияет тебе отсюду. Не подумай, что поведуемое молчание дивного Арсения было следствием его свойства естественного. Нет! Он сперва понуждал себя к молчанию. При этом жительстве рождается в нас множество слез и видение чудное. Велик человек, имеющий в душе обычай молчания. Молчание вспомоществует безмолвию. Нам, живущим между многими, невозможно избежать встреч с людьми; даже равно-Ангельный Арсений, возлюбивший более всех безмолвие, не возмог устранить от себя встречи. Невозможно не встречаться с сожительствующими нам Отцами и братиями — и нечаянно, и ходя в Церковь, и при других случаях. Видя это, достоблаженный муж приучил себя, наставляемый благодатию, ко всегдашнему молчанию».

В 20-м слове святый Исаак научает инока говорить, обращаясь к душе своей, так: «В безумии прожил ты жизнь твою, сраннейший человек, достойный всякого наказания. По крайней мере, сохранись в этот день, оставшийся от дней твоих, истраченных во тще, скудных делами благими, богатых делами злыми. Изшел ты из мира таинственно, вменился мертвым ради Христа; не оживай снова для мира и для всего того, что принадлежит миру, — и предварит тебя покой, ты будешь жив о Христе. Готовься и приуготовься ко всякому поношению, ко всякой досаде, поруганию и укоризне от всех. Прими все это с радостию, как точно достойный того. Претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, скорбь и беду от бесов, которых волю ты совершал. Претерпи всякую нужду и горести естественные! Претерпи с упованием на Бога лишение телесных потребностей, должен-

ствующих чрез краткое время превратиться в гной. Подклони выю всему этому в надежде на Бога, не ожидая ни от кого другого избавления или утешения, но возверзи на Господа попечение твое и во всех искушениях осуди себя самого, как причину их. Не соблазнись ничем, не укори никого из оскорбляющих тебя, потому что ты вкусил от запрещенного дерева и стяжал различные страсти. С радостию прими эти горькие врачевства: пусть они потрясут тебя немного — и ты впоследствии усладишься. Увы тебе! Увы твоему смрадному тщеславию! Душу твою, исполненную всяких грехов, ты оставил без внимания, как бы не подлежащую никакому осуждению, а занимался осуждением других, осуждая их и словами и помышлениями»...

«Феофил, Патриарх Александрийский, посетив безмолвников горы Нитрийской, спросил их авву, великого угодника Божия: Что нашел ты на пути иноческой жизни особенно важное? Духоносный Старец отвечал: то, чтоб во всем обвинять себя и непрестанно укорять себя».

Преподобный Пимен Великий называл самоукорение тою сваею (бревном, вбиваемым в землю), к которой привязывают ладию душевную во время бури.

Вот образцы и свидетельства подвигов, тебе свойственных, могущих принести душе твоей обильную пользу, доставить тебе прочное духовное воспитание. Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига. Самые падения, невидимые ближними, видимые и ведомые Богу и совести, падения ума и сердца, послужат к пользе, соделывая тебя искусным в борьбе со грехом, открывая тебе всю немощь человека. Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностию духовною, исполнен смиренномудрия, для ближнего — пристанище, сокровище. Он подобен древу, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам; такие древа глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив того, питомец затвора и уединенной пустыни подобен цветку и древу, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность: при малейшем ненастье он уже страдает; ненастье — немного посильнее — он умирает. Совершенное уединение, по правилам духовного закона, дозволяется только тем, на подвиг которых, как выражается

святый Иоанн Лествичник, низошла благодатная роса Святого Духа. Для таких точно — полезно, нужно строгое уединение, чтоб при помощи его свободно предаться учению и водительству Духа, о чем говорить — ныне не время.

Мы еще не довольно знакомы... Говорю так, чтоб не сказать: ты еще мало знаешь меня. Поэтому нужно нам условиться. Если я и недостоин называться человеком, имея в себе много скотского и бесовского, то ты, по любви твоей ко мне припиши мне достоинство человека, или, по крайней мере, достоинство разумной твари, хотя и запечатленной горестным грехопадением. Сын Божий называет Себя в Евангелии Сыном Человеческим. Бог, явившись между человеками, не принял на Себя никакого выдуманного падшими человеками титула — именует Себя наименованием, данным нам Богом, Который пред нашим сотворением совещался Сам в Себе таинственно: *Сотворим человека*. Сын Человеческий!.. Как мне нравится это наименование! Какое прекрасное наименование! Смиренное и возвышенное наименование! Как наставительно и утешительно звучит оно в ушах моих!.. Люди не захотели этого наименования, им понадобилось: Высокопреподобие, Высокоблагородие... Какая бессмыслица! И поведение их, подобно именам, сделалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, в которой гордое — в соединении с глупым. На конверте, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу; но в письме будь как человек с человеком, как сердце с сердцем, пред очами Всесвятого Бога. Пусть сердце твое беседует со мною просто, искренно; каждое слово твое пусть будет для истины. А Бог! — Будет, как и есть, свидетелем бесед наших, которых причина и цель — Он и наше в Нем спасение.

Назначение этого письма — удовлетворение не общей — частной нужде — твоей нужде; оно написано под влиянием твоего душевного состояния. Это не универсальное лекарство, — частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его с бумаги в сердце; ты пей из этой чаши здравие душевное; а другим она может принести только недуг, послужит поводом к пустым суждениям, пересудам, к зависти, к составлению ложных догадок и мнений. Скрой от всех письмо, строки, букву; пусть способные читать сердцем и умом прочитают его в твоем поведении и прославят Бога, хотящего, чтоб все человеки спаслись, пришли в познание Истины.

5 сентября 1847 г.

№ 2

Первое письмо твое от 7-го сентября я получил. Уже много было написано в ответ на него в письме моем от 5-го. И потому я положил себе: дождаться ответа и тогда на два твои письма отвечать вместе — что Бог вложит в мое недостойное сердце, у которого в распоряжении едва пишущая от слабости рука. Я постоянно болен и хил, в особенности по зимам; ныне же вдобавок принимаю лекарство, которое врачует боли, но ослабляет силы. Думал я написать некоторые подробности о духовном делании, тебе идущем. Останавливаюсь исполнить это до другого времени; спешу, получив второе твое письмо, способствовать сколько-нибудь, с Божиею помощию, к восстановлению в тебе нарушенного спокойствия душевного. И ты просишь меня поспешить ответом.

Иди скоро, — сказал Господь Моисею, внимавшему Его таинственным учениям в уединении, на вершине горы Синайской, в уединении мрака, произведенного нисшедшими на гору небесными облаками: *Сниди отсюду: беззаконноваша бо людие твои, ихже извел еси из земли Египетския: преступиша с пути скоро, егоже заповедал еси им: сотвориша себе тельца и поклонишася ему, и пожроша ему*[1]. Знай, что человек, когда находится вне состояния мира, находится в состоянии неправильном по отношению к закону Христову, в состоянии самообольщения и заблуждения, в кумирослужении.

Смотрю на кипящие в тебе волны — и нет от них никакой печали в моем сердце; они не устрашают моего сердца, не приводят его в сомнение. Мое сердце спокойно, мало того: оно ощущает утешение духовное. От чего бы это было? — Мое сердце — чувствительно по природе; оно не может быть холодным и равнодушным. Скажу тебе, отчего: в нем действует с убедительностию извещение, что к тебе — милость Божия. Вышло такое определение о тебе от горнего Престола Царя Царей. Не устрашись бурь, не ослабей от них: они — признак добрый. Тебя скоро осенит помощь Божия; на весы твоего сердца положится тяжеловесное духовное сокровище, отчего противоположная чаша, чаша земных скорбей и утешений, сделается без весу. Поверь моему сердцу! Не знаю, стоит ли оно доверия, но уверяет так сильно, что я, оставя всякое соображение и умствование, пишу — что внушает мне, велит писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебе Всеблагим Богом, тебя ожидающую. Но Он, Многомилостивый и Всепремудрый, попускает тебе сперва потрудиться в волнах, чтоб ты утомился, умучился в борьбе с

ними — дал цену пристани. Человек не дает должной цены тому, что достается ему ценою слишком дешевою. Не была ли пристань — рай? — И этой пристани человек не дал цены, был недоволен ею — захотел большего, несбыточного!

Получив твое письмо, я прочитал его; спустя несколько часов прочитал еще раз и, когда сердце мое отделило шум слов и выражений от голоса души, взял перо, обмакиваю его, больше, кажется, в сердце, чем в чернила, — отвечаю тебе. Прости мою нескромность, которую позволяю себе для твоего ободрения: меня объемлет невыразимое духовное, просветительнейшее утешение, поглощающее в сладости своей мой ум, соделывающее вдохновенным мое сердце. Из среды этого утешения пишу к тебе!.. *И ныне, Израилю, послушай оправданий и судов, елика аз учу вас днесь делати, да поживете и умножитеся, и вшедше, наследите землю, юже Господь Бог отец ваш даст вам в наследие* (Втор. 4. 1), — говорил Израилю его Законодатель — Боговидец.

Пишет к тебе искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями, — хотя и доселе неискусный, — искушаемый скорбями многими с того самого времени, как только себя помнит. Много я страдал! — страдал наиболее из-за своей пламенной крови, — из-за своей пламенной любви к ближнему, любви, соединенной, казалось мне, с чистым, полным самоотвержением, — из-за расположения к справедливости, чести, — из-за своего плотского разума. И теперь должен смотреть и смотреть за своею кровию; без этого она как раз похитит у моего сердца святый мир, отнимет меня из водительства Святаго Духа, предаст водительству сатаны.

Знай: Бог управляет миром; у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она — грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою Всесвятую правду, правду Креста, — Ею отверзает нам небо. Ему благоугодно, чтоб мы входили в Царство Небесное многими скорбями. Образ исполнения этой Правды Бог подал Собою: Он вочеловечившись единою из покланяемых Ипостасей Своих, подчинил Себя всем разнородным уничижениям и оскорблениям. Святейшее Лице Его подверглось заушениям и заплеваниям; не отвратил Он от них лица Своего. Он вменился с беззаконными; в числе их, вместе с ними осужден на поносную, торговую казнь, предан ей; какими же людьми? — Гнуснейшими злодеями и лицемерами. — Все мы безответны пред этою всевысшею правдою; или должны ей последовать, или к нам от-

несутся слова: *Иже не примет креста своего и в след Мене грядет, — несть Мене достоин... Иже несть со Мною, на Мя есть* (Мф. 10. 38; 12. 30).

Против правды Христовой, которая — Его Крест, вооружается правда испорченного естества нашего. Бунтуют против Креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови; а им надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь к кресту — весь из бед, поношений, лишений; они не хотят идти по этому пути; они — горды, они хотят процветать, величаться. Понимаешь ли, что плоть и кровь — горды? — Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь — как они напыщенны и надменны! — Не без причины заповеданы нам нищета и пост!

Не устрашись слов моих: они по наружности, с первого взгляда, — страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совет мой — и обретешь мир, исцеление сердцу твоему. Твое расположение к N.[2] болезненное. Воню твоего сердца обонял я, бывши у вас в обители; потом при получении первого письма твоего; во втором же письме душа твоя сама сознает его: болезнует, мучится, мечется, стонет. Писал я тебе, свидетельствуясь деланием и учением святых Отцов, что желающий перейти из плотского состояния в духовное должен умереть для всех человеков. — Какая смерть без болезней! При свидании я тебе сказал: «Ты должен быть один». Сердце твое, ум, сознали справедливость произнесенного; но услышала кровь твоя приговор смертный на нее — и ужаснулась. Я понимал это; не остановился, не останавливаюсь сказать истину, необходимую для твоего спасения и преуспеяния. Услышь, услышь голос грешника, слово грешника, голос и слово, избранные Богом в орудие твоего оживления в Духе, — и, хотя б то было с пролитием кровавого пота, исполни их. Мечем и луком твоим отними у Аммореев землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Иосифу — Христу. Так сделал прообразовательно святый Патриарх Иаков (Быт. 48. 22). Землею — называю твое сердце; Аммореями — кровь, плоть, злых духов, завладевших этою землею. У них надо отнять ее душевным подвигом, т. е. деланием умным и сердечным.

Как и чем исцелить твое болезненное расположение?

Ты веришь Спасителю? Ты веришь словам Его? Он сказал: *Вам и власи главнии вси изочтени суть*[3]; так бдителен, заботлив до мелочной подробности, Промысл о нас всеблагого Бога нашего! Бог, столько о нас заботящийся, имеющий на счету все

волосы наши, — смотрит: первомученика Стефана побивают камнями, — и не препятствует убийству. Зрит: Апостолы умирают ежедневно, страдают непрестанно, оканчивают земное течение свое насильственною смертию. — Взирает: и тысячи, и тысячи тысяч мучеников претерпевают отсечение, строгание, ломание членов, продолжительное заключение в смрадных и душных темницах, убийственные работы в рудокопнях, сожигание на кострах, замерзание в озере, потопление в водах. — Он смотрит: иноки совершают невидимое мученичество в борьбе с плотию и кровию, с духами нечистыми, с людьми любителями мира, с бесчисленными лишениями телесными и душевными. На все это Он, человеколюбец и Всемогущий, взирает. От всех скорбей Он мог бы избавить избранных Своих, но не делает этого — возвещает рабам Своим: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21. 19)... *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24. 13). *Кто ж поколеблется, о том не благоволит душа Моя* (Евр. 10. 38).

Просили сыны Зеведеевы у Господа престолов славы; Господь даровал им *чашу Свою*. Чаша Христова — дар Христов, подаваемый Им любимым Его, избранным Его. Чаша Христова — условие, залог вечного блаженства. Чаша Христова — страдания. Посему познается, говорит святый Исаак Сирский: «Особенный Промысл Божий над человеком, когда этому человеку пошлются непрестанные скорби». В заключение употреблю слова святого апостола Петра: *Темже и страждущии по воле Божией, яко верну Зиждителю, да предадят души своя во благотворении*[4].

Основываясь на вышесказанном, утверждаю: N. под особым Промыслом Божиим; все совершающееся над ним — пред взорами Бога, по попущению Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидел Бога в Промысле Его и управлении Его?.. Благоговейно отступи, ничтожная пылинка!.. Останови руку, дерзостно простирающуюся с рукою Божиею к образам правления судьбами человека! Остановись!.. Вытрезви твой ум, упоенный порывами, волнением крови: больное твое сердце представило тебе Бога покинувшим бразды, Ему Единому принадлежащие, — забывшим свое святейшее обещание...

Приступи же к врачеванию прокаженной и расслабленной, беснующейся души твоей. Опираясь на веру, на живую веру, ежедневно вставай — сперва по нескольку раз в день, раза по три и четыре — в течение краткой минуты на колени, говорит Господу: «Господи! N., которого я думал так любить, думал так уважать, — называл, обманываясь, моим, — Твой, Твое создание, Твоя соб-

ственность. Он Твой — Всеблагого Творца и Владыки своего! Ты всеблаг: Хочешь устроить для него все благое. Ты всесилен: все можешь для него устроить, что не восхощешь. Ты всепремудр: путей Твоих духовных, судеб Твоих исследовать, постичь человеку невозможно... А я — кто? — Пылинка, горсть земли. Сегодня существующая, завтра исчезающая. Какую могу принести ему пользу? — Могу лишь более повредить ему и себе моими порывами, которые кровь, которые грех. Предаю его в Твою волю и власть! Он уже есть, всегда был в Твоей полной воле и власти; но этого доселе не видел слепотствующий ум мой. Возвращаю Тебе твое достояние, которое безумно похищал я у Тебя обольщавшим меня мнением моим и мечтанием. Исцели мое сердце, которое думало любить, но которое только больно, потому что любит вне Твоих святых заповедей, с нарушением святого мира, с нарушением любви к Тебе и ближним». — И врагов нам повелено любить; и нарушение любви к ним есть нарушение заповеди, нарушение любви к ближнему. Встав с колен, повторяй несколько раз неспешно: «Господи! Предаю его, себя, все святой воле Твоей; буди во всем воля Твоя! — За все — слава Тебе!» Когда ты с людьми и увидишь, что приближается к душе невидимое искушение, то повторяй мыслию вышесказанные слова. Когда видишь неустройство мира и вашего маленького мира — монастыря, повторяй слова: «Господи! Ты, Всесильный, все это видишь; да будет воля Твоя; да совершаются недомыслимые судьбы Твои. А я — кто, пылинка, — чтоб мне вмешиваться в Твое непостижимое управление!»

Сын Божий сказал о Себе: *Сын Человеческий предается в руце человеков* (Мф. 26. 46). Если Он, Всесвятый, предается в эти руки, — что странного, когда грешник предается в руки подобных ему грешников. Научимся говорить подобно распятому близ Христа грешнику: «Приемлю достойное по делом моим; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

И N. должен также поступать относительно тебя — предавать тебя Богу, Его воле, Его Промыслу. Для духовного руководства он слаб, — влечется твоею немощию. А в немощи твоей большая сила крови, красноречивой крови, восстающей против духовного закона: кто не ощутил в себе явного духовного действия, дарующего свободу, независимость, тому не выстоять против напора твоей крови. «Ты должен быть один». Из тебя сказал я это; сказал и повторяю. Те, которым будешь поверять твои брани, повредятся — и, может быть, неисцельно. Мой жребий был — постоянное одиночество; был и есть. Что делать? — претерпим тягость уеди-

нения. Увидев его, увидев сиротство наше на земле, — Дух Святый, в свое, известное Ему время, придет к нам. Тогда будешь не один и порадуешься тому, что был один. Умертвите взаимное пристрастие истинным смирением, которое предложено в вышенаписанных молитвах Боговидения. Не должно вам безвременно, по влечению нежного чувства, т. е. глупой крови, учащать друг к другу. Не будь нежен! Не позволяй себе разнеживаться! Будь истинный муж! В противном случае, чтоб не постыдили нас жены, не причислили нас к женам по причине нашей слабости! Так некоторая преподобная инокиня сказала нерадивым, некрепким инокам: «Вы — жены!» Имею основание искать от тебя этого. Дай! — потому что можешь дать.

Когда придут тебе помыслы ревности и нежности к N., а ему к тебе, говорите сами себе: «Господи! Он Твой! А я что?» — когда же усилится брань — к себе в келлию и на колени! Подвизаясь так, вы ощутите по милости Божией исцеление от пристрастия друг ко другу, которым сердца Ваши лишены свободы; они в плену и от того в муке. Время ваше и здоровье теряются в пустых смущениях и бесплодных мучениях. Когда Бог дарует вам исцеление от пристрастия и вы ощутите свободу и легкость, тогда познаете, что настоящее ваше состояние было «искушение», было состояние ложное, а не духовное, — и потому греховное, Богопротивное. Малости, незаметные в мирской жизни, в монастырской делаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцельный вред, — не только остановить — прекратить всякое духовное преуспеяние, сделать жительство в монастыре вполне бесплодным. В особенности это относится к монашествующим, которым на ниве Христовой досталась в удел для возделания — умная молитва и прочие сопряженные с нею подвиги внутренние.

Краткие слова вышенаписанных молитв и смиреннословия, — но которыми должно вращать чаще пред лицем души, чтоб не успели насесть на него разные насекомые и изъязвить его, — принадлежат к числу сильных и действительных орудий душевного невидимого подвига. Употребление этих и подобных орудий называется деланием, которым зиждутся стены Иерусалима душевного, —рассыпаются стены градов иноплеменников, построенные ими в сердце нашем. «Ты должен быть один!»... «Умри для человеков»... Да падут под острием меча Левитов, верных Богу, их родные братья и соседы, поклонники кумира. Помыслами и чувствованиями, служителями Бога, да истребятся из души помыслы и

чувствования, служители греха. Родители их одни и те же: ум и сердце; потому они — братья. Они — ближние и соседы, потому что имеют вид близкий к добру и очень к ним привязано сердце. Когда, по повелению Моисея, сыны Левия препоясали каждый меч свой по бедре и прошли по всему стану Израильскому от врат до врат, убивая каждый ближнего своего и соседа своего; то сказал им Моисей: *Наполните руки ваши днесь Господу, кийждо в сыне своем и в брате своем, да дастся на вас благословение*[5]. И ты поступи так, — да дастся на тебя благословение. Если же не умрешь для людей, если будешь дозволять сердцу своему увлекаться, пленяться пустыми привязанностями, — всю жизнь твою будешь пресмыкаться по земле, не сподобишься ничего духовного: кости твои падут вне земли обетованной.

Не устрашись ни подвига, ни сражения, ни исполинов! Не пощади, как истинный Израильтянин, как истинный Левит, ни братьев, ни сынов, ни дщерей, ни соседей и ближних! Не тронься сожалением к крови, убивающей вечною смертию снисходительных к ней! — За меч, Леонид, за меч! — На бой, на бой отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколе не увенчает его решительная победа! «Лучше смерть в подвиге, — сказал святый Исаак, — нежели жизнь в падении». И что за жизнь — жизнь во грехе? Не стоит она названия жизни; назвало ее Писание смертию; она — начаток смерти вечной, может быть и смертию вечною, если не умертвится жизнию о Христе. Сколько дряхлых старцев, нежных дев, слабых детей остались победителями? Неужели ты позволишь двоедушию поколебать себя, выпустишь из рук победу и венец вечного торжества за цену мгновенного, мучительного колебания, которое обольстительно, насмешливо, ругательно силится представиться нам наслаждением, добродетелию. Не убойся твердынь греховного града: с постоянством *укрепи брань твою на град*, — говорит Писание, — *и раскопай и*[6]... Да увижу на тебе венец победы, венец Духа, венчающий сперва главу твою, а потом и сердце! Да истекут из них источники воды живой! Из этих источников да пьешь, во-первых, сам до сытости и пресыщения; да пьют от них, и насытятся, и возвеселятся, и восхвалят Господа все, которых привлечет к тебе жажда Слова Божия. Любовь духовная ближних да вознаградит тебя сторицею за умерщвление кровяной любви. До обновления же — будь один; до него соединение особенною любовию с кем-нибудь — говорю в духовном отношении — «блуд». После обновления является истинная любовь к ближним, святая, духовная; она вся в

Боге; она — видение духовное. Стоит пролить кровь, когда за нее дается бессмертное сокровище — Дух. По принятии Духа человек увидит ясно: кровь — Богопротивная, смрадная мерзость. И потому говорит Писание: *Проклят возбраняяй мечу своему от крове*[7]. — Умри, умри! — И погребись... чтоб наследовать святое воскресение души Духом Божиим.

Как ты не должен сообщать другим своих браней и искушений душевных, так не должно выслушивать брани и искушения других. Частная тому причина — твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. От того твоими возмущениями очень потрясаешь других и сам очень потрясаешься от сообщаемых другими скорбей их. — Вторая причина заключается в общем правиле для всех подвижников: брани душевной невозможно обнять, объяснить естественным разумом, потому что все естество наше — в падении. Для этого нужен разум духовный, т. е. явившийся в человеке от действия Духа. И потому только духовный способен выслушать брань ближнего и преподать ему спасительный совет; а держимый во мраке страстей еще не способен к этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совету святого Псалмопевца, о самых благах; тогда уже должно не возбранять устам своим, когда в поучении ума, т. е. в непрестанно рождающихся в уме мыслях, возгорится огнь Божественный.

Пишешь: «Бросить N. — это бросить в лице его Самого Христа, обнаженного, изъязвленного, привязанного к столбу темничному? Не бросит ли и Он меня тогда?» и проч. — Видишь, как красноречива кровь твоя! Кто не увлечется ею! Ты, как Цицерон, можешь выпросить милость у Цесаря самому ненавистному для него Аппию Милону, — как Демосфен можешь поднять всю Грецию на Филиппа!.. Пощади немощных! Не устремляй на них твоего слова сильного! Пощади и немощного, так живо чувствующего и выражающего страдания других, — живее, нежели они сами! — В твои прекрасные выражения облеклись, — так называемые монашествующими святыми Отцами — «оправдания». Оправдание — личина добродетели, которою Ловитель душ наших прикрывает расставляемые им сети для ума и сердца нашего. О избавлении от оправданий мы молимся с коленопреклонением: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия непщевати вины о гресех». Говорил святый Пимен Великий о естественной, падшей воле нашей и о оправданиях: «Своя воля человеческая есть стена медная между им и Богом, камень противуударяющий. Если человек оставит свою волю, то и он скажет: о Бозе моем прейду стену, Бог мой,

непорочен путь Его. Если же к воле присоединится оправдание, то погибает человек». Твоя «своя воля» — наклонность сердца к N.; оправдания помогают твоему пристрастию; мыслишь, говоришь, по-видимому, Божественно, а мучишься ужасно, — можешь, если не примешь мер, очень повредиться, повредиться неисцельно. За простоту и искренность твоего сердца Бог посылает тебе руку помощи!.. Понимаешь ли, что сердце у тебя самое простое? Ничего в нем нет сложного. Не годишься для мира: там нужны хитрые. Ты можешь быть хитрым и скрытным только тогда, когда молчишь. Приучись к молчанию: оно необходимо тебе и для духовного подвига и для отстранения наружных, бесплодных скорбей. Твое сердце для Бога! Твое сердце для Духа Святаго: Он любит почивать в сердцах простых и незлобивых. Ты и незлобив; только тебя сбивает кровь твоя. Уйми ее смирением и молчанием. Смотри чаще на Христа: *Се Отрок Мой*, свидетельствует о Нем Отец: *Его же изволих, Возлюбленный Мой, Нань же благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем и суд языком возвестит: не пречет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутиях гласа Его. Трости сокрушенны не преломит, и лена внемшася не угасит: дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут*[8].

С помыслами никогда не должно рассуждать. Может враг представить много логического, неопровержимого, склонить наш ум к принятию лукавых, убийственных помыслов, замаскированных личиною добродетели и благочестия. Пробным камнем помыслов для тебя да будет твое сердце. Как бы ни благовиден был помысл, но если отнимает «мир» у сердца, тонко приводит к нарушению «любви с ближними» — он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай; а то уловит и заставит вкусить от запрещенного древа; вооружайся скорее против него, гони его прочь от себя оружиями духовными: «Славословием Бога», — «Благодарением Бога», — «Преданием себя Его воле», — «укорением и осуждением себя», — «молитвою». Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келлию, повергнуться на минуту пред Богом с прошением его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день — и очень помогает.

Наблюдал ли ты за умом твоим? Изучал ли — какое его свойство? — У тебя ум не аналитический, который все разбирает по частям, анатомирует и после этой работы выводит свое заключение. Большая часть умов человеческих имеют свойства анализа, и по этому свойству способны хитрить, ловко устроивать дела свои, строить козни. Твой ум без работы видит, обнимает

предметы. Этот ум — для духовного видения. — Вот еще что заметь в нем: он с свободою, наслаждением может пасть в прах пред величием Божества; но чтоб смириться пред ближним, ему нужен труд над собою. Почему? — Потому что он по естеству своему имеет презрение ко всему подлому, пошлому, мелочному, — не способен к изгибам и изворотам. Видя эти недостатки в ближнем, он презирает ближнего вместе с его недостатками. Ум твой, наставленный Евангелием, тогда смирится пред каждым ближним, когда увидит в каждом ближнем Христа. Все, крестившиеся во Христа, облечены во Христа. Чем бы и как бы они ни осквернялись себя, риза Христова, до Суда Христова, — на них. Необходимо признать себя хуже всех человеков: этого требует святое смирение. Апостол не просто сказал, что он — первый из грешников; был убежден в этом. И нам надо убедить себя: здесь предлежит работа и труд. Бог да дарует и мне и тебе совершить его. По причине ума твоего, по причине его отдельного устройства от большей части других умов, тебе придется понести, и вероятно, несешь уже, некоторые скорби. Редкий поймет ум твой. Видя его сметливость и бойкость, кто поймет, кто поверит, что он прост! Большая часть будут признавать тебя хитрым, с замыслами, подозревать тебя, придумывать на тебя и за тебя. Это неизбежно: аналитические умы не могут предположить даже существование ума без анализа, смотрящего просто и ясно. Видя силу ума, они приписывают ее высшей степени анализа — признают глубокую, утонченную, обдуманную хитрость в том, кто никогда не думает, глядит с проницательною простотою на все, подлежащее взорам человеческим... Извини ближних. Мы все немощны. Исполнение закона Христова и состоит в том, чтоб носить великодушно, любовно и смиренно тяготы друг друга.

Доволен я, что ты мало читал книг религиозных: лучше — скрижали неписанные, нежели исписанные бестолково. Неужели мне придется писать на твоих? Если так — пусть будут начертаны на них не мертвые слова человеческие, но живые — Духа. Видя твою доверенность ко мне, присваиваю себе право присылать тебе, по возможности моей, книги святых Отцов, какие сочту для тебя полезными. Это «мое», «свое» даю тебе: таково было мое поведение; я напитывал себя и доселе напитываю исключительно чтением святых Отцов Восточной Церкви, тщательно хранясь, по их же святому совету, от книг, содержащих в себе лжеучение, которое содержат в себе все книги, написанные вне спасительного лона Единой Истинной Церкви. Прими «мое», ког-

да Бог возвестил тебе желать его. Не читай никаких инославных сочинителей: у них Дух Святый заменен кровию необузданною, пламенною; они могут завлечь в пропасть — и завлекают туда многих. Духа Святого нет у них; у них свой дух — мрачный, льстивый дух ереси темной и гордой. Упоминаемое тобою «действие», произведенное в тебе чтением описания — какое впечатление имели на Иоанна Богослова и Мироносиц отдаленные звуки молотов, ударявших в гвозди при распятии Спасителя, было «кровяное». Пойми: потрясены были нервы. Таковые действия отвергаются в духовном подвиге, называются «прелестными», т. е. происходящими от самообольщения и приводящими к нему, потому что они не от благодати Божией, а собственное состояние человеческое, свойственное естеству нашему падшему, до которого дойдено напряжением воображения и чувствительности. Неопытные в духовной жизни приписывают такие состояния свои действию благодати; от сего является мнение о себе; усвоившееся мнение есть самообольщение или прелесть. Поэтому должно держать себя в состоянии ровности, тишины, спокойствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нерв. Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову для исторжения слез: такие слезы — от потрясения нервов, кровяные, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностию слезы от Бога. Какой-то святой, невидимый перст, — какой-то тончайший помысл смирения коснется сердца — и придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза — кроткое спокойствие прольется в выражение лица, соделает его Ангелоподобным.

Когда я дочитал в твоем письме до следующего: «Ни малейшего луча благодати или признака добра не нахожу в том, о ком так громко и много говорили люди... И ваше незлобивое сердце поверило молве и верно осудило в неправде мою раздражительность», — я от души рассмеялся... Мне нужен письменный твой ответ, чтоб мне оправдаться пред самим собою. Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самого себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась в пустыне, увязла в тимении. На заботы об ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами... Христос с тобою.

12 октября 1847 г.

[1] *...поспеши сойти; ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской; скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца и поклонились ему, и принесли ему жертвы* (Исх. 32. 7–8).

[2] N. — старец инока Леонида.

[3] *у вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10. 30).

[4] *Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19).

[5] *...сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение* (Исх. 32. 29).

[6] *усиль войну твою против города и разрушь его* (2 Цар. 11. 25).

[7] *...проклят, кто удерживает меч Его от крови!* (Иер. 48. 10.)

[8] *Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы* (Мф. 12. 18–21).

№ 3

Как ты думаешь? В чем недостаток, на который мог бы я особенно пожаловаться при неисходном из келлии уединении моем? — На недостаток времени. Болезненность и лечение пожирают у меня все время. Лежу, лежу, лежу в бездействии, в онемении: сильное лекарство вытягивает из жил и костей застаревшую простуду, как цирюльник выдавливает кровь из припущенной пьявицы. Если, Бог даст, поокрепну, — придут занятия, которые теперь терпеливо ждут меня, — начнут отнимать время. Если возвращусь в Петербург и Сергиеву Пустынь — там обрушатся на меня братия, друзья, знакомые, любопытные, дела монастыря и монастырей, — похитят все время. Подумал я: теперь, в свободные минуты, мало-помалу составлю для Леонида обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий, — вместе дам ответы на некоторые статьи его писем.

Мы не сходимся с тобою в понятиях при некоторых употребляемых нами выражениях; под одним и тем же словом ты разумеешь одно, — я — другое. Например, под словом: «духовный, духовность» ты разумеешь то, что все ныне приняли разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых Отцов. Ныне книга — лишь о религиозном предмете уже носит имя «духовной». Ныне — кто в рясе, тот — неоспоримо «духовный»; кто ведет себя воздержно и благоговейно, тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые Отцы. Они говорят, что человек может быть в трех состо-

яниях: в естественном, нижеестественном или чрезъестественном и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий как слепец, ощупью. Вышеестественный, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил и обновил Дух Святый, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие — точно, свет миру и соль земли, — видят себя, видят и ближних; а их увидеть может только подобный им духовный. *Духовный вся востязует, сам же ни от единаго востязуется*[1], — говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастие встретить одного — и доныне странствующего на земли — старца, лет около 70, из крестьян, малограмотного, он жил во многих местах России, в Афонской горе, — говорил мне, что и он встретил только одного. Держись, как в этом случае, так и в других терминологии святых Отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков. Прости, что назову теоретиков — мертвыми! Пусть эти мертвые возятся со своими мертвецами, т. е. с теми, которые хотят слышать Слово Божие с целию насладиться красноречием, кровяными порывами, игрою ума, но не с тем, чтобы «творить Слово». — Последним нужно сказать: «С какою приятностию мы слушали, — провели время», а первым нужно, чтоб об них сказал мир: «Ах! Как они умно, прекрасно говорят». Не прельстись ни умом естественным, ни красноречием! Это все — прах! Этому красноречию и этому уму сказано: «Земля еси!» Впрочем, я понимаю, что ты, вкусивши жизни, не можешь удовлетвориться мертвым! Прекрасно сказал святой Симеон Новый Богослов: «Притворяющихся добродетельными и кожею овчею, по наружности являющих одно, другое же сущих по внутреннему человеку, всякия исполненных неправды, полных зависти и рвения и сластей злосмрадия, весьма многие яко бесстрастных и святых чтут, имея неочищенное душевное око, ниже могуще познати их от плодов их; во благоговении же и добродетели и простоте сердца пребывающих и святых сущих воистину, яко прочих от человек пренебре-

гают, и, презирающе их, претекают, и за ничтоже вменяют. — Глаголивого и тщеславного, учительным паче и духовным таковые быти вменяют. Духом Святым вещающего, высокомудренники и гордостию недугующие диаволею, яко высокомудра и горда отвращаются, от словес его ужасающеся, паче нежели умиляющеся. От чрева же и учений тонкословствующего, и противу спасения своего лгущего, вельма похваляют и приемлют»[2]. Равным образом только те книги в точном смысле могут быть названы «духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стезе вслед за святыми Отцами. Ты полюбил мое: сообщаю тебе, как я старался вести себя.

Написал ты мне в письме твоем: «Бегай людей и спасешься!» Был вещий глас к Арсению. — «Как же любящему безмолвие сносить тесноту общежития наравне с новоначальными и еще мятущимися охотно?» — Когда святый Арсений был в столице, при Дворе Царском, и молился Богу, при повстречавшемся ему искушении, не зная, что делать, то был ему глас: «Бегай человек, и спасешься!» — И тебе был этот глас, раздавался он в душе твоей, когда ты жил среди многокозненного мира; ты послушался, удалившись в уединенную обитель. Ты сделал это с простотою сердца, искренностию, простотою намерения, с малым предъуготовительным знанием монашеской жизни. Тебя повстречали неожиданные скорби и недоумения! Что до того? Бог любит тебя, хочет даровать тебе милость Свою, упремудрить тебя — так говорил святый инок — старец святому иноку — юноше, жаловавшемуся на скорби. — Бог послал скорби; Он пошлет и утешение. Когда святый Арсений был уже в монастыре, — опять молился Богу: «Господи! Научи меня, как мне спастись!» Ему дан был ответ уже полнее: «Арсений, бегай людей, молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». — И ты уже в обители услышал: «приучись к молчанию», которое очень много способствует безмолвию. Уже в обители ты услышал: «умри для людей», — то же, что и «бегай людей». Ты услышал: «научись безмолвию между людьми, при посредстве душевного подвига». Арсений Великий говаривал в наставление братии из своих опытов: «подвизайся, сколько у тебя сил, чтоб внутренним твоим деланием, которое ради Бога, было побеждено все внешнее». — Макарий Великий, основатель и главный наставник знаменитого подвижничеством Скита египетского, в котором жил и Арсений Великий, говаривал обыкновенно братии, по окончании Божественной Литургии: «бегите, братия». Однажды старцы возразили ему: «куда нам

бежать далее этой уединеннейшей пустыни?» Великий угодник Божий показал им перстом на уста и повторил: «бегите, братия!»

Умоляю тебя: дай цену, дай должный вес деланию Святых Отцов, которому они научились из Божественных откровений; дай цену деланию, которое соделает для тебя удобным спасение и преуспеяние; дай хотя ты цену деланию, — говорю с плачем и слезами, — деланию, которое ныне отвергнуто монахами, попрано ими, погребено в глубокое забвение, в неизвестность, заменено — не знаю чем — какими-то играниями. *По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе!*[3] — говорил Апостол. Увы! Ищу в себе самоотвержения и не обретаю его! Ищу человека, который бы решился отвергнуться волей своих и, обнаженный всякой воли, всецело захотел последовать Христу, исполнять Его волю, — и не встречаю такого человека! Тоскуют мои взоры между многолюдством, как бы в безлюдной пустыне, — не находят зрелища, на котором бы остановились с утешением!.. Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую, — смерть вечную!.. Путь узкий — путь самоотвержения; тесно на пути широком своеугодия! Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада! — Есть и ныне подвижники — нет на них венцов победных, венцов Христовых. Венец Христов — Дух Святый. Духом Святым венчает Христос Своих воинов победителей. Ныне не нисходит Дух, потому что подвижники подвизаются незаконно. *Аще и подвизается кто*, — сказал Апостол, — *не венчается, аще не законно подвизатися будет*[4]. *Никтоже бо воин бывая*, — возвещает он, — *обязуется куплями житейскими да воеводе угоден будет*[5]. Все, что препятствует самоотвержению и вводит в сердце молву, — купля житейская. Гневно взирает на нее Бог, — отвращается от воина, обязавшегося куплею житейскою! Потому святый Апостол убеждает ученика своего к истинному духовному подвигу. *Ты убо злопостражди яко добр воин Иисус Христов*, — говорит преподобный Исаак Сирский о подвижниках, не заботящихся об искоренении душевных страстей. Они ничего не пожнут. Как сеющие в тернии не могут ожидать никакого плода, так и те, которые потребляют себя злопомнением и привязанностями; они ничего не возмогут совершить — лишь тщетно стонут на ложах своих от бдения и прочих тесненний. И свидетельствует о них Писание: *Мене день от дне ищут, и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотворши, и суда Бога своего не оставльши; просят ныне у Мене суда праведна, и*

приближитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша и не увидел еси? Во дни пощений ваших обретаете воли ваша (Ис. 58. 2, 3), т. е. исполняете мысли ваши, приносите их, как всесожжения, идолам; вы признали как бы богами лютые помышления ваши, вы приносите им в жертву самовластие ваше, честнейшее всех жертв, которое следовало бы вам освятить Мне благоделанием и чистою совестию» (Исаак Сирский. Слово 58). — Говорит святый Симеон: «Если кто преложит любовь к Жениху Христу в любовь к чему-нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будет этою любовию, тот делается ненавистным, мерзостным Жениху, недостойным соединения с Ним. Он сказал: *Аз любящих Мя люблю* (Добротолюбие. Ч. 1. Гл. 81).

Послушай, как древние иноки глубоко уважали делания святые, какую давали им бесценную цену! Мы, омраченные, неспособны даже понять этого, потому что не жили существенною, внимательною жизнию; жили как-то легко, ветрено, как бы шутя, как бы веря и не веря вечности, двоякому воздаянию в ней. «Некогда Великий угодник Божий старец Даниил пошел с учеником своим из Скита в обитель горней Фиваиды, где жил авва Аполлос. Отцы, услышав о пришествии его, вышли навстречу ему за семь поприщ от обители. Их было более пяти тысяч мужей, в числе которых пятьсот знаменоносных. Представилось чудное зрелище! Они все лежали ниц на песке, ожидая принять Старца, как бы Ангелы ожидали принять Христа. Одни из них постилали ему под ноги свои одежды, другие — клобуки свои, и источники слез лились из очей их. Пришел Отец Аполлос и, подходя к старцу, седмь крат падал ниц пред ним, поклоняясь ему. Потом они приветствовали друг друга с любовию. Братия начали умолять Старца, чтоб сподобил их услышать из уст его слово спасения. Старец не скоро начинал говорить с кем бы то ни было. Они сели на песке вне монастыря. Церковь не могла вмещать их всех. Отец Даниил велел написать ученику своему следующее: «Если желаете спастись — держите нестяжание и молчание: потому что в этих двух деланиях — все монашеское жительство». — Написал ученик сказанное ему старцем и отдал одному из братии, который прочитал это братиям Египтянам. Все пришли в умиление и начали плакать» (Патерик Скитский).

Какова была жизнь Старца, что он возмог всю жизнь монашескую сократить в два слова! — Двумя словами положить решительные границы для ума и сердца, определил делание спасе-

ния! — Какова была жизнь братий, как души их были богаты опытами внимания себе, рассматривания себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвечали ему общим рыданием! Нестяжание — то же, что и умерщвление ко всему, — содержит в свободе сердце от всего земного; а молчание, обратившееся в навык, дает ему всю свободу непрестанно глядеть в сердце. Вот живой образ истинного безмолвника, истинного инока, мертвеца для мира, таинственного священника и архиерея, приносящего Богу непрестанную жертву глубоких святых помышлений и чувствований и жертву превысшего их сердечного и умного молчания — этого таинственного, священного мрака, за которым непосредственно — Бог.

Послушай, что Господь сказал. Дай цену и вес словам Господа!.. Все для нас без цены и без весу!.. С ценою и весом только одни наши пожелания!.. *Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровенну на селе, еже обрет человек скры: и от радости его идет, и вся елика имать, продает и купует село то*[6] (Мф. 13. 44). Что за сокровище? — Дух Святый, вводящий в душу Отца и Сына. — Какое село, на котором скрыто это сокровище? — Покаяние. — Как это село обретается? Живою верою. — Что значит радость? — Разженная ревность к делу Божию, рождающаяся от живой веры. — Что знаменует: *скры*? — Молчание и безмолвие. — Что значит: *Вся елика имать продает и купует село*? — Нестяжание. Все, все надо продать: всякое пристрастие, всякую сердечную наклонность, чтоб купить покаяние. Иначе оно не продается. Если удержана безделица сердцем — не может сердце наследовать покаяния: эта безделица развлекает его. Скрыться надо молчанием, скрыться не только от людей — если можно, и от себя. Кто же это исполнит, того — село покаяния; кто приобрел это село — того сокровище — Всесвятая Троица. О! Когда бы Она призрела на нас, бедствующих в волнах невидимого моря, даровала бы нам, мне и тебе, самоотвержением наследовать страну покаяния, соделалась бы нашим сокровищем, богатством неизмеримым и неисчислимым.

Позволь мне сделать тебе предложение: согласись, чтоб за молчание, когда будешь мало-помалу вводить себя в навыкновение молчания, тебя сочли немного странным, сказали бы о твоей странности и то и другое. Согласись на это с великодушием: оно не будет противно воле Божией и уединит более твое сердце. *Аще кто мнится мудр быти в веце сем*, — заповедал Бог Своим Апостолам, — *буй да бывает яко да премудр будет*[7].

Пишешь: «Дома у меня нет уединения, в храме оно часто нарушается... соединению мыслей мешает беспокойный помысл: за мною подглядывают». В Евангелии сказано: *Назираху да обрящут речь нань*[8]. За кем *«назираху»*? За Господом. Позволь, чтоб и за тобою назирали, примирись с этим. Не отказывайся от чаши Христовой, как в этом случае, так и во всех. Скажи себе: «С Христом так поступали, от чего же со мною не поступить так?» Земная наша жизнь коротка — точно обман: ее скорби, по самой — вещи, ничего не значат, имеют столько значения, сколько им даем его. Смирение принесет в твое сердце мир, молитву, безмолвие. Когда ты дома, думай, что ты с Ангелами; принося услугу, обращаясь с ними, говори мысленно: «Ангелы Божии! Примите служение от грешника». Сидишь ли за трапезой, за чаем, за рукоделием, говори себе: «Сподобляюсь быть с Ангелами Божиими». Любовь к ближнему в Боге приносит сердцу утешение от Бога, а это утешение уединяет человека в самом себе. Он любит ближнего и вместе мертв для него; сердце его погружается в безмолвие, которое — начало любви Божией.

Пишешь: «Не освобождаясь от тревожных ощущений сердца, и волнений ума и принуждая себя к мысленному занятию, я только чувствую сильную головную боль и нервное расстройство». Повторяю тебе, что все внешние волнения и тревоги должны быть побеждены внутренним деланием. Надо, чтобы с сердца началось обновление; сердце — корень. *Аще корень свят, то и ветви* (Рим. 11. 16). Этот образ подвига установлен Самим Спасителем. *Очисти прежде внутреннее стклянницы и блюда*, — сказал Он, — *да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23. 26). Придет тревога — отвергни мысли, приносящие ее, уйми волнение крови, принимая за верное, что всякая мысль, приносящая тревогу, — богопротивная, и опять продолжай молитвенное занятие. Во всех подвигах, в особенности же в молитве, требуется постоянство и терпение. Нетерпеливость сбивает нежный цвет ее, как иней и ветры сбивают цвет плодовитых деревьев. *В молитвах терпите* (Кол. 4. 2), сказал Апостол; это отличительное свойство упражнения молитвою. Сначала — вводя ум в молитву, приучая к ней, не держи его долго в ней, чтоб он не утомился излишне, но зато почаще вводи его в молитвенное занятие. Ах! Требует понуждения это занятие! Не любит преступник — ум наш — темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; с насилием надо влечь его в темницу, в узы; без того не укротится, не возвратится к здравому смыслу беснующийся. В свое время, когда он укро-

тится, сделается тих, как Ангел, выйдет ему навстречу сердце со всеми душевными силами, как с чадами, со всеми телесными способностями, как с рабами, — и бывает мир дому тому, святый мир от Пресвятого Господа, праздник велий обновления и воскресения. Головная боль — обыкновенный первоначальный спутник глубокого внимания Слову Божию и молитве. *Живо слово Божие*, — говорит Апостол, — *и действенно и острейше паче всякого меча обоюду остра и проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов и судительно помышлением и мыслем сердечным* (Евр. 4. 12). Не только у тебя она болит, не только болела у меня; болела она у святых Отцов, — и они это поместили в своих писаниях. Говорит преподобный Григорий Синайский: «И рамены боля и главою многажды болезнуя, терпи та притрудне и рачительне, взыскую в сердце Господа». Бывает по временам от упражнения в молитве расслабление всего тела, пот, жар; все это у начинающих; у преуспевших молитва укрепляет, питает душу и тело. Но пот бывает и у них. Впрочем, тебе преподан самый легчайший способ внимания и молитвенного подвига, чуждый всякого трудного механического телесного упражнения, для которого необходима крепость здоровья. На мелочи, на все ощущения в теле обращай как можно меньше внимания, наблюдай, чтоб ум твой пребывал в покаянии и удалялся от развлечения. Надеюсь, что головные боли твои не будут долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. После того как они прошли, молитвенное занятие сделалось как бы более свойственным уму и более легким для него. Ты не требуй от ума твоего, при молитве, превышающего силы его, например, нерушимой полной нерассеянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говори: «Господи! Ты видишь всю ветхость мою!» — и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не без цели сказано: *Терпя, потерпех Господа, — и внят ми, и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста моя песнь нову* (Пс. 39. 1–4).

Во втором письме пишешь: *«Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя, иже помыслиша неправду в сердце, весь день ополчаху брани. Изостриша язык свой яко змиин, яд аспидов под устнами их. Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя, иже помыслиша запяти стопы моя»*[9]. Как ты думаешь, кто человек лукавый, муж неправедный, грешник, весь день ополчающий брани, с ядом

аспида под устами? — Это диавол. Когда святый Давид проклинает врагов, или, правильнее, устами его Дух Святый, то в этих случаях надо всегда разуметь духов нечистых, врагов рода человеческого, отнявших у нас рай, хотящих отнять дарованное Богом искупление и спасение. В Писании диавол иногда называется человеком. Так Спаситель назвал посеявшего плевелы между пшеницею *врагом-человеком*. Книга Псалтирь — возвышеннейшая духовная книга. В ней глубоко и подробно описан внутренний подвиг воина Христова. Часто употреблены прообразовательные тени и иносказания, дающие книге таинственность и темноту (не без причины на ней завеса!). Не надо принимать ее буквально: буквальное разумение Писания убивает душу. Необходимо разумение духовное: оно оживотворяет, поставляет на стези правые, святые. Дух Божий, заповедуя устами Давида совершенную ненависть к невидимым врагам душевным, научающий нас прибегать молитвою к Богу о сокрушении и истреблении их, в то же время требует от нас любви ко врагам нашим — человекам, требует прощения нанесенных нам обид от наших ближних, требует этого с заклинанием: *Господи Боже мой*, — молится Псалмопевец, — *аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зла: да отпаду убо от враг моих тощ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит*[10]. Здесь представлены две стороны, делающие зло: ближние, человеки, — и диаволы. Дух Святый научает нас, что мщением, воздаянием ближнему зла за зло, — словами то, или делами, или помыслами, — человек призывает на себя брань невидимого врага, побеждение, низложение им, потерю благодати. «*Слава*» — благодать Духа. «Молящийся за человеков, причиняющих обиды, — сказал преподобный Марк Подвижник, — сокрушает бесов; а препирающийся с первыми сокрушается от вторых». Все это ты испытал самым опытом, Итак, отвергни все оправдания, которые все неправильны. Потому что противоборствуют заповеди Божией; постарайся непременно стяжать любовь к врагам и, доколе не возможешь взять этой твердыни, *укрепи брань*, брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То есть молись за тех, от которых терпишь напасти, и исполняй заповеданное Господом относительно врагов в конце пятой главы Евангелия Матфея, — получишь непременно исцеление! В свое время начнет развеваться знамя победы знамя Креста Христова, на стенах твоего Иерусалима. — Знай: Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое,

может погубить душу. Так сказал святый Апостол Петр о посланиях святого Апостола Павла, распространив это замечание и на прочие книги Священного Писания (2 Пет. 3. 16), что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному прообразований, теней. А потому и священной мрачности. Осторожно обходись с мечем обоюдоострым — Писанием. Святые Отцы советуют новоначальным инокам более чем в чтении Священного Писания упражняться в чтении деятельных Отеческих сочинений, в которых объяснены подробно иноческие подвиги и указан путь к правильному разумению Священного Писания. И ты последуй этому святому и спасительному совету Отцов. По той же причине новоначальным полезнее для молитвословий читать акафисты и каноны, нежели Псалтирь. Но превосходнее всего, когда ум достигнет до того, чтоб ему вполне удовлетворяться молитвою: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Пишешь во втором письме: «Жажду, а не жду от себя ничего доброго, ниже совершенного чувства покаяния или смирения». Покаяние — дивная благодать Божия, бесценный дар Божий, совокупность всех деланий иноческих. Инок, воспитанный всеми частными деланиями, достигший значительной зрелости, оставляет многие оружия свои, облекается в одежду покаяния и в ней входит во внутреннюю душевную клеть свою. Когда он войдет туда и раздастся в ней благоухание священного кадила молитв сокрушенных и смиренных, тогда нисходит Дух к плачущей душе и благовествует ей мир от Бога. На все есть свое время. *Времена и лета положил Отец Небесный во власти Своей* (Деян. 1. 7). Ты не требуй от души своей излишнего; сиди при дверях покаяния с самоотвержением, как по всем отношениям вдовица, и тем доказывай, что истинно желаешь смирения, от которого — покаяние; Податель того и другого — один Бог.

В прошедшем письме написал я тебе, как бороться с помыслами и возмущениями. Опять повторяю: препояшься мечом, облекись во всеоружие. Не удостоивай врагов твоих не только беседы, ниже слова, ниже воззрения. Только что услышишь глас войны — вставай на сражение, возглашая твоим помышлениям и чувствованиям: *мужаемся и укрепимся о людех наших и о градех Бога нашего*[11]. Глас войны — нарушение мира сердечного. Едва мир сердца начнет нарушаться, колебаться, — знай: идут иноплеменники. И вот тебе завет от Бога относительно поведения твоего с иноплеменниками: *Избиеши я, пагубою погубиши я;*

да не завещаеши к ним завета, ниже помилуеши их: ниже сватовства сотвориши с ними: дщери твоея не даси сыну его, и дщери его да не поймеши сыну твоему. Отвратит бо сына твоего от Мене и послужит бесом инем: и разгневается Господь гневом на вы, и потребит тя вскоре. Но сице да сотворите им: требища их разсыплете, и столпы их да сокрушите, и дубравы их да посечете, и ваяния богов их да сожжете огнем: яко люди святи ести Господеви Богу вашему и вас избра Господь Бог ваш[12]. Сватовством и супружеством изображается здесь беседа с помыслами: греховными, принятие усвоение помыслов и ощущений греховных. Кумиры — предметы пристрастия, страсти, особенной привязанности; их должно сжечь огнем молитвы, огнем любви по Богу. Требища — своя воля, воля плоти и крови; столпы — оправдания; дубравы тенистые — плотской разум, которым заслоняется от нас Свет Божественный. Исполняли это повеление Божие истинные рабы Божии. Когда Давид завладел столицею Аммонитян, Раввафом, *взя*, — говорит Писание, — *венец Малхома царя их с главы его, талант злата вес его и от камения драга, и бе на главе Давидове, и корысть изнесе из града многу зело. И люди сущия в нем изведе, и положи на пилы и на трезубы железны и на секиры железны, и превождаше их сквозь пещь плинфяну. И тако сотвори всем градом Аммоним, и возвратися Давид и весь Израиль во Иерусалим*[13]. — Точно: славословие Бога, благодарение Богу за все случающееся скорбное, предание себя всецело воле Божией с отвержением своей воли, молитва за врагов, благословение врагов, как орудий промысла Божия, — и прочие святые делания: и пилы, и трезубы, и секиры, и пещь плинфяная для греховных помыслов и ощущений. Ум наш, — таинственный Давид, — царь и предводитель воинства Израильтян, — помышлений и чувствований Богослужебных, когда возьмет град и грады иноплеменников; тогда возвращается во Иерусалим со всеми Израильтянами своими — в град мира (Иерусалим — значит «град мира»), откуда выводила его война с иноплеменниками. На главе его венец Малхома — разум деятельный, приобретенный им на брани с греховными начинаниями, — в ее подвигах, трудностях, несчастиях и торжествах; с ним — «корысть многа зело» — опыты драгоценные, могущие препитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и препитывать советующихся с ним. Талант весу в златом венце, приобретенном Давидом: тяжеловесен драгоценный разум деятельный; богатый опытностию, он не колеблется, не увлекается всяким яв-

ляющимся уму помыслом, но с недоверчивостию рассматривает, испытывает его, хотя бы он и казался благим. Так Иисус Навин, военачальник Израильский, вопрошал представшего внезапно пред ним неизвестного витязя, хотя то был Ангел: *наш ли еси, или от сопостат наших*[14].

Конец слова, заключенного в пределах совета: если случится пасть, победиться, увлечься, обмануться, согрешить пред Богом, — не предавайся унынию, малодушию. Тот же прообразовательный Ветхий Завет говорит: *сице да речеши ко Иоаву* (вождю Израильтян), *да не будет зло пред очима твоима слово сие; яко овогда убо сице, овогда же инако поядает меч; укрепи брань*[15]. Будь снисходителен к себе, не засуждай себя. При побеждениях прибегай к Богу с раскаянием — и простится тебе побеждение твое; а ты снова за меч — и на сечу. — *Укрепи брань*! — Упорною, постоянную войною возьми град! — Господь пришел призвать грешников на покаяние, а не для праведников! — Ты уподобляешь себя слепцу Евангельскому, вопиющему вслед Спасителя и возбраняемому... *Возстани, дерзай*: Божественный Учитель *зовет тя... Вера твоя спасе тя* (Мк. 10. 49, 52).

[1] *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2. 15).

[2] 1-я часть Добротолюбия, гл. 70, 71 и 72.

[3] *Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим* (2 Кор. 5. 20).

[4] *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2. 5).

[5] *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2. 4).

[6] *подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то* (Мф. 13. 44).

[7] *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3. 18).

[8] *...наблюдали... чтобы найти обвинение против Него* (Лк. 6. 7).

[9] *Избавь меня, Господи, от человека злого; сохрани меня от притеснителя: они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань, изощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их. Соблюди меня, Господи, от рук нечестивого, сохрани меня от притеснителей, которые замыслили поколебать стопы мои* (Пс. 139. 2–5).

[10] *Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире, — я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, — то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою, и славу мою повергнет в прах* (Пс. 7. 4–6).

[11] *будь мужествен, и будем стоять твердо за народ наш и за города Бога нашего* (2 Цар. 10. 12).

[12] *поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их; и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и [тогда] воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя. Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем; ибо ты народ святый у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле* (Втор. 7. 2–6).

[13] *...взял Давид венец царя их с головы его, — а в нем было золота талант и драгоценный камень, — и возложил его Давид на свою голову, и добычи из города вынес очень много. А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим* (2 Цар. 12. 30–31).

[14] *...наш ли ты, или из неприятелей наших?* (Нав. 5. 13.)

[15] *...так скажи Иоаву: «пусть не смущает тебя это дело, ибо меч поядает иногда того, иногда сего; усиль войну твою против города и разрушь его». Так ободри его* (2 Цар. 11. 25).

№ 4

На слова письма твоего: «возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада», ответ мой: «прими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоем ко Христу».

Так отвечать научает меня святый Апостол Павел. Он написал Коринфянам: *не себе проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради* (2 Кор. 4. 5). Не себя проповедую! Нет!.. сохрани Боже!.. Пусть стою в стороне! Так стоять, извещается моему сердцу, приятно Ему. Довольно, если, указывая тебе на Мессию, сподоблюсь говорить: *Се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1. 29), *вторый человек Адам. Господь с небесе* (1 Кор. 15. 47). *Облекохомся во образ перстнаго* рождением невольным по плоти, *облечемся во образ небеснаго*, уже неведомо во младенчестве, облеченные в этот образ крещением, разоблаченные жительством нерадивым, — облечемся снова покаянием и жительством по Евангельским заповедям. Исполним слова Господа, Который повелел ученикам Своим: *не нарицайте учителя, не зовите отца на земли, не нарицайте наставницы; вси же вы братия есте* (Мф. 23. 8–10). Соблюдем взаимную мертвость, говоря друг о друге Богу: «Твое Тебе, — и да пребывает Твоим!» Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевною глупою привязанностию, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая — ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная.

Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут — люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их. Святый Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение — оружие, молитва — стена, непорочная слеза — умывальница, а блаженное послушание — исповедничество, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Степень 4). Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — недостоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! Слуга диавола, его орудие, его сеть! *Не будите раби человеком* (1 Кор. 7. 23), — завещавает Апостол.

Пребывание твое с родителем твоим по плоти, служение ему, разумеется, должно остаться, как оно теперь есть. Заповедано инокам удаление от родителей, когда родители влекут в мир, отвлекают от Христа; но когда они содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, нуждаются в руке нашей, тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям, одобрены и похвалены святыми Отцами (преп. Кассиан Римлянин). Все духовное преуспеяние заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов, — правильнее, — беззакония своей воли, приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им. Истинное послушание — в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: *да продаст ризу свою и купит нож*[1]. Риза — нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови.

Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспеянии оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твое всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель Богоугождения. Да благословит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этою целию! *Господня земля и исполнение ея*[2]*; на всяком месте владычествия Его*[3]*. Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти*[4]. Никакое место в глазах моих не имеет особенной важности; а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна.

Начну же говорить недосказанное в прежних письмах... Ты не совсем угадал, — что мною было недосказано!.. Приехав к вам в обитель, увидев тебя, я тотчас ощутил, что тут — не твое место; сердце мое было недовольно, что ты тут. Но сказать тебе это я был не вправе до сей минуты, когда ты дал мне право на откро-

венность, завоевав ее своим самоотверженем. Странник обязан приносить мир всюду, куда он ни входит, и оставлять мир. Нужно тебе место и настоятель, которые бы доставили, не намеренно, по договору, но по естественному общему ходу, свободу уму твоему идти по пути, который Бог благоволит указать ему. Бог да благословит твое намерение и да дарует привести его в исполнение к душевной твоей пользе и к успокоению страждущего родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моля Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испытал, каково кинуться в воду, не измерив наперед броду. И не позволь себе при твоем исшествии никаких поступков и слов, которыми было оскорблено, нарушено святое смирение. Молчание лучше лучших слов. Выдь, как непотребный и грешный от честных и святых. Тогда рука Божия будет с тобою, рука, которая ведет и поддерживает смиренных, — карает и сокрушает гордых. Желаю, чтобы всюду поведением твоим благовествовалось Евангелие! — Этого желаю непременно! Здесь являю власть ради Бога: окажи послушание ради Бога.

Думаю: при избрании нового места надо иметь тебе в виду, чтоб однажды в год или, по крайней мере, в два года можно было тебе иметь личное со мною свидание и беседу. Так делают некоторые иноки, по обстоятельствам живущие в других обителях, а по извещению сердечному руководствующиеся моими советами. Скудость в духовных сведениях, которую я увидел в обители вашей, поразила меня! Но где, в каком монастыре и не поражала она? Светские люди, заимствующие окормление духовное в Сергиевой Пустыни, имеют сведения несравненно большие и определительные, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живем в трудное время! «Оскуде преподобный от земли, умалишася правды от сынов человеческих!» Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать.

Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благою целию, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения: благословляю призыванием благословения Божия.

Для соображения нужно тебе иметь понятие о моих обстоятельствах. Я на них кивнул головой, махнул рукой! Да будет со

мною как угодно Богу! Рассматривая состояние и потребности души моей, я признавал нужным мне безмолвие, глубокое безмолвие, вне всякой внешней земной должности, служа ближним служением слова. Прошлой зимой я думал видеть указание воли Божией к уединению в крайней болезненности моей и прочих обстоятельствах. С молитвою: «...не моя, но Твоя воля да будет», подал я просьбу об увольнении меня моему начальству и письмо о том же Государю Императору. Сначала дело наклонялось к увольнению меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявил мне свое желание, чтоб я возвратился в Сергиеву Пустынь, — и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Но ин суд человеческий, ин Божий.

Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожаление о болезни моей: этим угодил мне! Вижу, что из тебя будет толк! Не люблю жестокого сердца от грубости, от недостатка любви к ближнему; но не люблю и плотски чувствительного, тающего в нежностях... Знаешь ли, что нежность лукава?.. Я по природе с сильным чувствительным сердцем, как и ты; потому не охотник позволять сердцу моему расслабление нежностию. Евангелие научило меня, что сердце слабое неспособно к Христианским добродетелям, что нужно его скрепить верою, самоотвержением, сделать героем при посредстве внутренних борений и побед... Победы делают сердце героем!.. За победы нисходит в него святая вера, живая вера, сильная вера!.. Насади и воспитай в себе мертвость ко мне. Что бы неприятное ты ни услышал о мне, говори: «Однажды навсегда я отдал его Богу — и отдаю: да совершается над ним воля Божия».

В последней статье письма твоего говоришь: «О, если б я мог служить Вам в виде домашнего животного всяким родом службы, какой только доступен мне». — С приятною улыбкою на устах и в сердце отвечаю: кажется твое желание исполнит Бог, Он так и устроил, чтоб тебе быть в одном деле со мною... Не помню, с которого времени, — а очень, очень давно, — мне особенно нравились слова Апостолов: *Не угодно есть нам оставльшим слово Божие, служити трапезам... мы в молитве и служении Слова пребудем* (Деян. 6. 2, 4). Служение братии Словом Божиим!.. Какою восхитительною, насладительною картиною представлялось очам души моей это служение!.. «Ни один наш дар, — сказал святый Иоанн Лествичник, — столько не благоприятен Богу, как приношение Ему словесной души покаянием. Весь видимый мир не равночестен одной душе: он преходит, а она нетленна, и пре-

бывает во веки». Что же? Бесконечно милосердый Бог подал мне в руки это служение! Не только подал мне в руки, но и извещает многим душам искать от меня этого служения! Теперь все время мое взято этим служением. Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих! — иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берегу Волхова, иная с берегу Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из Дворца Царского. Душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в Слове Божием, везде падение гнетет ее, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, — составляю некоторые книги, которые могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением. От служения Слову раздается в душе моей какой-то неизреченно радостный голос удостоверения в спасении... Твой жребий — принять участие в моем служении, и ту мзду Духа, которая будет выдана по несказанной милости Божией за это служение, разделить со мною. Удовлетворен ли ты?.. Несколько времени, — как стала мне приходить мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устроении способна правильно, полно ощутить, потому удовлетворительно, определительно выразить. Но решение этого дела — до личного свидания. О нем надо много, основательно потолковать.

Пишешь, что тонкий помысл тебе внушает искать собственно «моего» учения. Вижу: такое твое призвание. По вере твоей да будет тебе. И я тебе этого желаю: да дарует тебе Бог наследовать «верою» сокровище духовное.

Наконец — прими мое поздравление: приветствую тебя со вступлением в правильный род иноческой жизни, от которого получишь систематическое духовное воспитание. Такое воспитание — неоцененное благо, — доставляемое им устроение душевное далеко отстоит от устроения, хотя и похвального, но приобретаемого самоучкою, в жительстве самочинном. Осяжи сердце твое! Не раздается ли в нем чувство легкости, свободы, радости, извещения? Такие бывают ощущения в душе, когда она получит дар свыше. Ты получил его, принял рукою веры. Начи-

най, Израиль, наследовать землю обетованную! (Втор. 2. 31). Христос с тобою!

[1] *...продай одежду свою и купи меч* (Лк. 22. 36).
[2] *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23. 1).
[3] *...во всех местах владычества Его* (Пс. 102. 22).
[4] *И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными* (2 Кор. 5. 9).

№ 5

Положив в недостойную мою руку, как руку освященную, твой ум и сердце для принесения их при посредстве этой руки, в жертву Богу; пожелав собственно «моего учения», чего уже и я тебе желаю, — ты приобрел право получить, а я вменяю себе в обязанность тебе доставить краткий отчет моей жизни, жизни ума и сердца. Взгляни на то, чему, не видев, уверовал, — чего не видев и не знав, пожелал, водимый непостижимым чувством сердца, призванием! Присылаю думу, которую я назвал «плач мой», а написал прошедшею зимою, полагая, что указывается мне отшествие из Сергиевой Пустыни и даруется бесценное безмолвие... Может быть, дело и идет к тому!.. Вернее: плакать о грехах на уединенном берегу Волги, нежели предаваться молвам, скопившимся со всей России на берега Невы.

Получил от твоего Настоятеля тетрадь твоих стихотворений. Зачем мне прислали ее?.. Неужели я скажу на ветер, скажу кому-нибудь, кроме автора, кроме кого-либо могущего и нуждающегося понять делом, мое мнение о каком бы то ни было сочинении? Впрочем, я прочитал ее; увидел ни более ни менее как то же, что увидел при первом знакомстве с тобою, с твоею душою. Мое первое знакомство с твоею душою, в Петербурге, в Сергиевой Пустыне, в моем кабинете, когда я прочитал некоторые твои стихотворения. Первое впечатление, произведенное на меня твоею душою, остается неизменным, самым живым, — более объяснилось, утвердилось. Впечатление было верное, как верен ты. «Где этот человечек? (такое имя дало тебе мое впечатление) Он непременно житель или будет жителем святой обители!» В душе его услышал я глубокое истинное призвание к Богу. Это призвание отдалось чем-то знакомым. Приезжаю к вам в обитель; неожиданно называют, указывают мне тебя — гляжу: «Да это тот самый человечек!»... Я глядел на душу; для лица и для всего вещественного я — точно без глаз. Черты физиономий как раз забываю; черты души, и самые тонкие, остаются запечатленными в памяти.

Увидишь из прилагаемой статьи, что твое давнее призвание (так устроил нас Создатель — Бог!): последовать и наследовать мне, тому моему, что не мое собственно — усвоилось мне по великой милости Господа, хотя я и вполне недостоин такой милости. Мне нравятся те твои сочинения, которые вижу в утешающей меня дали твоего будущего. Я угадываю твои будущие сочинения по настоящим: душа, как выказывающаяся при ее собственном свете и вдохновении, от которых еще несет плотским разумом и чувством, удовлетворит меня, когда по очищении от этого сору и смраду будет высказываться при вдохновении и свете Христовом.

Хорошо сделал — так и впредь делай, — что описал мне ясно происшедшее в тебе действие при прочтении «немилостивых слов». Точно: это было нервное состояние (ты уже смекнул!), это было чувство плоти, увидевшей, что ей приготовляется распятие; это действие плотского разума, когда этот разум видит предстоящую ему смерть на кресте веры.

№ 6

2 декабря получил я письмо твое: а на 30 ноября видел тебя во сне. И вот — какой был сон мой: вижу — в руках моих какая-то вновь изданная книга, похожая форматом на посланную тебе мною «Стихотворения святителя Григория Богослова»; только печать ее покрупнее, — как бы печать брошюрки «Валаамский монастырь». Холодно, без внимания перебираю листы книги, останавливаюсь на какой-то статье, узнаю: это твои новые сочинения, существующие в моем предчувствии! Много тут мыслей, целых тирад из нашей переписки. С сердечным интересом и утешением начинаю рассматривать, читать книгу: в ней все мне так нравится! Вдруг предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, как бы живая, — с движением! Смотрю: ваш монастырь; пред ним тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты в послушническом подряснике, с шапочкой на голове. Навстречу тебе, от монастыря едет на коне Божия Матерь, подобно тому, как Господь, Сын Ее, въезжал в Иерусалим на жребяти осли. Поравнявшись с тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась к тебе, благословила тебя, говорит так милостиво, свято, мирно: «Ты будешь жить в <...>; тебе здесь не утешиться». При этом разлилась в сердце моем необыкновенная приятность; от сильного ея действия я проснулся, — и чувствую: та же приятность, которую ощущал я во сне, сладит душу

мою наяву. Где тебе жить, ускользнуло от слуха моего... в вере! Но что ты под кровом и попечением Божией Матери, меня несказанно радует. «Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его».

В этом сне мне все — по мысли. Сущность его: слова кротчайшие и милостивейшие Богоматери. Ими не осужден монастырь, не осужден и ты — все покрыто Божественным снисхождением. Чудно и мудро ускользнуло от слуха название места, определенного тебе в жительство. Этим умолчанием остается серде в свободе. Весь сон — только утешает.

Милость Божия посетила тебя в день приобщения Святых Христовых Таин. Это было истинное утешение, утешение начальное, объемлющее поверхность ума; дальнейшие утешения, которые тебя ожидают по благости Божией, будут гораздо глубже. Понял ли ты, как оно уняло кровь, какое расстояние между им и кровяным восторгом, которым жалко тешат себя самообольщенные? Вкушение утешения начнет мало-помалу просвещать ум твой познанием Божественным. От вкушения — просвещение и разум духовный. *Вкусите и видите, яко благ Господь*[1], — говорит Писание. Ты хранишь мою тайну — и храни ее: этим дашь свободу моему сердцу быть откровенным с тобою, вполне свободным; с другими открывается соразмерно им. Родство по плоти не имеет никаких прав на связи и отношения духовные, — разве сделается этого достойным, породнившись о Господе духом. Оставляй меня таким, каким мне велит быть сердце мое. В откровенности моей пред тобою нет ничего премудрого и разумного, одно, дерзаю сказать — невинное, утешительное в Боге. С этою откровенностию говорю следующее: хотя я весь погружен в страстях, но молил Бога, признавая эту молитву сообразною воле Божией: «Господи! даруй Леониду ощутить духовное утешение, чтоб вера его соделалась верою живою, верою от извещения сердечного, не от одного слуха». Как и ты — я слаб на язык; непрестанно падаю им, хотя непрестанно более и более убеждаюсь в достоинстве молчания. По этой слабости недели две тому назад повторил Стефану: «слышу сердцем моим, как в Леониде действует утешение». Получив письмо твое, я показал ему те твои строки, в которых написано об утешении, чтоб он и этот случай приложил к прочим своим опытам, полезным для души его. Храни утешение и не позволяй уму твоему вдаваться в мечтания. Утешение сперва действует на ум, обновляя мысли; а он, почувствовав оживление, охотно вдается по неопытности своей в мечтательность, — и в ней бес-

плодно и безрассудно истощает дарованную ему сладость. Сказывает ли тебе это сердце твое? Ведь — оно говорит, только мы не вдруг навыкаем расслушивать голос его. При утешении вдавайся более в благодарение, в молитву и самоукорение: утешение будет возрастать и возрастать. Я желал для тебя, чтоб ты был причастником блаженной трапезы утешения духовного: вкусивший ее соделывается мертвым для мира, стяжевает особенную силу к совершению пути духовного. Так святый пророк Илия, по вкушении пищи, принесенной ему Ангелом Господним, *иде в крепости яди тоя четыредесять дней, и четыредесять нощей до горы Божия Хорив*[2], там сподобился сперва явственнейшей беседы с Господом, а потом и совершеннейшего Боговидения *во гласе хлада тонка*[3]. Эти утешения — таинственная манна, названная в Писании *хлебом небесным* (Пс. 77. 24), препитывающая новых Израильтян — христиан — во время путешествия их по пустыне — во время странствования земного. Эти утешения — *манна сокровенная* (Апок. 2. 17), Апокалипсиса, о которой сказал явившийся Иоанну Богослову Сын Божий: *Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя*[4]. Она — точно «сокровенная»: незрима человеками; ее видит подающий Бог — видит невидимо, видит ощущением приемлющий раб Божий. Таковой раб Божий, пребывая во множестве людей, пребывает один с единым Богом, видимый и невидимый, знаемый и никому неведомый. Теперь скажи: хорошо ли быть одним? Теперь скажи: каков тот приговор, которым я на тебя грянул: «Ты должен быть один»? Приговор смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда не вкусишь жизнь — смерть ни-по-чем! Так ли герои!.. Трапеза духовного утешения — как пища и вместе как отрава! Кто вкусит ее — теряет живое чувство ко всему вожделенному мирскому. Все многоуважаемое миром начинает казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною.

Очень приятно мне, что спутником твоим приходится быть N. — Расположение к тебе этого старца — дар Божий. Дары Божии надо содержать в чистоте. Пойми: Христос-Законоположитель любви — заповедал отречение не от любви, а от пристрастия, этого недуга, искажения любви. Имей любовь ко всем, в особенности к рабам Божиим; а пристрастие врачуй, ограждайся от него отречением от твари — от меня и от всякой другой — преданием твари Творцу. Не усвояй себе тварь; не усвояй себя твари; приноси свою свободу в жертву единому Богу. При таком самоотвержении и отречении от всего, или во всем от самости, возмо-

жешь иметь духовную любовь ко всякому ближнему, возможешь иметь много и многих — Богом в Боге, — и вместе пребывать в нестяжании и бесстрастии, в священном безмолвии и уединении о Господе.

В молитвенном подвиге будь свободен. Поступай, как привык поступать; вкушай то, что тебе по вкусу, что тебя питает, удовлетворяет. Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, т. е. чтоб они произносимы были со вниманием и страхом Божиим. Дальнейшее покажут время и состояние души твоей... Леонид! Ты счастливее меня! Завидую тебе! Когда я поступил в монастырь, — ни от кого не слыхал ничего основательного, определительного. Бьюсь двадцать лет, как рыба об лед! Теперь вижу несколько делание иноческое; но со всех сторон меня удерживают, не впускают в него... Живем в ужасное время: в преддвериях развязки всему.

Прочитай книгу «Цветник». Там много сказано о телесных подвигах; в них явлено самоотвержение, что вполне справедливо, истинно. Книга эта для преуспевших уже иноков; это увидишь, это говорит и сам писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумаге, а не на живых скрижалях, имеет много мертвости: не применяется к читающему ее человеку! Потому-то живая книга — бесценна! Тебе надо умеренною наружною жизнию сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника. «Плоть и кровь» не в плоти крови собственно, а в плотском мудровании. Оно поставляет душу под влияние, власть плоти и крови, а плоть и кровь под полную власть и управление греха. И тела святых имели плоть и кровь, но свергшие ярем греха мудрованием духовным, вступившие под управление и влияние Святаго Духа. Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: все должны выработать умом; у них душа, сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за оружия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным или одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же,

если не перейдет в душевный, — совершенно бесплоден, более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит в высокое мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него начинать — общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременном упражнении и укоснении в нем, начинают понимать умственный подвиг, который непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник — как древо без плодов, с одними листьями. Мне и тебе нужен другой путь: относительно тела — нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Все внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и серде должны быть выправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие, сильные, существенно необходимые ему оружия — и потерпеть безмерный ущерб. Говорю тебе испытанное на самом деле, познанное из горьких опытов. Когда я был юношею — все это говорило мне сердце мое, — не так ясно, не определительно, — но говорило. Другого голоса, другого свидетеля, который бы подтвердил, объяснил свидетельство сердца — не было. И не устоял, не поддержанный никем, глагол моего сердца пред умом моим! Не умел я слушать моего сердца! Страшным, опасным казалось мне слушать его! Тонок, таинствен его голос!.. Старцы, общею молвою прославленные, как одаренные духовным рассуждением, говорили другое, издавали другое мнение об этих предметах, не так, как я понимал и видел их. Всегда я себе не верил: мысль слабая, увертка ума в другом казались мне предпочтительнее моей мысли, прямой и сильной. Много времени протекло в таком состоянии; не много лет, как я отказался, освобожден от последования мнениям других — встречаю приходящее к уму моему мнение человека и книги не как страннолюбец гостеприимный и приветливый, но как строгий судия, как привратник, хранитель чертога, облеченный в этот сан милостию Всемилостивого Бога моего, после бесчисленных, смертных, долговременных язв и страданий. В этом сане привратник

ника стою — у врат души твоей. Мое — твое. Мне данное туне после лютых ударов ты взял туне верою. Христос — подающий. Ему — Единому слава! Аминь.

4 декабря 1847 г.

[1] Пс. 33. 9.
[2] *...лоел... шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива* (3 Цар. 19. 8).
[3] *...веяние тихого ветра...* (3 Цар. 19. 12).
[4] *...побеждающему дам вкушать сокровенную манну* (Апок. 2. 17).

№ 7[1]

Призываю на тебя и на начинания твои благословение Божие! Да содействует тебе милость и помощь Божия!

Удивляюсь простоте твоего сердца и утешаюсь ею! Повторно сказанное в 4-м письме моем: «Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благою целию, — буди благословение Божие». Разумеется: сюда принадлежат отношения твои к ближним, а в числе их к отцу N. Дело, принадлежащее собственно мне с тобой, — наблюдать, чтоб шествие твоего ума и сердца было по пути святых евангельских заповедей, чтоб по этому пути ты взошел в разум Истины, в видение духовное. В стране видения — неизреченная, чудная простота заставлена, заслонена миродержителями от человека, подчинившегося им грехопадением — бесчисленными обольстительными лжеобразами Истины. И здесь-то я особенно нужен к услужению тебе по милости и избранию Божию, предопределившим тебе опытное познание этих предметов во славу Бога, для пользы многих человеков. Если бы не было этого предопределения, я был бы тебе нужен и полезен несравненно меньше, ты удовлетворялся бы очень немногим, к убогому слову моему не имел бы такого извещения, от всея души этой несытой жажды. Попущено встать против тебя таким иноплеменникам, которые иначе не могут быть низложены, как видением. К этому же видению направлены все твои естественные свойства. Бог даст: все это узнаешь и ясно увидишь. Человечек! Твое назначение — не себе принадлежать, а ближним! Потрудись доставить им стяжание чистое, святое!

Получив твое письмо от 25–29 ноября, я не поторопился отвечать на него: ответ на вопрос, всего более тебя занимающий, мною уже дан в посланном к тебе последнем письме. А я в то

[1] Письма № 7, 8, 9 — РНБ РО. Ф. 1927. № 288.

время лежал и лежал: лекарство целит меня, но по временам крутит, лишая сил и способностей ко всякому занятию. Ты желаешь иметь от меня подробнейший, точнейший отзыв об отношениях твоих к старцу N.? вот он — не следствие слов твоих, но, как подобает, извещение недостойного сердца моего, извещающегося и просвещающегося святым миром. Избрание твое вполне одобряю. Оно — избрание не ветреное, избрание не сверстника юного, а человека уже в некоторых летах, имеющего в глубине своего сердца чувство «хранить тебя». Этот человек так устроен и по природному своему нраву, что может служить для тебя, по природе пылкого, преполезным ограничением в твоем наружном поведении. Желаешь, чтоб я утвердил ваше расположение о Господе моим убогим благословением? И призываю на вас благословение Божие, призываю благодать Божию, немощное врачующую, недостаточное восполняющую. Споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное доброе дело совершаться не может. Да творит Господь над вами святую волю Свою, да изливает на вас святую благость Свою! — во всем этом обстоятельстве нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред Крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать Святый Апостол Иаков; он завещевает говорить так *аще Господь восхощет и живи будем, и сотворим сие ли «оно»*[1]. Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получает твердость? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал Святый Апостол Петр на Тайной вечери клятвенное обещание умереть со Христом и какое же было последствие этой клятвы? ... Господь встретил клятвенные обещания, — сказал, что они от неприязни. Точно, «они от неприязни»! в них — самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает Святый Апостол Иаков, гордыня, хвала, т. е. самохвальство! — Да стяжут слова наши твердость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей Евангельских.

Вот как я хочу, чтобы ты вел себя в таких случаях, а прошедшее да простит тебе Бог! Вникни: ничего нет чудного, необыкновенного, что мы впадаем в погрешности, что в нас действует грех! Этому удивляются, этим смущаются одни неопытные. Мы все — в падении; зачинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить «ярем Навуходоносоров»: т. е. действие в себе греха, — и с милостью к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Бо-

гом, непрестанно пред Ним. Всякое нарушение закона очищается покаянием, дело неправильное получает правильность, когда его выправят по Евангельским заповедям. Так очищаются и поправляются обещания клятвенные, данные в явное противоречие закону Божию. Опять превосходным примером нам может служить Святый Апостол Петр. Нарушив клятвенное обещание свое от порыва нрава, обещание умереть за Христа, он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа, — и с каким смирением! — вкусил не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоцененный от руки Божией, как вполне недостойный такого дара. Желаю, чтоб ты усовершился в любви к ближнему, очистив себя от двух крайностей, от двух друг другу противоположных недугов, которыми заразило падение любовь человеческую: от вражды и от пристрастий. Этого достигнет сердце, когда почиет в Боге.

Христос с тобою! Он да причтет тебя к людям «Своим», да дарует тебе ту крепость, которую приемлют от Него люди — точно Ему «свои».

14 декабря 1847 г.

P. S. Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеша. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, тебе — разумение этого слова. Слово духовное, точно невещественное, неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. От того и случается, что перечитывающий его встречает в нем много нового, ускользающего при первом чтении и чтениях. Ты — хотя и человечек — но ум у тебя, как обращавшийся лишь в вещественном, еще какой-то толстый, духовное переделывает на вещественное. И является у него забота как у Никодима: *како человек может родитися стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своея, и родитися?*[2] Мне тебя — мученичка — жаль, у тебя столько разнородных страданий! Не мучься заботами Никодима! Душа моя! Мне бы хотелось — только утешать тебя! Что ж мне делать, когда чаша обильного утешения, подаемая из страны духовной в страну вещественности, для самого вкушения ее требует распятия. Привыкший к вину ветхому, не *абие хочет нового,* — сказал Спаситель.

[1] *...если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое...* (Иак. 4. 15).

[2] *...как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?* (Ин. 3. 4.)

№ 8

Мир Тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее положение. Будь спокоен: все совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно *многими скорбями внити в Царствие Божие*, которому должно *пройти сквозь огнь и воду, и ведену быть в покой*, которого сердцу предназначено *возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его.*

При утешениях — за верное, за не прелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, в необыкновенной тишине его, в какой-то хладной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень — постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных и передаваемых нам Евангелием. В этот характер облекает Дух Святый, при производимых Им утешениях, служителя Христова, снимая с души его одежду Ветхого Адама, облекая душу в одежду Нового Адама, и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание вполне таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращайся — явится ли оно очам телесным, или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине — Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания, оно говорит: *удаляющий себе от Тебе погибнут: потребил еси всякого любодеющего от Тебе*[1]. Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святыне и чистоте путем, совершенно противоположным вышеприведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою — страною Духа — стоят сперва «образы», т. е. впечатления видимого мира, а потом мнения, т. е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений душевный разум, не приемлющие веры, не способные к живой вере, являемой делами,вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Исти-

ны. Потому-то нужно умерщвление и воображения и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть. Эту прелесть Писание называет *лжеименным разумом*[2], т. е. произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть «знание», знание от видения, видения — действия Святаго Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «мы приняли так понимать», т. е. составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение — прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от стяжательности, от кровных движений, от чувств — словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обвившей всего человека, все части его, все существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с чрезвычайною правильностию: самоотвержением, погублением души своей и проч.

Выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро, — небо; на земле — смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра превозмогается количество зла, — оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. *Работайте Господеви*, — завещевает Пророк, — *со страхом, и радуйтеся Ему со трепетом*[3]. Отвергай с тихостию, как бы отказываясь, как недостойный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света ли или какого Святаго и Ангела, самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твой единственно внимающим словам молитвы, безвидным незапечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), не занятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего;

а свое у нас — ничтожество, небытие; ведь все, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое, все получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах; но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется смерть душевную! телесная пред душевной малозначительна, результат ее, и была бы еще отрадою, если б не давала большего развития вечно существующей смерти душевной).

Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумерщвленного проникает Дух и, как Создатель, дарует ему «пакибытие». — Когда действия чисто духовные умножатся в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца.

Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клети просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. — Несколько раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания» — неопределительность — непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение знания в себе мыслями, для других — словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир — свидетель Истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения: «Ода Бог», Преложения псалмов, все, начиная с преложений Симеона Полоцкого, Преложения из Иова Ломоносова, athale de Racine — все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и Религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены «кровяным движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содействуемого «духовным действием», т. е. действием Духа. Вот! Этого-то хочется мне дождаться от тебя! «Оду Бог», слыхал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало, читает и слюна брызжет изобильно на всех и все, как картечь из крупнокалиберного единорога... приличное чтение после сытого обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, — и мертвые занимаются укра-

шением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений. По мне, уж лучше прочитать, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн»: там светские поэты говорят о своем, — и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, искажать его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия *не воспевать песни Господней на реках Вавилонских*. Кто на реках Вавилонских, и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен, и со спокойствием, с душевною беспопечительностию предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подает тебе Податель всех благ видимых и невидимых, Христос!

[1] *...удаляющие себя от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя* (Пс. 72. 27).
[2] 1 Тим. 6. 20.
[3] Пс. 2. 11.

№ 9[1]

Когда, прочитывая письма из N. монастыря, дошел я до твоего девятистрочия, гляжу на него, хочу прочитать... не читаю!.. не могу!.. не дает мне неодолимая сила, — куда-то уносит меня!..

Ты знаешь: воображенье, вдохновенье — свободы сыны своевольные, прихотливые неукротимые...

Несусь!.. несусь!..

И вот! — я поставлен за тридевять земель и за сорок столетий... стою в чертоге обширном, великолепном, — во временах, как будто бы Библейских. Некогда мне подробно осматривать зодчество чертога, — скажу только: оно массивно, величественно, роскошно. — Все внимание мое влечется к совершающемуся в чертоге действию.

Могущественный, прекрасный собою Властелин рисуется на возвышении. Небрежно и живописно раскинулся длинный блистающий плащ его; одни оконечности плаща лежат на возвышении, другие свесились по ступеням. Тщетно в черных, ясных очах властелина суровостию и гневом усиливаются закрыться благость, участие, любовь!.. Пред ним в молчании, в цепях чужестранец —

[1] Ответ святителя Игнатия на церемонное, благодарственное письмо инока Леонида, написанное по приказанию настоятеля N монастыря. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

юноша с поникшим к земле, убитым взором... На них — на властителя и юношу — выпучены пресмешно глаза всех присутствующих, сгорающих любопытством, но не могущих понять — в чем дело... Взглянул я на эти любопытные, ищущие, не находящие толку, — улыбнулся... и только лишь начал догадываться, что я в Египте, — что вижу Иосифа, проданного туда в рабы, соделавшегося властелином, — что пред ним Веньямин, возвращенный с дороги, как похититель драгоценной волшебной чаши; — взвилась картина очаровательная — исчезла!..

Опять гляжу на твое девятистрочие; прочитал его; положил на стол, говорю: «Ты, исчитывающий звезды, странствующий в беспредельной бездне, — от века начертавший им пути их! Призри на эту душу, — душу, направившую полет свой в неизмеримые пространства желаний небесных... скажи ей путь ее!..»

Молись о мне... А мечту мою безотчетливую, своенравную, да простит мне поэт великодушный!..

Февраль 1848 г.

Ольга Шафранова

Михаил Васильевич Чихачев

Батюшка мой! Поставь своею милостию — уведомь, если случится что особенное с Михаилом Васильевичем.

Святитель Игнатий

В Жизнеописании святителя Игнатия Брянчанинова, составленном людьми, близко знавшими его, рассказывается, что еще в младенческие годы его братья и сестры сознавали нравственное превосходство его и невольно относились к нему с некоторым благоговением. С годами его нравственное влияние на людей проявлялось еще сильнее, отражаясь иногда на их судьбе. Именно так произошло с присным другом Святителя, Михаилом Васильевичем Чихачевым.

Михаил Васильевич Чихачев тоже принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с конца XVI столетия. Родословное древо[1] Чихачевых, начиная с родоначальника Даниила, на протяжении веков несколько раз разветвлялось, и предки Михаила Васильевича каждый раз оказывались в младшей ветви. Но уже за внуком Даниила, Иваном Ивановичем Чихачевым, в 1621 г. записано было по Государевой ввозной грамоте поместье в Пусторжевском уезде Дубецкой волости... Младший внук Ивана Ивановича, Ларион Чихачев, в 1683 г. был владельцем в Псковском уезде пустоши Дроздово и деревни Фаустово, которыми он владел вместе с троюродным братом Иваном Федоровичем Чихачевым. А 20 апреля того же года за службу в войне с турками он получил «с поместного его окладу 450 четвер-

[1] Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1293. Оп. 1. № 65.

тей 90 четвертей в вотчину в Пусторжевском уезде в Ошенском стану сельцо Красное на речке Лещанке, во Изборском уезде в Павловской губе деревню Фаустову». Внук Лариона, Яков Алферьевич Чихачев, в 1749 г. капитан, имел трех сыновей, младший из которых Василий Яковлевич (р. 1760) — гвардии прапорщик, помещик Псковской губернии владел в Порховском уезде сельцом Токаревка и селеньями в Новоржевском уезде; у него было наследственных 110 душ, да благоприобретенных 97 душ, да за женой 85 душ. Женат он был на Екатерине Михайловне Семенской.

Михаил Васильевич — младший сын Василия Яковлевича и Екатерины Михайловны Чихачевых, родился он 8 апреля 1806 г.; у него было два брата: Дмитрий (р. 1794) и Александр (р. 1801), и две сестры: Екатерина (р. 1789) и Ольга (р. 1797), в замужестве Кутузова.

Все три сына Чихачевы были определены в военную службу. Младший, Михаил Васильевич, был привезен отцом в Петербург, как и Дмитрий Александрович Брянчанинов, в 1822 г. Он хорошо сдал приемный экзамен в Главное Инженерное училище и тоже был зачислен пансионером Великого Князя Николая Павловича.

Впервые встретившись в Инженерном училище, молодые люди вскоре подружились. Несходство их характеров: Дмитрий Александрович был серьезен, задумчив, сосредоточен в самом себе, а Михаил Васильевич несколько рассеян, говорун, весельчак, привыкший дома «к баловству и болтовне», — не мешало их искренней дружбе, но с самого начала определило их отношения. Михаил Васильевич предался Дмитрию Александровичу, как сын отцу, как младший старшему. А Дмитрий Александрович привязался к нему, как к младшему любимому брату, который на протяжении всей его жизни оставался, может быть, самым близким ему человеком.

Этот период их жизни, время учебы в училище и несколько последующих лет, воспроизведен в «Жизнеописании святителя Игнатия» на основании «Записок» М. В. Чихачева; писал их Чихачев уже на склоне лет, «понуждаемый любовью его знающих, как можно было припомнить, что было с ним[1] от юности до времени пострижения его», излагая «повесть своего обращения ко всемогущему покаянию». При этом, описывая тот или иной эпизод, он иногда добавлял: «если вспомнить». Но судя по

[1] Свои «Записки» М. В. Чихачев писал от третьего лица.

подробностям, которые содержатся в «Записках», память его крепко удерживала события тех лет.

К сожалению, «Записки» М. В. Чихачева отдельно не публиковались и ныне утрачены, но в отрывках использовались разными авторами. По возможности, постараемся восстановить их по этим отрывкам, так как они чрезвычайно важны и для характеристики самого Михаила Васильевича и для более полного описания отдельных эпизодов жизни и деятельности святителя Игнатия, свидетелем, а часто и непосредственным участником которых Михаил Васильевич был.

Вообще, по продолжительности времени, когда они были вместе, по характеру их взаимоотношений и взаимной доверенности можно определенно сказать, что М. В. Чихачев на протяжении долгих, трудных лет был самым близким человеком для святителя Игнатия. Ближе даже, чем его брат, Петр Александрович Брянчанинов, который во все время настоятельства святителя Игнатия в Сергиевой пустыни проходил военную службу вдали от Петербурга, с братом встречался не часто и о его обстоятельствах знал мало. (Близко они сошлись после 1857 г., когда архимандрит Игнатий был назначен Епископом Кавказским и Черноморским с кафедрой в Ставрополе, где Петр Александрович сначала был вице-губернатором, с 1 августа 1859 г. — губернатором; и затем, когда он получил отставку и переехал к брату в Николо-Бабаевский монастырь.)

Нет сомнения, что Михаил Васильевич воспитывался в религиозной семье и набожное настроение было привито ему с детства. Тем не менее о вере он имел «весьма темное понятие» и, может быть, не решился бы на столь крутой поворот в своем жизненном пути, если бы не встретился с Дмитрием Александровичем. Вот как он сам описывает влияние на него его товарища: «В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. «Зачем?» — «Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться Святым Христовым Тайнам. Смотри и ты не отставай». Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! — «Не твое дело, а духовника», — отвечает храбро товарищ и любовию своею влечет за собою.

Раз сделано, а на другую субботу опять то же приглашение. Хотя это делалось, по-видимому, легко, но внутренний мой состав весь потрясался. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства, и вся обстановка, да к тому же и внутреннее сильное

восстание страстей и привычек, разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своею немощию устоять, если б не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще — поприще мученичества добровольного и исповедничества».

Молодые люди начали ходить к инокам Валаамского подворья для исповеди и Святого Причащения. «Один из них, — пишет Чихачев, — отец Серафим сказал им однажды: «Здесь вы не удовлетворите души вашей, а, если угодно, есть в Невском монастыре ученики отца Леонида, старца опытного и получившего образование монашеское от учеников старца Паисия Молдавского, они вам лучше укажут путь и со старцем своим могут познакомить». Последовав этому совету, Дмитрий Александрович и Михаил Васильевич стали ходить в Невскую Лавру и познакомились там с иеромонахом Аароном и монахами Харитоном и Иоанникием.

По рассказу Чихачева, жизнь их в это время протекала следующим образом: от семи до часу дня они проводили в училище, в классах. Возвратившись к себе и скромно отобедав, отправлялись к вечерне в Лавру, где, по окончании богослужения, заходили в кому-нибудь из учеников отца Леонида для беседы. Но из трех знакомых им иеромонахов в монастыре остался скоро один отец Иоанникий, а два других, по назначению начальства, перешли в другие монастыри. С отцом Иоанникием и Лаврским духовником отцом Афанасием молодые люди совещались о всем, что касалось внутреннего монашеского делания, им они исповедывали свои помыслы, не скрывая ничего, учились у них «охранять себя от страстей, от помыслов, от поползновений». Занимались прилежно чтением книг «святых Отцов: Дмитрия Ростовского, Иоанна Златоустого, Добротолюбия, Лествицы и других», почерпая у них образ мыслей, разум духовный и способы ко спасению души.

Скоро представился случай познакомиться и со знаменитым старцем отцом Леонидом, который прибыл в Петербург по своим делам и остановился в Невской Лавре. После первой же беседы с ним Дмитрий Александрович говорил Чихачеву: «Сердце вырвал у меня отец Леонид; теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу, ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении».

Однако по окончании училища Дмитрий Александрович вместо отставки, о которой он просил, был направлен в Динабургскую крепость. Вскоре, однако, начальство убедилось, что состояние здоровья не позволяет ему продолжать службу. Получив в ноябре 1827 г. «вожделенную» отставку, он отправился к отцу Леониду в Александро-Свирский монастырь. По пути он заехал в Петербург, где в это время находился Чихачев. «Вот я уже еду, — сказал он ему, — а как думаешь ты устроить свою дальнейшую жизнь? Не раздумал ли ты еще последовать за мною?» Чихачев, которому всегда казалось, что он, хотя и желал всем сердцем во всем подражать непорочной жизни своего товарища, но «далеко, далеко отставал от него и по слабости и по лености, и по вкоренившимся с детства порокам, от которых при всех усилиях не мог отстать», чистосердечно отвечал, что, не полагаясь на свои силы, он последует за своим другом только в том случае, если этот последний обещает никогда не оставлять его без своей помощи. «Подавай же в отставку, — воскликнул, услышавши это, товарищ, — а о неоставлении с моей стороны само собою разумеется».

Однако Михаил Васильевич тоже вместо отставки был командирован в Бобруйскую крепость. Здесь он вторично подал прошение об отставке, и на этот раз оно было удовлетворено. 11 ноября 1829 г. он прибыл в Площанскую пустынь Орловской епархии, куда к этому времени переместился отец Леонид со своими учениками.

Дмитрий Александрович с радостью встретил своего друга. К этому времени он уже преуспел в подвигах духовных и мог быть для своего товарища добрым наставником в первых шагах его иноческой жизни. Особенно утвердился он в правильности выбранного ими пути после происшедшего с ним здесь случая, описанного Чихачевым: «В одно утро, разбудив товарища своего Чихачева, послал его в церковь к утрени; сам же остался в келье, ибо по болезни не мог в то время даже в церковь ходить. Возвратившись от утрени, Чихачев застал его бодрым, веселым, и не следа болезни в нем не было заметно. «Что с тобой необычное сделалось?» — спросил Чихачев. «Милость Божия великая», — сказал он и поведал бывшее ему видение, не во сне, а в тонкой дремоте: виделся ему светлый крест во весь его рост и надпись на кресте таинственная и ему непонятная. Над крестом виделись ветви и длани Христа Спасителя, при кресте благоговейно стояли он и товарищ его Чихачев. И был от креста Голос к нему: «Знаешь ли, что значат слова, написанные на кресте?» — «Нет,

Господи, не знаю», — отвечал он. «Они значат искреннее отречение от мира и всего земного, — продолжал невидимый Голос, — а знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на сторону ту, где стоит твой товарищ?» — «И этого не знаю, Господи!» — отвечал он. Тогда Голос ясно и значительно произнес: «Это значит, что он должен участвовать в твоих страданиях»».

На этом видение прекратилось, оставив в душе видевшего его глубокий мир, благодатное утешение и обильное умиление духовное, невыразимое словами. По замечанию Чихачева, с тех пор товарищ его получил особую духовную силу разума, удобно постигал и разрешал трудные вопросы и недоумения духовные и являл в себе многие свойства благодатные, нередко приводившие Чихачева к благоговейному удивлению.

Недавно прибывший в Площанскую пустынь Михаил Васильевич не сразу заметил, что товарищ его не вполне удовлетворен руководством отца Леонида; о себе же он писал: «Нередко случалось, придешь к отцу Леониду и передашь ему все свои беды, а он какими-нибудь простыми словами и благословениями до того облегчит сердечную скорбь и обновит унылый дух, что пойдешь от него совсем обновленный, как бы переродившийся новый человек, и примешься опять с усердием и удовольствием за внутренний подвиг очищения сердца от страстей». Дмитрий же Александрович страдал от многолюдства около отца Леонида, от празднословия в его приемной, от неумения старца разрешать его недоумения. Он просил старца благословить его жить отдельно, а тот, не сразу, но все же разрешил ему и Чихачеву жить отдельно, избегая многолюдных собраний.

Всего несколько месяцев прожили молодые подвижники в благодатном уединении в Площанской пустыни. В апреле 1829 г. отец Леонид вынужден был покинуть ее. Вслед за ним и Брянчанинову с Чихачевым было предписано оставить пустынь. Пришлось друзьям самим искать себе приют. Они побывали в Белобережной пустыни, но не смогли там остаться. Тогда они прибыли в Оптину Пустынь, куда перешел отец Леонид. Но и здесь настоятель ее, отец Моисей, колебался принять молодых дворян, предполагая, что им невмоготу будет соблюдать монастырские правила. Старшая братия, однако, уговорила его, и он разрешил им остаться.

Вскоре, рассказывает Чихачев, для них настали тяжкие и многотрудные дни: противники старчества относились неблагосклонно к ним, как ученикам отца Леонида, к тому же грубая мо-

настырская пища, приправленная плохим постным маслом, весьма вредила и без того плохому здоровью Дмитрия Александровича. Видя, что другой пищи взять негде, друзья придумали у себя в келье варить похлебку без масла и, с большими затруднениями выпрашивая круп, картофелю и кастрюльку и употребляя вместо ножа топор, сами готовили себе более легкую и сносную пищу. Однако условия жизни привели к тому, что оба они тяжело заболели. Спасло их то, что некоторые изменения обстоятельств в семье Дмитрия Александровича[1] сделали возможным его возвращение под родительский кров в село Покровское, куда пригласили и больного Чихачева. По дороге в Покровское они приложились к мощам в Троице-Сергиевой Лавре и к мощам Димитрия Ростовского в Яковлевском монастыре. В Покровском, на первых порах, их встретили очень радушно: родители Дмитрия Александровича надеялись, что после перенесенных испытаний он откажется от своего намерения стать монахом. Чихачев вспоминал, что «его лечили, окружили всеми удобствами, при которых молодой человек быстро стал поправляться и сохранил навсегда к Александру Семеновичу и всей семье его живейшее чувство признательности».

Недолго, однако, могла продолжаться эта безмятежная жизнь. Мир снова начал настойчиво предъявлять свои требования, и молодые люди опять начали помышлять о том, как бы им поместиться на жительство в монастырь. В феврале 1830 г. в начале Великого поста они отправились в Кирилло-Новоезерский монастырь Новгородской губернии, в 30 километрах от города Белозерска. Здесь из-за сырого климата Дмитрий Александрович снова заболел, и в июне 1830 г. родители прислали за ним экипаж и его перевезли в Вологду.

Михаил Васильевич оставался еще некоторое время в монастыре и познакомился с прибывшим туда двадцатилетним юношей из купеческого звания, Петром Дмитриевичем Мясниковым, будущим Угрешским архимандритом отцом Пименом. В позднейших своих «Воспоминаниях» архимандрит Пимен писал: «Из младшей братии я застал в монастыре [Новоезерском] между прочими: Комаровского Александра Федоровича, Чихачева Михаила Васильевича и Яковлева Павла Петровича... Чихачев Михаил Васильевич, из весьма древнего и известного дворянского рода, был лет 22-х, роста весьма высокого, видный и красивый юноша, говорил очень скоро и пел октавою. Волосы имел черные и в мо-

[1] См: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 66–67.

лодых летах уже чрезвычайно скудные. Он был весьма добр, обходителен, простосердечен и ко всему временному и мирскому совершенно беспристрастен и равнодушен. Послушание он имел клиросное пение, а когда ему приходилось читать сутки, то, так как он был весьма близорук и читать на обыкновенном налое не мог, по благорасположению к нему настоятеля, для него был сделан превысокий налой, соответственный его высокому росту. За свой добрый характер он был всеми весьма любим. Единственный его недостаток, впрочем, не от него зависящий и происходящий от природных способностей, это слабость характера и неимение собственного мнения и своего суждения...» Это свойство характера Михаила Васильевича понуждало Дмитрия Александровича постоянно беспокоиться о своем товарище: «Батюшка мой! — писал он П. П. Яковлеву 27 апреля 1830 г. — Поставь своею милостию — уведомь, если случиться что особенное с Михаилом Васильевичем, его отъезд и проч.».

Через некоторое время Михаил Васильевич также оставил Новоезерский монастырь и пешком отправился в родные места в Псковскую губернию.

Между тем произошли известные события: оправившись от недуга, Дмитрий Александрович Брянчанинов, по благословению Преосвященного Стефана, епископа Вологодского, поместился сначала в Семигородной пустыне Вологодской губернии, затем в Глушицком Дионисиевом монастыре, и, наконец, 28 июня 1831 г. Преосвященный Стефан самолично постриг его в мантию с именем Игнатия; 5 июля он был рукоположен в иеродиакона, 20 июля — в иеромонаха, а 6 января 1832 г. был назначен строителем Лопотова Пельшемского монастыря.

Михаил Васильевич, отправившись на родину, прибыл в Свято-Благовещенскую Никандрову пустынь, где и остался погостить. «Чин богослужения и напевы (киевские), неслыханные до сих пор Чихачевым, одаренным от природы великими музыкальными способностями и чудным голосом-басом, произвели на него необычайное впечатление, и он с рвением стал учиться таким напевам, ходя на клирос петь вместе с другими монахами Никандровой пустыни. [Впоследствии Чихачев вводил такие напевы в те обители, в которых находился; особенно много сделано им в Троице-Сергиевой пустыни.] Родители прислали за ним престарелую тетку, и она уговорила его ехать домой. Родители уговаривали его поступить на светскую службу. Тяжела была его внутренняя борьба, так как «сталкивалась сама любовь

с любовию же...». «Ради Христа надел и ношу это платье, зачем же для угождения миру и родным сниму его?» Так, не зная, на что решиться, провел он около года, то живя у родителей, то в Никандровой пустыни, настоятелю которой очень хотелось постричь его и сделать иеродиаконом».

Следует отметить, что родители Михаила Васильевича также не были в восторге от решения их сына уйти в монастырь, также отговаривали его, ссорились с ним, но все-таки не проявили такой непреклонности, как родители Дмитрия Александровича. Об этом можно судить по тому, что они выделили ему его часть наследства и позволили распорядиться ею по его усмотрению. Дмитрий Александрович от своих родителей не получил ничего.

Итак, примирившись с родителями, уладив семейные обстоятельства, навестив любимую сестру Ольгу Васильевну, прибыл Михаил Васильевич к своему другу в Лопотов монастырь. Отец Игнатий ждал его: начав обустраивать монастырь, доставшийся ему в полуразрушенном состоянии, «где не было где голову приклонить», он отстроил для настоятельских покоев небольшой домик, в котором предусмотрел помещение и для Чихачева. «Увидавшись с товарищем в его монастыре, — пишет Чихачев, — хоть и обрадовался, но не так, как предполагал, чему сперва удивился, но впоследствии очень сделалось понятно, что прежде мы только друг друга знали, а теперь у него попечение о целом общежитии было, следовательно, силы сердечной любви распространялись не на одного меня, а на всех чад его».

В Лопотове Михаил Васильевич был облечен другом своим в рясофор, «радуясь и благодаря всей душой Господа за то, что Он сподобил его хотя и малого, но ангельского образа». Он сделался деятельным помощником Строителя по благоустройству и обновлению монастыря, и главное, составил там отличный хор.

В «Записках» Михаила Васильевича имеется рассказ, свидетельствующий о том, как нелегко было строителю Игнатию водворить нравственный порядок в Лопотовом монастыре: в обитель часто приходил тамошний поселянин Карп, любивший советоваться с настоятелем Игнатием о своей духовной жизни. Однажды этому простому человеку было такое видение: видел он, что братия, бывшая в Лопотовом монастыре до прибытия сюда Игнатия, купается в реке и с воплями жалуется стоящему тут же на берегу преподобному Григорию, основателю обители, на нового настоятеля Игнатия, который их притесняет: не велит

Схимонах Михаил
(Михаил Васильевич Чихачев)

ходить в церковь с заплетенной косой, запрещает на клиросе нюхать табак, не велит носить красных кушаков, не позволяет ходить в деревню, как бывало прежде, и т. п. Преподобный Григорий, слыша эти жалобы, обращается к Карпу и говорит: «Могу ли их послушать? Настоятель делает, как надо и, если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами».

Этот же Карп имел другое видение: ему было открыто, что отцу Игнатию дается церковь Святой Троицы близ Петербурга, где братия, как бы возбужденная от сна, удивляется прибытию его сюда; он ясно видел даже какой в церкви иконостас. Тогда отец Игнатий ничего еще не помышлял о Сергиевой пустыни, а думал, что ему удастся переселиться куда-нибудь в Псковскую губернию, почему и спросили Карпа, рассказавшего о своем видении, как он думает, будет ли верст четыреста от Петербурга до той церкви, в которой он видел Игнатия. Но он отвечал, что эта церковь гораздо ближе. Все остались в недоумении, и только тогда, когда прибыли в Сергиеву пустынь и в церкви увидели иконостас, как описывал Карп, вспомнили его видение, которое, таким образом, вполне оправдалось.

Через некоторое время семейные обстоятельства, а именно свадьба сестры, вызвали Чихачева снова на родину, на этот раз

не надолго. По дороге он заехал в Новгородский Юрьев монастырь, где представился знаменитому архимандриту Фотию и познакомился с его духовной дочерью графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской.

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848) «представляет разительный пример благочестия и добродетели». Дочь героя Чесмы, графа А. Г. Орлова, в семилетнем возрасте пожалованная во фрейлины, в 23 года оставшаяся сиротой и унаследовавшая от родителей огромное имение, стоившее до 40 миллионов рублей ассигнациями и приносившее ежегодно до миллиона рублей, она отказалась «от светских благ, от мирских наслаждений» и посвятила себя уединенной жизни. Найдя себе духовного руководителя в лице настоятеля Юрьевского монастыря отца Фотия, она поселилась поблизости этой обители и непрерывно ей благотворила. Благодаря ее пожертвованиям и дарам, архимандрит Фотий обновил с необыкновенным великолепием старинный храм святого Георгия и другие церкви монастыря, а также имел возможность построить ряд новых строений. Более 25 лет прожила Анна Алексеевна при Юрьевском монастыре, но постоянно благотворила и другим обителям, «посвятив Богу и свое богатство, и свою душу и тело, но выполняя и свои обязанности, связанные с высоким положением». Благотворить она предпочитала тайно. Также тайно приняла постриг с именем Агния.

Графиня Анна Алексеевна уже давно хотела познакомиться с молодыми подвижниками. «Она очень обласкала Чихачева, пожертвовала несколько книг для Лопотова монастыря и 800 рублей денег и отправила его на свой счет в Вологду». С тех пор друзья пользовались особым расположением графини до самой ее кончины. Старанием отца Игнатия, на пособие графини в Лопотовом монастыре были построены два деревянных братских корпуса, обновлена церковь. Пополнена ризница, куплена пара лошадей. «Спорки были деньги графини», — заключает Чихачев.

Вредный климат, однако, вновь начал оказывать свое воздействие на организм отца Игнатия. Чихачев пишет: в Лопотовом монастыре Игнатий постоянно и сильно хворал. Болотистая местность, неимоверное количество насекомых. Обилие монастырских нужд, отсутствие средств для их удовлетворения, невольное, по требованию жизни, перенесение центра тяжести с духовного подвига на суетное житейское, хотя и для Божьего дела, — тяготили душу Игнатия. «Тело его тоже крайне изнемогало». Чихачев томился всей душой, видя друга и духовного на-

ставника своего лежащим на одре болезни. Наконец, он решился предложить ему переместиться в один из монастырей Псковской епархии и отправился хлопотать об этом.

К моменту его прибытия в Петербург деньги, которые он смог взять на дорогу, были все израсходованы. Не имея, где остановиться, это было, по его словам, перст Божий, ведущий его и показывающий, куда ему надлежало идти, — к графине Орловой. Узнав о его критическом положении, графиня не только поместила его в своем доме и снабдила всем необходимым, но и взялась хлопотать об его деле. Она обратилась, прежде всего, к Псковскому архиерею, но тот отказал. Не нашел места в своей епархии и Митрополит Санкт-Петербургский Серафим. Чихачев хотел уже возвращаться, но графиня посоветовала ему обратиться к Московскому Митрополиту Филарету, который находился как раз в Петербурге. Высокопреосвященный Митрополит принял Чихачева ласково, расспросил обо всем, сказал, что уже слышал о деятельности игумена Игнатия и сам предложил перевести его в Николаевский Угрешский монастырь. И на другой день послал в Вологду к епископу Стефану указ о перемещении игумена Игнатия, который должен немедленно явиться к новому месту службы.

Однако, хотя назначение это состоялось, игумен Игнатий не попал в Угрешский монастырь, а был вызван, по Высочайшему повелению, в Петербург, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем в Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом. 5 января 1834 г. оба друга прибыли в обитель, где один из них проведет почти 24 года, а другой останется до конца своих дней.

Предстояла огромная работа по возрождению Пустыни. По свидетельству Чихачева, в Сергиевой пустыни настоятельский корпус топлен никогда не бывал, и потому настоятелю приготовлено было помещение в инвалидном доме графа Зубова, в двух комнатах, куда на зиму и поместился сам он и приехавшие с ним пять человек братии, в том числе Михаил Чихачев и послушник, впоследствии преемник, Иван Васильевич, в монашестве Игнатий (Малышев). Первым предметом попечения настоятеля была Сергиевская церковь, требовавшая непременного возобновления, кроме стен, затем корпус настоятельский. А для соединения их нужно было вновь устроить трапезу. В этих работах настоятелю и его другу очень помогала их специальность инженеров. Также, говорит Чихачев, «помогало деятельности настоятеля его умение выбирать людей и его знание сердца че-

ловеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение».

Михаил Васильевич был первым из таких людей. Он пожертвовал в обитель все свое наследственное состояние 40 000 рублей, которые позволили архимандриту Игнатию осуществить задуманные им работы по введению рационального сельского хозяйства для обеспечения нужд монастыря. В необходимых случаях, которые на первых порах в Сергиевой пустыни возникали нередко, он мог, по словам Архимандрита, «и посбирать», чему весьма способствовали его связи, а также добрые качества, привлекавшие к нему людей. Так, он по-прежнему пользовался благоволеннем графини А. А. Орловой-Чесменской, которая много помогала Пустыни. Ее жертвы на пользу обители учету не поддаются: она любила благотворить тайно. «Передавалось все, — говорит Чихачев, — чрез мои руки без счета, а я не почитал нужным считать, но предоставлял все настоятелю и Богу, воздающему всем и каждому из нас обильно благами».

При всем том Михаил Васильевич был очень талантлив. Он обладал редким по красоте голосом — басом-октавою, и его церковно-музыкальным познаниям обязана Пустынь своим величественно-художественным исполнением духовных песнопений. О том, как современники восхищались красотой и звучностью его голоса рассказывает, в частности, Н. С. Лесков в своей полуфантастической повести «Инженеры-бессребреники»:

«Чихачев не достиг таких высоких иерархических степеней и к ним не стремился. Ему во всю жизнь нравилось тихое, незаметное положение, и он продолжал тушеваться как при друге своем Брянчанинове, так и после. Превосходный музыкант, певец и чтец, он занимался хором и чтецами и был известен только в этой области. Вел он себя как настоящий инок, никогда, впрочем, не утрачивая отпечатка хорошего общества и хорошего тона, даже под схимою. Схиму носил с редким достоинством, устраняя от себя всякое покушение разглашать что-либо о каких бы то ни было его особливых дарах...

Музыкальные и вокальные способности и познания Чихачева до некоторой степени характеризуются следующим за достоверное сообщаемым случаем: одна из его родственниц, Мария

Павловна Фермор, была замужем за петербургским генерал-губернатором Кавелиным. Чихачев нередко навещал ее. Однажды, когда он сидел у Кавелиной, к ней приехал с прощальным визитом известный Рубини. Кавелина, знакомя встретившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачев — ее дядя и что он, хотя и монах, но прекрасно знает музыку и обладает превосходным голосом... Я думаю (воскликнул Рубини), вы не запретите мне спеть при вашем дяде.

— Я буду в восторге.

— А вы ничего против этого не имеете? — обратился, живо вставая с места, Рубини к самому Чихачеву.

— Я очень рад слышать знаменитого Рубини.

— В таком случае Рубини поет с двойною целью, чтобы доставить удовольствие хозяйке дома и своему собрату, а в то же время, чтобы сделать неудовольствие грубым людям, не понимающим, что музыка есть высокое искусство.

Мария Павловна Кавелина открыла рояль и села аккомпанировать, а Рубини стал и пропел для Чихачева несколько лучших своих арий.

Чихачев слушал с глубочайшим вниманием, и, когда пение было окончено, он сказал:

— Громкая слава ваша нимало не преувеличивает достоинств вашего голоса и уменья, Вы поете превосходно.

Так скромно и достойно выраженная похвала Чихачева чрезвычайно понравилась Рубини...

— Я рад, что мое пение вам нравится, но я хотел бы иметь понятие о вашем пении.

Чихачев сейчас же молча встал, сам сел за фортепиано и, сам себе аккомпанируя, пропел что-то из какого-то духовного концерта.

Рубини пришел в восхищение и сказал, что он в жизнь свою не встречал такой удивительной октавы и жалеет, что лучшие композиторы не знают о существовании этого голоса.

— К чему же бы это послужило? — произнес Чихачев.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенные партии, и ваша слава, вероятно, была бы громче моей.

Чихачев молчал и, сидя боком к клавиатуре, тихо перебирал клавиши.

Рубини встал и начал прощаться с Кавелиной и с ее гостем.

Подав руку Чихачеву, он еще раз сильно сжал его руку, посмотрел ему в глаза и воскликнул с восторгом:

— Ах, какой голос! Какой голос пропадает безвестно!

— Он не пропадает: я им пою Богу моему дондеже есмь, — проговорил Чихачев по-русски».

Основательно изучивший столповое пение, Михаил Васильевич не только сам пел на клиросе, но и помог архимандриту Игнатию создать в Сергиевой пустыни великолепный, «лучший» церковный хор того времени, который даже привлекался в особо торжественных случаях к выступлениям вместе с Придворной певческой капеллой.

Но самым главным, что характеризовало душевные качества и архимандрита Игнатия и Михаила Чихачева, было то, что, несмотря на разницу положений, они сохранили все ту же искреннюю дружбу, которая связывала их в юношеские годы. Как и прежде, архимандрит Игнатий поверял откровенно другу свои сокровенные думы, печали, скорби, которых было предостаточно в годы служения его в Сергиевой пустыни, и всегда встречал в нем полное и отрадное себе сочувствие. «Управление Игнатиево, — писал Чихачев, — казалось небывалою новостию. Братия из старых, привыкшие к своим обычаям, принуждены были понуждаться на новый порядок, как делали вновь вступившие; чин церковной службы тоже вводился. Иной напев, иное стояние, поклонение по положению, клиросное пристойное пребывание и прочее, одежда, трапеза и вся жизнь как бы вновь созидалась, потому что и мудрование, то есть образ мыслей и взгляд на вещи был иной от обыкновенного, к тому же и письменная часть и хозяйственная устраивалась вновь. Тогда — это схоже было на одну семью, управляемую одним отцом, который зорко наблюдал и за исполнителями и за исполнением. Вся ответственность лежала на отце, то есть на настоятеле. Неудобность места к жительству монашескому, молодость и представительность многих из нас, неблагоприятство многих из сильных особ, зависть и клевета недоброжелающих и в некоторых случаях притеснения самих начальствующих высоких особ, да и свои собственные немощи, недостатки и малоопытность, все это вместе разве не доставляло забот самой главе — отцу? Но делать было нечего, убежать было нельзя, надо нести и помощи просить свыше, что и на самом деле было. С Божиею помощью все было вынесено — и сносное, и кажущееся по-человечески несносным. Но настоятелю это стоило многих тяжких болезней и скорбей душевных, которые и от меня даже были скрыты. Самые действия его были непонятны многим, чтобы не сказать всем, тем более мне, простаку. В нем вмещалось

много и одно другому не мешало, то есть и глубокое знание писаний святых отцов с монашеским деятельным опытом, и внешний навык и способность обращения со всякого рода людьми, тонкое постижение нравов человеческих со всеми их причудными немощами. Различение благонамеренности от зловредной ухищренной гибкости и все проказничьи крючки умел он проникать, иногда и воспользоваться ими для пользы братии и обители».

Будучи верным сподвижником архимандрита Игнатия во все время его пребывания в Сергиевой пустыни, помощником во всех его начинаниях, Михаил Васильевич так и остался в его тени. По воспоминаниям архимандрита Пимена (Угрешского): «Он священства не желал и не принимал никаких видных должностей. Жизнь вел уединенную и воздержанную... и всегда и везде, где ни был, всеми был любим и уважаем за приветливость и общительность». «Жизнеописание святителя Игнатия» упоминает о нем теперь редко, в основном в связи с представлениями Государю, который его тоже знал по учению в Инженерном училище. Так, летом 1834 г. Государь неожиданно приехал в Сергиеву пустыню. «Дома ли архимандрит? Скажи, что прежний его товарищ хочет его видеть», — сказал он встреченному монаху. Пришел архимандрит. «Вслед за ним, — рассказывает Чихачев, — вхожу и я. Государь, увидев меня, обнял и тем такое впечатление сделал, что я сам обеими руками схватился за шею его, и мы, по крайней мере, раз пять поцеловались при всем народе и при Императрице с Наследником, взошедшими в церковь несколько позднее Государя. Потом, поставив нас рядом с настоятелем, много расспрашивал: «Всегда ль мы вместе? чем я занимаюсь? где третий из наших товарищей, поживший несколько времени в монастыре и снова поступивший на службу?» В ответ, что тот возвратился в мир и поступил вновь в службу, Государь заметил: «Видно, ему монастырский хлеб сух показался, а тебе, — обратился он к Чихачеву, значительно пополневшему, — пошел впрок».

Государь, очевидно, желал поддержать свою моральную связь с управляемою архимандритом Игнатием обителью, потому что в то же посещение пожелал, чтобы архимандрит и Михаил Чихачев, вместе с братией Александро-Невской Лавры и Митрополитом, являлись во дворец для славления Христа. «Что продолжается и до сегодняшнего времени».

Но, продолжает рассказ Чихачев, «видно многим из окружающих Государя лиц не понравилось искреннее обхождение его с монахами, наипаче же не нравилось оно общему врагу рода чело-

веческого и всякого добра, который всячески старался навести гнев Государя на Игнатия за что бы то ни было и, к сожалению, успел. Вскоре после того последовали от Консистории три указа, один за другим, такие, которые нельзя было иначе исполнить, как уничтожив существование монастыря. Первый указ был о том, чтобы послать трех иеромонахов на флот, а всех тогда и с должностными было только шесть. Когда же послали, пришел другой указ с выговором настоятелю, зачем посылает престарелого. Но другого моложе и надежнее не имелось в нашей обители. Третий указ был о том, чтобы ни архимандриту, ни из братии никому не ездить в город иначе, как выписав себе прежде позволительный билет из Консистории. А у нас и хлеб, и провизия, и всякая вещь малая и большая покупаются в городе; когда же дожидаться билета консисторского? Но в этом Митрополита совершенно уверили, что на то есть Высочайшая воля. Когда, написав бумагу о невозможности исполнения Указа, настоятель привез ее к Владыке, тот не принял. Нечего было делать, поехали оба мы в Царское Село, тогда Царская фамилия находилась там. Только мы подъехали к крыльцу, встречается Наследник, нынешний Император. Обратясь к товарищу, спрашивает о причине его приезда. «Мне надо видеть Государя», — отвечает товарищ. «Хорошо, — сказал Наследник, — я доложу ему о вас, а вы подождите ответа у Кавелина на квартире». Чрез несколько часов Кавелин приходит и узнает от нас обо всем — ему и поручено было от Государя так сделать и ему донести. По возвращении в монастырь архимандрит снова поехал к Митрополиту и сказал, что он уже ездил к Наследнику и говорил с ним об этом. Митрополит говорит: «Вот очень хорошо сделали, может быть, и другим можно будет сделать облегчение»; и опять не хотел принять бумаги. Но секретарь Суслов, услышав это объяснение, понял дело и сказал: «действительно, это с нашей стороны ошибка». Тогда только Митрополит взял дело и разрешил ездить Сергиевским по-старому».

Но все скорби и гонения были ничто в сравнении с тем, чем обносила архимандрита обыденная клевета и людское злоречье. Примером тому может служить рассказанная Чихачевым история с французским посланником при Русском дворе Барантом, в подробностях включенная в «Жизнеописание святителя Игнатия»[1].

«Было время, — пишет Чихачев, — что и духовное начальство хотело сжить архимандрита и заставить его просить увольнения от должности, чтоб самим управлять по их желанию, но и

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 148–150.

того не удалось. Это было во время болезни митрополита Антония, когда всеми епархиальными делами управлял викарный епископ Нафанаил. Архимандрит, видя и понимая все, подал прошение об увольнении, но Синод благоволил дать ему только на год отпуск в избранный им Бабаевский монастырь Костромской епархии».

По свидетельству Чихачева, за время отпуска Настоятеля, Государь, увидев Чихачева, спрашивал о здоровье архимандрита Игнатия и приказал передать ему, что нетерпеливо ожидает его возвращения.

«Прошло время, — пишет далее Чихачев, — и не стало уже ни Митрополита Антония, ни викария его; места их заменили другие. Митрополит Никанор сам был некогда настоятелем Сергиевой пустыни, знал, что было тогда и что сделалось потом. При этом Владыке было полегче, хотя и бывали некоторые недоумения и недоверчивость к настоятелю, но и то прошло. Митрополит Григорий, тоже бывший настоятель Сергиевский, хорошо знал и понимал архимандрита». По свидетельству Чихачева, «архимандрита Игнатия сначала предполагали назначить Епископом в Новгород, куда он уже и готовился. Но вышло иначе. В Новгород посвятили другого, а архимандрита Игнатия через год после этого назначили Епископом Кавказским и Черноморским для приведения епархии в должный порядок».

Л. А. Соколов, профессор Киевской Духовной академии и автор двухтомной монографии о Святителе, пишет: «Тесная дружба с юных лет Брянчанинова и Чихачева естественно вызывает вопрос, почему они расстались, когда Игнатий Брянчанинов был назначен на кафедру Епископа Кавказского и Черноморского, а Михаил Чихачев остался все в том же звании послушника в Троице-Сергиевой пустыни». Михаил Васильевич отвечает: «Многим знакомым нашим кажется странным, отчего мы, столь долго проживя вместе, теперь пребываем в разлуке? Дивны дела Божии и неиспытанны пути Его! Сделалось так, что товарищу дали епархию, в которой монастырей нет, да и благоустроить их по тамошнему местоположению еще невозможно. Будь эта епархия с монастырями, как прочие, тогда не только я, но и многие, может быть, из нашего братства перешли бы к нему, чрез что могло случиться, что монастырь наш не имел бы того вида, но теперь, в особенности при этом настоятеле [ученике святителя Игнатия — Игнатии (Малышеве)], он остается совершенно таким, как был: все старики живут, упокоиваются любо-

вию и благонамеренностию настоятеля, с ними вместе и я тоже, почему и уговорили меня принять полное пострижение, предварительно вступив в духовное ведомство, что мне Господь и помог учинить. Теперь, если угодно будет Господу, желание имею по усмотрению начальства посхимиться для того, чтобы конец был сообразен началу и ожидать перехода из временной жизни в вечную, при покаянии и сокрушении сердечном, дабы не быть отвергнутым от Господа на Страшном Суде, где и за каждое праздное слово потребуется дать ответ».

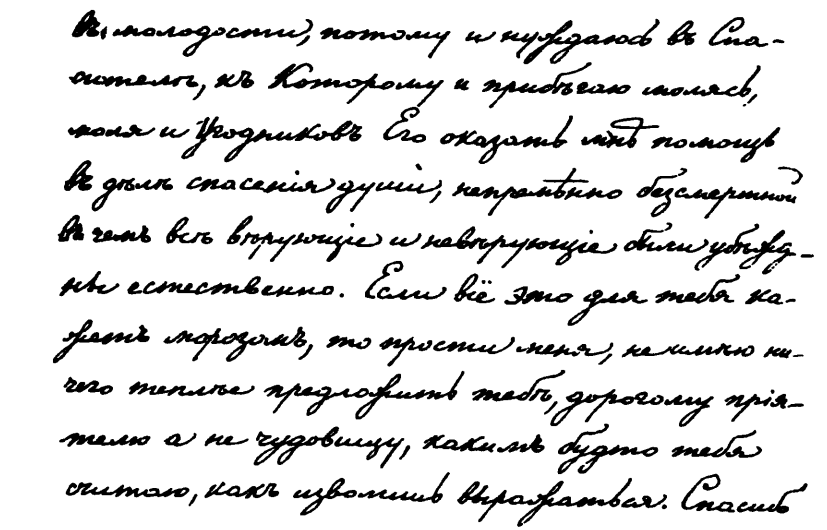
20 декабря 1860 г. Чихачев был пострижен в монашество с наречением его Мисаилом, а 21 мая 1866 г. принял схиму с возвращением ему имени Михаила.

О том, что побудило его принять схиму, он сам написал в записке, озаглавленной: «Изложение причин желания моего пострижения в схиму»: «1) Принимая и веруя со Святою Церковию, что это есть второе крещение, желаю сподобиться отпущения всех грехов моих, имея уже печать смертной болезни на ноге. 2) Самый образ схимы и облечение в него отводит от многих случаев развлечения и молвы. 3) Показать пример имеющим превратное понятие, будто бы облеченный в схиму обязан жить в гробе и никакого не исполнять послушания. 4) Предлагая причины эти на рассмотрение кому следует, полагаюсь на благоусмотрение их, ища не своей воли, а воли Божией чрез них... Приблизилось законное время моего окончательного пострижения. 1866 года 8 апреля мне совершилось от роду 60 лет. По форме гражданского закона, это — узаконенный срок для желающих пострижения в схиму. По представлению настоятеля отца Архимандрита Игнатия (Малышева) и по благословению Митрополита Исидора меня постригли в день отдания праздника Святой Пятидесятницы 21 мая — день прежнего моего Ангела, Муромского святого князя Михаила, которого и имя мне снова возвращено. Слава Тому, Кому подобает всякая честь и поклонение, Единому Премудрому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Почти 38 лет ждал этого дня и, милостию Божиею, дождался. Теперь буду и должен ожидать переселения из здешней жизни, и кто весть, — как оно последует. Оттуда уже не напишешь и не скажешь ничего, потому прошу всех: помяните в своих молитвах бедного странника земного — Михаила схимника, да и, вас помянув, Господь исполнит всякого блаженства здесь, и там, где нет болезни, ни печали, но жизнь бесконечная во веки веков. Аминь».

С отъездом епископа Игнатия в Ставрополь, между ним и Чихачевым установилась довольно частая переписка, к сожалению, до нас не дошедшая. Выдержки из писем святителя Игнатия к Чихачеву были напечатаны в последнем томе его Собрания сочинений и приводятся ниже. Из них известно, что отец Михаил начал болеть, и болезнь его из года в год усиливалась: «Теперь пришло время похворать и тебе. Радуюсь, что ты переносишь болезнь должным образом... Болезнь твоя есть Богом данная епитимия. Милосердый Господь да дарует тебе переносить епитимию с благодарением Богу».

По-видимому, в первое время Чихачев довольно сильно ощущал отсутствие товарища: «Ты живешь при моем ближайшем ученике, — ободрял его епископ Игнатий в письме от 15 января 1860 г., — и в монастыре, который почти основан мною: следовательно, ты не удалялся от меня и не расходился со мною. Не сунулся же по увлечению глупой фантазии куда-нибудь, а пребыл в своем месте и по отношению ко мне проходил послушание корреспондента». Он желал навестить друга в Ставрополе, но болезнь ему не позволила: «Я и сам находил твою поездку сюда излишнею, — отвечал ему епископ Игнатий 27 июня 1860 г. — Мы не мирские люди! Разговору у меня с тобою хватило бы только на пять минут. Гораздо лучше внимать себе, не оставляя места, данного Богом для спасения».

5 августа 1861 г. состоялось увольнение епископа Игнатия на покой, и 14 октября он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь. «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь», — писал он 18 октября 1861 г. А Михаил Чихачев продолжает в своих «Записках»: «Вот и еще протекло пять лет, как эта рукопись написана. В продолжение этого времени Епископ Игнатий оставил по болезненности своей Кавказскую епархию и переселился в Николаевский Бабаевский монастырь Костромской епархии с управлением монастыря, где и ныне находится. На другой год после моего пострижения поехал я посетить болящего Епископа. <...> Пробыл с месяц у него в монастыре, возвратился обратно, ощутив, что мне переселиться в тамошнюю обитель невозможно. Болезнь ноги с 1859 г., не допускающая переносить сквозного ветра, устройство церкви и служба продолжительная, пустынная, мне сделались невыносимы. Перейти туда — значило бы прибавить собою ни к чему не способного инвалида, нуждающегося в содержании, прокормлении и прислуге. Итак, по общему совещанию и согласию, жи-

Автограф М. В. Чихачева.
Публикуется впервые

вем каждый на своем месте, довольствуясь взаимным расположением душ и перепискою».

Михаил Васильевич Чихачев почти на шесть лет пережил своего друга. Старожилы запомнили его как замечательного старца, кроткого и положительного аскета и бессребреника. Единственным украшением его бедной кельи была фисгармония, на которой он поверял церковные мелодии, да и от этого утешения он отказался на склоне лет. Достававшиеся ему церковные доходы он не носил в свою келью, а тут же или еще раньше раздавал бедным. А когда нужно было ехать во дворец, надевал чужую рясу.

Он скончался в Сергиевой пустыни и был похоронен у часовни рядом с основателем этой обители, архимандритом Варлаамом Высоцким. На стене часовни, над могилой Михаила Васильевича, было написано: «Добродушный и нестяжательный. Схимник Михаил Чихачев. Скончался 16 января 1873 года, 66 лет от роду».

Историограф Сергиевой пустыни П. П. Яковлев причислял М. В. Чихачева к замечательнейшим личностям, жившим в Пустыни в его время: «схимонах Михаил Васильевич Чихачев, из дворян Псковской губернии, товарищ Преосвященного Игнатия Брянчанинова, пожертвовавший в Обитель все наследственное от родителей имущество, простиравшееся до 50 000 рублей,

проживший здесь 39 лет, прежде всех являвшийся к церковной службе и до окончания не уходивший из нея; при отличных музыкальных его познаниях и превосходном октавистом голосе, усердный певец и распорядитель церковного пения, неоскудевший в своем усердии и тогда, когда тяжкая рана на ноге не давала ему покоя; он скончался в 1873 году января 16-го».

Вместе с разорением монастыря в 30-е годы XX столетия были уничтожены и все следы могил. В настоящее время честные останки М. В. Чихачева обретены его почитателем, нынешним настоятелем и восстановителем Сергиевой пустыни, отцом игуменом Николаем (Парамоновым) и помещены в храме Преподобного Сергия Радонежского для поклонения.

Письма святителя Игнатия к Михаилу Васильевичу Чихачеву (впоследствии — схимонаху Михаилу)[1*]

№ 1

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас

Дражайший о Христе Михайло Васильевич!

Письмо твое, посланное с братом Николая Ивановича Веденеева, я получил будучи в Вологде на пути из Покровского в Корбанку — село Дмитрия Ивановича Самарина[1]. Долго не отвечал на оное, ибо не хотел писать из мира, а из монастыря. В двадцатых числах августа выехал из Корбанки и живу теперь в Семигородной пустыне в настоятельских келлиях. Слава Богу, довольно здоров, но только часто прихожу в крайнее расслабление. Тотчас, то есть сию минуту ехать тебе ко мне нельзя, но когда увижу, что пришло время и приблизился час, то чего тебе прислать: денег на дорогу, и сколько, или лошадей? — посоветуйся и напиши.

У нас дома женятся и посягают. Петр идет в отпуск на шесть месяцев. Много бы тебе мог написать, но не хочу прежде времени тебя слишком обрадовать и, может быть, по-пустому.

Интересовавшимся о здешней пустыне вот что скажи: свежей рыбы и ухи в трапезе никогда не бывает; чаю и сахару совсем не выдают и никому; а по воскресным дням настоятель зо-

[1*] Письмо № 1 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 11; письма № 2–47 — Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. 7. Письма. М., 1993.

вет братию к себе, монахам дает по четыре, а послушникам по две чашки чаю. Одежда очень скудная; и вообще грунт земли весьма каменист.

Ты, как благоразумный и предусмотрительный, выведи для себя некоторый полезный результат из твоего пребывания в Новоезерском (ибо это не просто) и составь себе некоторый Боголюбезный план доброго жития, дабы ты мог быть предметом созидания для ближних, а не предметом соблазна, — тем более, что здесь гораздо пристальнее на тебя будут смотреть, нежели до сих пор смотрели, что понятно. Прости и моли милосердого Бога о многогрешном Димитрии.

31 августа 1830-го

Александру Федоровичу от меня усерднейший поклон! Благодетеля моего О. Сергия не забудь. Также О. Нифонта, Игнатия, Фельдфебеля, Ник. Ивановича и проч.

[1] *Самарин Д. И.* — дядя и крестный отец Дмитрия Александровича Брянчанинова — святителя Игнатия.

№ 2

...Имущество приманчиво: редкий человек может устоять против производимого им соблазна. Покажи старичку в «Слове к Пастырю» святого Иоанна Лествичника то место, где сей святой говорит, что милостыня, оказываемая для душ, столько выше милостыни, оказываемой для тел, сколько душа выше тела. Такую милостыню, или намерение совершить такую милостыню, могущую старичку открыть путь по мытарствам и доставить блаженную кончину и вечность, всячески будут стараться похитить наши невидимые враги, то самому старичку влагая правдоподобные помыслы, оттягивающие от исполнения на деле задуманного, то действуя через людей. Надо это заметить и остеречься, противопоставляя помыслам бесовским и людским речам, оттягивающим от исполнения, вышеупомянутое изречение Писания, которое именно и сказано в предосторожность против лукавых помыслов, приносимых диаволом, и поучающих отсрочивать задуманное добро, с тем, чтобы и совершенно похитить его у человека.

27 января 1859 года

№ 3

Получив письмо твое от 15 мая, я отвечал на него. После этого я не имел от тебя письма, а читал посланное к Отцу Иустину,

и порадовался, что при болезни твоей приходит тебе мысль о смерти и что ты понимаешь опасность твоей болезни. Воспоминание о смерти не приближает к смерти, а только приготовляет к ней, располагая к покаянию. Твоя рана и боль от нее — это отеческое наказание от Бога, Который его же любит, наказует. Я провел всю жизнь в болезнях и скорбях, как тебе известно; но ныне не будь скорбей — нечем спастись. Подвигов нет, истинного монашества — нет; руководителей — нет; одни скорби заменяют собою все. Подвиг сопряжен с тщеславием; тщеславие трудно заметить в себе, тем более очиститься от него; скорбь же чужда тщеславия и потому доставляет человеку богоугодный, невольный подвиг, который посылается Промыслителем нашим сообразно произволению...

В мои годы и при моей болезненности надо искать покаяния, а уже не до земных сиятельств. Все придет своим чередом во мрак могилы забвения: только служение Богу и покаяние пред Ним будут иметь вечную цену. Кажется на земле затевается большая война; но борьба со страстьми и похотями совсем оставлена. Очень заметно общее ослабление в вере. Утешайся! Господь тебя да утешит и покроет Своею милостию.

Е<пископ> И<гнатий>.
14 июля 1859 года

№ 4

Спаси Господи за письмо твое от 14 августа. Мы живем очень спокойно и тихо. Отец Александр (бывший Андрюша) по сознанию всех врачей безнадежен по отношению к выздоровлению. Но это нас не огорчает! Полагаемся на волю Божию, беседуем часто о спасении и смерти, рассуждая, что гораздо лучше умереть при покаянии и с должным приготовлением молодому, нежели старому без покаяния и без приготовления. Ныне соблазны умножились в такой степени, даже в недре Святых Обителей, что каждого желающего спастись объемлет страх и недоумение по причине множества козней вражеских: такую кончину, какую Бог дает отцу Александру, должно признать особенной милостию Божиею... Теперь твоя очередь похворать. Похворай, батюшка, с терпением и самоукорением; болезнь многому доброму учительница; сверх того, она — послание Божие взамен и пополнение наших недостаточных подвигов.

27 августа 1859 года

№ 5

Благодарю тебя за письмо твое от 1 сентября и искренне желаю, чтоб здоровье твое поправилось; знаю по собственному опыту, что больной человек и себе и другим не слуга. Здоровье потерять легко, а возвратить трудно. Лечившись здесь в течение двух сезонов, только ныне начинаю чувствовать значительное облегчение после продолжительной сыпи, и то облегчение, а не выздоровление. Мое здоровье расстроено еще в детстве золотухою скрытною, которая не была понята, а потому не лечена, а потом — простудою. Слава Богу за все! для меня болезнь была как бы цепями, обуздывавшими горячность моего характера и сложения; она препятствовала деятельности, вместе препятствовала и большему развитию гордыни, которая часто развивается от успешной деятельности. Слава Богу, Промыслителю нашему за все. — О намерении подать просьбу Царю одного из здешних я знаю... трудно такой просьбе иметь успех. Да если б и получила она какой успех, то я полагаюсь на волю Божию, которая часто разными противностями устрояет человеку спасение, о коем мне в мои лета следует думать и думать. Буди воля Божия и за все, имеющее случиться, слава Богу.

Отец Александр очень слаб, но благодушествует, ежедневно беседует со мною о смерти и о том, что надо человеку предаваться воле Божией.

18 сентября 1859 года

№ 6

Благодарю за извещение об освящении церкви преподобного Сергия, чем я весьма утешился. Да славится имя Божие на земле бедным созданием Божиим — человеком, и да достигнет сие бедное создание зрения вечной славы Божией на небеси.

Отец Александр тает постепенно, чрезвычайно слаб. Я на него любуюсь, как на небесного жителя, физиономия у него ангельская.

10 октября 1859 года

№ 7

Промысл Божий бдит неусыпно над судьбами Своей Церкви и над судьбами мира. Воля Божия да совершится! Ты живешь при моем ближайшем ученике и в монастыре, который почти основан мною: следовательно, ты не удалялся от меня и не рас-

ходился со мною. Не сунулся же по увлечению глупой фантазии куда-нибудь, а пребыл в своем месте и по отношению ко мне проходил послушание корреспондента. Леонид и Ювеналий[1] избрали свой путь, отвергнув то предложение, которое им было сделано. Дай Бог им всего доброго! Желать им всего доброго можно и должно, а соваться с каким-либо своим предложением или советом невозможно. Даруй, Господи, всем вся на временную и вечную пользу.

15 января 1860 года

[1] *Леонид и Ювеналий...* — См. Настоящее издание, т. 6, с. 532 и 650.

№ 8

Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное намерение спастись. Тебе известно, как рано посланы были мне болезни, постепенно отнимавшие возможность подвига и уничтожавшие способность к занятиям. Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обуздывала меня и, лишая временного благоденствия, привлекала ко мне вечную милость Божию. — Теперь пришло время похворать и тебе. Радуюсь, что ты переносишь болезнь должным образом, повторяя слова разбойника, который был распят одесную Господа и за сознание свое получил вход в рай. Болезнь твоя есть Богом данная епитимия. Милосердый Господь да дарует тебе переносить епитимию с благодарением Богу... И от болезней и от лечения я так слаб, что надо бы в какой-либо монастырь на покой, то есть с управлением монастырем. Пришли мне такую книгу, где бы русские монастыри были описаны, да собери какие можно сведения о монастырях Задонском и Колязинском. Последний был бы удобнее: как менее посещаемый знатью. Впрочем, это помышления человеческие, а Бог знает, что делает с Своими созданиями.

Потрудись передать мой поклон Павлу Петровичу и скажи ему, что пора перестать сердиться на меня и простить меня. Передай мой поклон всей братии.

17 февраля 1860 года

№ 9

Спаси Господи за всю любовь твою ко мне грешнику. За все слава Богу! — Не начинаем жить, а оканчиваем земную жизнь. Довольно нагляделись на все земное: кажется, надо бы научить-

ся и твердо знать, что все земное превратно, что всякая горесть и радость — земные минуты, яко сон обманчивый проходят и не возвращаются.

23 апреля 1860 года

№ 10

Болезнь твою надо признавать милостию Божиею. Всеблагий Господь отеческим наказанием Своим дополняет недостаток произвольного человеческого подвига. Пишешь, что отец Иустин[1] редкой души человек. Точно: к нему имеется особенная милость Божия. Я должен благодарить Бога, что Он, по великой милости Своей, послал мне на старость, при крайней немощи моей, человека, несущего о Господе тяготу мою. И Каллист очень мил, становится почтенным. — Дело о пострижении в схиму надо начинать по окончании дела о лечении. Лечение очень развлекает мысль лечащихся, это знаю по собственному опыту; схимнику же по пострижении непременно надо иметь мысль, сосредоточенную в себе: первоначальное расположение духа, воспринятое по пострижении, будет действовать на всю остальную жизнь.

12 мая 1860 года

[1] *Отец Иустин (Татаринов)* — о нем см. 308–321.

№ 11

Бог устроил тебе на старости лет поболеть и в келлии посидеть, чтоб грехи юности помянуть и в них принести Богу покаяние, а от Бога получить прощение. Слава Богу, устрояющему нам спасение Его премудрыми судьбами. Из постигшей тебя болезни должно понимать, что Бог принял твое произволение по отношению к твоему вступлению в монастырь и награждает за твое посильное служение Ему в монастыре. Апостол говорит, что *Бог бие всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12. 6). Итак, хотя теперь идут побои, но они знак принятия, и должны быть приняты с радостию и благодарением. От благодарения — терпение; от терпения — надежда спасения.

25 мая 1860 года

№ 12

Благодарю за уведомление о почившем Епископе и о отходящем. Такие вести поучительны: и нам предстоит путь туда же.

Надо приготовиться. И Господь приготовляет судьбами Своими тех, кто по силе сам приготовляется.

17 июня 1860 года

№ 13

Спаси Господи за уведомление о кончине митрополита Григория. Хотя и скорбная весть, но судьбы Божии неисследимы, и им должно покоряться.

Да дарует тебе Бог благополучно пожить при указе. Я и сам находил твою поездку сюда излишнею. Мы не мирские люди! Разговору у меня с тобою хватило бы только на пять минут. Гораздо лучше внимать себе, не оставляя места, данного Богом для спасения. Час призыва в вечность для каждого из нас неизвестен, но непременно будет, и по большей части подкрадывается, яко тать в нощи.

27 июня 1860 года

№ 14

Недавно попало мне в руки завещание Святителя Тихона Воронежского. В этом завещании между многими благодарениями, праведник воссылает благодарение Богу за то, что даровал ему прежде кончины **село покаяния**, на коем сокровенна драгоценная жемчужина спасения. Но что б купить село покаяния, надо, по наставлению Евангелия, продать все имущество, то есть пожертвовать видным земным положением, приводящим в рассеянность, и всеми земными приятными отношениями, развлекающими сердце и не допускающими углубиться в покаяние. В таком расположении души, сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.

11 июля 1860 года

№ 15

Я молю Бога, чтоб Он даровал мне поприще покаяния. По моему мнению: я еще не начинал покаяния, и вполне разделяю мнение преподобного Исаии Отшельника, высказанное им в послании к ученику его, авве Петру, что доколе человек находится в развлечении и попечении, дотоле он не может стяжать покаяния.

28 июля 1860 года

№ 16

Господь являет милость Свою к рабам Своим не в земном благополучии, а в земных скорбях. Очень утешительно изложена эта мысль в житии Великомученика Евстафия Плакиды: там сказано, что если Господь и даст земное благополучие рабам своим, то на короткое время, чтоб они не испортились. Благополучие неизменное очень портит сердце. При нынешних переменах я могу ожидать, что предложат на покой: надо это счесть за великую милость Божию, дарующую время для тщательного покаяния.

Извини меня пред А. С., что не затеваю с ним переписки, хотя и сохраняю всю прежнюю любовь. Я вообще прекратил переписку со всеми, и пишу только при крайней нужде. В мои годы и при слабости моего здоровья мне не до переписки и не до земных помышлений, а как бы почаще вспоминать о смерти и приносить Богу покаяние, пока поприще покаяния не отъято.

Относительно моих сочинений передай Отцу Архимандриту[1], что я никак не желаю, чтоб ныне они были напечатаны, по многим причинам, между прочим и по той, что я их выправляю и пополняю. Так **Правила для наружного поведения новоначальных** выправлены и к ним приделана другая половина, в пять раз больше первой, **о душевном делании для новоначальных**. «Слово о смерти» я выправил и послал к Московскому Митрополиту с прошением о разрешении напечатать, как опыт аскетических трудов моих. Что будет? не знаю! — Если Богу угодно будет, то мне желалось бы напечатать собрание моих сочинений, пересмотревши тщательно, и напечатать под собственным моим наблюдением. Если же этого Богу не будет угодно, то выправленная рукопись может остаться по смерти моей тому, в чьи руки Бог приведет ее, и может быть напечатана, или и ненапечатанной послужит кому-либо в душевную пользу. У О. Архимандрита имеется снимок многих моих сочинений в память о мне грешном и в память того, что я, хотя сам мало знал, но что знал, то братии сообщал в общее спасение. Почему прошу и молю О. Архимандрита моих сочинений не печатать ни в целом виде, ни в выписках, ни в переделанном виде. Мне старец Исаия[2] говаривал: не пиши! не для кого!

10 августа 1860 года

[1] *Отец Архимандрит Игнатий (Малышев)* — о нем см. 298–308.
[2] *Старец Исаия* — о нем см. 199–200.

№ 17

Вот уже истина, сказанная в Священном Писании, что всякий человек расцветает для земной жизни на короткое время! Глядишь: расцветает, поцветет, а там и блекнет. И богатырь Кн<язь> О. отходит. В Оптиной 7 сентября скончался иеросхимонах Макарий Иванов, знаменитый старец: он постоянно переписывался со мною с того времени, как я на Кавказе. Скажи Шереметеву, что я сердечно радуюсь воздвигнутой им обители для иноков; за это, по всей вероятности, он найдет в той жизни уготованную себе богозданную обитель вечную. Не могут остаться без исполнения слова Христовы: *в меру, в нюже мерите, возмерится вам.* Полагаю, что 25-го Митрополит[1] был у вас в Пустыне: сердечно желаю, чтоб он дал дожить отцу Игнатию и братии в той обители, в которую они вступили, когда она состояла в развалинах, и когда, по милости Божией, превратилась в благолепнейший монастырь с такими прекрасными зданиями, каких нет ни в какой другой обители. О благочинии и благонравии судит Бог. Но и в этом отношении Сергиева пустынь далеко выше многих других монастырей, даже знаменитых святостию. Впрочем воля Божия да будет! если и последует с Игнатьюшкой какое искушение, то оно будет служить признаком особенного Божия благоволения.

По милости Божией начинаю чувствовать значительное облегчение после сильнейшего и мучительного действия вод, которое, впрочем, продолжается в значительной степени и доселе. Веду жизнь весьма уединенную. Не могу довольно возблагодарить Бога, извлекшего меня из Петербургского омута: кажется, я нарочно был поставлен туда, чтоб вблизи увидеть всю суету мира, познать ее обманчивую прелесть и окончательно возненавидеть ее. Никифоровские поживают здесь мирно и со мною очень поладили. В городе ими назидаются. Слава Богу, дающему время на покаяние и на ознакомление с будущностью прежде вступления в будущность.

26 сентября 1860 года

[1] *Исидор* (Я. С. Никольский; 1799–1892) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1860 г.

№ 18

Весьма бы рад был, если б дали епархию где вдали, но с монастырями, чтоб можно было заблаговременно приготовить монас-

тырёк, а потом и удалиться в него. Таково предположение человеческое, но Господь строит своё, и должно покоряться воле Его.

10 октября 1860 года

№ 19

Письмо твое от 31 октября получил, и порадовался известию, что новый Митрополит расположился к Сергиевой пустыне и ее Настоятелю. Искренне желаю, чтоб это расположение пришлось и упрочилось для блага обители, для мира и спасения живущих в ней, и для самого Святителя, который впервые в жизни своей имеет дело с монашествующими, понимающими монашество. Оттолкнуть от себя монахов и разогнать очень легко, а собрать и образовать — весьма трудно, даже невозможно без особенного дара Божия. О. Архимандрит Моисей известил меня о кончине старца иеросхимонаха Макария и просил брошюру сочинения отца Леонида Кавелина. Оптина лишилась души своей. Отец Макарий, хотя и был наиболее телесиым исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживал братство. Он незаменим, по моему мнению и взгляду! оставшиеся слишком телесные делатели. Святой Исаак Сирский сказал, что телесное делание без душевного к разуму Божию приближаться не может, а весьма способно к доставлению мнения о себе. Мир прославляет Оптинских как святых; но мнение мира всегда бывает противно истине. Оскудело монашество, и еще более должно оскудеть. Спасаяй да спасет свою душу. Всей братии мой усерднейший поклон.

Е<пископ> И<гнатий>.

15 ноября 1860 года

№ 20

О дамах, вышедших замуж за границей, сожалею. Век такой! вкус такой! залоги такие! О бывшей К. Е. очень сожалею. Так люблю все их семейство, что приятности их и неприятности живо трогают меня.

14 декабря 1860 года

№ 21

Усердно желаю тебе принять святый ангельский образ во спасение души твоея и окончательное отрешение от мира.

Относительно себя скажу тебе прямо, что я никакого видного места для себя не желаю, да и не в силах, по болезненности и истощению от болезненности, понести служения на видных местах, а искренне желаю где-либо в уединении и неизвестности окончить дни свои во внимании себе и покаянии.

27 декабря 1860 года

№ 22

Спаси Господи за все, и за свидетельство о мне, что я от продолжительной болезни истощился. Это совершенная правда. Грешную мою жизнь всю перезабыл; пиши, что знаешь и хочешь, а я только то знаю и помню, что жизнь моя была и есть цепь грехов.

Справедливо святые Отцы называют земную жизнь обманчивым сном, а счастие, которое не остается собственностью человека на вечность, самообольщением. Сколько примеров земного довольства и величия, рушившихся пред нашими глазами! А теперь живой пример К. О. — И богат, и славен, да по рассудку в детском состоянии, а потому и слава, и богатство составляют лишенную почти всякого значения обстановку, которую смерть вполне отымет. Велика к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ.

О мне ходят здесь основательные слухи, что переведут. Что ж? вся земля принадлежит одинаково Богу, и я предаю себя всецело Его воле и водительству. Бог нередко устраивает для тех, которые вручили себя Ему, душеполезное положение, обстоятельствами противными. Тихона Воронежского обвиняли в излишней горячности; по причине такого обвинения он должен был удалиться в монастырь, где сподобился особенной милости Божией. В предсмертном завещании своем Святитель именно приносит Богу особенную благодарность за то, что даровано ему был приготовиться к переходу в вечность тщательным покаянием. Вот что сочтено духовным мужем за благодеяние Божие: изгнание с кафедры и смиренное пребывание в монастыре. Самое правильное суждение!

Отцу Архимандриту и всей братии потрудись передать мой усерднейший поклон. Будь здрав и благополучен. Молись о мне.

Е<пископ> И<гнатий>.

30 января 1861 года

№ 23

Спаси Господи за письмо твое от 31-го января.

Святой Иоанн Златоуст и другие святые Отцы, начиная говорить о чем-либо, всегда старались начинать со следующих слов: «Буди воля Божия над всеми нами! Слава Богу за все совершающееся, хотя бы совершающееся было и тяжким и горьким». Бог и в благодеяниях Своих многомилостив, и в наказаниях Своих многомилостив. Дело каждого христианина понять и признать эту истину.

Нередко случается, что, по смотрению Божию, отнимается что-либо вещественное и временное, взамен его дается нравственное и духовное, вечное. А люди, привязанные к веществу и временной жизни, скорбят, не понимая, что они возводятся к бесценным, высшим благам. Предание себя воле Божией приносит сердцу успокоение и утешение при всех скорбях. Это я говорю по своим частым опытам; но уверен, что и опыты каждого человека подтвердят то же, если он настроит себя по духу Святых Отцов. Слухи о моем перемещении здесь продолжаются; но ты не говори о них для празднословия и со всяким. Услышав о кончине Митрополита Григория, я понял, что должен получить другое назначение, потому что с переменою высшей власти обыкновенно бывает значительное изменение в административных планах.

Е<пископ> И<гнатий>.

16 февраля 1861 года

№ 24

Назначение Преосвященного Леонида[1] для освящения храма в Париже нахожу весьма основательным, а желание некоторых, чтоб я был употреблен для этого, нахожу вполне неосновательным; за любовь же благодарю. Я очень устарел, лишился телесных сил и душевных способностей, приехал сюда полумертвым, сам не понимая, что я ужасно болен. Лечение на водах открыло всю важность моей болезни, сопровождавшейся даже нервным расстройством. Теперь хотя и чувствую некоторое облегчение, но не настолько, чтоб фигурировать в видных должностях, к которым не имею ни малейшего сочувствия. Доля Преподобного Тихона Воронежского — вот доля, достойная сочувствия и соревнования!

11 июня 1861 года

[1] *Преосвященный Леонид (Краснопевков)* — о нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 693–723.

№ 25

К. С. Н-чу весьма благодарен за участие, которое он принимает во мне. Но я, видя, что дние мои, яко сень, уклоняются, а силы крайне слабеют, сверх того имея давнишнее желание окончить дни свои в уединении, подал прошение в Святейший Синод об увольнении меня от управления епархией и о предоставлении мне в управление общежительного Бабаевского монастыря Костромской епархии. Сделав это, я ощутил в душе моей особенное чувство спокойствия и даже тихой радости, как по исполнении своего долга. Не с моим направлением жить в видных местах и занимать видные должности. А теперь — и не с моими силами и здоровьем. Если же поколебаться от двоедушия и благое намерение удаления для покаяния отлагать день за день, к чему лестью влечет враг спасения нашего под различными предлогами благовидными, то можно в таком двоедушии и нерешительности провести всю земную жизнь и быть застигнутым смертию в неготовности. Бабайки — место уединенное, малопосещаемое, особливо зимою вовсе не посещаемое, сухое и здоровое, при реке Волге. Если Бог дарует мне этот приют, то он может сделаться приютом для многих истинно желающих спасения вдали от шумного мира.

Попроси от меня О. Архимандрита Игнатия, чтоб он поговорил о мне Митрополиту, а если нельзя прямо, то через Преосвященного Викария. Основание в том, что многие ученые монахи имеют о мне самое превратное понятие, судя по себе. Преподобный Исаия Отшельник сказал: «Как полотно сохраняет признак той краски, в которую оно было окрашено в первый раз, сколько бы его после не перекрашивали, так и монах сохраняет в себе на всю жизнь отпечаток того направления, которое он получил первоначально, вступая в монастырь». Совершенная истина! Вижу это на себе и на других. Академические иноки, вступая в монашество с целию служения Церкви в ученом и административном отношениях, сохраняют это направление, и новоявленный Угодник Божий Святитель Тихон, оставив епископскую кафедру, сперва скучал в монастырском уединении, будучи лишен административной деятельности. То же самое замечено и на других. Я, напротив того, проведя начало моего иночества в уединеннейших монастырях и напитавшись понятиями самой строгой аскетики, сохранял это направление в Сергиевской пустыни, так что в моей гостиной я был репрезентабельным архимандритом, а в кабинете скитянином. Здесь продолжается то же самое, только в большей

степени: так сроднился с келлией, что с трудом могу принудить себя выйти в сад, чтоб доставить себе необходимое для здоровья уединение. Такого направления моего многие и не подозревают, а потому сочиняют для меня направление, вполне чуждое мне, что мне и писал покойный Митрополит Григорий. Удовлетворив моему прошению, доставят двойную плату: 1) меня не только успокоят, — облагодетельствуют, предоставив мне жительство, удовлетворяющее моему направлению; 2) успокоят тех, которые видят во мне разные замыслы, опасные или неприятные для них. И второй пункт для меня очень важен. Преподобный Пимен Великий сказал: «Не живи там и так, чтоб жительство твое приносило смущение ближним, иначе и ты лишаешься духовного плода единственно по той причине, что жительство твое приводит ближних в смущение».

Кроме просьбы в Синод я писал и просительные письма к Митрополитам Московскому и Петербургскому и Обер-Прокурору. Прошение послано 24 июля, следовательно переговором надо поторопиться.

Е<пископ> И<гнатий>.
31 июля 1861 года

№ 26

Спаси Господи за письмо твое от 8 августа и уведомление. Я уже получил формальное уведомление от Обер-Прокурора в понедельник 21 августа. Особенное чувство радости и спокойствия меня исполняет, а истощение телесных сил — необыкновенное. К 1-му октября потрудись написать мне в Николо-Бабаевский монастырь, в Нерехту.

24 августа 1861 года

№ 27

Приехав 14 октября в Пустынную обитель Святителя Николая, Бабаевскую, я нашел там письмо твое от 29 сентября. Путь совершил я с трудом по слабости тела, истощенного болезнями, а в Москве захворал серьезно. Больным выехал из Москвы и больным приехал сюда, несмотря на то, что к заболевшей ноге приставлено было в Москве 120 пиявок.

Монастырь Бабаевский заштатный, общежительный строительский. Настоятели за многие достоинства возводятся в игумены и, изредка, в архимандриты. Имеется 36 манатейных ва-

кансий, но налицо находится только 18 монахов. Монастырь в упадке и по нравственному и по материальному отношениям; расположен на весьма здоровой и довольно приятной местности, весьма удобен для монашеской жизни. Будущее монастыря во власти Божией.

Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел хранитель по повелению Божию продиктовал Святейшему Синоду указ о мне; — так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья. Государь, быв на Кавказе, послал мне орден. Если же к 1000 рублей пенсии прибавлены еще 500, то я уже не знаю, что сказать о таком обилии милостей.

Адрес мой в Ярославль.

Н<едостойный> Е<пископ> И<гнатий>.

18 октября 1861 года

№ 28

Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище. Все устроилось как нельзя лучше. Еще прежде моего прибытия здешний Настоятель исходатайствовал себе другое настоятельское место, а потому естественно, что Иустин заступил его место к общему удовольствию братства, коего налицо более 80 человек. Монастырь — особенно удобный для монашеской жизни во всех отношениях! Воздух и вода прездоровые.

30 октября 1861 года

№ 29

Я очень доволен тем, что дали, полагал, что вовсе ничего не дадут. Когда данное достаточно, то не сообразно с монашескою совестию хлопотать о большем. Если что здесь поудержали, то встретим многоумноженным в будущем веке. Время наступило такое, в которое наиболее надо думать о вечности: годы ушли, здоровье и силы оставили. Не видать, как подкрадется и смерть. Местом я очень доволен: самое уединенное! Никто не беспокоит. Выздоровления ожидать мне нельзя: потому что очень истощился и болезнями и лечением. Разве последует какое особенное чудо по Промыслу Божию. Не должно льстить себе предположением долгой земной жизни, вернее, частым воспоминанием о смерти стараться сделать ее менее страшной в час ее прихода. — Мине-

ральные воды сильно погнали из меня простуду и золотуху: это продолжается и теперь, держит всегда в трудном положении, а по временам приводит и в весьма трудное. За все слава Богу!

Е<пископ> И<гнатий>.
10 декабря 1861 года

P. S. При проезде через Москву посмотрел на преуспевших. Ничего завидного нет; напротив того, многое показалось достойным сожаления.

№ 30

Кто окончательно будет назначен Обер-Прокурором — уведомь. В здешнюю глушь — таков Бабаевский монастырь в зимнее время — никаких сведений не приходит: живем как бы в ином мире, чем я очень доволен. Летом здесь приятно: если вздумаешь посетить — милости просим и с тезкой[1]. Я становлюсь как будто посвежее; с приезда был очень плох.

15 января 1862 года

[1] То есть с отцом Архимандритом Игнатием (Малышевым).

№ 31

Я, по обыкновению, похварываю; только четыре раза был в церкви, сижу безвыходно в келлии; ни разу не прогуливался ни пешком, ни в экипаже.

13 февраля 1862 года

№ 32

Вообще я всем очень доволен, а чего недостает, то, надеюсь, милосердый Господь устроит для меня грешного. Потрудись передать письма мои Чернявскому и Рудавскому. Не важно, что эти дети вспомнили меня; важно то, что вспомнили себя. Без последнего первого не было бы.

Е<пископ> И<гнатий>.
26 февраля 1862 года

№ 33

Спаси Господи за письмо твое и за благодушие, с которым претерпеваешь находящая. Все мимо идет, и хорошее, и худое, а ни человеки, ни бесы не могут сделать того, чего Бог не попус-

тит. Если встретил затруднение в получении отпуска: то лучше и не начинать, тем более, что в поездке никакой крайности нет. В особенности же О. Архимандрит должен быть осторожным и для себя и для обители. Я отнюдь не желаю видеть вас чувственными очами, а желаю видеть душевными очами в благочестивом преуспеянии, в жительстве во страхе Божием. Сего для меня предовольно. Сегодня в четвертый раз в течение зимы вышел из келлии в церковь.

Слава Богу за все! В 1856 году, кажется, я именно для того и возобновил знакомство с Оптинскими, чтоб еще более разойтись с ними. Промысл Божий избавил и от Ювеналия, который не понес бы моих немощей. Теперь я в своем кругу! среди братий, несущих мои немощи. Весьма сошелся с отцом Феофаном, бывшим Никифоровским, который здесь помаленьку старчествует. И прежнее братство Бабаевское простое, с пустынным направлением, мне, старику, на руку. Монастырь преуединенный, особливо зимою. Слава Богу, давшему покой после продолжительного обуревания. Здоровьишко очень слабо и за то слава Богу!

Е<пископ> И<гнатий>.
10 марта 1862 года

№ 34

Хотя и недавно писал тебе, но и на письмо твое от 15 апреля отвечаю, видя из письма твоего, что ты нездоров. Милосердый Господь да дарует тебе терпение, которое является в душе тогда, когда мы отдаем себя воле Божией, и благодарим Бога за скорбь, посланную во очищение грехов наших. Прекрасно сказал Святой Мученик Тивуртий о земной жизни (Четьи-Минеи 22 ноября): «Мнится быти и несть». Точно! она будто и пред глазами и в руках, а все ускользает. О будущей жизни Тивуртий сказал: «мнити не быти, и есть». Точно, когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующею. Но нет! не видать, как наступит, и наступит непременно. Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями, которые из среды скорбей своих исповедаются Богу. **«Достойное по делом нашим приемлем! Помяни нас, Господи, во царствии Твоем!»**

У меня болят руки и ноги, особливо очень болит правая нога; очень болит голова, но главная боль в левом боку, по всей нижней части груди и ребер даже с левого плеча, паче же около сердца.

В этом месте по временам чувствую боль, как бы от язвы копием, отчего прихожу в крайнее изнеможение и чувствую себя как бы умирающим. Спаси Господи за извещение о кончине Шереметева. Господь посетил его тяжкою болезнию. Полезно слышать о смерти знакомых, такими известиями своя смерть напоминается.

Как внезапно, без особенной видимой причины, самые свежие кровь и плоть начинают в себе и из себя зародыш смерти! Этот зародыш начинает развиваться, и вдруг разовьется в неизлечимую болезнь, которая укладывает человека во гроб.

Е<пископ> И<гнатий>.
22 апреля 1862 года

№ 35

И сюда доходят известия о скорбях, постигших столицу. Жаль, очень жаль! Умножились люди, пренебрегающие законом Божиим и не останавливающиеся ввергать ближних в беды и напасти. Жаль и отца Ираклия, решившегося поднять голос против братии своей. Милосердый Господь да заградит источники искушений, если бы мы сделались немощны. По крайней мере о себе скажу, что я сделался крайне немощен, и всякая малость обеспокоивает и действует вредно на здоровье.

На днях ездил в Ярославль и Кострому к тамошним Святителям[1] и был принят очень благосклонно, — всех приветствовал и со всеми простился, сказав, что имею намерение не выезжать из монастыря, чего требует и крайне расстроенное здоровье и соответствующее ему настроение душевное. Поездка была для меня затруднительным подвигом.

12 июня 1862 года

[1] О них см. 46–51.

№ 36

В настоящее время живу в келлиях о. Игумена, потому что моим доставляют необходимый комфорт соответственно моему здоровью, которое весьма плохо. Здесь получено известие о кончине нашего соседа и моего доброго знакомого Н. П. Полозова. Почти все близкие мне перебрались в вечность; наступила или наступит и моя чреда.

Здесь с июня месяца наступила хорошая погода, перепадают дожди, но вокруг монастыря нет грязи; хлеба и травы хороши.

Посетителей монастырь почти не имеет; летом уединение почти такое же, как и зимой. Простолюдины посещают монастырь в значительном числе: но они приходят к Богослужению и после него уходят в свои села или на гостиницу, не беспокоя прихотливыми требованиями братию.

К Ахматову я писал форменное отношение, что никакой возможности не имею заниматься с подначальными, которых расположился присылать ко мне Гр<аф> Толстой, по совершенному расстройству моего здоровья. Это вполне справедливо! и ныне чувствую ужасную боль в левом боку: видно, образовался сильнейший аневризм[1], который требует пребывания в совершенном спокойствии и уединении. Видно, настало время заняться исправлением себя, а не других, и приготовлением к переходу в вечность.

Е<пископ> И<гнатий>.
27 июня 1862 года

[1] Этот припадок совсем, казалось, прошел весною 1863 года, но он скоро вновь появился и развился в смертную причину. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

№ 37

Спаси Господи за письмо твое от 6 июля и за твои благие желания. Как я, так и Петр Александрович ищем единого: окончить дни наши в покаянии. Сего единого просим у Бога; развитие же монастыря или неразвитие предоставляем Всесвятой воле Божией, единой ведущей полезное. Мы же боимся вещественных попечений и молвы, яко отводящих от попечения о душе. Бабаевский монастырь, весьма уединенный зимою, оказывается весьма уединенным и в летнее время. Здоровье мое очень слабо: сил нет, и являются припадки параличного свойства.

Спаси Господи за заботы о мне. О смерти: не избрать человеку, какою ему болезнию умереть; умереть тою, какую Бог пошлет. Святитель Тихон, новоявленный Угодник Божий, заболел от удара параличом. У меня давно прекратился открытый геморрой и с того времени начали делаться припадочки параличного свойства.

Как ни умереть, а дай Бог умереть с покаянием. Отец Гедеон, иеродиакон, умирает при весьма хорошем приуготовлении.

Е<пископ> И<гнатий>.
19 июля 1862 года

№ 38

Потрудись передать мой искреннейший привет Виктору Ипатьевичу[1]. Уважаю его подвиг, совершаемый с таким самоотвержением и с такою пользою для православных христиан. Петр Александрович, принадлежащий к числу ревностнейших читателей Виктора Ипатьевича, желает познакомиться с ним лично, будучи очень знаком заочно.

Относительно моих сочинений тебе известно, что я писал их для себя и для коротких, немногих знакомых моих, из настроения, полученного и усвоенного монастырскою жизнию. Не удивительно, что это настроение в некоторых оттенках представляется отделяющимся от настроения благочестивых иноков, даже святых, но заимствовавших свое настроение в духовных училищах. Для примера укажу на превосходные во всех отношениях сочинения Святого Тихона Воронежского. Мои сочинения, несмотря на многие их недостатки в духовном и ученом отношениях, иного характера. Я полагаю необходимым сохранить этот характер и не перекраивать их на Академический образец; в противном случае оставить ненапечатанными, тем более, что не с этой целию были писаны и самим мною признаются недостойными того. — Здесь, в уединении, оглядываясь на прошедшую жизнь и усиливаясь раскаянием ослабить силу моих согрешений, приношу раскаяние и в составленных сочинениях, признавая их грешными пред Богом, и слова их недостойными предмета. При всем том и для многих монахов, славных своею аскетическою жизнью, например для Оптинских, мое настроение остается очень неясным: ибо их настроение образовалось от деятельной жизни телесной, столько видной для мира и прославляемой им, а мое от вынужденного болезнями и другими обстоятельствами затвора и сопряженного с ним душевного делания и подвига, не видного и непонятного для мира. Это-то настроение и проявляется повсюду в моих сочинениях, как они не недостаточны, и делает их своехарактерными. Они по характеру подходят к писаниям древних аскетов.

Настала осень; закупоривают на зиму окна, и я закупориваюсь в моих комнатах по необходимости, не только по произволу. Что делать? надо идти тем путем, который указан Промыслом Божиим.

Испрашивающий твоих Святых молитв.

<Недостойный> Е<пископ> И<гнатий>.
6 сентября 1862 года

[1] *Аскоченский В. И.* (1813–1879) — прозаик, журналист, историк, издатель журнала «Домашняя беседа».

№ 39

Здоровье мое очень слабо. Паче всего силы окончательно истощены. Перемены бывают не по дням, а по часам: то поотдает, то опять схватит. Не могу нарадоваться спокойному приюту, который дарован мне Богом и который столько соответствует моему положению.

Спаси Господи, Батюшка мой, за труд, который ты принимал на себя, пиша ко мне довольно часто. Уже не утруждай себя столько. Весьма буду благодарен, если напишешь изредка или при какой особенной нужде.

31 октября 1862 года

№ 40

Спаси тебя Господи за письмо твое от 5 января. Справедливо говоришь, что Бог даровал мне в свое, известное Богу время, то, чего я давно и постоянно желал, но к чему не был готов. «Безмолвие, — говорит святой Иоанн Лествичник, — неопытных погубляет». Прошу твоих молитв, чтоб дарована была мне премудрость употребить должным образом время, дарованное на покаяние и приготовление себя к вечности.

О себе рассуждай с осмотрительностию. Здешнее место не Сергиева пустыня.

Так называемыми талантами, при которых позволяют себе гордость, самоволие и другие послабления, здесь не дорожат, а дорожат сохранением монашеского направления. Нарушителю монастырских правил и благочиния, кто бы он ни был, выдается немедленно билет для приискания себе другого места. А потому желающий здесь жить, должен предварительно приуготовиться к покаянию, которое определяется святым Иоанном Лествичником так: «покаяние состоит в постоянном утеснении чрева и сокрушении духа». С иным приуготовлением лучше сюда не вступать. Место здешнее — уединенное, способствующее вниманию себе и покаянию; в города и села братии не позволяется отлучаться, в гостиницу без спросу не ходят, женского пола в келлии к себе не принимают.

Очень буду рад посещению о. Архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что к советам я потерял способность, если и имел ее. Потрудись передать мой усердный поклон и благословение братии и болящему Иоанну Дементьевичу, коему желаю скончать земное течение свое в покаянии и надежде на един-

ственную надежду нашу — Господа Иисуса Христа, Бога и Искупителя нашего.

И паки прошу твоих святых молитв.

Е<пископ> И<гнатий>.
17 января 1863 года.

№ 41

Справедливо говоришь, что милость Божия к тем, которые устранены Промыслом Божиим от общего стремления массы в отдельные положения, как бы на острова, с которых только видна и слышна буря морская, и то тогда, когда житель острова оставит глубину его — внимание к себе, и приблизится к берегу — начнет внимать совершающемуся на житейском море. Эта милость Божия возвещена и Священным Писанием (Пс. 30. 20, 21, 22). Святые Отцы предвозвестили, что в последние времена спасающиеся скроются от входов человеческих и пойдут смиренным путем делания, хранясь осуждать отступников, предавая все воле Божией и суду Божию, благоговея пред самыми попущениями Божиими.

Не от кого ожидать восстановления христианству! Сосуды Святого Духа иссякли окончательно повсюду, даже в монастырях, этих сокровищницах благочестия и благодати, а дело Духа Божия может быть поддерживаемо и восстановляемо только Его орудиями. Милосердое долготерпение Божие длит время и отсрочивает решительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тем гниющее и почти согнившее достигает полноты тления. Спасающиеся должны понимать это и пользоваться временем, данным для спасения «яко время сокращено есть», и от всякого из нас переход в вечность не далек.

Е<пископ> И<гнатий>.
14 ноября 1864 года

№ 42

Брат привез мне известие, что ты подвергался тяжкой болезни, почему и пишу тебе эти утешительные строки. Святые Отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые нам посылаются, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом принимаемая скорбь послужит нам непременно в очищение грехов наших и залогом к получению вечного блаженства. Мы по свойству недугующего падением естества нашего, заботимся наиболее об устроении нашего земного

положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное наше положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: *Господь, его же любит, наказует*[1]. Скорби, вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби сокрушительные и решительные, наиболее на самом конце жизни, как-то, или скоропостижная смерть или лишение рассудка и тому подобное.

Велик Бог наш! Великое дело — искупление человеков Богом! страшные дни — падение человека! Необходимо нужно основательно познать это, чтоб не погибнуть навеки.

Е<пископ> И<гнатий>.
1866 года

[1] Евр. 12. 6.

№ 43

Подвижникам, занимающимся умственным подвигом, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и другие скорби: от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига.

Это сказано в утешение тебе в постигшей тебя болезни. Будем предаваться воле Божией и делать сами то, что зависит от нас.

Е<пископ> И<гнатий>.
22 июня 1866 года

№ 44

Тому человеку, которого Бог избирает в служение Себе, посылаются различные скорби. За скорби должно благодарить и славословить Бога, моля Его, чтоб даровал покорность Ему и терпение. Очень хорошо сказал святый Исаак Сирский, увещевая покоряться Богу: «Ты не умнее Бога». Просто и верно.

После последнего приема сиропа чувствую необыкновенную слабость. Ноги не служат. Боль в сердце, которая была уже очень

сильною в Сергиевой Пустыне, обнаружилась после сиропа с особенною ясностию. Проведши жизнь под игом различных немощей, в постоянных преткновениях, в постоянном упущении обязанностей моих, имею тот счастливый результат из такой жизни, что всю надежду спасения моего должен возлагать на единого Бога.

Е<пископ> И<гнатий>.
29 июля 1866 года

№ 45

Жизнь христианина на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями, с духами злобы. В этой борьбе — наша надежда. Наше спасение есть Бог наш. Возложившись на Бога, должно переносить с терпением время борьбы. Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию, к великой душевной пользе нашей: от них получаем сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит.

Прошу твоих святых молитв обо мне, изнемогающем и телом и душою. Призывающий на тебя благословение Божие.

Е<пископ> И<гнатий>.
29 ноября 1866 года

№ 46

С месяц, как я чувствую во всей нижней части груди особеннейшую боль и истощание. От ничтожнейшего занятия письмом утомляюсь неимоверно.

П. А. довольно хлопот с изданием моих сочинений! Но эти хлопоты тем полезные ему, что дали возможность всмотреться в состояние Церкви, которое грустно. Святитель Тихон, смотря проницательно на направление, принимаемое современниками его, сказал: **«Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий»**.

Прошу твоих молитв обо мне. Призывающий на тебя обильное благословение Божие.

Е<пископ> И<гнатий>.
27 декабря 1866 года

№ 47

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание о мне немощном и грешном. Неизреченное милосердие Божие да дарует и мне и тебе нести попускаемые нам скорби с преданностию воле Божией, с благодарением Богу, с исповеданием своей греховности, от которых является в душе терпение.

Жизнь человека в миру, в светской жизни, хотя бы и молодого, не снимает с него обязанности вести себя благочестно. Благочестие необходимо не только в отношении к вечности, но и к временному благополучию его: одно благочестие может удержать его от пагубных увлечений, которыми он вредит себе и потрясает любящих его истинно.

Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как Дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы очень приметным образом для внимающих себе удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущие во Иудеи да бежат в горы.

Е<пископ> И<гнатий>.
1 февраля 1867 года

Во всех письмах к М. В. Чихачеву обозначалось время получения письма, постоянно посылались благословения всей братии Сергиевой пустыни, но как эти, так и другие случайные, но не имевшие никакого особого значения обстоятельства, выпускались из писем[1], сохранялись лишь наставления и главнейшие, лично до Владыки относящиеся обстоятельства. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

Два письма М. В. Чихачева к оптинскому иеромонаху Леониду (Кавелину)[2]

№ 1

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас

Воистину воскресе Христос

Возлюбленнейший о Господе Отец Леонид!

Очень благодарю за письмо и поздравление ваше; взаимно сам благоговейно поздравляю и усерднейше желаю всегда радоваться о Исполняющем всех верных своих несказанными благами —

[1] Конечно, тем самым содержание писем к М. В. Чихачёву было чрезвычайно обеднено. —*Примеч. О. Шафрановой.* || [2] РГБ ОР. Ф. 148 К. 10. № 38; о Леониде Кавелине см. с. 216.

Господе Иисусе. То же молю передать и маститым старцам вашим: отцу архимандриту Моисею и отцу Макарию, некогда сожительствующему купно под руководством одного старца, вашего тезки отца Леонида. Пока мир существует, естественно одни родятся, другие умирают, в одном месте вновь начинают строить, в другом уничтожать ветхость. Вот и Рекони пал жребий возобновляться. Участие в ней принимал наш о. Моисей. Когда пришло время выбрать настоятеля, он пожелал избрать такого, который бы не желал сердечно начальствовать, а делал бы это из послушания ради любви к Богу и ближнему, мне и вздумалось ему показать на вас, как на самого в этом случае упрямого и не хотящего, а могущего с помощию Божиею дело уладить. Отец Моисей и прочие Реконские братия приняли это единодушно и никто этого не знал, кроме нас двоих. Теперь оказалось, что вы сами пожелали быть из числа многих званных, а не из числа малоизбранных для этого места. Это — ваше дело про то знать, а мне вас не учить стать, сами имеете возраст, и мы хорошо знаем, что вы не из числа ищущих что-либо, кроме милости Божией, без которой никому спастись нельзя и эту милость Господню непременно надобно приобрести, пока мы находимся на поверхности земли, а в недрах ее уже поздно — такова участь всякого человека: пожить в утробе матери не видя света, повертеться на земли при свете, худо или хорошо, и опять отправиться в утробу матери-земли, где нет света никакого, но вечная тьма и тоска. Единая безмерная милость Божия, приобретенная смирением, верою и покаянием может доставить человеку покой, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная, а как? и где? и какими путями? Это надо предоставить Всеведцу, а не нам человекам, весьма во всем ограниченным. Кстати, вспомнил про книгу: слово о смерти, если она у вас цела и не нужна, потрудитесь переслать ее ко мне — по почте или с кем-либо из верных знакомых ваших, все равно мне не к спеху. Наш отец архимандрит и братия благодарят вас за память и поздравляют, все, благодарение Создателю, здоровы, а мне все и теперь еще хворается, всю зиму и прошлое лето хворал, вид имею человека весьма здорового, но болен и говорят неисцельно.

Надо готовиться, видно, в путь невозвратный, а леность, неразумие, нерадение, забвение и прочие огромные немощи зело одолевают. *Неключимый раб есмь.* Простите все отцы святые! И в молитвах своих усердно помяните многогрешного.

Михаил Чихачев.
13-го апреля 1860-го года

№ 2

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас.

Возлюбленнейший о Господе Отец Леонид!

Вы премного меня утешили и обрадовали присылкою книги писем отца Макария достоблаженного, взаимно и вам желаю радоваться о пресладчайшем Господе нашем Иисусе Христе и приветствую радостным для всех словом: Христос Воскрес! потому что строки эти придется вам читать по прошествии Великого поста. Очень благодарят вас отцы наши: архимандрит и брат его Моисей за память. Мне уже было тем более приятно читать эту книгу, что многие есть знакомые, которых как не скрывай, но тотчас узнаешь, ибо и жили вместе. Действительно, пока дух такого учения будет в монашестве и христианстве существовать — врата адовы не одолеют Церковию, по неложному обещанию Спасителя. Тут главное внимание обращено на очищение души, на усовершение и спасение внутреннего человека, от которого внешний фарисей сам собою не найдет места. Недавно отец Моисей наш был в Реконской пустыни, там настоятель и братия все из Валаама. А стодвадцатипятилетний старец Амфилохий от них удалился за тридцать верст в лес и живет один в землянке; при свидании с Моисеем скорбел о духе фарисейском братства их, если они жили погрешнее, говорит, лучше б было, а то как красное яблочко да только снаружи, а копни внутрь — гнилью и пустотою так и отзовется. Слышал об отце игумене Глинском Ювеналии[1] — далеко пошел, да и еще может уйдет, даруй только Господи во славу Божию! Место хорошее и монашеское, хоть бы кому ни было, можно быть довольным и завести с Божиею помощию порядок дельный, хотя пока монастырь в долгу, что его беспокоит несколько, но и это, есть надежда, поправится скоро при его попечительстве. Самого же Игумена мы не видали, ибо ему не заблагорассудилось побывать у нас.

Потрудитесь передать от меня усерднейшее поклонение, целование и поздравление вашим Старцам: Отцу Архимандриту Моисею, Отцу Игумену Антонию и еще, кто обрящется из знаемых мне. Прошу их Отеческих молитв и благословения. Читая письма О. Макария, так живо представились все отшедшие и живущие ваши отцы, как будто недавно только с ними всеми расстался, а их всех немало, начиная с О. Леонида, О. Макария, другой монах Макарий, О. Иоанн, О. Иоанникий, О. Гавриил, О. Израиль, О. Геронтий, О. Иосиф и другие всего мог насчи-

тать двенадцать человек. Упокой Господи отшедших и спаси Господи и помилуй здравствующих! Также и вас прошу не оставлять в своих молитвах, пустынных, уединенных и Богоугодных и поминать мою ничтожность и убогость, чем много одолжите и бедной душе моей милость велию сделаете.

С душевною преданностию и почтением остаюсь готовый ко услугам многогрешный монах пустяшный

Михаил Чихачев.

1862-го года 2-го апреля

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 650.

Три письма М. В. Чихачева к Л. Н. Вакселю[1]

№ 1

Здравствуйте почтеннейший Лев Николаевич!

С самого начала Великого поста все стараюсь исполнить вам мое обещание написать, но до сих пор, когда уже и пост на исходе, еще не мог собраться. И потому не ведь о чем толковать о посте или о мясоеде? Кажется, письмо сие вас застанет на разговинах или на конце поста, и потому прилично мне прежде всего вас всех поздравить во-первых, с принятием Святых Таин, ибо, вероятно, вы все говели и оных сподобились; а потом и с Светлым праздником Воскресения Христова. Даруй Господи вам мирная и премирная Своя благая, во еже получите милость Его, яже ко спасению прошения и вечных благ восприятия. Не думаете ли перебраться в здешний край? Что-то будет, а пошаливать начинают в Европе, надо и нам быть наготове. На всякий случай собираются, однако, здесь все тихо очень пока, только не совсем весело от неприятностей для Высочайшего дома! Дожили до время! Мы, собственно, монастырские жители, благодарение Господу, живем потихоньку, своим делом занимаемся и мало, кажется, думаем о том, о чем не следует думать. Отца Архимандрита ожидаем к Троице, то есть к 1-му июню, как он и обещается в письмах своих приехать. Перемены относительно его и монастыря нашего еще никаких нет, хотя и поговаривают о каких-то, но едва ли не мелют. Весны такой у нас давно не бывало. Нева прошла до Благовещенья дни за четы-

[1] РНБ РО. Ф. 124. Оп. 1/III. № 4756; *Вакселъ Лев Николаевич* (1811–1885) – штабс-капитан в отставке с 1831 г., писатель-натуралист, автор «Карманной книжки для начинающих охотиться с ружьем и легавою собакою», СПб., 1856.

ре и уже очистилась теперь от льда. И море наше даже растаяло, погода теплая и дождя довольно. Иногда отворишь окно и слышны птицы разных сортов: утки, гуси, журавли стадами. Как при сих зрелищах не вспомнить друга, милого охотника Льва Николаевича? Ходил, бывало, близко, хоть и не часто, но увидишь его. А ныне ходит, да далеко, не увидишь. Спасибо, — душою зато близок; а для сердца глаз не надо, им и слепые видят часто лучше зрячих. Простите же, дорогой мой Лев Николаевич! Теперь напишите вы ко мне что-нибудь о себе и о ваших всех. Кого искренне любишь, о том всегда приятно слышать, хоть бы и маловажное что. Детей ваших за меня поцелуйте. Софье Платоновне и Софье Карловне мое усерднейшее доброжелание и приветствие великого праздника: Христос Воскресе! Не удивляйтесь, что раненько пишу это слово. Кто празднику рад, тот до свету пьян, говорит пословица. Дай-то Господи и нам благодатию Воскресения Твоего учиться поучением Спасительного Твоего о нас смотрения и в радости достигнуть постоянного и непреложного дня Твоего славного Воскресения! Вот чего усердно желаем всем вам и себе, душою преданный

Михаил Чихачев.
30-го марта 1848-го года

№ 2

Искреннее письмо твое от 5-го марта имел честь получить, многолюбезнейший Лев Николаевич! Благодарю очень: во-первых, за писание, 2) за искренность, 3) за то, что не осерчал. Прошу также прощения дружеского твоего — кто кому может навязывать свой образ мыслей. Больше полумира имеют подобное тебе понятие о православной Церкви и живут с именем Христиан, особенно Лютеране. Если до сих пор никто не мог разубедиться в таких мнимо здравых положениях, то нечего тут человекам смертным делать. В добавок ты, даже не хочешь и слышать противного мнению твоему, в котором ты так крепко убежден. Еще раз прошу искренно прощения — не желаю ничем оскорблять ближнего моего, тем более, что и сам, если снять с меня личину, остаюсь при всей моей старости, с теми же опёрами греха, какими пользовался деятельно в молодости, потому и нуждаюсь в Спасителе, к Которому и прибегаю молясь, моля и Угодников Его оказать мне помощь в деле спасения души, непременно бессмертной, в чем все верующие и неверующие были убеждены естественно. Если все

это для тебя кажется морозом, то прости меня, не имею ничего теплее предложить тебе, дорогому приятелю, а не чудовищу, каким будто тебя считаю, как изволишь выражаться. Спасибо еще за любопытство твое о моей ноге. Она теперь меня не мучит, а разве сам мучу ее. Каждый день по два раза держу ее в холодной воде со льдом по получасу и сверх того прикладываю льдинку на нее, с которой и делаю перевязку. Это так поступаю по старовер-ству моему к водолечению и замечаю, что от этой проделки рана гораздо чище делается, нежели от пластыря и меньше чешется окрестность ее, да и простуда почти вовсе не действует от такого рода лечения. Пиво все также продолжаю пить и другого, кроме его, решительно ничего. Странно то, что все находят меня похудевшим, между тем, как от пива все толстеют. Остальными всеми частями тела, мне грех пожаловаться на нездоровье. Архимандрит и брат его благодарят тебя очень за память и поклон — и сами взаимно кланяются, также как и все тебя знающие здесь. К Отцу Аполлосу[1] писал недавно, к Софье Львовне тоже. Софье Платоновне приношу почтение с усерднейшим желанием всех благ душевных, телесных и духовных. Для тебя такое желание — не в коня корм. Червяку не до неба, даже и не до земли, а как бы только в земле скрыться. Вот и мне, червяку, пишущему эти строки, перешло уже на седьмой десяток — двух веков не проживешь, глядишь как раз уйдешь на веки невозвратимые. Тогда прощай и ты, возлюбленный мой, и все таковые. Всем не отвергающим крещения и прочих святых таинств, постановленных в православной Церкви есть отрада — надежда на Пришедшего в мир, чтобы не погубить, а спасти грешников от погибели вечной, а отвергающим все и того не будет, так и должны погибнуть безвозвратно. Пока еще живы, надо вопить к Живому вечно, чтобы избавить от вечной смерти. Пишешь ты мастерски, и слог и почерк весьма хорош, а конверт с ниточкой — очень примечательный. Как эта ниточка кстати для удобнейшего распечатания. Вот если все конверты клеенные были так устроены, а то или ищи ножика при получении письма, или рви на мелкие куски весь конверт. Так-то и все реформы — когда к лучшему, очень хороши, а как хуже чем было — несносны и донельзя неприятны. Прощай, друже! в полном смысле слова. Твой

Михаил Чихачев.
1866-го года 12-го марта
День получения твоего письма

[1] *К Отцу Аполлосу...* — О нем см. 290–292.

№ 3

Очень благодарю тебя, друг мой Лев Николаевич, за письмо и хлопоты твои. По желанию твоему посылаю рецепт, а ты постарайся хорошенько все состряпать, чтоб можно было тебя произвести прямо в чин пластырного Кохмейстера. Надеюсь на твою удачу, а цена всего материала 70 копеек. Если не найдешь с кем послать — пошли по почте, здесь в Стрельне есть теперь приемка посылок и денег.

До свидания

Желающий тебе всех благ

Михаил Чихачев.

Его Высокоблагородию!
Льву Николаевичу Ваксель
Между городом Ковно и Юрбургом в Райданы

Письмо М. В. Чихачева к архимандриту Аполлосу (бывшему казначею Сергиевой пустыни)[1]

Воистину Воскресе Христос!

Высокопреподобнейший отец Аполлос!

Взаимно поздравляю вас с текущею Пятидесятницей и от души благодарю за письмо ваше, которое дошло до меня весьма скоро. Оно пришло ко мне вместе с письмом Л<ьва> Н<иколаевича> шестого апреля, написанным второго числа. И мне немало прискорбно, что писем моих ни вы, ни Л<ев> Н<иколаевич> не получили, хотя там было написано довольно существенного и полезного. Но пенять не на кого, сам виноват. В то время как написал их, были у меня мои родные Ферморы из города. Мне хотелось ускорить посланием их на почту, потому и поручил Ферморовой отослать; видно, посланы были с человеком, который не отдал их на почту. Что делать? Оплошал, простите старика меня глупого. Теперь того не напишешь, как там было написано кстати. Деньги пять рублей от С<офьи> Л<ьвовны> сейчас же тогда были переданы сторожу Тимофею, который и молится о ее вожделенном здравии и от души благодарит. Все это там было описано ладно и вам большая благодарность за то, что, по словам С<офьи> Л<ьвовны>, умеете мною ценить дорого, хотя чувствую, что и дешевой оценки не стою. Относительно Л<ьва> Н<иколаевича> надо молиться вам совокупно, да и его убедить, чтоб он пожелал и сам помолился очень простенько:

Господи, дай мне веру в Тебя истинную, не по моему разумению, а по Твоей Святой воле. Тогда непременно дастся и будет ощутительно для самого убеждения разума человеческого. Так как вы пишете, что Л<ев> Н<иколаевич> скоро сюда приедет, то и подожду отвечать ему. Его родитель скончался. Это слышал от Бутузова. Не пишу вам политических новостей, сами все узнали уже вероятно. Офранцузились русские скоро, только удача-то остается русская, та же медвежья.

В том письме писано было и о матери Варсонофии[2], что скончалась, а на место ее управляет всем теперь мать Евстолия. Собственно, у нас в Обители новостей нет, на флот назначены двое: отец Леонид и отец Пахомий. Петр Александрович Брянчанинов был здесь, взял ваше описание жизни Преосвященного. Может быть мы из всего, говорит, составим нечто полное; он очень вам кланяется и сердечно рад, что вам теперь хорошо. У нас вся Святая неделя стояла прекрасною, а теперь пасмурная погода, сыро, часто дождь, иногда снег, а по утрам морозит. Все это предвещает хорошее будущее. А вас поздравляю с летом. Вот теперь-то именно вам и оживать, помоги Господи духовно и телесно.

Все наши отцы и братия вам кланяются и поздравляют. Прошу вашего благословения и святых молитв. Письмо С. Л. потрудитесь передать сохранно в руки. Простите.

Душою преданный инок.

Мисаил Чихачев.

1866-го года 6-го апреля

Извините, что не на большом листу пишу. От того, что маленьких листков мне надавали много, а больших-то мало.

Письмо ваше Павлу Петровичу передал.

[1] РНБ РО. Ф. 124. Оп. 1/III. № 4756.

[2] *Матери Варсонофии...* — О ней см. с. 172–174.

Ольга Шафранова

Павел Петрович Яковлев

Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное.

Дмитрий Александрович Брянчанинов (святитель Игнатий)

Павел Петрович Яковлев, назвавший Михаила Васильевича Чихачева замечательнейшей личностью, сам тоже вполне заслужил такого определения. Скромнейший делопроизводитель Сергиевой пустыни, никогда не выступавший за пределы своей должности, он на всю жизнь сохранил и огромное доверие и дружбу святителя Игнатия Брянчанинова.

Он происходил из младшей ветви известного дворянского рода, родился в 1810 г. в имении своих родителей в Костромской губернии, рано потерял отца, после чего его матушка София поселилась в Горицком монастыре, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, а сам он поступил послушником в Новоезерский монастырь. Архимандрит Пимен (Угрешский), побывавший в молодости в этом монастыре и познакомившийся там с П. П. Яковлевым, вспоминал о нем: «В 1832 году ему было лет за двадцать. Не очень высокого роста, приятной наружности и характера самого уживчивого, мягкого. Он был письмоводителем о. Игумена и имел почерк весьма четкий и красивый и, кроме того, пономарил ранние обедни у Преподобного Кирилла».

О своем знакомстве с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым (святителем Игнатием) П. П. Яковлев пишет так[1]: «1830 года в первых числах февраля, в начале Великого Поста,

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 5.

прибыл из Вологды в Новоезерский монастырь Дмитрий Александрович Брянчанинов с Михаилом Васильевичем Чихачевым. При них находился отпущенный из села Покровского человек Феодосий, весьма умелый и расторопный мальчик.

Лихорадочное состояние Дмитрия Александровича уложило его в постель.

Михайло Васильевич пел на правом клиросе прекрасною звучною октавою не безызвестное ему Столповое пение обители.

К концу Великого Поста здоровье Дмитрия Александровича поправилось настолько, что в день Святыя Пасхи мог быть в церкви у Литургии.

Чрез несколько дней опять слег в постель и к концу мая или в первых числах июня отправился обратно в Вологду в экипаже, присланном родителями с человеком их Доримедонтом, к которому в помощь был помянутый человек Феодосий.

С 16 июня того же 1830 года началась моя искренняя дружеская переписка с Дмитрием Александровичем».

Из ответов Дмитрия Александровича на первые письма Павла Петровича видно, что отношения их сразу же определились раз и навсегда: «Любезнейший о Господе Павел Петрович! — пишет он 27 июня 1830 г. — Приятнейшие Ваши строки я получил и стараюсь сколько возможно не медлить с ответом, тем более, что моею обязанностию было заслужить ваш ответ.

Не буду уверять вас в том, что особенное ваше благорасположение, истинно-христианское и истинно-иноческое оставило глубокое впечатление в моем сердце, и изобразило в оном память о вас чертами, кажется, неизгладимыми. Примите с любовию слова сии, — как изображение моей благодарности, — не как уплату долга: от долга приятного я не намерен освобождаться».

И в следующем письме от 31 августа того же года: «Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное (ибо приобретший любовь ближнего, приобрел сокровище)».

Из этих же писем можно заключить, что Павел Петрович не стремился стать монахом: «Относительно разговора нашего, — писал ему Дмитрий Александрович, — о вступлении вашем в службу — постарайтесь привести поскорее в действо: ибо что-то поговаривает сам Царь о уменьшении дворян. Это я слышал наверно. Царю не нравится, что много в России бедных и бесчиновных дворян; и так все таковые находятся в опасности потерять дворянство и быть приписанными к однодворцам».

«В начале сентября, — продолжает П. П. Яковлев свой рассказ, — Господь привел мне побывать в городе Вологде — и во время пребывания мы вдвоем с ним [Дмитрием Александровичем] неоднократно бывали у Преосвященного Стефана и Владимира Алексеевича Волоцкого[1], с которым один раз отправились в коляске в Прилуцкий монастырь на могилу недавно скончавшейся его супруги, где им была выстроена часовня».

Оправившись от болезни, Дмитрий Александрович испросил позволения преосвященного Стефана поместиться в Семигородной пустыни. «В 1830 году, — продолжает П. П. Яковлев, — дважды привел Господь быть в Семигородной Пустыни. В первый раз увез меня с собою из Вологды на тройке гнедых весьма примечательных монастырских лошадей Дмитрий Александрович, у которого пробыл в келлиях о. Строителя Мелхиседека 27-е, 28-е и 29-е числа сентября. Во время этого пребывания написана для меня 28-го числа Азбука[2]».

Павел Петрович просил Дмитрия Александровича написать также для него какое-нибудь сочинение: «Отказать не хочу, не смею, не должен! — отвечает ему тот. — ...Только потерпите немного, пока руки мои несколько поукрепятся: от слабости они еще дрожат». А через три-четыре месяца: «по отъезде вашем Сочинение у меня полилось, и если б знал я, что вы в Вологде, то оно уже было бы у вас в руках». Возможно, что речь шла о «Плаче инока», написанном как раз в это время.

«Во второй раз, — продолжает рассказ П. П. Яковлев, — отправились мы из Вологды с добрым товарищем, Николаем Ивановичем Моталындиным, в первых числах декабря по зимнему первопутку, пробыли у Дмитрия Александровича два дня. Федосей готовил нам обеды по оба раза моих посещений. <...> В 1831 году он пострижен и произведен в Иеродиакона, 20 июля — в Иеромонаха. <...> В конце декабря месяца в проезд мой в Ярославль через Вологду получил в первый раз его благословение. Затем от Синода произведен в Наместника Лопотова монастыря, и мы с ним продолжали дружескую переписку в течение двух лет постоянно до времени прибытия моего в Сергиеву пустыню в начале мая 1834 года». То есть архимандрит Игнатий вызвал к себе Павла Петровича практически сразу же после назначения своего настоятелем Сергиевой пустыни.

---

[1] *Волоцкой Владимир Алексеевич* — вологодский помещик, сосед Брянчаниновых. ‖ [2] См. пример такой Азбуки на с. 118.

М. В. Чихачев писал, что П. П. Яковлев был деятельным помощником архимандрита Игнатия и преданным ему человеком. Образованный, необычайно трудолюбивый, добросовестный и аккуратный, он был точным исполнителем всех распоряжений Архимандрита, «любил его, понимал дух его распоряжений, предусматривал трения в делах и во всем, шаг за шагом, следовал за своим патроном». Он был из тех людей, кто много мог, и на которых, поэтому, возлагалась наибольшая нагрузка. На нем лежала вся письменная и канцелярская часть не только Сергиевой пустыни, но и по благочинию. Также Архимандрит ему доверял и личные поручения, которых было множество, по множеству обращавшихся к нему разных просителей. Кроме того, когда начались капитальные работы по восстановлению главного собора во имя Живоначальной Троицы, Павлу Петровичу была поручена вся отчетность, связанная с расходованием больших сумм денег, наймом рабочих и расчетами с ними, заготовкой материалов и т. д. Архимандрит Игнатий в своем представлении по этому делу писал, что П. П. Яковлев «независимо от возложенных на него обязанностей письмоводителя Сергиевой пустыни, содействовал ему во всех важных случаях при исправлении соборного храма составлением журналов и производством всех письменных дел Комиссии, подлежащими расчетами поставщиков и подрядчиков, ведением в течение всего времени денежной отчетности... по подрядам и, наконец, составлением отчетов, которые по обревизовании, где следует, найдены совершенно правильными и удовлетворительными во всех отношениях». За участие его в этих трудах ему была объявлена благодарность Епархиального начальства особым свидетельством от 30 марта 1847 г., в котором было отмечено, что «дворянин Павел Петрович Яковлев был секретарем Временного Комитета, безвозмездно исполняя эту должность с усердием и успехом».

Сам Павел Петрович о той массе дел, которые были на него возложены, пишет в своем обращении к архимандриту Игнатию от 17 августа 1846 г. следующее:

«Многолюбезнейший Батюшко, Отец Архимандрит

Всюду Господь по милости Своей сохраняет нас на пути жизни!

Конечно, Вы припомните разговор наш, бывший как по получении Указа с инструкцией Консистории о построении наших часовен, так и в то время, когда Валаамский О. Казначей просил Вас об освобождении их от Журнальных постановлений при производстве постройки Скитской церкви.

Зная предстоящий труд и участвуя, или разделяя его всем сердцем, Вы решались на представление в то и другое время; но мне до чрезвычайности было трудно приводить сию мысль в исполнение, почему и осталось это предположение до некоторого времени без огласки. Между тем, ныне Валаамский Настоятель с Казначеем сделали со стороны своей Представление об освобождении их от Журналов.

Получив его, Владыко[1] сильно огорчился и сдал резолюцию, как сказывали мне, такого содержания, что Представление их нелепо, противузаконно и т. д. и что О. Благочинный должен вразумить их и проч.

Итак, Валаамцев можно поздравить с Журнальными постановлениями, а нас по постройке часовен: с отдельными Входящими и Исходящими журналами, Докладными по консисторской форме, Реестрами и с существующими в виде Протоколов подробными Журналами! Заранее благодарю за милости по обеим постройкам исключительно до меня касающимся; но только дело вот в чем:

Небезызвестно Вам, что в течение восьмилетнего управления Благочинием при обыкновенном течении дел наших не было еще ни одной серьезной бумаги, ни по одной из восьми Обителей[2], которая бы миновала грешных рук моих и которая бы не была мною составлена; а также не было еще ни одного важного дела, по которому бы не следил я всюду и везде, где можно, с начала до конца его.

Натурально, все это требовало времени, следовательно, время для меня всегда было дорого, в особенности, если угодно Вам будет принять во внимание то, что Строительная отчетность по исправлению нашего Собора (92674 р<ублей> асс<игнациями>) сдана была на ревизию Синодального Контроля и Казенныя Палаты в количестве четырех тысяч листов беловых бумаг за подписью всей Комиссии. И что все те бумаги по милости Божией не сделали не только никаких дурных последствий, но, напротив, найдены правильными, законными, даже образцовыми, о чем не раз случалось слышать Вам и мне от многих лиц, сведущих по этой части, начиная от Г. Г. Синодального Обер-

[1] *Антоний* (Г. А. Рафальский; 1789–1848) – Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. ‖ [2] Кроме Троице-Сергиевой пустыни, архимандрит Игнатий являлся благочинным Спасо-Преображенского Валаамского, Троицкого Зеленецкого, Рождественского Коневского, Старо-Ладожских Николаевского и Успенского, Богословского Черменецкого и Введенского Островского монастырей.

Контролера и Председателя Палаты до последнего Помощника Контролера. Главным же и неоспоримым доказательством сей истины служит то, что правильностию отчетов спасены для пользы Обители 12700 р<ублей> асс<игнациями>, пригодившиеся на нынешнее построение часовен.

Не желая и ныне исполнять мою обязанность как-нибудь, дабы сохранить тем драгоценное для меня здоровье и спокойствие Ваше, я решаюсь покорнейше просить Вас, при наступлении нынешнего многотрудного времени облегчить меня хотя отчасти. Говорю облегчить потому, что избавиться от труда не желаю за грехи мои до гроба — лишь бы Господь даровал здоровье.

Вы одни в состоянии облегчить бремя трудов моих тем, что ежели поручите Отцу Сергию вполне строительную часть, т. е. найм рабочих людей, закупку материалов и правильное ведение Реестров материалам и рабочим людям, форменное составление тому и другому ведомостей и Расчетных тетрадей так, как и все узаконенное соображение цен Сметных, Справочных и утвержденных Начальством, со всеми приходо-расходными книгами и месячными ведомостями о суммах Строительной и Переходящей. Эта Контрольная работа, столь необходимая при нынешних строгих взысканиях, требует особенного навыка, который О. Сергий при исправлении Собора стяжал, уже и от того он один в целой Обители нашей может быть достойным сотрудником сего дела. Все прочие могут только приложить мне ко бремени бремя, выключая О. Иосифа, который так завален работою, что более обременять его и грешно, и совестно.

А потому сделайте одолжение, по получении письма сего потрудитесь пригласить О. Сергия и поручить ему предстоящий труд наш разделить вместе с нами, уволив его совершенно от всех прочих послушаний, иначе предстоит дело худое!

Да будет Вам известно, что более двадцати дел самых серьезнейших лежат у нас без исполнения за недостатком рук моих. В числе тех дел многие таковы, по которым требуются Его Преосвященством мнения и мнения довольно важные и не терпящие отлагательства времени.

А что, если прибавить к сему и ту постоянную заботу, или лучше сказать: болезнь моего сердца, о предстоящей ответственности за неисправность описи имущества многих обителей, в особенности нашей?

Столь обильный поток дел наших, судя по нынешним обстоятельствам, без сумнения будет продолжаться впредь еще с боль-

шею силою; следовательно, заняться мне исключительно всею вообще операциею постройки часовен нет никакой возможности. Довольно и того, что, составив **общий план действий**, буду наблюдать за его исполнением, займусь **Докладными, Журналами, Отчетами** и прочими важными по постройке **Исходящими бумагами.**

Нельзя же оставить в забвении и то, что по милости текущих дел, ежедневно нас наводняющих, прошло более месяца самого лучшего времени, в которое бы можно было продолжать нашу постройку, но она не начата еще!

Вам преданнейший П. Яковлев.
17-го августа 1846 года
С<анкт>П<етер>бург».

Архимандрит Игнатий вполне отдавал должное трудам своего «вселюбезнейшего Павла Петровича». «Вас надо мне благодарить, — писал он ему в январе 1848 г., — за Ваши труды о приведении описей Сергиевой Пустыни в порядок, так как и всей ее письменной части, равно и письменной части всех монастырей С. Петербургской Епархии. Не видит этого высшее начальство, не может видеть, не хочет видеть — что до того! Видит Бог. И Ваши труды пред Ним не забыты! Хотя предмет их — вещество; но Вы, занявшись веществом, дали другим время и возможность заняться предметами духовными, чего бы они не могли сделать, если б Вы не заменили их собою в трудах вещественных. И занятия о временном прекрасны, когда они совершаются с целию служения ближним, ради Бога, ради святой Любви о Господе».

Павел Петрович тоже был слабого здоровья и несколько раз брал отпуск для лечения. Архимандрит Игнатий в этих случаях писал ему письма, заполненные разными полезными советами и рецептами лекарств, которые испробовал сам. Но все-таки, торопил с возвращением: «Прочее все по-старому. Только в том перемена, что я начинаю Вас поджидать обратно, да и дела, Вами оставленные, требуют непременно возвращения Вашего к октябрю» и т. п. Из архивных материалов видно, что архимандрит Игнатий предпочитал, чтобы и в его отсутствие Павел Петрович оставался в Пустыни. Так, отправляясь для обозрения монастырей своего благочиния и поручая исправление должности настоятеля своему наместнику, он всегда оставлял в монастыре Яковлева «для охранения законности и порядка по канцелярии». Епархиальное начальство тоже ценило знание Яковлевым мо-

настырской жизни. Например, когда в 1852 г. архимандрит Игнатий обратился с просьбой временно из-за болезни освободить его от обязанностей благочинного монастырей, то Высокопреосвященный Митрополит Никанор[1] назначил исполнять эту должность с 7 мая 1852 г. по 7 мая 1853 г. Зеленецкому архимандриту Иннокентию, но с тем, чтоб для повременного обозрения монастырей он «брал с собою из Сергиевой Пустыни П. П. Яковлева». Однако и в этом случае архимандрит Игнатий не считал возможным в свое отсутствие отпускать Павла Петровича из монастыря. «Нужным считаю, — писал он 17 июня 1852 г. временно исполняющему благочинному, — предварить Вас, что по случаю назначения моего Депутатом при производстве следствия по делам Устюжского помещика Страхова, я отправляюсь ныне же в город Устюжну, и нахожу нужным, чтоб во время моего отсутствия Г<-н> Яковлев находился в Сергиевой Пустыни до 1-го числа будущего августа месяца».

Особо следует отметить, что П. П. Яковлев, может быть, первым понял вневременную значимость святителя Игнатия и историческую ценность всех документов, касающихся его деятельности и его личности. Очень рано он начал собирать и приводить в порядок архив Сергиевой пустыни. Сам святитель Игнатий вовсе не стремился к сохранению своих личных документов, в том числе переписки. Он писал, что большинство писем, по прочтении их, он сжигал. И только благодаря П. П. Яковлеву до наших дней дошло довольно значительное число писем Святителя и его корреспондентов, раскрывающих весьма важные свойства его характера и его взаимоотношения с самыми разными людьми.

Л. А. Соколов, многое почерпнувший из архива Павла Петровича при работе над своей монографией «Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения» (Киев, 1915), писал: «Для любителя канцелярской исправности и порядка Архив и делопроизводство Сергиевой пустыни за время исполнения обязанностей по этой части П. П. Яковлевым представляют интересное явление. Порядок в делах, исправные описи, пояснительные пометки и таблички, показывают, что П. П. Яковлев был не только исправный и аккуратный чиновник, работавший не за страх, но за совесть, но и большой любитель своего дела. Канцелярская часть, делопроизводство Сергиевой пустыни и благочиния монастырей С.-Петербургской епархии,

[1] *Никанор* (Н. С. Клементьевский; 1787–1856) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1848 г.

экономическая отчетность и все, к ней относящееся, за время настоятельства архимандрита Игнатия были в безупречном порядке. Брянчанинов умел выбирать и ценить людей, а П. П. Яковлев в своей части был достойным птенцом гнезда Игнатиева».

Несмотря на свою огромную загруженность, Павел Петрович взял на себя еще обязанность летописца Обители[1]. Начиная со времени основания Пустыни, он привлек многие архивные материалы, чтобы объяснить причины ее упадка к моменту назначения туда архимандрита Игнатия. В числе главных причин он называет управление Пустынью людьми, для которых она была только источником их материальных интересов. Вначале это были ректоры С.-Петербургской семинарии и ученые архимандриты, а с 1819 г. — преосвященные викарии вновь открытого при С.-Петербургской митрополии викариата. В этих условиях «постепенный упадок и разрушение Пустыни были естественны, также и у братий отбирало всякую охоту трудиться на ее пользу».

«В таком состоянии застал ее в 1834 году новый Настоятель» — этими словами П. П. Яковлев предваряет свою Летопись Троице-Сергиевой пустыни и продолжает: «1834 год останется навсегда памятным в летописях Сергиевой Пустыни! То был год ее полного и всестороннего возрождения. Виновником его был Отец Архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Его имя будет помнить и ублажать обитель до последних дней своего существования. Если О. Варлаам был ее основателем (1734 год), то О. Архимандрита Игнатия достойно и праведно можно назвать ее воссоздателем».

Каких, однако, трудов стоило это воссоздание! Немедленно по прибытии Архимандрита в Пустынь, нужно было приступить к возобновлению обветшавших зданий, иначе «негде было голову приклонить». «Первым из таких зданий оказался каменный двухэтажный флигель, в котором помещались настоятельские келлии, которые были в таком разрушении, что невозможно было в них жить. <...> Одновременно приступлено было к возобновлению и церкви Преподобного Сергия, в которой затруднительно было служить из-за разрушений. Возобновив эти здания, О. Архимандрит соединил их каменною в два этажа галереею и в верхнем этаже устроил братскую трапезу, а в нижнем полуподвальном — кухню, келарню и некоторые келлии». После этих работ необходимо было заняться капитальным возобновлением главного собора во имя Живоначальной Троицы, построенного еще в

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 19.

1760 г. по проекту Растрелли. Средства на возобновление собора Государь Император Николай Павлович повелел выделить из казны.

Павел Петрович по архивным материалам подробно описывает историю создания этого собора: «Главная церковь или собор во имя Святой Троицы находится в средине монастыря. Построение его начал производить на средства Троицкой Сергиевой Лавры Архимандрит ея Афанасий Волховский в 1756 году; кончено оно в 1760 году. Главный олтарь освящен 10-го августа 1763 года Членом Святейшего Синода Лаврским же Архимандритом Лаврентием Хоцятовским, в присутствии Государыни Императрицы Екатерины II. <...>

По окончании Богослужения Государыня изволила за обеденным столом у Архимандрита кушать со всеми находившимися в Свите Ея Величества фрейлинами и другими придворными особами.

Приделы этого Собора, правый в честь святых апостолов Петра и Павла и левый — во имя святых Захария и Елисаветы, освящены раньше главного олтаря Членом Святейшего Синода Архимандритом Лавры, знаменитым Придворным проповедником Гедеоном Криновским; первый 18-го, второй 19-го августа 1761 года. <...>

Второй — при капитальном возобновлении всего храма, освящен во имя Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи настоятелем архимандритом Игнатием Брянчаниновым 1840 года августа 16. Главнейшую святыню Собора составляет икона Преподобного Сергия Радонежского, привезенная по преданию основателем пустыни Архимандритом Варлаамом из Сергиевой Лавры. При ней находится сребропозлащенный малый Крест с частицею святых мощей Преподобного Сергия Радонежского, принесенный 22-го августа 1861 года в дар Сергиевой Пустыне известным путешественником по святым местам камергером Андреем Николаевичем Муравьевым[1], получившим эту святыню в 1850 году от Высокопреосвященного Митрополита Московского Филарета. Здесь на горнем месте главного престола помещается в большом изящном киоте, устроенном по рисунку архитектора А. П. Мельникова, примечательнейший по художеству образ Святыя Троицы, писанный знаменитым профессором Карлом Павловичем Брюлловым в 1840 году».

[1] О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 426–429.

В архивном фонде П. П. Яковлева сохранились документы, относящиеся к восстановлению Собора. Прежде всего, это описание причин, приведших к разрушениям, и смета. Архимандрит Игнатий, вспомнив свою специальность военного инженера, сам обследовал собор и написал «Покорнейшее прошение Святейшего Правительствующего Синода Первенствующему Члену Серафиму[1], Митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому», в котором описал состояние собора и изложил причины, приведшие его в ветхое состояние:

1. Грунт земли состоит из глины с большим количеством воды, близко от поверхности, из-за чего фундамент отсырел и из него ключом бьет вода,

2. на поларшина ниже земли фундамент переходит в кирпич, который от сырости пришел в состояние трухлости, которая все выше проникает в стену,

3. сырость, поднимаясь выше, уничтожала штукатурку и лепные работы,

4. сгнили балки деревянного пола,

5. иконостас обветшал — на его позолоту нужна такая же сумма, как на новый иконостас,

6. железная крыша совершенно попортилась.

По составленной смете из казны было выделено 96808 рублей 19 коп., а для проведения работ был приглашен известный придворный архитектор, академик и профессор Абрам Петрович Мельников[2]. Над иконостасом много потрудился Игнатий Малышев, бывший тогда послушником. А главный престольный образ Святыя Троицы написан был, как и писал П. П. Яковлев, выдающимся художником К. П. Брюлловым и помещен в изящный киот, устроенный по рисунку Мельникова. В 1838 г. работы были закончены, и собор оставался одним из главных украшений обители еще более 120 лет и был взорван в 1962 г.

Архимандрит Игнатий, вообще, чрезвычайно строго относился к внешнему виду возводимых строений и, соответственно, к выбору архитекторов. Вот что он писал по этому поводу оптинскому монаху Ювеналию (Половцеву[3]): «...к сожалению, случалось видеть особенно по обязанности моей — благочинного: мно-

---

[1] *Серафим* (С. В. Глаголевский; 1763–1843) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1821 г. ‖ [2] *Мельников А. П.* (1784–1854) — преподаватель архитектуры в Академии художеств, участвовал в конкурсе на проект Храма Христа Спасителя — 1-я премия; строил многие церкви; в 1818 г. — профессор архитектуры. ‖ [3] См. Настоящее издание, т. 6, с. 647.

гие настоятели объяты ненасытным желанием строиться, имеют возможность доставать деньги, не терпят участия архитектора, непременно хотят выполнить свои мечты, возводят многоценные здания, лишенные удобств, прочности, красоты, то есть всех качеств, доставляемых правильностию. Напротив чего, правильно построенные здания превосходны во всех отношениях. Таковы выстроенные в недавнее время по проекту профессора Горностаева двухэтажный храм в Валаамском Скиту и Гостиница при Валаамском монастыре. По прочности они как литые из металла, не имеют никаких украшений, но строгий характер и правильность дают им необыкновенную, весьма серьезную красоту».

Алексея Максимовича Горностаева, профессора архитектуры, и пригласил архимандрит Игнатий для дальнейших работ в Сергиевой пустыни. Биограф[1] А. М. Горностаева пишет: «...настоящая творческая деятельность Горностаева начинается с тех пор, как ему поручили постройки для Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни. <...> В конце 40-х годов встретились обстоятельства, совершенно изменившие его художественное направление, — произошел перелом. <...> он познакомился с настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием и с игуменом Валаамского монастыря[2], от которых стал получать заказы. Работая для монастырей, Алексей Максимович начал изучать с особенным вниманием памятники русской архитектуры, и талант его через это принял совершенно иное направление. ... единственно по собственной внутренней потребности взялся он за настоящий русский стиль, но был много обязан обоим архимандритам в том отношении, что они не только не помешали, но помогли ему осуществить самые задушевные стремления. А поддержка очень нужна была. В 40-х годах вся Россия обязана была строить по-тоновски. Никакой архитектор не смел предаваться вольному полету своей фантазии. ...Чтобы избавиться от Тоновского хомута... надо было проявить много уменья и ловкости, надо было обладать могучими и надежными связями. Все это было в руках у архимандрита Игнатия Брянчанинова и всем этим он сумел воспользоваться с истинным мастерством».

В Троице-Сергиевой пустыни А. М. Горностаев построил в 1844–1845 гг. две часовни, в 1851–1852 гг. — склеп для погребения членов семейства князей Гагариных.

[1] *Стасов В. В.* А. М. Горностаев. Вестник изящных искусств. СПб., 1888. С. 460. ‖ [2] О. Дамаскин — о нем см. Настоящее издание, т. 3, с. 420.

В последующие годы А. М. Горностаев был занят созданием самых крупных и значительных своих произведений. В Троице-Сергиевой пустыни это была церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. П. П. Яковлев писал о ней: «Церковь Преподобного Сергия с приделами Христа Спасителя (праздник 1 августа) и мученицы Зинаиды. Она находится на Северной стороне Монастыря, на продолжении братской трапезы и Настоятельских келлий, длиною 19-ти, шириною — 9-ти сажен. Церковь пятиглавая, каменная, без колокольни, крытая железом. Она строена по плану и фасаду Профессора архитектуры Алексея Максимовича Горностаева. Внутри она имеет разноцветный мраморный иконостас, уставлена в два ряда гранитными полированными колоннами и по своим украшениям принадлежит к зданиям древлевизантийским, в особенности храму во имя Преображения Господня, построенному на Синайской горе, в Синайском монастыре, в начале VI века Византийским Императором Иустинианом Великим. Первоначально каменная церковь во имя Преподобного Сергия устроена была на этом месте в 1758 году, вместо обветшавшей деревянной, на средства Сергиевой Лавры, а в 1854–1859 годах перестроена с основания в более пространных размерах на счет разных благотворителей и особенно княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой[1], ныне Де-Шево».

О перестройке этой церкви архимандрит Игнатий писал своему духовному другу, игумену Варфоломею, 5 октября 1854 г.: «...у нас теплая церковь Преподобного Сергия, в которой Вы были, сломана, и строится на том же самом месте новая, имеющая быть втрое больше прежней и уже приводящаяся к окончанию. Прежняя была очень тесна. Гранит найден поблизости монастыря; из него вышли прекрасные колонны; также цоколь гранитовый и дверь высечена из гранита. По милости Божией нашлись добрые люди, которые помогают в постройках». Во время перестройки теплой церкви Богослужение зимой проводилось в Соборе, который обогревался устроенными в подвале двумя пневматическими печами.

К весне 1855 г. теплая церковь вчерне была закончена, но ее отделкою начали заниматься только через год, дав ей возможность хорошо высохнуть и вымерзнуть. Отделочные работы завершались уже после отъезда епископа Игнатия в Ставрополь.

[1] Княгиня Зинаида Ивановна Юсупова пожертвовала на постройку храма 40 тысяч рублей. См.: Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. С. 37.

Освящена церковь Преподобного Сергия, писал П. П. Яковлев, «Преосвященным Митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Григорием[1] 20-го сентября 1859 года в присутствии Их Императорских Высочеств: Великого Князя Константина Николаевича и Великия Княгини Александры Иосифовны, Великого Князя Николая Константиновича, Великих Княжен Ольги и Веры Константиновн. Приделы во имя Всемилостивого Спаса и святой мученицы Зинаиды находятся в нижнем этаже. Они устроены на счет Княгини Юсуповой и Графини Елисаветы Ивановны Чернышевой (рожденной 1 августа 1808 года Графини Зотовой), супруги бывшего Господина Военного Министра. Освящены: первый 4-го июля 1857 года, второй 28-го апреля 1861 года, оба нынешним Настоятелем Архимандритом Игнатием Малышевым, под личным наблюдением которого производилось все построение храма, при руководстве бывшего Настоятеля Архимандрита Игнатия Брянчанинова. В церкви Преподобного Сергия находятся: а) на солее пред иконостасом на мраморном пьедестале сребропозлащенный, украшенный каменьями ковчег с девятью частицами разных святых мощей, принесенный 30-го апреля 1864 года в дар Сергиевой Пустыне путешественником ко святым местам А. Н. Муравьевым, получившим их от Патриарха Александрийского Иерофея и Епископа Фиваиды Никанора, и б) за правым клиросом, на пьедестале мраморная 13 $^{1}/_{2}$ вершков высоты колонна, привезенная в 1862 году, по благословению Кирилла, Патриарха Иерусалимского, известным путешественником по Святой Земле Г-м членом Государственного Совета, действительным тайным советником Авраамом Сергеевичем Норовым, из дома святых праведных Богоотцов Иоакима и Анны. На колонне находится образ Рождества Пресвятыя Богородицы. Под плитным полом обеих церквей нижнего этажа, как и всей паперти погребены многие усопшие лица».

Таким образом, благодаря удачному выбору архитектора архимандритом Игнатием, в Троице-Сергиевой пустыне появился еще один шедевр русской архитектуры. Биограф архитектора пишет о нем: «В свой базилике Горностаев явился с такими смелостями, каких никогда еще не предпринимал у нас ни один архитектор. Так, например, ряды колонн внутри базилики состоят из колонн, из которых каждая — совершенно иная, с иною капителью... Изящно и талантливо в высшей степени... Но еще выше

[1] *Григорий* (Г. П. Постников; 1784–1860) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1856 г.

и своеобразнее другое создание Горностаева, это Святые Ворота, служащие для въезда в монастырь... Это лучшее и талантливейшее произведение Горностаева».

К счастью, эти два творения А. М. Горностаева — церковь Преподобного Сергия и Святые Ворота — уцелели от погромов, которым подвергался монастырь на протяжении многих лет.

Алексей Максимович до конца дней своих (умер в 1862 г.) работал в Сергиевой пустыни, а со святителем Игнатием поддерживал дружеские и деловые отношения и после его возведения в сан Епископа Кавказского и Черноморского. Ему заказал епископ Игнатий проект церкви в Моздоке.

Похоронен Алексей Максимович Горностаев в Троице-Сергиевой пустыни. «Над прахом его сооружен изящный памятник весь из одного мраморного куска, в северном стиле, по проекту талантливого племянника и друга, Ивана Ивановича Горностаева».

Далее в Летописи П. П. Яковлева приводятся описания других строений монастыря, возведенных уже при настоятельстве архимандрита Игнатия Малышева. А затем перечисляются звездные имена тех, кто был погребен на монастырском кладбище, имена эти — слава России.

Одновременно с возобновлением и строительством храмов, говорит П. П. Яковлев в своей Летописи, «архимандрит Игнатий старался привести и богослужение в соответствующий им вид. Особое внимание уделял он церковному пению».

Церковное пение архимандрит Игнатий признавал важнейшим элементом богослужения, и в его письмах рассуждения на эту тему встречаются неоднократно: «Несколько времени, — как стала мне приходить мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устроении способна правильно, полно ощутить, — потому удовлетворительно выразить»[1].

Следует заметить, что архимандрит Игнатий обладал развитым слухом — в молодости он играл на скрипке. Но его музыкальные вкусы не совпадали с модным тогда церковным пением. Любимое им столповое пение не воспринималось уже «испорченным ухом» не только мирян, но и многими из братий

[1] С. 499.

монастырей. «Весьма справедливо, — писал он, — Святые Отцы называют наши духовные ощущения «радосто-печалием»: это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквах. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от зрения на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства — очевиден, но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в страданиях, борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию со своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении православной Церкви»[1].

Отсюда такое своеобразное впечатление от пения в других монастырях: «Не можешь себе представить, как показалось мне отвратительным московское пение с его фигурами и вариациями. Нам нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей». Также и в Лавре: «певчие с такими вариациями, что хоть вон беги из церкви».

В заботах о церковном пении архимандрит Игнатий прилагал немало усилий, подбирая способных к пению монахов и послушников. Он считал, что «...существенное достоинство инока, конечно, не составляют его голос и знание ноты! Они хороши для Богослужения церковного, когда душа не разногласит с устами». Поэтому далеко не всякий мог удовлетворить его требованиям: «Я наведывался здесь о людях, именно с крылосными способностями, но до сих пор еще ни один не пришелся мне по глазам и по сердцу. Ты не можешь себе представить, какая повсюду скудость в людях!» П. П. Яковлев пишет, что при этом все немаловажные издержки по подбору и переезду способных к пению монашествующих и послушников «большею частию падали на собственные суммы настоятеля».

Большую помощь в формировании хора оказывал Архимандриту Михаил Васильевич Чихачев, отлично знавший церковное пение и музыку и сам обладавший великолепным голосом — басом октавой. Тем не менее оба они понимали, что без сведущего учителя пения обойтись нельзя. Сам Промысл Божий, продол-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 7.

жает П. П. Яковлев в Летописи, «послал обители такого наставника пения, какого только пожелать можно. Это был отец протоиерей Петр Иванович Турчанинов. Проживая с 1835 по 1841 год в соседней Стрельне, наш знаменитый церковный композитор взял на себя, по просьбе О. Игнатия, труд обучения церковному пению сформированный О. настоятелем церковный хор и с этой целию написал для него, между прочим, несколько лучших своих музыкальных произведений. Таковы, например: Слава и ныне, Херувимская, два нумера Милость мира, Достойно есть, Отче наш, Хвалите Господа с небес, Да исправится молитва моя, Благословлю Господа, Воскресни Боже и Ангел вопияше, помещенные в 1 книге полного собрания духовно-музыкальных его произведений.

Совокупными трудами знаменитого композитора и Отца архимандрита монастырский хор вскоре возведен был на степень первого в России монастырского хора».

Отец архимандрит проявлял большую заботу о выполнявших клиросное послушание, которое он считал одним из самых трудных, приводящим иногда к потере голоса и болезням. Он ввел особый порядок участия певцов в богослужениях: «Когда некоторые из них провожали меня при отъезде моем из Святой обители вашей, зашел разговор, между прочим, о том, какому изнеможению подвергаются крылосные от своего послушания. Я, в свою очередь, поведал, что по причине этого изнеможения установлена в нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится на этих службах на крылосе, а другая не становится. На следующий день поют отдыхавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной Литургии и Всенощным приходят все. Понравилось братиям вашим распоряжение, сделанное в Сергиевой Пустыне!»[1]

И в заботах о монастырском хоре не обошли архимандрита Игнатия скорби. Вот что ему пришлось писать в 1847 г. Инспектору Придворной Капеллы П. Е. Беликову[2]:

«Милостивый Государь, Петр Егорович,

Очень я рад, что Вы полюбили моего доброго Платона; я люблю его, как сына, заботился о нем в течение пяти лет, как о родном сыне, и надеялся пожать плоды трудов моих, то есть, чтоб

[1] С. 221. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 3.

Платон был со временем, когда он созреет по летам и нравственному образованию, регентом хора Монашествующих в Сергиевой Пустыне. Посему предложение Ваше, утеша меня Вашим добрым мнением о Платоне, вместе с сим крайне огорчает тем, что я должен лишиться человека, над которым я столько трудился и для которого уделял из своего скудного содержания: потому что Платон, в течение всего сего времени имел от Монастыря одну пищу, а прочие предметы содержания своего получал из моей собственности. Меня обвиняют за то, что я прошусь из Сергиевой Пустыни! Невозможно оставаться: едва воспитаю человека, издержусь на него, едва он делается годен к делу, как берут его — и я остаюсь с потерянным трудом, потерянными понапрасну издержками.

И для Платона, по моему мнению, гораздо полезнее пожить со мной по привычке его ко мне (ибо точно он привык и сделался ко мне необыкновенно искренен) и потому, что по простоте и мягкости сердца он способен к увлечению, а по сему свойству крайне нуждается в человеке, который бы исправлял по отношению к нему должность Ангела Хранителя.

Таково мое мнение и желание; таковы мои чувства! Я их сказал Вам со всей откровенностию! Мое положение в Сергиевой Пустыне подобно садовнику, который садит и сеет, а другие приходят, вырывают и топчут посаженные и посеянные им растения! Призывая на Вас благословение Божие, с истинным почтением и преданностию имею честь быть Ваш покорнейший слуга и богомолец

Май 2-го дня 1847

Арх<имандрит> Игнатий».

К сожалению, Платона, обладавшего прекрасным голосом — баритоном, все-таки забрали из Сергиевой пустыни, и предвидение Отца архимандрита относительно его судьбы оправдалось: «Проживши несколько лет в другом обществе, — писал О. Игнатий (Малышев), — вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал: что делать? Взят он ребенком от отца-священника, теперь круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя... Отеческим обращением О. архимандрита сохранен от явной гибели человек»[1].

В последующие годы архимандриту Игнатию больше не приходилось обижаться на руководителей Придворной певческой

[1] Жизнеописание Епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1881. С. 125.

капеллы. Напротив, он близко сошелся с ее директором, Алексеем Федоровичем Львовым (1798–1870), знаменитым скрипачом, завоевавшим европейское признание, и композитором, автором гимна «Боже, Царя храни!». После назначения директором Капеллы 30 декабря 1836 г., Львов предпринял огромный труд по собиранию, изучению, разработке и гармонизации древних русских напевов. «Сохраняя в строжайшей точности эти древние несравненные напевы», он стремился к «единству их пения при богослужении», то есть не допуская «искажения, которое тогда дерзали делать разные плохие композиторы, прибавляя к этим напевам свою собственную фантазию». С этой целью он издал полный круг церковного пения на 4 голоса, и, в конце концов, преодолевая сопротивление «доморощенных знатоков и композиторов-самоучек», исходатайствовал запрещение петь в церквах сочинения, не одобренные директорами Придворной капеллы. Также Львов учредил «Регентский класс при Придворной капелле», в котором вместе с учениками Капеллы, «спавшими с голоса», регентскому искусству обучались молодые люди из всех епархий.

Как видно из приведенных выше выдержек из писем, взгляды святителя Игнатия и Львова на церковное пение совпадали. Алексей Федорович много содействовал повышению исполнительского мастерства певчих Пустыни и обучению ее регентов. Тем более, что монастырский хор в особо торжественных случаях принимал участие в выступлениях Придворной Капеллы.

Свидетельством сложившихся отношений может служить следующее письмо архимандрита Игнатия:

«Милостивый Государь! Алексей Федорович!

Примите мою сердечную признательность за доставленные Ваши книги переложений Ваших: опыт в присутствии Вашем и дальнейшие опыты доказали, что изучение их вполне удобно, как дающее правильный ход каждому голосу по напеву уже известному. Братия мои вполне поняли это, и с усердием принимаются за труд, очевидная цель которого — дать всему вообще Богослужению должную правильность и гармонию, и тем умножить благолепие оного.

Всегда был ощутителен недостаток, который Вы ныне так удовлетворительно восполнили! По церковным обиходам всем голосам предлежала одна и та же нота: делать необходимые для гармонии отступления предоставлялось на произвол каждого поющего, и каждый делал сообразно способности и познаниям

своим — иной хорош, иной худ. Последнее, по недостатку знаний и вкуса, случалось гораздо чаще первого. Теперь для каждого голоса указан верный путь! Это услуга, всю цену которой, всю важность могут понять особливо в монастырях, где Богослужение отправляется с преимущественным тщанием. Не мудрено ли, что я и все мое братство преисполнены признательности за труд, совершенный Вашим Превосходительством.

Призывая на Вас благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

1849, ноября 35 дня»[1].

На просьбу архимандрита Игнатия оказать содействие в подготовке регента для монастырского хора А. Ф. Львов 11 января 1851 г. отвечал ему:

«Ваше Высокопреподобие Милостивейший отец!

Разделяя вполне Ваше мнение, что без образованного регента никакой хор певчих не может делать успехи и исполнять правильное пение с желаемым совершенством, — с тем вместе, соображая всеблагую цель, ... я не нахожу, не токмо препятствия к принятию в число учеников назначаемого Вами для образования послушника, но уверен, что сие послужит к положительному добру для хора Вашего, и к полезнейшему примеру для других монастырей, где при всем усердии братии, они лишены всех средств образовать себя, — достичь в пении желаемого совершенства, и, наконец, быть правильными судьями в нотах, сочиняемых для богослужения в храмах Божиих.

За сим я буду ожидать уведомления Вашего, Высокопреподобнейший отец мой, когда Вам угодно будет, чтоб я вошел с формальным представлением по сему предмету.

Благоволите принять уверение в совершенном почтении и преданности, с коими честь имею быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

А. Львов»[2].

Получив этот ответ, архимандрит Игнатий обратился 23 января 1851 г. с форменным представлением к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Никанору: «В вверенной

[1] РНБ РО. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Публикация А. М. Любомудрова. | [2] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 823.

управлению моему Сергиевой Пустыни с давнего времени введено придворное пение, заключающееся прежде в Литургии и некоторых сочинениях Бортнянского[1]. Впоследствии это пение обогащено многими переложениями с церковной простой ноты, каковые переложения, сообразно вкусу посещающей Сергиеву Пустыню публики, по возможности разучивались и употреблялись хором иночествующих. При таковом развитии пения нужда в регенте, основательно знающем свое дело, сделалась крайне ощутительною. Его Превосходительство, директор Придворной Певческой Капеллы Алексей Федорович Львов, по усердию своему к Святой Обители, много способствующий мне в устроении благолепного пения, вполне разделяет сие мое мнение, убедившись в справедливости его при личном присутствии своем на спевке крылосных Сергиевой Пустыни. Из числа послушников Сергиевой Пустыни имеет особенные музыкальные способности, что усмотрено и Генералом Львовым, послушник Стефан Артамонов, окончивший курс в Курской Семинарии. По совещании с Генералом, получив словесно согласие его на обучение оного послушника в Придворной Певческой Капелле, по примеру Епархиальных регентов, я ныне получил оное и письменно. Почему я осмеливаюсь испрашивать Вашего Архипастырского разрешения и благословения на дозволение Артамонову обучаться в Придворной Певческой Капелле. При сем не лишним считаю присовокупить, что Артамонов, получа должное образование, по музыкальным способностям, соединенным с душевным настроением к монашеской внимательной жизни, может быть полезен не только специально для Сергиевой пустыни, но и вообще для Епархиального ведомства, равно как и для самого искусства, о чем и генерал Львов упоминает в конце письма своего, которое имею честь приложить здесь в подлиннике на Архипастырское благорассмотрение»[2].

Прекрасное пение певчих привлекало в Сергиеву пустынь многих любителей хорового пения, в числе которых были и известные музыканты, как, например, наш выдающийся композитор М. И. Глинка (1804–1857).

Михаил Иванович Глинка, живя в Санкт-Петербурге, конечно, бывал в Сергиевой пустыни, но его сближение с архимандритом Игнатием и те длительные беседы, о которых рассказы-

[1] *Бортнянский Дмитрий Степанович* (1751–1825) — выдающийся русский композитор. || [2] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 823.

вается в Жизнеописании Святителя, едва ли могли происходить ранее начала 1850-х гг. До этого времени, в 1830-х гг., он был слишком занят созданием своих гениальных опер: после премьеры в 1836 г. оперы «Жизнь за Царя» он на протяжении шести лет упорно трудился над созданием «Руслана и Людмилы» — премьера состоялась в 1842 г. А 1844–1848 гг. он провел за границей. Ко времени его возвращения в Санкт-Петербург в Сергиевой пустыни появился молодой послушник, Иван Григорьевич Татаринов, обладавший, по словам современников, удивительно красивым голосом – тенором, и Михаил Иванович, по просьбе архимандрита Игнатия, начал обучать его правильному пению, регентскому искусству и композиции.

Примерно в это же время Михаил Иванович серьезно увлекся старинной полифонией и начал изучать наследие Палестрины, Генделя и Баха. Он ставил перед собой задачу создания оригинальной системы русского контрапункта, что побудило его к углубленному изучению также древнерусских мелодий знаменного роспева, в которых он видел основу русской полифонии. Несомненно, что именно интерес к знаменному роспеву и явился поводом для длительных бесед его с архимандритом Игнатием. Л. И. Шестакова (1816–1906), сестра Михаила Ивановича, в своих воспоминаниях рассказывает: «В этом 1855 году, Великим постом брат хотел слышать сочиненную им перед этим церковную музыку: ектинии на обедни в три голоса и «Да исправится». Через князя Волконского устроилось так, что архимандрит Сергиевой пустыни был сам у нас и пригласил брата и меня приехать в назначенный им день в пустынь; брат был не очень здоров и ехать не мог, но отправил меня одну. С этого времени брат начал подумывать серьезно о церковной музыке и начал заниматься церковными нотами»[1]. Людмила Ивановна за давностью времени не очень точна: упоминаемые ею духовные сочинения были созданы композитором не в 1855-м, а в 1856-м г. Вероятно, Михаил Иванович хотел услышать в исполнении певчих Сергиевой пустыни какие-нибудь другие сочинения в этом роде. Может быть, именно об этом же он пишет в своем письме архимандриту Игнатию от 27 августа 1855 г.: «Я был очень нездоров, и в минуты тяжких страданий жаждал более всего удостоиться принятия Святых Таин из рук Вашего Высокопреподобия... Желания видеть Вас, получить благословение Ваше и от-

[1] *М. И. Глинка.* Литературные произведения и переписка. Т. 2. Б. М. 1977. С. 95.

раду в беседе Вашей были так сильны, что я не мог устоять против этого глубокого влечения сердца.

Сверх того, я желал сообщить Вам некоторые мои соображения насчет церковной отечественной музыки, но теперь оставляю это до приезда Ивана Григорьевича Татаринова, которого прошу по возвращении навещать меня, и тогда, сообразя еще более все, относящееся к этому предмету, буду иметь честь представить Вашему Высокопреподобию плод посильных трудов моих»[1].

В Жизнеописании Святителя рассказывается: «В продолжительных собеседованиях о духе и характере православно-церковного русского пения архимандрит Игнатий передал М. И. Глинке свои духовно-опытные воззрения по этому предмету. Глинка, сознавая истинность наблюдений и замечаний Архимандрита, просил его изложить эти мысли на бумаге, что Архимандрит и исполнил, написав статью, озаглавленную им «Христианский пастырь и христианин-художник» (см. Настоящее издание, т. 4, с. 503), в котором изложил все, что предварительно передал устно Глинке»[2].

Поиски Михаила Ивановича в этом направлении выразились в написанных им в 1856 г. «Ектинии» — для 4-хголосного смешанного хора и «Да исправится молитва моя» — для 2-х теноров и баса. Смерть (3 февраля 1857 г.) не позволила ему осуществить все свои замыслы, но они нашли воплощение в произведениях композиторов следующих поколений, например, у С. И. Танеева — «По прочтении псалма», у С. В. Рахманинова — гениальная «Всенощная» и др.

Дополнением к Летописи, в которой П. П. Яковлев говорит о наиболее важных действиях по возрождению монастыря, могут служить сведения из писем, касающиеся повседневной деятельности, также и некоторых примечательных событий. Например, в письме от 1 июля 1836 г. Павел Петрович рассказывает об утверждении Государем Императором предложения Святейшего Синода о возведении Сергиевой пустыни из второго в первый класс, а также о делах, связанных с размежеванием земли; в письме от 25 декабря 1847 г. — об установке монумента над могилой похороненного в Сергиевой пустыни митрополита Иосафата. В записке от 30 июля 1836 г. он пишет: «Самым лучшим средством было бы просить о настоянии Сухаревой Вице-Губернатору, от которого ныне зависит и ускорение, и медленность дела [о раз-

[1] *М. И. Глинка.* Литературные произведения и переписка. Т. 2. Б. М. 1977. С. 95. ‖ [2] Полное Жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 191.

межевании земли]». Интересно, что это та самая Агафоклея Марковна Сухарева, которая когда-то чинила препятствия уходу Дмитрия Александровича в монастырь, — теперь она помогала архимандриту Игнатию в его монастырских делах. Примечательна другая записка П. П. Яковлева: «Елисавета Михайловна Хитрово убедительно просит Вас вынуть часть [из ее вклада] за упокой новопреставившегося Александра Пушкина, которого тело вчера отпевали в Конюшенной церкви, а для погребения повезли в Псковской которой-то Монастырь, близ коего их Пушкиных имение».

Заканчивает Павел Петрович описание периода настоятельства архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни следующими словами: «Таким образом, в течение почти 24-летнего управления пустынею О. Архимандритом Игнатием Брянчаниновым, благодаря его неусыпным трудам, обитель была приведена в такое состояние, что сделалась предметом религиозного утешения для православных русских и удивления для иностранцев, которые во множестве стали приезжать, чтобы посмотреть на нее. <...> В 1857 году, отправляясь к месту своего нового служения, епископ Игнатий мог иметь совершенно справедливое сознание, что он честно сделал возложенное на него дело, оправдал доверие Августейшего монарха и Высшего Духовного начальства, оставив своему преемнику воссозданную им обитель, благоустроенную и цветущую. Искренними слезами, теплыми молитвами и сердечными благопожеланиями провожала его братия. Горечь разлуки услаждалась лишь мыслию, что Обитель переходит в опытные руки и что таким образом дальнейшее ее процветание вполне обеспечено».

Еще Павел Петрович вел Журнал посещений Пустыни членами Императорской фамилии. Начинает он журнал с 1834 г.:

«23 июня имели счастие видеть Его Императорское Высочество Наследника[1], приехавшего сюда с генерал-Адъютантом А. А. Кавелиным во время поздней обедни, несколько времени слушавшего оную, а потом удостоившего быть в Настоятельских келлиях... Настоятель поднес образ Преподобного Сергия и просфору. Его Высочество изволил пожаловать Монастырю 25 и для раздачи нищим 25 руб.

В конце июня месяца 1834 года Государь Наследник изволил прислать инкогнито к Настоятелю О. Архимандриту Игнатию с известием, что третьего числа июля в Александрийской, что близ

[1] Будущий Государь Император Александр II.

Петергофа, Церкви будет освящение, на которое он, Настоятель, приглашен будет, что и исполнилось.

18-го числа минувшего месяца августа в 6 часов вечера Государь Император с Государынею Императрицею и Наследником Цесаревичем, отправляясь в Петербург с соседственного нам Петергофа, удостоили здешнюю Пустыню своим посещением. Вышедши из коляски, Государь Император изволил спросить встретившегося у Святых ворот здешнего казначея: «Дома ли О. Игнатий?» — и потом: «Скажи ему, что приехал его прежний товарищ и желает его видеть»; вслед затем изволил пройти прямо в Соборную церковь, где когда Государь увидел пришедшего О. Архимандрита, то в присутствии всех нас несколько раз целовал его, потом спросил Чихачева, товарища О. Архимандрита, по прибытии коего Государь на него смотрит, узнав, обнимает и целует.

Из Церкви шествовали в Настоятельские келлии, кои ныне вновь были переделаны, так как и теплая старая церковь, между которою с Настоятельскими келлиями вновь сделана Братская трапеза. По осмотрении всего Государь изъявил свое удовольствие касательно оной постройки.

В бытность Их Величеств и Его Высочества в Настоятельских келлиях, я имел счастие быть от О. Архимандрита представленным; Государь Император удостоил несколькими о мне вопросами, заключающими совершенно отеческое попечение о каждом из его верноподданных.

По возвращении из келлий вторично в Церковь сказана была Ектения и многолетие, при пении коих Государь Император изволил сам несколько петь вместе с крылосными.

Наконец отправились в сопровождении О. Архимандрита, братии и многих петербургских Богомольцев, в то время здесь бывших, Драгоценные посетители обратно к своим экипажам. Здесь столь же искреннее последовало прощание, как и первоначальная встреча, т. е. тем кончилось, что Государь не прежде изволил сесть в коляску, как расцеловавши О. Архимандрита и Чихачева, ныне находящегося в рясофоре...»[1]

1835 год.

«15 числа сего месяца июня Его Высочество Государь Наследник Цесаревич вместе с Кадетскими Корпусами изволил проходить к Петергофу в лагерь. Едва завидев кресты Монастыря, тот-

[1] Это третий вариант рассказа об одном и том же событии: первый находится в Жизнеописании Святителя Игнатия, второй — в Записках М. В. Чихачева; все они дополняют друг друга.

час приказал музыкантам играть молитву «Коль славен наш Господь в Сионе»; увидев стоящего у Святых ворот вместе с нами О. Архимандрита, подбежал к нему и с большим участием расспрашивал о его здоровье и занятиях, сказав при этом, что «для Вас играют молитву».

Для Корпусов была дневка, почему они и расположились в соседней нам слободе, а Училище Артиллерийское с своими орудиями на полуциркульном лугу, что против монастыря (если припомнить). Командиры, офицеры, юнкера и кадеты, как знакомые с протекшего года, ознакомились ныне еще более с нами.

12-го числа сего июля месяца удостоили своим посещением Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем, Великими Княжнами Мариею, Ольгою и Александрою Николаевнами и с сестрою Ее Величества Луизою, Принцессою Нидерландскою. Изволили быть во всех здешних Церквах, настоятельских келлиях и в братской трапезе.

В течение нынешнего лета таким посещением (без Государя Наследника) удостоили троекратно.

Августейший Император прошедшим летом осчастливил посещением с Государынею Императрицею и Наследником Цесаревичем.

31-го числа сего декабря месяца угодно было Его Величеству принять О. Архимандрита вместе с братиею в Зимний Дворец. При поздравлении, как О. Архимандрит, так и вся братия имели счастие Государя Императора и Великого Князя Михаила Павловича целовать в щеку. Государыне Императрице и Великой Княгине Елене Павловне подходить к руке. В сие счастливое время Добродетельнейший Царь изволил изъявить свою волю, дабы на поправку здешней Соборной Церкви было выдано из Казначейства и Комиссии духовных училищ 100 тыс. руб, на каковую сумму в будущее лето должна работа производиться...»

«1836 года февраля 15 дня доставлен ковер, шитый по канве, в длину 1 1/2, в ширину 1/2 аршина собственных трудов Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Николаевны.

Февраля 23 дня 1836 в 12 часов утра Настоятель О. Архимандрит Игнатий имел счастие представляться Ее Императорскому Высочеству Марии Николаевне. Она выразила желание, чтобы ковер был постлан на подножие иконы Преподобного Сергия, на что Отец Игнатий возразил, что Обитель хотела бы иметь его на длительное время, а так он быстро сотрется. Тогда Мария

Николаевна пожелала, чтобы ковер постилался пред иконою в праздничные особенные дни.

По выходе Отец Игнатий встречен был Его Императорским Высочеством Наследником, который, расцеловав, изволил расспрашивать о здоровье и о перестройке Собора.

19 августа 1836 года удостоила посетить Обитель Государыня Императрица Александра Федоровна... У Настоятеля выкушала чашку чая.

21 августа 1836 года удостоили своим посещением Государыня Императрица Александра Федоровна с Великой Княжной Марией Николаевной и баронессою Фридерикс.

24 сентября 1836 года Обитель посетила Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна с дочерьми Марией, Елисаветой и Екатериной Михайловнами.

27 сентября 1836 года Отец Игнатий представлялся в Царском Селе Государыне Императрице и преподнес до 30 яблоков из монастырского сада, а Государь Император через Императрицу изволил объявить, что осенью будет в Сергиевой Пустыне.

31 декабря 1836 года О. Настоятель Сергиевой Пустыни вместе с Чихачевым, Митрополитом Серафимом и Лаврскою братиею были приняты Государем Императором».

Такие же приемы продолжались и в последующие годы.

Об одном из приемов архимандрит Игнатий рассказывает сам в письме сестре от 1 июля 1848 г.: «13 июня представлялся я в большой Петергофской придворной церкви по окончании Литургии Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице. Они были чрезвычайно ко мне милостивы. По окончании представления, при котором Государь Император осыпал меня многими выражениями милости своей и внимания, — Государыня Императрица необыкновенно кротким и величественным голосом своим говорит мне: «Чрез час будьте у меня в Александрии». В этом чудном чертоге своем Государыня Императрица изволила принять меня в своей гостиной; при ней была одна Александра Иосифовна, нареченная невеста Великого Князя Константина Николаевича, которая через четверть часа ушла. Могу только сказать, что Россия должна благодарить Бога за всех членов Царской Фамилии: они исполнены Ангельской доброты. Дай Бог, чтоб продлилось благоденствие России, пред которым теперь благоговеет и которому завидует вся Европа. — В Петербурге холера сильна; были небольшие волнения в народе: но Государь Император явил при этом

случае всегда живущее в Нем величие души, пред которым умолк и преклонил колена народ».

Государыня Императрица Александра Федоровна каждый год регулярно посещала Пустынь, в период с июня по сентябрь.

«18 июля 1855 года Государыня Императрица Александра Федоровна по прибытии из Петергофа в 7 1/2 вечера; по желанию Ее отправлена была Настоятелем соборне панихида о почившем в Бозе Государе Николае Павловиче. По окончании ее Ее Величество изволила отправиться в Стрельнинский дворец».

Ежегодно, иногда и несколько раз в году посещала Сергиеву пустыню Государыня Цесаревна Мария Николаевна, особенно почитавшая Преподобного Сергия Радонежского. Иногда она приезжала с сестрой Ольгой Николаевной. Однажды они даже пожаловали пешком из Александрии «слушать монахов-виртуозов». 23 марта 1842 г. Мария Николаевна впервые посетила Пустынь с супругом, Его Императорским Высочеством Герцогом Максимиллианом Лейхтенбергским; 8 мая 1848 года она пожаловала с детьми, Их Императорскими Высочествами Князем Николаем Максимильяновичем и Княжной Марией Максимильяновной. 15 июня 1848 г. она «удостоила Архимандрита Игнатия приглашения служить молебствие в Ново-Сергиевском загородном дворце ее по случаю получения Ее Высочеством части мощей Преподобного Сергия»[1]. В последний раз она виделась с Преосвященным Игнатием 2 ноября 1857 г., когда приехала в Сергиеву пустыню, «чтобы проститься с епископом Игнатием», как она выразилась».

В свободное от службы время посещали Пустыню Государь Наследник и его братья, Их Императорские Высочества Великие Князья Николай, Михаил и Константин Николаевичи. 28 августа 1849 г. Великий Князь Константин Николаевич привез в Сергиеву пустыню свою супругу Александру Иосифовну из соседнего Стрельнинского дворца. В последующие годы они вместе или Александра Иосифовна одна, или с вдовствующей Императрицей Александрой Федоровной, неоднократно приезжали в Пустыню. 28 июня 1853 г. Александра Федоровна и Александра Иосифовна приезжали с наследным Великим Герцогом Фридрихом Голштейн Ольденбургским. 28 мая 1854 г. Александра Иосифовна привезла в Пустыню своего сына Николая Константиновича. В последний раз при архимандрите Игнатии Брянча-

[1] По этому случаю святитель Игнатий написал статью «Благополучный день». См.: Настоящее издание, т. 4, с. 475–477.

нинове Их Императорские Высочества, Константин Николаевич и Александра Иосифовна, были в Сергиевой пустыне 7 сентября 1857 г.

«4 ноября [1857 года], по назначению вдовствующей Императрицы Александры Федоровны, епископ Игнатий ездил в Царское Село для представления Ее Величеству. Государыня изволила принимать его в своем кабинете, причем пожаловала панагию, украшенную бриллиантами и рубинами, сказав: «С соизволения Государя даю вам эту панагию в память обо мне и о покойном Государе».

Вдовствующей Императрице Александре Федоровне тяжело было расставаться с Преосвященным Игнатием, которого она знала на протяжении почти всей своей жизни в России. Впервые она узнала его в 1822 г., когда ее супруг, тогда еще Великий Князь Николай Павлович представил ей юношу, первым сдавшего вступительный экзамен в Главное Инженерное училище, и она зачислила его своим пансионером. Затем, в конце 1833 г., Государь Император привел к ней молодого игумена Игнатия, ставшего через несколько дней архимандритом и настоятелем Сергиевой пустыни. Ежегодно, иногда по нескольку раз Государыня Императрица Александра Федоровна посещала Сергиеву пустынь, слушала службу, после которой имела душеспасительную беседу с Настоятелем. В 1842 г. она пожертвовала сюда значительную сумму на устройство богатых клиросов в обновленном Троицком соборном храме. 18 февраля 1855 г. скончался Император Николай Павлович. Святитель Игнатий искренне любил его. Он писал тогда Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Рыдания, огласившие и столицу и всю Россию, делают честь и почившему Царю, и его верному народу. Особенно поучительна скорбь нынешнего Императора и та почесть любви и благоговения, которую он воздает почившему Родителю своему и которою он утешает достойнейшую Родительницу»[1]. Александра Федоровна знала об искренних чувствах архимандрита Игнатия к ее супругу. Именно в Сергиеву пустынь она приехала 18 июля, после всех официальных церемоний, отслушать по нему панихиду, которую соборне отправлял архимандрит Игнатий. И теперь, прощаясь с епископом Игнатием, с которым связано было столько дорогих воспоминаний, «она очень плакала».

«9 ноября, — продолжает Яковлев, — Епископ откланивался у Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княги-

[1] Настоящее издание. Т. 5. С. 441.

ни Александры Иосифовны в Мраморном дворце, причем имел продолжительную беседу о духовных предметах с Ее Высочеством, а 10-го в Царском Селе имел счастие откланиваться сначала у Государя[1], потом у Государыни[2] особо, на их половинах».

Государь Император Александр II, который, будучи еще Наследником, оказывал архимандриту Игнатию столько дружеского расположения, пожаловал ему по случаю возведения в сан епископа полное архиерейское облачение и тоже прослезился при прощании. Никогда они уже больше не увидятся, но свое расположение Государь сможет доказать еще раз, когда лучшим образом решится вопрос об увольнении епископа Игнатия на покой с передачей ему в управление Николо-Бабаевского монастыря. А в 1867 г. на докладе графа Д. А. Толстого о кончине Святителя он собственноручно написал: «Искренне о нем сожалею, как о старом моем знакомом».

В дальнейшем из всей Царской Фамилии святитель Игнатий увидится только с сыновьями Александра II, когда 29 июня 1863 г. Великий Князь Николай Александрович и 14 августа 1866 г. Великие Князья Александр и Владимир Александровичи навестят его в Николо-Бабаевском монастыре.

О хиротонии святителя Игнатия в его Жизнеописании рассказано, что Митрополит Григорий намеревался возвести его во Епископа в Новгороде, «и он уже готовился к этому, но вышло иначе». А через год после этого он был возведен во епископа Кавказского и Черноморского. Но в архиве П. П. Яковлева сохранилась анонимная записка об еще одном предположении или предложении: «При возведении в сан Епископа Сергиевского Настоятеля можно присвоить ему наименование Петергофского или Царскосельского, с оставлением в звании Настоятеля Сергиевой Пустыни и местопребывания в той же Обители, которую учредить Ставропигиальною, то есть вместо С.-Петербургского Митрополичьего ведомства, подчинить ее ведомству Святейшего Синода».

Нелегко было, наверное, и Павлу Петровичу расставаться со своим «многолюбезнейшим Батюшкой, Отцом Архимандритом», также и святителю Игнатию — со своим преданным другом и сотрудником. Павел Петрович был единственным мирянином на прощальном обеде, данном епископом Игнатием для присут-

[1] Государь Император Александр II. ‖ [2] Государыня Императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга Александра II.

ствующих при хиротонии архимандритов. А затем, «ноября 24-го, — пишет он, — в Церкви святой мученицы Екатерины училища Правоведения — литургия новым хиротонисованным Преосвященным Епископом Кавказским и Черноморским Игнатием Брянчаниновым, по предложению Его Императорского Высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Ноября 25-го отъезд наш с Преосвященным Игнатием из С.-Петербурга в Москву по Николаевской железной дороге.

Отдельные купе, приготовленные усердием Николая Андреевича Харичкова, сопровождавшего нас до станции Балагово, где обед и возвращение его в Петербург, а наше путешествие в Москву.

Здесь у Красных ворот квартира, приготовленная нам тем же благотворителем, Николаем Андреевичем Харичковым. Это его комнаты, занимаемые по временам в непродолжительные его пребывания там, а в отсутствие его занимаемые родным его братом.

Болезнь Владыки [епископа Игнатия]. Доклад мой Его Высокопреосвященству [Митрополиту Московскому Филарету].

Прибытие Его к болящему Владыке и предложение своего доктора.

Ноябрь 30-го отъезд наш в Троице-Сергиеву Лавру, перемена лошадей в Берлюковской пустыни, пребывание там.

Прибытие в Лавру очень поздно ночью. Ночлег наш с О. Игуменом Пименом [Угрешским] в Лаврской гостинице, а Владыки — у Вифанского О. Ректора архимандрита Игнатия.

Декабря 1-го в 9 часов в Лавре Литургия служилась О. Наместником Архимандритом[1] соборне. Прибытие из Вифании преосвященного Игнатия во время чтения Апостола. По окончании Литургии обед в братской трапезе, после чего посетил Владыка Духовную Академию.

Смеркалось; отправились обратно из Лавры при сильном ветре и вьюге снега. Владыка с Иваном Григорьевичем[2] в карете, а мы с О. Игуменом Пименом в повозке. В Берлюкове переменили лошадей и возвратились в Москву рано утром 2-го числа. Вьюга снега не переставала во всю ночь, от чего путь наш был очень затруднителен; но по милости Божией без болезненных последствий»[3].

[1] О. Антонием — о нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 699. ‖ [2] Иван Григорьевич Татаринов, будущий архимандрит Иустин — о нем см. с. 323–336. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 6.

Из сохранившейся переписки можно сделать вывод, что это было их последнее свидание. Но в архиве П. П. Яковлева сохранился документ, озаглавленный «Краткий очерк современного состояния Монастырей Санкт-Петербургской Епархии» и приписано: «Неизданное произведение. Дорогое для меня последнее благословение лично полученное от Архипастыря-Автора, Отца и Благодетеля при посещении моем Его Преосвященства в Николаевском Бабаевском Монастыре 22-го июня 1865 г.»[1].

На следующий день Павел Петрович отправился обратно в Сергиеву пустынь, а 5 декабря продолжил свой путь к новому месту службы епископ Игнатий.

Связь между ними, однако, не прерывалась. Переписка свидетельствует, что Павел Петрович продолжал выполнять отдельные поручения Преосвященного Владыки. Переписывался он и с бывшими насельниками Сергиевой пустыни, отцом Иустином (Иваном Григорьевичем Татариновым) и отцом Каллистом, заместившим его в должности письмоводителя при епископе Игнатии. Так, при назначении отца Иустина настоятелем Николо-Бабаевского монастыря, П. П. Яковлев писал ему: «Исполнение святого послушания всегда было, любезнейший Отец игумен, одним из главных Ваших правил. И ныне надеюсь, что это же чувство руководило Вас для принятия весьма нелегкого бремени настоятельства обители. Поздравляю Вас от всей души и молю Господа о помощи в трудах Ваших. Уверен, что не мечтательное утешение, а забота о благе обители занимает сердце Ваше. Дай Бог, сохранить Вам эту заботу до конца жизни; святая Обитель никогда не останется и у Вас в долгу. — Архипастырские молитвы Благодетеля и Руководителя Вашего, да помогут Вам на всем пути жизни Вашей; с ними и многотруднейшее поприще не страшно!

— Прошу взаимно молитв Ваших и благословения

Преданнейший Вам П. Яковлев

29 ноября 1861 года

Любезнейшему Алексею Петровичу[2] прошу Вас изъявить мое усерднейшее почтение. Отца Каллиста весьма благодарю за присланные строчки; все формы бумаг описей собравши, препроводил я чрез почту; вероятно получите вскоре»[3].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 16. ‖ [2] Алексей Петрович Брянчанинов — племянник Святителя. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5.

После кончины святителя Игнатия Павел Петрович собрал сведения о последних часах его жизни (эти сведения вошли в Жизнеописание Владыки), а также о похоронах. По его словам, из Бабаек телеграммой на похороны приглашались о. Архимандрит Игнатий (Малышев), Чихачев, Яковлев и о. Гедеон. Архимандрит Игнатий подал прошение митрополиту Исидору об увольнении на погребение «Духовного Отца и Благодетеля, Преосвященного епископа Игнатия». Никто, однако, не смог приехать, вероятно, потому, что преосвященный Ианафан, который руководил погребением, перенес похороны с седьмого, как было намечено, на пятое число мая.

Далее П. П. Яковлев сообщает, что «в Сергиевой Пустыни в Воскресенье расслабленного 7 мая архимандрит Игнатий (Малышев) служил соборне Литургию и панихиду.

Присутствовали: племянники родные, кавалергарды Александр и Николай Семеновичи Брянчаниновы, артиллерист Петр Дмитриевич Паренсов, Алексей Петрович Брянчанинов; Бибиковы: Елена (Свечина), Прасковья и Варвара Ильинишны; Чичерины: Александра Александровна (урожденная Шнурина), Саша Константинович, Ольга Павловна (урожденная княжна Голицына); Аскоченский Виктор Ипатьевич.

О. Гедеон не в состоянии был кончить «во блаженном успении вечный покой», точно так, как во время первой панихиды 30-го апреля 1867 г.

Последние письма Владыки:

24 апр. Князю Михаилу Дмитриевичу Волконскому

25 апр. Ивану Ильичу Глазунову

25 апр. Варваре Петровне Бибиковой

25 апр. Павлу Петровичу и в его письме: А. П. Плещеевой и С. И. Снессаревой.

9 мая во вторник С. И. Снессарева[1], возвратившись из Бабаевского монастыря, сообщила, встретившись в Воскресенском девичьем монастыре, что 1-е) Владыку похоронили в Сергиевской церкви за левым клиросом (за правым Преосвященный Самуил); 2-е) При погребении было простого народа до 5000 человек; 3-е) Погребение совершил Преосвященный Викарий Ианафан — в пятницу 5-го числа; 4-е) При кончине, в открытом каноннике оказалась 3-я утренняя молитва; 5-е) Капитала осталось после усопшего 7 копеек и долгу 70 рублей, которые поручил заплатить из имеющего получить за два месяца пенсиона».

[1] О ней см.: Настоящее издание, т. 5, с. 487.

В архиве П. П. Яковлева сохранились два письма, написанные в связи с кончиной святителя Игнатия, содержание которых говорит само за себя. Первое адресовано архимандриту Игнатию (Малышеву):

«Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Архимандрит, возлюбленнейший о Господе Брат!

Очень бы желалось лично обнять Вас, Ваше Высокопреподобие, и братски похристосоваться с Вами; но, как видно, не всем нашим желаниям суждено придти в исполнение. И вот, вместо личного свидания, христосуюсь с Вами на письме.

Поводом к ускорению письменного Христосования послужила горестная весть об утрате драгоценного и незабвенного Отца Архипастыря, Преосвященного Епископа Игнатия. Этой вестью, Ваше Высокопреподобие, я глубоко поражен, и с первого раза не поверил, доколе за Литургиею 6 мая в Митрополичьей Крестовой церкви не услышал провозглашения и самого имени усопшего на заупокойной Ектении. Тут-то горько поплакал, и до сего дня поминаючи много любимого Владыку, с коим столько разделял в жизни приятного, грущу.

Прошу, Ваше Высокопреподобие, успокоить и утешить меня хотя несколькими строчками о времени кончины Преосвященного и прочих ее обстоятельствах. Последнее своеручное письмо Его Преосвященства, ко мне посланное от 10 апреля, я удостоился получить в день отправки моего письма к нему — 15 апреля.

Испрашивая молитв и благословений Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Иннокентий.

7 мая 1867 СПб.

Александровское Дух. Училище

P. S. Любезному Павлу Петровичу мое Христос Воскресе»[1].

Выписка из второго письма — «настоятеля Черменецкого монастыря Отца Игумена Антония[2] к бывшему Настоятелю Нило-Сорской пустыни, а ныне казначею Сергиевой Пустыни иеромонаху О. Нектарию от 9 мая 1867 года:

1 мая уведомили меня по телеграфу о кончине Преосвященнейшего Игнатия. А накануне я благодарил его письмом за присланные последние томы его сочинений: письмо мое застало Его

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8. ‖ [2] Отец игумен Антоний (Бочков) — о нем см. Настоящее издание, т. 4, с. 565.

во гробе. Служил по новопреставленному две обедни сам и две панихиды соборне, но память о нем останется в душе моей навсегда. После Вашего Преподобного Нила Сорского Преосвященный Игнатий был вторым и, может быть, последним монашеским учителем и писателем, а по силе слова, по ясному изложению своего Аскетического учения — первым и единственным. Никто из современников не мог равняться с ним в знании Отеческих писаний. Это была живая библиотека Отцов.

Учитель плача, новый Иеремия, скончался к этому пророческому дню и последователь Преподобного Нила погребен в день его памяти. Вся седмица Мироносиц, по Евангелию Иоанна, как бы посвящена усопшим и вся Вселенская Церковь воздала эту честь новопреставленному невольно. Учение о хлебе жизни, которое так убедительно объяснял Преосвященный, читалось в тексте над Его непогребенными мощами. Верую я, что все это совершилось по небесному чину.

Сергиева пустынь, конечно, воздаст Ему свое благодарение: еще живы в ней ученики и дела усопшего»[1].

П. П. Яковлев оставался в Сергиевой пустыне до конца своих дней. Он по-прежнему выполнял обязанности письмоводителя при архимандрите Игнатии (Малышеве), занимался делопроизводством по Пустыни и благочинию, которое тоже перешло к новому Настоятелю. Но от составления журналов и отчетности по строительству новых храмов, которым интенсивно занимался Настоятель, был по старости и болезненности освобожден.

Его знали и уважали в Епархии. Для монастырского делопроизводства его авторитет был непререкаемым.

Знавшие его ближе высоко ценили его человеческие качества. Особенно трогательная дружба связывала его с игуменией Санкт-Птеребургского Воскресенского монастыря Феофанией (Готовцевой)[2], которая знала его еще 12-летним мальчиком в бытность свою в Горицком монастыре. Уже на смертном одре она призвала его и он почти безотлучно пребывал при ней до самого конца: она «передавала ему любвеобильные распоряжения по внешним делам монастыря, так как издавна привыкла пользоваться его опытными советами».

Так же Павел Петрович до самой своей кончины поддерживал отношения с родственниками своего «незабвенного батюшки».

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8. ‖ [2] О ней см. с. 171–175.

В 1875 г. к нему обратился Петр Александрович Брянчанинов: «Имею намерение предложить Вам и просить Вас, не признаете ли возможным посодействовать составлению жизнеописания покойного святителя Игнатия очертанием его служебной деятельности Настоятеля Сергиевой Пустыни и благочинного монастырей СП-бургской Епархии. Описание общее начал я составлять и дошел до поступления в Александро-Свирский монастырь.

Завтра или в среду думаю уехать в Сергиеву Пустыню, где пробуду до 23-го.

Пришлите 23-го по городской почте записочку, в которое время утра 24-го могу я застать Вас дома. Очень бы желал повидаться: Моховая ул. № 34, кв<артал> № 4-й»[1].

Павел Петрович немедленно включился в эту работу. Поскольку П. А. Брянчанинов свое описание довел до поступления Дмитрия Александровича (святителя Игнатия) в Александро-Свирский монастырь, он посчитал необходимым собрать наиболее полные сведения о его деятельности в Вологодский период и обратился за помощью к настоятелю Спасо-Каменного монастыря архимандриту Нафанаилу. 28 июля 1877 г. в Сергиеву пустыню пришел объемистый пакет: «Материалы из Архива Вологодской духовной консистории: по желанию П. П. Яковлева в копиях прислал Архимандриту Игнатию Малышеву — Вологодского Спасо-Каменного Духова Монастыря Настоятель Архимандрит Нафанаил». Павел Петрович пометил на первом листе: «Все без изъятия отношение написано собственноручно Отцом Архимандритом Нафанаилом». Среди «Материалов» была и переписка между Митрополитом Московским Филаретом и преосвященным Стефаном, Епископом Вологодским и Устюжским, в связи с переводом отца Игнатия в Санкт-Петербург. Причем, Епископ Стефан в своем письме отметил «похвальные качества и образованность в науках» молодого Игумена. Следует отметить, что «Материалы» почти полностью вошли в «Жизнеописание святителя Игнатия», но все же их можно дополнить выпиской из «Послужного списка», характеризующей как раз его «образованность»: «Обучался в Главном Инженерном училище: Закону Божию, Российскому, Французскому, Немецкому, Итальянскому и Греческому языкам, Риторике, Поэзии, Логике, Чистой математике, Начертательной Геометрии, Фортификации, Артиллерии, Тактике, Истории, Географии, Черчению, Архитек-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 9.

туре, Военно-Строительному искусству, Механике, Физике, Химии и Ситуации».

Одновременно с подготовкой материалов для составления Жизнеописания святителя Игнатия, П. П. Яковлев занимался написанием «Исторического очерка Троице-Сергиевой пустыни», который был опубликован в 1884 г. и получил положительную оценку в компетентных кругах. Петр Александрович Брянчанинов, получив «Очерк», отправил автору прочувствованное письмо:

«Многоуважаемый Павел Петрович!

Искренне благодарю Вас за добрую память Вашу, выраженную присылкою мне Вашего образцово составленного «Очерка». Читал и восхищался, как изящно накидали Вы контур той Истории Троице-Сергиевой Пустыни, которая осязательно уже вся собрана не только в подлинных документах, но и в уме систематично-мудро расположившем в самом себе, как характер, так и все изложение истории. Читаешь очерк и чувствуешь полноту самой истории, из которой, в самых живых, в самых выдающихся очертаниях тебе показываются последовательно те отметные случайности, чрез которые проходила жизнь Пустыни. Выставлены и деятели и выставлены также отметно, как и все то, чего Вы коснулись в очертаниях Ваших. В этом очерке столько достоинств, что вперед можно Вас поздравить с несомненным успехом Вашей истории, контур которой ручается за окончательное соответственное исполнение подробностей.

Еще и еще благодарю Вас за подарок, который познакомил меня с Вами очень близко и очень тепло и почтительно по всем отношениям. Эти чувства сохранит навсегда Ваш покорнейший слуга

Петр Брянчанинов.
21 февраля 1885 г.»[1]

Павел Петрович прожил почти 90 лет. До конца своих дней он поддерживал отношения с многими еще живущими друзьями святителя Игнатия и пользовался их любовью и уважением. В этом смысле весьма интересный его словесный портрет оставил граф Сергей Дмитриевич Шереметев: «После обедни в церковные и семейные праздники многие прихожане и разнообразное общество приглашались к большому завтраку в белой зале. <...>

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. №. 9.

Монахи Сергиевой пустыни, приезжавшие на Рождество и на Пасху славить Христа, всегда охотно принимались отцом моим, любившим их стройное и действительно выдающееся пение. Отдельно появлялся иногда Павел Петрович Яковлев, один из друзей покойного Архиепископа (sic) Игнатия Брянчанинова, дворянин, поступивший в монастырь Макария на Уже, долго живший потом в обители Кирилла Новоезерского и соединившийся в Сергиевой пустыни с Брянчаниновым и Чихачевым. Он был дружен со всем моим семейством. Первая жена дяди С. С. Шереметева, Варвара Петровна, урожденная княжна Горчакова писала масляными красками и сделала его портрет. Яковлев не был монахом, но носил рясу и занимался внешними делами монастыря. Бывал он и у Татьяны Васильевны[1], и у него были связи с тогдашним обществом. Он подарил мне однажды книгу «Правила св. Геннадия». Говорил он несколько изысканно и томно, закрывая глаза и часто вздыхая. Он представлялся мне всегда несколько таинственным, и с именем его связано немало воспоминаний о лицах, давно отшедших; его очень любил А. С. Норов. Он пошел в монастырь по убеждению и занял там исключительное своеобразное положение»[2].

Последние документы, написанные Павлом Петровичем, свидетельствуют, что он трудился, пока силы совсем не оставили его: до такой степени изменился его когда-то красивый, даже можно сказать, художественный почерк. Он скончался 12 декабря 1899 г. и, как пишет Л. А. Соколов, значительная часть его архива — «документы, записки и бумаги самого Яковлева, по распоряжению К. П. Победоносцева, лично знавшего и ценившего Яковлева, была забрана в Канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода». Большая часть этих документов и бумаг поныне хранится в архиве Святейшего Синода. Что касается документов более личного характера (писем и др.), которые оставались в Сергиевой пустыни, то значительная часть их утеряна навсегда, а сохранившаяся — составляет драгоценное собрание фонда самого П. П. Яковлева в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки.

---

[1] *Шлыкова-Гранатова Татьяна Васильевна* (1771–1863) — дочь крепостного, ведущая балерина в крепостном театре графов Шереметевых; вольную получила в 1803 г.; ближайшая подруга Прасковьи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой-Шереметевой; до конца дней жила с Шереметевыми, как член их семьи. ‖
[2] *Граф Сергий Шереметев.* Домашняя старина. М., 1900. Вып. 1. С. 124.

Переписка святителя Игнатия с Павлом Петровичем Яковлевым[1]

№ 1

Любезнейший о Господе Павел Петрович!

Приятнейшие Ваши строки я получил и стараюсь сколько возможно не медлить ответом, тем более, что моею обязанностию было заслужить ваш ответ.

Не буду уверять вас в том, что особенное ваше благорасположение, истинно-христианское и истинно-иноческое оставило глубокое впечатление в моем сердце, и изобразило в оном память о вас чертами, кажется, неизгладимыми. Примите с любовию слова сии, — как изображение моей благодарности, как отголосок взаимной к вам привязанности, — не как уплату долга: от долга приятного я не намерен освобождаться.

Удовлетворяя ваше одолжительное участие, хочу сказать что-нибудь о своем здоровье. Оно милосердием Божиим при помощи ближних весьма поправилось; осталась еще некоторая слабость: пройду утром какие-нибудь две верстки, а отдыхаю целый день. За пощение во время лихорадки теперь имею очень сильный аппетит. Волосы наполовину вылезли; от этого вид мой стал гораздо смиреннее и более, нежели прежде, схож на вид пустынника. Пока — живу в деревне. Мысль колеблется: не знаю, в который монастырь сунуться, дабы жительство мое в оном было попостояннее и для бедной душеньки моей пополезнее. Помышлял было о Корнильеве, а снится Семигородная; что в яве будет? Бог весть.

Впрочем, там или сям, а то твердо помню, что Павел Петрович обещал в случае своего путешествия в Вологду посетить и многогрешного Димитрия.

Желаете, чтоб написал я что-либо росписью? Отказать не хочу, не смею, не должен! — Притом и своего бы сочинения? — И на сие дерзну ради дружбы с помощью Божиею. Только потерпите немного, пока руки мои несколько поукрепяться: от слабости они еще дрожат и не могут давать чертам правильного характера; да и грудь неспособна к перенесению напряжений продолжительных.

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. Впервые была опубликована в книге: *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Странствие ко вратам вечности. М., 2001.

Знаете ли вы? Самсону возвращен паспорт, и он опять на свободе.

Сердце сердцу весть подает. Во время болезни приезжал ко мне дядя, Иван Афанасьевич Брянчанинов, бывший прошлого года в Новоезерском и вам понравившийся; зашел разговор о вашем монастыре. Старик очень вас помнит, и как он вам, так и вы ему весьма пришлись по сердцу.

Что ж наконец? Приходится отлучить мысль мою от заочного разговора с вами, дражайший о Христе Павел Петрович. Простите! С искреннею преданностию, остаюсь навсегда вашим покорнейшим слугою

Димитрий Брянчанинов.
27 Июня 1830.

P. S. Батюшка мой! Поставь своею милостию — уведомь, если случится что особенное с Мих. Васильевичем, напр., его отъезд, и проч. С днем Ангела! Даруй Боже имянинникy всего доброго.

Относительно разговора нашего о вступлении вашем в службу — постарайтесь привести поскорее в действо: ибо что-то поговаривает сам Царь о уменьшении дворян. Это я слышал наверно. Царю не нравится, что много в России бедных и бесчиновных дворян, и так все таковые находятся в опасности потерять дворянство и быть приписанными к однодворцам.

№ 2

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Благодарю Вас за то, что вы меня не забываете. Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное (ибо приобретший любовь ближнего, приобрел сокровище); тем более веселюсь и утешаюсь вашею любовию ко мне, что примечаю в ней постоянство и что она беспрестанно возрастает. Можете ли поверить, что мне от безумия моего кажется, будто духовным чувством ясно вижу ваше сердце и ощущения оного, и не нуждаюсь, чтоб кто-либо извещал мне о вас то или другое. О! потерпите мне: скажу еще нечто. Мне представляется, будто нет никого на свете, к кому бы вы чувствовали таковое расположение и такового разбора, каковое чувствуете ко мне. Не представляется ли еще чего-либо? Представляется! Но помолчу до времени.

Ныне часто имею случай беседовать с вами заочно: ибо, пользуясь уединением и свободою, составляю небольшое (од-

нако и немалое) сочинение, — хочу исполнить свое обещание и удовлетворить по силам вашему желанию.

Не удалось вам ныне побывать в Вологде? Скажите: отчего бы сатане было противиться вашему намерению? Не предчувствует ли он чего-либо? Не произойдет ли какой-либо для вас пользы от сего путешествия? Бесполезному не воспротивился бы сатана! Наконец, скажите мне: от чего торжествует душа моя и чувства мои, скачущие от веселья, не попущают мне даже писать складно, между тем сродно было бы мне печалиться о том, что лишился свидания с вами? Не вижу ли я в будущности, как в некоей дали, чего-либо меня толико радующего и восхищающего?

Помните: Исаак хотел благословить Исава, благословил Иакова; Павел ехал в Дамаск, чтоб истребить веру в Христа, а, приехав, стал проповедовать Христа; верховному Петру сказано: *егда был еси юн, поясался еси сам*[1], и проч.

За сим простите! Дай Господи вам всего доброго; молитесь о многогрешном Димитрии.

31 Авг. 1830

[1] *...когда ты был молод, то препоясывался сам* (Ин. 21. 18).

№ 3

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Поздравляю Вас с праздником наступившим и наступающим Новым Годом. Бумагу почтовую, палочку сургучу, связку калачей получил и приношу за оные благодарность. Сочинение, Богу помогающу и наставляющу, постараюсь начать, когда буря маленько поутихнет и волны поулягутся. Дело дошло было до того, что я совсем собрался отсюда ехать; но сие испугало Строителя, и он стал ко мне гораздо полегче. Если Вам угодно, то, кажется, ничто не препятствует переписать сочинение для Наумова[1]. Присылаю при сем денег, из коих покорнейше прошу купить для меня 5 фунтов сахару да бумаги писчей; ибо в сих двух вещах нуждаюсь. Подожду, потерплю, не помянет ли меня Господь, почти забытого людьми. Чувствую себя на гостинице гораздо покойнее, нежели в строительских келлиях; только теперь приезжающих не было, а если приезжающие будут, то и поневоле придется просить другой келлии.

Простите! Остаюсь навсегда Ваш преданнейший слуга

Многогрешный Димитрий.

Да семги пришлите.

1830

[1] *Наумовы, Иван Наумович и Анна Тимофеевна,* — вологодские помещики, соседи П. П. Яковлева по имению.

№ 4

Дражайший о Господе Павел Петрович!

Покорнейше благодарю Вас за доставление писем моих, которые и получил во всей исправности из рук Константина. Не знал я, что вы еще в Вологде. Представьте себе, что по отъезде вашем Сочинение у меня полилось, и если б знал я, что вы в Вологде, то оно уже было бы у вас в руках. Вышло количеством листков с главы Феогноста. Получа оное, не судите о нем по наружности, но по чувству, которое должно явиться у вас по прочтении оного: ибо наружность его несколько сурова, а содержание исполнено милосердия. Прочитав его, вы увидите, что не без промысла Божия рука моя была останавливаема столь долгое время. Слава Богу, я чувствую себя гораздо здоровее прежнего. Вместо Феодосья живет у меня виденный вами на рыбной ловле Павел, чрезвычайно ко мне приверженный. Когда захотел я его взять, то все братия (и Костя) стали меня отговаривать, называя его и плутом, и вором, и распутным; однако сердце мое говорило не то. А теперь все дивятся, что в столь короткое время он так переменился, не понимая того, что я человек заразительный. И Закхей, старей мытарем, от грешников грешник — в одну минуту переменился. Се Господи, сказал он Сердцеведцу, пол имения моего раздам нищим, и аще обидел какую-либо добродетель, то возвращу четверичным покаянием. Так и с моим чадом новым случилось и я теперь весьма им утешаюсь и ощущаю в себе над ним несравненно больше власти, нежели над Федосьем, а потому и думаю от сего последнего отказаться, тем более, что он и сам не желает у меня жить. Сделайте милость доставьте на почту письмо к Чихачеву; что недостанет в деньгах, дополните вашими, ибо присылаю свои последние, и записку сию домашним моим. Кланяйтесь усерднейше Царю Соломону. Вам кланяется Чихачев, — хочет ко мне ехать или меня перетащить к себе. Ивану Наумовичу и Анне Тимофеевне со всем их семейством усерднейший мой поклон. За сим остаюсь ваш искреннейший брат

Многогрешный Димитрий.

30 октября 1830

Строитель вам и Наумовым кланяется.

№ 5

Молитвами Святых Отцев наших
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас
Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать и радоваться о Господе. Ваше приятнейшее письмо и при оном письмо от Михаила Васильевича с 5-ю рублями я получил от Ивана Наумовича, а после от него же и чемодан с шубою и прочими вещами. Должен я благодарить вас за особенное внимание и заботливость о нуждах моих, что весьма трогает мое сердце и наполняет оное приятнейшими ощущениями. Извещаю вас, как принимающего во мне большое участие, что я решился постричься, что идет уже о мне представление в Синоде к мантии, и Архиерей дает Семигородную пустыню, из которой принужден был я выехать по причине притеснений Строителя. Весьма радуюсь сему событию, которое может доставить мне кусок хлеба, без отягощения моих родителей и прочих ближних, а для некоторых любящих меня о Господе — спокойный приют. Знаю, что и вы сему порадуетесь, от обильной вашей ко мне любви. Впрочем, предвидится сначала и некоторый труд, по причине малого количества благонамеренных из числа братии. Слава Богу, что ваше здоровье находится в лучшем состоянии, желаю и впредь вам здравствовать душевно и телесно. С приезда в Вологду я чувствую себя хуже, и по всему замечаю, что климат Семигородной особенно здоров.

Дядюшке Дмитрию Ивановичу[1] сказывал от вас поклон так, как и Владимиру Алексеевичу[2], который на днях женился. Писем образцовых написалось три. Дополнение к сочинению не начинал, зане от различных превратных обстоятельств смятесе мысленное око мое и сердечная тишина подернулась волнами, как поверхность воды от дунувшего ветерка. Книгу «Основания Российской словесности», сочинение Никольского, не могу вам доставить, потому что в ней нуждаются домашние, в коих я менее уверен, нежели в Вас, и потому лучше желаю огорчить Вас, нежели их.

Зачем вы трудились, дражайший мой, присылать ко мне чемодан, подушки, ложки, мешок; все это, вы сами видели, для меня было не нужно, а нужна точно одна шуба, которую надеюсь опять к вам переслать, когда Бог приведет сделаться Настоятелем; прочие же вещи по оказии к Вам перешлю ныне, кроме белья, которое, кажется, уже никуда не годится.

Наконец, остается мне, возлюбленнейший Павел Петрович, пожелать вам всех благ от Милосердого Господа и поздравить с наступающею четыредесятницею. Прощайте и многогрешного Димитрия в молитвах поминайте.

Остаюсь ваш навсегда искренно преданным и молюсь, чтоб любовь наша о Господе возрастала для общей пользы.

16 февраля 1831

[1] ***Самарин Дмитрий Иванович*** — вологодский помещик, дядя и крестный отец Дмитрия Александровича Брянчанинова.

[2] ***...Владимиру Алексеевичу...*** — Волоцкой Владимир Алексеевич — сосед и родственник Брянчаниновых.

№ 6

Молитвами Святых Отцев наших
Господи Иисусе Христе боже наш, помилуй нас
Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Не знаю, с чего начать письмо сие? Ибо чувствую себя весьма виноватым перед Вами. Точно, я виноват, столь долго замедлив ответом на ваши приятнейшие строки, обнаруживающие ваше искреннее и обильное ко мне благорасположение. Не буду оправдываться перед вами; любовь оправдывает любимого, хотя бы он был и виноват.

Свершилось! Я пострижен и посвящен в иеромонаха. Когда меня постригли, казалось мне, что я умер, когда посвятили, казалось, воскрес. Живу какою-то новою жизнию; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получил более, нежели сколько бы мог пожелать.

Не хочу описывать Вам наружных обстоятельств, сопровождавших мое пострижение и посвящение; предполагаю, — другие расскажут. Сказываю вам о себе то, чего другие о мне знать и сказать не могут: я щастлив!

Преосвященный не открывает ясно своих намерений относительно меня. Но я спокоен: полагаюсь на волю и милосердие Создателя моего и Бога.

Очень рад, если Господь сподобит меня видеть Вас осенью — время, в которое предполагаете быть в Вологде.

Видел отца Нифонта, иеродиакона вашего. С чего бы сделаться ему ко мне столь хладным; по крайней мере, мне так представилось.

Получили ль Вы письмо от Михаила Васильевича, который к Вам крайне расположен.

Пишите ко мне от времени до времени и не забывайте в святых молитвах.

Остаюсь как и был Ваш преданнейший слуга, недостойный богомолец

Иеромонах Игнатий.

11 августа 1831

И от 7 августа письмо ваше получил. Павла Стефанова я не видел: ибо в то время, как он проходил Вологду, я отлучался из оной; сказывают, он прошел в Ярославскую Епархию. Прощайте, дражайший мой! Что делается с вашим Александром Федоровичем?[1] И с вами что? Дай Бог вам всего доброго.

25 ав<густа>

Чтоб я в Питер не махнул! Доставьте мне хоть парочку четочек черненьких шерстяных Горицких, только без стеклышек.

[1] *Комаровский* — о нем см. с. 289–290.

№ 7

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать о Господе. При сем письме намерен я препроводить к Вам чемодан, но не тот, который Вы ко мне прислали, а другой, ибо сей последний и прочнее и исправнее. Также беседу мною сочиненную: сия беседа, так как и прошедшее письмо, к вам написанное, имеют правильное расположение; особенно в письме случилось употребить слог и обороты довольно удачные и для писем приличные. Благодарю покорно за четочки!

Между тем живу в Вологде; прошусь в Питербург; отпускают. Доходят до меня верные слухи, что сильно действует против меня Прилуцкий Архимандрит Евтихиан, несмотря на то, что подводил меня к пострижению и к ужасу моему и горести вижу, что всех сих несовместностей причина есть корыстолюбие. Своими же обстоятельствами я весьма доволен, и вы нашли бы меня столь же радостным, как видели в Новоезерске во время оной болезни. Верую, что вся тварь повинуется непостижимым намерениям Творца, и оные исполняет, хотя и кажется, что по-видимому оным противятся. Хорошо б, если б мог я сказать о Боге то, что сказал некто: «Любит же меня и Он, и утешения Его возвеселяют сердце мое!»

Получил от Михаила Васильевича письмо на трех листах: и меня ждет к себе, и сам сбирается ко мне, — смотря по тому, как устроятся обстоятельства. О. Нифонт между прочими своими замечаниями, заметил, что не тесно ли будет мне вместе с М. В. Я промолчал, так как и на прочие замечания ответствовал молчанием. Он, когда был у меня в первый раз, то был уже начинен. Но кто б его начинил? — Я хожу здесь только в шесть домов, из коих ни один ему не знаком. Разве Наумовы, с коими познакомился единственно ради Вас. Как Вы думаете? — Впрочем, если и поеду в Питер, то намерен дождаться зимнего пути. Может быть, Бог приведет еще Вас увидеть, а между тем остаюсь искренне любящий вас и желающий Вам всех возможных благ

Иеромонах Игнатий.
27 сент. <1831>

№ 8

Христос Воскресе!

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше поздравляю Вас с светлым праздником Воскресения Христова. Приятнейшее письмо Ваше получил, по желанию и благорасположению Вашему, уведомляю Вас о теперешнем моем житье-бытье. Приехав в монастырь, нашел все в большом расстройстве; похоронил покойного Строителя, моего предшественника, приложив для сей церемонии несколько из своего кошелька: ибо в монастыре наличной суммы было 1 рубль 33 коп. Начал помаленьку сбираться с силами и строить келлии и трапезу: ибо сии постройки состояли почти из одних развалин. Теперь живу в маленьком флигильчике, мною выстроенном; когда перешел в оный, то почувствовал ощутительное облегчение в здоровье. Пособралось несколько и братии, — в числе коих и Михайло Васильевич прилетел. Живет он в одном со мною флигеле, — ибо в оном имеется седмь келлий. Есть слухи, будто меня хотят переводить куда-то.

За сим усерднейше вам кланяюсь, также и Александру Федоровичу и остаюсь, как и был, Ваш покорнейший слуга

И<еромонах> Игнатий

При сем и я, от души благодаря, поздравляю вас с прошедшим светлым праздником и имею честь быть навсегда искренно преданный вам

Михаил Чихачев.
1832-го года 23-го апреля
Лопотов монастырь

№ 9

Возлюбленнейший о Господе
Павел Петрович!

За долгое молчание не сердитесь, простите! Уверен я, что вы скорее припишите оное моей лености и рассеянности, нежели чему-либо другому худшему. Хлопочу около своего монастырька, и помаленьку стараюсь приводить оный в хорошее состояние; мог бы надеяться с осени жить поспокойнее, ибо к сему времени должны быть отделаны Строительские келлии. А теперь весьма теснюсь, и то к щастию, что удалось выстроить флигелек о семи келлиях, из которых в одной живу, хотя не просторно, но с теплом. Очень часто бываю болен. Говорят, будто ожидает меня перемещение в Корнильев монастырь — игуменский. Братия у меня, Божиею милостию, крайне смирны; а я стараюсь к ним быть как можно милосерднее, и помнить оное евангельское слово: «Сын Человеческий не прииде да послужат Ему, но послужити». Бывый Семигородский Строитель Мелхиседек живет ныне у меня.

Михайло Васильевич уехал в Псков. Вы не вздумаете ли побывать в Вологде? За сим честь имею пребыть Ваш
нижайший богомолец

Иеромонах Игнатий.
Авг. 1832

Приложенное при сем письмецо прошу доставить О. Игнатию, иеродиакону. Александру Федоровичу скажите мое усерднейшее поклонение и благодарность за присланные им четки и параманы.

Вашему о. Игумену прошу засвидетельствовать мое почтение и за просфору благодарность, также благодетелю моему о. Сергию и прочим старцам.

№ 10

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

По последнему письмецу Вашему препровождаются к Вам тетрадки Ваши, о коих извольте услышать следующее:

1) Житие Отца Феодора Ушакова[1] и дополнение мною пересмотрено и токмо грамматические ошибки некоторые исправлены.

Потому некоторые, что все оное сочинение не по правилам писано, с смешением наречий Словенского и Российского. Но оно имеет ясность рассказа достаточную и некоторую оригинальность занимательную; только надо надписать в заглавии, что составлено

и написано самим Отцем Феофаном[2]. Тогда для всякого очень любопытно читать сочинение старца, и простый его рассказ гораздо приятнее покажется, нежели красноречие кого-либо другого.

2) К Беседам отца Феофана можно применить также сии последние слова. И потому в них постарался я только переправить грамматические ошибки.

3) Буди Вам известно, что житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено, и, как Вам угодно, но поостерегитесь хорошее заменить посредственным. Знайте, что его нравоучение, в Житии помещенное, прибавкою, мною сделанною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным, простым и сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляет всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница, аудиенции и проч. суть предметы, наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенною нравственностию, смирением и презрением всего суетного!

Как пишете Вы, что намерены быть в Костроме, то вероятно поедете через Вологду, а может, и нас, нищих, посетить вздумаете. Михайло Васильевич отправился на свою родину, погостить.

Житие Преподобного Ферапонта препровождаю к Александру Федоровичу, возлюбленнейшему по духу собрату; а Житие Феофана Соловецкого оставляю у себя с намерением заняться оным повнимательнее. Весьма недавно начал я приниматься за всякое дело; а так было ослаб, что вовсе и хозяйством монастырским перестал заниматься. Здесь имею я довольно странную судьбу: Семигородная братия ждут меня в Семигородную; Тотемская — в Тотьму, Корнильевская — в Корнильев и проч. Кажется, из бесед извлекать более нечего для помещения в Жизнеописание: в них почти повторяется все одно и то же, простенько и смиренненько. Феодора Ушакова слова гораздо резче, но и по моему грешному суждению, далече отстоят от Василисковых. За тем простите.

Ваш сердечно любящий и покорный слуга

И<еромонах> И<гнатий>.

Житие Василиска есть евангельское, мудрование его Евангельское, очищенное и просвещенное!

Сент. 1832

[1] *О. Феодор Ушаков* (в миру Иван Игнатьевич; 1718–1791) — с 1762 г. настоятель Санаксарского монастыря; одним из его учеников был Феофан Новоезерский.

[2] *Феофан* (Ф. Соколов; 1752–1832) — архимандрит и возобновитель Кирилло-Новоезерского монастыря; о нем см. с. 168–175.

№ 11

Молитвами Святых Отцев наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать о Господе. Приятнейшее письмо Ваше получил; а не писал давно к Вам, особенной нужды крайне не имея и за различными Монастырскими хлопотами, коих довольно. Тем более, что я в Вашем расположении уверен, надеюсь, что и Вы в моем также. Прощайте. О многом писать, может быть, еще и для Вас, и для меня не время. Молитв Ваших прошу и остаюсь

нижайший богомолец

И<еромонах> Игнатий.

Приписка другим почерком:

Наш монастырь каким-то скитком представляется, на манер Южных пустынь. Тихо! Безмолвно! Бесхитростно! Любовно! Радостно! Мытарево слово! Не чаем и не отчаиваемся! Блажен, кто может сказать: течем да постигнем. С нами Бог! Разумейте, покоряйтеся, языцы! Стоим ли? Пред Богом стоим! Лежим ли? С нами Бог! Силен нас поднять! Успокоюсь, почию: яко Ты, Господи, на уповании покаяния, вселил мя еси! Хотя и должен я сказать: смятеся сердце мое, когда помыслю о множестве прегрешений моих. И не вниди в суд с рабом Твоим: ибо не только умерщвленный грехами, но и живый по причине живущей в нем благодати, не оправдится пред Тобою, и правды наши судить имущем.

О! Простите моему безумию, впрочем. С нами Бог!

Приписка М. В. Чихачева:

Молитвами Святых Отцев наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Желаю Вам душевно радоваться о Господе. При сем удобном случае и я не мог преминуть дабы не изъявить моего вам усердного желания всякого блага от подателя оного Господа Бога. Молю вас изъявить от меня то же и Отцу Александру. Я же пребыть имею навсегда с искренно-сердечным моим расположением Ваш

многогрешный послушник Михаил

1833-го года Генваря 22-го дня.

№ 12

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приятнейшее письмецо Ваше получил; не знаю, найдет ли Вас сей мой ответ в преславном Новоезерске: ибо самое письмо Ваше получено мною весьма много спустя по отправлении оного Вами.

Весьма желаю Вас видеть; но не знаю, попадете ли Вы в сей далекий край. Затем простите и по-прежнему любите

Ваш усерднейший богомолец

Архимандрит Игнатий,
янв. 1834.

Приписка Павла Петровича:

Послушник Александр Федорович Комаровский просится из Кирилло-Новоезерского м-ря в Сергиеву пустыню.

№ 13

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Слава Богу! Дело о первоклассии кончено. Вчерашнего дня Государь Император Высочайше соизволил утвердить доклад Синода. Получа оный, Граф Протасов[1] от курьера, так был обрадован, что немедленно отправился к Высокопреосвященному Митрополиту Серафиму, который сей вестию чрезвычайно также был доволен. Личных объяснений их был свидетелем Андрей Николаевич, со слов коего докладываю Вам о сем предмете и усерднейше поздравляю!

По объяснении моем с Губернским землемером о ходе дела относительно земли, а также по содержанию Вашего письма к Князю Голицыну[2], он, Г<-н> Зайцев просит Вас дополнить оное письмо, для того, чтоб отвратить непременно имеющие возникнуть споры при межевании, от слов: половина и линия, назначенная карандашом, — ибо натурально, что мы будем принимать за основание свою линию, назначенную карандашом, да Депутаты крестьян будут говорить только о половине; а по сему и осмеливаюсь препроводить Вам письмо, назначенное к Князю, с тем, что не угодно ли Вам будет его дополнить, согласно содержанию записки г. Зайцева, при сем прилагаемой. Сие удобнее сделать, что подобные дополнения в Комитет Министров нередко бывают.

Вчерашнего дня явился ко мне Василий Егоров с сокрушенным сердцем, горькими слезами и отчаянным видом, во утешение свое и престарелых его родителей просит к довершению многих Ваших милостей еще одной и последней таковой же: а

именно Аттестата, коим он надеется примирить себя с родителями. Иначе боится и показаться к ним, дабы не поразить их, и без сего уже расстроенных по всем внешним обстоятельствам. Если не будет огорчительна для Вас изъясненная наша просьба, то сделайте милость, не отриньте!

Я с своей стороны не излишним считаю присовокупить, что подобный Аттестат некоторым образом нужен ему и потому, что в паспорте падучая болезнь его не упоминается. Во время же пути подобное слово отдалит сомнение от каждого, во время несчастных минут страждущего встретившего.

С истинным высокопочитанием, честь имею быть Ваш преданный сын и покорнейший слуга

П. Яковлев.

1-го июня 1836 года

Г<-н> Муравьев ходатайствовать о секретаре не только не берется, но говорит, что весьма будет много, если он не будет против него, и что пользу одной обители он не может предпочесть всем: ибо будто бы тот дерет с живого и мертвого. Не знаю, что мне остается делать? Вразумите!

[1] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) – граф, с 1836 г. Обер-прокурор Св. Синода.

[2] *Голицын Александр Николаевич* – статс-секретарь по принятию прошений.

№ 14

...Г<-н> Зайцев полагает самым лучшим средством просить о настоянии Сухаревой Вице-Губернатору, от которого ныне зависит и ускорение, и медленность дела...

П. Яковлев.

30 июля 1836 г.

№ 15

Г<-н> Мельников советует взять суммы на первый раз 50 или 60 тысяч рублей...

П. Яковлев.

2 февраля 1837 г.

№ 16

...Елисавета Михайловна Хитрово убедительнейше просит Вас вынуть часть за упокой новопреставившегося Александра

Пушкина, которого тело вчера отпевали в Конюшенной церкви, а для погребения повезли в Псковской, которой-то Монастырь, близ коего их, Пушкиных, имение...

П. Яковлев

№ 17

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Состояние Отца Геронтия[1] довольно трудно. Мое бы мнение таково: принять строительство, и по принятии уже искать освобождения по болезни, что, кажется, не неудобно сделать, а то противлением, чтоб не навлек о. Геронтий себе большого искушения, — и вместе Старцам, якобы учителям противления власти. При противлении если кто из здешних Сильных замолвит Архиерею слово, то Архиерей выставит противление, коему если потакнуть, то, пожалуй, и вся Епархия взбунтует. Таковый отзыв Архиерея будет весьма силен и пропадет последнее средство вспоможения о. Геронтию. И потому думаю принять ему начальство с покорностию и по малом времени, при помощи здешних искать увольнения, что будет похитрее и попрочнее. И Бонапарт не везде нахрапом брал, а инде и хитрость употреблял. Спросите о сем мнения у друга нашего Муравьева, а когда он своим мнением мое мнение утвердит, то немедленно Старцев известите: ибо дело такового рода, что отлагательства не терпит. Христос с Вами, дражайший мой!

23 окт. 1837

(Адрес П. П. Яковлева: в Ямской, в доме Галченкова, в квартире Сергиевой Пустыни Архимандрита с братиею.)

[1] ...*Отца Геронтия*... — О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 545.

№ 18

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

По милости Божией за Ваши Св. молитвы в обители нашей все обстоит благополучно. Я намерен доложить Вам токмо о том, что как и предуведомлены Вы о. Казначеем, — прибыл сюда 1 июня искать Вашего покровительства Новоезерский иеромонах Иаков, с билетом, данным ему до Моденского монастыря, для поступления в тамошнее братство. Представив его к Алексею Ивановичу Суслову[1], узнали, что резолюциею Преосвященного Митрополита иеромонах Иаков должен поместиться в Моденский монастырь

не навсегда, но токмо на один год, почему 5-го числа сего месяца он туда и отправился с тем же билетом, который дан ему в Монастыре Новоезерском. Предприимчивость Отца Иакова — посетить столицу без надлежащего билета, довольно необыкновенна; но по *вере* чего не бывает... а потому-то сей его поступок можно повергнуть токмо Вашему Отеческому благоснисхождению.

Третьего дня о. Аарон с о. Наместником Феофаном[2] отправились в Зеленецкий Монастырь; в тот же день уехала в Москву на несколько недель Княгиня Зинаида Петровна по делам своим. Указ о дозволении употребить остаточную Староладожского Николаевского Монастыря строительную сумму из Св. Синода к Преосвященному Митрополиту уже последовал.

Просьбу о согласии принять о. Платона Георгиева Староладожский о. Строитель подписал; на сих днях представляю ее Преосвященному Митрополиту. Из Валаама пишут, что поныне там все состоит благополучно; в прочих обителях — также. Лесную дачу о. Нафанаил преимущественно выбрал **Присыпскую**, но мы не репортуем в надежде Вашего возвращения, с нетерпением нами ожидаемого.

По делу Ивана Тимофеевича Генерал Полозов поручил мне сообщить ему те вопросные пункты, кои к нам будут присланы из Уголовной Палаты, и тогда окажет он всевозможное содействие.

Преосвященный Митрополит отпустил о. Аарона токмо на две недели; следовательно, к 25-му или 28-му числу сего месяца он возвратится.

Усерднейше прося Вашего благословения и Св. молитв, с совершенным высокопочитанием имею честь быть

Ваш

Достопочтеннейший Батюшко! преданнейший сын

П. Яковлев.

15-го июня 1839

С<анкт>П<етер>бург

По письму Сестрицы, сию минуту мною полученному, постараюсь все исполнить с надлежащею точностию и Вас немедленно уведомить.

Петр Васильевич Лесников[3], войдя ко мне в комнату, просит свидетельствовать Вам от него и от всего семейства усерднейшее почтение.

Любезнейшим о. Марку, Ивану Тимофеевичу и Саше низко кланяюсь.

[1] *Суслов А. И.* — секретарь Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима.
[2] Наместник о. Феофан (Комаровский).
[3] *Лесников Петр Васильевич* — отец И. П. Лесникова, о нем с. 620.

№ 19

Любезнейший друг! Павел Петрович!

Хотя всякое отвлечение для хода дела нашего весьма вредно; но Вы знаете, нужде пришедшей закона применение бывает. Так и ныне! Потрудитесь быть у Кн. Шаховской, взгляните на состояние экономических дел ее, составьте краткую сравнительную ведомость ее капитала, долгов и дохода, смету необходимого расхода. Она теперь в крайности, почему посоветуйтесь секретно с Иваном П. Лесниковым[1] и с Василием Антоновичем, — во-первых, о том, как помочь ей в настоящей нужде, а во-вторых (об этом единственный советник Василий Антонович, посоветовавшись с коим, можно прибегнуть к Лесникову в случае нужды) о управляющем; ибо недостаток в управляющем расстраивает ее хорошее состояние. Я слышал, что у Василия Антоновича есть братец, — впрочем, надеюсь, его ли, или другого кого Василий Антонович не откажется дать благонадежного человека, который под его надзором может быть благонадежнейшим. В первом пункте, если не найдется других средств при тщательном изыскании, отец Михаил располагается помочь. Вы можете понять, как на это трудно для меня согласиться и только при последней крайности соглашаюсь. Все сие возьмитесь сделать наисекретнейше, самым верным актом. Но хорошо бы избежать, и о последующем настрочите с верною оказиею ответ, а всего лучше в воскресение к обедни приезжайте. Что-то мне внушается по милости Божией к Василию Антоновичу большая доверенность. Помоги Вам Господи.

Ваш искреннейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.
11 дек. [1839]

[1] *Лесников Иван Петрович* — купец, в доме которого в отроческие годы служил Игнатий маленький (Малышев); был одним из благотворителей Сергиевой пустыни.

№ 20

Достопочтеннейший Батюшка! Отец Архимандрит!

Не желая упустить сегодняшней почты, спешу уведомить, что я с сопутником в Четверг на прошедшей неделе отправились из

Петербурга по Московской дороге до станции Чудово, как нам посоветовали при выдаче подорожной в Канцелярии Военного Генерал-Губернатора. Из Чудова чрез Грузино прибыли сего дня к концу поздней обедни в здешнюю Тихвинскую обитель. Дорога была, кроме некоторых песчаных мест, довольно хорошая; погода самая благоприятная. Огромные поля, засеянные хлебом, и прекрасные луга села Грузина с его окрестными селениями оставили во мне самое приятнейшее впечатление; здесь легко себе можно было представить, что время рано или позже сторицею наградит труд, подъемлемый для улучшения Сергиевского хозяйства, — тем более, что любящим Бога всё споспешествует во благое.

Здесь мы, по окончании сегодняшней обедни, только и успели сходить в Церковь приложиться к иконе Божией Матери, после чего зашли в келлию о. Архимандрита, который, приняв довольно милостиво, не забыл пригласить в братскую трапезу и позволил пробыть в монастырской гостинице до четверга.

Должен признаться, что замечание Ваше касательно того, какое произведет на меня влияние встреченные в здешнем крае предметы по многим отношениям вполне справедливо; не описываю причин тому — они лично Вами изложены мне столько ясно и так основательно, что возражать против них, значило бы противоречить истине.

Но правда, что наше путешествие до здешнего края довольно продолжительно; но если вспомните Ваше назначение ехать нам только днем, а отнюдь не ночью, тогда согласитесь, что скорее прибыть в Тихвин невозможно, в особенности, если дополню еще тем, что на станции Оскуй мы ожидали лошадей более полусуток.

Впрочем, такое неспешное путешествие имеет своего рода приятность, не говорю уже о сохранении здоровья, которое по днесь обеим нам очень благоприятствует. Кабриолет наш в хорошем состоянии и чрезвычайно успокаивает — можно сказать, балует нас.

Желал бы знать, одобрен ли рисунок клиросов собора? Цена, испрошенная подрядчиком, мне кажется самая умеренная.

Нектарий просит Вашего благословения, которым наградите, Достопочтеннейший Батюшко, и не лишите Вашими молитвами того, кто, с чувством глубочайшего почтения и преданности, имеет честь быть

Ваш искренний слуга

П. Яковлев.

16-го августа 1842

Тихв<инский> М<онасты>рь

Всем Отцам и братиям свидетельствую усердное почтение, в особенности любезнейшим о. Наместнику, о. Казначею, о. Михаилу, о. Илариону, о. Иосифу и о. Игнатию, помню очень и ревностного исполнителя своей службы уроженца града Кадникова.

Не угодно ли Вам будет покушать здешних баранок или бубликов, они мне показались довольно вкусны, а потому и отправляю их в ящике с этою же почтою на имя о. Иосифа, ибо не желаю такую малость адресовать на имя Ваше. Чтоб баранки не очень засохли, то потрудитесь поручить о. Иосифу поскорее получить их с почты и доставить к Вам. Не взыщите на Тихвинских гостинцах; чем богаты, тем и рады.

№ 21

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приношу Вам сердечную благодарность за Тихвинские баранки, которые мне очень понравились. Я, по милости Божией, здоров и довольно спокоен, равно и братия поживают благополучно. Крылоса Императрица утвердила, ей показалось необыкновенно дешево. Хлеб убран благополучно; урожай сильный. По именному повелению посылается к нам под начал протодиакон Василий Лебедев.

Прочее всё по-старому. Только в том перемена, что я начинаю Вас поджидать обратно, да и дела, Вами оставленные, требуют непременно возвращения Вашего к октябрю.

Прошу Ваших Св. молитв и остаюсь навсегда преданнейший Ваш друг

Арх<имандрит> Игнатий.

О. Нектарию — мой поклон!

7 сент. 1842

№ 22

Достопочтеннейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Напутствованный Вашим благословением доселе совершаю мое путешествие весьма благоприятно. После восьмидневного пребывания моего в Горицах, прибыл в Вологду 8-го ч<исла> с<его> месяца. В продолжение пути возродилось во мне желание побывать в Новегороде, на каковый предмет при отъезде не получил Вашего благословения, то и прошу Вас покорнейше принять труд поспешить уведомить меня: согласны ли Вы на исполнение моего желания, которое если найдете хотя несколь-

ко несовместимым с какими-нибудь известными Вам обстоятельствами, то сделайте одолжение не затруднитесь отказом; я пойму его тогда, когда Вы не будете отвечать мне на это письмо. Раскрою Вам и цель моего путешествия в Новгород. Она состоит в том, во-первых, чтоб поклониться Св. Мощам угодников Божиих, а во-вторых, видеться с Саввою Вишерским Настоятелем и Юрьевским о. Владимиром, взглянуть на их житье-бытье, в особенности на устроение первого.

Желал бы очень видеть и Графиню[1]. Пробыв здесь и в Покровском до 16-го числа с<его> м<есяца>, а в Горицах и в Новоезерском до 6 октября, обратный путь наш будет также чрез Чудов, от которого до Новгорода 70 верст, расстояние самое незначительное. Впрочем, всё это представляется Вашему благорассмотрению. С живейшим чувством глубочайшего почтения имею честь быть, прося Ваших Св. молитв и благословения

Ваш преданный слуга

П. Яковлев.

12-го сентября 1842

Вологда

Сопутник мой в настоящее время находится в Новоезерске. Завтра отправляюсь в Покровское.

Если ни в Горицах, ни в Новоезерске не встречу письма, в котором бы заключалось особенное приказание Ваше о немедленном возвращении и если настоящая хорошая погода не переменится на худшую, в таком случае предполагаю отправиться из Новоезерска к Тихвину не ближе 6 октября, согласно желания моей Старицы, которая намеревается проводить до Новоезерска. А потому адресовать письмо ко мне потрудитесь на имя о. Феофана[2] в Новоезерский монастырь, где получаются письма из Стрельны на 9-й день.

Если же по обстоятельствам замедлится на это письмо ответ Ваш, то можете адресовать ко мне на имя о. Архимандрита Иллариона в Тихвинский монастырь, где предполагаю пробыть сутки-двои.

Все семейство Наумовых свидетельствует Вам усерднейшее почтение; а я таковое же приношу всем Отцам и братиям нашим, прося их о мне молитв.

[1] *Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская* — о ней см. с. 524.

[2] *...О. Феофана...* — Комаровского.

№ 23

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Письмо Ваше от 12-го Сентября я получил и немедленно отвечаю. Распоряжайтесь Вашим путешествием, как заблагорассудите. Кажется, не предвидится особенной крайности, а если таковая случится, то я уже напишу к Вишерскому. У нас новости! Государь Император изволит требовать в С.-Петербург обоих Филаретов, Киевского и Московского, помимо Обер-Прокурора[1], который изволит вот уже два воскресенья жаловать ко мне и беседовать с такою откровенностию, что на диво. Если будете в Новегороде и увидите Графиню[2], скажите ей от меня, что благословляю ее за труды ее ради Церкви. Если же лично не увидите, то слова сии да не перейдут с письма сего никому в уши.

Наши все здоровы, все вас очень помнят, скучают об отсутствующем, собираются обрадоваться приезжему. Будьте здоровы. Христос с Вами

Друг ваш Арх<имандрит> Игнатий.
19 сент. 1842

О. Нектарию — мой поклон.

[1] Протасова.
[2] Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую.

№ 24

По 27-е число мы путешествуем благополучно. Простившись с Вами, прибыли к 12-ти часам в Ладогу. Моим спутникам в дороге всё нравилось, а мне приятно было смотреть на их любопытство — это чувство живого человека, чувство, которого нет у полуумершего. Местоположение Ладоги, ее древности, ее Волхов, ее источники, ее рыбаки, ее рыба занимали попеременно внимание приезжих. 26-го рано утром выехали в проливной дождь из Старой Ладоги и в 8-м вечера прибыли в Введенский, где застали о. Строителя больным. В течение этой дороги мои спутники были особенно веселы, а я был особенно грустен; глубока язва, нанесенная мне известным Вам лицем, ибо ядый хлебы моя возвеличи на мя запинание. Сегодня началось следствие; я послал с утра гонца в Никифоровскую пригласить о. Исаию[1]; употребил несколько времени на обзор Монастырского Хозяйства, которое, как и Ладожское, меня весьма утешило, хотя я и вижу, что оные можно еще гораздо более возвысить. Как старцы-спутешественники за мною ухаживают, как услуживают! Право, подобного внима-

ния можно ожидать от одних только ближайших родных. Как они между собою милы! Как Марк весел! Лицо его играет от радости, как весеннее солнце; извещая Вас о том, что теперь я был у вечерни и с приятностию слушал пение степенное старичков, оканчиваю сию страницу.

27-е Вечер

28-го ничего нового не воспоследствовало; но решаемся завтра ехать в Свирский на большой крытой лодке. Нет! ездили в карете и в ночь на 31-е число возвратились в Введенский, где начинаем производить наше мелочное и не заслуживающее внимания исследование сплетней, для чего весьма достаточным исследователем и весьма приличным могла бы быть Игуменья Феврония[2] с Ладожским старцем Сергием. В Свирском провел я время довольно приятно, познакомился с отцом Исаиею, который приехал со мною и в Введенский. Вчера и сегодня я повеселее и поспокойнее. Мои спутники, а особенно Марк, веселы; меня успокаивают и забавляют.

2 сентября. Сего дня кончаем следствие и намереваемся выехать в дальнейший путь к Зеленецкому. От Вас обещанного письма не получил, почему и хочу завещать отцу Израилю переслать таковое, если он получит, уже в Ладогу. Пожелав Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть Ваш навсегда преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.
1843 г.

О. Илариону и келейным моим прошу сказать мой усердный поклон и благословение. 4 часа по полудни! Посылаем за лошадьми и часов в 6 надеемся выехать.

[1] ... *О. Исаию*... — О нем см. с. 199–200.

[2] *Матушка Феврония* — в 1840-х гг. — игумения Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря.

№ 25

Высокопреподобнейший Батюшка, Отец Архимандрит!

Благодарение Господу Богу по днесь в обители нашей всё состоит мирно и благополучно в полном смысле слова. Всё это время о. Наместник и о. Казначей хлопотали с особенным усердием об устройстве бархатного голубого Сакоса, которой уже и шьется иждивением Баронессы[1]. Печи в гостиной и спальной готовы, на лестнице делают, остается выкрасить келлии.

В приятном ожидании Вашего возвращения усерднейше прошу Вашего благословения и Св. молитв, с глубочайшим высокопочитанием имеющий честь быть

Вам

Высокопреподобнейший Батюшка

преданнейший слуга

П. Яковлев.

3-го сентября 1843 г.

Сергиева пустыня

[1] ***Баронесса Фридерикс Цецилия Васильевна*** (урожденная графиня Гуровская; ум. в 1851 г.) — по смерти любимого сына, убитого на Кавказе, перешла в Православие; с 1847 г. — Статс-дама Государыни Императрицы.

№ 26

Друг мой Павел Петрович!

Письмо к Параскеве Михайловне я уже послал к Павлу Матвеевичу; в дополнение к нему присылаю просфору. В письме, поелику я узнал вчера от Павла Матвеевича о опасном состоянии здоровья Параскевы Михайловны, писано все с осторожностию.

А в прошедшем письме, в котором она собственноручно отвечала мне от 22-го Октября, я и сам подивился тому, что написалось. Видно Богу так угодно. Дарье Михайловне мой усерднейший поклон, так как и всему их почтеннейшему семейству.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

3 ноября 1843[1]

[1] См. также т. 8, с. 95.

№ 27

Любезнейший Павел Петрович!

С 3-го сентября я на Валаме; сегодня 9-е, а депутата — еще нет. Наступают осенние непогоды. Кроме того, что я не имею столько времени, чтоб напрасно гостить на Валаме, — наступают осенние бури, во время которых переезд на берега часто по целым неделям бывает невозможным. Так во время пребывания нашего в Коневце была там сильнейшая буря, так что самый пароход пришел тремя днями позже. И здесь не могут дождаться посланного в Сердоболь на почту с половины той недели. До сих пор его еще

нет. Посему я решился послать нарочного к Его Преосвященству с репортом и письмом. Последнего пером при сем к Вам препровождаю. Потрудитесь побывать у Преосвященного и получить от него ответ, хотя партикулярный, известите меня. Хорошо бы указ Консисторский, но вы знаете, что там не поспешат, и сею медленностью уничтожатся все плоды той меры, на которую мы решились, то есть своею неспешностию оставят нас на Валаме встретить октябрь месяц; а если встретим, то и препроводим.

Я оздоровел и не нахожу причин, чтоб горевать. Валам. Здесь всё идет порядочно. Составлявший записку — теорист и слишком в мрачном виде всё видел. Есть бездельницы, кои исправить должно и легко можно.

Будьте здоровы и благополучны

9 сент. 1846

Арх<имандрит> Игнатий.

Доложите Владыке, что если мы будем дожидаться непременно депутата, то можем на таковое пождание употребить целые месяца, а Вы сами знаете, сколько нужно мое присутствие в Сергиевой по постройке и по всему, также необходимо должно посетить Ладожские монастыри, особенно Сергиевский. Пусть, если хотят, пришлют своего чиновника Консисторского по прежде бывшим примерам. Если и устроится таким образом все, то я надеюсь около 20-го возвратиться в Петербург, полагая, что к 14-му возвратится сюда посланный мною. В таком случае потрудитесь попросить Лесникова, чтоб я мог побыть у них суточки, ибо желаю сходить в Петербургскую баню, после которой обыкновенно целые сутки надо мне провести в комнате. В прочие же монастыри думаю пуститься после 25-го.

№ 28

Милостивому Государю Павлу Петровичу Яковлеву

Дражайший сердцу моему Павел Петрович!

Благодарю Вас за два письма Ваши, из которых одно получил я чрез Ивана Иоакимовича Мальцова[1], а другое чрез Николая Петровича Полозова[2] по приезде моем в Ярославль. В Бабайки прибыл я 9-го августа; таким образом, выехав из Сергиевой 10-го июля, я пробыл ровно месяц в странствовании. До странствования я не охотник, но надо же было побывать там, где все бывают. Наш монастырь, Сергиева Пустыня, есть необыкновенное явление, с совершенно отличным характером среди прочих монасты-

рей такого роду. По наружности она имеет чистоту, которой нельзя встретить в другом месте; по внутреннему устроению — нигде нет такового благонамеренного братства, чуждого ханжества, безнравственности. Один у нас недостаток, и тот, если сравнивать Сергиеву Пустынь с уединенными монастырями, — это множество посетителей и развлечения. Бабаевскою обителию я очень доволен; мне отдан мезонин над Настоятельскими покоями, состоящий из четырех комнат, весьма сухих и с прекрасным видом на Волгу и заволжские села. О. Феоктист — открытого нрава, что мне очень по сердцу. Время стоит хорошее: купаюсь дважды день в Солоной, пользуюсь прогулкой и точно чудным здешним воздухом.

О деле, о котором Вы пишете, теперь ничего не должно начинать: его время после Нового Года, о чем, Бог даст, я вас извещу; теперь — приготовление, которое делают другие; а Ваше уже будет после Нового Года. Скажу Вам: место в Бабайском прекрасное, а любовь моя в Сергиевской, то есть люди, дорогие моему сердцу, в ней.

Сергия я еще не видал: потому что в Ярославле останавливался не более, как на час. Получил я письмо от Ивана Павловича Лихачева[3], которое препровождаю при сем к Наместнику. Хорошо б, если б они уплатили ему из монастырских доходов хотя тысячу асс.; да я поручаю из осенней кружки моей отдать ему две тысячи асс[игнациями]; остальное можно отдать из моей же Декабрьской. У меня здесь расход есть, но умеренный: вода очень хороша, она заменяет многое.

Напишите мне о брошюрке «Валаамский Монастырь»: какова ее судьба и в чем заключаются ее последствия.

Христос с Вами! Будьте здоровы и содействуйте к общей пользе и миру.

Ваш преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

12 августа 1847

Кн. Шихматову и многим членам К<онсисто>рии я писал письма из Москвы. Мой адрес: Ярославской губернии на станцию Тажихино. Передавайте так вопрошающим. На все напишите мне обстоятельный ответ.

[1] *...Ивана Иоакимовича Мальцова...* — О нем см. т. 8, с. 5.

[2] Николай Петрович Полозов в это время был губернским прокурором в Ярославле.

[3] *...от Ивана Павловича Лихачева ...* — Книгоиздатель.

№ 29

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит

Имея удовольствие получить приятнейшее письмо Ваше от 12-го ч. сего Августа, приношу Вам чувствительнейшую благодарность. Желаю душевно, чтоб Бабаевская Обитель послужила совершенным поправлением Вашего здоровья, столь для всех нас драгоценного; впрочем и не сумневаюсь в безошибочности Вашего предположения, избрания и исполнения, а тем более надеюсь, что Милосердый Господь утешит нас возвращением Вашим в добром устроении ослабевших сил Ваших, на поприще святого служения Вашего.

Известное Вам дело, находясь в совершенной неизвестности от всех и каждого, не имеет однако же никакого еще начала, потому что А. А.[1] выжидает благоприятнейшего времени и содержит всё в величайшем секрете. Предположено было начать при доставлении книг: «Валаамский монастырь»; но О. Н.[2] пожелал доставить их Б-се Ф-с[3] лично, для чего и был в Знаменке; отклонить сие исполнение не было никакой возможности без объяснения причины, а открыть причину находим вполне делом рановременным, а потому не безвредным. К сожалению, это личное исполнение было не совсем удачно: ибо вчера Отцом Игнатием, живописцем, получено секретное предуведомление от Б-сы, чтоб более к ним в дом не являться для того, что этой осторожности требуют их домашние обстоятельства. А-ю А-ю поручено Вам написать, что они желают Вам всех возможных благ и благодарят душевно за ответное письмо Ваше, доставившее им истинное наслаждение; просят Вас написать **для них собственно** хотя краткое **сочинение Ваше** и препровождают для кровати коврик, о котором, как и о кровати в их доме и у нас, кроме меня вовсе никто не знают. Руководствуясь сим правилом, они поручили предуведомить, что всякое сочинение или письмо Ваше будет служить их единственно утешением и наслаждением, а не украшением туалета, как случается иногда им видеть то у других. Милая их Малютка Наследница здоровьем поправляется; третьего дня была уже у Государыни Императрицы, а вчера кушала за общим столом.

В Валаамской часовне книжки продаются, но довольно еще медленно, и потому нет пока никаких последствий, кроме истинного удовольствия.

Лихачева не видал я, хотя и несколько раз был у него; но вероятно, получив он ныне в уплату около 2000 рублей ассигнац<иями>, остался очень доволен. Остальную сумму не угодно ли

Вам будет дозволить заплатить из Неокладной, а не из собственной Вашей кружки в том внимании, что в нынешнее лето при благонамереннейших Свечниках и лучшем счетоводстве, свечная кружка целою третию больше прошлогодней, между тем, как у Вас и келейные и путевые расходы.

Чтоб не стеснить в экипаже Даниила Петровича[4] с семейством, отправляю чай и коврик чрез почту.

Испрашивая Вашего благословения и Св. молитв, с чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь быть

Вам

Преданнейший слуга

П. Яковлев.

27 августа 1847-го

С<анкт>П<етер>бург

[1] *А. А.* — Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.
[2] *О. Н.* — Отец Наместник Сергиевой пустыни Игнатий (Васильев).
[3] *Б-се Ф-с* — Баронесса Фридерикс.
[4] *Даниил Петрович Полозов* — брат Н. П. Полозова, см. о нем выше.

№ 30

Любезнейший Павел Петрович!

Письмо Ваше от Даниила Петровича я получил и в то же время посылки, которые он взял в Ярославле с почты и привез ко мне. Это было 5-го. На письмо Ваше отвечаю по пунктам.

Известное обстоятельство, как говорил я Вам и опять подтверждаю, не начинайте ранее Нового Года, по весьма важным, мне известным причинам. В противном случае все будет испорчено. И я сам напишу Вам о том. Так и передайте А. А-вне. Экземпляры «Валам» я поручил доставить Б. Ф-с и так приказал пред отъездом моим Наместнику, потому что и мне там сказано было после известного Вам чтения на балконе.

От А. А-вны я получил письмо, на которое ответ при сем прилагаю, и когда Бог даст счастливую минуту, то напишу желаемое ею краткое сочинение и пришлю по почте, и потому нечего опасаться за него. Радуюсь, что Наследница их выздоровела.

Всем знакомым кланяйтесь; что же касается до возвращения моего, то скажу Вам искренно: хотелось бы провести здесь всю зиму. Чем далее, тем более убеждаюсь, что я захватил серьезную болезнь от огорчений и от простуды. Невесело пожил я, Любезнейший Павел Петрович, в Сергиевой Пустыни. При отъезде

очень утешила меня обнаружившаяся приверженность братства и знакомых; а теперь утешают вести о том, как братия ведут себя без меня. Вообще чувствую себя покрепче, но ноги болят; очень рад, что окончилось онемение, а они начали согреваться, причем открылся переходящий лом: это явно — ревматизм, почему я начал пить сассапарельный декокт, причем не выхожу из комнаты. Кроме о. Игумена никто ко мне не ходит, чем я очень доволен. Писал я к Федору Петровичу[1]; не знаю, получил ли он письмо мое. От Танеева[2] получил письмо, при котором печатный приказ о производстве в Надворные Советники![3] Надворный Советник имеет претензию на получение ордена Св. Анны 2-й степени. Сколько наград в одно время! И когда же? Когда дело идет к 70-ти годам! Об этом ни слова: благо, что утешают игрушки. Добрейший Федор Петрович взялся похлопотать о сем деле. По последним собранным сведениям, все таковые награды отложены до возвращения ревизоров, грозных ревизоров. Таковая гроза для Вологды есть Действительный Статский Советник Николай Иванович Кутузов, — в настоящее время гремящий и сверкающий в Архангельске, а недели через две-три имеющий разразиться над Вологдою. Почему Вы благоволите подействовать на грозу — отводом; говорят, отводы особенно удобно делать в болотные места; а такова-то местность С. Петербурга. О последующем потрудитесь известить. Скажите Ивану Петровичу[4] и всему их дому мой усерднейший поклон. Я обещался ему написать, что и помню твердо, но не спешу, чтоб написать поосновательнее. Прочим всем знакомым кланяйтесь: всех очень помню и благодарю за любовь. Пришлите пучок хороших лебяжьих перьев, два карандашика, да чтоб маленький Игнатий купил две пачки белой, толстой английской бумаги в известном ему магазейне, и пришлите ко мне. Кое-что пописываю, а потому и нуждаюсь в бумаге; да и 12 лебяжьих перьев Норова, бывшие у меня около 2-х лет, кончаются. Что Вы ничего не пишете о Лавре и наших в ней делах? Будьте здоровы. Христос с Вами.

Ваш преданнейший друг

А<рхимандрит> Игнатий.

7 сент. 1847

Я позволил взять 2000 из моей кружки для уплаты Лихачеву — а рассудите, и мне же что-нибудь надо.

[1] *Опочинин Федор Петрович* (1778–1852) — обер-гофмейстер, член Госсовета, директор Департамента разных податей и сборов; см. о нем т. 8, с. 83–84.

[2] О нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 788.

[3] *...в Надворные советники...* — Отца святителя Игнатия, Александра Семеновича Брянчанинова.

[4] *...Ивану Петровичу...* — Лесникову.

№ 31

Благодаря часовням имею наконец несколько строк от Вас, любезнейший Павел Петрович. Мне гораздо лучше, особливо глазам. Но слаб и все почти лежу. Мало пишу от того, что лежать надо. Мало написал от того, что всё лежал. Желаю всем братиям и знакомым всех благ. Христос с Вами.

23 окт. 1847

От Головиных получил письмо и любуюсь на него, а не отвечаю, потому что всё лежу. Передайте это им. Тороплюсь лежать. Прощайте!

№ 32

Любезнейший Павел Петрович!

Имел особенное удовольствие получить на двух листах письмо Ваше; но, к сожалению, прочитал его очень скоро. Моей руки маленькой листочек гораздо долее читаю, нежели Вашей два большие листа. За все присланное очень благодарен. Полагаю тому, что к вам никаких особенных придирок и бумаг нет — две причины: 1-я) потеря надежды меня сжить, 2-я) болезнь и слабость Митрополита, по которой викарий не думает уже о том, как бы схватить Сергиеву Пустынь себе в аренду, а как бы согреть уголок и в него убраться до нового Митрополита.

О себе скажу Вам, что я непременно воротился бы к сроку, если б болезненность моя не требовала остаться долее. Неужели Вы не видели, что около Пасхи я был при смерти болен, т. е. прошлого года. Ревматизм потряс уже все нервы, теперь он выходит, но зато лежу в онемении по целым дням, все члены тянет и вытягивает из них закоренелую простуду. Пожалуйста, по почте будьте осторожнее. Для откровенного извещения есть способ; пользуйтесь им, а по почте не пишите о расходах комисс<ионных>. Прошу известить меня о делах Невских обстоятельно: что моя просьба о выездах, что описи, кто рассматривает? Мне всё это хочется знать. Потрудитесь всё это узнать, и мне доставьте сведение не политическое, не дипломатическое, а простое, откровенное.

Всем знакомым кланяйтесь; Павла Васильевича Э<нгельгардта>[1] поздравьте с приездом. Не знаю, что такое в этом человеке заставляет его особенно любить. Скорблю на Василья Павлови-

ча, что я с ним не виделся пред моим отъездом. Деньги за экземпляры В<алаамского> М<онастыря>, думаю, еще следует выплатить в типографию К-ры, а когда пойдут избытки, то их Стефану Васильевичу Макарову[2].

Всем знакомым кланяйтесь, а не пишу, потому что ужасно слаб. И эти строки валят на бок.

Христос с Вами. Скажите братии усерднейший поклон. Побывайте у прежнего владельца часов — если он приехал в Петербург и попеняйте, что совсем забыл.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

2 ноября <1847>

[1] *Энгельгардт Павел Васильевич* (ум. в 1849) — с 1832 г. гвардии полковник в отставке; его жена Софья Григорьевна.

[2] *Макаров С. В.* — старший брат О. Игнатия (Малышева).

№ 33

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит

За приятнейшее письмо и записочку Вашу приношу Вам чувствительнейшую благодарность. Сердечно сожалею, что болезнь Ваша продолжается и душевно желаю избавиться ее, дабы скорее мы имели утешение видеть Вас. Просьба о выездах остается у Высокопреосвященного Митрополита без всякого движения и никуда не была сдана по сие время.

Описи наши на сих днях поверил с натурою вещей, со старыми описями и приходо-расходными книгами. Находящийся здесь Воронежской Семинарии Ректор О. Архимандрит Симеон — добросердечнейший и благонамереннейший Старец, найдя все в совершенном порядке, он словесно объявил уже в Консистории, что это дело (устройство описей наших) должно считать образцовым для всех Российских Обителей и сегодня составил с возвращением описей репорт, которого копию буду иметь честь Вам препроводить. В Консистории приложат к тем описям печать и возвратят к нам без промедления времени; а старые описи ныне же остаются в нашем архиве для хранения.

Дело о Богоявленском Монастыре на будущей только неделе предполагают рассматривать, отчего и нельзя знать теперь какое состоится заключение, о котором не замедлю уведомить тогда же. Вологодский гость не возвращался и ничего письменно не доносил; ему поручено еще посетить некоторый край, после чего, как полагаю, и лично и письменно он будет свиде-

тельствовать о всех и каждом. Прежний владелец часов возвратился сюда лишь 5-го числа сего месяца и обещался непременно 8-го числа отвечать на письмо Ваше. Преосв<ященный> Г<едео>н[1] тоже возвратился, но никаких сношений между нами нет по сие время. О пострижении О. Стефана в Консистории решено уже и в этом же месяце отправится в Синод. Горестный Павел В-ч[2] очень Вам кланяется; кончина милого Гриши чрезвычайно его потревожила. Бедная мать ничего еще не знает; третьего лишь дня послали уведомление; а Василий Павлович с минуты смерти брата по сие время в постеле; если позволит Ваше здоровье, то не лишите их, Батюшка, утешительными строчками, в особенности скорбную Софью Григорьевну. В Лавре все идет старое по-старому. Прошу Вашего благословения и Св. молитв, с сердечною преданностию и глубоким почтением имеющий честь быть

Вам

Покорнейший слуга

П. Яковлев

1-го декабря 1847

Серг<иева> П<усты>ня

[1] *Гедеон* (Г. И. Вишневский; 1797–1849) — архиепископ Полтавский и Переяславский.

[2] *Павел Васильевич Энгельгардт*; и далее о его сыновьях и супруге.

№ 34

Спешу известить Вас, Достопочтеннейший Отец Архимандрит, что после свидания моего с Графом, он сказал, что по состоянию определение Св. Синода о Вашей отсрочке, непременно представится Графу доложить о том Государю Императору. Почему и нужно вместе с письмами Высокопреосвященному Митрополиту и в Консисторию, прислать письмо Ваше и Графу.

Не изволите ли напечатать прилагаемое послание Ваше. Добрый и благонамеренный О. Архимандрит Симеон, взявши у меня сию тетрадку для прочтения, пожелал сделать Вам приятное и сегодня, сверх моего чаяния возвратил процензорованный с приложением надлежащей печати для того, чтобы напечатать и переслать Вам экземпляры. Не решаюсь к тому без Вашего благословения, испрашиваю его, тем более, что набор цельного печатного листа будет стоить не более 12-ти рублей серебром; а в этой тетрадочке менее чем печатный лист, составляющий 16-ть страничек.

Если будет Вам сие угодно, то потрудитесь возвратить ко мне тетрадку, которую многим весьма будет приятно видеть печатною.

Испрашивая Ваших Святых молитв и благословения с чувствами глубочайшего почтения и преданности честь имею быть Вам преданнейший

П. Яковлев.
Декабрь 19-го дня 1847
СПб.

№ 35

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Вчера поставили монумент, по распоряжению Директора Хоз. Упр. Св. Синода Павла Мих. Нов-го, над могилою Митроп<олита> Иосафата, состоящий из сердобольского четырехугольного продолговатого гранита, на котором белая мраморная доска с следующими словами: «Здесь погребено тело Высокопреосвященного Митрополита Иосафа, Архиепископа Полоцкого, скончавшегося в С.Петербурге 23-го февраля 1838 года, на 82-м году от рождения». В соборную же нашу церковь предположено устроить образ Спасителя такой точно меры, какой устроен в память Прасковьи Михайловны Толстой, для помещения на пилястру; тем сие дело, как видно, и покончится.

А. Н. Муравьев пробыл здесь по сегодняшний праздник, с коим Вас, дражайший Батюшка, имею честь усерднейше поздравить; как-то Вы его проводите? Но у нас до чрезвычайности заметно, что нет нашего доброго, радушного хозяина-отца, умеющего соединить приятное с полезным —и тем составить истинный, радостный праздник.

П. Яковлев.
25-го декабря 1847 года

№ 36

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит!

Во время пребывания в обители нашей О. О. Архимандритов Аввакума и Симеона в начале сего месяца, заметили они способности Николая Митрофанова и испытав его в пении, нашли, что он мог бы исправлять обязанности причастника в Пекине, куда снаряжается на пятилетний срок Миссия к Февралю месяцу будущего 1849 года. Желая доставить Митрофанову истин-

ную пользу, О. Аввакум, объяснившись с Товарищем Министра, ныне поручил мне снестись с Вами об этом предмете, изложив Вам следующее:

Если угодно Вам будет разрешить сие предприятие, то польза Митрофанова состоит в том, что он во 1-х изъемлется из податного состояния, во 2-х получает жалованья по 500 р<ублей> серебром в год, кроме столовых, поступающих в распоряжение тамошнего Настоятеля и в 3-х, по истечении пятилетнего срока получает ежегодно пенсии по 300 рублей серебром.

Для поддержания бедного семейства Митрофанова и для его собственного благополучия мы находим сие дело милостию небесною Промыслителя. Сам Митрофанов в восхищении. Впрочем, предоставляя Вашему Отеческому благоусмотрению, ожидаем Вашего разрешения, после коего не медля О. Аввакум должен будет распорядиться приготовлением Митрофанова в отношении изучения китайского языка и других сведений, для чего понадобится ему употребить от 8-ми до 10-ти месяцев.

За сим позвольте обратиться к Вам с предложением до меня собственно касаемом.

На сих днях получил я письмо от своей Матушки, которая убедительно просит побывать к ней в Горицкий Монастырь. Сообразив настоящее положение дел наших, нахожу, что нет у нас ничего такого, чтобы могло затруднить отъезд мой, почему и прошу Вас, дражайший Батюшко, разрешить мне утешить свою Старицу — быть может, действительно в последний раз, потому что она слаба в своем здоровье до чрезвычайности. Предпринять это путешествие я полагал бы в конце сего месяца, после сдачи всей годичной отчетности в Казенную Палату.

В ожидании Вашего разрешения, с чувством глубочайшего высокопочитания и преданности имею честь быть

Вам,
Достопочтеннейший Батюшко,
Покорнейшим слугою

П. Яковлев.
31-го декабря 1847 года
С<анкт>П<етер>бург

Его Высокопреосвященство с Лаврским братством и с о. Михаилом были сегодня для славления Христа у одного только его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича, но ни к Его Императорскому Величеству, ни к Его Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу назначений не было.

Сегодня мы с О. Наместником и О. Михаилом обедали у Кавелиных, которые Вас очень вспоминали.

Отправленная с С. Г. Энгельгардт племянница ее 12-го сего месяца скончалась в Париже. Таким образом, в течение двух недель С. Г-на лишилась милого Гриши и племянницы. Такая ей скорбь!

В Валаамской часовне по сие число в расходе всех книг 272 экземпляра; полагая за каждый 30 коп. сер<ебром>, составляет вырученной суммы 81 р<уб.> 60 коп. серебром, из числа коих доставлено по назначению О. Игнатию 75 р<уб.> серебром, остальные же 6 р<уб.> 60 коп. серебром хранятся у часовенного О. Александра.

С наступающим Новым Годом приношу Вам усерднейшее поздравление и сердечно желаю, чтоб Милосердый Господь утешил нас обновлением Вашего здоровья и спокойствием сердца, с которыми весьма тесно соединено благополучие многих душ, имеющих к Вам духовную привязанность.

№ 37

В обителях Ваших везде милостию Божиею состоит благополучно. Из числа примечательных дел: 1-е Валаамские рыбные ловли переданы уже Финляндскому Правительству; 2-е напечатан по рисунку архитектора Горностаева вид Скита со вновь построенною церковию, который вид и предполагают Валаамские старцы к Вам отправить; 3-е Епархиальным начальством разрешено устроить церковь в северо-восточной башне Коневского монастыря; 4-е при сдаче Зеленецкого монастыря о. Феофан должен был дополнить взамен израсходованных собственными до 2000 рублей серебром, без чего Казначей с старшим братством не согласились принять Монастырь. В Лавре всё старое по старому.

Опочинины, Головины, Моллер, Чичерины и Анненские поручили свидетельствовать Вам усерднейшее почтение. Исполняя сие, прошу Вас сделать милость разрешить поскорее напечатать письмо Ваше к нам: ибо устали переписывать его: — так велика потребность! Формат бумаги и шрифт печати, кажется, весьма хороши, те, кои употреблены для описания Валаамского монастыря...

П. Яковлев.
Январь 1848

№ 38

Вселюбезнейший Павел Петрович!

Вас надо мне благодарить за Ваши труды о приведении описей Сергиевой Пустыни в порядок, так как и всей ее письменной части, равно и письменной части всех монастырей С. Петербургской Епархии. Не видит этого высшее начальство, не может видеть, не хочет видеть — что до того! Видит Бог. И Ваши труды пред Ним не забыты! Хотя предмет их вещество; но Вы, занявшись веществом, дали другим время и возможность заняться предметами духовными, чего бы они не могли сделать, если б Вы не заменили их собою в трудах вещественных. И занятия о временном — прекрасны, когда они совершаются с целию Богоугождения, с целию служения ближним, ради Бога, ради святой Любви о Господе. Чрезвычайно мне нравится сделанное Апостолом уподобление общества Христианского телу человеческому, которого разные члены исполняют столь разнородные служения и действия, а все вместе составляют одно общее действие тела, и не может один член сказать другому, например, ухо глазу: ты мне не нужен.

Относительно присланного процензированного письма моего: при всей моей признательности моим истинным доброхотам — О. Архимандритам Симеону и Аввакуму — я никак не согласен на напечатание его: 1) потому что оно не тщательно обработано, как это делается с чем-либо приготовляемым к напечатанию; 2) это имело бы вид выказывания себя, чего я досель не желаю и не терплю. У меня подобных посланий накоплено на целую книгу. Когда Бог даст мне возвратиться в свое время, во время мира, по исшествии Бонапарта и усмирения Пугачева, — может быть, я решусь и на напечатание упомянутого собрания, по должной выправке и вычистке оного.

Брошюрка «Воспоминание о Бородинском монастыре» напечатана с множеством прегрубых ошибок, уничтожающих смысл и все достоинство брошюрки, которая, смею сказать, имеет достоинство «нового» по мыслям, «чистого» по слогу. Почему я бы очень был обязан, если б Вы потрудились перепечатать в числе ста экземпляров таким шрифтом, каким напечатан Вал. Монастырь с пробелами, как и тут между параграфами, с виньеточкой вверху и внизу — в роде при сем присылаемого мною листочка. «Воспоминание» по моему расчету должно занять почти 4-е страницы. Устройте мне это — и последний корректурный листочек

пришлите мне на рассмотрение. Будьте здоровы! Мне лучше и лучше!

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий
в Генваре 1848.

Безымянная Пустыня
Приложенные стихи возвратите: оне О. Игумена.

№ 39

Дорогой мой Павел Петрович!

Благодарю Вас за милые строки Ваши от 2-го марта из Кирилло-Новоезерского Монастыря. Господь, даровавший Вам совершить благополучно путь до пределов Белоезерских, да дарует также благополучно возвратиться.

Меня лекарство лечит и мучит: очень слаб; малейшее усилие в занятии, лишние пять-десять строк в письме — наказываются лихорадкою, производимою простудными мокротами, которые лекарство тянет из всего тела, особливо из ног, в желудок. По этой причине виноват пред многими в неисправных ответах на получаемые мною добрейшие письма. Потрудитесь передать мой всеусердный поклон, во-первых, почтеннейшей родительнице Вашей Матери Софии, во-вторых, достопочтенной Г-же Игумении старице Схимонахине[1], прочим о Господе знающим меня.

Здешний О. Игумен — очень добрый и открытый человек; со мною очень сошелся. Место — прездоровое и преуединенное, препростое. Нет дальних претензий.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувством сердечной преданности остаюсь навсегда

Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года марта 9-го дня

[1] Госпожа Игумения Горицкого монастыря Вологодской епархии Маврикия.

№ 40

Любезнейший Павел Петрович!

Господин Николая Маленкова приехал в Петербург и соглашается отпустить на волю его сына за известную цену, как то мне передавал отец Маленкова. Барина зовут Павел Павлович Максимович. Попросите Николая Петровича[1], чтоб он принял участие в этом обстоятельстве и склонил барина уволить Маленкова

за сообразную цену, которая была бы мне под силу. Максимович остановился в Главном Штабе близ Английского магазина. Смешон и забавен Николай! «Батюшка! как получу увольнение, то дайте мне рясофор. Один купец обещал одеть с ног до головы».

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

<1848>

[1] Полозова.

№ 41

Любезнейший Павел Петрович!

Письмо Ваше от 28-го октября получил сего 16-го ноября, в день кончины Митрополита Антония. Более недели тому назад Преосвященный Никанор возведен в сан Митрополита Новгородского, а епархия Петербургская ему отдана в управление. На днях ожидают в Петербург нового Владыку.

Мое здоровье гораздо лучше; но все еще не выхожу из комнат. Желаю и Вам полного выздоровления; здоровье — великое благо! При нем можно быть полезным и себе, и ближним; без него затруднительно то и другое.

Уведомьте, когда Вы можете выехать: потому что нужно же закончить строительное дело и отчет к нему. Тем более это нужно, что я намерен, если мое здоровье не улучшится и начальство не перестанет притеснять, проситься в Николаевский Ладожский монастырь с управлением этого монастыря. Да и для братии в нравственном отношении гораздо лучше там, чем здесь: меньше будут развлекаться и интриговать против своего Настоятеля в угождение своим страстишкам. А и эта статья здесь порядком меня уходила. И так до свиданья! Потрудитесь передать мой усерднейший поклон О. Игумену Феофану[1]. Наместник и прочие братия Вам очень кланяются. Призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

17 ноября 1848

[1] *Комаровский*; о нем см. с. 289–290.

№ 42

Дражайший Батюшко, Отец Архимандрит

Милостию Божиею за Ваши Св. молитвы здесь по сие время все состоит благополучно. По отъезде Вашем приезжала про-

ститься с Вами Пр. И. Мятлева[1] и весьма сожалела, что запоздала. — Вчера был у обедни граф Протасов с графинею и двумя незнакомыми мне дамами; стоял на хорах; долго очень разговаривал с Ф. М. Долгополовым, который, как видно, прежний его знакомый. Наконец обратился ко мне и сказал, что он очень сожалеет, что не застал Вас дома и не знал вовсе, что Вы отправились на Валаам, привез к Вам семейство, которое пожелало быть у Вас; графиня подтвердила мне то же. Вчера же заказною раннею Обеднею приобщалась Святых Таин Аполлина Михайловна Веневитинова с сестрицею Фрейлиною; поручила свидетельствовать усердное почтение и передать, что она очень рада, что Господь сподобил ее приобщиться Святых Таин в тот день, когда, вероятно, и Вы служите на Валааме Божественную Литургию. Благословенное семейство!

Вспомнил я, что Александр Александрович Кавелин, между прочим, очень огорчился на песчаную, извилистую и, по выражению его, гадкую дорогу, что от гавани до Св. ворот Коневского Монастыря. Если справедливо его замечание, то не угодно ли Вам будет сделать милость Старцу, приказавши ему устроить гладкую трамбованную, или по крайней мере выстланную мелким камнем дорогу, но совершенно прямую по методе, какую благоволите признать за лучшую.

Испрашивая Вашего благословения и Св. молитв, с чувством глубочайшего почтения и желанием Вам благополучного и скорого возвращения, имею честь быть

Вам
преданнейший слуга

Павел Яковлев.
16-го августа 1849
Сергиева пустынь

[1] *Мятлева Прасковья Ивановна* (урожденная Салтыкова; 1772–1858) — супруга тайного советника, камергера Петра Васильевича Мятлева; Статс-дама Государыни Императрицы.

№ 43

Любезнейший Павел Петрович!

Я послал нарочного к Стефану Григорьевичу, прося его известить меня, в который именно день выедет. Если он выедет в четверток, то мне надо перебраться в Лавру во вторник вечером. Думаю проехать в Валаамскую часовню и переговорить с Казначеем, а лучше пусть казначей приедет ко мне в Лавру. Арфакса-

да прикомандируйте на «Усердный» даже для пробного рейса, потому что Андрей Андреевич Жандр[1] именно говорил мне, что нужно взять сведущего шкипера на казенный пароход; казенные шкиперы не знают Ладожского озера. Будьте здоровы

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
8 июля 1850

[1]*Жандр А. А.* (1789–1873) — родственник мужа сестры святителя Игнатия, Александры Александровны Жандр; в 20-х гг. театрал и драматург, с конца 20-х гг. служил в морском ведомстве.

№ 44

Конечно, Вам неизвестно, любезнейший Павел Петрович, что наш добрейший, не имеющий себе подобного по доброте Даниил Петрович Полозов[1], опасно болен. Потрудитесь навещать их ежедневно, доколе опасность не минуется, и извещайте меня с делижансом о состоянии здоровья больного. Наш Бутузов советовал ему еще летом пустить кровь: вот она теперь и разродилась. Призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
17 ноября 1850

[1] Скончался 22 ноября 1850 г.

№ 45

Приношу Вам, любезнейший Павел Петрович, чувствительнейшую мою благодарность за присланную Вами прекрасную рыбу. Три письма Ваши (включая в это число и последнее) я получил. И отсутствуя Вы продолжаете заботиться о обители. Желаю Вам скорейшего и прочного выздоровления: Ваша болезнь серьезна, и надо от ней вылечиться радикально.

Архимандрит Игнатий.
2 февраля 1853

№ 46

Любезнейший Павел Петрович!

Есть ли надежда высвободить Серанкина, или судьба его решена? Получен указ из Консистории, разрешающий постройку предварительно одной церкви, назначены лица для комис-

сии, велено представить и архитектора. Почему я желал бы немедленно открыть комиссию и Великим постом покончить торги. Так как в нынешнем году предполагается только выстроить церковь вчерне и покрыть, на таковую работу и на лесный товар только и должны быть торги, за заготовкою бута, кирпича, цополя и извести. Почему не угодно ли Вам пожаловать с Алексеем Максимовичем[1] для обсуждения о сем, хотя во вторник.

Сегодня Великий канон. Уведомьте, к которому времени Вы приедете, чтоб мне не ждать понапрасну, что по болезни меня крайне утомляет.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.
Понедельник 22 марта 1854

[1] *...с Алексеем Максимовичем...* — Архитектор А. М. Горностаев.

№ 47

Любезнейший Павел Петрович!

Благодарю Вас за извещение о назначении меня в чреду Священнослужения, таковое назначение постараюсь в точности исполнить. Относительно же обеда у Ивана Петровича[1], то я полагаю, что лучше оный устроить в субботу: потому что в пятницу после обедни я очень устану и должен приготовиться отдыхом к вечерней панихиде, а в субботу после отпевания, отдохнув, я буду совершенно свободен. Давно б мне надо было побывать у Ивана Петровича, да болезнь и другие недосуги не по стариковским силам. Ответ можно мне доставить на квартиру Паренсовой[2], т. е. свободен ли И. П. в субботу.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.
3 марта 1855

[1] *...у Ивана Петровича...* — О нем см. с. 620.
[2] *Паренсова Елизавета Александровна* — сестра святителя Игнатия.

№ 48

Любезнейший Павел Петрович!

Сделайте одолжение потрудитесь узнать в Министерстве Внутренних Дел — сделано ли там что-либо относительно пере-

мещения Петра Александровича из Вице-Губернаторов Костромы в Вице-Губернаторы Ставрополя.

Ваш преданнейший

Недостойный Архимандрит Игнатий.

4 Октября 1855 г.

В Консистории потрудитесь наблюсти по делам Иеродиакона Гедеона Тамбовской Епархии и вдового диакона Василия Малева, желающих переместиться в Сергиеву Пустыню.

№ 49

Благодарю вас за хлопоты Ваши! Кроме Гедеона, Иеродиакона Тамбовского, просится к нам вдовый диакон Василий Малев из Нижнего Новгорода. У нас печи остановились. Рабочие Цепенникова кушают монастырский хлеб, а работают у Тайвани. Чтоб нам щетов не накатали двойных и тройных. Вы знаете аккуратность по письменной части О. Игнатия[1]. Надо Цепенникова понуждать, чтоб скорее закончил свое дело.

Ваше преданнейший

Архимандрит Игнатий.

6 окт. 1855

Остановитесь присылкою перьев: с моею экономией и этих будет на многие лета.

[1] *...О. Игнатия...* — Иеромонах Игнатий (Малышев).

№ 50

Любезнейший Павел Петрович!

Искренно благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне и прошу принять на себя труд принести мою совершенную благодарность графине Клеопатре Петровне за ее память о мне, равно как и прочим знакомым, которые вспомнят о мне. С особенною приятностию слышу отовсюду добрые вести о Сергиевой Пустыне, усердно желаю сей Обители преуспеяния, и если б представился мне случай быть для нее полезным, то я счел бы такой случай приятнейшим случаем. Я уверен, что переписка, возникшая по особенному обстоятельству относительно Сергиевской Церкви, ведена благоразумно; но вместе имею правилом не любопытствовать о действиях в ином ведомстве, почему присылка переписки этой ко мне была бы совершенно излишнею.

Будьте здоровы и благополучны. Передайте мой усерднейший поклон всей братии. Прошу их и Ваших молитв в подкрепление многих немощей моих, душевных и телесных.

Игнатий, Епископ К<авказский> и Ч<ерноморский>.
15 декабря 1858 года

№ 51

Любезнейший Павел Петрович!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за поздравление меня, грешного, с Всесвятою Пасхою, с которою Вас равным образом поздравляю, и за исполнение моего поручения пред Владимиром Петровичем[1]. У нас погода, подобная лучшим июльским дням лучшего Петербургского лета. Сады цветут.

Благословение Божие да почиет над Вами. Поручающий себя Вашей любви

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
15 апреля 1859 года

[1] Буткевич.

№ 52

Его Благородию Павлу Петровичу Яковлеву
С.-Петербургской губернии в Стрельню,
в Сергиевой Пустыне

Благодарю Вас, Павел Петрович, за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Монаршими милостями. Бог даровал мне положение, которого я давно желал, — положение столько удовлетворительное, что оно превышает даже мое желание. Будьте здоровы и благополучны! Поминайте в Ваших молитвах Вашего покорнейшего слугу.

Епископ Игнатий.
2 ноября 1861-го года

№ 53

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Преосвященству искреннейшую благодарность за приятнейшие строки Ваши от 4-го ч<исла> сего месяца. Не могу скрыть, что Богом дарованное Вам положение, при-

носит мне и многим искренно уважающим Вас лицам — утешительнейшую надежду как на улучшение Вашего здоровья, так и на душевное спокойствие, при котором многие получат неисчислимую пользу не для времени только, но и для блаженной вечности. Жизнь Вашего Преосвященства исполнена весьма многими событиями, утверждающими надежду нашу.

Усерднейше прошу святых молитв и Архипастырского благословения. Имеющий честь быть с чувством глубочайшего почтения и преданности

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший и преданнейший слуга

Павел Яковлев.
1-го ноября 1861 года
С. Петербург

№ 54

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Имея утешение получить третий и четвертый томы назидательнейших сочинений Вашего Преосвященства, приношу мою искреннейшую, сердечную благодарность за отеческую любовь и попечение Ваше.

Да наградит Вас милосердый Господь за этот истинно полезный труд для нас, грешных, равно как для всех смиренномудрых иноков и православных христиан, ищущих спасения.

Приношу Вашему Преосвященству усерднейшее поздравление с праздником Воскресения Христова; смиреннейше прошу Ваших Архипастырских молитв и благословения и имею честь быть с глубочайшим высокопочитанием и преданностию Вашего Преосвященства

Милостивого Архипастыря и Отца покорнейший и преданнейший слуга

Павел Яковлев.
17-го апреля 1867 Сергиева Пустынь
Понедельник Светлой Седмицы

№ 55

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и за поздравление с Праздником Праздников, с кото-

рым взаимно поздравляю Вас, желаю Вам всех истинных благ и приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе.

Странна судьба последней статьи 4-го тома! Нужны были 36-ть лет, чтоб ей вызреть, и потом уже появиться печатно. Теперь странно действие ее! Из полученных мною писем вижу, что она привлекла особенное внимание многих и произвела особенное впечатление на многих. Многие, с разных мест, отозвались мне, что они читают и вчитываются в нее, рыдают над ней, и каждый признает как бы написанною собственно для себя.

Имел я известие, что Илия Гаврилович опасно болен. О последствиях болезни не имею известия: и потому покорнейше прошу известить меня, в особенности, если последовала кончина; желаю, чтоб и здесь помянули его. Приложенные письма потрудитесь передать по адресу[1].

Прошу Ваших молитв и призываю на Вас благословение Божие. С чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
25 апреля 1867 года

[1] Адресаты писем поименованы на с. 599.

Письмо П. П. Яковлева к А. С. Брянчанинову, отцу святителя Игнатия[1]

Милостивый Государь!
Александр Семенович!

Прибыв благополучно в Вологду, приношу Вам чувствительнейшую благодарность за одолжение лошадей и за все Ваше искреннее расположение. С таковыми же чувствами искренней преданности и глубочайшего почтения имею честь быть

Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга

П. Яковлев.
15-го сентября 1842 г.
Вологда

Семену Александровичу свидетельствую усердное почтение.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5.

Письмо Николая Семеновича Брянчанинова, племянника святителя Игнатия, к П. П. Яковлеву[1]

Многоуважаемый Павел Петрович!

По поручению Вашему я наводил справку, где именно находится портрет покойного Преосвященного Игнатия, снятый во дни его молодости в военной форме. На днях я только что узнал, что он находится здесь, в Петербурге, у моего двоюродного брата, Алексея Петровича Брянчанинова, которому я и передал Ваше желание снять с него копию. Он хотел по этому поводу переговорить с настоятелем Сергиевской Пустыни Отцом Игнатием. Прошу извинить меня за мое долгое молчание, но причиною тому была моя переписка с Вологдою о месте нахождения означенного портрета, не подозревая вовсе, что он здесь, у Алексея Петровича.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой

Николай Брянчанинов.

3 мая 1876 г.

Адрес Алексея Петровича Брянчанинова: Моховая улица № 37, дому Сафоновых.

Письмо от письмоводителя святителя Игнатия — Каллиста к П. П. Яковлеву[2]

Многоуважаемый Павел Петрович!

Прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою, она состоит вот в чем: для здешнего монастыря нужно отпечатать Ризничные Описи, но так как усовершенствованные бланки находятся только в Вашей Пустыни, то не благоволите ли Вы прислать для форм по листочку Церковных описей как средних, так и заглавных, а также и бланок, на коих пишутся Отношения от лица Настоятеля и Пустыни, вообще всего относящегося для Канцелярии; по Вашим формочкам будут отпечатаны бланки и для здешней обители. На Кавказе Описи Церковные составлены по вашему образцу.

Когда будете отправлять, то адресуйте в г. Ярославль, а не в Нерехту, ибо письменная и всякого рода корреспонденция с 1 но-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 8. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 2.

ября перенесена в Ярославль согласно желанию Его Преосвященства.

Благодарю Вас, добрейший Павел Петрович, за память о мне, именно за приписку в письме Преосвященного.

7 ноября был здесь Петр Александрович и в этот же день уехал.

Зима у нас с 28 октября стоит чудная, снег местами в полтора аршина, а морозы доходят до 17 градусов.

Затем позвольте пожелать вам всего лучшего, остаюсь с истинным почтением и преданностию Вашим покорнейшим слугою

Каллист.

12 ноября 1861 г.

Содержание

От составителя 3

ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА С АРХИЕРЕЯМИ ЦЕРКВИ 7

I. Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский 7

Святитель Филарет Московский.
Переложение увещательной песни св. Григория Богослова 21

Письмо святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского, к Преосвященному Стефану (Романовскому), епископу Вологодскому и Устюжскому 22

Письма святителя Филарета (Дроздова), Митрополита Московского, к святителю Игнатию 23

Письма святителя Игнатия к святителю Филарету, Митрополиту Московскому 28

II. Святитель Филарет (Амфитеатров), Митрополит Киевский 32

Письма святителя Филарета (Амфитеатрова), Митрополита Киевского, к святителю Игнатию 34

III. Высокопреосвященные архиепископы Платон Костромской и Нил Ярославский 46

Письма святителя Игнатия к Высокопреосвященному Нилу (Исаковичу) 52

Приложение к статье «Высокопреосвященные Платон Костромской и Нил Ярославский».
Праздник в Ярославле 78

IV. Письма святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Антонию (Рафальскому) 81

V. Письмо святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) и ответ на него 84

VI. Письмо святителя Игнатия к епископу Венедикту (Григоровичу) 87

VII. Письмо святителя Игнатия к архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору (Чистякову) 88

VIII. Письмо Преосвященного Николая (Соколова), епископа Калужского, к святителю Игнатию Брянчанинову и ответ на него ... 94

IX. Архиепископ Ириней (Нестерович) ... 95

Письмо Преосвященного Иринея (Нестеровича) к святителю Игнатию ... 96

X. Два письма архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила (Розанова) к святителю Игнатию и ответ Святителя (на первое из них) ... 97

XI. Письма Преосвященного Феодотия (Озерова), епископа Старорусского, к святителю Игнатию ... 101

XII. Архиепископ Туркестанский и Ташкентский Софония (Сокольский) ... 103

Письмо святителя Игнатия к архимандриту Софонии (Сокольскому) ... 104

XIII. Письмо Преосвященного Смарагда (Крыжановского), архиепископа Орловского, к святителю Игнатию ... 105

XIV. Письмо святителя Игнатия к Преосвященному Алексию (Ржаницыну), епископу Тульскому ... 106

XV. Переписка святителя Феофана Затворника со святителем Игнатием ... 108

1. Письмо святителя Феофана Затворника ... 108

2. Ответ святителя Игнатия ... 110

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ И НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЕЙ ... 114

I. Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей ... 114

Письма святителя Игнатия к игумену Югской Дорофеевой пустыни Варфоломею ... 117

Приложение к разделу «Игумен Югской Дорофеевой пустыни Варфоломей».

Письма монашествующих Площанской Богородицкой Казанской пустыни к святителю Игнатию ... 160

I. Письмо казначея пустыни иеромонаха Илария ... 160

II. Письма Строителя пустыни иеромонаха Анатолия ... 162

III. Письмо послушника пустыни Николая Чистякова ... 166

IV. Письмо Никодима, епископа Орловского, к святителю Игнатию ... 167

II. Архимандрит Феофан Новоезерский и игумения Феофания (Готовцева) 168
Письмо святителя Игнатия к игумении Феофании (Готовцевой) 175
Письма архимандрита Феофана к Александре Сергеевне Готовцевой (игумении Феофании) 176
III. Архимандрит Фотий 181
Письмо архимандрита Фотия к святителю Игнатию 184
Приложения к разделу «Архимандрит Фотий» 186
Письмо святителя Игнатия к графине А. А. Орловой-Чесменской 186
Письмо святителя Игнатия к вдове Г. Р. Державина, Дарье Алексеевне 187
Постриженик архимандрита Фотия, иеромонах Аникита (Шихматов) 187
Письмо Афонского иеромонаха Аникиты к святителю Игнатию 192
IV. Друг архимандрита Игнатия Брянчанинова — отец Исаия Никифоровский 199
Письма монаха Исаии, строителя Никифоровской пустыни, к архимандриту Игнатию 201
V. Бородино 204
Письмо настоятельницы Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии к святителю Игнатию 206
Письмо святителя Игнатия к настоятельнице Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии 207
Письмо святителя Игнатия к больной старице, вступившей в Спасо-Бородинский монастырь с двумя дщерями своими 208
VI. Письмо святителя Игнатия к Ростовскому архимандриту 209
VII. Письмо архимандрита Троицко-Зеленецкого монастыря Аарона к святителю Игнатию 210
VIII. Письмо наместника Московского Симонова монастыря Феофана к святителю Игнатию 211
IX. Письмо архимандрита Костромского Богоявленского монастыря Афанасия к святителю Игнатию 212

X. Письма настоятеля Тихвинского Большого монастыря архимандрита Илариона к святителю Игнатию 213

XI. Замечание епископа Игнатия на поведание архимандрита Макария, бывшего ректора Тверской семинарии, ныне цензора, что духи злые ему сказывали, что несметное число злых духов выпущено для борьбы против Церкви православной, в единении с папизмом и магометанизмом 215

XII. Письмо святителя Игнатия к Льву Александровичу (в монашестве Леониду) Кавелину 215

XIII. Письма цензора, архимандрита Фотия, к святителю Игнатию 217

XIV. Письма святителя Игнатия к настоятелям разных монастырей 218

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К МОНАШЕСТВУЮЩИМ РАЗНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И МОНАШЕСТВУЮЩИХ К СВЯТИТЕЛЮ 241

Изречения епископа Игнатия, извлеченные из писем его к монахам 257

Письма монашествующих разных монастырей к святителю Игнатию 274

Письмо иеромонаха Гавриила 274

Письмо Строителя Черменецкого монастыря иеромонаха Серафима 275

Письмо иеромонаха Никодима 276

Письма иеромонаха Арсения Вологодского Прилуцкого монастыря 277

Письма оптинского монаха Иоанникия к святителю Игнатию 281

***Ольга Шафранова.* ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ИГНАТИЕВА** 286

Переписка святителя Игнатия с учениками 323

Письмо ученику священноиноку Сергиевской пустыни, письменно обличавшему архимандрита Игнатия в изменяемости его расположения к окружающим вообще и к нему в особенности 323

Инструкция архимандрита Игнатия наместнику и казначею Сергиевой пустыни 330

Письмо о. Феофана (Комаровского) к святителю Игнатию ... 331
Письмо святителя Игнатия к архимандриту Аполлосу (Попову) ... 333
Письма о. Аполлоса (Попова) к святителю Игнатию ... 334
Письма святителя Игнатия к наместнику Сергиевой пустыни Игнатию (Васильеву) ... 338
Воспоминания архимандрита Игнатия (Малышева) ... 390
Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) к Преосвященному Леониду (Краснопевкову) ... 401
Письма архимандрита Игнатия (Малышева) к архимандриту Леониду (Кавелину) ... 402
Письмо архимандрита Иннокентия (бывшего настоятеля Троицко-Зеленецкого монастыря) к архимандриту Игнатию (Малышеву) ... 403
Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) в город Сараево, написанное в связи с отправкой туда икон для строящегося Храма ... 404
Воззвание к русскому народу, составленное архимандритом Игнатием (Малышевым) ... 405
Письмо архимандрита Иустина (Татаринова) к архимандриту Леониду (Кавелину) ... 406
Письма П. П. Яковлева к архимандриту Иустину (Татаринову) ... 407
Письмо П. П. Яковлева к Петру Александровичу Брянчанинову ... 408
Письмо Петра Александровича Брянчанинова к П. П. Яковлеву ... 408
Письма святителя Игнатия к сестрам Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря ... 409
I. К монахине Александре Васильевне Васильевой ... 409
II. К инокине Варваре, пожелавшей вступить под духовное руководство святителя Игнатия ... 417
Письмо инокини Варвары к святителю Игнатию ... 429
III. К инокине, имя которой скрыто за инициалами Н. Д. ... 430
IV. К инокине, нуждающейся в успокоении ... 441
V. К монахине Досифее ... 447
VI. К крайне болящей инокине ... 461
Письма святителя Игнатия к игумении Вирсавии ... 463

Письма святителя Игнатия к некоему иноку Леониду, озаглавленные: «к брату, занимающемуся умною молитвою» 466

Ольга Шафранова. **МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИХАЧЕВ** 514

Письма святителя Игнатия к Михаилу Васильевичу Чихачеву (впоследствии — схимонаху Михаилу) 535

Два письма М. В. Чихачева к оптинскому иеромонаху Леониду (Кавелину) 559

Три письма М. В. Чихачева к Л. Н. Вакселю 562

Письмо М. В. Чихачева к архимандриту Аполлосу (бывшему казначею Сергиевой пустыни) 565

Ольга Шафранова. **ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ЯКОВЛЕВ** 567

Переписка святителя Игнатия с Павлом Петровичем Яковлевым 605

Письмо П. П. Яковлева к А. С. Брянчанинову, отцу святителя Игнатия 647

Письмо Николая Семеновича Брянчанинова, племянника святителя Игнатия, к П. П. Яковлеву 648

Письмо от письмоводителя святителя Игнатия — Каллиста к П. П. Яковлеву 648